

А. ФАДЕЕВ

6

А. ФАДЕЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

А. ФАДЕЕВ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

В

СЕМИ
ТОМАХ

Под общей редакцией

Е. Ф. КНИПОВИЧ, В. М. ОЗЕРОВА,
Б. Н. ПОЛЕВОГО, С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МОСКВА 1971

А. ФАДЕЕВ

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

**ТОМ
ШЕСТОЙ**

**СТАТЬИ И РЕЧИ,
РЕЦЕНЗИИ И ЗАМЕТКИ,
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1971**

Р2
Ф15

Примечания
С. Н. Преображенского

**СТАТЬИ И РЕЧИ
1948—1956**

БЕЛИНСКИЙ И НАША СОВРЕМЕННОСТЬ

1. ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ БЕЛИНСКОГО

Виссарион Григорьевич Белинский родился в 1811 году и умер в 1848 году. Его сознательная жизнь протекала в период самой глухой и зверской реакции, после разгрома восстания декабристов в 1825 году Николаем I. Это была Россия неграмотная, отсталая, придавленная крепостником-помещиком.

Но это была Россия после победоносной Отечественной войны 1812 года, Россия, в которой, при кажущейся неподвижности, многое уже сдвинулось с места. Крепостной крестьянин был уже не прежний.

«Что выдвинуло в 40-х годах на сцену мужика, что сделало из него в 50-х первое лицо в литературе?

Историки объясняют этот факт влиянием западного социализма и главным образом — влиянием романов Жорж Санд... — не без иронии писал Горький в своей «Истории русской литературы». — Но — это едва ли верно, а если верно, то лишь отчасти... интерес и внимание к нему вызвал он сам, и вызвал грубейшим образом, именно путем бунтов и волнений. Он занимался этим делом чрезвычайно усердно и все с большей энергией»¹.

---

¹ М. Горький, История русской литературы, Гослитиздат, 1939, стр. 178.

Горький приводит статистику все возрастающего числа крестьянских бунтов, начиная с 1826 года, и, остановившись на цифре 172-го бунта между 1845 и 1849 годами, справедливо заключает: «Если в течение 1460 дней мужик бунтует 172 раза, то выходит, что он бунтует каждые 9 дней по одному разу обязательно — тут уж поневоле обратишь на него внимание и без участия... Жорж Санд и прочих посторонних толчков!»

Победоносная Отечественная война 1812 года, разгромившая Наполеона и освободившая поработщенные им страны, подняла национальное самосознание и гордость русского народа, и это отразилось в деятельности наиболее передовых, образованных людей. Декабризм был разгромлен, но появились Герцен, Белинский. Время это было временем бурного становления великой русской литературы.

На сознание передовых русских людей не могли не оказывать влияния и национально-освободительное восстание поляков 1830 года, подавленное царем, и буржуазная революция во Франции в том же году, и все те процессы, которые вызвали революцию 1848 года в Западной Европе.

Передовые люди России не могли не видеть вопиющего противоречия между величием русской нации, победившей Наполеона, ее духовной культурой, творимой буквально на глазах, и крепостническим укладом всей жизни, технической отсталостью, гнусной, реакционной ролью, которую играл царизм внутри и вне страны.

Этим противоречием в жизни России объясняется, что в воззрениях передовых людей, и прежде всего Белинского, глубокое чувство патриотической гордости так неразрывно связано с желанием изменить положение дел в России.

Белинский был самым передовым и наиболее сознательным представителем этого периода развития России, выросшим из ее наиболее глубинной, народной почвы.

Ленин определил Белинского как предшественника полного вытеснения дворян разночинцами в русском освободительном движении. Взгляды Белинского отражали настроения крепостных крестьян, интересы самых широких масс населения России в борьбе за элементарнейшие права народа, против крепостного гнета.

Белинский был первым в том революционно-демократическом движении, которое особенно развернулось после его смерти, во второй половине пятидесятых и в шестидесятых годах прошлого века.

Характерной особенностью этого движения было то, что в нем социализм и демократизм сливались в одно целое. Социализм был утопический, ибо на основе крестьянского движения без руководящей роли рабочего класса никакого социализма завоевать нельзя. Но это был утопический социализм не по западноевропейскому, а по русскому образцу, подкрепленный программой крестьянской революции с уничтожением самодержавия, ликвидацией помещичьего землевладения, разделом земли между крестьянами, то есть программой расчистки снизу путей для буржуазно-демократического строя в России.

Белинский был первым в этом движении. Он подошел к этой программе, не успев ее развить. Позже, своим путем, ее начал разрабатывать Герцен. Но наиболее полно и последовательно развил ее Чернышевский на почве движения крестьян за землю после царской реформы 1861 года.

Эта программа, несмотря на свои утопические стороны, была самой революционной и самой научно обоснованной программой буржуазно-демократической революции из всех домарксистских программ. В теоретическом отношении это означало, что революционные демократы поднялись на самую высокую вершину, на какую только можно было подняться до появления теории исторического материализма Маркса и Энгельса. Белинский, как первый из них, шел путем мучительных поисков, блужданий, ошибок. Но он проделал такую гигантскую работу по сопоставлению развития России с другими странами Европы, по теоретическому пересмотру всего русского и западноевропейского наследства в области философии, истории, литературы и применения этого опыта к русским особенностям, что многие стороны его труда имеют действительное значение и до сих пор.

Это и дало право Ленину назвать Герцена, Белинского и Чернышевского предшественниками русской социал-демократии и назвать их так именно в связи с задачей борьбы нашей партии за передовую, подлинно революционную марксистскую теорию.

К этой мысли о великой роли предшественников партии большевиков Ленин возвращался не раз. «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, — писал он, — Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹. И Ленин включал деятельность предшественников нашей партии в гранитную теоретическую базу, на которой вырос большевизм.

Это не значит, конечно, что взгляды революционных демократов можно смешивать с взглядами большевиков или настолько сближать эти взгляды, как это иногда делают, что теряется принципиальная разница между учением Маркса — Энгельса — Ленина об обществе, историческим материализмом, и взглядами революционных демократов на общество с их материализмом, который не был и не мог быть до конца научно-последовательным и революционным.

Но значение ленинских оценок революционных демократов как предшественников большевиков в России тем выше, что оценки эти связаны с выражением чувства величайшей национальной гордости за то, что Россия стала родиной самого передового, указывающего путь миру революционного движения, возглавленного большевиками, и первая опрокинула капитализм.

Как же высоко должны расценивать мы деятельность наших предшественников в свете той великой роли, которую наша советская родина играет сегодня во всем мире!

Самые передовые для своего времени революционно-демократические взгляды Белинского обусловили необыкновенную широту его интересов, революционный полет мысли и в каждой области, за какую бы он ни брался, нашли свое прогрессивное выражение. Белинский, революционный демократ и великий русский патриот, является одним из корифеев русской материалистической философии, на голову превосходящим современных ему мыслителей. Он создатель материалистической эстетики, превзошедшей буквально все, что было создано в этой

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 9.

области до эстетической теории Маркса — Энгельса — Ленина. Он положил печать своих воззрений на все развитие русской литературы, и, можно сказать, она во многом обязана ему своим всемирно-историческим значением, о котором с гордостью говорил Ленин.

Таково историческое значение Белинского.

2. БОРЬБА ВОКРУГ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА БЕЛИНСКОГО

Борьба вокруг идей Белинского, развязанная им самим при жизни, еще больше разгорелась после его смерти. Можно без преувеличения сказать, что на основании отношения к наследству Белинского можно судить о всех силах, участвовавших в борьбе «нового со старым» в России, на всех этапах этой борьбы в течение столетий и по сей день. И кого только не было среди его врагов!

К его явным врагам принадлежали: зубры-крепостники во главе с царем и вся их челядь — высокопоставленные попы, гоголевские чинуши, в том числе и чинуши от литературы из числа царских доносчиков; крепостники «просвещенные» из лагеря так называемых «славянофилов», которых, по выражению Герцена, Белинский «додразнил до мурмолок и зипунов», в мнимой «народности» их раскрыв лицемерных защитников тех же крепостнических порядков.

После раскрепощения крестьян эти две разновидности открытых врагов Белинского фактически слились в один лагерь охранителей помещичьего землевладения, самодержавия, церковного мракобесия. В лице своих духовных выразителей — прямых, вроде князя Вяземского, или с вывертами, вроде Достоевского (не говоря уже о второразрядных), — они обливали грязью имя Белинского до конца своих дней.

Тайные враги Белинского, буржуазные либералы, долго пытались извратить его наследство в духе своих взглядов, прикрывавших их постепенное приспособление к власти помещиков; другие выдавали Белинского чуть ли не за сторонника господства капиталистов в России.

Немалую роль в этом сыграли бывшие друзья его, в молодости даже состоявшие с ним в одном кружке, из лагеря так называемых «западников», с которыми еще при жизни Белинский скрестил идейное оружие.

Именно от бывших друзей, временных попутчиков Белинского, пошла фальшивая «западническая» легенда о нем как о школяре, будто бы всю жизнь переходившем из класса в класс немецкой идеалистической философии. По этой легенде, Белинский, как школяр «из бедных», к тому же «бранчивый» и с «раздражительным характером», перенимал немецкую науку у них, богатых и «образованных» друзей Белинского, его «учителей», но был непоследователен, чем, собственно, и объясняются его «крайности».

Так буржуазные либералы и сомкнувшиеся с ними в конце века либералы-народники, под прикрытием фальшивых сентиментальных фраз о «великом сердце», о «великомученике правды», стремились выхолостить из наследства Белинского его сущность — революционное содержание, лишить это наследство самостоятельного теоретического значения, отнять у русского народа этот великолепный плод его передовой, патриотической мысли.

Испуганные революцией 1905 года, открыто заключив союз с помещиками против народа, буржуазные либералы в конце концов открыто выступили против Белинского, осенив себя флагом религии.

Их эстетствующие подголоски, буржуазные декаденты, которые стремились в прошлом превратить Белинского чуть ли не в сторонника «чистого искусства» и даже тщились примирить его с Христом, тоже подняли против него вой как раз за пламенную пропаганду общественного значения искусства и за воинствующий атеизм, к которому пришел Белинский.

Ленин навеки заклеил этих господ в статьях «О «Вехах», «Еще один поход на демократию» и во многих других.

Но как ни велики были силы, противостоящие идеям Белинского, идеи его еще в старое время все больше завоевывали себе сторонников.

Знамя Белинского приняли почти из рук в руки революционные шестидесятники, такие же, как он, разночинцы. «Учителем» называли они Белинского. «...В Белин-

ском наши лучшие идеалы, в Белинском же история нашего общественного развития», — писал Добролюбов¹. Чернышевский понял и поднял патриотическое значение труда Белинского как деятеля, который шел «наряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников».

Крупнейший из первых русских марксистов, Плеханов, имя которого также принадлежит к лучшим именам русской нации, развернул теоретическую борьбу за Белинского, против его врагов. Плеханов назвал его «гениальным социологом» и «одной из высших «философских организаций», когда-либо выступавших у нас на литературное поприще».

Но только большевики смогли до конца понять историческое значение Белинского, объяснить то новое, что внесено им в наше и общемировое теоретическое наследство, отстоять его наследство от всех врагов и сделать его достоянием широких масс советского народа.

3. БЕЛИНСКИЙ — КОРИФЕЙ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Это не означает, что борьба вокруг наследства Белинского уже прекратилась. Она идет, и нельзя сказать, чтобы советская наука о Белинском всегда давала должный отпор его противникам.

Источником наших недостатков является непреодоленное влияние неверных взглядов на Белинского. Они нашли свое отражение и в работах Г. В. Плеханова, не преодолевшего некоторые из буржуазно-либеральных взглядов на Белинского.

Так, например, по Плеханову, Белинский прошел в области философии следующие этапы развития. Первый — «фихтеанский», когда Белинский находился будто бы под влиянием немецкого идеалиста Фихте и воевал с «действительностью» во имя «абстрактного идеала». Второй — «гегелевский», тоже идеалистический, когда Белинский примирился с «действительностью» под влиянием «абсолютных» реакционных выводов философии Гегеля. Третий — тоже «гегелевский», во время которого Белинский,

---

¹ Н. А. Добролюбов, Избранные философские сочинения, т. 1, Госполитиздат, М. 1945, стр. 349.

по-прежнему находясь на идеалистических позициях, восстал на «действительность» и совершил переход к диалектике Гегеля. И, наконец, четвертый, «фейербаховский», который Плеханов называет «четвертым актом драмы», когда Белинский полностью разорвал с идеализмом и перешел на материалистическую точку зрения Фейербаха, в значительной степени утратив будто бы диалектику.

Здесь верно только то, что Белинский в своем философском развитии действительности шел от идеализма к материализму.

Но здесь неверно главное. Выходит, во-первых, что Белинский проходил как бы «самообразовательную» отвлеченную школу, а не великую историческую школу социальной борьбы в России своего времени — России с крепостным крестьянином, борющимся против помещика, с не оформленными по-современному, по все же различными партиями, отражающими борьбу классов или сословий. Получается, во-вторых, что Белинский, которого сам же Плеханов назвал «гениальным социологом» и «одной из высших философских организаций», занимался не выработкой в интересах русского народа и прогрессивного развития своей нации такой теории, которая реально помогла бы решить реальные нужды, для чего Белинский и перерабатывал весь теоретический опыт России и Запада, а просто человек рабски переходил от одного немецкого философа к другому, прикладывая их отвлеченности к России, в зависимости от того, у кого он сейчас учится. Получается, в-третьих, что человек, никогда не занимавшийся философией именно в ее отвлеченном немецком смысле, а всю жизнь посвятивший русской литературе, а через литературу — конкретным вопросам социальной борьбы в России и русской истории, на этом и через это выражая свои философские взгляды, — получается, что этот человек в формировании своего мировоззрения миновал почему-то всех русских философов, историков и писателей.

В этом взгляде Плеханова на Белинского отразился его оппортунистический взгляд, согласно которому Россия во всем — и в экономическом, и в политическом отношении, и в формировании своего революционного мировоззрения — всегда будто бы шла и должна идти вслед за Западной Европой, в ее хвосте.

Сошлюсь на высказывания Ленина об оценке Плехановым теоретических взглядов Чернышевского:

«Из-за теорет[ического] различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов просмотрел практически-политическое и классовое различие либерала и демократа»¹.

Плеханов, например, считает, что в «западническом» кружке, в который вошел молодой Белинский после исключения из университета, он, Белинский, представлял «крайнюю левую».

Это неверно. Белинский в этом дворянском кружке представлял совсем новое, отличное от них явление. Он был, примкнувший к кружку за неимением другого, более прогрессивного места, первый разночинец, бунтарь, будущий революционный демократ и будущий основатель своей «партии». А окружали его настоящие и будущие либералы и кое-кто из будущих охранителей самодержавия.

Немецкая идеалистическая философия действительно была религией этих окружавших Белинского молодых людей. Назначение в мире немецкой идеалистической философии — этой реакции на революцию и материализм — как раз и состояло в том, чтобы духовно вооружить всех, кто хочет сохранить старое или «бороться» со старым не революционным путем, а уходом в сферу «чистого духа». Естественно увлечение именно немецкой идеалистической философией в царской, крепостнической России после разгрома декабрьского восстания. Конечно, ею не увлекались русские крестьяне. Но, кроме самой невежественной и отсталой партии крепостников-зубров и высокопоставленных попов, возглавляемой царем и не признававшей никакой философии, кроме «священного писания», многие образованные дворяне и «славянофильского» и либерального толка находили в этой философии свое душевное спасение. «Видите, как нехорошо бороться с царем и с крепостным правом! Идите-ка лучше под сень чистого духа», — нашептывала им немецкая идеалистическая философия.

Теперь забывают почему-то, что с этой философии начали не только «западники», а и крепостники-«славянофилы». Чернышевский прямо называл воззрения «славяно-

---

¹ «Ленинский сборник», т. XXV, стр. 231.

филов» продуктом плохих западных влияний. А Герцен немало издевался над «православными славянофилами» — гегельянцами, справедливо называя это «содомизмом философии и религии».

Пора отбросить либеральную легенду, опровергнутую еще Добролюбовым, будто Белинский стал «учеником» в этом кружке.

Белинский пришел в этот кружок, уже будучи автором антикрепостнической драмы «Дмитрий Калинин», написанной под философским и литературным влиянием прежде всего книги Радищева и ходящего в бесцензурных списках «Горя от ума». В идейном багаже гениального сына уездного лекаря из Чембар были Ломоносов, Радищев, Пушкин, декабристы, французские философы-просветители и вся русская литература.

Развитие философских взглядов Белинского нельзя понять, если выхватывать из его произведений те или иные фразы, похожие на того или иного философа. Что это за наука?

Какие Белинский подымал конкретные вопросы и явления современной ему общественной жизни, истории, литературы, какие ответы он давал на них, с какой позиции он их толковал в разные периоды жизни, постараться понять, какую общественную борьбу они отражали, — вот благодарная почва для науки.

Белинский проходил свой, самостоятельный, порожденный реальными русскими условиями и потому не похожий ни на немецкий, ни на французский, ни на какой другой путь философского развития.

Это был путь искания прогрессивной теории, способной объяснить и помочь решить проклятые противоречия русской жизни. Это был путь от идеализма к материализму и от метафизического до диалектического взгляда на явления.

Из восемнадцати лет его литературной деятельности, примерно до середины сороковых годов, основа его философских воззрений оставалась идеалистической, а последние четыре или пять наиболее плодотворных лет эта основа стала материалистической. Этот переход произошел не сразу. С самого начала так называемый «стыдливый» или «стихийный», а с сороковых годов все более осознающий себя материалист Белинский бунтует против идеалиста Белинского, бунтует все упорнее, и нако-

нец осознавший себя материалист — побеждает идеалиста.

Стоит обратить внимание на такие все время повторяющиеся высказывания Белинского как раз тогда, когда он, по формулировке Плеханова, находился во втором, «гегелевском», идеалистическом, даже с «абсолютными» выводами, периоде:

«Когда дело идет об искусстве... я смел и дерзок, и моя смелость и дерзость в этом отношении простираются до того, что и авторитет самого Гегеля им не предел... не почитаю себя обязанным, не будучи учеником... играть роль Сеида».

В этом же письме Белинский громит вторую часть «Фауста», столь излюбленную гегельянами, называя их построения «логическими натяжками», а Гете упрекая за символы и аллегории.

«Я уважаю мысль и знаю её цену, но только *отвлеченная* мысль в моих глазах ниже, бесполезнее, дряннее эмпирического опыта»... — пишет он.

«...Ничего нет смешнее, как Хемницеров Метафизик, рассуждающий в яме о времени и веревке, вместо того чтобы воспользоваться тем и другим для своего спасения».

«Петр Великий... понимал действительность больше и лучше, нежели Фихте. Всякий исторический деятель понимал ее лучше его».

«Я мыслю (сколько в силах), но уже если моя мысль не подходит под мое созерцание или стучается о факты — я велю ее мальчику выметать вместе с сором».

«У меня надежда на выход не в *мысли* (исключительно), а в жизни, как в большем или меньшем участии в действительности, не *созерцательно*, а *дейтельно*».

«По-прежнему меня будет интересовать всякое явление жизни — и в истории, и в искусстве, и в действительности... *Есть* для меня всегда будет выше *знаю*...»¹

Так писал Белинский в 1838 году. Это стыдливый материалист Белинский бунтует против себя же — идеалиста.

Если бы этого не было в развитии Белинского, как возможна была бы глубокая жизненность, и в наше время не потерявшая во многом свою силу, большинства его

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XI, Изд-во АН СССР, стр. 313—318.

произведений, написанных до того, как он стал последовательным материалистом.

С начала сороковых годов уже никакие отвлеченные ссылки, даже на Платона, не могут помешать Белинскому толковать «живые предметы» (по выражению Чернышевского) материалистически. Материалист теснит и вытесняет идеалиста. А в статьях о Пушкине (1843—1846), именно не в первых, а в последних, совершается вполне сознательный переход на позиции материализма.

До конца его дней это был лучший, наиболее яркий и последовательный период литературной и революционно-демократической деятельности Белинского.

Таким образом, Белинский прошел путь от идеализма к материализму через стыдливый материализм, через материалистически толкуемый позитивизм. Это был путь к материализму, путь, проделанный на самых кровотокающих жизненных вопросах общественной борьбы, путь, свидетельствующий о самостоятельном и поистине гениальном уме Белинского.

Что касается диалектики, то, вопреки утверждениям Плеханова, Белинский не только не отбросил ее в последний период, а, наоборот, она помогла ему сформулировать самые блестящие из своих выводов в области общественной борьбы и литературы. Это можно видеть на письме Белинского к Гоголю и на статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года».

В своем материализме, особенно последних лет, Белинский оставил далеко позади себя буржуазных позитивистов типа Конта. Белинский в письме 1847 года назвал Конта «реакцией теологическому вмешательству в науку», но определил его ум как «сухой», лишенный «полётности», и предсказал, что ему не быть «основателем новой философии — далеко кулику до Петрова дня!». Белинский находился и на значительно более передовых позициях, чем Фейербах, который шел на примирение с религией и, по выражению Маркса, слишком много напирал на природу и слишком мало на политику. А Белинский был воинствующим атеистом и весь в политике.

В лице Белинского мировая философская наука имеет дело с крупнейшим явлением, корифеем русской материалистической философии, поднявшейся на наивысшие философские вершины до Маркса.

Общественно-литературную деятельность Белинского современная советская наука делит чаще всего на два периода: демократически-просветительский, длившийся примерно до 1839 года, и революционно-демократический, примерно с сороковых годов и до конца жизни.

Первый — когда Белинский будто бы не признавал насильственного изменения крепостнического строя, а пытался воздействовать на всех, в том числе и на крепостников, пропагандой своих демократических взглядов, пока не дошел до примирения «с гнусной российской действительностью». Второй — когда он со всей решительностью разделался со своим примирением и присоединил к пропаганде своих демократических и уже социалистических взглядов признание необходимости народной революционной борьбы за ликвидацию крепостничества, самодержавия и осуществление социализма в его понимании.

Это не вполне точно. Самое главное в том, что Белинский *всегда* был антикрепостником. И признавал он возможность насильственного вмешательства в «гнусную российскую действительность» не со второй половины сознательной жизни, а с самой юности, со времени написания антикрепостнической драмы «Дмитрий Калинин» с ее многозначительным кивком на Брута и вплоть до спора с родителем М. А. Бакунина в именин Прямухино в 1836 году, когда Белинский вступился за Робеспьера и, как сам свидетельствует, «в новой теории фихтеанизма чувял запах крови» (здесь заметим, кстати, каков на деле «фихтеанец» был Белинский).

Вначале это были отголоски декабризма в сознании Белинского. К 1836 году он пришел к мысли о правомерности и необходимости не столько казни Людовика, сколько Николая I. Но беда этих его воззрений состояла в том, что он неясно представлял, во-первых, во имя какого «идеала», или, по-современному, политического строя, это стоит сделать, — идеал был «абстрактным», как впоследствии писал он. Во-вторых, он совершенно не видел, кто же это насильственное вмешательство может произвести, ибо декабризм доказал, что его путь не может привести к победе, а пути народной, крестьянской революции Белинский еще не видел.

Скажут: а не противоречит ли подобной точке зрения его статья «Литературные мечтания», вышедшая в свет в 1834 году? Нисколько, если вспомнить, что Белинскому пришлось обходить цензурные оттели и что казенный абзац в конце статьи вписан редактором Надеждиным.

Политический же смысл статьи заключен в следующих местах:

«Если ты рожден сильным земли, гни твой *хребет*, ползи змеею между тиграми, бросайся тигром между овцами, губи, угнетай, пей кровь и слезы... Весела и блестяща будет жизнь твоя; ты не узнаешь, что такое холод или голод, что такое угнетение и оскорбление... и журналист прокричит во всеуслышание, что ты... столп и опора отечества, правая рука государя!»¹ Здесь совершенно ясно, что удар направлен по самым сильным мира сего. А далее идет прославление тех, кто «изобличает порок и невежество», «терпит гонения злых». Но «без борьбы нет заслуги», — говорит Белинский. И далее идет возвеличение так называемого пушкинского периода, который в этой статье является символом декабристского периода, и вот что сказано о нем: «жизнь есть действие, а действие есть борьба», а тогда боролись и дрались «не на живот, а на смерть».

Только очень наивный человек может поверить, будто речь идет здесь на самом деле только о журнальных сшибках. А далее возвеличиваются стихи Полежаева, загубленного Николаем I, и в том числе стихотворение «Вечерняя заря», которое в своем бесцензурном варианте так говорит о декабристах:

Навсегда решена
С самовластьем борьба,
И родная страна
Палачу отдана.

Демократизм и патриотизм Белинского пробиваются в «Литературных мечтаниях» бурно, как лава, сквозь кору неверного философского воззрения. Белинский указывает на существующий разрыв между русским народом и «обществом», то есть правящим помещичьим классом.

Но призыв к борьбе адресован не к народу, а к лично-

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. 1, Изд-во АН СССР, стр. 31.

стям и носит абстрактный характер, то есть Белинский еще не стоит на почве классовой борьбы.

Не видя реальной силы, способной осуществить в крепостной отсталой России тот абстрактный идеал справедливости, который представлялся Белинскому, он и пришел к «насильственному», как говорил впоследствии, примирению с российской действительностью.

Признав историческую разумность и необходимость крепостного права и самодержавия как одного из этапов развития «абсолютного духа», Белинский совершил самую серьезную ошибку в своей жизни. В этом ему действительно поспособствовала философия Гегеля, поскольку она и создана была ее автором для подобных поступков. Это не означало, однако, что Белинский, подобно Гегелю с его утверждением прусской монархии, пришел к мысли о полезности сохранения крепостного права и самодержавия. В рецензии на «Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Московского университета» Белинский доказывал, что из «старой идеи» путем отрицания впоследствии разовьется «новая идея».

Но крепостным крестьянам было от этого не легче. Это скоро понял и Белинский, и его «переходная болезнь», как назвал этот период Герцен, кончилась. Так совершился переход Белинского на почву народной борьбы — против угнетателей, — тот огромного значения теоретический поворот, когда Белинский перестал прикладывать идеи к развитию общества, а стремился выводить их из развития общества. Так сформировались те его взгляды, которые мы уже охарактеризовали.

Из сопоставления опыта России с опытом западноевропейских стран Белинский приходил к предположению, что Россия тоже должна пройти путь капиталистического развития.

Но из опыта тех же западноевропейских стран и Соединенных Штатов Америки он видел большую разницу, если употреблять его выражение, между «буржуази в борьбе» и «буржуази торжествующей». В своих статьях и письмах он блестяще вскрыл угнетательский, по отношению к народу, характер буржуазной власти. Он уже тогда говорил о способности капиталистов продавать свое отечество в корыстных классовых целях. «...Владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позо-

ром, — писал он в 1847 году, — напомнило времена регентства, управление лакея Дюбуа, продававшего Францию Англии... Все... мелко, ничтожно, противоречиво; нет чувства национальной чести, национальной гордости»¹. Можно подумать, что Белинский заглянул в сегодняшний день.

Поскольку Белинский не мог подняться до понимания классовой борьбы как движущей силы развития общества и роли пролетариата, его представления о развитии общества не могли быть до конца последовательны.

Но когда в конце сороковых годов под влиянием крестьянских бунтов началось некое движение в правительстве, Белинский понял самое существо дела: «...правительство решительно не хочет дать свободу крестьянам без земли, боясь пролетариата, и в то же время не хочет, чтобы дворянство осталось без земли, хотя бы и при деньгах».

И вот его отповедь либералам: «...болтун на все руки, либерал на словах и ничто на деле... Он говорит, что в губернии его считают Вашингтоном (по его, это значит быть радикалом в либерализме), а вот мы, молодое поколение, хотели бы его повесить, как консерватора, хотя, по правде, мы и не считаем его достойным такого строгого наказания, а думаем, что довольно было бы прогнать его по шее к его лошадям, на его завод — писать для них конституцию; это его настоящее место — конюшня»².

В этом — весь Белинский!

5. БЕЛИНСКИЙ—ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПАТРИОТ

Революционный демократизм Белинского нельзя рассматривать отдельно от его патриотизма, ибо они слиты воедино и питают друг друга.

Можно сказать, что Белинский принадлежит к тем исключительным людям прошлого, характер патриотизма

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XII, Изд-во АН СССР, стр. 447.

² Там же, стр. 436—437.

которых наиболее соответствует нашему пониманию и нашему сердцу.

«Любить свою родину — значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому»¹.

По Белинскому, каждый народ может совершить свой вклад в развитие человечества не иначе как в национальной форме.

И сколько замечательных черт русского национального характера помогла открыть Белинскому кровная любовь «к плодovitому зерну русской жизни» — крепость и бодрость духа, смелость, находчивость, сметливость, персймчивость, остроту ума, аналитическую силу ума, способность к широкому размаху в жизни и деятельности. В период своих ранних идеалистических увлечений Белинский отмечал в народе «практическую деятельность ума» и, что всего интереснее, «отсутствие мистицизма и религиозной созерцательности» (в этом — весь Белинский!). С какой гневной, страстной силой четырнадцать лет спустя, в расцвете своих материалистических убеждений, бросил он это не изменившееся, а еще более последовательное мнение о русском народе в лицо Гоголю, павшему до прославления самодержавия и церковного мракобесия!

Народность, как ее понимал Белинский, была в его устах самой высокой оценкой исторического деятеля, писателя, артиста. Народный — для Белинского одновременно значило и национальный. Белинский видел в народе носителя лучших черт нации; бичуемые им черты рабoления перед иностранным свойственны были людям, сидящим на шее народа.

Это в адрес этих господ, гордясь лучшими творениями русской литературы, вырастающими на глазах его, бросал упрек Белинский: «Было время, когда на Руси никто не хотел верить, чтоб русский ум, русский язык могли на что-нибудь годиться; всякая иностранная дрянь легко шла за гениальность на святой Руси, а свое русское, хотя бы и отличное высокою даровитостию, презиралось за то только, что оно русское»². Но прогрессивность понимания Белинским народного и национального состояла в том, что

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. IV, Изд-во АН СССР, стр. 489.

² Там же, стр. 259.

оно включало передовое просвещение (с его всемирным опытом), и в этом было глубокое, принципиальное отличие его от лицемерия «славянофилов».

«Литературные мечтания» — сокрушительный удар молодого Белинского по обезьянничанию, раболепию, низкопоклонству перед заграницей, свойственным господствующему классу. Это первый манифест первого разночинца, взявшего на себя право говорить от имени народа. И он имел это право!

«...Признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные люди, беспачпортные бродяги в человечестве»¹, — писал он в последние годы своей жизни. «В отношении к этому вопросу, — говорил он, — я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманистических космополитов, потому что если первые и ошибаются, то как люди, как живые существа, а вторые и истину-то говорят, как такое-то издание такой-то логики... Но, к счастью, я надеюсь остаться на своем месте, не переходя ни к кому...»²

И вот такого человека некоторые пытаются еще и до сих пор отнести к либералам-«западникам»!

Всю глубину высказываний Белинского о русской нации нельзя понять, не связав их с его мыслями о государстве. Белинский лучше и раньше всех понял значение государства в развитии нации.

«...Указывают нам на смирение, как на выражение русской национальности, — писал он. — ...Этот взгляд, может быть, превосходный в теоретическом отношении, не совсем уживается с историческими фактами. Удельный период наш отличается скорее гордыней и драчливостью, нежели смирением. Татарам поддались мы совсем не от смирения (что было бы для нас не честью, а бесчестьем, как и для всякого другого народа), а... вследствие разделения наших сил... положенным в основание правительственной системы того времени. Иоанн Калита был хитер, а не смирен; Симеон даже прозван был «гордым», а эти князья были первоначальниками силы Московского царства. Дмитрий Донской мечом, а не смирением предска-

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XII, Изд-во АН СССР, стр. 433.

² Там же, т. X, стр. 29.

зал татарам конец их владычества над Русью. Иоанны III и IV, оба прозванные «грозными», не отличались смирением... И вообще как-то странно видеть в смирении причину, по которой ничтожное Московское княжество сделалось впоследствии сперва Московским царством, а потом Российской империей...»¹

Да, Белинский раньше, лучше всех в прошлом понял прогрессивность того факта, что русская нация так рано создала национальное государство, что означало силу русской нации.

Он же первый объяснил многие черты реакционной отсталости немцев их затянувшейся феодальной раздробленностью, которая еще существовала в Германии во времена Белинского, почему он и называл эту страну «скроенной из остатков и обрезков». Именно это понимание роли государства все время толкало его на необходимость разрубить противоречие между величию русской нации и ее противонародным и косным правительством. В «Литературных мечтаниях» он еще считал возможным, что его тогда отвлеченный идеал справедливости и просвещения сможет осуществить такой царь, как Петр I, и не случайно курсивом выписал все черты, которые в Петре прямо противоположны царю Николаю. А в сороковых годах, поняв, что это не выход из положения, Белинский перешел на позиции демократического, социального переворота.

Эта точка зрения позволила ему глубже, чем кому бы ни было, понять в истории России все ее прогрессивные моменты — значение победы над тевтонскими рыцарями, освобождение от татарского ига и польской интервенции, а особенно значение Отечественной войны 1812 года — и восславить таких деятелей в прошлом России, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Кутузов.

Он понял прогрессивную роль Ивана Грозного и особенно Петра Великого в создании русского государства. Но поразительный демократизм Белинского позволил ему подметить и отрицательную сторону петровской реформы: по мнению Белинского, реформа породила и обезьянивание у заграницы, и породила потому, что была произве-

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. X, Изд-во АН СССР, стр. 23—24.

дена только «сверху». Точно двадцатитрехлетний Белинский видел, как по-иному можно было бы реформировать Россию, идя от народа, снизу!

Его ироническое замечание по поводу того, что Петр стриг бороды, — замечание, сделанное в связи с помещением в журнале «Телескоп» биографии самоучки-астронома из Курска: «борода не мешает считать звезды: это известно в Курске», — имеет больший смысл, чем просто шутка.

Известные высказывания его о том, что Россия сумеет лучше разрешить социальный вопрос, чем Западная Европа, и будет давать законы науке и искусству, принимая «благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества», — эти высказывания не были только пророчеством, они имели для Белинского свое историческое обоснование.

В лице Белинского в условиях крепостной России был загнан в гроб, не имея исторических предпосылок для выявления себя, крупнейший государственный деятель нового, демократического типа.

Только в нашем советском патриотизме навсегда исчезли противоречия, мучившие Белинского. Ибо слились воедино народ и его социалистическое государство, и вся деятельность народа, руководимого великой партией большевиков, деятельность, направленная на укрепление социалистического государства, стала выражением всемирно-исторической задачи освобождения человечества.

6. БЕЛИНСКИЙ — ВЕЛИКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Белинского смело можно назвать основоположником эстетики классического реализма, самые существенные стороны которой марксистско-ленинская наука о литературе вобрала в себя и развила на новой основе.

С самого начала и до конца своей литературной деятельности Белинский все более сознательно стоял на той точке зрения, что литература — продукт общества, отражает и выражает развитие общества.

Это первое положение его эстетики. Какое бы идеалистическое истолкование ни давал Белинский этому положению в раннем периоде, сколько бы ни говорил об

искусстве как продукте «божественного вдохновения» или развивающейся «вечной идеи», он на конкретном анализе произведения реалистически выяснял то, что оно отражает в современном обществе. Даже в статье «Литературные мечтания» он говорит, что «в созданиях художника отражается и век и народ». Как мы уже видели, в зависимости от того, кем порождены эти создания — народом или «обществом», — Белинский оценивает их место и значение. В статьях о Пушкине он дает уже глубокую социальную характеристику его творчества.

Так в материалистическом мировоззрении Белинского лучшей поры его деятельности находят свое окончательное разрешение противоречия, имеющиеся в его ранних статьях.

Этот подход к явлениям литературы помог, например, даже молодому Белинскому совершенно правильно объяснить характер творчества Лермонтова. Он объясняет это творчество той переходной эпохой после разгрома восстания декабристов, когда новый общественный подъем еще не начался и потомки дворян-декабристов, полные сил, но уже без общественных идеалов, в условиях николаевской действительности гибнут в очерствении индивидуализма. Этим же он справедливо объясняет тоску Лермонтова по гражданской поэзии.

С самого начала и до конца своей деятельности Белинский стоит на точке зрения общественного значения литературы, ее влияния на общество, ее воспитательной роли, а во второй, наиболее плодотворной половине своей деятельности открыто признает ее оружием в общественной борьбе. Это — второе положение его эстетики.

Сколько бы в увлечении идеалистическими отвлеченностями ни писал он в свой ранний период о том, что искусство «бессознательно», «бесцельно», имеет «цель в себе», что оно «больше жизни», — он очень обстоятельно показывает далее общественную, преобразующую роль искусства в жизни.

Даже в период «примирения с гнусной действительностью», в одной из самых реакционных своих статей, «Менцель, критик Гете», целиком посвященной нападению на принцип искусства как служения общественным целям, после многих доказательств этой мысли Белинский признает, что «оно служит обществу», поскольку выра-

жает его сознание, но служит, так сказать, не ставя себе это целью.

Все эти противоречия снимаются потом, когда Белинский убедился, что «чистого искусства» просто не существует.

Особенно замечательно в этом смысле его высказывание о «Фаусте».

«На него в особенности любят указывать, как на образец чистого искусства, не подчиняющегося ничему, кроме собственных, одному ему свойственных законов, — пишет Белинский. — И однако ж — не в осуд будь сказано почтенным рыцарям чистого искусства — «Фауст» есть полное отражение всей жизни современного ему немецкого общества. В нем выразилось все философское движение Германии в конце прошлого и начале настоящего столетия. Недаром последователи школы Гегеля цитовали беспрестанно в своих лекциях и философских трактатах стихи из «Фауста». Недаром также во второй части «Фауста» Гете беспрестанно впадал в аллегорию, часто темную и непонятную по отвлеченности идей. Где же тут чистое искусство?»¹

Материалист Белинский уточнил и развил ту же мысль о «Фаусте», которую он правильно нащупал десять лет назад, будучи еще идеалистом.

В вопросе об общественной роли искусства Белинский подошел к нам ближе, чем Плеханов.

Плеханов писал:

«Белинский был диалектиком, когда говорил: «Задача истинной эстетики состоит не в том, чтоб решить, чем должно быть искусство, а в том, что такое искусство». Он был просветителем, когда, требуя от искусства верного изображения действительности, прибавлял, кроме того, что искусство *должно* давать известное направление взгляду читателя на известные стороны жизни»².

Как известно, Плеханов стоял тоже на точке зрения общественного значения искусства. Но здесь недиалектический книжный взгляд на искусство объявляется диалектическим, а блестящее, живое применение диалектики Белинским называется «просветительством», как будто

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. X, Изд-во АН СССР, стр. 310.

² Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XXIII, стр. 218.

последнее, кстати сказать, обязательно предполагает отсутствие диалектического взгляда на вещи!

Плеханов никогда не понимал принципа партийности литературы, являющегося крупнейшим вкладом Ленина в науку о литературе.

Белинский говорил, что талант должен быть «органом сокровенной думы всего общества». «Кто, видя предмет, не смотрит на него ни с какой точки зрения, тот немного выиграл тем, что у него есть глаза». «Начиная с Белинского, — говорил товарищ Жданов, — все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали так называемого «чистого искусства», «искусства для искусства» и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения».

Этот взгляд Белинского на искусство помогал ему разбираться в том, какую роль играет писатель, даже отдельные произведения, в жизни — прогрессивную или реакционную, *за* кого и *против* кого оно направлено.

«...Пробираясь на местечко между действительными и статскими советниками, извиняясь перед джентльменами, обладающими несколькими тысячами душ, — писал он в связи с представлением «Ревизора», — мы невольно думали... вряд ли они поверят ему, вряд ли почувствуют наслаждение видеть в *натуре* эти лица, так для нас страшные...»

Он восславил Гоголя — критического реалиста, и он же осудил те из его повестей, где появился Гоголь — болезненный мистик. Он в первых же вещах Достоевского, после «Бедных людей» почувствовал фальшивую ноту и подверг их критике.

Особенность этой критики состояла в том, что Белинский проверял произведения Гоголя и Достоевского жизнью и прежде всего вскрывал несоответствие произведений жизни, искажение жизни.

Соответствие изображаемого жизни, правдивость изображения — таков был третий принцип реалистической эстетики Белинского.

Белинский видел реализм не в копировании того, что попадет под руку, а в отражении существенного, типичного, в свете идеи, которую это типичное и должно выразить, в «просветлении идеею самых простых житейских отношений».

«Можно очень натурально изобразить пытку, казнь, несчастную смерть человека, упавшего в нетрезвом виде в помойную яму, — писал он, — но все эти изображения будут возмутительны для души, не изящны и бессмысленны, ибо в них не будет никакой разумной мысли, никакой разумной цели. Но когда живописец представит вам естественно истязание человека за истипу и в лице его выразит победу душевной твердости над физическим страданием, — то чем больше в картине будет естественности, тем картина будет изящнее и художественнее, ибо в ней будет видна разумная цель и разумная мысль»¹.

Из этого Белинский делал четвертый вывод, что содержание в искусстве — главное: «Содержание дает поэту жизнь его народа», «Только содержание, а не язык, не слог может спасти от забвения писателя».

В вопросе о содержании искусства Белинский особое значение придавал современности. У него нет почти ни одной критической работы, где бы не говорилось об этом. «Вольтер прав, сказав, что все роды поэзии хороши, кроме скучного... и несовременного, прибавим мы». Несовременность была для Белинского выражением отсталости, проявлением не только отсутствия чувства нового, но и нежелания бороться со старым.

Над писателями, у которых «мыслею управляют слова, а не мысли словами», он издевался немало — над всякими лжемастерами, находящими цель искусства в том, чтобы «изображать предметы в каком-то безумном кружении, выражаться дикими, натянутыми фразами, неестественными оборотами речи, придавать обыкновенным словам насильственное значение».

«...В его писании есть какая-то оригинальность, какой-то блеск выражения. Но это оригинальность искусственная, это блеск фольги... Все у него так кудряво, во всем такое изобилие эпитетов, амплификаций, что неопытный читатель дивится... этим разноцветным и блестящим перебивкам слога, — и его очарование только тогда исчезнет, когда... он замечает, к удивлению своему, только одно пухлое самолюбие и одни пухлые слова и фразы. Это особенно часто является на Западе, особенно с тех пор, как Запад начал гнить...»².

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. IV, Изд-во АН СССР, стр. 492.

² Там же, т. VI, стр. 329.

Можно подумать, что Белинский поистине глядел в сегодняшний день!

Соответствие формы содержанию было пятым положением реалистической эстетики Белинского. Белинский рассматривал произведение как единый организм, в котором «гармоническая ответственность частей с целым» благодаря «единству мыслей», отсюда «строго-соразмерное распределение ролей для всех лиц», в результате чего создается «оконченность, полнота и замкнутость целого».

Поскольку форма, по Белинскому, определяется содержанием, он понимал все многообразие форм, приносимых каждым художником, и всегда доводил анализ произведения до конкретного, даже мельчайшего разбора формы — того индивидуального и нового, что характеризует именно данного художника, особенность формы данного произведения, моменты, где форма не соответствует содержанию, вплоть до отдельных погрешностей стиля, слога.

Белинский относился к литературе как хозяин. Строгость его требований не означала, что он не понимал литературы как большого потока, где представлены люди разного масштаба, таланта, разной степени таланта. Даже в раннем периоде, когда в духе идеалистической эстетики он доказывал, что поэзия — дело «божественного вдохновения» и доступна только «избранным», на деле он рассматривал каждого по его заслугам. Кольцов и Пушкин — это как бьющий из горы светлый, холодный ключ и Волга, ноящая миллионы людей. В поэзии Пушкина — вся Русь, все разнообразие, вся многосторонность ее национального духа.

Защищая принцип «натуральной школы», как называли тогда великую реалистическую школу России, Белинский причислил, например, к этой школе и Гоголя, и теперь уже забытого писателя Буткова, поскольку Бутков правдиво показал новые, еще не освещенные стороны жизни.

Мимо глаза и внимания Белинского не прошли ни большие, ни средние, ни малые явления литературы. Он писал не о том, о чем хочется, как это большей частью принято сейчас у наших критиков-сибаритов, а обо всем, как хозяин, расчищая с помощью литературы путь для лучшего будущего народа от всех его врагов.

Из всех литературных критиков прошлого Белинский ближе всех стоит к нашему пониманию того, каким дол-

жен быть литературный критик, и до сих пор может служить нам образцом.

Белинский был неповторим в бою с врагами. «Как скоро дело касается до моих задушевных убеждений, я тотчас забываю себя... и тут давай мне кафедру и толпу народа...» — говорит он.

Больше всего в своей литературной работе он ненавидел половинчатость и всеядность. «...Если смеем так думать, если позволено так выразиться, если не ошибаемся... — характеризовал он «уклончивый» способ выговаривать истину. — Другой способ выговаривать истину — прямой и резкий, в нем человек является провозвестником истины, совершенно забывая себя и глубоко презирая робкие оговорки и двусмысленные намеки, которые каждая сторона толкует в свою пользу и в которых видно низкое желание служить и нашим и вашим»¹. «Грановский хочет знать, читал ли я его статью в «Москвитянине», — писал он в одном из писем («Москвитянин» — журнал «славянофилов». — А. Ф.). — Нет и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видаться с друзьями в неприличных местах, ни назначать им там свидания»².

* * *

Из деятелей прошлого, до революционеров-марксистов, Белинский наряду с Чернышевским по принципам своим и по характеру больше всего отвечает духу нашего времени.

И столько любви к нашей родине, к народу, столько душевной силы и крови сердца вложил он в свои великие творения, что можно не сомневаться — они будут жить и при коммунизме.

1948

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VI, Изд-во АН СССР, стр. 209.

² А. И. Герцен, Былое и думы, Гослитиздат, 1947, стр. 301.

ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ ИСКУССТВО

Я счастлив и горд тем, что мне выпало на долю от имени писателей нашей родины приветствовать вас, дорогие друзья, наши товарищи по искусству, чудесные работники Московского Художественного театра!

Деятельность Художественного театра — лучший пример того, каких вершин может достичь искусство, когда оно оплодотворено самым передовым движением современности и когда оно, это искусство, само отдало себя на служение народу в строительстве новой, социалистической жизни.

Одно уже существование Московского Художественного театра, окруженного всенародной любовью, овеянного мировой славой, — уничтожающий ответ всем вольным и невольным хулителям советского искусства, всем этим убогим жителям «башен из слоновой кости», самовлюбленным нарциссам, эстетствующим фиглярам и блюдолизам, которых за последнее время так много расплодилось в буржуазном искусстве Западной Европы и Америки. Эти господа давно уже сбросили с пьедестала великое и простое реалистическое искусство своих предков и, между прочим, видят свободу своей личности в том, чтобы, отвернувшись от народа и, насколько возможно, оплевав разум и совесть, ходить на четвереньках перед своими хозяевами.

Эти господа имеют претензию иногда болтать о своем мастерстве и чуть ли не об утрате мастерства в советском искусстве. А какое, собственно, понятие они могут иметь

об искусстве? Величественное, простое народное искусство Московского Художественного театра им с четверенек не видно.

Мы знаем, что в Западной Европе и в Америке есть подлинно прогрессивные силы и подлинные мастера, и таланты, продолжающие и развивающие великие традиции прошлого, — мастера и таланты, которые, собственно, и определяют лицо современного искусства на Западе и которые сегодня вместе с нами разделяют наш праздник.

Искусство Художественного театра зародилось на почве большого общественного подъема. Этот подъем был началом великого общественного движения, которое окрасило собою все прожитые нами годы XX столетия, привело нашу страну к социализму, превратило ее в надежду всего человечества.

Конечно, великие основатели театра тогда, пятьдесят лет тому назад, не могли сознавать всю глубину и особенности того общественного подъема, участниками которого они были. Но они сознательно ставили себе целью служение народу искусством, и это революционизировало самое их искусство, подняло его на ту вершину реализма, какой только мог достичь старый театр. Не случайно близкими театру оказались его гениальные современники в литературе, титаны реализма — Лев Толстой, Чехов, Горький.

Великим новаторством во всем мировом искусстве было явление Горького в театре, когда с подмостков Художественного театра впервые заговорил рабочий человек, преобразователь мира.

И, наоборот, искусство Художественного театра сразу приобрело черты мертвенности и не могло удовлетворить даже самих создателей его, когда, после поражения революции 1905 года, на сцене появились пьесы, так характерные для литературного распада.

Величие гения К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко состоит, между прочим, и в том, что они поняли новое, советское время как время расцвета лучших сил народных и именно поэтому как время лучшего расцвета культуры.

Так началась новая жизнь Московского Художественного театра — в первых рядах социалистического искусства, длящаяся уже много дольше старой, насчитывающая на своем пути лучшие победы театра и все еще очень молодая, как молодо все наше социалистическое общество.

Дорогие друзья! Мы счастливы, что вместе с вами начинали эту новую жизнь, что мы ваши современники, что наш труд неразрывно сплетен с вашим трудом.

Источником самой чистой гордости для нас служит сознание того, что с этих подмостков заговорили языком нашего прекрасного искусства герои пьес наших товарищей — К. Тренева, Вс. Иванова, Л. Леонова, В. Катаева, В. Киршона, А. Афиногенова, А. Корнейчука, Н. Погодина, И. Вирты, К. Симонова, А. Крона, Б. Чирскова, С. Маршака.

Но мы сознаем и свою вину перед вами. Мы знаем, что прекрасная птица, которая изображена на вашем занавесе, могла бы взлететь выше, если бы мы могли дать побольше пьес, выражающих великий творческий дух нашего народа, достойных уровня вашего искусства.

Мы обещаем приложить все силы к тому, чтобы преодолеть эту нашу слабость. Великий Горький сказал, что не работать для Художественного театра — преступление. И народ не простит нам этого. Значит, мы обязаны выполнить свое обещание.

Слава и честь вам, дорогие товарищи, в день пятидесятилетия вашего театра!

Пусть развивается на благо народа наше советское искусство!

Да здравствует благородная вдохновительница нашего движения вперед, великая партия большевиков!

1948

НАШ МОЛОДОЙ ЧИТАТЕЛЬ

Советская литература многим обязана существованию такой чудесной организации, как Всесоюзный Ленинский комсомол, созданный и воспитанный нашей партией.

Первое, начальное представление о великих коммунистических идеях нашей партии многие из нас, советских писателей, получили через комсомол. Это было естественно и закономерно для лучшей части писателей моего поколения, писателей первых лет революции, гражданской войны, для тех, кто тогда начинал свою деятельность. И это стало сейчас правилом для лучших писателей последних пятнадцати лет нашей жизни и строительства. Особенно это относится к тем молодым литераторам, чей творческий путь начался в годы Великой Отечественной войны.

В советской литературе с самых первых дней ее существования нашла свое отражение, конечно далеко не полное, героическая борьба рабоче-крестьянской молодежи в первые годы советской власти и строительства социализма. Идеи коммунизма вдохновили советскую литературу с самых первых ее шагов, и недаром до сих пор живут многие песни первых лет революции и гражданской войны, до сих пор известны имена многих поэтов той поры, во всяком случае лучших из них. И сейчас их именуют «комсомольскими» поэтами, хотя они уже подходят к пятидесяти годам. Символом времени явился Павел Корчагин, который в веках запечатлен как образ комсомольца тех прекрасных лет.

Героическая деятельность молодежи находит яркое отражение в литературе последних лет, особенно в литературе периода Отечественной войны. Нечего говорить о том, что теперь многие миллионы молодых людей именно благодаря книгам советских писателей воспитываются на образах Зои Космодемьянской, Лизы Чайкиной, Александра Матросова, героических краснодонцев и других безыменных героев наших книг. Конечно, значение нашей художественной литературы для комсомола заключается не только в изображении молодежи. Нет, советская литература изображает всю нашу жизнь, во всем ее многообразии, и именно этим она дорога для широких, многомиллионных масс советской молодежи. Ведь читателя интересуют все стороны жизни. И если литература сумеет показать полно и правдиво черты нашего времени, эпохи великого созидания, то этим она возвратит свой долг комсомолу.

Сегодня, в день юбилея комсомола, нельзя не сказать о недостатках советской литературы, о том, чего она еще, к сожалению, не дает молодежи. До сих пор у нас мало книг, отражающих деятельность колхозной молодежи, ее героические дела, о которых мы ежедневно узнаем со страниц газет. Особенно непростительно, что у нас почти не показан труд молодых рабочих и работниц, юношей и девушек на нашем социалистическом производстве. А ведь этот труд поэтичен по самому своему существу и поэтому представляет благодарную тему для любого писателя и поэта. Именно показывая индустриальный труд, можно с наибольшей силой отразить тот величайший процесс преобразования природы, овладения ее силами, который является наиболее показательным для нашего социалистического труда. В индустриальном социалистическом труде наиболее успешно вырабатывается чувство коллектива, которое сочетается с практической сметкой, новаторством, творческим полетом инженерной мысли и способствует формированию нового человека. Здесь с большой силой проявляется человеческий гений. Образ этого нового человека в индустриальном труде наша литература не может не воплотить на своих страницах.

Когда я был молодым человеком и входил в революционную деятельность, то начало пути я проходил на

Дальнем Востоке, ведя политическую работу среди молодежи промышленной, рабочей, и я очень многим обязан ей в своем развитии. Помню одно из первых ощущений своей юности: каким вдохновенным показался мне труд на производстве, какое очарование исходило от рабочих людей с их революционной энергией, чувством коллектива, дисциплиной, трудовыми навыками! Очень важно, чтобы это вдохновение труда и сознание своего общественного назначения приходило к юноше или девушке вместе с первыми шагами их сознательной жизни.

Поэтому особенно жаль, что очень мало у нас книг о молодых рабочих, о ремесленных училищах, о трудовых резервах. А они нужны, потому что молодые рабочие хотят прочесть книги о себе, о своем труде. Герой производства должен стать героем литературы. Человек, который ничего не делает для общего дела коммунизма, недостойн называться советским человеком. Лучшие черты человека проявляются в его делах. Это, конечно, не означает, что мы не должны изображать человека всесторонне, во всех его жизненных, истинно человеческих проявлениях.

В суровые дни Отечественной войны наш современник стоял перед грозным потрясением, ему грозила смерть — он преодолевал смерть, отдавая жизнь за родину. Этот вдохновенный подвиг советская литература уже изобразила и долго еще будет возвращаться к нему. Но о вдохновенности «прозаического» труда наша литература еще не научилась говорить полным голосом.

Крупнейшим недостатком нашей художественной литературы является то, что она мало занимается вопросами коммунистического воспитания. Она еще не показала, как всегда и во всем наша партия воспитывала и воспитывает молодежь. Это относится и к роману «Молодая гвардия», который, в основном, был подвергнут справедливой критике.

Сейчас я работаю над тем, чтобы показать в этом романе воспитывающую роль партии, деятельность большевистского подполья в Отечественной войне. Работа близится к концу. Мне хочется, чтобы эта книга успела выйти к съезду комсомола.

Советские писатели в дни славного юбилея Ленин-

ского комсомола должны обещать всей молодежи преодолеть эти недостатки советской литературы. Это наш долг. Нужно стремиться к тому, чтобы наша литература действительно охватила все вопросы и все стороны жизни нашего великого народа и нашей молодежи в эпоху, когда все дороги ведут к коммунизму. Советская литература крепко связана с партией, народом, поэтому нельзя сомневаться в том, что она сумеет оплатить свой долг перед молодым поколением строителей коммунизма.

1948

ПОКАЗАТЬ ЧЕЛОВЕКА В ЕГО ТРУДЕ

Наша литература — реальная, действенная сила в коммунистическом воспитании людей, она все больше и больше завоевывает аудиторию и за рубежом, несмотря на то, что наши враги пытаются препятствовать этому.

Успешному развитию литературы способствовали исторические постановления ЦК партии, которые расчистили дорогу нашей литературе и явились программой всего нашего художественного движения вперед. Ничто так не облегчает литературное развитие, как полная идейная и теоретическая ясность, при которой становятся понятными задачи и то, что им противостоит, мешает их выполнению. В направляющих, руководящих указаниях нашей великой партии по вопросам развития искусства — залог нашего движения вперед.

Советская литература развивается не изолированно, а как передовой отряд прогрессивной, демократической литературы мира, и мы выступаем здесь как пролагатели новых путей в борьбе с буржуазными влияниями.

По сути говоря, современная буржуазная литература перестает быть литературой в собственном смысле слова, потому что утрачивает главное содержание искусства — человека. Все чаще и чаще мы видим, как самый грубый натурализм, который развенчивает человеческое достоинство, соединяется с упадочной, декадентской, вымученной, непонятной народу формой.

Наша литература полна веры в человека и стоит за справедливые человеческие отношения. Она является знаменосцем новой, социалистической правды и, будучи

национальной по формам, глубоко интернациональна по своему значению. И, конечно, заслуги украинских писателей — второго по мощности отряда нашей многонациональной литературы — очень велики. Теперь вся страна уже знает имена украинских поэтов и прозаиков, без которых наша литература оказалась бы намного беднее.

Особенно ценно и примечательно появление хорошей прозы в украинской литературе. Раньше страна знала талантливых украинских поэтов, а проза как будто бы отставала. Теперь же заметно развивается украинская проза, и, что особенно важно, появились новые молодые кадры литераторов-прозаиков. Украинскую литературу можно поздравить с замечательными успехами на пути ее развития.

Я хочу в своем выступлении остановиться только на одном, очень существенном для нас вопросе. Я имею в виду развитие драматургии и киномдраматургии. Эти жанры особенно ценны и нужны с точки зрения воздействия на многие, многие миллионы людей.

Конечно, и в области драматургии, и в области кино у нас есть крупные удаchi. И все-таки остается несомненным тот факт, что мы, по существу, не выполнили постановления ЦК ВКП(б) о репертуаре наших театров, что развитие советского театра в значительной мере тормозится отсутствием настоящих, хороших пьес. Не лучше обстоит дело и в кино.

Что же, собственно говоря, является главным тормозом в развитии этих нужных нам жанров? Мне кажется, что здесь есть несколько причин и они кроются в нас самих.

Нигде не требуется такого подлинного знания жизни, как в драматургии и в киномдраматургии. Эти жанры построены на конфликте, а когда писатель должен показать конфликты, столкновения побеждающего нового со старым, то их, эти конфликты и столкновения, нельзя выдумать из головы, их можно постичь только в реальной действительности. Если художник лишен подлинного чувства нового и знания явлений этого нового, он не может быть хозяином конфликта в пьесе, он становится его рабом. Только писатель, хорошо знающий нашего советского человека и понимающий, как проходит в жизни борьба нового со старым, может с позиций нового рельефно, смело, сильно вскрывать проявления старого и верно разрешать все конфликты.

Вторая причина в том, что эти жанры предполагают борец характеров. А мы немножко недооцениваем особенности нашего социалистического гуманизма и иногда пытаемся решать конфликты в пьесах и сценариях по старым меркам. Вот, к примеру, формула старого гуманизма, принадлежащая великому Белинскому. Ее человеческое содержание сохранилось, но она уже для нас недостаточна. Белинский писал:

«Есть много родов образования и развития, и каждое из них важно само по себе, но всех их выше должно стоять образование *нравственное*. Одно образование делает вас человеком ученым, другое — человеком светским, третье — административным, военным, политическим и т. д.; но нравственное образование делает вас просто «человеком», то есть существом, отражающим на себе отблеск божественности и потому высоко стоящим над миром животным. Хорошо быть ученым, поэтом, воином, законодателем и проч., но худо не быть при этом «человеком»; быть же «человеком» — значит иметь полное и законное право на существование и не будучи ничем другим, как только «человеком»¹.

Можно понять, почему Белинский в известной мере противопоставил «нравственное» образование образованию «по роду деятельности»: последнее доступно было во времена Белинского по преимуществу классам привилегированным. Но наше общество не знает привилегированных классов.

Нравственное образование необходимо нам и сегодня, как воздух. Но наш социалистический гуманизм говорит о том, что для нас человек, который не проявляет себя в деянии, даже и не человек. Высшая нравственность у нас — в труде, в отношении к труду. Мы должны показывать человека разносторонне, целостно, и мы не можем показывать человека вне труда. В этом наша новаторская задача. Мы, например, не можем показать полководца просто «человеком», не показав, как он действует как полководец. Изображение Толстым Кутузова гениально с точки зрения характера (не говоря уже о мастерстве), но оно ложно потому, что Кутузов Толстого — это не реальный, исторический Кутузов. Толстой считает, что

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд.-во АН СССР, стр. 391.

Кутузов важен *только* как выразитель патриотического духа народа. Это действительно важно, но его полководец даже не руководит армиями, более того — толстовский Кутузов противник той точки зрения, что можно вообще руководить армиями. Вот почему этот образ грешит против истории.

Революционно-демократическая критика замечала подобные недостатки в прошлой литературе. Добролюбов, например, оценивая роман Тургенева «Накануне», писал: «Тургенев весь отдается изображению того, как Инсарова любят и что из этого происходит. Там, где любовь должна, наконец, уступить место живой гражданской деятельности, он прекращает жизнь своего героя и оканчивает повесть»¹.

Многие ошибки, которые отмечались нашей прессой в драматургии, происходят из-за того, что не найдена новая природа конфликта и герой не показан в самом главном проявлении своей человеческой сущности — в труде, в деянии. Вспомним, как критиковалось изображение большевиков в моем романе «Молодая гвардия». Помимо политической стороны вопроса, которая вам хорошо известна, в романе есть и тот недостаток, что я не показал большевиков в работе. Я как бы хотел сказать читателям: «Хотя они плохо работают, но вы их любите, они хорошие люди». А между тем они в моем произведении только декларируют хорошие мысли, а как деятели проваливаются.

Как можно изобразить по-новому, в соответствии с методом социалистического реализма, к примеру, учителя, не показав, как он учит? Ведь любая деятельность вдохновенна, в ней есть поэтическое содержание, и, прежде всего, через труд человека (хотя, разумеется, *не только* через труд) можно наиболее глубоко выразить подлинную советскую сущность человека. Когда наши драматурги и сценаристы не умеют найти это основное звено, они пытаются подставить какую-нибудь старую сюжетную схему, которая раньше выражала *только* личные человеческие отношения — семейные, любовные и т. д. А мы должны, не обедняя жизнь наших героев, находить природу конфликтов, прежде всего, в новом отношении

---

¹ Н. А. Добролюбов, Избранные философские сочинения, т. 2, Госполитиздат, М. 1946, стр. 197.

к труду, к деянию. Рабочие-новаторы не могут быть показаны вне своего труда (что вовсе не предполагает подмены изображения характеров показом техники производства), и даже школьную повесть нельзя написать без того, чтобы не показать, как учится школьник. И это труднее всего дается в драматургии, где конфликт обнажен, заострен и требует новой формы, отвечающей новой природе конфликта.

Третья причина слабости драматургии состоит именно в том, что советские драматурги мало работают над формой. А. Корнейчук был совершенно прав, говоря об этом в своем докладе. Недостаточная работа над формой особенно пагубно сказывается именно на драматургии — наиболее трудном жанре литературы.

Обладая такой великолепной театральной культурой и таким передовым кино, мы, советские писатели, не имеем права тормозить развитие этих видов искусства. У нас замечательные актерские силы, а мы часто даем им художественно слабые вещи.

Борясь против формализма, — мы за совершенную форму и мы за красоту в искусстве, ибо мы должны прививать людям чувство прекрасного.

Не только в драматургии, но и в прозе, и в поэзии у нас есть известное пренебрежение к форме. Теперь очень многие из растущих, талантливых художников молодого поколения пренебрегают элементарным правилом, которое раньше для любого прозаика было законом: прозаическое произведение не может быть выпущено в свет, если оно, по крайней мере, раза три не переписывается от руки. Это элементарно. Эти навыки труда надо развивать у нашей литературной молодежи, упорно прививать ей любовь к языку, стилю. А в области драматургии и сценарного дела, — где особенное значение имеют вопросы композиции, — мы должны создать своего рода творческую лабораторию, где люди учились бы работать над формой. Я повторяю, что ни мы, русские писатели, ни вы, украинские писатели, и никто из писателей наших братских народов не имеет права дальше тормозить развитие такого массового искусства, как кино и театр. Мы должны здесь выйти победителями, исправить известную нашу слабость. И можно не сомневаться, что мы эту задачу решим.

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ОТСТАВАНИЯ ДРАМАТУРГИИ

Наша советская драматургия — такое же новое слово в художественном развитии человечества, как и все наше советское искусство. И, как все новое, она имеет противников, которые не хотят движения вперед. В плане литературном — у нашей драматургии совершенно тот же противник, что и у всего советского искусства. Наша драматургия стоит на позициях политического воспитания людей. Мы признаем партийную драматургию, а противник стоит на позициях аполитичного искусства, «искусства для искусства», на позициях эстетствующего формализма. И самым главным доводом противника испокон века было то, что якобы все наше советское искусство художественно слабо.

Как это ни странно, в старое время с этой стороны подвергался атаке на протяжении всей своей жизни Горький — один из титанов русской литературы, стоящий в ряду таких имен, как Пушкин, Толстой, Чехов. Горький стоял у истоков нашей драматургии. В «Мещанах», «Врагах», «Егоре Булычове», «Достигаеве» наряду с наиболее выразительной, наиболее сильной критикой эксплуататорского общества Горькому удалось дать образы рабочих людей — преобразователей мира. Он первый показал, что вошел в мир новый человек, с новым кругом идей, с новой нравственностью и моралью, с новыми понятиями и представлениями во всех вопросах жизни.

Так же была принята в свое время нашим идейным противником «Любовь Яровая» К. Тренева, но она была

поддержана советским зрителем и партийным мнением, и время показало, что эта вещь чрезвычайно талантлива. Это наша советская классика.

Н. Погодин, вспоминая, как он сам входил в драматургию, говорил, что формалистская критика выступала против него. Он приводил пример, как трудно складывался в этом смысле драматургический путь Б. Ромашова, перед которым был тот же самый противник. Каждое новое явление советской драматургии наш идейный противник встречал в штыки, но партия поддерживала новое — и советская драматургия неизменно побеждала. И ныне подлинное лицо идейного противника, лицо формализма, легче всего раскрыть по отношению к тому передовому, лучшему, что не абстрактно, а конкретно имеется сейчас в советской драматургии.

Когда наши эстетствующие критики выступают с этой трибуны, они показывают свой фасад, этакое «барокко», все в завитушках, — и, ничего не скажешь, — красиво. Но есть два учреждения — Всероссийское театральное общество под крылом Комитета по делам искусств и Центральный дом литераторов под крылом Союза писателей. Там происходят непрерывные совещания и заседания драматургов и театральных деятелей, все стенографируется, так сказать, «для истории», и там мы можем видеть изнанку этого «барокко» и по этой изнанке можем судить, что люди на самом деле думают, когда они разговаривают в кулуарах.

Когда мы обращаемся к стенограммам этих совещаний и заседаний, то бросается в глаза, что почти любое новое явление современной драматургии подвергается прежде всего атаке под углом как бы «эстетической» критики, критики художественных недостатков. Но стоит внимательно присмотреться к этой критике, как станет ясным, что ее огонь направлен не против действительно вредных и худших явлений в области драматургии, а против передовых и лучших. Таким образом, под видом критики художественных недостатков ниспровергается то новое в жизни, что несет с собой передовая драматургия.

Недели две тому назад здесь, под крылом Союза советских писателей, происходило совещание драматургов и театральных деятелей, и тут т. Малюгин показал образцы, как все это продельвается. Весь огонь его критики

был направлен на хорошие пьесы истекшего года — «Великая сила», «В одном городе».

Разумеется, в этих пьесах есть — у каждой свои — художественные недостатки. Но их достоинства неоспоримо выше их художественных недостатков. И почему же, собственно говоря, весь основной удар направлять именно на лучшие пьесы в этом сезоне, а не на пьесы плохие, искажающие и опошляющие облик советского человека?..

Такого же рода деятельностью занимается критик т. Борщаговский. Мы помним, например, как он пытался опорочить талантливую пьесу А. Корнейчука «В степях Украины»...

А на том совещании, которое состоялось две недели назад в Центральном доме литераторов, т. Борщаговский, также умалчивая о пьесах, извращающих советскую действительность и советских людей, атаковал пьесу А. Софронова «Московский характер» и Малый театр, поставивший эту пьесу.

Каков же идейный смысл всей этой критики? Можно ли ее рассматривать как стремление по-хозяйски сплотить и объединить передовую советскую драматургию, что, разумеется, предполагает в числе прочего и критику ее недостатков? Нет, потому что первым актом критики должно быть определение того жизненно нового, что внес писатель своим произведением, и нападение на идейных противников, которые не любят нового и стремятся свалить напрочь советскую драматургию. А уже после того можно и нужно заняться рассмотрением ее недостатков.

Вспомним, к примеру, как спланировал и вдохновлял литературу нового, реалистического направления, которое называлось тогда «натуральной школой», В. Г. Белинский — великий организатор могучей реалистической литературы XIX века в России. Считал ли он всех представителей этого реалистического направления гениями или необыкновенными талантами? Нет. Он писал:

«Мы отнюдь не хотим этим сказать, чтобы все новые писатели, которых... причисляют к *натуральной школе*, были все гении или необыкновенные таланты; мы далеки от подобного детского обольщения. За исключением Гоголя, который создал в России новое искусство, новую литературу и которого гениальность давно уже признана не нами одними и даже не в одной России только, — мы

видим в *натуральной школе* довольно талантов, от весьма замечательных до весьма обыкновенных. Но не в талантах, не в их числе видим мы собственно прогресс литературы, а в их направлении, их манере писать. Таланты были всегда, но прежде они *украшали природу, идеализировали действительность*, то есть изображали несуществующее, рассказывали о небывалом, а теперь они воспроизводят жизнь и действительность в их истине. От этого литература получила важное значение в глазах общества».

Это из статьи Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года», статьи, в которой он атаковал Достоевского, почувствовав реакционные стороны его «Двойника», и защитил Григоровича, талант которого был ниже таланта Достоевского, но который писал верно картины жизни. Белинский критиковал Григоровича, но, во-первых, после того, как он осудил Достоевского за реакционные стороны его «Двойника», а во-вторых, он критиковал Григоровича по-хозяйски.

«О г. Григоровиче мы теперь же скажем, что у него нет ни малейшего таланта к повести, но есть замечательный талант для... очерков общественного быта... К недостаткам повести принадлежат... натянутые, изысканные и вычурные местами описания природы. Но что касается собственно до очерков крестьянского быта, — это блестящая сторона произведений г. Григоровича. Он обнаружил тут много наблюдательности и знания дела и умел выказать то и другое в образах простых, истинных, верных, с замечательным талантом. Его «Деревня» — одно из лучших беллетристических произведений прошлого года».

В двух других своих статьях, «Взгляд на русскую литературу 1847 года», Белинский блестяще разоблачил противников реалистического направления русской литературы и в их числе сторонников так называемого «чистого искусства». Белинский доказал, что «школы, неприязненные натуральной, не в состоянии представить ни одного сколько-нибудь замечательного произведения, которое доказало бы делом, что можно писать хорошо, руководствуясь правилами, противоположными тем, которых держится натуральная школа. Все попытки их в этом роде послужили к торжеству натурализма... (т. е. реализма. — А. Ф.). Видя это, некоторые из противников

натуральной школы пытались противопоставлять ей ее же писателей. Так, одна газета думала г. Бутковым уничтожить авторитет самого Гоголя...»

И, как известно, Белинский защитил теперь никому не известного писателя Буткова от сторонников «чистого искусства» за то, что он правдиво отобразил известные стороны жизни.

Белинский провидел великое будущее «натуральной школы» и вскрывал ее недостатки тем смелее, чем решительнее он оберегал ее от всех ее идейных противников. Он писал:

«...в лице писателей натуральной школы русская литература пошла по пути истинному и настоящему, обратилась к самобытным источникам вдохновения и идеалов и через это сделалась и современною и русскою. С этого пути она, кажется, уже не сойдет, потому что это прямой путь к самобытности, к освобождению от всяких чуждых и посторонних влияний. Этим мы отнюдь не хотим сказать, что она всегда останется в том состоянии, как теперь; нет, она будет идти вперед, изменяться, но только никогда уже не оставит быть верною действительности и натуре. Мы нисколько не обольщены ее успехами и вовсе не хотим преувеличивать их».

Белинский жил и работал тогда, когда в числе его идейных противников были и весьма крупные писатели. В то же время западная литература еще давала реалистические произведения большой художественной ценности. Но Белинский умел найти слова для определения нового и особенного, что нес с собой великий русский реализм, объединяя вокруг своих идей и малое и большое.

Наша драматургия создается в условиях, когда ничего, решительно ничего художественно ценного не может создать и не создает буржуазное искусство, когда действительно прогрессивные силы западноевропейской и американской драматургии идут в одном строю с советской драматургией. А критики вроде гг. Малюгина и Борщоговского, вместо того чтобы разоблачать буржуазную идеологию, низкопоклонство перед современной буржуазной культурой, вымученные формалистические произведения или произведения, в которых грубо извращается советская жизнь и советский человек, в первую очередь стремятся подбить ноги советским драматургам, отражающим новое в советской жизни.

Стоит просмотреть стенограммы всевозможных заседаний и совещаний в ВТО — и станет видно, что ни одно, буквально ни одно из лучших произведений советской драматургии последнего времени — «В степях Украины» А. Корнейчука, «Великая сила» Б. Ромашова, «За тех, кто в море!» Б. Лавренева, «В одном городе» и «Московский характер» А. Софронова, «Русский вопрос» К. Симонова — не прошло без того, чтобы не встретить более или менее прикрытого, а на деле враждебного сопротивления.

И эти критики хотят доказать, что они критикуют наших драматургов с каких-то высоких художественных позиций! Великий Белинский с его непревзойденными по требовательности эстетическими критериями находил слова критики для великого Пушкина и слово защиты для маленького Буткова. А наши провинциальные эстеты со своими мелкими вкусами и требованиями не находят ничего лучшего, как дискредитация всего передового, что имеется сейчас в драматических произведениях социалистического реализма. Каковы вкусы этих ценителей искусства, можно видеть по высказываниям Малюгина на совещании, о котором я уже говорил.

Вы уже слышали, что он подверг осмеянию пьесы «Великая сила» и «В одном городе». В то же время он нашел нужным сказать: «Мне кажется, что при всех недостатках, которые имеют пьесы «Вас вызывает Таймыр» и «О друзьях-товарищах», если мы будем идти по принципу уничтожения, то ничего в этом жанре не сделаем». Таким образом, у Л. Малюгина нашлись пежные слова для того, чтобы защитить пьесы, находящиеся на низком идейно-художественном уровне.

Кем питаются эти аполитичные, старопроvincиальные, эстетские взгляды на нашу драматургию? Они питаются некоторыми еще не разоблаченными авторами ряда критических работ, которые долгое время считались «авторитетами» в области драматургии и театра, но странно замолкли после постановления ЦК ВКП(б) о репертуаре наших театров. Я имею в виду А. Гурвича, Ю. Юзовского — критиков, стоящих не на марксистско-ленинских позициях, а на позициях аполитичности искусства, проверяющих явления советской драматургии и театра не ходом самой живой жизни, а отвлеченными, книжными критериями: насколько тот или иной автор

современной драмы достиг уровня какого-либо из великих праотцев, большей частью Шекспира или Бальзака.

Говорят, что наша критика не дифференцирована. Действительно, она живет в затхлой атмосфере приятельских отношений, но внутри нее есть известная дифференциация, которая идет на пользу нашим идейным противникам. Тт. Гурвич, Юзовский стоят как молчащие «столпы-авторитеты», их неверные взгляды, отраженные в былых статьях и книгах, остаются нераскритикованными, а с их позиций пытаются дискредитировать нашу советскую драматургию тт. Борщаговский, Малюгин, Бояджиев. А другие критики, как, например, Альтман, также по приятельским соображениям, не дают отпора вредным, аполитичным взглядам на искусство, примиренчески относятся к ним.

Здесь обвиняли А. Софронова в том, что он хотел защитить от критики МХАТ имени Горького и Малый театр. Нет, в этих театрах есть немало того, что можно критиковать. Но как критикуется, скажем, Художественный театр на заседаниях и совещаниях наших драматургов с представителями театральных деятелей, под крылом Комитета по делам искусств и Союза советских писателей?

Выступает, к примеру, Н. Погодин, с такой точкой зрения, что театры «нивелируются» и все становятся похожими на МХАТ; то ли дело в прошлом: Камерный театр имел свое лицо, Н. Охлопков, ставивший «Аристократов» Погодина, имел свое лицо. Но Погодин забывает, что Камерный театр, когда он имел так называемое «свое лицо» (в понимании Погодина), был под большим буржуазно-эстетским влиянием, а сейчас Камерный театр мог бы обрести подлинное свое лицо, если бы он более последовательно стал на позиции социалистического реализма, вырабатывая свои формальные особенности, но отбросив прочь свое буржуазно-эстетское прошлое.

Н. Охлопков периода постановки «Аристократов» был в значительной мере подражателем левацких, формалистских образцов театрального искусства. И только теперь Московский театр драмы, которым руководит Н. Охлопков, обретает свое лицо, потому что овладевает методом социалистического реализма, вырабатывая свои формальные особенности. Только очень неграмотный

человек может предполагать, что движение театра к социалистическому реализму лишает его своего лица. Наоборот, только социалистический реализм помогает обрести творческую индивидуальность для всякого театрального деятеля, ибо только социалистический реализм позволяет выразить самые глубокие процессы жизни и в то же время — самые лучшие, благородные силы души данной творческой индивидуальности.

На том же пресловутом совещании в Центральном доме литераторов, две недели назад, Н. Погодин выразил следующую точку зрения на наши театры: «С некоторых пор, на мой взгляд... в театрах, где раньше, где позже (эти моменты клиническим путем установить трудно), возникла анемичность. Мне кажется, она возникла после войны. Причины, как я их расцениваю... заключались, по крайней мере у театра, а потом у драматурга, когда появилась пагубно влияющая на искусство театра и развитие драматургии обязательность, директивность в отношении того или иного драматургического произведения».

Я временно оставляю в стороне вопрос о так называемых «обязательности» и «директивности», а прослежу развитие, так сказать, «творческих взглядов» Н. Погодина. Далее он развивает уже разобранный нами положение о так называемой «нивелировке» театров и так объясняет это не существующее на деле явление: «Это как пример... безразличия, холодности, утраты всяких связей с современностью, в отношении к этой современности и со стороны театров, и со стороны драматургов».

И вот какие взгляды позволяет себе выразить Н. Погодин на Московский Художественный театр: «Буду опять грубо откровенным... Говорили в данном случае о Художественном театре. Художественный театр — это общо... Это — здание, это — портреты, это — птица, но есть люди, живые люди, как они рассуждают?.. Спрашиваешь: «Что вы ставите?» — «Мы сами не знаем». У нас пьесы пишутся по заказчику, а в общем представить трудно. Это происходит от безответственности, от циничного безразличия, установившегося уже».

Вот до какого, — не мнимо, а действительно циничного отношения к своим товарищам по перу и к прекрасным советским деятелям реалистического театра дошел в своей критике Н. Погодин.

В своем выступлении Н. Погодин распространил свою точку зрения на все театры, сделав исключение только для театра имени Ермоловой и театра Ленинского комсомола. Нечего удивляться, что художественный руководитель Малого театра т. Зубов вынужден был уйти с этого совещания, справедливо почувствовав в словах Погодина не критику тех или иных недостатков Художественного и Малого театров, а вольную или невольную попытку подорвать у советских литераторов и деятелей театра любовь и доверие к национальной гордости русского искусства, лучшему, что создал русский народ в области театра.

А вслед за Н. Погодиным, так же легко дискредитируя реалистическое направление и в советской драматургии, и в советском театре, т. Борщаговский напутствовал художественного руководителя одного из лучших театров страны следующими словами:

«Когда патетически Зубов начинает говорить, что Софонов дышит идеями нашего времени, какое-то придыхание, какое-то священнодействие в эту минуту творится во всем существе режиссера-художника. Я сопоставляю этот ложноклассический темперамент, сопоставляю со спектаклем в Малом театре на советскую тему».

Я не могу это назвать иначе, как желанием расшатать доверие театров к советской теме и расхолодить их в деле постановки советских спектаклей в театрах.

Я вынужден привлечь ваше внимание еще к одному совещанию — к обсуждению спектакля «Молодая гвардия» в Московском театре драмы, состоявшемся в ВТО. В постановке «Молодой гвардии» Н. Охлопков одержал немалую победу. В спектакле у него был тот же идейный недостаток, что и в романе. Теперь этот недостаток исправляется и мною, автором романа, и театром. Но этот спектакль был победой реалистических методов в искусстве. В спектакле чувствовались известные остатки прошлых антиреалистических взглядов Охлопкова, и они спижали спектакль. Ведь Н. Охлопков придерживался антиреалистических взглядов на театр еще совсем недавно.

Но живая жизнь перевела Н. Охлопкова на позиции реализма и заставила его во многом по-новому взглянуть на свою работу.

Но с каких же позиций обсуждался спектакль в ВТО? Критик Бояджиев запел прежде всего дифирамбы формалистическому прошлому Охлопкова: «Вы не свернули

трусливо со своей дороги, на которой было так много ухабов, вы победили, оставаясь верным своему образному видению мира. Я рад за вас, за победу ваших принципов... Не знаю, как вы воспринимаете мою долголетнюю критику, но я нападал на вас с берегов этого студеного моря, иными словами, нападал с ваших же позиций. А вам, конечно, казалось, что вас поносит в газетах, журналах и книжках критик, у которого в жилах вместо крови течет переваренная вода и для которого добродетели гнездятся только там, где распростерты благодатные крылья чайки».

Как видите, даже победа Охлопкова на реалистических путях используется для того, чтобы с формалистических позиций ударить по цитадели реализма—по МХАТ имени Горького. А критик Е. Сурков, который в то время был работником Всесоюзного комитета по делам искусств, так вторил Бояджиеву: «Я должен сказать, что моя позиция несколько отличается от позиции моего предшественника, потому что у меня нет давних споров и распрей с режиссером этого спектакля».

Короче говоря, Е. Сурков всегда был согласен с Охлопковым и в прошлом и рассматривает его спектакль как утверждение *прежних* принципов Охлопкова. С этой точки зрения становится понятным дальнейшее нападение Е. Суркова на другой реалистический спектакль — «Молодая гвардия», поставленный режиссером С. Герасимовым в Театре киноактера. «Да, это очень существенно, то, что сделал Герасимов, и очень неверно, — говорит Е. Сурков, — это очень неверно, особенно потому, что иной путь, несравненно более близлежащий к истине, предложен в спектакле, сделанном Охлопковым».

Как видите, все разговоры о необходимости самостоятельного лица театров на поверку оказываются ложными. Вместо того чтобы поддержать два реалистических спектакля, имеющих каждый свое самостоятельное творческое лицо, Е. Сурков нападает на спектакль С. Герасимова с позиций формализма. Е. Сурков с насмешкой говорит об образах спектакля, явившегося прелюдией к фильму «Молодая гвардия» — этой победе социалистического реализма в кино. Оказывается, у С. Герасимова в образе Олега Кошова ходит «маленький мальчик с круглым, благодушным, розовым лицом, ходит, аккуратно поправляя складки на брючках и расчесывая на лоб спадающие волосы школьной гребенкой... В первую мину-

ту, — продолжает Е. Сурков, — у меня возникает чувство огромного интереса к маленькому мальчику в хорошо разглаженных брючках, с розовыми щеками, но это продолжится действительно только одну минуту...»

Реалистическая победа Н. Охлопкова используется, таким образом, критиками этого направления тт. Бояджиевым и Е. Сурковым для нападения на реалистическое искусство и в театре и в кино.

И вот как ответил этой эстетствующей и подлаживающейся критике сам автор этого спектакля Н. Охлопков, давно ушедший вперед от позиции своих мнимых поклонников:

«Весь глубочайший смысл решения ЦК ВКП(б) о театральном репертуаре ты постигаешь тут, при встречах со зрителем, живо ощущая, что по-настоящему и глубоко может его волновать и заставить остро переживать. И мы являемся свидетелями того, как такое взволнованное восприятие зрителей идейно глубокого спектакля... возвышает самого артиста, вдохновляет его и озаряет светом настоящей сценической правды... Только черная свое вдохновение из глубокого философского осмысливания нашей жизни, только поднимая на щит самые передовые идеи нашего героического времени, только раскрывая самый сокровенный поэтический смысл жизни, — можно двигать наше искусство вперед, как оружие воинствующего гуманизма».

И еще одно интересное сопоставление. В своем выступлении в Центральном доме литераторов Л. Малюгин сетовал: «Бедой нашей драматургии является то, что, справедливо занимаясь трудом героя, считая это главным, занимаясь его общественной деятельностью, наши драматурги перестали интересоваться личной жизнью героя. Мы почему-то стараемся эту сторону нашей жизни, этого человека скрыть». А т. Охлопков на обсуждении спектакля «Молодая гвардия» правильно говорил: «Даже неумелый драматург может сейчас в тысячу раз больше сделать, чем «умелый драматург», который не может вылезти из рамок кровати».

Н. Охлопков уже понял, что глубина изображения личных качеств в человеке произойдет не оттого, что драматурги перестанут заниматься общественными отношениями, а оттого, что драматурги по-настоящему поймут глубину общественных коллизий и конфликтов

в действительной жизни, где личное сливается с общественным и где личные коллизии, — которые, разумеется, надо широко показывать, — являются одной из сторон выражения конфликтов общественных.

Нетрудно видеть, что формалистская критика тянет наших передовых режиссеров назад, в то время как они сами движутся вперед по пути реалистического искусства.

И пусть извинят меня уездные «небожители» и законодатели эстетических вкусов, порожденных раболепием перед западноевропейским буржуазным искусством, за то, что я не могу не видеть в них главных виновников как раз низкого *художественного* качества многих наших пьес и спектаклей.

Ведь если бы мы не вынуждены были тратить драгоценное время на то, чтобы защитить ростки нового в советской драматургии от враждебного к ним отношения, мы могли бы на всех этих совещаниях, и особенно здесь у нас, на пленуме, с подлинной высоты наших эстетических требований разобрать все действительные художественные недостатки лучших наших пьес и тем самым двинуть вперед дело развития советской драматургии. И никто из передовых авторов на нас бы не обиделся, понимая, что мы критикуем свое, родное, — с передовых позиций современности.

А эстетствующая критика со своим уездным масштабом «напускает» всяческого тумана вокруг ясных вопросов, ставя своей целью прежде всего поломать ноги советской драматургии.

Юзовский пытался найти противоречие между этой моей позицией на пленуме и тем, что я говорил на украинском съезде писателей по поводу советской драматургии. Я говорил на съезде о некоторых творческих причинах отставания советской драматургии: о недостаточном знании жизни и недостатке чувства нового; о социалистическом гуманизме, который диктует нам искать основы драматических конфликтов и коллизий прежде всего в сфере труда, человеческой деятельности; о необходимости повышения художественного мастерства. И с каким бы удовольствием и я, и весь наш пленум занимались бы разбором этих вопросов, двигая вперед идейно-художественное развитие нашей драматургии, если бы не были вынуждены тратить время на разоблачение эстетов и формалистов!

Это мое выступление на пленуме является необходимым идеологическим предисловием к тому, что я говорил на съезде писателей Украины и что мне хотелось бы развить на пленуме.

Последнее замечание — о «пагубно влияющей на искусство театра и развитие драматургии обязательности, директивности в отношении того или иного драматургического произведения» — этом новом открытии Н. Погодина.

Я хочу спросить: зачем хорошему советскому драматургу повторять подобные наветы на советское искусство? Такие слова о советском искусстве говорят обычно противники идейной направленности нашего искусства, противники партийного руководства искусством, противники самого преданного идеалам народа и потому самого свободного, какое когда-либо знал мир, социалистического искусства.

Таким образом, это выступление Н. Погодина с наибольшей полнотой, хотя и бессознательно, вскрывает идейный смысл всей той борьбы, которую под эстетическим флагом ведут против советской драматургии ее противники.

Надо сделать все необходимые идейные выводы из этого урока, дать отпор чуждым взглядам и больше времени уделять творческим вопросам советской драматургии, опираясь на руководящие указания нашей партии.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА ФРАНЦУЗСКОГО ЖУРНАЛА «ЭСПРИ»

1. Новое в советской литературе — то, что в нее все больше вовлекаются новые молодые силы. Наряду с успешно работающими писателями старших поколений с каждым годом все сильнее заявляют о себе писатели молодые. Вот новые книги, которые, наряду с романами опытных мастеров прозы — «Буря» И. Эренбурга, «Счастье» П. Павленко, «Первые радости» и «Необыкновенное лето» К. Федина, владеют сейчас умами наших читателей: «Спутники» В. Пановой, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Звезда» Э. Казакевича, «Белая береза» М. Бубенцова, «Далеко от Москвы» В. Ажаева.

Новым является расцвет художественной прозы в литературе народов Советского Востока. В силу исторических особенностей развития этих народов у них всегда была сильно развита стихотворная и песенная традиция, что положительно сказалось на развитии поэзии этих народов в советское время. Однако у большинства народов Советского Востока (я говорю даже о тех, которые имели свою письменность) почти не было художественной прозы. Тем примечательнее появление, например, в литературе казахского народа таких отличных романов, как «Абай» Ауэзова. Это роман о лучшем поэте — классике казахского народа, жившем в прошлом веке.

Послевоенной литературе действительно присущи некоторые новые черты и в области содержания, и в области формы. Она отличается широким охватом событий

военной и послевоенной жизни и одновременно более глубоким изображением человеческих характеров. Она пронизана чувством советского патриотизма, дружбы между народами нашей страны, и не только нашей страны. Наконец, литературу послевоенного периода отличает все большее многообразие художественных форм. Это можно видеть, например, на дилогии Федина — «Первые радости» и «Необыкновенное лето». Она предельно проста и в то же время оригинальна по композиции. Роман Каверина «Два капитана» представляет из себя редкий пример преломления на почве современной советской жизни художественных традиций Диккенса и Стивенсона. Повесть Казакевича «Звезда» написана в прозрачной и точной «чеховской» манере, с необыкновенно музыкальным, лирическим подтекстом. В поэзии эта индивидуальность форм выступает особенно наглядно. Достаточно сопоставить, например, поэму Твардовского «Дом у дороги» и «Пулковский меридиан» Веры Инбер. «Дом у дороги» — это, если так можно выразиться, лирический эпос, написанный в прозрачной и ясной манере русского народного стиха. «Пулковский меридиан» — поэма философская и в то же время столь предметная, что достигает точности и выпуклости прозы.

2. Новые черты советской литературы, несомненно, отражают некоторые новые качества, обретенные советским человеком в дни войны. Конечно, эти новые качества являются не чем иным, как дальнейшим развитием морального облика советского человека, сформировавшегося за тридцать с лишним лет советского строя.

Если здесь выделить главное, то я обратил бы внимание на два следующих момента: это возросшее в связи с победой над фашистской Германией чувство советской национальной гордости, которое неразрывно связано с уважением к независимости и достоинству других — больших и малых наций; это стремление к миру между народами, это необыкновенная вера в силы человека, в его способность преобразовать природу и общество для блага и счастья человека через коллективный труд. Эти черты я мог бы назвать чертами социалистического гуманизма, новой морали советского человека.

3. Социалистический реализм в сжатом определении — это правдивое изображение жизни в ее развитии. Это умение в сегодняшнем дне увидеть завтрашний. Это

признание за литературой ее воспитательной роли по отношению к народу в духе социализма.

В области преемственности традиций это означает, что советская литература продолжает и развивает традиции великих классиков-реалистов XIX века — русских и мировых. Ибо классический реализм, например, в России, начиная с Пушкина, Тургенева и Толстого и кончая Чеховым и Горьким, и классический реализм, например, во Франции, начиная со Стендаля и Бальзака и кончая Роменом Ролланом и Барбюсом, отличались, прежде всего, правдивым изображением жизни и в то же время ставили своей целью моральное усовершенствование человека и общества.

Советская литература при всей ее молодости находится в более выгодном историческом положении, чем ее великие предшественники. Она может видеть уже осуществленный в действительности справедливый строй человеческих отношений и видеть в реальной жизни положительного героя с его новыми моральными чертами, то есть видеть свой моральный идеал не умозрительно и отвлеченно, а опираясь на самую жизнь. Это позволяет советской литературе снять противоречие, существовавшее между двумя литературными методами прошлого века — реализмом и романтизмом, — и выдвинуть новый метод — социалистический реализм, который опирается на правду жизни в ее развитии и поэтому включает в себя революционную романтику.

4. Научная теория развития общества, теория Маркса — Энгельса — Ленина, подразумевает под политикой выражение глубоких жизненных интересов народных масс, классов, наций, государств, их отношения. С этой точки зрения даже частная семейная жизнь в любой стране, сознают ли это люди или нет, находится в зависимости от политики. Людей, которые были бы вне политики, хотя бы они этого или не хотят, на свете нет. Когда люди говорят, что они «не понимают политики», они являются бессознательными орудиями политики других. Когда люди говорят, что они «вне политики», то этим самым они, вольно или невольно, делают политику, выгодную кому-нибудь. Таким образом, мы, советские люди, понимаем политику не мелко, а по ее действительному, глубокому значению в жизни. С этой точки зрения все великие писатели прошлого были более или менее созна-

тельными участниками политической борьбы своего времени. И чем крупнее был писатель, тем глубже и правдивее он выражал интересы передового класса, народа, нации, а через них — всего человечества. В старину было иное представление о партиях, и тогда, в применении к искусству, не было термина «партийности». Но, например, Дидро был, по существу, партийным материалистом в своей полемике с английским епископом Беркли. Достаточно прочесть «Разговор Д'Аламбера и Дидро». Великий русский критик Белинский, восславивший Гоголя как родоначальника натуральной литературной школы в России, в 1847 году обрушился на Гоголя за то, что последний пошел на примирение с царской властью. На этом письме Белинского к Гоголю воспитывались целые поколения передовой русской интеллигенции — наши деды и отцы. Белинский выступил здесь против Гоголя с партийной точки зрения революционного демократа. Курбэ занял политическую позицию, когда встал на сторону Парижской коммуны, против Тьера. Можно ли разорвать Курбэ на две части — аполитичного художника и сочувствующего Коммуне человека? Разве искусство, служащее прогрессу человечества, не есть порождение самого лучшего и передового, что есть в человеке? И разве социальные мотивы в творчестве Курбэ не порождены той же совестью, которая привела его на сторону Коммуны? Золя занял политическую позицию, когда вмешался в дело Дрейфуса. Могут сказать, что романы Золя не имеют никакого отношения к делу Дрейфуса. Но я думаю, что те же интересы нации, которые заставили Золя в его романах обличать зло Второй империи, те же интересы нации понудили его вмешаться в дело Дрейфуса. Великий Толстой, поняв несправедливость дворянско-помещичьего строя в России, подвергал его критике в своем творчестве с позиций крестьянина. Диккенс не был чартистом, но выразил в своем творчестве многие требования английского народа, которые породили чартизм. Максим Горький сознательно связал все свое творчество с интересами рабочего класса в России.

Я думаю, эта необходимость избрать точку зрения и связывать все свое творчество с интересами народа, нации, человечества, нести моральную ответственность перед народом, нацией, человечеством являлась отличительной чертой всего великого, что дали литература

и искусство в прошлом. И именно это обеспечило жизнь на века творениям великих мастеров. Это же породило необыкновенную свободу, простоту и кристальную ясность их художественной формы. Я бы сказал, что это породило красоту их формы, ибо красота и общественная мораль неотделимы. А о какой морали может идти речь, если писатель отрешился от бурь жизни, от интересов своего народа и человечества, замкнулся в «башне из слоновой кости»? Это самовлюбленный нарцисс, а не писатель — учитель жизни.

Почему же, как следует из вашего вопроса, некоторых людей в Западной Европе удивляет, что партия большевиков занимается вопросами искусства? Партия выражает в нашей стране самые глубокие и высшие интересы народа. Но именно к лучшему выражению интересов народа стремится и всякий советский писатель, начиная с великого Горького, родоначальника советской литературы, и кончая самым малым среди нас. У советской литературы общие цели с партией и народом. Сущим пустяком является представление, будто бы партия вмешивается в индивидуальное творчество и чуть ли не навязывает темы, образы, художественную форму. Нет, партия прежде всего раскрывает перед писателями широкие горизонты творчества, прививает советским писателям чувство ответственности и долга перед народом. Ибо только на этом пути может быть создано подлинно великое в искусстве. И только на этом пути художник может проявить самые лучшие стороны своей творческой индивидуальности. В то же время партия прямо и открыто говорит о тех явлениях в искусстве, которые могут увести людей творчества (особенно молодых представителей его) с великого пути. Так было в известных решениях партии о литературе, о музыке. Самовлюбленные нарциссы не есть «индивидуальности». Не они создали искусство, живущее в веках. Искусство создано могучими творческими индивидуальностями, умевшими подчинить весь свой разум и волю единой цели творчества — интересам развития и прогресса.

К этой великой цели и зовет советских писателей партия. Это предоставляет советскому писателю возможность выбора любых средств выражения, лишь бы эти средства соответствовали действительно большому историческому содержанию.

5. Вы совершенно правы, что строительство и труд касаются не только утилитарных сторон жизни. Когда труд свободен, он превращается в творчество. И в чем, как не в деятельности, понимая ее всесторонне, может проявить человек свои высшие моральные достоинства? Вот почему в моральном облике советской молодежи так характерно слияние практических устремлений с высокими этическими и эстетическими запросами. Наши театры, музеи, художественные выставки всегда переполнены. Только тем и можно объяснить выход в свет русских и иностранных классиков и современных советских писателей в миллионных тиражах, что наши советские люди и особенно молодежь ищут в книгах ответа на свои моральные и эстетические запросы, — книги читают у нас не просто для отдыха и развлечения. В крупных городах и в самых глухих селах нашей страны читается немало лекций по всем вопросам жизни. И аудитории всегда полны. У наших кинотеатров всегда стоят большие очереди. Читательские конференции с обсуждением книг советских авторов волнами прокатываются по всей стране — по средним и высшим учебным заведениям, в клубах советских служащих и рабочих. По поводу моего романа «Молодая гвардия» я получил около 18 тысяч писем от молодых людей. Всем известно, какое место в жизни советской молодежи занимают также спорт, шахматы, путешествия, художественная самодеятельность. Это определяет примерный круг интересов нашей молодежи.

6. Лирика по-прежнему занимает большое место в советской поэзии, хотя послевоенное время в поэзии больше характеризуется развитием эпического жанра. Вы преувеличиваете увлечение советской молодежи Блоком. Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Маяковский занимали и занимают внимание нашей молодежи больше, чем Блок. Наши советские поэты всегда пользовались большим успехом у советской молодежи, чем Блок. Но, несомненно, Блок является прекрасным лириком и по-прежнему любим частью нашей молодежи. Любят не те его стихи, на которых лежит печать упадка, декаданса и которые мало понятны современной молодежи. Любят те стихи Блока, в которых выражены большие человеческие чувства, любят те его стихи, где выражены

социальные и патриотические мотивы, особенно поэмы «Двенадцать» и «Скифы».

7. Коммунистическое мировоззрение утверждает, что моральные ценности, как и все на свете, меняются, обретают новое содержание в зависимости от изменения материальной и социальной основы общества. Взгляды советской молодежи на любовь, на брак, на семью не являются простым возвращением к «традиционным моральным идеалам», как вы пишете. Они являются скорее выражением того, что любовь, брак, семья в обществе, свободном от эксплуатации и национального угнетения, от собственнического эгоизма, впервые обретают свою подлинную моральную ценность, выступают в их прямом, чистом, благородном и, если хотите, «вечном» человеческом значении.

1949

О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Я принадлежу к тому поколению демократической интеллигенции, которое было еще в поре ранней юности, когда произошла Великая Октябрьская революция в России.

Обремененные не столь тяжким грузом среднего образования в старой школе, мы вступили в эпоху великих битв нового мира со старым.

Новый мир — это были поднявшиеся в стремлении к справедливой жизни и впервые одержавшие победу огромные массы рабочих и крестьян России.

Старый мир — это был старый мир, поддерживаемый извне страны всеми силами, подобными ему. На Дальнем Востоке России этой силой извне были главным образом Япония и Америка. Это время сохранилось в памяти народной как время гражданской войны. Время это называют также «походом четырнадцати держав против Советской России».

Нам нужно было выбирать, на чью сторону стать. Выбирать нужно было потому, что этого требовала совесть. Выбирать нужно было и потому, что людей, не ставших на ту или другую сторону, били и с той и с другой стороны.

Нам нетрудно было выбрать. Мы учились на медные деньги своих родителей. Мой отец и мать, фельдшер и фельдшерица в глухой деревне, еще сами обрабатывали землю. Таковы были и мои немногочисленные товарищи по школе. Жизнь рабочих и крестьян была нам близка.

Так, полные юношеских надежд, с томиками Максима Горького и Некрасова в школьном ранце, мы вступили в революцию.

Мы полны были пафоса освободительного, потому что над Сибирью и русским Дальним Востоком утвердилась к тому времени власть адмирала Колчака, более жестокая, чем старая власть. Мы полны были пафоса патриотического, потому что родную землю топтали подкованные башмаки интервентов.

Как писатель, своим рождением я обязан этому времени.

Я познал лучшие стороны народа, из которого вышел. В течение трех лет вместе с ним я прошел тысячи километров дорог, спал под одной шинелью и ел из одного солдатского котелка.

Я впервые познал, что за люди идут во главе народа. И я понял, что это такие же люди, как и все, но это лучшие сыновья и дочери народа. Если бы народ не нашел их в своей среде, он навсегда остался бы прозябать в нищете и несправии.

Любимый руководитель дальневосточных партизан Сергей Лазо был схвачен японцами и заживо сожжен в топке паровоза. Вместе с ним был схвачен и сожжен мой старший двоюродный брат Всеволod Сибирцев. Это была моя «путевка в жизнь», как гласит название одного из ранних советских кинофильмов.

Я понял значение партии для судьбы народа и горжусь, что был принят в ее среду.

Как начала создаваться советская литература?

Она создавалась людьми, такими, как мы. Когда по окончании гражданской войны мы стали сходитьсь из разных концов нашей необъятной родины — партийные, а еще больше беспартийные молодые люди, — мы поражались тому, сколь общи наши биографии при разности индивидуальных судеб. Таков был путь Фурманова, автора книги «Чапаев», по которой впоследствии был сделан кинофильм, прославившийся еще больше, чем книга. Таков путь более молодого и, может быть, более талантливого среди нас Михаила Шолохова. И великим подвигом был путь Николая Островского. Лишенный зрения и разбитый параличом вследствие полученных на фронте ранений, он создал бессмертную книгу о нашем поколении — «Как закалялась сталь». Люди более стар-

ших поколений, к которым мы примкнули, в большинстве своем вышли из той же социальной среды: они только начали свой путь раньше нас. Первым среди них был Маяковский. Громадный, с громовым голосом, он бушевал и гремел с эстрад рабочих клубов и в аудиториях высших учебных заведений, вызывая наше почтительное и несколько даже боязливое восхищение. Вместе с нашими молодыми книгами старик Серафимович, за плечами которого было уже целое собрание сочинений, написанных в старое время, выпустил свой «Железный поток» — эпопею гражданской войны.

Мы входили в литературу волна за волной, нас было много. Мы приносили свой личный опыт жизни, свою индивидуальность. Нас соединяло ощущение нового мира как своего и любовь к нему. А всех, кто приходил после нас, все меньший отрезок лет соединял с прошлым. Наконец стали приходить люди, целиком выросшие при новом строе. Старший среди них — Константин Симонов. Теперь можно было бы назвать много имен, выдвинувшихся во время второй мировой войны и после, но вы их не читали. В этой войне, которую наш народ справедливо зовет Отечественной, из каждых трех писателей воевал один, и двести пятьдесят из них пало на поле брани.

Приходили в советскую литературу не только мы, русские писатели. С каждым годом все больше приходило писателей других народов нашей страны — украинцев, грузин с их высокой поэтической культурой, а потом и киргизов, народа, только после революции создавшего свою письменность. Все они приносили с собою неповторимый аромат своих традиций и своей национальной формы.

Например, в литературе казахского народа, который насчитывал в царское время только 1,5 процента грамотных, появляются сейчас замечательные романы. Один из них — роман Мухтара Ауэзова «Абай», роман о лучшем классике-поэте этого народа, жившем в прошлом веке. Абай ненавидел русский царизм, но высоко чтит русскую культуру. Он перевел на казахский язык отрывки из поэмы Пушкина «Евгений Онегин», и весь народ запел письмо Татьяны к Онегину, превратив его в казахскую народную песню. Другой роман — «Миллионер» Мустафина. Спешу сделать необходимое примечание: в этом романе речь идет, разумеется, не о миллионерах

в капиталистическом смысле. Например, г. Андре Пьер в газете «Монд» даже меня ухитрился произвести в миллионеры. Но даже восьмилетний мальчик с красным галстуком знает, что миллионеров у нас нет. Речь идет в этом романе о колхозе, полном изобилия продуктов труда. Таких колхозов у нас много, и их называют «миллионерами».

Следует отметить и другой процесс — переход на сторону нового мира писателей иной среды, иного воспитания. Среди них наиболее крупным был Алексей Толстой. Как известно, после Октябрьской революции он ушел в эмиграцию. Но он вернулся и отдал свое великолепное перо советскому народу. Как известно, он — граф. Но, значит, велика сила правды советского народа, если даже некоторые графы переходят на его сторону!

Главою советской литературы был и остался великий Горький. Выходец из глубоких социальных пизов России, друг Ленина, он был первым и лучшим нашим художественным воспитателем.

Среди писателей моего поколения нет ни одного, кто, входя в литературу, не был бы им благословлен.

Отсюда вы можете видеть, сколь невежественно, если говорить мягко, и сколь недобросовестно, если говорить правду, утверждение некоторых западноевропейских журналистов о том, что советская литература будто бы не свободна, что создается она чуть ли не по приказу.

Советская литература создана новой, советской жизнью. Новое общество есть тот воздух, который наполняет наши легкие. Мы сами создатели советской литературы.

С каким художественным багажом вошли мы в литературу и что нового хотим мы сказать миру?

Мы просим прощения, конечно, за то, что в наших походных сумках не было Бодлера и Верлена, тем более — Малларме. В наших сумках не было бы даже Блока, крупнейшего из русских символистов, если бы Блок не написал поэмы «Двенадцать», в которой он посвоему восславил приход нового общества. Нашей душе всегда были ближе великие классики-реалисты прошлого века. Естественно, что в первую очередь классики России — Пушкин, Некрасов, Толстой, Тургенев, Чехов. Нашей душе близки великие классики-реалисты Франции, Англии.

Мы, советские писатели, рассматриваем литературу не как изнеженную обительницу «башни из слоновой

кости», а как учителя жизни и воспитателя народа. Иные говорят, будто такой взгляд на литературу принижает ее художественность. Но ведь такого взгляда на литературу придерживались Бальзак и Стендаль, Лев Толстой и Диккенс, Золя и Чехов, Горький и Ромен Роллан. Я думаю, что этим, главным образом, и объясняется огромная художественная сила их дарования. Они правдиво изображали жизнь, и от этого — необыкновенная свобода и простота их формы.

Всякие великие явления литературы обязаны народной почве. И всякий большой писатель не может не чувствовать своей ответственности перед нацией и перед народом. Этим гуманистическим содержанием своего творчества нам и близки классики-реалисты.

В послевоенной литературе Западной Европы и Америки немало выходит книг, которые в один голос стремятся доказать, что человек — существо антиобщественное, живущее по воле стихий внутри и вне себя, что человек слаб и жалок, а если силен, то волчьей силой зверя-хищника. Среди современных западноевропейских и американских авторов немало имеется таких, кто главное внимание обращает на низменную, лишенную какого бы то ни было духовного содержания сексуальность, даже на самые грубые физиологические проявления человека. В подобных произведениях есть пристрастие ко всякого рода преступлениям и извращениям. Авторы подобных книг точно сговорились в том, чтобы убедить миллионы людей, будто они лишены великих и благородных стремлений и надежд, лишены человеческого разума и воли, не могут надеяться на справедливое устройство жизни.

Этого рода литературе противостоит и в Западной Европе и в Америке современная прогрессивная, гуманистическая литература, которую мы у себя, в Советской стране, хорошо знаем и высоко ценим. Вот этой передовой, прогрессивной литературе Франции и других стран мира наша советская литература протягивает свою братскую руку.

Советская литература вслед за великим Горьким утверждает: «Человек — это звучит гордо». Советская литература стремится восстановить в своем значении все истинные человеческие ценности. Она утверждает, что любовь к своему отечеству и дружба между народами —

это великие человеческие чувства, что любовь мужчины и женщины благородна и прекрасна, что истинная дружба бескорыстна, что имя матери священо, что жизнь дана человеку для труда и творчества.

Старый гуманизм, как бы он ни был велик, имел два крупных недостатка. Старый гуманизм не понимал, что для торжества добра зло должно быть уничтожено. И, кроме того, старый гуманизм утверждал человека на земле независимо от его деяния — за его, так сказать, божественную сущность.

Социалистический гуманизм только потому и может торжествовать в нашей стране, что он одержал победу над социальным злом. И человек, с точки зрения социалистического гуманизма, — даже не человек, если он не трудится, не работает, не творит. Одной из особенностей современной советской художественной литературы является то, что она показывает обыкновенного, простого советского человека как человека-борца, деятеля, труженика, новатора, преобразователя природы и общества. Именно эта черта отличает героев многих советских книг и пьес, посвященных войне и титанической мирной строительной работе советского человека после войны.

Герои этих книг и пьес, будучи вполне реальными, живыми людьми, — по всем своим устремлениям уже в завтрашнем дне. В своей повседневной, такой обыкновенной и в то же время творческой деятельности они не плывут по течению, они предвосхищают и приближают завтрашний день.

Что такое социалистический реализм? Социалистический реализм — это умение показать жизнь в ее развитии, умение в сегодняшнем дне жизни увидеть и показать правдиво зерна будущего.

В этом смысле социалистический реализм снимает противоречие, которое было в старой литературе между реализмом и романтизмом.

Флобер был реалист, но он не верил в возможность развития и усовершенствования человеческого рода. Романизм его, без больших идеалов, был лишен полета и слишком приземлен.

Виктор Гюго, преисполненный высоких моральных стремлений, слишком отрывался от земли. Романтизм его был лишен исторической правды жизни.

Социалистический реализм, опираясь на правду жизни в ее развитии, включает в себя революционную романтику.

В одной из рецензий на мой роман «Молодая гвардия» во французской газете прозвучало недовольство тем, что в изображении советской молодежи я не показал никаких пороков и подлостей.

В рецензии сквозило явное разочарование в том, что советская молодежь живет по человеческим законам, а не по законам экзистенциализма. Но я не виноват в этом и ничем не могу помочь г-ну рецензенту.

Иногда говорят: возможно ли, чтобы партия и государственная власть в СССР выражали свое отношение к явлениям литературы и, так сказать, вмешивались в процесс литературного развития? Не нарушает ли это свободу творчества? Но ведь художественная литература в Советской стране есть выражение нашего современного народного духа, как и партия, и государственная власть. Партия в Советской стране есть лучшее и наивысшее, что мог выдвинуть народ за последние полвека жизни России, за тридцать с лишнем лет строительства социализма. У партии и у художественной литературы в нашей стране одни цели. Ни партия, ни государственная власть в Советской стране не вмешиваются в индивидуальное творчество художника, никогда не диктовали и не пытались ему диктовать темы и образы, а тем более художественные формы.

Социалистический реализм—не догма, он предполагает богатство индивидуальностей и большое разнообразие художественных форм.

Советская литература творит, исходя из своей высокой ответственности перед народом, перед нацией, перед государством, перед всем человечеством. Партия воспитывает в писателях это чувство ответственности. Только при такой ответственности может истинный писатель выразить лучшие стороны своей индивидуальности, иначе он не индивидуальность, а раб своих капризов, а в мире еще ничего не было создано великого, всенародного, всечеловеческого из каприза.

Партия «вмешивается», в частности, в литературные дела, когда видит, что в литературе возникают чуждые духу советского народа явления, которые принижают общественную роль и эстетическое значение советской художественной литературы как литературы новой и

передовой. Тогда партия правдиво и прямо указывает на эти явления и напоминает писателям об их великом долге перед народом и раскрывает им от имени народа величественные перспективы художественного расцвета.

Только маленький человек, привыкший барахтаться в однообразном и тесном мирке своих индивидуалистических переживаний, может видеть в таких указаниях партии вмешательство в свободу творчества. Наоборот, как все великое, правдивое и честное, порожденное интересами народа, интересами нации, такое указание партии пробуждает в душе писателя-творца его самые лучшие силы. Среди людей, кричащих о «свободе творчества» на страницах буржуазной печати, так много людей, зависящих от богатых меценатов, от правительственных учреждений, от частных издательств, от хозяев газет и журналов, от меняющейся литературной моды. Какая же это свобода? Нет большей силы на свете, чем сила правды. Только правда свободна. И прежде, чем решать, кто больше свободен на свете, надо решить, на чьей стороне правда.

Мы, советские писатели, спокойно проходим мимо измышлений наших недоброжелателей. Мы знаем свое место и знаем, что во всем мире у нас больше друзей, чем недоброжелателей.

1949

ЗА МИР ВО ВСЕМ МИРЕ!

Народы Советского Союза — за мир. Вряд ли найдется хоть один непредвзятый американец или житель Западной Европы, кто, вступив на нашу землю, не почувствовал бы этого здорового, мирного пульса жизни во всей атмосфере страны и прежде всего — в жизнерадостном, оптимистическом настроении граждан и звонких голосах детей, которых теперь так много рождается в нашей стране — в знак утверждения жизни, как ее самый прекрасный, самый обнадеживающий символ.

Советское государство — за мир, как только может стоять за мир социалистическое государство, полное творческих планов, уверенное в своем будущем, государство, которое почти 40 процентов всех расходов своего громадного, в 415 миллиардов рублей, бюджета 1949 года вкладывает в восстановление и развитие народного хозяйства и 30 процентов — в культурные мероприятия: оно обучает в 1949 году 40 миллионов школьников и около 2 миллионов студентов.

Вот почему мы, деятели советской литературы, искусств и науки, с особенным чувством приветствуем здесь наших гостеприимных хозяев — прогрессивных людей Америки, явившихся инициаторами этого знаменательного Конгресса в защиту мира. Я приветствую вас от имени нас всех и благодарю вас за гостеприимство.

Мне кажется весьма плодотворной мысль, так ясно выраженная в декларации инициаторов Конгресса, мысль

о том, что важнейшим ключом к миру во всем мире было бы улучшение американо-советских отношений, договоренность по крупнейшим международным вопросам между двумя нашими большими государствами — Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом. Мы — советские люди — во всяком случае, искренне стремимся к этому.

Недавнее предложение нашего правительства о подписании пакта мира между нашими странами выражает это стремление советских людей.

Правда, есть на свете люди и даже газеты, которые считают признаком «отсутствия свободы мнений» такое откровенное и прямое выражение нашей поддержки, то есть поддержки всеми советскими людьми мирной политики своего правительства. Но я хочу спросить: с каких это пор и кем это установлено, что признаком «свободного мнения» являются откровенные призывы некоторых газет к новой войне, а искреннее стремление к миру, которое поддерживают все народы, в том числе, несомненно, народы Америки и Советского Союза, считается не свободным?

Свободна на свете только правда. И прежде, чем решать, кто более свободен на свете, надо честно решить, на чьей стороне правда.

Мне, русскому писателю, может быть, уместно будет напомнить, что добрые отношения между нашими странами имеют более давние традиции, чем отношения плохие. Добрые отношения между нашими странами начались еще со времен борьбы Соединенных Штатов Америки за свою независимость в конце позапрошлого века.

Эту войну за независимость наш великий учитель Ленин считал «одной из тех великих, действительно освободительных, действительно революционных войн, которых было так немного среди громадной массы грабительских войн»¹. Царское правительство в России не могло сочувствовать освободительному характеру этой войны. Однако различие в политическом строе не мешало этим странам установить добрососедские отношения. Государственные интересы подвинули эти столь различные по своему политическому строю страны на сближение друг с другом, которое завершилось установлением дипломатических отношений между ними во времена Томаса Джеф-

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 28, стр. 44.

ферсона. Что же касается прогрессивных кругов тогдашней России, то они сочувствовали всей душой освобождению Соединенных Штатов. Русский демократический писатель Радищев даже воспел борьбу американцев за независимость в оде «Вольность». К этому же периоду относится начало культурных связей между Россией и Соединенными Штатами.

С той поры, если говорить об отношениях между Соединенными Штатами и старой Россией, они оставались неизменно дружественными, а все противоречия между ними, неизбежные в истории дипломатических отношений между странами, неизменно решались мирным путем. Напомню о благоприятном посредничестве России в так называемой «второй войне за независимость». Напомню о мирном урегулировании споров между Россией и Соединенными Штатами в 1824 году, когда президентом Соединенных Штатов был Джеймс Монро, о договоре с Россией о торговле и навигации Эндрью Джексона в 1832 году.

Именно в эти годы американский писатель Фенимор Купер, и сейчас любимый юношами нашей страны, писал в «Европейских заметках американца», что «Америка связана в настоящий момент с Россией более практической и осязаемой близостью, чем с какой-либо другой европейской страной».

Не менее известны и дружеские отношения России и Соединенных Штатов в период гражданской войны, в шестидесятых годах прошлого века. В тягчайший момент борьбы Россия отклонила предложение Наполеона III о вмешательстве в войну в пользу защитников рабства и сорвала интервенцию против Соединенных Штатов Америки. Государственный секретарь Стюард писал послу в Петербурге Клею о том, что Соединенные Штаты «замешкались в обзаведении друзьями» и что Россия является исключением, так как «рано стала нашим другом и неизменно оставалась им».

Идеи союза Соединенных Штатов с Россией усиленно пропагандировались тогда в американской прессе. Назову статьи в «Нью-Йорк геральд». Из трех великих держав, писала эта газета, «Россия является той, которая проявила действительно дружеское и сердечное отношение к Соединенным Штатам». Назову брошюру Бойнтон, вышедшую в Цинциннати в 1864 году. «Мы большая и сильная

нация, — писал Бойнтон. — Заключение союза с Россией, кроме того, усилит Соединенные Штаты и приведет к победе на американском континенте».

Что же говорить о той симпатии, которую питали к освободительной борьбе Соединенных Штатов в шестидесятых годах передовые люди русского народа! Корифеи русской философии и литературы — революционный демократ Чернышевский и его единомышленники посвятили этой борьбе немало замечательных статей, проникнутых любовью к американскому народу. В рядах федеральной армии боролись русские люди. Среди добровольцев, пошедших на призыв Линкольна в апреле 1861 года, был русский офицер Турчанинов, который командовал полком волонтеров Иллинойса.

Принципы, на которых зиждились эти благоприятные отношения между двумя странами, столь различными по своему политическому строю, были очень ясны и, я бы сказал, вполне современны. Их выразил президент Линкольн через русского посланника Стекля в письме последнего к министру иностранных дел Горчакову 6 июля 1863 года: «Мы всегда встречаемся на почве, где наши интересы тождественны, — заявил мне господин Линкольн, — а именно на почве иностранного невмешательства. Этот принцип был основой нашей традиционной политики, и, невзирая на переживаемый нами злополучный кризис, мы решили придерживаться этого принципа во всяком случае».

В конечном счете, если вернуться к проблемам сегодняшнего дня, проведение этого старого доброго принципа, провозглашенного Линкольном, могло бы явиться решающим в установлении хороших отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

В самом деле, было бы странно в наши дни, когда Россия стала великой советской народной демократией и когда советский и американский народы вместе проливали кровь против немецких нацистов, претендовавших на мировое господство, — было бы странно, чтобы два наших великих и сильных народа не нашли общего языка в деле обеспечения мира между всеми народами земли. Было бы странно тем более потому, что все крупнейшие международные противоречия, которые теперь иные люди стараются представить как неразрешимые, руководители наших народов и государств умело разрешили в Тегеране, Ялте,

Потсдаме, продолжая традицию дружбы, начавшуюся полтора века тому назад и скрепленную кровью советских и американских солдат в прошлой войне.

Меня часто спрашивают: каково отношение советского народа к американскому народу? На этот вопрос мне легче всего ответить, коснувшись той области, которая мне наиболее близка.

По материалам Всесоюзной книжной палаты за время с 1917 года по 1948 год, то есть за время существования новой России, в Советском Союзе были переведены на русский язык и другие языки произведения 206 американских писателей (я говорю здесь только о художественной литературе). Всего было издано 2 245 произведений американской художественной литературы общим тиражом 39 709 тысяч экземпляров. Среди них книги Джэка Лондона вышли в количестве 11 164 тысяч экземпляров, на 29 языках народов Советского Союза, книги Эптона Синклера — в количестве 2 951 тысячи экземпляров, на 15 языках, Сетон Томпсона — 2 268 тысяч экземпляров, на 21 языке, Марка Твена — 3 464 тысяч, на 22 языках, О'Генри — 1 618 тысяч экземпляров, Теодора Драйзера — 501 тысячи, Фенимора Купера — 452 тысяч, Колдуэлла — 290 тысяч, Синклера Льюиса — 276 тысяч, Эдгара Аллана По — 204 тысяч, Вашингтона Ирвинга — 276 тысяч, Лонгфелло — 195 тысяч, Стейнбека — 375 тысяч, Уолта Уитмена — 104 тысяч, Хемингуэя — 130 тысяч, Лэнгстона Хьюза — 119 тысяч.

Таков интерес народа к американской литературе, отражавшей в прошлом и отражающей сейчас жизнь американского народа.

Отсюда вы можете видеть, сколь несправедливы представления, распространяемые не только некоторыми американскими журналистами, но и официальными инстанциями, будто советский народ отрицает американскую культуру и вообще стремится замкнуться в рамках своей национальной культуры. Да, советский народ исходит из той непреложной истины, что все великое, правдивое и честное в искусстве вырастает на национальной народной почве. Да, советский народ гордится своей национальной культурой. Источником национальной гордости русского народа является, в частности, и сознание того, что великие русские классики XIX века и начала нынешнего века — Лев Толстой, Гоголь, Тургенев, Чехов, Максим Горь-

кий — оказали в свое время благотворное влияние на развитие некоторых сторон американской литературы, что художественная система Станиславского применяется в некоторых театральных школах Соединенных Штатов, что пьесы русских драматургов занимали свое место на театральных подмостках Соединенных Штатов (особенно памятна постановка «Вишневого сада» и «Трех сестер» Маргарет Вебстер и постановка «Трех сестер» Кэтрин Корнэлл, где она исполняла роль Маши). Но наша любовь к советской культуре, к русской культуре предполагает уважение ко всему передовому и прогрессивному, что создала культура других народов, других наций. На этом взаимном уважении и любви зиждется дружба народов Советского Союза. И отражением этого глубокого уважения ко всему передовому и прогрессивному, что создала американская культура, является тот интерес к американской художественной литературе, который я имел возможность вам продемонстрировать.

Идея международной солидарности прогрессивных сил не означает пренебрежения к национальному и культурному суверенитету разных стран, она далека от беспочвенного космополитизма, на деле прикрывающего идею расового господства.

С удивлением довелось нам прочитать, например, высказывания в вашингтонской газете «Стар» от 6 февраля по поводу пресловутого Северо-Атлантического пакта. Газета считает Северо-Атлантический пакт первым шагом к созданию «Соединенных Штатов Европы». Она призывает народы Европы «забыть национальную гордость», она третирует европейские страны со старой, многовековой культурой. «Англичане потеряли в значительной степени свою гордость», — самодовольно утверждает газета. Франция объявляется «самой тщеславной» страной в Европе, и ей угрожают «крахом», если она будет упорствовать в проявлении своей национальной гордости. Не знаю, кем был уполномочен автор статьи, но он взял на себя смелость сказать, что «краеугольным камнем в этом здании (то есть в создании Северо-Атлантического пакта и последующих «Соединенных Штатов Европы». — А. Ф.) является, конечно, Америка», и, по его мнению, «границы между странами в этом союзе в конечном счете будут иметь не больше значения, чем они имеют в Соединенных Штатах».

Мы, деятели советской культуры, воспитанные в духе уважения к национальной культуре больших и малых народов, не можем не видеть в подобных пактах покушения на национальный суверенитет народов, растворение их национальной культуры, подчинение их национальной политики интересам корыстных людей какого-нибудь одного сильного государства, мечтающего о мировом господстве. В данном случае мы, очевидно, имеем дело с проведением в жизнь расистской тенденции, провозглашенной Черчиллем в Фултоне.

Говорят, что подобные пакты и блоки создаются для того, чтобы пресечь агрессию, якобы угрожающую со стороны Советского Союза одновременно народам Европы, Азии и Америки. Но достаточно взглянуть на карту мира, чтобы понять, что эти разговоры идут из лагеря необъективных людей для того, чтобы ввести в заблуждение людей простых и неопытных.

В самом деле, разве Советскому Союзу принадлежат военные базы, гигантским кольцом проходящие через Гренландию, Исландию, Англию, Португалию, Испанию, Германию, страны Ближнего и Среднего Востока, через острова Тихого океана, Китай, Японию? Разве это советские вооруженные силы находятся в Греции, Египте, Трансиордании, Индонезии, Вьетнаме и других странах?

Все эти факты говорят о том, что не от Советского Союза исходит угроза новой войны, а что есть корыстные люди в различных странах мира, заинтересованные в развязывании новой кровопролитной войны. Но люди, развязывающие новую войну, должны помнить, что народы не пойдут на новую войну, а если их попробуют тащить насильно, народы мира жестоко покарают зачинщиков новой войны.

С тем большей энергией поддерживаем мы, советские люди, стремление американского народа, выраженное устами его прогрессивных деятелей, к миру, к укреплению мира.

В мирном сосуществовании народов заинтересованы прежде всего простые люди, женщины, матери, сыновьям которых война сулит гибель. Впрочем, в современных войнах, как показал опыт прошлой мировой войны, гибель в равной, если не в большей, степени грозит женщинам, старикам и детям. Ибо, невзирая на страшный урок истории, еще такой недавний, великие открытия науки и

техники вновь собираются обратить не на благо человечества, а на новое разрушение плодов цивилизации и гибель новых миллионов детей, женщин и стариков. Это прежде всего говорит о том, что усилия людей доброй воли в защиту мира должны быть слиты с движением огромных масс простых людей во всех странах мира в тех же целях борьбы за мир и обуздания поджигателей войны.

Да здравствует объединение всех сил мира, независимо от национальных и расовых различий, религиозных и политических убеждений, против сил войны!

Да здравствует дружба народов в их борьбе за прочный мир!

За мир во всем мире!

1949

ЗА ДРУЖБУ МЕЖДУ НАРОДАМИ!

Я рад счастливой возможностью передать от имени деятелей культуры Советского Союза сердечный привет прогрессивной американской интеллигенции — писателям и ученым, деятелям искусств и инженерам, врачам и учителям, отстаивающим дело мира, и поблагодарить их за гостеприимство. В их лице я хотел бы также передать привет миллионам простых людей Америки, потому что простые люди создают своими руками все основание культуры, потому что мы сами вышли из простых людей. Это они на самом деле несут в себе лучшие черты нации. Это они знают, что такое истинный гуманизм, потому что прежде всего знают, что такое труд. И поэтому я возьму на себя смелость сказать, что простые люди — это люди, великие сердцем. Это матери и жены, которые теряют в войнах своих сыновей и мужей, и они лучше многоречивых юристов и холодных статистиков знают, что такое война, поэтому никто так не стремится к дружбе и миру между народами, как простые люди.

Наша страна — Советский Союз — стоит за мир и дружбу между народами, потому что мы прежде всего государство простых людей. Мы отстаиваем дело мира не потому, что мы слабы, а потому, что мы стремимся к тому, чтобы наши люди жили счастливо, и желаем этого народам всего мира.

Нашей стране «повезло» в истории. В течение восьми веков с необыкновенным постоянством в нее вторгались

спачала монголы, потом немцы, потом шведы, потом французы, потом опять и опять немцы. Все они, как известно, уходили от нас сильно побитые и в изодранных мундирах. Но всякий раз каждый из них разрушал сколько мог, и мы, русские люди, с необыкновенным трудолюбием и терпением все восстанавливали снова.

Американский народ, должно быть, понимает, что это нам в конце концов очень надоело.

Теперь мы большая и развивающаяся социалистическая страна, которая давно забыла, что такое безработица и нищета. Мы еще не полностью восстановили города, разрушенные войной. Но наша промышленность и сельское хозяйство превзошли довоенный уровень. Мы живем хорошо и надеемся жить еще лучше. Мы строим заводы и жилища, клубы и университеты, учим миллионы детей рабочих и крестьян шестидесяти наций, объединенных в Советском Союзе, в средних и высших учебных заведениях. И всякий честный, объективный человек не может не понять, что воевать нам нет никакого смысла.

Американскому народу тоже нет никакого смысла воевать, хотя бы потому, что ему решительно никто не угрожает. Поэтому мы — два больших и мирных народа — можем заявить всем корыстным людям, наживающимся на войнах, и их газетам, пытающимся раздуть войну:

«Как вы ни старайтесь, господа, а мы воевать не будем».

Нам, советским людям, доставляет много веселья читать в некоторых иностранных газетах о том, что советские люди в высказывании своих мнений будто бы «не свободны». Подобные газеты, еще не успев выслушать вашего мнения, — я уже не говорю «не напечатать вашего мнения», так как знаю, что это безнадежно, — начинают с искаженным лицом отталкивать вас руками и кричать:

«Знаем, знаем — вы будете сейчас ругать Атлантический пакт!»

Пора понять, что ставить вопрос о свободе и несвободе перед советским человеком еще более нелепо, чем перед американцем после войны за независимость. «Это моя страна, я ее отвоевал для свободной жизни, идите вы к черту», — сказал бы американец того времени. Советский Союз мы, советские люди, построили своими руками, его поля обильно политы нашей кровью в борьбе за незави-

симось, на каждом строительном камне капли пота от нашего труда, в каждой книге взлет нашего гения. Мы любим свое отечество, это воздух, которым мы дышим, — чего вы от нас хотите? — так можем ответить мы, советские люди, на подобные вопросы. А если кому-нибудь в Америке или Западной Европе наша страна социализма не нравится, то я могу напомнить, что американская демократия после декларации 1776 года тоже многим не нравилась.

Если исходить из уважения к национальному суверенитету и национальной культуре и стремиться к тому, чтобы народы жили дружно, можно договориться и в тех случаях, когда что-нибудь не нравится. Могли же в течение более чем столетия договариваться и жить в мире старая, царская Россия и американская демократия. Так же могла бы договориться сегодняшняя Америка с новой, социалистической Россией.

Что же касается Атлантического пакта, то я не унижусь до того, чтобы его ругать, а задам только один вопрос, естественный в устах писателя, книги которого переведены на большинство языков мира. Если этот пакт создан для того, чтобы объединить народы, то почему к участию в нем не привлечена и моя страна? Или Балтийское море находится дальше от Атлантического океана, чем Адриатическое? Привлечение к пакту, например, Италии и непривлечение к нему такой страны, как, например, Советский Союз, вряд ли можно объяснить их местоположением по отношению к тропику Рака.

Рак вообще не то существо, на котором можно построить благополучие людей и взаимопонимание между народами. Как бы этот символический рак своими клешнями не разодрал мир на части.

Есть самое замечательное существо на земле — человек. Не лучше ли создавать такие объединения, которые способствовали бы дружбе между всеми народами во имя человека?

Мне кажется, что американский народ не затем выпустил в свет первую в мире декларацию о независимости, чтобы сто шестьдесят лет спустя получить себе в качестве учителей проповедников расовой теории и войны.

Со своей стороны могу заверить вас, что советский народ с симпатией относится к американскому народу, мы с интересом изучаем вашу историю, в которой есть

родственные нам страницы. Мы перевели на русский язык и на другие языки произведения многих американских писателей, издав их книги общим тиражом в сорок миллионов экземпляров. Только крайней необъективностью можно объяснить некоторые заявления в печати, будто мы не хотим культурных связей с Соединенными Штатами. Но мы хотим именно связей, то есть того, что служит делу сотрудничества наций и миру между нациями. Так пойдем же вперед, во имя мира, вопреки его врагам! За дружбу между народами! За мир во всем мире!

1949

РЕЧЬ НА ПЕРВОМ ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ СТОРОННИКОВ МИРА

Есть одно слово на свете, которым в последнее время все чаще пугают людей: это слово — пропаганда. Чтобы не было никаких недоразумений насчет моего доклада, я, прежде всего, должен заявить, что буду заниматься пропагандой за мир и против поджигателей войны. Не могу сказать, что пропаганда мира против поджигателей войны является моей профессией. Я писатель и, как многие мои коллеги, с гораздо большим удовольствием писал бы книги о мирной жизни людей, тем более, что наиболее характерной чертой в жизни людей на моей родине является мирный труд. Но общественная совесть, которая представлена в этом зале, где собрались люди свыше шестидесяти национальностей, представители физического и умственного труда, люди различных политических убеждений и религиозных воззрений, та общественная совесть, которая, вопреки усилиям врагов мира и человечества и к нашему великому счастью, высоко несет над миром голос правды и человечности, побуждает меня всеми силами души поддержать правое дело.

Я не могу сказать, что война уже стоит у порога наших жилищ. Но она не стоит у наших жилищ только потому, что народы мира не хотят войны, свидетельством чему является нынешний знаменательный Конгресс защиты мира.

Позвольте же мне от имени деятелей культуры и миллионов людей физического труда нашей великой советской родины передать вам всем, нашим дорогим друзьям и братьям в деле борьбы за укрепление мира, самый сердечный привет.

И хочу использовать эту счастливую возможность, чтобы передать привет прогрессивной французской интеллигенции и французскому народу, который в этом великом деле борьбы за мир проявил столько замечательной инициативы и которому мы все обязаны гостеприимством здесь, на французской земле. Об этом, может быть, тем более уместно сказать, что, как известно, во Франции оказались и такие люди, которым не очень бы хотелось, чтобы мы здесь присутствовали.

Война еще не стоит у порога наших жилищ, но она стала реальной угрозой завтрашнего дня. Есть простые вещи, о которых знает не только каждый сознательный человек, но о которых знают даже дети, достигшие школьного возраста.

Кто не знает, например, что в ряде стран Западной Европы и Америки, вопреки чаяниям народов, происходит гонка новых вооружений? Цифры и факты об этом неоднократно публиковались в газетах и брошюрах во всех странах мира. Но их можно было бы не публиковать, потому что население ежедневно ощущает это по растущим налогам и по дороговизне жизни.

Казалось бы, чего проще, как договориться о сокращении вооружений крупных мировых держав для того, чтобы уменьшить народную нужду и отдалить угрозу войны?

Всем известно, что атомное оружие нельзя рассматривать как оружие обороны, потому что оно рассчитано в первую очередь на разрушение городов и культурных ценностей, на массовое уничтожение беззащитных детей, женщин и старых людей и является в этом смысле самым бесчеловечным оружием, какое когда-либо до сих пор применялось против человечества.

Казалось бы, чего проще, как запретить изготовлению этого оружия, его применение в военных целях и установить контроль над выполнением этого решения, простого и ясного даже для ребенка?

Однако есть на свете люди и даже газеты, которые считают подобные простые и ясные предложения выра-

жением «пропаганды», а свои невероятно запутанные и лишённые логики построения, ставящие цель оправдать гонку вооружений и применение атомного оружия, объявляют чуть ли не высшим выражением «свободы» и «демократии».

Во всех странах мира распространяются географические карты — эти карты печатают даже в журналах, — на которых можно видеть гигантское кольцо военных баз, проходящих через Гренландию, Исландию, Англию, Португалию, Испанию, Германию, Грецию, страны Ближнего и Среднего Востока, через острова Тихого океана, Китай, Японию. Подавляющее большинство этих баз находится за тысячи километров от стран, создавших их. Любому школьнику понятно, что эти базы не могут являться базами обороны, что странам, создавшим эти базы, решительно никто не угрожает, а, наоборот, наличие этих баз является страшной угрозой миру во всем мире. Любой грамотный человек, ежедневно читающий газеты, знает, что, несмотря на окончание второй мировой войны, вооруженные силы иностранных государств находятся в Греции, Египте, Трансиордании, Индонезии, Вьетнаме и в других странах, что иностранные вооруженные силы находятся там вопреки воле народов этих стран и что они, эти силы, уже фактически являются очагами новой войны.

Но стоит только поднять голос правды по поводу этих и многих других общеизвестных фактов, как люди, заинтересованные в существовании этих фактов, и их газеты перевернут и извратят правду, ясную даже для школьников, да еще выдадут свои туманные и ложные, лишённые логики построения за высшее выражение «свободы» и «демократии».

Всего лишь четыре года прошло с тех пор, как десятки больших и малых наций вышли из самой кровопролитной войны, которую когда-либо видел мир. Они вышли из нее, разгромив в тесном содружестве силы, мечтавшие о мировом господстве и развязавшие прошлую войну. Из этого тесного содружества народов в войне за справедливость естественно и закономерно родилась Организация Объединённых Наций. Казалось, чего бы проще, как решать все противоречия, возникающие между странами, в этой Организации Объединённых Наций, выросшей из содружества народов? Но нет, нашлись силы в мире, которым

потребовались «Западный союз» и так называемый «Атлантический пакт». А на горизонте уже маячит и некий «Средиземноморский блок».

Народы мира еще не успели забыть зверства германских нацистов, а уже в так называемое «атлантическое содружество» пытаются втянуть Западную Германию с ее неразоруженным военно-промышленным потенциалом и гуляющими на свободе кадрами нацистов-людоедов. Каждому человеку с незатемненным мышлением ясно, что подобные блоки раздирают мир на части, противопоставляют одни группы стран другим, что эти блоки носят военный характер и с момента их создания война вступает в фазу ее совершенно реальной подготовки.

Какие же, однако, мотивы и доводы выдвигают певцы атомного оружия и военных блоков, ставящих народы всего мира перед реальной угрозой войны? Одним из наиболее распространенных доводов является довод о том, что эти блоки создаются против агрессии, якобы угрожающей со стороны Советского Союза. Но все народы видят мирные устремления Советского Союза и то, что Советский Союз даже не пытаются привлечь к участию в этих блоках и что инициаторы этих блоков отвергли Пакт мира, предложенный советским государством. Выдвигают и такой странный довод, будто люди стран так называемого «атлантического содружества» обладают «монополией» на культуру и гуманизм, а мы, советские люди, наследники Пушкина и Толстого, Менделеева и Павлова, создавшие своими руками первую в мире страну социализма, являемся якобы врагами «западной», «атлантической» культуры. Но может ли хоть один действительный поборник культуры и гуманизма представить себе духовное развитие человечества без великой русской литературы, науки, музыки? И неужели можно оправдать развязывание самой зверской войны, какой только и может выглядеть новая мировая война, несогласием с тем характером культурного развития, который определяет свыше тридцати лет жизнь двухсотмиллионного советского народа, объединившего в своем составе около семидесяти наций? Забывают, что новая, социалистическая культура советского народа выросла на той почве, которую уготовили ей ее великие деды и отцы. Забывают, что тридцать лет свободной жизни советского народа в условиях социализма не могли не внести в культурную сокровищницу

человечества такие новые ценности, которые нужно, по крайней мере, знать, если стремиться к взаимопониманию между народами.

Говорят, что любовь к своим национальным традициям, к народной, национальной почве, породившей новую, советскую культуру, мешает советским людям понять так называемую «западную культуру». Но разве все великое в культуре Франции, Англии, Италии, США не выросло на своей национальной, народной почве? Разве не тем велика и прекрасна подлинная культура всего человечества, что она есть продукт развития культуры десятков и сотен больших и малых народов, вложивших в нее нечто свое и неповторимое? Любовь к своей национальной, народной почве и борьба с различными космополитическими теориями в нашей стране предполагают уважение и любовь ко всему передовому и прогрессивному в культуре каждой нации. Кому же не известно, что именно в Советской стране больше, чем в какой-либо другой, переводятся и издаются произведения классиков и современных прогрессивных писателей многих и многих стран, что мировую музыку изучают в наших консерваториях и многочисленных музыкальных школах, что идея солидарности всех прогрессивных сил мира против войны есть одна из тех великих идей, на которых воспитывается наша молодежь, наряду со священной идеей патриотизма!

Хотелось бы спросить: а чью, собственно говоря, культуру, культуру какой нации, любят певцы атомного оружия и военных блоков?

В 1948 году в Нью-Йорке вышла книга Вильяма Фогта «Путь к спасению». Сам Вильям Фогт является директором охраны природы панамериканского союза. Предисловие к этой книге написал известный государственный деятель США Бернард Барух. В своих так называемых «научных изысканиях» о судьбах человечества Вильям Фогт исходит из учения Мальтуса. Как известно, по Мальтусу, основное противоречие существования людей состоит в том, что человечество размножается быстрее, чем можно его прокормить по возможностям, которые предоставляет природа. Отсюда Мальтус считал неизбежными и благожелательными факторами для человечества войны, эпидемии, болезни, нищету и голод.

Но Вильям Фогт идет дальше своего учителя Мальтуса, пытаясь применить эту антинаучную теорию

к современному положению стран и народов. В главе «Слишком много американцев» Фогт исходит из того, что «оптимальной численностью населения США является 100 миллионов человек». И, таким образом, США неизбежно грозит снижение жизненного уровня, поскольку страна, так сказать, «перенаселена» на 45 миллионов человек. Но положение США еще не так ужасно. Подобно немецким фашистам, пытавшимся оправдать свою агрессию «ограниченностью жизненного пространства», Фогт «перенаселенностью» США объясняет стремление известных кругов к захвату запасов и территорий других народов.

«Запасы оловянной руды ограничены; быть может, нам придется воевать за право доступа к запасам олова», — пишет он. Или: «Предвидя истощение своих запасов нефти, мы посылаем наш флот в Средиземное море, угрожаем Советскому Союзу, требуем себе доступа к нефтяным богатствам Азии...» (стр. 68).

Как видите, не характер культурного развития Советского Союза движет новоявленным певцом новой войны Вильямом Фогтом, поддержанным Бернардом Барухом.

Если на самом деле существуют еще такие наивные люди, которые думают, что маршаллизация ряда стран Западной Европы и так называемый Северо-Атлантический пакт действительно направлены к улучшению жизни населения этих стран, то я очень рекомендую этим людям читать и перечитывать Вильяма Фогта.

«К несчастью, — пишет он (я особенно обращаю ваше внимание на это «к несчастью». — А. Ф.), — несмотря на войну, германские зверства и недоедание, население Европы, не считая России, увеличилось за время с 1936 по 1946 года на 11 миллионов человек. Предполагают, что в 1955 году численность ее населения достигнет 404 миллионов человек, то есть увеличится за 20 лет на 10 процентов. Вместо 370 миллионов пустых желудков, которые пужно наполнить три раза в день пищей, выращиваемой на чужой земле, в Европе будет 404 миллиона пустых желудков. Количество голодных ртов растет, но количество земли не увеличивается» (стр. 199—200).

Поэтому Вильям Фогт рекомендует единственный выход из положения, а именно — уменьшение численности населения Европы. Он так и пишет: «Все, что мы делаем для увеличения численности населения, идет во вред

Европе и нам самим. Стабилизация, а затем уменьшение численности населения Европы были бы самым крупным вкладом в дело всеобщего мира и процветания» (стр. 211).

Может быть, есть такой наивный англичанин, который думает, что действительно атомное оружие и Атлантический пакт существуют для защиты английской культуры и старого английского гуманизма. Но чтение Вильяма Фогта убеждает, что создатели атомного оружия и Атлантического пакта с презрением относятся к английской нации, как и ко всем другим нациям. По Фогту, так называемый «Новый Свет» всегда кормил Англию, и промышленный переворот в Англии не совершился бы без помощи Америки. И в нынешних условиях, «если мы не захотим поместить 50 миллионов британских ног под наш обеденный стол... мы снова увидим, как по улицам Лондона шествует голод», — пишет Фогт (стр. 72).

Таково, собственно, отношение Фогта ко всем другим нациям. «Самой страшной трагедией для Китая сейчас было бы снижение смертности населения, — пишет он. — С точки зрения всего человечества, голод в Китае, пожалуй, не только желателен, но и необходим».

В положении Чили он видит следующие достоинства: «Одним из величайших преимуществ и даже, пожалуй, величайшим преимуществом, каким обладает Чили, является высокая смертность населения» (стр. 186).

Мудрость древних греков, в понимании Вильяма Фогта, «выражалась в действиях, о которых историки редко пишут. Греки понимали постоянную опасность перенаселения и целеустремленно боролись с ней путем поощрения проституции, детоубийства, эмиграции и колонизации» (стр. 58).

Но что уж говорить о древних греках, если Фогт самым решительным образом осуждает деятельность современных врачей. «Врачи, — пишет он, — сосредоточивают все свои усилия на одной задаче — спасти людей от смерти... Улучшая постановку медицинской помощи и санитарные условия, они несут ответственность за продление жизни миллионов обнищавших людей» (стр. 48).

Конечно, друзья Вильяма Фогта могут обвинить меня в «пропаганде». Но я должен заявить, что такие, как он, проповедники мракобесия и новой войны являются врагами человечества и, прежде всего, врагами американского народа, который так же не хочет войны, как и мы, и так

же, как и мы, желал бы не уничтожения людей на земле, а их счастья и процветания.

Вместе с другими советскими деятелями культуры, искусства и литературы я был гостем на Конгрессе деятелей науки и культуры США в защиту мира. Мы убедились в искреннем стремлении прогрессивной интеллигенции США к укреплению мира и взаимному пониманию между народами. Вопреки враждебному тону значительной части прессы, нас везде встречали приветливо и дружески, чем, должно быть, и объясняется торопливость государственного департамента и министерства юстиции, предложивших нам удалиться.

С удивлением мы познакомились с некоторыми нравами так называемой «свободной» американской прессы, писавшей о чуть ли не стотысячной демонстрации против нашего пребывания в США. На самом деле, кроме небольших группочек наемных пикетчиков, никакой демонстрации не было. Мы встречали готовность выслушать и понять нас, и мы убедились, что никакое различие воззрений в тех или иных вопросах жизни и культуры не может помешать честным и объективным людям разных наций договориться о мире против людей, поощряющих военную истерию.

Ни один человек на земле, имеющий живую душу, будь он американец или русский, не может пройти мимо таких, например, высказываний, как высказывания Юджина О'Нейла: «Человеческой расе уже пора исчезнуть с лица земли и дать возможность муравьям сделать вселенную обитаемой», — или высказывания Генри Миллера: «Я надеюсь и твердо верю в то, что весь цивилизованный мир будет стерт с лица земли в течение ближайшего столетия». Кому не ясно, что проповедь этих взглядов является продолжением в наши дни расистских, человеконенавистнических теорий, которые развивают в людях низменные инстинкты, необходимые корыстным людям, для того чтобы вовлечь человечество в войну.

И на какой бы земле ни родились существа, выражающие подобные взгляды, мы, люди различных наций, разных политических и религиозных воззрений, имеем полное право назвать их врагами человечества — и, прежде всего, врагами их собственного народа.

Пора понять, что подобный нигилизм по отношению к человеческой жизни и к самому существованию цивили-

лизации развращает души молодых людей. Пора понять, что этот нигилизм способствует росту преступлений и поощряет низменные инстинкты.

Федеральное бюро расследований США опубликовало 14 марта признание, что преступность, достигнув угрожающих размеров, продолжает расти. В течение всего 1948 года в Соединенных Штатах каждые 18,7 секунды совершалось одно серьезное преступление. Ежедневно в среднем 36 человек являлись жертвами убийц, 255 женщин подвергались насилию. Каждые 24 часа производилась кража 463 автомобилей и совершались 2 672 других преступления. В 1948 году было арестовано рекордное в истории число людей, причем были взяты отпечатки пальцев у 759 698 человек.

Самым тревожным в отчете Федерального бюро расследований является указание, что преступность в 1948 году резко возросла по сравнению с довоенными 1939—1941 годами. Число актов изнасилования женщин возросло на 49,9 процента, воровства — на 16,7 процента, убийства — на 14,1 процента, грабежа — на 8,9 процента. Характерно, что газеты в США самых различных направлений объясняют этот рост преступности небывалым потреблением спиртных напитков и разложением молодежи.

Мы не имеем права не думать о том, что разложение хотя бы даже части молодежи готовит из нее в будущей войне кадры злодеев, мелких фюреров злодейства, подобных тем, которые германский фашизм выпустил против человечества в прошлой войне.

Я призываю всех деятелей культуры, независимо от их национальной и расовой принадлежности, от их политических и религиозных убеждений, возвысить великий голос гуманизма, завещанного нам лучшими людьми каждой из наций, против поджигателей войны и против их певцов и подголосков. Мы обязаны возвысить этот голос в интересах женщин-матерей, рождающих наших сыновей и дочерей. Мы обязаны его возвысить в интересах наших сыновей и дочерей, потому что от нас зависит и самая их жизнь, и их моральное будущее.

От того, какое мы дадим направление их умам и чувствам, будет зависеть, сможем ли мы с гордостью говорить о них как о носителях человеческого прогресса, или мы вынуждены будем оплакивать их духовную немоту и опустошение.

Мы обязаны поднять этот великий голос гуманизма против поджигателей войны, потому что этого ждут от нас миллионы простых людей всего мира, составляющие большинство человечества, несущее в своем сердце лучшие черты каждой из наций и лучшие традиции гуманизма.

Этот Всемирный конгресс сторонников мира показывает, какой несокрушимой силой обладают деятели культуры, когда они объединены с миллионами людей физического труда. Именно такое объединение наиболее полно выражает волю всех народов к укреплению мира. Пусть знают зачинщики новой войны: народы мира могут рассердиться и жестоко покарать их.

Поднимем наш объединенный голос против зачинщиков и певцов войны, против разжигания национальной и расовой ненависти и вражды.

Защита мира — дело всех народов мира.

За дружбу между народами во имя мира!

За мир во всем мире!

СВЕТЛЫЙ И ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ ГЕНИЙ

Вся наша Советская страна, а вместе с ней и все прогрессивные люди мира празднуют столетие со дня рождения гениального сына русского народа, великого поэта Александра Сергеевича Пушкина.

В течение всей его творческой жизни и вот уже более ста лет после его смерти светлый гений Пушкина оплодотворял и оплодотворяет все самые лучшие, передовые, сознательно отдающие себя на служение народу силы, действовавшие на Руси за это время. И не только на Руси. Мощное влияние его гения испытывали и испытывают лучшие люди народов, которые великая Русь сплотила в «союз нерушимый республик свободных», и братских славянских народов. Его поэзия — непосредственно и через наследовавшую ее великую русскую литературу, влилась мощной светлой струей в мировой поток человеческой культуры. Но только Великая Октябрьская социалистическая революция в России и более чем тридцатилетняя работа по коммунистическому воспитанию и просвещению народа, проводимая в нашей стране под руководством великой партии большевиков, превратили наследие Пушкина в подлинно народное достояние и раскрыли истинное значение его гения для народа.

За время советской власти сочинения Пушкина распространены в народе в количестве более пятидесяти миллионов экземпляров на семидесяти шести языках. Это

значит, что, в среднем, каждая семья в нашей стране имеет Пушкина. Это значит, что великое наследие Пушкина подняла и несет в своих руках вся новая, советская, индустриальная, колхозная Россия, все народы Советского Союза. Пусть-ка попробуют хоть что-нибудь противопоставить этому факту развития народной культуры в СССР современные «клеветники России», враги нашей страны социализма, враги собственных народов, охвостье буржуазной культуры, давно позабывшие и оплевавшие своих отцов и дедов и криками о «свободе» и «демократии» прикрывающие все более полную, все более откровенную зависимость от своих хозяев — империалистов!

В то время, когда эти господа, проповедники конененавистничества и мракобесия, певцы атомного оружия и рабской зависимости от скупого американского «дядюшки», делают решительно все для того, чтобы истребить в собственном народе всякую память о лучших истоках национальной культуры, довести народ до того состояния невежества, при котором его удобнее всего было бы использовать в целях войны, к выгоде империалистов, — наш советский народ, строящий коммунистическое общество, бережно и гордо подымает над миром великое наследие Пушкина.

Мы понимаем и ценим свободолюбие Пушкина, потому что мы — самый свободный, подлинно свободный, единственно свободный народ на свете. Нам по душе светлый материалистический разум Пушкина, потому что наш народ — хозяин своей земли, первый овладевший законами развития общества, своими руками создающий свое светлое будущее. Нашему сердцу отвечает патриотизм Пушкина, его любовь к родной стране, потому что, освобожденный от пут эксплуатации, наш народ кровно связан со своим отечеством, созданной нашими руками страной социализма. Только нам до конца раскрылась народность поэзии Пушкина, потому что мы — свободные потомки великого народа, породившего Пушкина. Нас вдохновляет жизнерадостность его поэзии, потому что мы — самый жизнерадостный и счастливый народ на свете, сознающий свои силы и уверенный в своем будущем. Мы восхищаемся ясными и простыми формами его поэзии, потому что правдивая простота и ясность — это стиль нашей жизни.

Да, мы имеем смелость и счастье заявить перед всем миром, что мы гордимся нашим Пушкиным, гордимся, в частности, и тем, что светлый и всеобъемлющий гений его поэзии был порожден нашим народом еще на заре прошлого века, когда титанические силы народа были еще скованы. Какие же неиссякаемые, чистые родники таланта были сокрыты в нашем народе, если он в тех условиях породил Пушкина!

Но если на волне национального подъема, вызванного победой над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года и освобождением Европы от его тирании, если на ранней заре освободительного движения в России наш народ выдвинул Пушкина, то какие же требования вправе предъявлять к нам, современным деятелям культуры, великий советский народ, разбивший и развеявший в прах темные силы старого мира, построивший свободную страну социализма, осуществивший вековую мечту о братстве народов, раскрывший в каждом человеке все силы свободного развития его личности! Какие требования вправе предъявить нам, своим сынам и дочерям, народ, одержавший победу над германским фашизмом, этой самой мощной и агрессивной силой империализма из тех, какие до сей поры пытались овладеть миром, какие требования вправе предъявить нам, советской интеллигенции, народ, освободивший Европу от ига гитлеризма и объединивший вокруг великого, благородного знамени Ленина мировые силы прогресса и демократии!

Велики заслуги нашей интеллигенции перед советским народом. И нет другой такой страны в мире, где интеллигенция была бы так обласкана народом и окружена такой его любовью. Но в торжественный день, посвященный памяти Пушкина, народ вправе мерить каждого из нас великой народной пушкинской мерой. И народ вправе сказать нам:

Ждем от вас большего!

Вперед и выше, славные сыны и дочери народа!

Шире, глубже овладевайте всеми передовыми знаниями и богатствами культуры в свете марксистско-ленинского учения!

Смелее, настойчивее штурмуйте сияющие вершины творчества, учитесь мастерству, черпайте полной пригоршней все самое лучшее из сокровищницы народа-творца!

Будьте во всем и всегда новаторами-революционерами, преобразователями мира, — подобно великому учителю народа Ленину!

Вперед, сыны и дочери народа, в наступление на все силы угнетения и порабощения в мире, как бы они ни маскировались или действовали открыто, вперед широким фронтом, во всеоружии правды и разума, под победоносным знаменем коммунизма!

1949

О НЕДОСТАТКАХ ЛИТЕРАТУРЫ И О ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

1

Критические статьи о пьесах А. Софронова «Карьера Бекетова» и В. Кожевникова «Огненная река», появившиеся недавно в нашей печати, имеют большое воспитательное значение и для писателей, и для их организации. Эти статьи правильно вскрывают крупные идейно-художественные недостатки, присущие пьесам А. Софронова и В. Кожевникова.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти недостатки, по существу, не новы.

Какие главнейшие недостатки присущи, например, пьесе А. Софронова? Прежде всего — искусственность, нежизненность конфликта, на котором построена пьеса. Это свидетельствует о недостаточном знании действительности, которую автор пытался отобразить. Разоблачение карьериста Бекетова носит случайный характер, а не проистекает закономерно, из особенностей нашего общественного строя. В пьесе не показана общественная жизнь наших предприятий. И, прежде всего, не показана партийная организация завода, являющаяся, как известно, душой общественной жизни.

В результате того, что не показана роль партийной организации, создается неправильное представление о взаимоотношениях молодого поколения (комсомольцев) и старшего поколения (партийцев, большевиков) на производстве, да и вообще во всей нашей жизни. Эта ошибка

автора тем более непростительна, что еще совсем недавно подобного же рода ошибка в романе «Молодая гвардия» подробно разбиралась на страницах печати и в организации писателей.

Критические статьи о пьесе А. Софронова справедливо отмечают, что образ карьериста Бекетова выписан лучше, чем образы наших советских людей. В заданном автором конфликте между новой, коммунистической моралью советских людей и старой, собственнической, звериной моралью, воплощенной в Бекетове, являющейся в наших условиях уже пережитком, последняя дана с полнотой жизненности, а первая — схематично и немощно.

Незнание жизни привело к художественной неправде. А небрежность в работе еще более снизила художественную ценность произведения.

В пьесе В. Кожевникова тоже прежде всего бросается в глаза нежизненность драматического конфликта, его искусственность. Доказано, что даже «техническая» проблема, поставленная в пьесе, является устаревшей. Образы советских рабочих-производственников, которые, по замыслу автора, должны быть основными образами в пьесе, даны неверно, им приписаны черты, не свойственные передовым людям советского общества. В художественном отношении эти образы выписаны слабо. Люди говорят надуманным, искусственным, тяжеловесным языком.

Пьеса «Огненная река» — также продукт незнания жизни и неудовлетворительной художественной работы.

А между тем до появления серьезных критических статей пьесы эти в общем хвалили. Это говорит об известном снижении наших эстетических требований. Чем оно объясняется?

2

Советские литературоведы и критики должны больше заниматься вопросами социалистической эстетики. Они могли бы очень многое сделать для развития наших эстетических взглядов, если бы всерьез занимались именно современной советской литературой, критически усваивая и перерабатывая великие литературные традиции русских революционных демократов XIX века.

Конечно, русские революционные демократы не могли достичь того понимания партийности литературы, какое стало теперь господствующим среди советских литераторов благодаря разработке этого важнейшего теоретического вопроса Лениным.

Но русские революционеры-демократы лучше, чем кто-либо другой в прошлом, разработали вопросы об общественном значении литературы, об организующей роли идеи в художественном произведении, о соответствии художественной формы содержанию, создав последовательную и целостную эстетическую теорию.

«Каждое произведение искусства непременно должно рассматриваться в отношении к эпохе, к исторической современности, и в отношениях художника к обществу», — так определял Белинский общественное место литературы.

«От глубины основной идеи и от силы, с которой она организуется в отдельных особностях, зависит бóльшая или меньшая художественность романа»¹, — так понимал Белинский организующую роль идеи в художественном произведении.

Белинский, как и все революционные демократы, прекрасно понимал все значение художественной формы в произведении, подробно анализировал особенности и характер художественного таланта каждого писателя, доводя этот анализ до мельчайших особенностей стиля, языка.

Предъявляя писателям исключительно высокие требования, Белинский, однако, никогда не подходил к художественной литературе с абстрактным мерилom. То, что можно предъявить Пушкину, нельзя, скажем, предъявить Алексею Кольцову или И. А. Крылову. Кольцов — это как бьющий из горы светлый, холодный ключ. Пушкин — это Волга, поящая миллионы людей. В поэзии Пушкина — вся Русь, все разнообразие, вся многосторонность ее национального духа. В Крылове — одна сторона русского духа: здравый практический смысл, опытная житейская мудрость, простодушная и злая ирония.

Произведения Григоровича, которые автор считал романами, Белинский называл очерками деревенского быта

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. V, Изд-во АН СССР, стр. 40.

и в знании деревенского быта видел сильную сторону Григоровича. «Записки охотника» Тургенева Белинский тоже справедливо определил как очерки, но в то же время убедительно показал, что очерки Тургенева художественно выше очерков Григоровича.

Белинский рассматривал художественное произведение как единый организм, где осуществлена «гармоническая ответственность частей с целым» благодаря «единству мыслей». В произведении художественно совершенном «строго соразмерное распределение ролей для всех лиц, наконец... оконченность, полнота и замкнутость целого».

Одним из образцов такого эстетически целостного анализа художественного произведения является исключительный по смелости анализ произведения Лермонтова «Герой нашего времени». Как известно, это произведение состоит из отдельных повествований. Белинский, рассмотрев мировоззрение Лермонтова как писателя, который жил и творил в промежуточную эпоху, когда декабризм был уже разгромлен, а новый общественный подъем еще не начался, определил героя романа Печорина как тип, порожденный безвременьем, тип человека, не могущего найти общественного применения своим незаурядным силам и гибнущего в очерствении индивидуализма.

Далее, анализируя разнообразие форм строения каждой из частей, слагающих вещь в целом, Белинский с железной логикой доказал, что фрагментарная форма целого произведения Лермонтова наиболее экономно и в то же время полно и точно выражает те стороны жизни и характера Печорина, которые нужны автору для выражения главной мысли.

Другой пример такой же гениальной работы Белинского по анализу соответствия формы содержанию — это художественный разбор двух совершенно не похожих друг на друга романов: романа Герцена «Кто виноват?» и романа Гончарова «Обыкновенная история». Идя тем же путем — от идеи и содержания к форме, — Белинский говорит, что сильной стороной Герцена является не изображение характеров, а самая мысль, ее блестящее художественно-логическое выражение, и определяет жанр произведения Герцена как роман мысли (как роман публицистический, сказали бы мы теперь). Анализируя тем же путем «Обыкновенную историю» Гончарова, Белин-

ский говорит, что как раз мысль не является сильной стороной этого писателя. Но Гончаров силен в художественно-чувственном воспроизведении окружающей его жизни и благодаря этому достигает типичности.

При исключительном внимании к особенностям художественной формы Белинский издевательски относился к современным ему «формалистам», которые, так же как и наши формалисты, не понимали значения идеи и содержания в произведении и тем более не понимали той общественной действительности, которая породила данное произведение.

Например, Белинский высмеивал так называемую «самобытность» Аполлона Григорьева, заключающуюся «в туманно-мистических фразах, при чтении которых невольно приходит на память эта старая эниграмма:

Уж подлинно Бибрус богов языком пел:
Из смертных бо его никто не разумел».

«Толпа, в смысле массы народной, — писал Белинский, — есть прямая хранительница народного духа... Кто поэт про себя и для себя, презирая толпу, тот рискует быть единственным читателем своих произведений»¹.

И Белинский точно формулирует задачи литературной критики: «Критика историческая без эстетической и, наоборот, эстетическая без исторической, будет односторонняя, а следовательно и ложна»². «Однако ж как форма есть творение явившегося к ней духа, так, отправляясь от формы, никогда нельзя постичь заключенного в ней духа; наоборот, только отправляясь от духа, можно постичь и самый дух, и выразившую его форму».

Современный читатель не может не согласиться, что эти высказывания Белинского очень современны и очень своевременны.

3

Особенно важно для нас, советских писателей старших и особенно молодых поколений, отношение Белинского к художественному труду: все виды искусства «никакому

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. VII, Изд-во АН СССР, стр. 345.

² Там же, т. VI, стр. 284.

гению не даются без тяжкого и продолжительного труда и, что всего хуже и обиднее для романтиков, сначала труда чисто материального и механического»¹.

Да, действительно, художественный труд требует большого творческого напряжения, почти физических усилий ума и в то же время огромного терпения, усидчивости. И как бы ни работал современный писатель — «по-старинному», пером, или печатал свои произведения на машинке, — он никогда не добьется необходимой точности, выпуклости, эмоциональной выразительности образов, а через них — полноты и ясности мысли, если не перепишет по нескольку раз свое творение, создавая все более совершенный вариант.

Советские писатели — новаторы в литературе прежде всего потому, что они показывают историческое становление коммунистического общества и его морали. Но именно поэтому — советские писатели больше, чем кто-либо из писателей прошлого, за совершенство художественной формы. В советской литературе уже созданы художественные образцы, по которым можно равняться, по которым можно учиться, — начиная с творений великого Горького.

За последние годы вышло немало произведений высокого идейно-художественного уровня, созданных писателями разной творческой индивидуальности и характера дарований. Назову для примера несколько произведений художественной прозы писателей старших поколений: «Первые радости», «Необыкновенное лето» К. Федина, «Степное солнце» П. Павленко, «Повесть о детстве» Ф. Gladкова, «Абай» М. Ауэзова.

Конечно, и этим произведениям присущи некоторые недостатки.

В чудесном романе К. Федина «Необыкновенное лето» с его полнокровным изображением жизни, труда и борьбы людей из разных слоев советского общества не воплощены, однако, в художественные образы большие темы советской государственной политики, военной стратегии в 1919 году — этом решающем году гражданской войны; автор выразил эти темы публицистически-хроникально. В «Повести о детстве» Ф. Gladкова, свидетельствующей о том,

---

¹ В. Г. Белицкий, Полное собрание сочинений, т. X, Изд-во АН СССР, стр. 334.

что незаурядный талант ее автора продолжает расти (это находит свое выражение в силе и выпуклости характеров, в прозрачном, чистом, народном языке повести), встречаются еще излишне натуралистические сцены, где правда художественная уступает место правде физиологической.

Роман М. Ауэзова «Абай», напоенный запахами казахской степи, раскрывший нам целый мир жизни казахского народа во второй половине прошлого века, давший монументальный образ казахского поэта-просветителя, местами излишне растянут. Кроме того, в первой книге романа, как это уже отмечалось критикой, борьба родов показана более подробно и выпукло, чем борьба казахской бедноты против богатеев.

Но, при отдельных недостатках, — все это прекрасные творения советской литературы последних лет.

Назову некоторые книги писателей более молодых поколений, принесших с собой хорошее знание советской жизни, в которой они органически выросли: «Белая береза» М. Бубеннова, «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Алитет уходит в горы» Т. Семушкина. Авторам этих книг присуще чувство нового, и их художественный талант, подчас стихийно, находит своеобразные формы для своего выражения.

Не все из них воспитывают в себе культуру художественного труда, к которой призывал писателей Белинский.

Из названных авторов наибольшей тщательностью работы над характерами героев, над словом, сюжетом отличается, пожалуй, Т. Семушкин.

Нужно сказать, что композиция и сюжетное строение произведений является наиболее уязвимым местом в работе многих писателей старших и молодых поколений. Так, например, роману В. Ажаева «Далеко от Москвы», одному из наиболее крупных (по масштабу изображенных событий) произведений из названных мною, тоже свойственна известная рыхлость — к концу роман производит впечатление хроники.

Роман А. Первенцева «Честь смолоду» обладает, если можно так выразиться, «перенаселенностью», — правда, в меньшей степени, чем его предыдущий роман «Огненная земля».

Роман, как и жилищную площадь, вредно заселять большим количеством людей, чем положено «по норме».

Этот недостаток, как известно, критика отмечала и в романе «Молодая гвардия». В романах Первенцева слишком много лиц, на которых автору нет времени и места подробнее остановиться. Но это означает, что эти лица в романе вообще не нужны.

Серьезную критику со стороны читателей вызывает роман Ф. Панферова «В стране поверженных». Этому роману, который является продолжением романа того же автора «Борьба за мир», действительно присущи многие слабости.

В замысел нового романа Ф. Панферова входило показать глубокий немецкий тыл и фронт — от квартиры рядового немецкого жителя до звериного логова Гитлера, от немецкого солдата до гитлеровского военного штаба, показать героическую работу советской разведки в тылу врага, подпольную работу немецких коммунистов против гитлеровского государства и пробуждение сознания немецкого народа к концу войны.

Но в романе «В стране поверженных» замысел автора не нашел себе художественного воплощения. Можно говорить об отдельных более или менее удачных сценах, но в целом на романе лежит печать небрежной, неряшливой работы. Многие сюжетные ходы не оправданы, не мотивированы, художественно не доказаны, воспринимаются как искусственные — читатель им не верит; характеры не доработаны (крупным идейным недостатком произведения надо считать поверхностное изображение политического представителя партии в партизанском соединении Гуторина).

Но особенно обращает на себя внимание небрежный язык. Над романом надо было бы еще поработать, если не год, то, по крайней мере, полгода.

Голос читателей-друзей, отмечающих в многочисленных письмах слабости романа, почти единодушен. Приведу некоторые из этих высказываний.

Военнослужащий т. Успенский из Ташкента пишет по поводу образа Гуторина: «Где же организующая сила, где же партийное руководство? Гуторин у Панферова — совершенно случайная личность, не связанная с партизанской массой, партией, руководством». Об этом же говорит в своем письме т. Кубатьян из Москвы: «Вызывает удивление и сожаление командир партизанского соединения Гуторин, который абсолютно ничего не знает

и не проявляет никакой активности, не вникает ни в какие дела, он просто фотограф».

Почти все читатели указывают на художественную немотивированность различных ситуаций в романе. Тов. Васильев из города Пярну, Эстонской ССР, пишет: «Трудно поверить, что все описанное в романе есть жизненная правда. Не слишком ли необычайны приключения героев романа? Татьяна разгуливает по фабрикам, существование которых немцы хранили в глубокой тайне до последних дней войны. Николай Кораблев награждается «железным крестом» немецким фельдмаршалом, а Вася добирается до имперской канцелярии. И все это делается без видимых усилий, без преодоления трудностей, без борьбы, легко и просто... Роман получился надуманным. Это получилось оттого, что все ситуации автор, очевидно, выдумал сам. Надуманность чувствуется в каждой картине, в каждом действии».

Тов. Благов из Москвы придерживается такого же мнения: «И люди нереальные, и поступки их переальные. Так в жизни не бывает». Тов. Морозов из поселка Старая Вичуга пишет: «После книги «Борьба за мир», которую читаешь с неослабевающим интересом и вниманием, не верится, что роман «В стране поверженных» написан тем же автором... Если в книге «Борьба за мир» реально и жизненно описана действительность нашего времени, то «В стране поверженных»... выдумка».

В большинстве писем читатели подвергают критике язык романа. Например, упомянутый нами т. Успенский из Ташкента пишет: «Несколько слов о языке Панферова. Это не великий русский язык — язык Пушкина, Гоголя. Выверты, подделка под народную речь, грубый натурализм не только в разговорной речи, но и в авторском тексте».

Наш культурно выросший советский читатель правильно ухватывает самую главную причину этих недостатков романа:

«Панферов явно поторопился с опубликованием этого романа. Он — не новичок в литературе, не начинающий писатель. Тем более обидно становится за него, за автора, написавшего «Бруски», за то, что он стал менее требовательным к себе в работе над своими произведениями» (т. Васильев).

«Редакция «Октября» отнеслась к роману Панферова не критично», — пишет т. Благов. «Редакция журнала «Октябрь» поспешила опубликовать недоработанное произведение», — вторит ему т. Яблон из Баку. «Удивительно, как редакционная коллегия журнала «Октябрь» могла дать согласие на печатание романа, на котором от начала и до конца есть печать надуманности, поспешности», — поддерживает этот справедливый упрек журналу и т. Кубатьян.

Ф. Панферову следовало бы прислушаться к голосу читателя-друга.

Примеры небрежной работы писателей старшего поколения пагубно сказываются на литературной молодежи. В выпущенной недавно издательством «Советский писатель» повести А. Черкасова «В стороне сибирской» много натуралистических подробностей, от которых автор мог бы освободить повесть, если бы издательство поработало с ним в этом направлении.

В книге Е. Ермилова «Фари» (изданной тем же издательством), свидетельствующей об одаренности ее автора, тема работы русской интеллигенции в условиях национальной автономной республики сюжетно решается на совершенно чуждом этой теме детективе. Хорошее в книге часто гибнет благодаря ее дешевому формализму.

Под флагом новой, советской тематики в наших издательствах и журналах продолжают печататься вещи сырые, неряшливые, торопливо и поверхностно написанные.

4

Мы имеем прекрасные образцы советской поэзии среди книг, выпущенных за последние годы.

Следует остановиться, например, на сборнике М. Исаковского «Стихи и песни». Начиная с 1942 года, когда был отмечен первый сборник «Стихов и песен» Исаковского, он опубликовал не больше пятнадцати — двадцати стихотворений, и это уже хороший признак. Все стихи его проникнуты глубоким лиризмом — не случайно большинство из них переложено на песни и их поют миллионы людей. Стихи М. Исаковского — плод зрелого мастерства. Они точны и ясны. Следует назвать такие всепародно известные стихотворения, как «Русской женщине», «Где ж вы, где ж вы, очи карие», «Лучше нету того

цвету», «Опять печалится пад лугом», «Снова замерло все до рассвета», «Первый тост», «По росистой луговой», «Край мой смоленский», «Разговор на крыльце», «Летят перелетные птицы».

Последняя книга стихов Н. Тихонова — «Грузинская весна» — тоже, несомненно, свидетельствует о высоком поэтическом мастерстве ее автора. Но не все в этой книге одинаково ценно. Так, например, стихотворение «Рустави», в котором, по замыслу автора, должны были бы слиться воедино темы индустриализации Грузии и братской дружбы народов, не может передать величия замысла, так как в стихотворении показаны не столько люди, сколько материальные результаты их труда, — стихи носят внешне-описательный характер.

Стихотворение «Песня о дружбе» на ту же тему имеет преимущество перед стихотворением «Рустави» в том, что здесь уже дан человек. Но по качеству стиха оно вяло.

Боевой политический темперамент, стремительно и внезапно развертывающийся в стихе, как спираль, отличает новую книгу К. Симонова «Друзья и враги». Но на некоторых стихотворениях лежит печать торопливости: слова не всегда точно поставлены в строке. В этом отношении наиболее уязвимо стихотворение «Тигр»:

В том, как весь вечер выдержал он стойко
Со мной на этих вежливых пожах,
Была не столько трезвость, сколько стойка
Перед прыжком в газетных камышах...

Это тяжеловесно. И нельзя сопоставлять такие разные понятия: «не столько трезвость, сколько... стойка».

И сколькими б кошачьими кругами
Беседа всех углов ни обошла,
Мы молча встали с ним из-за стола...

Это опять тяжеловесно, а кроме того, здесь придаточное предложение соотносится к главному противно правилам грамматики и логики.

Следует отметить поэтическую работу последних лет В. Инбер. Самая большая ее удача — поэма «Пулковский меридиан», плод многолетнего и высокого поэтического труда.

Большая тема социалистического гуманизма, воплощенная в образах блокированного Ленинграда, лирически окрашенная, нашла в этом произведении В. Инбер глу-

боко оригинальную и точную форму. Конкретность и точность образа отличает и большинство глав новой поэмы В. Инбер — «Путь воды», — опубликованной в двенадцатой книге журнала «Новый мир» за 1948 год. Но большая идея поэмы втиснута искусственно и формально в сюжетную схему, зависящую от физического (или географического) пути воды. Отдельные главы поэмы вместе не составляют целого. Тема мирной политики советского государства, противопоставленная захватнической политике англо-американских империалистов, в последней главе поэмы вовсе не вмещается в искусственную сюжетную схему. Таким образом, последняя, важнейшая глава, завершающая поэму, не вытекает из предыдущих.

Глава «Большой Ферганский канал», в которой, по замыслу автора, должна быть выражена героика социалистического труда и счастье существования людей в условиях справедливого социалистического строя, написана легко, даже по ритму, не передает величия, пафоса и напряжения труда. В. Инбер, собственно, обошла тему труда, показав только его результат.

Очень многому могут учиться наши поэты на поэтической работе С. Маршака. В каком бы жанре он ни работал — над детскими стихами, над художественными переводами или над сатирическими стихами, — он всегда стремится найти свое собственное решение темы. В маленьких сатирических газетных стихах он обычно находит какую-нибудь острую деталь, на которой строит всю вещь. Стих С. Маршака всегда необыкновенно прост и прозрачен.

Тщательно и добросовестно работает над стихом замечательный лирический поэт С. Щипачев, избранные стихи и поэмы которого так любимы нашей молодежью.

Поэмы молодого поэта Н. Грибачева «Колхоз «Большевик» и «Весна в «Победе» нашли справедливо высокую оценку у читателя. Грибачев талантлив и принес в поэзию свежие, новые темы. Но Н. Грибачев еще в первой стадии поэтического роста. В поэзии, как и в музыке, индивидуальность сказывается не только в новом содержании, но и в собственной интонации. Н. Грибачев только нащупывает собственную поэтическую интонацию. Частенько еще проскальзывает у него интонация А. Твардовского, которая сразу же становится заметной в чужих устах благодаря яркой индивидуальности стиха А. Твар-

довского. Иногда звучат интонации и других поэтов. Например:

Воловый волок влака,
волнистый дым долины,
на волглых ветках влага
и рокот соловьиный,
гортанный гомон галок,
снега планин далеких,
весна в глазах болгарок
глубоких, волооких.

Болгарские слова «влак» — посзд, «планины» — горы объяснены Н. Грибачевым в сноске, но дело не в этих словах, а в том, что в этих стихах звучит чужая интонация. И, кроме того, к кому относятся эпитеты «глубоких, волооких»? Если к болгаркам, то к ним не подходит эпитет «глубоких», а если к глазам, то к ним не подходит эпитет «волооких», потому что «волоокие глаза» означают глаза с «большими выразительными глазами» (см. словарь Ушакова, т. 1).

Н. Грибачев иногда пишет торопливые и небрежные стихи «на злобу дня». Такие небрежные стихи ему, при его добром имени, писать не положено...

Приведу еще пример, что происходит с поэтом, если он, наслушавшись формалистов, из полемического задора использует неподходящую форму для новой, социалистической темы. Это случилось с С. Кирсановым в его поэме «Небо над Родиной». Некоторые критики считают поэму новаторской. Но форма этого произведения не новая. Нет, она заимствована у абстрактных романтических поэтов прошлого с характерным для такой поэзии отсутствием человека. Автор хотел показать глубину советского патриотизма, величие и бессмертие подвига советского человека. Но в поэме действуют и разговаривают облака, земля, дождь, даже мотор, и нет человека. Тема советского патриотизма подменилась абстрактной темой «Жизни и Смерти». Этот недостаток поэмы хорошо вскрыт Л. Скорино в статье «Новаторство и формализм» (см. журнал «Новый мир», 1948 г., № 5). Поэма талантлива в частностях, а в целом она скучновата. Сказанное мною не должно снимать того обстоятельства, что Кирсановым написано немало хороших стихов.

В сборнике талантливого уральского поэта К. Мурзиди «Улица пушкарей» помещено стихотворение «Какое у правды лицо». Нельзя не почувствовать идейной и худо-

жественной фальши этого претенциозного, но чрезвычай-
но бездумно и торопливо написанного «произведения».
Какое же у правды лицо?

Какое: до холода тусклое,
Решительно-резкое, грозное...

А по другому варианту:

Веселая ль самоуверенность,
Прямое презрестье, изменчивость,
А может быть, просто растерянность...

По третьему варианту у правды лицо «почти равно-
душно-небрежное». А потом оказывается, что правда у
советского человека вообще не одна:

А правда войдет и отважится,
И скажет, слегка смущена:
— Пришел ты, но часто мне кажется,
Что я у тебя не одна.

Обидно, что это плохое стихотворение К. Мурзиди по-
пало в сборник его хороших стихов. Но К. Мурзиди —
поэт еще молодой. А уж совершенно непростительно про-
фессиональному поэту А. Адалис включать в сборник
«Восточный океан» такое перьяшливое и безвкусное сти-
хотворение, как «Неправда и неправда», где соседствуют
ложная экзотика и вульгарные выражения:

В лесах Борнео дебри хмуры, —
Там людоседы и пещеры...
К добру ли о «дарах культуры»
Пошли трепаться лицемеры? —

или нудное стихотворение «Там, далеко, далеко, далеко...»
с такими «поэтическими» перлами:

Ускользают по горной дороге
Вереницы малюток авто...
За чертой карантина растаяв,
Быстролетные стаи нырнут
В голубой травостой Гималасв,

Где прохладней луны Кирнауд...
В сожалительно-грустной беседе,
В христианской любви горячи,
Прочь уносятся сэры и леди,
И духовники их, и врачи...

При всех недостатках советской литературы мы и в этой области имеем талантливое, новое: «За тех, кто в море!» Б. Лавренева, «Великая сила» Б. Ромашова, «Русский вопрос» К. Симонова, «Московский характер» А. Софронова.

Б. Ромашов в «Великой силе» первым из советских драматургов высмеял низкопоклонство отдельных представителей советской интеллигенции перед западной буржуазной культурой. Особенно удачен в этой пьесе — ибо жизненен — образ Милягина. Пьеса Б. Ромашова отличается высокими литературными достоинствами. Но этой пьесе присущ один характерный для нашей драматургии художественный недостаток: весь личный драматический «конфликт» — взаимоотношения профессора Лаврова с женой — не связан с основным общественным конфликтом в пьесе.

Талантливой пьесе «Московский характер» А. Софронова тоже присущ этот недостаток: общественный конфликт уже разрешен в третьем акте, а личный конфликт между главным героем пьесы и его женой еще продолжается в четвертом акте. Здесь я опять вынужден напомнить высказывание Белинского о необходимости гармонической соответственности в произведении отдельных частей с целым, о необходимости строго соразмерного распределения ролей для всех лиц и, наконец, о полноте и замкнутости целого. В художественно совершенном драматическом произведении все конфликты должны быть только сторонами или частным выражением главного конфликта пьесы. Там, где разрешается основной конфликт, — там же разрешается и все, что им порождено.

Если некоторые драматурги жалуются на то, что в современных пьесах, дескать, мало показывают личную сторону жизни людей, то пусть они в этом винят самих себя. Личная сторона жизни людей может быть показана с тем большей полнотой и силой, чем с большей жизненной правдивостью и глубиной будет поднята и решена в пьесе главная общественная тема.

В нашей драматургии часто повторяются одни и те же драматические ситуации. Это — следствие недостаточ-

ного знания всего многообразия форм проявления живой жизни.

К сожалению, на подмостки театров попадают и просто плохие пьесы.

6

Когда же, наконец, наша критика начнет разрабатывать жизненно важные вопросы нашей социалистической эстетики? Следует обратиться к издателям, к редакторам журналов и газет с призывом: «Не печатайте статей критиков, которые отщелывают общими фразами по поводу темы произведения, ни слова не говоря о том, как она художественно воплощена». Что это за критика?

Пора, наконец, разработать вопросы национальной формы и помочь нашим братским литературам в решении некоторых важнейших вопросов их современного развития. Национальная форма — это развивающееся понятие, она меняется так же, как меняется национальный характер с социалистическим переустройством общества. В чем победа романа «Абай» Ауэзова? В том, что М. Ауэзов смело пошел учиться у передовой русской реалистической традиции. И теперь все могут видеть, как сильно шагнуло вперед мастерство М. Ауэзова. А с другой стороны, все могут видеть, что эта учеба не только не умалила национального своеобразия таланта Ауэзова, а, наоборот, раскрыла новые возможности его проявления.

Плодотворность учебы у русской классической и советской литературы для все более глубокого овладения методом социалистического реализма и для развития и обогащения национальной формы подтверждается и такими произведениями, как «Решающий шаг» Б. Кербабаева, «Миллионер» Г. Мустафина, «Люди наших дней» Т. Сыдыкбекова, «Счастье» Т. Керашева, и многими другими.

Кто не знает, что для некоторых поэтов Средней Азии, Азербайджана и некоторых других республик — некритически перенесенные в современность окостенелые формы старых восточных литератур являются тормозом дальнейшего поэтического роста! А ведь в восточных литературах также шла борьба прогрессивного с отсталым, реалистических направлений с направлениями далекими от жизни, борьба между направлением, признающим общественное

назначение литературы, и направлениями упадочными, формалистическими. В своеобразных формах это проявлялось и в очень давние времена, — например, в эпоху Низами в Азербайджане, Навои в Узбекистане. Условность восточных форм поэзии того времени не должна заслонять от нас глубокого жизненного содержания произведений этих гигантов восточной поэзии, которые рассматривали свое творчество не как забаву шахских дворов, а в его великом общественном назначении, и поэтому отразили многие стороны народной жизни, что позволяет рассматривать их как своеобразных реалистов своего времени. То же можно сказать и о Фирдоуси.

Нельзя забывать также, что в литературе народов, упомянутых мною, были подлинно демократические писатели-реалисты, просветители, деятельность которых развивалась на протяжении XIX и начала XX века, особенностью которых как раз являлось то, что они учились у передовой русской литературы.

Развитие социалистического реализма в прозе, поэзии, драматургии братских советских народов невозможно без учебы не только у своих древних классиков, но и у этих писателей-просветителей, реалистов XIX века, и, конечно, у русской и мировой реалистической традиции, у русской советской литературы. Это послужит только дальнейшему обогащению национальной формы.

Белинский говорил в стародавние времена, что даже в тех случаях, когда художественное развитие народа происходит через подражание, заимствование у другого народа, это подражание и заимствование происходит в национальной форме. А современное развитие братских литератур народов СССР происходит не через подражание и заимствование, а через свободное, творческое взаимодействие и обогащение. Насколько же это взаимное обогащение в условиях социалистического строя двигало и будет двигать вперед национальные формы искусства!

В нашей многонациональной литературе будет меньше недостатков, если критика наша всесторонне, глубоко и безбоязненно будет разрабатывать вопросы литературной теории — насущные, выдвигаемые самой жизнью, а не абстрактные вопросы нашей социалистической эстетики,

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КРИТИКА

Советская литература на подъеме, а критика литературы неудовлетворительна. Об этом знают и читатель, и писатель, и сами критики.

Может быть, у нас не хватает литературных критиков? Нет, критиков у нас даже излишек. Среди тысячи членов и кандидатов Союза писателей в одной Москве насчитывается двести три критика и среди более трехсот членов Союза писателей в Ленинграде — семьдесят три критика.

Это такой отряд, с помощью которого можно было бы, как говорится, объять критической мыслью решительно все явления литературы. Почему же получается, что при паличии такого большого отряда людей, занимающихся критикой, она так слаба и не удовлетворяет ни читателя, ни писателя?

Причину недалеко искать. Оказывается, из московских критиков лишь не более пятидесяти человек занимаются конкретной критикой, то есть советской литературой, а в Ленинграде — всего шестнадцать человек.

Оказывается, что существует разделение на так называемых «литературоведов», занимающихся только прошлым литературы (и таких — подавляющее большинство), и на собственно критиков, занимающихся только современной литературой (и таких — горстка).

Закономерно ли, с точки зрения ленинского учения о партийности литературы, с точки зрения традиций рус-

ской революционно-демократической критики, что подавляющее большинство работников в области критики занимается главным образом прошлым, а не настоящим, да еще в условиях общества, вступившего на путь постепенного перехода от социализма к коммунизму? И правильно ли разделение литературной критики на эти, известные когда возникшие, понятия: на «литературоведов», то есть ученых людей, причем под ученостью здесь понимается уход в прошлое от современности, и на критиков, которые занимаются собственно критикой современной литературы и которые по этой странной терминологии могут не знать прошлого литературы, быть людьми «неучеными»? Не является ли такое разделение затянувшимся пережитком ложных, вредных представлений о том, каким должен быть подлинный литературный критик, или, если хотите, «литературовед» (дело не в названии!) в условиях нашей страны?

В самом деле, можно ли отделить в Белинском, Чернышевском, Добролюбове, Салтыкове-Щедрине, в Горьком так называемого «литературоведа», который занимается только историей литературы, и собственно критика, который занимается вопросами, стоящими перед современной развивающейся литературой?

Можно ли в работах наших великих учителей, основоположников марксистско-ленинского учения о литературе, — Маркса, Энгельса, Ленина — в их работах, посвященных вопросам литературы, отделить историка литературы от политика, направляющего развитие литературы?

Ни в коем случае нельзя!

Значит, очевидно, положение в нашей литературной критике надо считать ненормальным положением.

Как можно правильно рассматривать прошлое литературы, не будучи активным участником создания литературы коммунизма? И невольно встает вопрос: не является ли это искусственное разделение на так называемых «литературоведов» и на критиков остатками чуждых воззрений на задачи и роль человека, занимающегося благородным делом литературной критики?

Мы очень легко можем найти адрес людей, которые внесли этот буржуазный взгляд на задачи критика. Достаточно назвать одного из основоположников буржуазного «литературоведения» — Александра Веселовского,

Именно в его работах и работах людей, следовавших за ним, сознательно противопоставленных работам революционных демократов, впервые в русской критике обнаружился отход от задач современности. Это они служили делу превращения критика в псевдоученого, который занимается якобы «чистой наукой», отходит от политических задач литературной критики, уводит ее в прошлое, отрывает так называемую «литературную науку» от «презренной практики», то есть от современной литературы, от насущных задач борьбы за счастье и благо народа.

То, что мы не освободились от буржуазных пережитков и предрассудков, ставших тормозом для развития советской литературной критики, можно видеть по некоторым работам в области современного «литературоведения».

Возьмите такое издание, как «Библиотека поэта» (издательство «Советский писатель»), задуманное еще Горьким, — прекрасное издание, ставившее своей целью, по замыслу Горького, ознакомить молодежь с великой русской поэзией восемнадцатого, девятнадцатого, двадцатого веков.

Прошел уже большой срок существования этой «Библиотеки», а как мы сумели, в ряде случаев, извратить замысел Горького!

Обратите внимание на некоторые предисловия и комментарии: там нашли себе «отдушину» либеральное благодушие и формализм. Например, в предисловии Б. Томашевского к сборнику стихов Батюшкова, вышедшему в 1948 году, совершенно обойден вопрос о роли Отечественной войны 1812 года в формировании поэзии Батюшкова, а следовательно, обойдены лучшие патриотические создания Батюшкова. В предисловии воспроизведено все то же антинаучное представление о Батюшкове, как о поэте, выросшем не на почве русской действительности, а на почве французской поэзии.

С не марксистских позиций «единого потока», с ветхих формалистических позиций рассматривают в «Библиотеке» русскую поэзию Б. Эйхенбаум, М. Азадовский. Теми же чертами отличаются предисловия Ц. Вольце к стихотворениям А. Бслого, Н. Степанова — к стихотворениям В. Хлебникова, а уж этих-то поэтов вовсе нельзя оставить без критики с позиций современности!

Возьмите сборник «Пушкин — родоначальник новой русской литературы», который был издан в 1941 году. Здесь по статьям А. Цейтлина, С. Бонди, Б. Томашевского снова и снова «получается», что наш великий Пушкин является подражателем западноевропейским образцам.

С. Бонди выдвигает, например, странный взгляд на соотношение общественно-политического содержания и художественности в поэзии Пушкина. Вот что пишет он о «Борисе Годунове»: «Политическая точка зрения, главный интерес к изображению исторической эпохи с ее движущими силами, «судьбы народной», была причиной недостаточной, может быть, углубленности и большинства характеров пьесы, причиной отсутствия в драме острых ситуаций, в которых они могли бы быть показаны в своей динамике».

И это говорится о Пушкине и о «Борисе Годунове» в 1941 году!

Возьмите книгу С. Данилова «Очерки по истории русского драматического театра». Это «программная» книга по отрыву проблем театра от насущных задач современности.

Итак, у нас еще немало литературоведов, далеких «от мира сего». И никто их там не тревожит. Из всех профессоров и преподавателей литературы в СССР, получивших звание доктора наук, есть только один (буквально один!) доктор, занимающийся преподаванием современной советской литературы!

Мы, разумеется, не против того, чтобы изучать историю литературы. Без знания истории литературы нельзя разобратся и в современности. У нас есть хорошие, ценные работы о прошлом великой русской литературы, литератур народов мира. Но пора, давно пора покончить с пережитками буржуазных взглядов в области литературной критики, отражающимися даже в некоторых ценных работах наших критиков. Налет «академизма» (в плохом смысле этого слова) присущ, например, полезной книге Б. Мейлаха «Ленин и проблемы русской литературы конца XIX — начала XX века». В этой работе наиболее слабо разработана как раз тема партийности литературы. Конечно, в рассмотрении великих трудов Ленина Мейлах показывает партийность ленинских оценок литературы. Но характерно, что глава, посвященная как раз учению Ленина о партийности литературы, является

наиболее слабой главой. Она и не может быть сильной, потому что не связана с задачами — и не иллюстрирована примерами идейной борьбы в советской литературе. Нельзя понять, против каких идейных противников в нашей современности направил Б. Мейлах свою книгу, какие вопросы современности волновали его. И не случайно в этой книге автор делает реверансик в сторону Веселовского.

У настоящего партийного литератора любая книга о прошлом должна быть боевой книгой, которая борется с сегодняшним идейным противником советской литературы.

И мы никогда не будем иметь новую смену молодежи в критике, обращенную лицом к задачам современности, если подавляющее большинство работников критики будет занято прошлым. Им принадлежит «приоритет» на кафедрах наших учебных заведений. Их любовь, их вкусы прививаются нашей молодежи. Молодые люди приучаются любить прошлое не в интересах современности, молодежь уводят в прошлое от современности.

А немногочисленные кадры критиков на периферии учатся этому «у старших» — в Москве и в Ленинграде.

Сказанное не означает, что мы должны зачеркнуть то передовое и лучшее, что было сделано нашими литературоведами (если уж им нравится так называться!). Мы должны только отделить хорошее от плохого и повернуть большинство литературоведов, являющихся передовыми советскими людьми, к проблемам современности.

Разве у нас нет критиков, которые занимаются и литературоведением и критикой? Есть. И, несомненно, это с пользой отражается на их работах.

Почему бы, например, такому заслуженному, опытному литературоведу, как Н. Бродский, написавшему в последние годы ценную работу о Лермонтове, не применить свой опыт исследования к своим современникам? Скажут — они не Лермонтовы. Да, но им вышло на долю сказать новое слово в художественном развитии человечества!

Почему не пишут о советской литературе видные литературоведы — Д. Благой, Н. Гудзий, а тем более такие молодые ученые, как Б. Мейлах и многие другие?

Если бы мы, откинув буржуазные предрассудки, с революционной смелостью подошли к благородному делу

литературной критики, наша художественная литература двинулась бы вперед еще более быстрыми шагами. Сколько пользы принесли бы советской художественной литературе многочисленные кадры нынешних литературоведов с их знаниями в области истории литературы, с их опытом идейно-художественного анализа произведений, с их навыком монографических работ!

Не оставляя своей исследовательской деятельности, они должны проделать этот поворот к современности. Наша критика будет вести литературу вперед по пути к коммунизму, если разделается с предрассудками и пережитками буржуазного литературоведения и превратится в действенную марксистско-ленинскую критику.

1949

О СВЯЗЯХ РУССКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУР

Я хочу воспользоваться этим случаем, чтобы передать привет нашим многочисленным друзьям-итальянцам и поблагодарить их за гостеприимство.

Может быть, мне не представится другого случая сказать о том чувстве глубокой симпатии, которое испытывает советский народ к итальянскому народу, и о том уважении, которое мы, советские люди, питаем к движению итальянского народа за свой национальный суверенитет и независимость, за взаимное понимание между народами и их мирное сосуществование.

Мне, как русскому писателю, приятно напомнить, что эти чувства зиждутся на прочном историческом основании.

Эти чувства симпатии и уважения были выражены такими великанами русской литературы, как Гоголь, Герцен и Горький, пребывание которых в Италии не прошло бесследным и для ее культуры. В свою очередь, я могу сказать, что все подлинно великое в многовековом развитии итальянской литературы переведено на русский язык и стало достоянием каждого интеллигентного человека в Советском Союзе.

Мы, советские люди, в течение тридцати двух лет строительства социализма в нашей стране воспитывались в духе глубокого уважения к тем национальным культурным ценностям, которые каждый народ вкладывает в общую культурную сокровищницу человечества.

Советский пост-переводчик М. Лозинский в течение двадцати лет работал над новым переводом на русский язык «Божественной комедии» Данте. Он заканчивал свою работу, когда гром оружия второй мировой войны еще сотрясал землю и когда Италия, насильственно вовлеченная в это кровавое дело, еще находилась в состоянии войны с СССР. Да, именно в эти дни Лозинский закончил свой труд и получил за него высокое всенародное признание.

Это один из многих фактов, которые говорят о том, что советский народ и в дни войны отличал временщиков типа Муссолини — от великого итальянского народа и его культуры.

Если бы современный итальянский интеллигент поговорил с советским студентом, он услышал бы от него, что великий Данте, при всей религиозной оболочке его поэзии, был величайшим поэтом, в известном смысле близким нам. Ибо он был одним из родоначальников политической поэзии, еще в XIII—XIV веках доказавшим связь поэзии и политики, — и мало того — доказавшим, что тем величественнее поэзия, чем глубже, сознательнее и одухотвореннее связь политики с поэзией. Советские студенты, наверное, сказали бы о том, что именно величием общественной мысли Данте объясняется и совершенство формы «Божественной комедии», особенно ее построение, по которому Данте можно назвать величайшим представителем «готического стиля» в литературе.

Советские студенты с удовольствием поговорили бы с современным итальянским интеллигентом о гуманизме Петрарки и о том, что Джованни Боккаччо можно считать первым критическим реалистом западноевропейского типа, и еще о многом и многом могли бы поговорить советские студенты. Причем главным достоинством их мнения об итальянской культуре было бы то, что они не выставили бы признание своего мнения — условием для участия в движении сторонников мира. Нет, советские студенты выразили бы этим только любовь и интерес к итальянской культуре, связи с которой, на основе взаимности, мы рады были бы продолжать и развивать в интересах наших народов.

Мы прекрасно понимаем, что в движении сторонников мира участвуют люди очень разных воззрений на культуру, разных политических убеждений и убеждений

религиозных, самого взгляда на религию, даже разных имущественных положений. А объединяет нас всех убеждение, что все международные противоречия можно решить без войны, в духе взаимной договоренности народов и правительств, и что две системы — система капитализма и социализма — могут мирно сосуществовать и соревноваться друг с другом, развивая культурные и экономические связи.

Позвольте же мне от имени советских делегатов приветствовать здесь всех членов Постоянного Комитета, а в вашем лице всех сторонников мира во всем мире и заверить вас, что мы, — советские люди, как всегда, с искренним и глубоким уважением относимся к национальному развитию каждого народа и его национальной культуре и со всей присущей советским людям энергией будем развивать культурные связи между народами и отстаивать дело мира во всем мире вместе с вами до полной победы.

1949

ЗА КОЛЛЕГИАЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО ЛИТЕРАТУРОЙ

Товарищи! XIII пленум правления Союза писателей проходит под знаком критики и самокритики. Если сравнить этот пленум с прежними нашими пленумами, то можно сказать, что народ поговорил здесь откровеннее. Из выступлений, очень разных, даже из таких, с которыми во многом нельзя согласиться, все-таки можно и нужно отобрать здоровое зерно — и, прежде всего, критику работы руководства Союза писателей.

Таких выступлений на пленуме было немало. Выступления тов. Николаевой, Белика, Семушкина, Суркова, Кирсанова, Трегуба, Первенцева, Грибачева, Ермилова, даже Шкерина, не говоря уже о самокритических выступлениях тов. Софронова и Симонова, — подвергли серьезной критике работу руководства Союза.

Многие из этих критических выступлений были откровенными и идейно ясными (к таким я отношу выступления тов. Симонова, Софронова, Суркова, выступления тов. Николаевой, Семушкина, Грибачева и некоторых других), а, например, выступление тов. Кирсанова было таким, где элементы справедливой критики сопровождались цирковым дивертисментом.

Это, однако, не снимает с нас ответственности и в такой критике — уловить живой голос жизни. Как полезное для жизни человека растение не всегда растет в чистом виде, а часто и среди сорняков, так и в выступлениях,

где попадаетея немало лишнего, следует уметь видеть то здоровое, что там есть. Даже в речи тов. Шкерина, сплошь заросшей чертополохом мелкой групповщины, содержались правильные моменты критики недостатков работы руководства Союза писателей.

К чему сводились критические замечания в адрес руководства? Это хорошо разъяснил тов. Симонов. Для того чтобы правильно направить критику, нужно самому руководству Союза писателей покончить с остатками приятельских отношений в своей среде, восстановить настоящую большевистскую коллегиальность в работе, обсуждать произведения, невзирая на лица, с прямыми выводами и практическими предложениями, — только тогда можно правильно организовать и направить критику.

Я думаю, что главная польза данного пленума и заключается в том, что он вскрыл этот недостаток в работе руководства Союза писателей. Этот грех есть, с ним пора кончить.

Мы собрались в секретариате и в президиуме люди разные, разных художественных манер, вкусов, и дело осложняется у нас тем, что не очень прямолинейно мы разговариваем, прежде всего, о произведениях друг друга. Сохраняем внешнюю «лояльность», боимся «осложнить» взаимоотношения и сглаживаем взаимную критику, а дело от этого страдает.

Первый вывод, который нам нужно сделать, — перестать «либеральничать» по отношению друг к другу, ликвидировать остатки ложных приятельских отношений. Памятуя, однако, что мы живем в социалистическом государстве, где есть своя социалистическая дисциплина, правила социалистического общежития, надо стремиться к тому, чтобы взаимная критика исходила не из личных или групповых побуждений, а из интересов общего дела. Литературная критика действительно шагнет вперед, когда будет видеть образцы правдивого критического отношения к произведениям друг друга в руководстве Союза писателей.

Второй вывод из критики в адрес руководства Союза писателей правильно наметил в своем выступлении тов. Грибачев.

За последние годы у нас выросли молодые кадры литературы. Эти кадры прошли Отечественную войну, они пришли из гущи жизни с живым чувством нового,

Они принесли это новое в своих произведениях. Это — отряд большой, это несколько десятков человек, известных уже всему народу. Они сильно изменили облик нашей литературы.

Мы недооценили значение этого фактора. Эти люди фактически влились в передовые ряды советских писателей; они вместе со старыми кадрами отвечают за судьбы литературы и поэтому имеют полное право участвовать в руководстве этой литературой. А мы недооценили этого естественного выдвижения и роста наших кадров.

Когда здесь слишком легко бросаются словом «групповщина», это не всегда верно. Не следует бросаться этим словом. Иногда можно искусственно создать групповщину. Если люди, стоящие у руководства, недооценивают новых людей, их значения, не прислушиваются к ним, не привлекают к участию в руководстве, молодые люди начинают обижаться, но это еще не есть «групповщина». Здесь уж виновато само руководство.

Поэтому к молодым кадрам литературы я не применял бы слова «групповщина». Оно было бы несправедливым по отношению к ним. Надо выдвигать и воспитывать молодые кадры; выдвигать их в руководство Союза писателей и в редакции наших журналов. И они, несомненно, принесут с собой много свежего, нового.

Это не значит, конечно, что перед этими новыми кадрами должны «поступиться» старые кадры. Нет. Нам необходимо подлинное *сочетание* старых и новых кадров, и это необходимо сделать.

Молодые кадры писателей не должны думать, что то большое и новое, что они внесли в литературу, должно заставить остальных перед ними кланяться. Нет. Они сами выступают с критикой и должны понимать, что тоже нуждаются в критике.

Поэтому мне хочется сказать несколько слов о тех недостатках, которые я, как литератор старшего поколения, вижу у многих представителей литературной молодежи, о недостатках, присущих им как писателям.

У многих из них нет пафоса учебы. Я уже сказал, какие осложнения могут у нас произойти от недооценки новых кадров, среди которых уже много лауреатов Сталинской премии, людей знаменитых. Однако разговоры об их якобы недооценке им давно уже пора заменить упорной, настойчивой учебой.

Вот, например, выступил молодой критик тов. Белик, и некоторые советы, которые преподавал он молодым товарищам, я не могу признать правильными. Он верно сказал, что метод социалистического реализма — самый революционный метод в литературе и что этот метод совершил переворот в искусстве. Однако на этом основании он, как нечто устаревшее и книжное, стал третировать классиков.

С этим никак нельзя согласиться. Тов. Белик забывает, что, и владея самым революционным методом, можно писать очень плохо, если не учиться и не работать над собой.

Молодые люди, которые пришли от живой жизни, знают ее отлично. Можно пожелать им, чтобы они и дальше не порывали связи с тем, что их породило. Но вопрос учебы — всестороннего усвоения знаний и специальной литературной учебы — не отпадает. Лучшим учителем для литературной молодежи был и остается Ленин, который говорил о том, что надо учиться и учиться, учиться также и у прошлого, у старого, — его не отбросишь. Я напому некоторые места из речи Ленина на III съезде комсомола:

«Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить... Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества. Все эти пути и дорожки подводили и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре...»¹

Вы слышали, товарищ Белик? «Подводят и продолжают подводить...»

Когда мы обсуждаем истекший литературный год, мы не должны забывать о том, что партия критиковала и критикует нас также за невнимание к художественному качеству нашей работы.

Например, мне кажется неправильным и даже неестественным, что в выступлениях многих молодых людей на пленуме, высказывавших очень хорошие и правильные мысли о литературе, очень мало говорилось о худо-

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 262.

жественном качестве, о мастерстве, о литературной форме.

Разве мы отменили красоту, прекрасное в искусстве? Разве мы не должны предотвращать торопливость, скороспелость в работе, добиваться подлинного мастерства, подниматься все выше и выше?

Ленинский принцип партийности литературы, который глубоко связывает писателя с самыми передовыми силами общества и с реальной жизнью общества, строящего коммунизм, — открывает перед писателями все богатство мира! Ведь литература и искусство только сейчас по-настоящему, в самом великом историческом значении этого слова, могут стать прекрасными!

Отсутствие этого пафоса учебы я считаю самым большим недостатком многих и многих молодых писателей.

Когда я в своем докладе говорил о групповщине, я совершенно точно называл ее адреса. Я говорил, например, о групповом характере критики в журнале «Октябрь», прежде всего, для того, чтобы наша литературная молодежь не слушала плохих учителей.

Литературная критика в журнале «Октябрь» захваливает «своих» и ругает «чужих» — и, прежде всего, захваливает молодых писателей, напечатавшихся на страницах журнала.

Но, дорогие товарищи, ведь вам же в редакции журнала льстят, хотят простить вам ваши художественные слабости, вместо того чтобы исправить их! А делается это для того, чтобы вы, в свою очередь, прощали слабости вашим учителям из «Октября».

Когда выступал А. Первенцев, член редколлегии журнала «Октябрь», то он просто чудесно рассказал о достоинствах статьи М. Бубеннова, содержащей критику романа В. Катаева «За власть Советов». Но как же увял пафос тов. Первенцева, когда он заговорил о неряшливом, недоработанном, содержащем непродуманные и идейно сомнительные моменты романе редактора журнала Ф. Панферова «Большое искусство»!

Тов. Первенцев уже не смог большевистский принцип критики применить к своему товарищу по редакции! Так оно и получается: в критической статье о молодом писателе Первенцеве — «Октябрь» замалчивает художественные слабости его произведений. В благодарность за это — тов. Первенцев снисходительно относится к

художественным слабостям своего редактора тов. Панферова. А я вам советую, тов. Первенцев: не слушайте голосов лести, слушайте голоса критики — они полезнее для писателя. И тов. Первенцеву, и многим другим молодым писателям пора выработать навыки литературного труда и, прежде всего, не лениться лишних два-три раза переписывать свои произведения от руки — тогда они будут все более и более совершенными.

Пора покончить с таким положением, когда молодой человек, не поработав, не потрудившись, тащит в журнал или в театр свое сырое произведение, да еще требует, чтобы перед ним кланялись. Открыв новое, поработай над ним и учись, учись! Разве мы имеем право вступать в коммунизм с искусством, которое уступало бы самым величавым вершинам классического реализма?

Нам всем надо учиться, развивать знания, достигать вершин художественного мастерства! Это касается и многих «стариков»: жизнь показала, что некоторые «старички» не требовательны к себе, а некоторые просто разбаловались. Нам пора поднять уровень требований и пафос учебы.

Я согласен с суровой критикой тов. Семушкина в адрес журнала «Новый мир» по поводу ошибок этого журнала, напечатавшего в течение года несколько произведений, справедливо подвергнутых в нашей печати резкой идейной и художественной критике. Секретариат Союза писателей должен был бы, заметив первую же ошибку «Нового мира», очень серьезно заняться этим журналом, покритиковать его принципиально. Несомненно, покритиковав «Новый мир» как следует, мы предупредили бы последующие его ошибки. Думаю, что в этом отсутствии критики журнала «Новый мир» опять-таки сказались крупные недостатки секретариата Союза писателей, не желавшего «обострять отношения».

Очень много мешает идейному уяснению обстановки в Союзе писателей шаткая линия «Литературной газеты» в вопросах литературы: то правильно выступит, то неизвестно куда заедет, и иногда просто нельзя понять, чего газета хочет. В этом, прежде всего, повинен редактор «Литературной газеты» тов. Ермилов, который, при всех его достоинствах острого и способного критика, обладает серьезными недостатками: критикует — ставя своей целью не исправить ошибки писателя, а изничтожить

его как «противника»; критикует — подозревая во всех и каждом только чуждое, а не для того, чтобы, разоблачив действительно чуждое, сплотить вокруг газеты все литературные силы; критикует других — не исправляя собственных ошибок, замалчивая их; критикует в одиночку, ставя себя над редколлегией газеты, над секретариатом Союза писателей, не понимая и недооценивая всех преимуществ коллегиальной, коллективной работы.

Тов. Ермилов обижается на то, что среди писателей и критиков его не поддерживают, хотя у него бывают и правильные выступления. А между тем это очень понятно. При таких его недостатках очень трудно уловить цель его критики. Когда цель верна и ясна, и людей соберешь вокруг себя. А кого же из литераторов сплотила вокруг себя «Литературная газета»? На основе такой шаткой позиции трудно сплотить вокруг себя людей.

Товарищи, вопросы, которые я поднял сейчас, в заключительном слове, я действительно не поставил с должной остротой в докладе. И правильно меня покритиковали за это. Я благодарю за критику.

Думаю, что Союзу писателей придется еще сделать далеко идущие идейные и организационные выводы из материалов этого пленума.

Очень важно помнить, что мы в Союзе писателей можем руководить только коллективно. Когда спрашивают, где гарантия от ошибок, я могу сказать, что она — в коллективности, коллегиальности работы. Создавая новую литературу, мы часто прокладываем борозды по еще не поднятой целине, и никто из нас не застрахован от ошибок. Только коллективная работа может помочь нам избежать их. Время мелких «вожачков» в литературе давным-давно прошло, пусть никто на это не претендует. Они нам только могут повредить.

Поэтому в редакциях журналов у нас везде должны быть работающие редколлегии. Ошибок у нас в журналах было бы меньше, если бы редколлегии работали. Тов. Кирсанов был прав в той части речи, когда говорил, что иногда судьба произведения решается тем, что один человек из секретариата Союза писателей или редакции журнала высказался за или против него или только двое, посоветовавшись между собой. А ведь каждое литературное явление надо обсудить, взглянуть на него с разных сторон, посоветоваться коллективно.

Я считаю, что, несмотря на некоторые «издержки производства», наш пленум прошел с пользой для Союза писателей. У нас есть все возможности, все данные для того, чтобы советская литература росла вперед и выше и чтобы литературная критика действительно стала руководящей силой в развитии советской литературы. Думаю, что и партия не оставит нас своей заботой и, наверное, еще не раз подскажет нам много такого, что поможет нам двигаться вперед.

Самое главное — не дробить наши литературные силы по мелочам, не ставить после такого острого, самокритического пленума «каждое лыко в строку», не цепляться за то или иное неудачное выражение, а глубоко продумать все то, что здесь произошло, и дружно, коллективно работать дальше на благо советской литературы.

1950

РЕЧЬ НА МАССОВОМ МИТИНГЕ В ЗАЩИТУ МИРА В СТОКГОЛЬМЕ

Дорогие друзья! Пользуюсь случаем передать сердечный привет от Советского Комитета защиты мира прогрессивным деятелям культуры и всем честным людям Швеции, стоящим за мир.

Я обращаю свое приветствие прежде всего к миллионам простых людей Швеции, потому что именно они, простые люди, являются главным оплотом мира. Это их труд, труд простых людей, создает основание всякой подлинной культуры. Это они, простые люди, являются в первую очередь хранителями лучших национальных традиций и национальной независимости. И они же сейчас являются носителями подлинного гуманизма, ибо большинство привилегированных людей в наше время отреклось от гуманизма, но гуманизм всегда живет в сердце народа, как искра в кремне.

Бывают стечения обстоятельств, когда она, эта искра, вспыхивает с необыкновенной силой. Есть много оснований предполагать, что мы живем как раз в такое время.

Группы корыстных людей в Европе и Америке, подстрекаемые из-за океана наиболее сильной и бесчеловечной среди этих групп, совершенно открыто готовятся поправить свои дела новой войной. Вместо того чтобы улучшать материальные и культурные условия жизни народов своих стран, эти привилегированные группы проводят неслыханную гонку вооружений, в том числе такого

вооружения, которое грозит уничтожением миллионам женщин и детей, целым городам, всей цивилизации. Следствием неимоверно раздутых военных бюджетов являются налоги, высокие цены, низкая заработная плата, которые ложатся тяжелым бременем на плечи народов больших и малых стран.

Вместо благ просвещения, вместо внедрения в народ высоких идеалов человечности, дружбы между большими и малыми нациями на основе уважения их национальной культуры — газеты, радио, кино, находящиеся в руках корыстных людей, грозят войной целым народам, восхваляют массовое истребление людей атомными и водородными бомбами, проповедают расовую и национальную ненависть или национальный нигилизм под модным флагом Соединенных Штатов Европы, всемирного правительства или других форм порабощения более слабых наций более сильными, воспевают гангстеров, насильников, убийц, морально разложившихся людей с целью развить в народе измененные инстинкты, пригодные для захватнической войны.

Не было еще такого времени в истории, когда бы высокие моральные силы простых людей всех стран, всех передовых и честных людей мира нуждались бы в таком сплочении, как сегодня, против этих растленных сил войны и человеконенавистничества.

Я счастлив представлять здесь, среди защитников мира, одну из самых крупных, одну из самых надежных сил мира — великий советский народ и его деятелей культуры.

Правда, существуют газеты, — говорят, они имеются даже в Швеции, — которые утверждают, что будто бы Соединенные Штаты Америки и страны Европы, охваченные планом Маршалла, вынуждены вооружаться из-за агрессии, якобы угрожающей им со стороны Советского Союза. Говорят, что даже миролюбивая Швеция стоит перед угрозой этой агрессии. Чтобы не употреблять резких выражений, скажу только: «Полноте врать, господа! В вашей пропаганде больше зла, чем ума: она рассчитана на людей неопытных и мало осведомленных».

Мир был написан на знаменах новой России с того самого момента, как она родилась в октябре 1917 года, и все время существования новой России мы хотели и хотим только мира. Не наша вина, что с самого первого

дня нашего существования и вплоть до последних лет они, наши народы, являлись объектом агрессии, агрессии объединенных сил капиталистических государств, агрессии отдельных капиталистических государств или их групп, агрессии открытой или завуалированной — в виде всякого рода провокаций или подрывной деятельности внутри страны.

Мы вынуждены были защищаться. Всему миру известно, что мы защищались не без успеха. Всему миру известно, что мы не только отстаивали свою свободу и независимость, но в последней мировой войне помогли освободиться от захватчиков многим народам Европы, и, несмотря на огромные потери и разрушения в войне, мы своим мирным трудом вновь подняли хозяйство и культуру нашей страны выше, чем до войны. Теперь даже человеку, который не верил бы в наше миролюбие, здравый рассудок должен подсказать, что нам воевать нет расчета. Мы живем все лучше и лучше. С 1947 года мы трижды снижали цены на продукты, на товары и будем снижать их дальше. Реакционные газеты в других странах замалчивают этот факт, чтобы простые люди не верили, что жизнь в Советском Союзе становится все дешевле, в то время как в маршаллизованных странах жизнь все дорожает. Мы ввели всеобщее семилетнее обучение для наших детей. В 1949 году у нас обучалось в школах тридцать шесть миллионов ребят. Одним словом, у нас есть все основания с верой смотреть в будущее. Только те силы стремятся к войне, у которых нет будущего, которые не могут развиваться на основе мирного соревнования, которые надеются поправить свои неважные дела с помощью агрессии.

Как может Советский Союз угрожать другим народам и странам, если он сам является многонациональным объединением, если внутри него объединено около шестидесяти больших и малых наций? Если бы Союз ССР не был построен на основе равноправия и взаимного уважения больших и малых наций, он давно бы распался. В том и сила международной политики Советского Союза, что она построена на уважении национальной независимости, национальной культуры каждой страны, будь то большая или маленькая.

Советские люди не хотят и не будут навязывать своего строя жизни, своего образа мыслей другим народам.

Но советские люди никогда не допустят, чтобы их поставили в положение, в котором находятся люди многих европейских стран, когда им насильно навязывают так называемый «американский образ жизни» или «американский образ мыслей».

Опыт истории показывает, что ничего нельзя навязать насильно другому народу, если он сам не пришел к этому своим опытом. Народ не примет того, что ему чуждо, а насильник рано или поздно будет наказан.

В вопросе о мире мы готовы сотрудничать и сотрудничаем с людьми, которые не согласны с нашим образом мыслей, но искренне стоят за мир, дорожат национальной честью, независимостью своих стран и не согласны продать ее за чечевичную похлебку из американских подачек.

Мы вступили в период, когда объединение всех честных людей в защиту мира способно на деле защитить его. У народов есть память. И даже самые добродушные народы бывают страшны в гневе. На попытку развязать новую войну народы могут ответить жестокой карой поджигателям войны. И пусть поджигатели войны помнят об этом.

За дружбу между народами во имя мира!

За мир во всем мире!

РЕЧЬ НА ВТОРОМ ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ СТОРОННИКОВ МИРА

Позвольте мне передать сердечную благодарность друзьям мира в Польше, всему польскому народу и его правительству за гостеприимство, оказанное нам, сторонникам мира во всем мире, на польской земле. Я обращаюсь также со словами приветствия к нашим английским друзьям, которые сделали все для того, чтобы люди доброй воли могли пожать друг другу руки в Шеффилде, и не вина друзей мира в Англии, что конгресс мира не смог состояться в Шеффилде, потому что нынешнее правительство Англии или, во всяком случае, те люди в правительстве, которые имеют для этого достаточно власти, все больше вовлекают свой народ на путь войны, вопреки национальным интересам Англии.

Запрещение английским правительством конгресса в Шеффилде показало, что есть большое расхождение между миролюбивыми стремлениями английского народа и воинственным настроением его правительства.

Друзей мира в Англии не меньше, чем в других странах, но не все из них отдают себе отчет в том, насколько опасность войны реальна. Теперь они убедились, что их правительство настроено так воинственно, что даже испугалось всемирно известного ученого Жюлио-Кюри, композитора Шостаковича и аббата Булье. Друзья мира в Англии могли лишний раз убедиться в том, что их правительство боится, прежде всего, миролюбивых стремлений своего

английского народа, боится, как бы люди доброй воли в Англии не договорились с людьми доброй воли других стран на почве мирного сосуществования всех стран и народов.

Мы собрались в такое время, когда стремление к миру стало одним из самых непреодолимых движений современности. Свидетельством тому — небывалый успех кампании по сбору подписей под Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия. За все время своего существования мир не знал подобного шествия одной и той же петиции более чем по семидесяти странам, через миллионы сердец людей всех наций.

Опыт Стокгольмского воззвания показал, что люди самых разных взглядов на развитие общества, на религию и культуру действительно могут договориться вокруг конкретных предложений, способствующих делу мира во всем мире. Мы, советские люди, готовы и впредь идти на любое разумное предложение, из каких бы кругов оно ни вышло, если это предложение помогает укреплению мира во всем мире. Мы готовы договориться со всеми подлинными друзьями мира в Соединенных Штатах, в Англии, Канаде, Скандинавских странах, в любой из стран мира, независимо от разделяющих нас взглядов на наш внутриполитический строй или общую концепцию международной жизни, готовы договориться по любому конкретному мирному предложению, готовы искать общее решение по любому вопросу, если на этой почве возможна совместная деятельность на пользу мира. С этой точки зрения возможности совместных действий друзей мира еще далеко не исчерпаны. Наоборот, мы, собравшиеся в этом зале, должны выступить с широкими и в то же время все более ясными, понятными для всех, все более конкретными и практическими предложениями, способными собрать воедино все неисчислимые силы сторонников мира во всем мире и обуздать людей, заинтересованных в развертывании войны.

Новая мировая война уже ломится в дверь. Бесполезно заниматься гаданием, близки или далеки сроки, когда война наконец сломает дверь. Нужны меры, чтобы войну предотвратить.

На наших глазах, в течение буквально нескольких месяцев громадная страна, управляемая людьми, пресыщенными всеми богатствами и благами земли, превратила

другую страну с населением в тридцать миллионов и с многовековой историей в груды развалин, в прах и пепел. Стерты с лица земли города, памятники старинной культуры, выжжены и вытоптаны поля и нивы народа, славившегося даже среди самых трудолюбивых народов своим исключительным трудолюбием.

Страна залита кровью детей. Все ужасы фашистских зверств, служивших предметом разбирательства на Нюрнбергском процессе, воскресли перед глазами матерей многострадальной Кореи.

Может быть, Корея известна в истории как страна-агрессор? Может быть, она участвовала в агрессивном блоке в прошлую мировую войну? Может быть, она теперь посягала на захват территории Соединенных Штатов?

Нет. Это страна, находившаяся в длительном порабощении под пятой японского империализма, страна, перед которой впервые открылась возможность свободной жизни после победы Объединенных Наций в прошлой войне. Что касается Северной Кореи, то за те несколько лет, что она просуществовала со дня своего освобождения, она создала столько школ, больниц, детских яслей, сколько не было создано за всю многовековую историю Кореи.

Люди — с трудом произношу это слово в применении к людям, по чьему повелению разрушена Корея, — утверждают, будто именно Северная Корея повинна в том, что вся страна разрушена, а значительная часть ее народа истреблена. И президент страны, совершившей этот самый зверский акт из всех, которые произошли после прошлой войны, утверждает, что это и был самый крупный его вклад в дело мира.

Я предложил бы г-ну президенту допустить в Соединенные Штаты Америки не более пяти простых корейских женщин, — только не по выбору г-на президента, а по выбору самого корейского народа, — допустить не больше пяти корейских женщин, переживших все, что произошло и происходит в Корее, независимо от того, родились ли они в Южной или в Северной Корее. Пусть они свободно выступают в школах и университетах, на рабочих собраниях и в религиозных общинах и расскажут только то, что они пережили, что видели собственными глазами. Вся американская пресса может развивать в это время точку зрения г-на президента на так называемый корейский вопрос. Весь пропагандистский аппарат правительства

Соединенных Штатов Америки может выступать на тех же собраниях одновременно с корейскими женщинами и опровергать их. Еще лучше, если рядом с этими женщинами будет выступать Макартур. Если к этому делу, по современному американскому обычаю, не примешается полиция, я смею утверждать—каждый ребенок и каждый взрослый человек Соединенных Штатов больше поверит корейским женщинам, чем всей американской прессе, всему пропагандистскому аппарату правительства Соединенных Штатов Америки, а Макартур предстанет перед всем американским народом как военный преступник. Потому, что американский народ так же любит прежде всего правду, и потому, что нет на свете человека, имеющего совесть, который не содрогнулся бы, услышав подлинную правду о Корее.

Я, советский писатель, как и миллионы людей на земле, знаю, как началась американская агрессия в Корее. Но я хочу обратиться сейчас к тем людям, которые не знают, как это началось, которые составили себе иную концепцию о начале корейских событий. Я обращаюсь к ним с простым вопросом: ответьте, кто и почему отказался выслушать представителей Северной Кореи при обсуждении корейского вопроса, кто и почему отказался обсудить корейский вопрос с участием законных представителей Китая, кто и почему отказался выслушать решительно все предложения по мирному урегулированию корейского вопроса, откуда бы они, эти предложения, ни исходили?

Совсем не нужно быть юристом или дипломатом, нужно быть просто человеком, чтобы понимать, что нельзя влезть солдатским сапогом в страну, которая вам ничем не угрожала; давить в этой стране все живое; давать понять всем, что вы и не собираетесь убрать свой сапог из этой страны; отказаться разговаривать с представителями народа этой страны; отказаться припятать все мирные предложения по поводу этой страны, а потом утверждать, что вы делаете крупный вклад в дело мира.

Теперь, однако, уже всякому видно, что американская агрессия в Корее не превратилась, не могла и не может превратиться в легкую, кратковременную прогулку по трупам корейских женщин и детей. Героический корейский народ показал неслыханную силу сопротивления, а сосед его — китайский народ — заявил во всеуслышание,

что корейский народ не одинок. Таким образом, агрессор увяз в Корее, и победа его, по меньшей мере, сомнительна.

Ведь кровь американских юношей тоже льется рекой, и, если вопрос не будет решен мирным путем, кровь американских юношей будет литься бесконечно. Любой думающий человек понимает теперь, что в этом пункте Азии возникла угроза нового мирового конфликта.

Но разве такое положение в Корее было неизбежным? Разве так называемый корейский вопрос не мог быть решен мирным путем? Всему миру известно, что с самых первых дней освобождения Кореи — в результате поражения Японии в прошлой мировой войне, неоднократно вносились предложения мирного решения так называемого «корейского вопроса». Корея, как и все другие государства, имела и имеет право на цельное и независимое существование. Страна, сыном которой я являюсь, неоднократно вносила предложения, исходящие из необходимости вывода иностранных войск из Кореи и объединения этой страны в единое государственное целое.

Предложения этого рода исходили неоднократно со стороны Северной Кореи. Все эти документы опубликованы, их может прочесть каждый человек, желающий серьезно разобраться в этом вопросе.

В результате прошлой мировой войны возникла Организация Объединенных Наций, которая, собственно говоря, и призвана к тому, чтобы решать подобного рода вопросы. Именно она, Организация Объединенных Наций, могла и должна была способствовать мирному решению корейского вопроса. Но люди доброй воли во всем мире должны видеть, что силы, заинтересованные в войне, не захотели мирного решения корейского вопроса, а Организация Объединенных Наций, вместо того чтобы, по крайней мере, хотя бы понудить эти силы на ведение переговоров, пошла на такой позорный акт, как прикрытие флагом Объединенных Наций американского вооруженного вмешательства во внутренние дела Кореи.

Еще совсем недавно мы были свидетелями того, как представитель одной из крупнейших стран Азии — г-н Неру внес свое предложение о мирном урегулировании так называемого «корейского вопроса» с участием самих корейцев, с участием Китая, кровно заинтересованного в судьбах Кореи. Но агрессор, как и следовало

ожидать, не внял этим мирным предложениям, а Организация Объединенных Наций не только не поддержала этой вновь возникшей возможности мирного решения вопроса — она поддержала дальнейшее развертывание войны под прикрытием ее флага.

Но в еще более неприглядном свете выглядит Организация Объединенных Наций, на которую все народы мира возлагали столько упований, в свете другого, еще более крупного и грозного конфликта, который вызревает в непосредственной близости от нас и может прямо вылиться в мировую катастрофу. Я говорю о ремилитаризации Западной Германии, о создании вооруженных сил Западной Германии под командованием тех самых генералов, которые еще так недавно командовали немецко-фашистскими армиями, опустошившими многие и многие из стран, которые мы здесь представляем.

Не нужно быть государственным деятелем, нужно быть просто грамотным и хоть немного думающим человеком, чтобы понять: нет никаких других путей решения германского вопроса, кроме как путь мирного договора с единым демократическим и миролюбивым германским государством и вывода всех иностранных войск с территории этого государства. Нужно ли напоминать, сколько простых, ясных и в то же время всеобъемлющих предложений выдвинуто для окончательного и мирного решения так называемого «германского вопроса», этого центрального вопроса, от которого зависит, будут ли наши дети наслаждаться благами мира и труда или они будут проливать свою кровь в самой ужасной из войн, какие только знало человечество. Ведь было же достигнуто соглашение великих держав по этому вопросу в Потсдаме. Документы, на основании которых начала свое существование Организация Объединенных Наций, казалось, тоже должны были бы обеспечить все, чтобы решить германский вопрос этим единственно верным мирным путем.

И, однако, силы войны не хотят идти на это мирное решение германского вопроса, создаются агрессивные блоки и союзы, в которые одна часть Германии, ее западная часть, вовлекается даже не просто как участник, а как самый активный и сильный из числа европейских партнеров в кровавой игре. По повелению из-за океана правительства западных держав из года в год увеличивают военные бюджеты, падающие тяжким бременем на

плечи народов, идет неслыханная гонка вооружений, планируется, какое число дивизий должно выставить каждое государство для будущей агрессивной войны. Причем, кажется, на долю такой «мощной» державы, как Люксембург, падает немного меньше дивизий, чем на Соединенные Штаты. Очевидно, заокеанские хозяева не очень-то хотят давать солдат, а своих европейских партнеров тешат иллюзией легкой победы с помощью атомной бомбы. И никто, как видно, не интересуется, что думает по этому вопросу простой французский, английский, бельгийский солдат, или солдат Западной Германии, или солдат из Люксембурга, потому что ему, а не атомной бомбе придется проливать свою кровь за интересы американских монополий.

Казалось бы, вот где настоящее поле применения всех средств мирного воздействия, которые даны в руки Организации Объединенных Наций. К сожалению, и здесь Организация Объединенных Наций не выполняет надежд и чаяний народов. Она превратилась в орудие поощрения сил войны, — тем более опасное орудие, что поощрение сил войны прикрывается лицемерными фразами о миролюбии.

Вот почему я поддерживаю предложение руководителя нашего движения за мир г-на Жолио-Кюри о том, что наш конгресс мира должен обратиться к Организации Объединенных Наций с требованием честно выполнить возложенные на нее народами обязанности по укреплению мира, по организации мирного сотрудничества стран, народов и государств. Я поддерживаю также предложение г-на Жолио-Кюри и г-на Ненни о том, чтобы в этом обращении от имени сотен миллионов друзей мира во всем мире мы сказали Организации Объединенных Наций:

«Выполняйте свой долг перед историей и человечеством. Если же вы не будете выполнять его, народы мира найдут способ договориться и помимо вас. Мы не хотим изобрести ничего нового, но мы хотим на деле выполнения того, что написано было на знамени ООН в период ее создания. Мы хотим делового претворения в жизнь тех деклараций о мире, о недопустимости использования в военных целях средств массового уничтожения, как атомное, химическое и бактериологическое оружие, о сокращении вооружений и пр. Если силы войны внутри ООН не дадут вам возможности претворить в жизнь

ваши же собственные декларации, то народы мира, более неисчислимы, чем те пятьсот миллионов, что подписали Стокгольмское воззвание, заставят отступить силы войны и объединятся через вашу голову на почве мирного сотрудничества и проведут в жизнь подлинную программу прочного и длительного мира, выражающего жизненные интересы всех народов».

Вот почему я поддерживаю предложение, высказанное г-ном Жолио-Кюри и многими делегатами конгресса, о том, что следует довести до конца требование Стокгольмского воззвания о безусловном запрещении атомного оружия и объявлении военным преступником того правительства, которое первым применит это оружие. Я поддерживаю также предложение дополнить это требование запрещения атомного оружия требованиями безусловного запрещения химического и бактериологического оружия.

В ответ на Стокгольмское воззвание о запрещении атомного оружия раздавались голоса о том, что в одних странах господствует один вид вооружения, в других — другой, что запрещение одного вида оружия будто бы выгодно одной стороне и невыгодно другим. Голоса эти были лицемерными голосами хотя бы потому, что исходили большей частью из лагеря, где происходит неслыханная гонка решительно всех видов вооружения.

Мы, сторонники мира, представители самых разных наций мира, говорим о том, что запрещение атомной бомбы и других средств массового уничтожения является первым и чрезвычайно важным шагом на пути установления мирного сотрудничества между странами. Вместе с тем, гонка любого вида вооружения, рост вооруженных сил на суше, на море и в воздухе не только ложатся тяжелым экономическим бременем на плечи народов, но и служат источником вооруженных конфликтов и могут явиться средствами агрессии, как в этом народы могли убедиться и в прошлой истории, и в наше время.

Желая внести свой вклад в тот статут мира, который сложится на нашем конгрессе в результате конструктивных предложений ряда делегаций, я от имени своих друзей по советской делегации и от своего имени вношу следующее предложение на предварительное рассмотрение комиссии конгресса:

Обратиться от имени конгресса к великим державам с предложением произвести в течение 1951—1952 годов рав-

номерное и прогрессивное сокращение всех вооруженных сил, включая наземные, воздушные и военно-морские силы, в пределах от одной трети до половины нынешнего их состава.

Организовать при Совете Безопасности международный контрольный орган, имеющий свою авторитетную инспекцию, контролирующую осуществление как сокращения вооружений, так и запрещение атомного, бактериологического и химического оружия.

Эффективный международный контроль должен относиться не только к вооружению и производству оружия, объявленного каждой страной, но, по требованию международной контрольной комиссии, может проводить инспекцию в отношении предполагаемого вооружения или производства оружия помимо объявленного.

1950

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫК

В области языкознания мы являемся еще только учениками. Среди нас есть люди, которые более или менее образованны в вопросах языкознания, но образованны дилетантски. Это наша беда. Но есть области, в которых наше незнание является нашей большой виной. Отвыкнув анализировать художественную форму литературного произведения, мы почти перестали заниматься и тем материалом, который является главным материалом литературы, — языком художественного произведения.

А между тем многонациональная советская литература, взятая в целом, в лице ее лучших представителей, обогатила языки наших народов. Нам необходимо создать серьезные научные работы, которые покажут, что нового, свежего внесла советская литература в развитие языков.

Бурный рост молодежи характеризует нашу литературу. Но вместе с тем мы ощущаем, что ее главным недостатком является недостаток художественного мастерства. При всей талантливости многих наших писателей, при всем том, что из года в год создается все больше талантливых произведений, — только единицами насчитываются книги, безупречные с точки зрения языка. Даже если взять лучшее, с моей точки зрения, произведение 1950 года — роман Г. Николаевой «Жатва», — то и в этом произведении, которое поражает богатством народного языка, встречаются небрежности, идущие от штампованной газетной речи.

Что порождает недостатки языка нашей художественной литературы? Первая причина — это недостатки в преподавании русского языка в наших школах. У нас в литературе есть поколение, прошедшее школу, когда в ней господствовали неправильные методы преподавания. Кто-то вышел из школы просто с плохим знанием русской грамматики. Правда, сейчас у нас есть хорошие школы, откуда люди выходят достаточно грамотными, однако есть и такие, где преподавание русского языка поставлено не удовлетворительно.

Глубоко не правы те литераторы, которые «ополчаются» на школьную грамматику, якобы не позволяющую употреблять редкие грамматические формы. Для того чтобы иметь право использовать редкие грамматические формы, нужно прежде всего в совершенстве и безошибочно владеть школьной грамматикой, а грамматика русского языка богата и сложна.

Вторая причина недостатков литературного языка — злоупотребление местными речениями. Мы все пришли в литературу из областей, в которых выросли, и поэтому привыкли к областному говору. В наших первых произведениях было много слов, не являющихся общенародными.

Многие наши писатели пришли в литературу из газет и принесли с собой в литературу «газетный язык» — язык, к сожалению, нередко перегруженный терминами, иностранными словами, словами, лишенными образной выразительности.

Немало засорили язык нашей прозы, а особенно поэзии, эстеты и формалисты, которые для некоторых писателей в тайне души и сейчас еще служат «образцом».

Наконец, нужно отметить и просто отсутствие у многих писателей навыков литературного труда, навыков работы над словом. А ведь литература — это труд, причем труд сложный, требующий большого опыта и мастерства.

Работа писателя над словом начинается раньше, чем он начал писать свое произведение. Не случайно наши русские классики, и особенно Горький, рекомендовали читать сказки, прислушиваться к народной речи, изучать пословицы, читать писателей, которые обладают богатством русской речи.

Ошибка вульгаризаторов рапповского толка, в частности, состояла в том, что они недооценивали значения для нас языка классической литературы.

Я хочу показать на нескольких примерах, как трудился над выработкой своей художественной речи Лев Николаевич Толстой. Он брал слова из книги протопопа Аввакума, из словаря Даля и пытался найти возможности употребления данного слова, но уже в ином, новом смысле. Он записывал те поговорки, которые ему удавалось услышать. Он упражнялся в сложных грамматических формах, в частности в деепричастных и причастных, которые при сложном плетении его фразы были ему необходимы. Эти упражнения он делал на протяжении ряда лет — между 1858 и 1879 годами. Вот несколько примеров из его записей 1879 года. Л. Н. Толстой записывает пословицы, характерные обороты, поговорки: «Произвел сына в грамоту», «в дуростях спускать не обык», «идучи за соломой цепляется», «одна свеча другие зажжет — сама в своем свете не умалится» и т. д. и т. д.

А вот как он упражняется в грамматических формах: он записывает предлоги приставные (т. е. приставки): на, при, за, у, с, под, от, раз, об, вз, до, в, из, вы, пере, про, по, — и пробует, какие глаголы к ним подходят, а потом делает вывод, что глагол «вести» можно употребить со всеми этими приставками: навести, привести, завести, увести, свести, подвести, отвести, развести, обвести, взвести, довести, ввести, извести, вывести, перевести, провести, повести... Можете себе представить, какую он работу проделал со всеми глаголами, чтобы найти именно тот глагол, к которому подходят все приставки!

Далее Толстой начинает интересоваться сложными временными формами в русской речи. Он записывает упражнения: «А высоко бывало было, подставлял лестницу» и т. д.

А вот его упражнения с деепричастными оборотами: «Купивши ружье, рассмотрев, бросил». «Рассмотревши, купив, не бросил». «Бросивши, не купив, не рассмотрел» и т. д.

А вот упражнения в том, как по-разному можно использовать слово: «Я к седлу привык, приобык. Я учению навыв. Я спать обык после обеда» и т. д.

Он записывает разные определения цвета: алый, красный, червлёный, малиновый, брусничный, вишневый, голубой, лазоревый, дымчатый, карий, бурый желтый, песочный, рудо-желтый и т. д.

А вот запись, озаглавленная «эпитеты»: «Бело тело, белы груди, руки. Мать сыра-земля. Ясны очи. Красно солнце. Сине море. Белый камень. Ярый воск, ярая пчела. Серый заяц, вол. Черный ворон» и т. д.

Вот, товарищи, упражнения Льва Николаевича в русском языке, опирающиеся на исключительное знание русской народной речи. Конечно, когда человек обладает таким богатством, он может свободно употреблять редкие грамматические формы.

Такой любви к слову мы вправе требовать и от наших писателей. В своих произведениях мы слишком многословны; действующие лица многих наших книг отличаются неимоверной болтливостью. Вместо того чтобы сказать одну меткую фразу, герои наших книг по две-три страницы «толкут воду в ступе».

Наши молодые авторы часто не прямо переходят от одного положения, эпизода, мотива, сцены в произведении к следующему за ним, или за ней, а думают, что обязательно должен быть еще какой-то «переход» в виде нескольких связующих фраз, или объяснений, или описания и изложения того, что делали герои между двумя сменяющимися эпизодами. И это так засоряет произведение, что его можно сокращать абзацами.

Не нужно спорить из-за отдельных словечек — можно их употреблять или нельзя. Перед нами огромный океан слов, но при отборе нужного нам слова из этого океана — должно быть чувство меры, необходим художественный вкус. Все к месту хорошо, но найти слово и его место — вот в чем труд, а чтобы найти, нужно не забывать, что наша речь — речь отборная, организованная.

Фразу нужно уметь строить. Фраза, написанная с лету, — редко удается, ее надо перестраивать, искать для нее слова, искать им место, чтобы фраза получилась. Это и есть труд!

И надо писать просто, заботиться о том, чтобы нас прочли и поняли миллионы.

Нередко приходится слышать упреки в адрес наших редакторов и литературных правщиков. Кто же наши редакторы? Это люди, вышедшие из той же среды, что и мы, — одни опытные, другие менее опытные. В их слабостях и недостатках отражаются те же слабости, которые присущи писателю. Но ни один редактор не испортил еще языка хорошего писателя, потому что кто силен, того

нельзя испортить. Когда говорят: язык портят редакторы, это льстит всем нам, писателям. Я-де за свою индивидуальность стою, а редактор лишен индивидуальности. А на самом-то деле и писателям надо учиться, и редакторам надо учиться.

Когда я написал «Разгром» и принес его редактору, в романе было много грубого натурализма. Редактор снял этот натурализм и был прав. В работе над «Молодой гвардией» я принял около трехсот стилистических поправок, которые мне предложили редакторы С. Разумовская, А. Тарасенков, а потом Ю. Лукин, и не жалею об этом.

Много споров вызывает вопрос об архаизмах. В их употреблении, прежде всего, нужно соблюдать чувство меры. Если мы критикуем исторические романы за излишнюю архаизацию их языка, если мы критикуем с этой точки зрения большой и ценный труд В. Язвицкого «Иван III, Государь всея Руси» или роман М. Марич «Северное сияние», то эта критика правильная.

Всем нам нужно много и очень упорно, настойчиво учиться, чтобы идти к еще большей ясности и простоте нашего искусства, особенно в области языка. Но эта ясность и простота отнюдь не должны лишать каждого из нас индивидуальности нашей речи.

ТРУД ПИСАТЕЛЯ

Жизнь выдвигает перед нашим писателем три главные требования:

Во-первых, идти в ногу с современностью, *быть современником* в подлинном смысле этого слова, то есть находиться на уровне передовых идей своего времени и жить одной жизнью с народом.

Во-вторых, ясно и определенно видеть цель, во имя которой ты пишешь, которой подчиняешь самый замысел каждого своего произведения.

И, наконец, в-третьих, понимать, что художественное творчество — это один из видов человеческого труда, специфический вид труда, но все же один из видов *труда*. А значит, писателю, так же как и тем, кто работает во всех других областях труда, необходимо постоянно и настойчиво овладевать мастерством своего дела, начиная от основ техники (литературное мастерство, как и любое другое, тоже имеет свою технику) и кончая самыми сложными вопросами формы.

Знание жизни было необходимо литератору всегда. Нечего и говорить о том, что художнику нашего времени, в условиях стремительно развивающейся советской действительности, в напряженной борьбе между новым и старым, совершенно невозможно писать, если не знать жизнь глубоко и если не идти за жизнью совершенно сознательно. Бывало, раньше писатель говаривал: «Достаточно того, что я сам живу и общаюсь с людьми. Для

познания жизни я не должен делать никаких специальных усилий. Я живу, раздумываю о жизни — вот и пишу». Но представьте себе нынешнюю нашу действительность, и вы увидите, что она настолько многообразна и развивается так стремительно, что одних «раздумий», без настойчивого и постоянного изучения явлений жизни, уже оказывается совершенно недостаточно.

Вот у меня, например, когда я заканчивал работу над «Молодой гвардией», появился новый замысел. На основании некоторых наблюдений над жизнью колхозов в первые месяцы после войны рождалась тема о колхозной молодежи. Складывался уже в голове план повести. Но я не смог осуществить замысел тогда же, на протяжении 1946—1947 годов. Материал, на котором должна была строиться эта повесть, устарел: уже молодежь не та, другими стали колхозы, даже и сюжетные ходы жизнь предлагает уже иные. Все изменилось, все ушло вперед. Идейная основа замысла осталась. Герои, конечно, в самом главном и существенном те же. Но на них надо взглянуть в свете новых условий жизни, а для этого я должен уже пройти новый класс жизненной школы.

Но, кроме знания сегодняшней жизни, перед художником стоит и еще одна, более сложная задача: он призван к тому, чтобы многое предвосхищать — по зерну нового видеть это новое уже торжествующим.

Наши гигантские новостройки, даже в первоначальных планах своих, настолько грандиозны, что сколько бы мы сейчас ни читали газет и ни говорили друг с другом, мы не можем составить полного представления о том, как преобразует нашу жизнь осуществление этих планов, не только в смысле развития новых производительных сил, но и в смысле тех огромных перемен, которые неизбежно должны произойти в нашем сознании. Литератор, который не ринется сейчас на этот новый материал, не начнет теперь же изучать его в деталях (и который в то же время не начнет так учиться, так развивать свое сознание, общий круг идей, знаний, чтобы научиться смотреть вперед, иметь возможность многое обобщить, предвосхитить), — такой литератор безнадежно опоздает, не сможет и впоследствии ничего написать об этих стройках. Только учась постоянно у самой жизни, осваивая марксистско-ленинскую науку о развитии общества, опираясь на большие фактические знания в самых разных областях, пи-

сатель может не только идти в ногу с жизнью, но и опережать ее, предвосхищать многое.

Когда мы говорим «художник-новатор», то, конечно, вкладываем в это сочетание слов не то значение, или, вернее, не только то значение, что писатель открыл новые приемы, новые формы. Такие открытия, спору нет, необходимы. Без них немыслимо движение искусства вперед. Но для нас новаторство приобретает значение неизмеримо большее. Новатором мы называем человека, который прежде всего открыл *новое в жизни*, открыл и художественно отобразил это новое в его развитии, в перспективе.

Стремление к победе нового, объединяемого общим понятием — коммунизм, определяет собою цель, которой подчиняет свое творчество советский художник.

Однако цель эта не может быть достигнута без понимания природы труда художника. Настоящее прозаическое произведение может быть создано лишь в итоге очень большого, настойчивого, не только умственного, но и физического труда, затраченного на рассказ, на повесть, на роман. Очень трудно представить себе, чтобы законченное прозаическое произведение не было бы по меньшей мере три раза переписано — от руки или на машинке, — это уж дело чисто внешней техники. Даже когда писатель заботливо выносил и продумал свое произведение, и тогда ему лишь в очень редких случаях удастся осуществить его целиком по тому плану, который был прочерчен с самого начала работы. И в старину бывало, и так это бывает и теперь — план у писателя обязательно существует. Он может быть записан на бумаге или построен мысленно — это также дело индивидуальной привычки. Но когда будут нащупаны характеры, образы, тогда они сами начнут вносить в первоначальный план свои поправки. Логика развития образов в типичных обстоятельствах изменяет, а иногда и ломает предварительные замыслы. По ходу работы приходится отбрасывать некоторые старые свои представления, некоторые вещи строить по-новому.

К примеру, в «Разгроме», по моему первоначальному замыслу, Мечик должен был покончить самоубийством. Но затем он не смог этого сделать и закончил предательством без самоубийства. Метелица был сперва десятистепенной фигурой в романе, а по ходу работы вдруг

выяснилось, что он должен занять в развитии романа очень важное место. Когда такое происходит, вначале удивляешься этому, даже сопротивляешься, пока не поймешь сам: «это герой меня поправляет».

Кропотливого труда требует работа над языком — стремление наиболее точно выразить то, что ты видишь, что выкристаллизовалось в твоём сознании. Перед писателем огромное море слов, понятий; для выражения любой мысли, образа напрашиваются десять, пятнадцать, двадцать слов... Но как отобрать именно те, которые с предельной правдивостью выразили бы именно то, что ты видишь, что ты хочешь сказать? Многие забывают, что даже и разговорная диалогическая фраза в художественном произведении есть не просто сама собой пришедшая в голову фраза, подобная тем, какие произносятся в обычном житейском разговоре. Эта фраза тоже построена. Процесс построения ее сложный, не механический.

Написав несколько фраз, художник вдруг испытывает разочарование. Получилось не так, как хотелось; хочется одну фразу выкинуть, в другой слова переставить, а иные заменить. Одни писатели проделывают эту работу после того, как произведение написано все от начала до конца, а очень многие начищают эту работу тут же: напишет фразу и сразу принимается ее шлифовать. Они не могут двигаться вперед, если не чувствуют, что позади остается что-то уже мало-мальски отшлифованное. Первый метод дает большую экономию времени. Но не всякому удастся преодолеть чувство неудовлетворенности только что написанным. Когда я был помоложе, я не мог написать насквозь ни одной главы. Я тут же начинал переписывать, гладить и только потом двигался дальше. Потом нередко выяснялось, что те абзацы, которые стоили самого большого труда, вообще не нужны. Поэтому, став постарше, я стал себя переламявать, писать большими кусками и лишь потом начинал оттачивать написанное. Тут уже виднее, что можно совсем отбросить.

Понимание всего значения труда, который необходимо затратить на создание произведения, было присуще всем без исключения крупным художникам прошлого. Поэтому исключительно полезным и вдохновляющим для литератора является чтение высказываний старых крупных мастеров о том, как они писали, как они работали, их переписки друг с другом, советов, которые они давали друг другу.

Самый близкий для нас пример требовательной и неустанной работы над своими произведениями — это пример А. М. Горького. Все его рукописи говорят о колоссальном труде, об исполинской духовной мощи Алексея Максимовича.

Как высоки были требования, которые ставили перед собой художники прошлого, можно наглядно видеть в Толстовском музее, где хранятся рукописи Л. Н. Толстого. С уважением и трепетом просматриваешь рукописи «Воскресения»: один вариант, другой, третий, четвертый... Иные произведения Толстого имеют пятнадцать — двадцать вариантов. Исследователи обнаружили свыше девяноста вариантов одной из статей Толстого.

По записным книжкам Толстого видно, какую гигантскую предварительную работу проделывал он, приступая к работе над новой книгой. Он непрерывно учился. В записных книжках сохранились рисунки всевозможных физических опытов, которыми он занимался, изучая физику. Там записаны разговоры с людьми. Кроме того, Л. Н. Толстой занимается специально изучением русского языка, записывает характерные народные выражения, анализирует словарь Даля и комментирует его, строя ради опыта различные фразы.

Вот, например, записные книжки 1879 года. Идут бесконечные упражнения в языке. То Лев Николаевич берет какое-нибудь слово и начинает упражняться в возможности его использования: «обесхлебил, обезлошадил, обезлесил, обессилил, бездомил ты меня... Я к седлу привык, приобык, я к ученью навыв или отвык, я с женою свывся, баловаться повыв»... Он записывает фразу и ставит вопрос: можно ли так сказать?

Тут же он записывает пословицы: «на руку ёрзок был», «ты хочешь вперед податься, а нога назад отдаёт» и т. д. Дальше Л. Н. Толстой пишет: «Она ему не верста, не в Иванову версту, кого сверстал, никого себе в версту не ставит, — безмерный человек... Каяться — не закаялся, пора покаяться, накаешься, докаялась до того, что еду в грех ставит... Поститься — напостился вволю, запостился вот второй год совсем, отпостился уж я, допостился, испостился в нитку...»

Изучая эти записные книжки, вы видите, какое гигантское количество слов он поднял, независимо

от работы над каким-либо произведением, просто ради учебы — «для себя».

Много упражнений в грамматике. Мы видим тут, как упражнялся Л. Н. Толстой во всяческих сложных глагольных формах. Толстой, как известно, писал очень сложными, разветвленными фразами, с обилием придаточных предложений. Для него поэтому исключительное значение имели причастные и деепричастные формы в различных временах.

Для того чтобы чувствовать себя могучим в своем родном языке, Л. Н. Толстой прежде всего занимался тщательным изучением основного, живущего веками словарного фонда русского языка, а с другой стороны — историческим развитием языка. Он изучал все источники, по которым можно судить, как этот фонд обогащался и продолжает обогащаться.

В последние годы своей жизни Толстой стремился к фразе, предельно простой и ясной. Все его притчи и многие рассказы поздних лет написаны совершенно иным языком, чем «Война и мир», «Анна Каренина». Над рассказом «Кавказский пленник» он работал, поставив перед собой целью предельное упрощение фразы, и он достиг этого. Рассказ «Кавказский пленник» может понять даже малый ребенок.

Такого рода работу над языком, конечно, проделывали многие художники, хотя и не в таком, может быть, объеме, как Толстой.

А. М. Горький всегда рекомендовал начинающим писателям читать русские сказки, знать пословицы своего народа. Он также рекомендовал читать писателей-словолюбов. Он говорил, что нужно читать Лескова, нужно читать «В лесах» и «На горах» Мельникова-Печерского, так как словарный фонд, которым располагали эти писатели, огромен.

Естественно, что революция колоссально обогатила язык. Было бы непозволительно писателю отвергнуть это огромное богатство, не стремиться вводить его в литературу. Но при этом необходимо печься о том, чтобы не засорять язык ненужными словообразованиями, терминами, диалектизмами, словами, которые имеют лишь временное значение. Обогащая словарный фонд, необходимо беречь основу русской речи, не нарушать ее грамматического строя.

Построить в произведении фразу, в которой есть несколько придаточных предложений, не так трудно. Труднее не повторяться в построении последующих фраз. Одна такая фраза, другая, третья — и, сам того не заметив, сползаешь к недопустимому однообразию: начинаешь своего читателя, как на качелях, качать.

В произведении образуется однообразный ритм, лишенный необходимых внутренних пружин. А между тем фраза должна иметь мускулатуру. В этом смысле произведение можно сравнить с телом хорошо развитого физкультурника: многообразны мышцы в теле человека, различные приемы требуются для их упражнения, но в целом они представляют собой нечто органически слитное. Такой же мускулатурой должен обладать стиль художника. Для того чтобы развить эту мускулатуру, художник должен постоянно заниматься своеобразной «гимнастикой», упражняясь в искусстве разнообразного построения фразы.

Только тщательная работа над языком способна вызывать у читателя цельное впечатление о поэтичности созданной писателем вещи. Вспомните собственные ощущения. Вот вы читаете какое-нибудь произведение. Идут страницы, которые вы воспринимаете лишь рассудком: чувства ваши они не затрагивают. Но вдруг, точно художник тронул какую-то струну — все начинает звенеть, появляется внутренняя поэтичность; художник втягивает читателя в переживания своего героя настолько, что читатель начинает переживать вместе с героем, у читателя появляется чувство гнева, пафос, смех, слезы на глазах. Передача настроения — одно из наиболее магических свойств искусства. Но и к обладанию этим свойством писатель также приходит в результате труда. Нужно воспитывать в себе умение находить такой ритм, такой словарь, такое сочетание слов, которые вызывали бы у читателя нужные эмоции, нужное настроение.

В поэзии это видно с особенной наглядностью. Не всякие стихи поэтичны. Одних только рифм, будь они даже очень совершенны технически, мало для того, чтобы написанные строки стали поэзией. В стихах непременно должна быть эмоциональность. Это как бы подводное течение, которое непреодолимо тащит читателя за собой. Волна этого течения появляется в стихе как бы внезапно, захлестывает вас и овладевает вами.

Вспомним знаменитую поэму Некрасова «На Волге». Одно из мест этой поэмы начинается с такого восклицания, которое вряд ли способен каждый читатель сразу воспринять эмоционально: «О Волга! после многих лет я вновь принес тебе привет». Это еще условно — «О Волга!»...

Вы прочтете это так, как написано, — чувства в эту фразу вы еще не вложите.

Продолжаем читать:

Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была...

. . . . .
В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.

Это еще пока идет как бы проза, хотя и зарифмованная. Но читаем дальше:

Но вдруг я стоны услышал,
И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевою,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!.. колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?

Теперь вам уже хочется воскликнуть: «О Волга!» Вы почувствуете внутреннюю потребность в такой интонации; волна подводного течения, скрытого в стихе, овладела вами и передала вам чувство поэта.

И, наконец, возникает перед писателем еще одна, может быть, самая большая трудность: необходимость организовать весь сложившийся, нередко огромный, материал в единое целое. Сталкивается множество фактов, событий, мыслей: есть среди них мысли хорошие и большие. Но для того, чтобы все это зазвучало, помогло прийти к поставленной цели, нужно найти верные пропорции, нужно точно знать, что более важно, а что не столь важно; где нажать педаль сильнее, а где ослабить нажим. Толстой называл это сочетанием «генерализации» и «мелочности» в литературном произведении, подразумевая под «генера-

лизацией» — обобщение, а под «мелочностью» — конкретные подробности. И он считал организацию материала самой трудной задачей: то детали начнут уводить писателя в сторону, а то, напротив, главное начинает лезть из-под пера прежде времени, не будучи воплощено в нужную форму и подготовлено всей логикой событий и образов. В таких случаях читатель, не подведенный еще к нужному выводу, окажется неспособным воспринять это главное и равнодушно пройдет мимо него.

В «Войне и мире», «Климе Самгине» проблема организации материала возникла перед двумя гигантами нашей литературы во всей своей сложности. Горькому, например, надо было обобщить события жизни на протяжении сорока лет — надо было показать крушение одних общественных идеалов, рождение других, объять все классы общества. На том, как решена сложнейшая задача в этих произведениях, будут еще учиться и учиться поколения литераторов.

Могу сказать, что недостаточно умелая организация материала, неверное выделение главного — в значительной степени предопределили те недостатки «Молодой гвардии», которые подверглись справедливой критике в печати.

Очень часто можно встретить в нашей прозе недопустимую рыхлость, которая показывает, что автор не позаботился о том, чтобы все стороны его произведения были подчинены выражению главной мысли, главной идеи. Многие до сих пор думают: «Я повидал многое, собрал большой материал, теперь надобно только все это как-то сложить и затем записать». Но это — большое заблуждение. И в романе, и в рассказе, и особенно в драме — коснемся ли мы личных сторон жизни героев, введем ли какой-либо дополнительный, пусть десятистепенный персонаж — все мы должны делать со смыслом, совершенно ясно представлять себе, какая сторона главной идеи будет выражена в этом событии или при помощи этого персонажа. Иначе — сюжетная рыхлость, перенаселение незапоминающимися героями, и только.

Конечно, сейчас сложность этой работы умножена особенностями нашей жизни: в события вовлечены огромные людские массы; человек включен в самые разнообразные связи с другими людьми, и трудно его показать вне этих связей,

Если ты взял председателя завкома, он потянет за собой секретаря парторганизации, директора предприятия, рядового рабочего — целый отряд людей, с которыми он связан. Но тут-то и важно не распылиться, не увлечься второстепенным в ущерб главному. Производство — та же жилищная площадь: его перенаселять очень опасно. И нет возможности, конечно, разместить на перенаселенной площади всех так, чтобы иметь возможность полно охарактеризовать их. Тогда-то и появляются персонажи, лишь названные по фамилии, но утратившие какие бы то ни было признаки индивидуальности, не говоря уже о типичности. Это тоже результат неумения сочетать «генерализацию» и «мелочность». Нередко такое неумение приводит к чрезмерной умозрительности. Особенно часто бывает это в драматургии, где действующие лица начинают разговаривать так, что с первых же слов раскрывают всю тему, лишая автора возможности дальнейшего ее углубления. Мысль автора предстает схематичной, не образной, не воплощенной в художественной, жизненной конкретности. Таких драм немало можно увидеть в наших театрах. А происходит это оттого, что автор не верит в силу созданных им образов, характеров, не верит, что через сочетание и столкновение характеров он сможет выразить идею.

Все это говорит о том, что литература не только вид труда, но и притом еще — труда нелегкого. Поэтому и для молодежи, и для нас, «стариков», вопрос постоянной учебы, вопросы совершенствования мастерства — имеют первостепенную важность.

Нашу литературу творят люди разные; по-разному складывались их биографии. У всех нас идейная общность, но у каждого своя индивидуальность, различная манера письма, разные темпераменты, разные эмоции. Там, где, при всей разнице индивидуальностей, те или иные писатели находят что-то общее друг с другом, — появляются и художественные течения в нашей литературе, течения в области формы. Такая многообразность естественна: социалистический реализм предполагает разнообразие форм.

Мы раскрепостили индивидуальность человека.

Если капитализм стремится нивелировать человека, низвести его до механизма, то у нас делается все для все-стороннего расцвета личности, у нас что ни человек — то

характер. А разнообразие индивидуальностей рождает в литературе разнообразие форм. Возьмите также все многообразие национальных форм советской литературы.

Наша критика слишком мало работает над тем, чтобы показать обилие возможностей, раскрытых благодаря методу социалистического реализма, и подхватить все то, что является новым словом, новым штрихом, новой краской в нашей литературе.

Социалистический реализм берет жизнь правдиво, в ее исторической конкретности и в то же время в ее революционном развитии. Он ставит своей целью воспитание человека в социалистическом духе. Именно в силу этого социалистический реализм предполагает разнообразие форм, стилей, жанров.

В формуле социалистического реализма, данной в уставе нашего Союза писателей, нельзя отбросить никакие стороны. И критика должна уметь анализировать все эти стороны. А мы, люди, создающие литературу, должны все наши духовные и физические силы положить на то, чтобы во всеоружии великих марксистско-ленинских идей, неутомимо изучая жизнь, вдумчиво учась у всего истинно великого, что было создано в прошлом, создавать новые прекрасные произведения на благо советского народа и всего прогрессивного человечества.

1951

НАШ ГОРЬКИЙ

Товарищи! Мы собрались сегодня на всенародный торжественный праздник — открытие памятника великому Горькому. На всем пространстве нашей необъятной многонациональной родины событие это отзовется чувством радости и гордости в сердце каждого советского человека.

По силе своего художественного гения Горький стоит в ряду гигантов русской и мировой литературы. А по характеру и направлению его великого таланта, по непосредственному воздействию на души миллионов рабочих людей, на формирование характера современного советского человека, на пробуждение и воспитание лучших революционных и гуманистических качеств у трудящихся людей всех стран света — не было и нет на земле писателя, равного Алексею Максимовичу Горькому.

Вот почему советские люди, читая бессмертные творения Горького, чествуя его память, с гордостью говорят: «Наш Горький!»

Горького выдвинула и подняла из глубочайших низов старая трудовая Россия. Это произошло в период подготовки в нашей стране величайшей из революций, в период первых битв на подступах к этой революции, когда руководящей силой в борьбе уже стал рабочий класс России. Величайшая из революций, выдвинувшая своего вождя-титана — Ленина, она породила и великого писателя — буревестника революции, с сердцем, вместившим все страдания угнетенных масс, их страстный порыв

к счастью и справедливости, их веру в возможность лучшей жизни на земле.

С чудесной силой, свидетельствующей о высокой талантливости народа, породившего его, Горький еще в старое время поднялся из трудовых низов до самых высот человеческой культуры, освоив и критически переработав ее достижения в объеме почти энциклопедическом.

Беззаветный друг трудящихся, он связал свою судьбу с партией большевиков, чья железная воля и светлый исторический разум возглавили движение масс за свое освобождение. Мировоззрение Горького сложилось под могучим влиянием идей Ленина — его великого друга и учителя.

И в художественном развитии человечества Горький выступил как писатель нового типа, писатель, открыто связавший свою судьбу с самой революционной партией масс, писатель — революционер и преобразователь мира, писатель — вдохновитель борьбы за коммунизм. Он не только продолжил и развил на новой исторической основе благородные традиции русских классических писателей XIX века. Он явился родоначальником литературы социалистического реализма, литературы нового, социалистического общества.

В своих великих творениях Горький дал историю развития русского общества, всех классов этого общества, по крайней мере, за три-четыре десятилетия. Всеми силами души ненавидел он угнетение человека человеком, и нет писателя более умного, глубокого и сильного в разоблачении мерзостей капитализма. Он дал целую галерею образов хищников — купцов, эксплуататоров, их прислужников — буржуазных интеллигентов, кулаков и всесветных мещан, очерстневших в своем животном индивидуализме.

Со всей страстью обрушивался он на буржуазную демократию, прикрывающую лживыми демократическими фразами физическое и духовное угнетение миллионов трудящихся людей. Еще сорок пять лет тому назад за пышным, украшенным статуей «Свободы» фасадом капиталистической Америки Горький разглядел чудовищный облик самых хищных и самых зверских империалистов и потрясающую нищету рядом с роскошью. Горький нанес немало разящих ударов фашизму, всем видам и формам расового и национального угнетения. До

самых последних дней своей жизни он разоблачал все-светных акул наживы как главный источник, причину кровопролитных войн. С презрением и гневом обрушивался он на прислуживающих капиталистам буржуазных интеллигентов, прикрывающих фальшивыми словами о «свободе» свое раболепие перед душителями культуры и поджигателями новой мировой войны.

Горький — великий глашатай мира. Грозный голос его в защиту мира, против поджигателей новой войны, звучит и ныне, как колокол, над всеми морями и континентами.

Горький показал душу трудящегося человека. Раскрывая лучшие стороны людей, он воздействовал на них в том направлении, чтобы они становились лучше, чище, отважней, благородней. Он пробуждал в людях жажду творчества и преобразования жизни. Все силы его души были отданы нашему социалистическому отечеству, его процветанию и украшению, и советскому человеку-творцу:

«Товарищ! знай и верь, что ты — самый необходимый человек на земле... ты начал создавать действительно новый мир.

Учись и учи!»

Великое сердце его было раскрыто для всего нового и передового, что открывали, создавали советские люди светлым своим разумом, своими золотыми руками. И до самого последнего дыхания был предан Горький великому знамени Ленина, развевающемуся над нашей родиной, осеняющему труд советских людей.

Пример великого Горького призывает нас трудиться не покладая рук над построением величественного, светлого здания коммунизма.

Товарищи! От имени Совета Министров Союза Советских Социалистических Республик открываю памятник великому русскому писателю Алексею Максимовичу Горькому.

ПАМЯТИ ПЕТРА ПАВЛЕНКО

Нам, друзьям и современникам Петра Андреевича Павленко, почитателям его таланта, очень трудно примириться с мыслью, что его уже нет среди нас.

В его лице мы, писатели Советского Союза, писатели всех национальностей, потеряли одного из самых выдающихся талантов, одного из лучших наших боевых соратников и друзей.

По характеру своей жизни и своего творчества Петр Павленко принадлежал к тому типу писателей, образцом для которых служил великий Горький, к тому типу писателей, который сложился в наших, советских условиях.

Павленко прошел большую, многообразную жизненную школу: это была школа партийной работы, это была школа дипломатической работы, это — еще начиная со времен гражданской войны, во времена финской войны и особенно Великой Отечественной войны — была большая военная школа. Но и тогда, когда по роду своей деятельности Петр Павленко не был связан, как бы сказать, «по служебным обязанностям», с живой жизнью, он совершенно не мог жить в отрыве от нее.

Его всегда трудно было застать на одном месте. Он был жаден к жизни. Он обладал той исключительной любознательностью и интересом к жизни, которые и характеризуют подлинный, настоящий и глубокий талант.

Павленко бросало в разные концы нашей необъятной родины. Он бывал на всех великих стройках, в самых

дальних краях нашего отечества. В этом отношении он всегда был неутомим. Но особенность его характера состояла и в том, что он соединял эту жадность к жизни, этот интерес к жизни — с величайшей профессиональной изобретательностью, с искрометной выдумкой. Ему был в высшей степени присущ тот творческий домысел, о котором так любил говорить Алексей Максимович Горький, и это создавало неповторимое обаяние его таланта, поскольку, опираясь на источники живой действительности, он всегда находил в ней то своеобразное, новое, тот необычный свой «поворот», который и придавал прелесть его таланту.

Нечего и говорить о том — это знают все, — каким прекрасным собеседником был Павленко. Ни один человек не мог скучать в его обществе, настолько он был полон творческих замыслов, неиссякаемой выдумки, рассказов, — которые он, несмотря на всю свою исключительную работоспособность, все же не успевал даже записать на бумаге.

Вот эта особенность индивидуальности Петра Павленко создала из него писателя необыкновенно разностороннего. Он был автором крупнейших и популярнейших в нашей стране романов; он был автором киносценариев. Одновременно он был блестящим журналистом и очеркистом, замечательным публицистом, который писал решительно по всем вопросам живой жизни — в той мере, в какой она преломлялась через его индивидуальность, и в той степени, в какой всегда это было для него интересно.

Как известно, Павленко был выдающимся деятелем в международном движении борьбы за мир. Он изъездил много разных стран. И во время этой своей деятельности, как борец за мир, он вынес такое огромное количество впечатлений, что это тоже воплотилось в его книгах, очерках и статьях.

Нужно сказать, что Павленко никогда не гнушался журналистской работы. В период Великой Отечественной войны он выполнял абсолютно все, что требовалось от человека, владеющего пером. Человек он был своеобразный, скромный, но вместе с тем и чрезвычайно смелый. Он побывал на многих фронтах Отечественной войны, он видел чрезвычайно много и все это талантливо отобразил в бесчисленном количестве своих корреспонденций, в

своих очерках, статьях и, в конечном счете, в своих наиболее крупных произведениях.

Надо отметить еще одну совершенно исключительную черту Павленко: он всегда отличался особым интересом к жизни обыкновенного, так называемого «простого», рядового человека. Все знают, какой любовью он пользовался именно в этой среде. Когда он писал роман «Счастье», он был связан с колхозами, и какое большое количество друзей-колхозников завелось у него за это время!

Все, что сопровождало его в жизни, все люди, с которыми он встречался, с которыми сводила его жизнь, — всегда он находил к ним свое слово, всегда держался как равный, интересовался их жизнью, бытом. Его наблюдательность была исключительной. Он запечатлевал самые мельчайшие детали их быта, их особенностей. Все это как-то очень творчески преломлялось в его сознании, и это создавало его необычное индивидуальное лицо.

Петр Павленко начал свой путь юношей, в период гражданской войны, и с самых юных лет связал свою судьбу с Коммунистической партией. Он шел по пути, завещанному нам великим Лениным.

С уходом Павленко мы, наш Союз писателей, наша литература, получили очень тяжелую брешь. Надо сказать, что писателя такого своеобразного таланта мы еще должны и должны воспитывать. И пример Павленко, пример его беззаветного писательского труда, пример всей его жизни, еще долго-долго будет служить образцом для нас, писателей старшего поколения, которые иногда отрываются от живой действительности, и особенно для писателей молодых, начинающих.

Всем известно, сколько труда, особенно в последние годы своей жизни, когда Павленко становился все более и более зрелым мастером, уделял он как раз росту молодых писателей. Об этом знают все. Это нашло свое отражение и в нашей прессе. И, конечно, многие и многие новые, молодые писатели, растущие на нашей периферии, с глубокой горестью и тяжестью в сердце еще много и много раз после вспомнят об этой тяжелой потере.

ИДТИ ПРЯМО В ЖИЗНЬ—ЛЮБИТЬ ЖИЗНЬ

Перед нашей советской литературой сейчас стоят две самые важные и самые большие задачи. Первая задача — не отстать от жизни, познать и понять наиболее характерные для нашей жизни явления и написать о них хорошие книги. И не только не остаться позади, но понять и художественно отобразить эти явления так, чтобы они помогли нашему дальнейшему развитию, нашему пути вперед. Вторая задача — учиться, повышать художественные и идейные качества своей работы.

Остановлюсь на нашей первой задаче.

Несмотря на успехи, советская литература отстает от требований народа, от требований жизни. Существует старинная русская пословица: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Советский народ опрокинул эту пословицу: дела у нас делаются сейчас необычайно скоро, жизнь развивается очень быстро, а «сказка», по-видимому, отстает, не поспевает за делами и жизнью. Большая часть наших писателей это, конечно, сознает.

Задача нашей литературы не только иллюстрировать жизнь: литература — учит, ее главная тема — жизнь человека. В наших советских условиях литература не теряет своего основного назначения, а, наоборот, получает новое гуманистическое содержание. Но с развитием жизни изменяется и человек, изменяются и условия, в которых он живет. Когда действительность быстро развивается, не всегда можно правильно распознать процессы, которые в ней происходят. Ведь одни из них развива-

ются, идут вперед быстрее, другие отстают. Жизнь полна противоречий: иногда бросается в глаза не то, что является основным, особенно когда нужно показать новое, потому что новое — где угодно, значит, и у нас, иногда только еще в зародыше, его трудно увидеть. Но мы должны суметь его разглядеть, потому что именно в этих зародышах нового — будущее.

Вы, конечно, хорошо знаете, что большая часть наших советских писателей уже давно отказалась от мысли, будто писатель в обществе — одинокая индивидуальность и может писать только о том, о чем ему в данный момент хочется писать. Писатели понимают, что на них возложены большие общественные задачи, понимают свой долг перед народом. Это, конечно, не означает, что писатель должен выполнять свой долг в противоречии со своей индивидуальностью. Наша литература — разнообразна; она имеет и разные творческие направления, формы, жанры, и разную тематику, однако задачу общественного назначения литературы наши писатели прекрасно понимают — она у них в крови.

О СВОБОДЕ ПИСАТЕЛЯ

На первый взгляд кажется, что вопрос о свободе писателя достаточно стар, несложен и в общем уже разрешен. В то же время вы видите, что вопрос об общественном назначении литературы и свободе писателя до сих пор в мировом масштабе — вопрос боевой и вполне актуальный. О нем все еще дискусируют, за него борются. Поэтому разрешите и мне коротко на этом вопросе остановиться.

Я думаю, что наша точка зрения на этот вопрос — точка зрения советских писателей, писателей стран народной демократии и всех прогрессивных писателей других стран — является продолжением взглядов, которые разделяли все лучшие писатели, мировые классики, потому что подлинная великая и настоящая литература никогда не могла в своем творчестве не руководствоваться интересами народа. Никто не мог бы, например, принудить Льва Толстого выехать в те области России, где в начале девяностых годов царил страшный голод. Никто не мог бы принудить и Короленко совершить этот

тяжелый путь. А они все же поехали, потому что считали это своим *долгом*. И нужно сказать, что каждый настоящий художник прошлого руководствовался приказом своего патристического долга — общественного и гражданского. Трудность их положения была в том, что правительство тогда не только не помогало им, не шло навстречу их общественным усилиям, а, наоборот, старалось поставить всевозможные препятствия литературе, служившей народу. Несмотря на это, наши русские классики, чешские и словацкие классики остались жить и в будущих поколениях именно потому, что они служили интересам народа. И нужно сказать, что они делали это сознательно, понимая, что им придется преодолевать трудности и препятствия, а иногда делать и то, о чем говорил Владимир Маяковский — наступать на горло собственной песне, то есть отречься от всяких личных, а порой интимных дел и браться за великие дела в интересах народа и всего человечества.

Конечно, в этом служении общественным интересам в конце концов развиваются сильнейшие стороны индивидуальности человека: когда человек начинает сознательно служить великим общественным целям, то все больше и больше расширяется и кругозор его мышления. Именно сила произведений наших классиков показывает, что они должны были «наступать на горло» только капризам или преувеличенным проявлениям узкого, мелкого индивидуализма и что именно их служение огромному, колоссальному делу гораздо шире развивало индивидуальность писателя. Пожалуй, только при таких условиях художник достигает наибольшей свободы в изображении общества и человека.

Если уж мы в связи с этими вопросами говорим о классиках, я могу привести наиболее близкий вам пример, пример славного чешского поэта и писателя Яна Неруды. Совсем недавно я перечитал русское издание его избранных произведений и поразился, в какой степени творчество этого поэта, писавшего в прошлом столетии, и его, как мы сегодня говорим, принципиальные взгляды на творчество — соответствуют нашим сегодняшним взглядам. Особенно привлекло мое внимание стихотворение, которое, конечно, вы хорошо знаете. Оно увлекло меня потому, что в нем Я. Неруда с необычайной силой ставит все эти вопросы. Он говорит, что судьба приказала ему

быть кем придется, и поэтому прямо называет себя солдатом. Одновременно он говорит: «Всему был рад!», то есть — нашел самую большую свободу в служении народу. Там есть прямо потрясающие строфы, например:

Мне рок сказал: воспой родимый край,
Но пой лишь о страданиях народа,
О том, как силой попрана свобода,
И грозной болью песни напитай.
Пусть исцелят народ напевы эти,
Пусть грудь твою они язвят, как яд, —
Да, кое-чем я был на этом свете,
И кем бы ни был я — всему был рад.

Мне рок сказал: простым солдатом будь!
Все выдержи — пусть враг твой напирает,
Пускай плевок глаза твои пятнает
И камень злобы рассекает грудь.
Ты должен все познать — и гнет и плети,
Стократ страдать и умереть стократ —
Да, кое-чем я был на этом свете,
И кем бы ни был я — всему был рад.
Пусть шлет судьба мне грозы и метель,
Но честь и правду сохраняю я свято,
Не дрогнет сердце верного солдата, —
Пусть новый день мою укажет цель!
И пусть судьба мне расставляет сети,
Пусть бьет, как била много лет подряд, —
Но все ж я кое-что на этом свете,
И кем ни буду — буду также рад!

Ведь это же целая программа!

И в своих теоретических высказываниях Неруда говорит то же самое, что я сегодня говорю с этой трибуны:

«...Хотел бы я также знать, почему родина и народ, равенство и свобода — это менее поэтические темы, чем весна, и лес, роза и соловей, лунный свет, любовь, дружба и т. д. Пусть стихотворение будет патриотическим, политическим, пусть оно откликается на злобу дня, лишь бы оно было по-настоящему поэтическим и прекрасным. Я совсем не хочу превратить поэзию в служанку политики, пусть она станет ее ангелом-хранителем; я не хочу, чтобы поэзия потонула в преходящих страстях, пусть она верно сопутствует нам в боях, пусть вдохновляет нас, облагораживает, поддерживает на подлинно человеческом уровне. Когда настанет мир, мы, быть может, и предадимся играм и фантазиям. Сейчас мы в бою»¹,

---

¹ Я и Неруда, Избранное, Гослитиздат, 1950, стр. 512.

Под этими словами Неруды мы можем полностью расписаться. Реакционная буржуазная критика утверждает, что советское правительство вмешивается в дела литературы. Как вы помните, особенно ожесточенная борьба происходила после известного постановления Центрального Комитета партии о журналах «Звезда» и «Ленинград», где было сказано, что советская литература должна руководствоваться политикой Коммунистической партии и советского правительства. Но буржуазные критики должны понять, что в данном случае большие политики говорили с большой литературой не как хозяин со своей служанкой. Здесь шла речь о том, чтобы литература стала не служанкой политики, а ее «ангелом-хранителем», ее проводником в сознание народа. Конечно, это совершенно не означает (как хорошо понимал и Неруда) «ущемления» писательской индивидуальности. Неруда справедливо говорил, что индивидуальность должна проявляться в том, что доступно всем остальным людям, что может повлиять на других. В статье «Вечерние песни» Витезслава Галека он очень правильно пишет о том, какое место отводится индивидуальности:

«Каждый несомненно имеет полное право писать стихи, как ему нравится, хотя бы всегда только о собственном сердце. Но как только стихотворец предает свои творения гласности, мы требуем от них большей значимости и хотим, чтобы поэт не только о том, что он переживает как индивидуум, но о том, что каждый должен переживать вместе с ним»¹.

Это означает, что ни у нас — в Советском Союзе, ни у вас — в странах народной демократии, не существует «запрещенных» тем. Писать можно абсолютно обо всем, но надо писать так, чтобы это были слова, предназначенные не только для некоторых хороших знакомых, для женщины и поклонников, а чтобы они могли захватить и увлечь любого. Мы не против и любовной лирики, но мы хотим, чтобы такие лирические стихи могли быть изданы не только в двух экземплярах — для него и для нее, — а чтобы эти стихи, как лирика Пушкина или Байрона, как лирика прекрасных чешских поэтов-классиков, жили в веках, вдохновляя людей и поднимая их лучшие духовные силы.

---

¹ Я и Неруда, Избранное, Гослитиздат, 1950, стр. 512

В мире еще никогда не бывало, чтобы трудящийся народ сам строил свою жизнь и свое будущее. Это настолько новое явление в человеческой истории, что его не сумеешь изобразить, если сам эту новую жизнь не полюбишь! Но жизнь людей в новом обществе нельзя изобразить, — даже если ты ее и очень любишь, но как следует не изучил, не знаешь. Поэтому наше требование совершенно логично, когда мы говорим, что *писатель должен идти прямо в жизнь*. Такое требование у нас в советской литературе сейчас поставлено перед каждым писателем. Нельзя, конечно, вульгарно понимать это дело так, будто мы к чему-то принуждаем писателя. Нет, мы просто напоминаем ему о том, что «если ты не пойдешь прямо в жизнь, то не сумеешь ничего написать о новой жизни как художник. Если ты хочешь как художник вполне развиться, нужно познать глубину жизни и идти прямо в ее гущу». Поэтому теперь многие наши писатели, старые и молодые, работают на больших стройках — на Волге, на Днепре, на Дону, под Куйбышевым, на юге, в Крыму. Но так как у нас строят не только в этих районах, то у советских писателей большое поле деятельности. Я, например, работаю сейчас над романом, который должен показать жизнь нашей молодежи в металлургической промышленности. Я пробыл несколько месяцев на больших металлургических заводах в Магнитогорске и в Челябинске, скоро поеду на юг, а потом примусь за работу над большим романом. Эта тема, кстати, занимала меня уже давно: еще до войны я думал написать такой роман. Но теперь, когда я побывал в этих колоссальных металлургических комбинатах, я понял, что не смог бы о них ничего написать, если бы не поехал туда и не изучил все, что там сейчас делается. Как писатель, имеющий уже за плечами некоторый опыт, я могу вам, моим братьям по перу, сказать, что жить в сегодняшней Чехословакии, которая строит в таких колоссальных размерах, где человек так изменяется, где изменяются все человеческие взаимоотношения, и все это происходит в борьбе, что жить здесь сейчас по-старому — между клубом писателей и редакцией — вредно для настоящего таланта. Надо и вам идти прямо в жизнь. Это обогатит вас, расширит кругозор и, конечно, даст новые темы, научит по-новому смотреть на человека и людей. Здесь вы сможете найти новое творческое вдохновение. Задачи советской литературы и задачи литературы

чешской и словацкой в этом отношении совершенно одинаковы.

Нужно сказать, что в чешской литературе сложилась прекрасная традиция: за последние два-три десятилетия тема рабочей жизни занимает значительно большее место, чем в литературах других народов. Хотя я читал только то, что переведено на русский язык, но знаю, сколько у вас вышло за эти десятилетия романов, в которых изображены производство и жизнь рабочих. Положение рабочих было, конечно, иным, правительство было иным, власть была в руках капиталистов, и, несмотря на это, выходили книги, которые мы уже перевели и которые наш читатель знает и любит: «Анна-пролетарка» Ольбрахта, «Сирена» М. Майеровой, «Ботострой» Сватоплука, «Люди на распутии» Пуймановой. Переведена у нас книга Марека «Древня под землей» — наши люди читают и любят ее; переведен «Кусок сахара» недавно умершего словацкого писателя Илемницкого и ряд других произведений.

Я беседовал с Марией Майеровой, — теперь мы оба «металлурги»: она писала — о кладненских металлургах, я пишу — о советских. Спрашивал, знала ли она Кладно по воспоминаниям детства или снова его изучала. Мария Майерова сказала, что Кладно, конечно, знала, так как провела там детство, но ей пришлось снова поехать туда для изучения. Итак, традиции у вас есть, но нужно показывать уже новое, сегодняшнее, когда хозяин — народ, когда власть в руках трудящихся и все проходит иначе, чем прежде. Тогда писали с точки зрения гуманного сочувствия угнетенному, и угнетенный воспевался как борец. Писатель, с одной стороны, сочувствовал ему, с другой — помогал в борьбе. Сегодня — угнетенный стал уже хозяином. Но и сегодня нужно знать трудности, с которыми происходит новый процесс. Конечно, нельзя описать его без основательного изучения, нужно продолжать дело, начатое нашими старшими поколениями, и развивать его.

О МАСТЕРСТВЕ

Как я уже говорил, перед советской литературой стоит еще и другая задача — повышения художественного мастерства писателей, я бы даже сказал — повышения общего идейного и художественного качества произведений,

потому что мы вовсе не хотим уничтожать понятие прекрасного, а, наоборот, хотим усилить его: поэтому мы не пренебрегаем работой над улучшением формы, работой над словом, любовью к родному языку, знанием законов художественного творчества. Мы не отвергаем открытия новых законов, которые обязательно возникнут, потому что мы должны выражать новую действительность, выбирая для этого и соответствующую форму, и тематику, широко и многосторонне проявляя свою индивидуальность. Это вопросы не только не второстепенные, а, наоборот, в новых условиях они возникают перед нами вновь с еще большей настойчивостью. Старая литература отличалась необычайным богатством форм. Я говорю здесь не о том периоде, когда начинался упадок старой литературы и возникали формы, мало доступные народу, а о периоде ее расцвета, когда все ее формы, доступные пониманию широких кругов людей, были весьма разнообразными. Некоторые рассуждают так: тогда существовали классы и классовая борьба, классы вносили разнообразие, а когда вот пришел социализм или народные демократии, классы уже не существуют и все должны быть похожи друг на друга. Эти взгляды неправильны. Социализм наступает для того, чтобы освободить и обогатить индивидуальность. Он освобождает миллионы людей и развивает многие их стороны, а поэтому должен обогатить, а не обеднить человечество и в области формы. Поэтому мы не утверждаем, что не нужно учиться у старых мастеров, или не нужно вносить собственное новаторство. Наоборот, новаторство именно и предполагает, что люди должны над собой работать и развиваться творчески. Оно требует, прежде всего, работы над собой, овладения мастерством, честного отношения к слову, большой и серьезной работы.

Я побывал недавно на выставке, открытой чешскими художниками перед их отъездом, и с удовлетворением констатировал, что и в чешской живописи, как и во всех областях искусства, изменяется тематика, что чешское искусство переходит к новой тематике — к отражению действительности. Это большой плюс. Там, на выставке, можно было увидеть много талантливых работ художников старшего, среднего поколения и совсем молодых.

У многих, однако, бросается в глаза недостаток мастерства, излишняя торопливость, неумение правильно разрешить тему. Переход к новой тематике — явление весьма

положительное, и в этом художникам нужно всячески помогать и поддерживать их. В то же время нужно им посоветовать больше учиться мастерству рисунка, композиции и цвета у старшего поколения, чтобы достигнуть всестороннего мастерства, и тогда они на этом пути победят. Однако для этого нужно много паd собой работать.

И у нас есть писатели из молодежи. Каждый год появляются совершенно новые имена. Радостное явление, что среди них есть молодые люди, которые понимают, что литература — святое дело, требующее большого труда и непрестанного повышения требований к самому себе, понимающие, что нужно *добиваться* подлинного мастерства.

Однако много и таких, кто имеет о литературе наивное представление, — и не потому, что они плохие люди, а просто потому, что они еще неопытны, не имеют практики и думают: «Сяду и напишу то, что на сердце, и наверняка выйдет замечательно!» Этим людям, конечно, нужно терпеливо разъяснять, что это не так, что от писателя требуется много напряжения, что нужно много учиться.

Молодежь, конечно, имеет то преимущество, что она приносит с собой в литературу то, чем она непосредственно жила, поэтому она иногда делает открытия, подчас даже недоступные старшим. Однако молодежь должна приобретать опыт, практику, должна упорно учиться, чтобы вместе со старшим поколением создавать литературу на высоком художественном уровне.

О ВОСПИТАНИИ ПИСАТЕЛЕЙ

Вы знаете, товарищи, что наша советская литература прошла более чем тридцатилетний путь развития. Конечно, ее состояние в разных периодах было различным. У нас был период, который несколько похож на ваш сегодняшний день. У нас, после Октябрьской революции, были писатели, которые боролись против революции; часть писателей, бывших против революции, эмигрировала, а часть осталась в стране и настойчиво продолжала вести контрреволюционную деятельность.

Среди писателей, ставших по ту сторону, были люди, уже создавшие художественно ценные произведения: вы хорошо знаете такие имена, как Бунин и Куприк. Напи противники имели тогда в литературе известный вес, тог-

да как у вас — те, кто эмигрировал или стал врагом, — это большей частью литературно незначительные люди. Я уже настолько знаю чешскую и словацкую литературы, что могу сам подтвердить, что люди, ставшие вашими врагами, оказались в ничтожном меньшинстве. Поэтому я убежден, что ваше развитие пойдет несколько легче и проще. В отличие от вас, в советской литературе противники были очень сильны. Это был начальный период, когда советская литература только еще вырастала из «детских туфельек». Правда, в нее вошли и такие кадры, которые уже давно были связаны с большевистской партией, такие, например, как Демьян Бедный; вошла молодежь из «низов» трудящихся, напрочно связавшая свою судьбу с революцией, та молодежь, которая делала революцию собственными руками. У нас были также большие кадры писателей, которые до глубины души сочувствовали новой жизни и понимали, что они должны идти с народом. Однако эти люди прошли старую школу воспитания, имели много старых, индивидуалистических предрассудков и пережитков. Всем сердцем они были на стороне революции, разделяли чувства народа, но у них проявлялось влияние старых школ, в которых они выросли. Эти писатели думали, что художник должен быть независимым от общества, одиноким индивидуалистом: «Что хочу, то и делаю». Все это нам пришлось преодолевать. Многие писатели выросли в годы декадентства; они всем сердцем были за новую жизнь, но создавали произведения, по форме совершенно недоступные широкому кругу читателей. Поэтому они и не могли выполнять свою главную задачу — проникать в сердца людей — и волей-неволей оставались одиночками.

Мы преодолели в своем развитии большие трудности. Для человеческого сознания характерно, что понимание собственных недостатков и ошибок требует у человека много времени, чтобы кто-нибудь помог ему увидеть и понять свои недостатки и ошибки. У человека, попавшего в новое общество, порой еще живет подсознательное стремление цепляться за свои предрассудки, хотя он и бежит сам от них, но все же они ему «дороги».

Нам пришлось над этим много поработать, когда наша старая интеллигенция, а иногда и мои современники, вышедшие из иной среды, проявляли какое-то подсознательное сопротивление тому новому, что приносила жизнь.

Часто это сопротивление было действительно несознательным; оно вызывалось тем, что человек многое неправильно видел, неправильно понимал. Трудно было отказаться от «старого», особенно тем, кто стал формироваться еще до Октябрьской революции, в частности людям, выросшим в период декадентства. Вы знаете, что мы имеем группу писателей, прошедших этот путь и наконец успешно преодолевших его. Если бы в те годы кто-нибудь сказал им, что они дойдут туда, где стоят сегодня, они не поверили бы. Такой путь прошел наш известный поэт Николай Тихонов, не говоря уже о Вере Инбер, Павле Антокольском, Николае Ушакове и многих других. Я говорю о тех художниках, из которых в конце концов выросли очень хорошие, ведущие советские писатели.

Все это далось не без трудностей: процесс воспитания и перевоспитания людей проходил не так быстро, тем более что наши противники постоянно говорили этим людям: «Твоя точка зрения правильна, никакое перевоспитание невозможно! Вспомни, что сказал Пушкин: «Ты царь, — живи один!» Тебе не нужно никакого перевоспитания, держись за то, что предопределило твой талант, иначе ты его потеряешь». Они нагоняли на них страх, стараясь привлечь их на свою сторону.

Такова была одна трудность. Другая состояла в том, что и те из нас, кто должен был влиять и перевоспитывать, — сами допускали ошибки.

Писателей можно было перевоспитывать двояким способом. Во-первых, путем их приближения к новой действительности, к жизни. Литератор, сознательно стремящийся помочь людям в строительстве новой жизни, неизбежно находит для себя новые темы и при их разрешении новые способы их выражения. Это, собственно говоря, главный путь воспитания. С другой стороны, мы можем и должны воспитывать людей объективной критикой, потому что, если критика правдива, она может наглядно показать, какая сторона в творчестве писателя слаба. Писателям нужна критика, которая, с одной стороны, умела бы очень правдиво вскрывать их ошибки и слабости, но одновременно показывала бы им перспективу, указывала им правильный путь творческого развития, вовремя предупреждала от опасностей схода с этого пути. Так критиковать могут люди, которые искренне любят и литературу и писателей, заботятся о них, беспокоятся об

их будущем и имеют достаточно знаний, чтобы указать правильный путь развития. Конечно, в этой критике было и обязательно будет много неприятного и тяжелого для писателя. Человек должен что-то выстрадать, должен помучиться, чтобы понять. Западноевропейская критика прямо режет острым ножом, но, сталкиваясь с нашей критикой, обвиняет ее в резкости. В действительности наша критика, при всех ее недостатках, всегда ставит себе цель направлять и воспитывать людей. Некоторые вопросы она формулирует жестко, но всегда старается найти дорогу, указать, что в произведении есть положительного. Я не занимался специально педагогикой, но знаю, что в этом положении нет ничего специально советского, это старый принцип воспитания. Уже у Амоса Коменского вы можете прочесть о роли авторитета и о моменте убеждения и принуждения. Только этим путем можно воспитать человека. Поэтому нельзя стремиться к тому, чтобы критика всегда создавала у автора «хорошее настроение». Надо ожидать, что мы никогда не будем довольны ею. Но человек серьезный, разумный и мыслящий всегда сумеет отличить объективную критику, исходящую из интересов общества, от критики личной, необъективной. От первой он поболует и поймет ее, а вторую может отместить, отбросить.

В первом периоде развития советской литературы мы, разумеется, такой нужной нам критики не имели, и это, конечно, принесло нам немало трудностей. Например, большая часть из нас, молодежи, думала (как это часто бывает у молодых), что мы знаем правду и знаем ее до последней запятой. Я вспоминаю себя и поражаюсь: чего только я себе не говорил, какой только роли себе не приписывал — не как писатель, а как теоретик! Я думал, что представляю себе абсолютно точно, как будет развиваться наша литература, куда она пойдет и что с ней будет. Мне пришлось пройти целые годы развития, я тогда не понимал, что мне самому еще нужно учиться, и в конце концов только сгоряча считал некоторые свои «ответы» последним словом. Эту ошибку делали очень многие из наших молодых людей. Мы недооценивали вопроса воспитания и работу с писателями. Конечно, эти ошибки использовали наши противники так же, как они использовали старые кадры. Они вступали в наши ряды, маскировались, начинали поддерживать, преувеличивать, дово-

днить до конца, прямо до глупости то, что мы делали по неопытности, раздували вражду между молодыми и старыми кадрами, между партийными и беспартийными литераторами, всеми мерами препятствовали объединению сил, старались их разбить, разъединить. Это, конечно, была детская болезнь развития, когда литературная жизнь была еще тем, что мы называем групповщиной, когда люди, иногда и очень искренне, из убеждения, рвали и дергали литературу, не понимая, что каждый проходит свой путь развития.

ПРЕОДОЛЕТЬ ГРУППОВЩИНУ В ЛИТЕРАТУРЕ!

В чем самая большая беда, когда литературные группы дерутся между собой? В чем наибольший вред групповщины? В том, что в таких случаях группы руководствуются не интересами всего народа, как они субъективно предполагают, а интересами *данной* группы. Поэтому они не могут подойти к писателю объективно — оценить человека согласно тому, что он как творческая личность, как художник, делает полезного, что хорошего он сделал, служит ли его творчество народу и государству, помогает ли родине, безотносительно к тому, к какой группе он принадлежит. При групповщине люди всегда руководствуются только тем, *кто кого поддерживает*. Так бывало у нас. Например, писателя К. Федина мы в молодости считали очень «правым», а в то же время его книги, написанные в те времена, живут и до сих пор. Наоборот, И. Сельвинского, принадлежащего к группе конструктивистов и поддерживавшего нас, мы считали «левым», хотя многие его произведения сегодня мертвы. Мы «прощали» ему литературные недостатки и слабые произведения, не отвечающие духу времени, только потому, что он был «с нами». Это было необъективно. Именно в этом — исключительный вред всякой групповщины, ибо она всегда руководствуется интересами отдельных лиц, а не общими интересами народа и государства.

Нам «до зарезу» нужны были хорошие литераторы, нам нужно было объединить старых писателей с молодыми, правильно их всех ориентировать, критиковать

ошибки и тех и других. Этого мы, конечно, тогда не умели делать, и поэтому наше развитие проходило с большими потерями. Мы зря растеряли много сил, попортили личные взаимоотношения между писателями, ибо дрались так, что «стекла в окнах дребезжали», и потому много усилий потеряли даром. Это все были «убытки» нашего развития. Нужно не забывать этого и избегать такой излишней траты сил. Партия не участвовала в этой нашей «борьбе», потому что она глядела на всех нас очень объективно. Она считала этот период нашим детством, понимала, что мы развиваемся и растем, а когда вырастем, все это пройдет. Она направляла нас, молодежь, направляла и старшие кадры, не допускала «кривды», когда нас слишком обижали, защищала нас, но когда мы слишком нападали на человека, который еще не вполне перестроился, она защищала и его. Так партия в те годы направляла развитие литературы. Положение, конечно, облегчалось тем, что тогда жил Горький, бывший для всех нас бесспорным авторитетом, к которому мы всегда могли обратиться для разрешения наших споров. Горький подходил к групповщине как к «детской болезни» и оценивал писателя, прежде всего, по его произведениям: пишет ли он в интересах народа, пишет ли хорошо, а к какой группировке принадлежит — это неважно.

Сегодня, когда мы стали старше, групповщина исчезает, и писатели, когда-то принадлежавшие к разным «группам», порой с интересом вспоминают о том, что нас тогда разделяло. Все выяснилось в процессе нашего развития, но мы были еще в самом начале пути и видеть многого не могли. Когда уже наступила полная договоренность между старыми и новыми кадрами, когда старые писатели установили правильные отношения с молодежью, а молодежь со «стариками», когда начался новый, широкий прилив в литературу писателей из народа, когда сама литература стала мощным потоком, — все эти мелкие вопросы сами собой отпали. И если мы сегодня объективно критикуем того или иного писателя, он не чувствует себя оскорбленным. Вышла, например, книга нашего критика Б. Брайниной о Константине Федине. В ней говорится об ошибках Федина в молодости, о его ошибочных взглядах и идеологических слабостях в начале развития. А Федин совсем не оскорблен, потому что книга в целом объективно показывает путь его развития

как писателя. В Академии наук новые кадры нашей критики и литературоведения читают лекции о развитии советской литературы, объективно расценивают наше развитие, говорят и о моих ошибках, и об ошибках других писателей, а нас эта критика не раздражает: мы сами знаем, что это наше прошлое, мы ушли уже дальше. Но эти ошибки нельзя обходить молчанием: наш опыт может во многом помочь другим.

ОБЪЕДИНИТЬ ВСЕ СИЛЫ

Опыт говорит нам, что писатель, желающий воспевать новое общество, должен, прежде всего, хорошо знать и любить это новое общество и его жизнь, должен стремиться к правдивому, всестороннему их изображению. Мы расцениваем писателя по тому, каких он достигнет успехов в *этой* области, независимо от того, молод он или стар, вышел из рабочей среды или из среды старой интеллигенции. Наша задача — объединить и сплотить все силы в литературе, добиться того, чтобы писатели верой и правдой служили народу своим пером. Для этого мы должны объективно критиковать свои ошибки, помогать каждому писателю, учить его подхватывать то новое, что ежедневно дает сама жизнь. Мы, советские писатели, можем пожелать вам, чешским и словацким писателям, успехов на пути понимания вашей новой действительности, пожелать умения изображать ее в полную силу своих художественных средств, помогать народу в строительстве и на этой основе объединить все свои литературные силы. А это, конечно, требует такой взаимной критики, которая показывает людям перспективу, путь развития, а не той критики, которая укладывает людей в могилу. Это требует критики, которая видит в человеке его лучшие стороны, видит, в каком направлении человек растет. Каждый из нас, кто вложил в произведение огромные творческие силы, легко не принимает, когда ему говорят: «У тебя такие-то ошибки». Вы думаете, мне было приятно читать, что я неправильно отобразил в «Молодой гвардии» старшее поколение? Конечно, это не было приятно, но я не могу не признать, что эта критика была объективной: этой критикой не хотели ни дискредитировать, ни уничтожить мою книгу. Критика только констатировала, что

было бы лучше, если бы старшее поколение было в этой книге изображено правильное. После трех бессонных ночей я решил поступить так, как поступил бы каждый писатель, — переработать свою книгу. Я не торопился, хотя времени было мало, работал над книгой три года и теперь имею новый вариант «Молодой гвардии». В самой книге я изменил мало, но написал десять листов нового текста. Работал над новым материалом с большой радостью, вложил в него всю душу и думаю, что новые главы не испортят книгу.

Развитие литературы немыслимо без критики и самокритики. Критика нужна, как воздух, однако она должна быть направлена к перевоспитанию человека, должна указывать ему перспективу. И у нас, конечно, в работе критики много недостатков и ошибок. Появляются еще случаи сектантства, еще сегодня у отдельных писателей проявляется тот индивидуализм, который мешает им *по-нять* услышанную правду. Но жизнь — хороший и великий воспитатель. В конце концов развитие нашей советской литературы идет путем более или менее нормальным. Она развивается в горячих творческих дискуссиях и спорах, без которых нет и не может быть подлинного развития и движения вперед.

УЧИТЬСЯ У КЛАССИКОВ

У классиков мы, конечно, должны учиться критически. Я говорил уже, что мы должны критиковать друг друга. Значит, можно и надо критиковать и старых авторов, даже и крупнейших писателей, потому что они жили давно, многое у них устарело, многое они сегодня написали бы иначе. Поэтому нужно учиться у них критически, но *учиться обязательно*, потому что, если мы не освоим их мастерства, не может быть и речи о прогрессе и росте нашей литературы. Для того чтобы человек сделал свое собственное открытие, он должен сперва хорошо знать то, что было сделано до него, иначе он считал бы себя изобретателем велосипеда, который уже давно изобретен. Для того чтобы человек стал новатором, он должен знать искусство, мастерство и технику, бывшие до него. Главная сила новатора в том, что он опирается на

старый опыт. Я говорю здесь в первую очередь о писателях, потому что техник может изобрести какую-нибудь новую простую *деталь*, но писатель должен уметь изобразить целый мир. До тебя были люди, нашедшие много возможностей для изображения мира. Если ты не познакомишься с тем, *как* они это делали, будет очень трудно внести в их великое дело свой собственный вклад.

Изучение классиков необходимо, в первую очередь, связывать с изучением новой жизни, ибо новая жизнь диктует новые формы, новые способы ее выражения. Человек, думающий, что он может изобрести новые формы, сидя у себя в запертой комнате, глубоко ошибается. Только новое содержание рождает новую форму.

Люди сегодня открывают много нового просто потому, что они изображают новую действительность. И на этом пути, конечно, встречаются большие трудности. Возьмем, например, драматургию. Раньше драматургам было легче: все проблемы решались в одной семье или в узкой среде, действующих лиц было мало, пьесы было легче ставить. Сегодня, показывая большое общественное явление, нужно вывести на сцену много героев. И тут нередко наш молодой драматург пишет пьесу, которая так длинна, что ее надо играть три вечера. Или он, учитывая ограничение во времени, пишет пьесу, в которой множество действующих лиц, но охарактеризованных настолько бегло, схематически, что они выглядят не как живые люди, а как манекены: у него нет ни времени, ни места, чтобы разработать их образы, слепить их характеры. Как решали этот вопрос старые драматурги? Очень много героев бывало в пьесах М. Горького. У него есть действующие лица, которые произносят во всей пьесе четыре-пять фраз, но их индивидуальность ярка. Как он этого достигал? Такое лицо в его пьесе говорит с *разными* людьми: одну фразу скажет — одному, другую — другому, и так обнаруживаются *разные* стороны характера. После этих четырех фраз человек уже становится виден во многих жизненных проявлениях. Это техническое средство, используемое и в жизни. И в жизни мы узнаем человека по тому, как он относится к разным людям. Характер его раскрывается на том, *как* он говорит о важных событиях в семье, что он говорит капиталисту, у которого работает, другу-рыболову, себе самому, товарищам. Так че-

тырьмя-пятью фразами он открывает четыре-пять разных сторон своего характера. Однако для этого нужно подлинное мастерство. Горький написал первые пьесы на великие общественные темы. Он выдвинул на сцену всего два — два с половиной десятка новых типов, но они не манекены, они живые люди, они «плоть и кровь». Это талант, это высокое мастерство.

Такому мастерству мы и должны учиться у наших великих предшественников.

1951

МЫ — ПИСАТЕЛИ НОВОГО ТИПА

Дорогие товарищи! Спасибо, большое спасибо вам за честь, которую вы мне оказали. Я счастлив, что проходил и прохожу свой литературный путь вместе с вами, среди вас — моих славных боевых друзей! (*Аплодисменты.*)

Могу вас заверить, что я тоже ваш старый, верный товарищ. Я вас люблю... (*аплодисменты*), и я глубоко благодарен за то, что вы платите мне тем же.

Товарищи! Мы, советские писатели — и старые, и молодые, и те из нас, кто родились при советском строе, и те, кто уже свою сознательную жизнь начали при старом строе, все мы, как писатели, взращенные нашим советским обществом, — дети советского народа, воспитанники нашей партии, великой партии большевиков. И это обстоятельство сделало из нас писателей нового типа.

Да, мы — писатели, которые совершенно добровольно и сознательно отдали свое перо народу и государству и не имеем других интересов, кроме интересов нашего советского народа и государства.

Мы поняли ту великую истину, что наша литература руководствуется тем, что составляет жизненную основу советского строя, — его политикой. Мы знаем, что особенность нашего строя такова, что мы сами являемся творцами этой политики нашего государства, участниками создания этой политики. И для нас это — наше кровное дело.

Мы понимаем, что наша большая политика требует больших певцов. И когда любому из нас исполнится та-

кая дата, как это случилось теперь со мной, вероятно, каждый испытает некоторое чувство тревоги. Каждый думает о том, что он еще не находится на высоте этой политики и что он далеко не полностью удовлетворяет тем требованиям, которые выдвигает наш прекрасный советский народ. Такое чувство тревоги испытываю сейчас и я.

Здесь даже называли меня теоретиком. Это большое заблуждение, товарищи. Я, по существу, — практик. Только в силу потребностей практики и из-за нетерпеливого характера я иногда вынужден заниматься теорией, скорее даже по должности. Но я в области теории делаю часто ошибки, и вы это знаете.

Здесь среди моих произведений назывался незаконченный роман «Последний из удэге». Я лично не удовлетворен этим романом и потому хочу этот роман переработать, в частности, ввести туда образ Сергея Лазо. Но в силу того, что этот роман приобрел исторический характер, а я еще достаточно молод, чтобы работать на современном материале, то, пожалуй, я отложу эту работу к тем годам, когда Александр Михайлович Герасимов будет поздравлять меня с семидесятилетием. (*Смех, аплодисменты.*)

Таким образом, я являюсь автором всего лишь двух законченных произведений и, конечно, как любой из вас, не считаю, что, во-первых, этого достаточно, а во-вторых, не думаю, чтобы я в этих произведениях сказал то главное, чего от нас еще ждут. Поэтому я, как и каждый литератор, считаю это какой-то запевкой. Я еще надеюсь спеть свою большую, настоящую песню. (*Аплодисменты.*)

Сейчас я хочу спеть песню о нашей черной металлургии, о нашем советском рабочем классе, о наших рабочих — младших и старших поколений, о командирах и организаторах нашей промышленности. Я хочу спеть песню о нашей партии как вдохновляющей и организующей силе нашего общества.

Может быть, эта моя претензия покажется нескромной, но почему же не считается нескромной любая заявка рабочего в социалистическом соревновании? Ведь не считается же нескромной выработка пятилетнего плана развития области и даже района. Мне кажется, что в нашей литературе уже давно пришло время для введения своеобразного планового начала в работу писателей. Такое плановое начало в литературе было немыслимым, когда

пролетариат имел дело с чуждой ему действительностью, но теперь, когда мы имеем дело с нашей действительностью, — мы вполне можем выбирать, что нужнее нашему народу, и об этом писать в первую очередь. Поэтому считайте мою заявку как заявку на пятилетку, а я постараюсь ее выполнить в три года.

Товарищи! Вся моя сознательная жизнь прошла в рядах партии. Я действительно только первые шестнадцать лет был беспартийным. Все лучшее, что я сделал, — на все это вдохновила меня наша партия. И я горжусь тем, что состою в нашей великой Коммунистической партии, и считаю это огромной честью для себя.

Я думаю, что за всю историю человечества не существовало более величественного коллектива, чем наша партия, которая вобрала в себя лучшие силы народа и с их помощью ведет народы всех национальностей к справедливой жизни, к коммунизму.

Это величайшее торжество человеческого коллективного разума над стихией общественного развития, и я горжусь тем, что принадлежу к этой великой партии и иду за ней преданно и беззаветно.

Я могу обещать вам, что до конца дней своей жизни я буду верен ее знамени! *(Бурные, продолжительные аплодисменты. Все встают, приветствуя юбиляра.)*

О ДРАМАТУРГИИ

Самое главное в решениях партии по вопросам искусства — это требование, чтобы мы в своей работе руководствовались политикой партии, интересами народа и государства. Известные успехи, достигнутые советской литературой после этих решений партии, объясняются тем, что мы глубоко поняли: сейчас нужен другой тип писателя. Кончилась пора писателей-одиночек, индивидуалистов, тем более сибаритов. Необходимо воспитывать новый тип литератора — с государственным образом мышления, с чертами организатора жизни, с глубоким пониманием политики партии, потому, что эта политика отражает глубочайшие жизненные явления.

Встав на этот путь, писатель добивается победы, если он, конечно, овладеет и мастерством. Это относится и ко всем тем пьесам, которые, при специфических недостатках каждой из них в отдельности, смогли все же отобразить то главное, чем жила наша страна эти последние пять лет. И таких пьес все же немало: «Русский вопрос», «За тех, кто в море!», «В одном городе», «Московский характер», «Далеко от Сталинграда», «Губернатор провинции», «Великая сила», «Макар Дубрава», «Калиновая роща», «Флаг адмирала», «Счастье», «Молодая гвардия», «Я хочу домой», «Снежок», «Вперед, отважные!», «Ханлар», «Утро Востока», «Потопленные камни», «Жизнь в цитадели», «На грани дня и ночи», «Глина и фарфор».

Все они очень разные, у каждой из них — свои недостатки и достоинства, каждая из них получила свою общественную и художественную оценку, но общенародное отношение к этим пьесам сложилось. Это наш фонд, на который можно опираться, это показатель пути, по которому шла наша драматургия, — это наша линия.

Я прозаик целиком и полностью. Я очень люблю прозу, но я бы не сказал, что образы этих пьес ниже образов, созданных нашей современной прозой. Я думаю, что они находятся примерно на том же уровне, а по воздействию на миллионы людей — «громче» многих прозаических произведений, так как получили гораздо более широкое распространение.

Я согласен со многими общими положениями, которые выдвинул Николай Федорович. Но с некоторыми оценками я не согласен. Нельзя определять воздействие пьесы на зрителей тем, как прошел на театре спектакль, сколько было спектаклей. Нужно смотреть глубже. Здесь говорили о «Великой силе», первой пьесе, направленной против низкопоклонства. В ней было много действующих лиц, и это сильно затрудняло ее сценическую постановку. Пьеса требовала большой актерской труппы, так как Ромашов показал в ней целую галерею ученых. Ставя вопрос о низкопоклонстве, автор пьесы пошел по целине: он нащупал эту тему до того, как ее подняли в печати, и, как все новое, она могла быть не всегда правильно и достаточно остро решена. Тем, кто позднее развивал эту тему, было легче. Ведь сколько прошло к тому времени общественных обсуждений, сколько нового дала действительность!

Образ Милягина, созданный в этой пьесе Б. Ромашовым, — это новый образ в нашей драматургии. И хотя автор не сумел достигнуть в этом произведении драматургической цельности, тем не менее эта пьеса подняла жизненно-важную тему и впервые на театре стала воспитывать правильное отношение народа к низкопоклонству.

Есть свои недостатки и в «Калиновой Роще», и в «Макаре Дубраве», и в «Платоне Кречете». Многие говорили, что пьеса «Платон Кречет» незаслуженно получила Сталинскую премию. Здесь указывали на ее недостатки. Но пьеса оказалась жизнеспособной: прошло много времени, и ее возобновили на сцене. Может быть, таким же образом через несколько лет возобновят «Макара Дубра-

ву» и «Калиновую рощу»; поэтому не стоит торопиться с оценками. Все это не снимает, конечно, тех недостатков которые существуют в упомянутых мною пьесах; я хочу лишь сказать, что они представляют тот реальный фонд, на который мы опираемся.

Какой тип драматурга нам нужен? Если бы здесь не было выступления В. Соловьева, то его надо было бы придумать, хотя бы для того, чтобы проиллюстрировать то, чего нам не нужно. Соловьев говорит, что оскорбительно для советского человека писать о нем, как о «должности». А у нас нет человека без «должности»! В чем вы найдете человеческую сущность вне труда, вне деятельности? Проводить политику партии — это значит любить человека в его труде, в его деятельности. Сказать: нам предлагают писать «про должность» — это значит показать страшную нелюбовь к человеку, а без любви вы не найдете никакого конфликта! Вы должны уметь перевоплотиться в директора, полководца, учителя, рабочего, колхозника, летчика и полюбить их.

Здесь говорилось о том, что недостаточное знание жизни — будто бы не главная причина неудач некоторых драматургов. Конечно, это главная причина. Но надо хорошо знать, что брать из этой огромной жизни, которая находится перед нами, и брать с любовью, с полным пониманием. Вот происходит в клубе писателей встреча со строителями Московского университета. Начальник строительства рассказывает, как началась стройка с одной палатки, и как потом возник город строителей; рассказал, как строят этот университет люди, которые сами потом будут в нем учиться. Нас поражают масштабы этого строительства, а он спокойно сказал, что в иной день на строительство приходит по четыреста вагонов материалов. Я на него смотрел и, сознаюсь, влюбился в него. Невольно задумываешься, что же проделала история: начиная от Момоносова — до строительства Московского университета, символа науки при коммунизме, потому что люди, которые будут учиться в этом здании, будут уже жить при коммунизме.

Я влюбился в этих строителей и увидел перед собой будущий роман. Если бы у меня не было сейчас другой темы, которая меня влечет еще сильнее, я бы пошел на это строительство и написал бы о его людях роман. Стоит только влезть в душу этих людей, посмотреть, какие

трудности им приходится преодолевать, чтобы найти нужные конфликты. Эти люди — преобразователи жизни; цвет нашего народа.

В этих условиях кажется смешным, когда человек, для того чтобы показать борьбу отсталого с передовыми силами, подчеркивает это отсталое. «Московский характер», в котором показан отсталый директор, — пьеса хорошая, хотя и имеет свои недостатки. Но когда за «Московским характером» начинают косяком идти пьесы, где директор показан чуть ли не как главный враг коммунистического общества, — тогда это становится не только смешным, но и опасным. Директора — это люди, трудами которых в значительной мере мы живем, труд которых помог нам выиграть Отечественную войну. Это люди больших масштабов, люди нового типа. Представьте себе, какие трудности и конфликты они испытывают ежедневно в своей работе! Разве трудно это понять? Я в это не верю. Надо влюбиться в директора. Надо познать его дело. Тогда здесь откроется колоссальное количество конфликтов, особенно для драматургов, при их стремлении влезть в самую гущу жизни. Нам необходимо преодолеть в себе сибаритское и индивидуалистическое начало, иначе мы будем отставать от жизни, находиться у нее в хвосте. Жизнь непрерывно выдвигает новых талантливых людей, и они неизбежно принесут с собой эту тему. Драматургия — самый трудный вид литературы, а мы еще не овладели законами этого жанра, и воспитательная наша работа ничтожна. Поэтому я считаю, что критика, направленная в адрес Союза писателей, — справедлива. Мы очень слабо работаем, особенно в жанре драматургии. Мы плохо еще воспитываем людей.

В течение десяти лет я работал над романом «Последний из удэге». Вышли два толстых тома, должен был выйти третий. Тридцать два года прошло с того исторического периода, который я описываю в романе. Сегодня я беру роман в руки и с удивлением вижу, что мне не пришло тогда в голову, что я пишу исторический роман, а ведь в нем нет исторических событий, нет исторических деятелей! Была интервенция, была война, героем которой был Сергей Лазо. Тридцать два года спустя читатель получит третий том, и он ничего этого там не увидит, он увидит только домыслы Фадеева, — скажем, даже талантливые, но в них он ничего не поймет. Почему партизан-

ское движение на Дальнем Востоке в книге описано, а Лазо там нет? Картина интервенции не показана широко. Недавно мне предложили переиздать эти два тома. Я отказался. Это должен быть исторический роман, и только с введением в него истории он приобретет ценность. Все, что есть в нем, зазвучит тогда с гораздо большей силой.

Сейчас меня влечет к другой теме — современной. Работу над «Последним из удэге» я осуществляю, когда мне будет, как Федору Васильевичу Гладкову, лет семьдесят пять. Сейчас же я хочу написать роман о рабочем классе. Почему? Да потому, что я люблю наш рабочий класс. Хочу написать о производстве, о директоре, о рабочем, хочу опоэтизировать индустриальный труд, организаторов производства, молодежь, новое поколение. Я уже сейчас представляю себе тональность этого произведения, как в музыке.

Я полюбил рабочий класс еще тогда, когда только начал революционную деятельность, выйдя из сельской демократической интеллигенции. Одежда рабочего, запах литейного цеха, — все это во мне вызывало эмоции восторга. После этого я был на партийной работе и снова много соприкасался с заводом, с шахтой, и до сих пор, как только туда попадаю, они по-прежнему вызывают во мне все те же чувства. Юношеский пыл прошел, а это эмоциональное отношение во мне сохранилось.

Приедешь в Магнитогорск, где на ровном месте был построен металлургический комбинат, и не надо [много] времени, чтобы раскрыть там очень много конфликтов. Нужно только эмоциональное отношение к окружающему, чтобы написать поэтическое произведение.

Это трудно и сложно. Но надо полюбить дело, полюбить людей, заразиться их энтузиазмом. Это процесс двусторонний. Он состоит в том, что надо глубоко войти в жизнь.

Сейчас наша страна идет семимильными шагами к коммунизму. Мы вступили в период грандиозных темпов преобразования жизни. Маркс и Ленин говорили, что бытие реально, оно опережает сознание. Нужно окунуться в эту жизнь, и она вас понесет так, как если бы вы попали в настоящее сильное течение.

Я не поверю, что если бы В. Соловьев познакомился со стройкой университета, чтобы он не полюбил этого дела,

чтобы у него не родилась большая тема. Этого не может быть потому, что строительство университета — это стройка коммунизма, грандиозное событие в жизни нашей страны.

Конфликт — это основа драматургии.

Мне, как прозаику, решить этот конфликт легче, потому что мой жанр дает для этого больше возможностей. Драматургу этого не дано, он может показать конфликт только через действие, поступки, слова героев, которые есть тоже действие. Но конфликт вы не раскроете, пока не раскроете характер. Все надо начинать с постижения характера. Как только вы раскроете характер, вы сразу поймете, почему у героя бессонные ночи, с чем он борется, что за сила ему противостоит. В том и суть, что до тех пор, пока драматург в шкуру этого преобразователя, организатора жизни не влезет, не полюбит его, он никогда не поймет, с какими трудностями ему приходится бороться и какие трудности преодолевать. А вне характера вы не раскроете конфликта. Даже в конфликтах, которые возникают в наших спорах (у нас тоже возникают конфликты), — также проявляются наши характеры. Для того чтобы правильно показать нашу действительность, надо начинать с человека, кем бы он ни был — рядовым, хозяйственником, полководцем. Надо начинать с него, потому что советский человек — это человек-победитель. И только тогда можно решить вопрос об отрицательных героях. Это закон драматургии.

Чем я сильнее — тем больше понимаю человека, который преодолевает трудности, строит коммунизм. Чем больше он — тем свободнее я борюсь со своим противником, которого я побеждаю. Но я не соглашусь тогда свои трудности делать маленькими и легкими потому, что это облегчает мою борьбу. Какая же заслуга в том, если я преодолеваю легкие трудности?

Но если вы этим не овладели, вы не можете правильно изобразить отрицательного героя. Советский человек хорошо чувствует, когда получается эта диспропорция, и она его обижает. Он говорит; этот — скотина, но у него есть лицо, а этот — хороший, а лица у него нет. И он прав. Вы не нашли главного и не сетуйте, когда вам на это указывают.

Кто не поймет того, что необходимо окунуться в гущу жизни, — тот погибнет, устареет, его быстро забудут. Вре-

меня наступило такое, что жизнь за это мгновенно выбросит из тележки. Из пальца ничего теперь не высосешь. А поэтому надо учиться мастерству, технологии, знанию драматургии.

Наши драматурги недооценивают горьковское наследие. Сам Горький из скромности считал себя плохим драматургом. Но это неправда. Он гениальный драматург. Горький в своем творчестве исходит от характера персонажей. При помощи простого приема он характеризует десятистепенного героя пьесы. Прочитайте «Мещане», «Враги», «Варвары», «Егор Булычов». Десятистепенный персонаж произносит в пьесе всего несколько фраз, но он обращает их к разным людям и каждой этой фразой раскрывает одну из сторон своего характера. И этих нескольких фраз достаточно, чтобы определить место этого персонажа в пьесе. Вот вам горьковский прием. Но мы мало над этим задумываемся.

Горький в каждом персонаже видит прежде всего *характер*, но, понимая, что данному персонажу можно уделить немного места в пьесе, он сводит его с другими, с каждым из которых он говорит лишь несколько слов. Зато каждое из этих слов предельно раскрывает характер.

Впервые я обратил внимание на этот метод Горького в его пьесе «Варвары», а потом в «Мещанах». Вот образ Поли. Ей очень мало отпущено автором реплик. Но автор заставляет ее говорить с одним, другим, третьим персонажем, и таким образом она предстает перед зрителем с разных сторон своего характера.

Вопрос мастерства, которому мы должны учиться у Горького, теснейшим образом связан с вопросами познания жизни.

Нам необходимо учиться мастерству, совершенствовать его. Я целиком и полностью согласен с тем, что мы это делали до сих пор плохо, в силу разобщенности Комитета по делам искусств и Союза советских писателей. Надо найти такую форму работы с драматургами, которая давала бы возможность в каком-то авторитетном месте и посоветоваться, и нацелить драматурга на такую-то нужную тему, и подумать над тем, кому она больше будет по душе, и обсудить новое произведение нелицеприятно, исходя из государственных и творческих интересов.

Строгость, нелюбезность, то доброжелательство, которое предполагает эту строгость, — вот чего от нас ждут.

Я согласен с теми, кто говорил, что С. Михалков мог бы лучше написать пьесу «Потерянный дом». Он поднял важную тему, но поторопился и потому не справился с ней. Я смотрел эту пьесу в Ленинградском театре комедии и видел, что она волновала часть зрителей. Значит, в ней есть зерно жизни. Михалков виноват в том, что он поверхностно отнесся к важной теме и недоработал пьесу.

То же самое с «Кандидатом партии» А. Крона. Я не считаю, что в этой пьесе есть какой-то коренной порок. Просто автор не разобрался еще глубоко в жизненном конфликте, который он взял. За последнее время появилось много пьес и кинокартин о том, что в стахановском движении, в социалистическом соревновании появляются вдруг черты индивидуализма, когда человек идет вперед не для того, чтобы подтянуть остальных, а чтобы выделиться самому. С точки зрения языка и характеристики людей, пьеса Крона — сильнее других, но некоторых вещей он не понял. Сама пьеса начинается с того, что на сцене появляется глубоко литературный образ выдуманного фининспектора Ковако. Он сразу настраивает недоброжелательно зрителей к пьесе. Его надо выкинуть. Крон не продумал до конца характера индивидуалиста. То двое стахановцев дружили, вместе работали, а то вдруг один из них начинает сыпать формулами индивидуалиста, рвача. Сделано это немотивированно, и получается неправдоподобно. При дополнительной работе над пьесой она может стать лучше многих.

Комиссии по драматургии надо много поработать и со старшим и с младшим поколением драматургов. Многие «старики» убоялись трудностей, убежали из драматургии: «Черт с ней, лучше в прозу пойду или буду старым капиталом жить». Мы должны поправить этих людей, сказать им: с вашим мастерством, знанием вам нетрудно повернуться лицом к реальной жизни. Для молодежи нужны семинары драматургического мастерства, с молодежью нужно работать, воспитывать ее. Я не вижу других путей для роста нашей драматургии, как неустанное воспитание писателей на конкретных произведениях, — нужно нам заняться этим вместе с Комитетом по делам искусств. Очень важно установить правильные взаимоотношения с театром. Театру надо дать больше прав. Коми-

тет должен быть направляющим, санкционирующим, руководящим органом. А театр должен любить драматурга, работать с ним, заражаться пафосом искусства, пафосом прекрасного. Художник, который не любит жизнь, не любит прекрасного, искусства, мастерства, — это импотент.

Нас заражает сама действительность. Прекрасное доставляет наслаждение, увлекает. И надо трудиться — творить и творить!

Нам нужен драматург, работающий в интересах партии, государства, народа, который берется за работу, много раз взвесив тему, подумав — кому она нужна, какую роль она играет в государственном строительстве. Тему надо глубоко продумать, полюбить. Если мы таких драматургов воспитаем, то наша драматургия пойдет далеко. Степень воздействия драматургии на народ гораздо больше, чем у прозы. Поэтому и провалы здесь больше ощущаются, и кажется, что достижения не так велики, а вот партия, правительство и народ считают, что они есть, — и это играет большую роль.

В драматургии, как и в прозе, необходимо установить такой порядок, при котором все должна решать высокая ответственность людей. Она должна быть всюду, начиная от драматурга и кончая театром, Комитетом по делам искусств, Союзом писателей...

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КУЛЬТУРЫ НАШЕЙ МОЛОДЕЖИ

Стахановцы в нашем советском обществе — это передовые люди. Они должны быть передовиками, застрельщиками и в области культуры. Речь идет не только о культуре на производстве, но и о политическом просвещении, овладении научными знаниями, о культуре в быту, а также о тех «мелочах», которым мы иногда не придаем значения.

Такой рабочей молодежи по своему культурному развитию и моральному облику, какая существует у нас в Советском Союзе, нет и не может быть в капиталистических странах. За последние четыре-пять лет я побывал во многих странах, в том числе в капиталистических странах Западной Европы, побывал также в Соединенных Штатах Америки и мог убедиться в этом.

Почему наша молодежь является более развитой в культурном отношении, почему ее моральный облик выше? Потому, что наш социалистический строй обеспечил советской молодежи широкую возможность для творческого труда, для прогресса в труде, потому, что в нашей стране ликвидированы эксплуатация, безработица, потому что наша советская власть предоставила трудящимся огромные возможности для роста и совершенствования, для новаторства, для проявления своих талантов и способностей, потому что у нас обеспечены все необходимые

материальные условия для развития и подъема культуры. Советская молодежь вместе со всем нашим народом под руководством великой партии Ленина занята мирным созидательным трудом, строит коммунистическое общество.

Совсем иное положение в капиталистических странах. В капиталистических странах Западной Европы и особенно в США молодым рабочим почти нет возможности найти применение своему труду. Капитализм не заинтересован в культурном развитии и просвещении рабочего класса в целом и рабочей молодежи в том числе. Он заинтересован в том, чтобы рабочий имел некоторые технические знания, поскольку это нужно капиталисту для получения прибыли. Полного, всестороннего развития рабочий не получает.

А что касается школ, то я должен сказать, что в послевоенные годы происходит невероятный упадок образования в таких старых капиталистических странах, как Англия, Франция и другие. В Англии, например, с приходом к власти правительства консерваторов во главе с Черчиллем происходит дальнейшее сокращение народного образования. В США образование детей, молодежи никогда не стояло высоко, а сейчас оно пало очень низко.

Среди значительной части молодежи, которая не охвачена влиянием прогрессивных сил, не охвачена влиянием коммунистических партий, имеется только одно стремление — заработать, есть только погоня за деньгами, но в то же время отсутствуют какие-либо воодушевляющие идейные стремления, духовные запросы и интересы.

Конечно, это далеко не характеризует всю рабочую молодежь Западной Европы и Америки. В результате влияния прогрессивных сил, коммунистов и там существует передовая рабочая молодежь, являющаяся зачастую застрельщицей революционной борьбы, активной участницей борьбы за мир. Вы знаете такой замечательный пример, как подвиги Раймонды Дьен во Франции и других молодых борцов за мир во многих странах мира. Но в своей массе, по общему культурному и моральному облику, такой молодежи, какая существует в Советской стране, в капиталистических странах, конечно, нет.

Значит ли это, что мы должны удовлетвориться тем, что нами уже сделано и достигнуто, и не бороться за новые успехи в культурном развитии? Значит ли это,

что мы должны не замечать недостатков в культурном строительстве? Конечно, нет. Наоборот, партия учит нас не успокаиваться на достигнутом, добиваться новых успехов в культуре и просвещении, решительно устранять недостатки.

Наше культурное развитие сопряжено с известными трудностями, с недостатками, и мне хотелось бы о некоторых недостатках сказать.

Мне пришлось за последние годы бывать на занятиях политических кружков и школ, в которых повышает свои знания молодежь. У нас много хороших кружков и школ и немало отличных пропагандистов. Но должен откровенно сказать, что зачастую скучно преподается такая великая наука, как революционная марксистско-ленинская теория...

Благодаря нашей революционной науке мы совершили величайший в мире Октябрьский переворот, построили социалистическое общество в нашей стране, успешно двигаем светлое здание коммунизма. Маркс говорил, что коммунисты штурмуют небо. Марксистско-ленинская теория — это великая и увлекательная наука. А у нас иногда преподают ее так, что молодые люди не всегда понимают ее огромное значение, не всегда отдают себе отчет в том, чем она, эта наука, может помочь в их реальной жизни.

Политическое просвещение — наша первостепенная и важнейшая задача. У нас созданы многие тысячи политических кружков и школ, имеется огромная армия большевистских пропагандистов. Нам необходимо, однако, всесторонне подумать о качестве политического образования, о глубокой его связи с нашей действительностью, с жизнью. Надо гораздо больше способствовать развитию дела политического самообразования среди молодежи потому, что без самообразования, без работы над собой никакого серьезного роста быть не может.

У нас немало еще молодых людей, которые не читают даже газет. Нормально ли такое явление? Нашему советскому обществу нужен человек всесторонне развитый, с широким кругозором, который не может не читать, не может жить без книги, без газеты.

Кроме тех политических знаний, которые молодежь может и должна получить, посещая политические кружки, читая книги Ленина и другую нашу политическую литературу, есть много других знаний, которые должен

осваивать молодой человек. Нужно заботиться о своем развитии в области знания художественной литературы, читать не только современную литературу, но и классиков. Они потому и называются классиками, что отобрали в своих произведениях все лучшее, что дал наш народ и другие народы в области художественной литературы. Именно у классиков прежде всего можно научиться настоящей русской речи, они осветили огромный исторический опыт нашего народа. Это — замечательная сила в деле воспитания и просвещения. Огромную воспитательную роль играет и наша современная литература.

Интерес к театру, музыке, кино должен быть не только с точки зрения развлечения. Все это также важнейшие условия для всестороннего развития нашей молодежи.

У нашей молодежи порой проявляется односторонний интерес к музыке. Этот интерес проявляется к определенному кругу музыкальных явлений, к определенным песням. Нередко на вечерах молодежи, в общежитиях, в красных уголках заводят в буквальном смысле одну и ту же пластинку. А ведь у нас много хорошей музыки, которую создали гениальные люди, великие композиторы. Ее надо понимать, осваивать, надо изучать великое культурное наследство, накопленное человечеством.

Есть еще много так называемых мелочей, которые касаются нашего быта и которые также служат признаком культуры. Существует определенная культура быта, личной жизни. Приходится иногда встречаться с такими фактами, когда у некоторой части молодых людей существует неправильное отношение к девушке, неправильное понимание роли девушки на производстве и в быту, в семье. Бывает так, что молодой муж не оказывает необходимой помощи молодой жене, когда появляется семья и когда на женщину ложится ответственность и за работу на производстве, и за семью. А с другой стороны, бывает и так, что молодой муж старается, чтобы его жена скорее ушла с производства, перестала работать. Ему нравится, что жена у него — хозяйка, что дома все в порядке, что он окружен домашним уютом. Но ведь труд у нас является делом государственным, и надо поэтому, чтобы работал каждый — и муж и жена. Для этого наше государство создает все условия. Нигде в мире нет такой заботы о женщине-матери, как в нашей стране. Молодой человек, молодой муж должен думать о своей подруге,

о ее росте, развитии, ибо без труда человек не может приносить обществу необходимой пользы, не может должным образом развиваться.

Есть и другие вопросы быта, мимо которых мы не вправе проходить, — скажем, опрятность в одежде, привычка к чистоте дома и на производстве. Недаром говорят: чистота — мать порядка. Если человек неряшлив дома, в быту, то какой же может быть у него порядок на производстве? А порядок — это внимание к мелочам, умение не забывать о мелочах при проведении больших дел. Недаром опять-таки говорят, что порядок — это отец организации. Для того чтобы правильно организовать дело, нужно заботиться о мелочах.

Мы все стремимся жить полной жизнью. Мы стремимся к тому, чтобы молодежь наша проявляла все свои духовные и физические силы. Она имеет право на отдых, развлечения, на веселье, но нужно уметь организовать свой досуг, свой отдых, уделять должное внимание и самообразованию, и самовоспитанию, и организации быта. Это все вопросы, которыми молодые стахановцы, как люди передовые, также должны заниматься и показывать в этой области пример.

Мне приходится часто бывать на комсомольских собраниях. Я замечаю, что многие выступающие читают свои речи по бумажке. Наши отцы, а ваши деды, которые совершили Октябрьский переворот и завоевали Советскую власть, зачастую были даже неграмотными. Однако они смело выступали на митингах, собраниях, не боясь допустить ошибку в пустяках, зная, что за ними правда. А сейчас придешь на конференцию читателей «Молодой гвардии» в какую-нибудь школу трудовых резервов и видишь: выходят на трибуну юноши и девушки и читают по написанному. Молодые люди, которые на производстве делают замечательные дела, зачастую, выходя на трибуну, становятся робкими, читают по бумажке. Пора отрешиться от привычки говорить только по бумажке. Культура речи также является элементом общей культуры, и ее нужно всячески прививать нашей молодежи.

Часто, говоря о героях «Молодой гвардии», меня спрашивают: кого вы больше любите? Многим больше всего нравится Сережа Тюленин. Это действительно героический парень, и он тоже мой любимец. Но Олег Кошевой в смысле духовного развития стоит выше, он больше ра-

ботал над собой, и поэтому не случайно был в подполье руководителем группы молодежи. Мне все нравится в нем — и его поведение в быту, и его отношение к матери, к товарищам, а в смысле силы характера, силы воли — он нисколько не уступает Сереже Тюленину. Он может дать правильный совет, направление, написать политическую листовку, духовно влиять на своих товарищей. Не случайно именно его партийное руководство выбрало как руководителя группы молодежи. Конечно, внешне он, возможно, и не выделяется. Скромные люди вообще меньше бросаются в глаза, но это не значит, что они хуже, чем «броские». Именно из таких людей, как Олег Кошевой, Ваня Земпухов, Ульяна Громова, выходят крепкие, стойкие, умные руководители, большие люди. И это именно потому, что они по своему развитию, по своей культуре, по пониманию обстановки и целей борьбы стоят выше других. В учебе, в активной общественной жизни, в труде, в борьбе выковываются настоящие большевики.

Советский молодой человек должен развиваться все-сторонне, развиваться умственно, физически, не терять зря времени. Не надо, конечно, нашей молодежи терять свои молодые качества.

Надо всегда помнить, что освоение знаний, культуры создает еще больше возможностей для роста, развития, выявления творческих сил. Знания украшают жизнь молодого человека.

Меня спрашивают: над чем я сейчас работаю? Я работаю над романом о наших советских металлургах и строителях. Причем работаю в таком направлении, чтобы показать и нашу молодежь, и старшее поколение рабочего класса, показать руководящую роль партии, комсомол, показать нашу техническую интеллигенцию. Большое внимание я думаю уделить не только производству, но и быту, показать все стороны жизни нашего рабочего класса, учитывая специфику металлургического производства.

В то время, когда я писал «Молодую гвардию», шла борьба с иноземными, немецко-фашистскими захватчиками. В своей книге я старался показать моральное величие нашей молодежи, которая отдавала все свои силы на разгром врага. Все внимание было уделено высокому моральному облику нашего советского молодого человека.

В новом романе я также буду главное внимание уделять тому, как наш советский человек борется за осуществление величественных задач коммунистического строительства. Об этом надо сказать, чтобы люди знали, что дает советский, социалистический строй человеку, как способствует его духовному и физическому развитию и расцвету. Разумеется, в романе определенное место будет уделено критике и самокритике, будут показаны недостатки в нашей жизни, в производстве и быту. В романе найдут свое отражение и вопросы культуры, воспитания, развития и роста нашей молодежи.

Заканчивая, я хочу пожелать молодым южноуральцам больших успехов в труде. Хочу напомнить, что только трудом мы, в конечном счете, можем отстоять мир. Мы являемся свидетелями того, с каким героизмом трудящиеся Франции, Италии и других капиталистических стран под руководством коммунистов этих стран отражают бешеные атаки реакционных сил, действующих по указке американских империалистов. Но главный оплот мира во всем мире — это наша страна. Чем сильнее Советский Союз и страны народной демократии, тем меньше опасность нападения на нас...

1952

ЗА ВЫСОКУЮ ИДЕЙНОСТЬ И МАСТЕРСТВО В ЛИТЕРАТУРЕ

Народ любит нашу советскую литературу. Но народ требователен к нам, советским писателям, и бывает недоволен, а иногда и очень недоволен многим из того, что создается нами, советскими писателями. Недоволен он и тем, что многое нами вовсе не создается. В старину была поговорка: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Советский народ опрокинул эту поговорку. Дело делается неслыханными темпами, а «сказка», по-видимому, отстает. Недостатки литературы стали, например, тормозом в развитии ряда областей искусства, жизненно важных в деле воспитания народа: мало кинокартин, потому что мало хороших киносценариев; мало спектаклей на современные темы, потому что мало хороших пьес; нет советских опер и балетов, потому что нет хороших либретто.

Лучше обстоит сейчас дело с художественной прозой. Показательно, что наши писатели смело берутся за темы из международной жизни... Появляются книги о жизни наших рабочих, инженеров, о советской индустрии, а, как известно, этой теме в литературе долгое время не везло. Назову некоторые из этих книг, появившихся за последние года полтора-два: «Донбасс» Горбатова, «Путь открыт» Лаптева, «Журбины» Кочетова и другие. Авторы отличает знание тех областей жизни, о которых они пишут. Это полезные книги.

Но какие главные недостатки большинства из этих романов? Они перенасыщены техникой, технической терминологией. Кроме того, технические вопросы в ряде мест заслоняют живые характеры людей. Не повезло в литературе нашим хозяйственным руководителям. (*Смех в зале.*) За отдельными исключениями, партийные руководители наши тоже говорят прописные истины, вся жизненность их характеров пропадает. Романы перенаселены большим количеством персонажей. О любви пишут в наших романах в большинстве случаев неважно. Можно подумать, что сами авторы никогда в жизни не любили. (*Смех в зале.*) Нет зачастую строгого выражения тех действительных трудностей, которые приходится преодолевать советским людям.

Но главный недостаток наших романов в том, что они лишены настоящих, больших крыльев, способных поднять человека так, чтобы у него дух замер и, как Гоголь сказал, «стало видно на все стороны света».

Я бы сказал, что нам, писателям, необходима сейчас необыкновенная широта кругозора, которая хотя бы отчасти отражала нашу государственную мысль по преобразованию нашей страны в страну коммунизма.

Министерство кинематографии, а отчасти и Комитет по делам искусств являются хозяевами экрана и сцены. Однако руководители этих ведомств не понимают своих функций в смысле идейно-художественного воспитания сценаристов и драматургов. Они подходят к делу бюрократически, ведомственно.

Когда Чехов и Горький работали вместе в тесном содружестве со Станиславским и Немировичем-Данченко, не было ни Союза писателей, ни Комитета по делам искусств, однако дело шло неплохо. (*Смех в зале, аплодисменты.*) В создании пьес и сценариев должно быть больше простоты, больше сотрудничества театра с писателями, кинорежиссеров со сценаристами. Вышеперечисленные организации должны быть их помощниками и руководителями. Тогда дело пойдет.

Однако это не снижает большой вины Союза писателей в слабостях драматургии и кинодраматургии. Так же как и вся пресса наша, Союз писателей прозевал и не дал вовремя отпор «теории бесконфликтности». Теория эта вредна тем, что отрицает возможность правдивого отображения противоречий нашего развития. Она мешает

разоблачению врагов нашего дела внутри страны — воров и карьеристов, подхалимов, бюрократов, обманщиков государства, индивидуалистов и стяжателей всех мастей, мешает борьбе с пережитками капитализма в сознании людей.

Правда, нашлись литераторы, которые в связи с разоблачением этой теории поняли дело так, что можно вытащить на свет свои прежние ошибочные вещи, где советский человек изображается в неверном свете.

Большую ошибку допустил, например, редактор журнала «Октябрь», писатель Ф. Пацферов, опубликовав свою старую, чуть подновленную пьесу «Когда мы красивые», пьесу антихудожественную, извращающую жизнь советских людей.

Самое характерное в этом деле было то, что никто из его товарищей по редколлегии не удержал его от напечатания этой пьесы. Одни похвалили ее в силу приятельских отношений, другие — из нежелания ссориться. Несколько человек выступили с возражениями, но автор, он же редактор, не послушал этого.

Советским писателям даны такие просторы творчества, каких нет ни у кого в мире. Критикуя недостатки нашей литературы, мы не забываем о ее ведущей роли в художественном развитии человечества. О советской литературе справедливо говорят, что она является провозвестницей коммунистической морали. Мы работаем под руководством нашей великой партии, возглавляющей строительство коммунизма в нашей стране, указывающей путь всем народам земли. ●

Благородное знамя Коммунистической партии осеняет труд советских литераторов, как и всего советского народа. Мы, писатели, всегда будем верны этому знамени и будем трудиться не покладая рук над осуществлением великих задач нашей партии. (*Аплодисменты.*)

ЗА ВЕЛИКУЮ ЛИТЕРАТУРУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА!

Товарищи! В великом и благородном деле воспитания и перевоспитания людей в духе коммунизма помощницей партии может быть, должна быть и будет советская художественная литература.

Насколько она сегодня готова к выполнению вставших перед ней новых великих задач? Успехи ее общеизвестны. Они особенно сказались в послевоенные годы и обусловлены общим подъемом нашего социалистического хозяйства, ростом материального благосостояния и значительным повышением культурного уровня советского народа. Но и при этих благоприятных условиях советская литература не достигла бы известных успехов, если бы наша партия в исторических документах по идеологическим вопросам, первым из которых было постановление Центрального Комитета партии о журналах «Звезда» и «Ленинград», не указала советской литературе верный путь развития. После этих постановлений повысилось руководящее влияние всех партийных организаций на развитие советской литературы и искусства.

Центральный Комитет партии справедливо требует от нас, советских литераторов, чтобы мы больше учились в идейном и художественном смысле, щедро поощряет наши успехи, терпеливо указывает нам на наши ошибки, делает все, чтобы вооружить нас политически, помочь организационно.

Великое значение руководящих указаний партии в области литературы и искусства сказалось, в частности, в том, что они помогли нанести сокрушительный удар по проявлениям космополитизма и низкопоклонства перед современной буржуазной лжекультурой, имевшим место среди известной части нашей художественной — и не только художественной — интеллигенции, по всем и всяким проявлениям буржуазного национализма, по формалистическим влияниям, по бездумному, безыдейному ползанию по поверхности жизни, по ее задворкам.

Партия вдохновила литературу самыми передовыми идеями века — великими идеями коммунизма, поставила в центр внимания советского человека, строящего новое общество. Партия сплотила в одну семью многонациональный отряд нашей советской литературы, где каждая национальность вносит краску своей национальной формы, связала великие цели нашего искусства с самыми передовыми, самыми высокими традициями в национальной литературе, прежде всего в литературе русского народа, во всем многовековом художественном развитии человечества и указала путь безграничного совершенствования и новаторства на путях социалистического реализма. Этим вдохновляющим указанием партии обязана советская литература всем лучшим, что создано ею.

Всемирно-историческое значение нашего литературного дела подтверждают успехи развития художественной литературы стран народной демократии, великого народного Китая. Для литератур этих стран наш опыт служит примером и часто образцом. Опираясь на самое лучшее, высокое в своих национальных традициях, эти литературы все смелее преодолевают разнохарактерные буржуазные влияния, сбрасывают формалистические побрякушки, которыми современное буржуазное искусство прикрывает свою античеловеческую сущность. Эти литературы уверенно выходят на дорогу реализма, на дорогу литературы революционно-демократической и социалистической.

Опыт нашей литературы служит также примером и часто образцом для прогрессивных писателей в странах капитализма — в Западной Европе и на американском континенте. Теперь именно они — эти прогрессивные писатели — выражают национальные интересы своих народов, разоблачают поджигателей войны и угнетателей трудящихся, воспевают лучших сынов своих народов. Этот

благородный труд наши друзья в Западной Европе и в Америке ведут, несмотря на злобный вой литературных холопов империализма, несмотря на непонимание, колебания, сомнения той части интеллигенции, которая еще не может преодолеть привитых ей взглядов и привычек. Реакционные буржуазные правительства попирают прогрессивную национальную литературу своих стран, стараются не допустить передовую литературу до народа, но зато услужливо дают дорогу американскому «чтиву».

Мы хотим сказать всем нашим друзьям и братьям на Западе и в Америке, что наш великий советский народ высоко ценит их идейно-художественные достижения. В нашей стране мы охотно и любовно переводим произведения писателей стран народной демократии и народного Китая, прогрессивных писателей стран капитализма и будем переводить их все шире и больше. Мы гордимся тем, что русский язык стал языком, на котором все честные писатели мира могут получить теперь всемирную трибуну и справедливую оценку их труда. (*Аплодисменты.*)

В свете этого всемирно-исторического значения нашего литературного дела еще более выпуклыми и недопустимыми становятся недостатки нашей художественной литературы. Как привелось уже мне сказать на Московской областной партийной конференции, теперь неприменимой оказалась старинная русская поговорка: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Дело делается в нашей стране неслыханными темпами, а «сказка» по вине писателей отстает. (*Смех.*)

Особенно сказывается это отставание в таких областях искусства, как кино, театр, опера. Недостаток хороших сценариев, пьес и либретто в значительной мере тормозит развитие этих областей искусства. Драматургия, произведения для театра и кино, — один из наиболее трудных видов литературы. И не случайно именно в этих областях с наибольшей силой сказались некоторые общие слабости советской литературы. В показе борьбы нового, передового со старым, отживающим советская литература далеко не всегда глубоко, бесстрашно и правдиво вскрывает противоречия, трудности, недостатки нашего победоносного движения вперед. Но без показа борьбы противоречий, без конфликтов не может быть ни драмы, ни комедии...

Слабость в изображении типических характеров является едва ли не главной слабостью советской литературы. Это особенно губительно сказывается на драматургии, ибо жизненные противоречия должны быть выражены в драме и комедии как борьба характеров. Писатель, не умеющий во всю силу показать наших людей, опасается во всю силу показать и людей враждебных или отстающих. Этим, в частности, объясняются и слабости нашей сатиры. Дать в литературе полнокровные характеры, типы людей, передовых и отсталых, — эта огромного значения политическая задача одновременно является и самой высокой художественной задачей. Решить ее — дело чести советских писателей.

Серьезные недостатки, о которых говорилось выше, помноженные зачастую на небрежную работу, наплевательское отношение к учебе и художественному мастерству части советских литераторов, объясняются низким уровнем работы по идейно-художественному воспитанию писателей и прежде всего в самом Союзе писателей.

За последние годы с помощью партии и советской общественности повернулись лицом к жизни, к современности десятки и сотни писателей молодого и старшего поколений. Но нельзя сказать, что нам удалось уже повернуть к изучению современной жизни весь многонациональный отряд советских писателей и критиков. Многие писатели изучают жизнь недостаточно глубоко или не вполне понимают то, что видят. Мало среди нас людей, которые действительно глубоко, систематически и серьезно занимались бы марксистско-ленинской учебой, чтобы верно отображать жизнь, с подлинным пониманием законов ее развития. Мало литераторов со всесторонними знаниями, а мы вправе потребовать этого от писателей Советской страны. Слабо вооружены теоретическими и общими знаниями и руководящие кадры Союза писателей и в Москве и на местах.

Что греха таить, пережитки групповщины, семейственности и приятельские отношения в среде литераторов и деятелей искусств до сих пор оказывают большое влияние на оценку явлений литературы и искусства. Вместе с тем советские писатели и деятели искусства в массе своей накопили большой идейный и художественный опыт. К их голосу, к их оценке явлений искусства необходимо внимательнее прислушиваться. Критика

произведений литературы и искусства и деятельности всех наших организаций снизу самими деятелями искусства и литературы является очень важной, очень существенной стороной той критики, которой подвергают нас партия и народ. Поднять критику снизу, в организациях писателей и деятелей искусства, — дело чести руководителей творческих организаций.

Большой ошибкой было бы считать, что один Союз писателей может справиться с задачей идейно-художественного воспитания писателей. Эта задача требует от всех партийных организаций, от всей нашей советской печати, от всех органов, ведающих различными областями искусств, во-первых, повышения требовательности к литературе и искусству и последовательности в этих требованиях и, во-вторых, помощи организациям писателей в их работе по идейно-художественному воспитанию литераторов.

Нет ничего удивительного, что Министерство кинематографии, отчасти Комитет по делам искусств и Союз писателей критикуют друг друга. Они связаны теперь одной веревочкой в общем деле, которое неважно идет пока что. (*Смех.*) А между тем все эти организации виноваты в том, что руководят творческим делом сверху, бюрократически и работают порознь.

Они не видят своих совместных обязанностей по идейному, художественному воспитанию сценаристов и драматургов, не поощряют идущую снизу, от самих писателей и деятелей искусств, инициативу творческого сотрудничества театров, киностудий с писателями. А ведь живое искусство только и может развиваться этим творческим путем, если умело руководить этим процессом.

Среди партийных руководителей на местах имеются такие, которые вспоминают о литературе и искусстве только в связи с партийными конференциями, на которых волей-неволей приходится одни явления похвалить, а другие поругать.

Нельзя забывать также о том, что воспитание талантливых людей начинается еще в школе. Необходимо, чтобы в связи с изучением литературы в школе воспитывались у всей молодежи эстетические вкусы и художественные знания. А для этого необходимо многое исправить в методах преподавания литературы в школе и, прежде всего, в наших педагогических вузах. У нас много прекрасных

учителей, любящих литературу и умеющих преподавать ее. Нельзя, однако, чтобы литература, как это часто бывает, рассматривалась в наших школах и педагогических вузах только как иллюстрация к истории или к тем или иным социологическим положениям, без всякого намека на то, что литература — прекрасна. У нас немало писателей, молодых и талантливых, в художественных слабостях которых виновата еще школа.

Таким образом, задача идейно-художественного воспитания писателей есть задача общепартийная, общенародная.

Товарищи! Критика работы писателей и их организаций, которая теперь все чаще звучит в наш адрес, отражает требования народа к нашей литературе. Прямую, правдивую, вдохновенную критику, которая прозвучала с этой трибуны, мы воспринимаем как новое выражение помощи партии делу развития литературы, как программу нашей работы и приложим все силы к тому, чтобы улучшить положение дел.

Мы, советские писатели, счастливы и горды тем, что нами руководит такая партия, как наша великая Коммунистическая партия Советского Союза. Мы благодарны за помощь и науку и заверяем, что все силы души нашей отдадим делу создания литературы нового, коммунистического мира, литературы, которая была бы светочем для наших свободных народов и для всех народов земли.
(Продолжительные аплодисменты.)

<ЕЩЕ О ДРАМАТУРГИИ>

Когда мы разбираем вопросы творчества, мы говорим, что знание действительности — основа всего. Это, конечно, верно, но вместе с тем писатель может годы провести на производстве, досконально все изучить и — скучно об этом написать, ничего не вскрыть, ничему не научить. Так происходит, если автор не вкладывает в свое произведение всего себя. Если человек выезжает на место, собираясь заняться изучением какой-нибудь стороны жизни, он должен не «вообще смотреть», а искать нечто определенное, пужное ему и дорогое. Не вкладывая в работу все свои мысли, радости, страсти, писатель ничего не добьется ни в каком жанре. А в таком жанре, как сатира, отношение автора к теме и к персонажам — исключительно важно.

В чем пафос педринской сатиры? Это прежде всего пафос сатирического гуманизма. Сознание того, что людям причиняется зло, что люди страдают из-за причины, которая должна быть устранена, — вызывает у писателя чувство гнева и тот особый, разящий, убивающий смех, который и отличает сатиру.

Если говорить о жанре сатирической комедии в том смысле, в каком говорилось о сатире на XIX съезде партии, то в этом жанре должны создаваться произведения высокого масштаба, гневные, вызванные к жизни страстным гуманистическим протестом против явлений, которые причиняют людям страдания.

Обличая людей типа Помпеева, Лопухова, драматург обязан помнить, что эти люди в тех случаях, когда им удалось обманом пробраться к власти, стремятся на подведомственном им участке заполучить возможность грубо своевольничать, зажимать, даже запугивать. Такие люди действуют и тихой сапой, не брезгают никакими приемами. Они могут быть страшны, если останутся нераскрытыми. И пьеса должна показывать эту опасность.

А что же получается в пьесе Н. Вирты? Почти сразу после появления Помпеева в действие вступает секретарь обкома партии и — тоже сразу — начинает понимать, что представляет собою Помпеев. Таким образом, никакого ощущения реальной опасности для зрителей не существует: они с первого момента твердо знают, что Помпеев будет побежден.

Тот же Н. Вирта, строя вместе с А. Файко либретто оперы «В бурю», написанное по мотивам его же романа «Одиночество», сумел добиться того, что зритель не может заранее предугадать, как будут развиваться судьбы героев. А в комедии «Гибель Помпеева» все решено с того момента, как секретарь обкома разгадал суть отрицательного героя, — тут уж нечего больше искать и решать.

В сатирической комедии должен быть не только показан противник: нужно показать, что его породило, на какие силы он опирается, кто из-за него страдает, кто против него борется. На сцене должно быть так, как порою бывает в жизни, когда возможный исход ясен далеко не сразу и когда порою является опасение: а вдруг негодяй обманет и улизнет?

В оперном либретто кулака и бандита Сторожева убивают, а ведь в романе «Одиночество» Сторожев спасается. Разве не может сюжет сатирической комедии строиться и так, что зло разоблачено, но не наказано, — что негодяй нашел ход, скрылся и завтра опять примется за свое? Ведь в жизни встречаются авантюристы, карьеристы, фальшивые люди, которым удастся долго обманывать общественность.

Здесь был поднят вопрос о присутствии положительного героя в комедии, о методах разоблачения или саморазоблачения негодяя. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо верное понимание жанра и стиля. Скажем, «Гибель Помпеева» — реалистическая комедия, а образ

Помпеева в ней, по жанровым признакам, эклектичен. «Выстрел» А. Безыменского — вещь гротескная. И когда докладчик говорил про образы положительных героев в этой вещи, то он требовал от автора невозможного: как же можно в гротескном стиле показать положительных персонажей? Ведь если их показать так остро, как этого требует жанр вещи и как, в соответствии с этим жанром, показаны другие персонажи, то положительные герои неизбежно превратятся в свою противоположность.

Если пьеса пишется как гротеск, то драматургу только и остается вести своих отрицательных героев к саморазоблачению, как это происходит в «Ревизоре». Другого пути нет — жанр не позволяет.

Есть немало примеров обратного нарушения законов жанра, и всегда зритель, воспитанный на стилевом единстве, испытывает неприятное ощущение, когда, например, в реалистическом кинофильме появляется условно гротескная фигура, будто силком пересаженная из совершенно чужеродного организма.

Сатирическое изображение может быть сделано не только при помощи заострения одной черты или двух черт, — способов преувеличения в литературе много. Это уже вопрос разнообразия формы, как именно лучше решить задачу, поставленную писателем перед самим собою. Избранный же способ требует единства. Если автор сатирического произведения решает свою задачу в реалистическом плане, когда сатира показывает людей много-сторонне, то положительные персонажи для него обязательны. Если же он выбрал форму гротеска, то ввести положительный персонаж очень трудно.

И еще одно замечание: А. Софронов говорил в своем выступлении относительно того, что, мол, в каждой пьесе непременно должны быть развивающиеся характеры. Однако в сатире, где разоблачается зло, которое развилось уже до своего апогея и которому предстоит только пасть, — возможности для развития характеров не так велики. Конечно, и здесь все зависит от того, какой тип произведения избран драматургом. Если он захочет, он может показать, как его отрицательный персонаж «дошел до жизни такой», а если не захочет, то может все острие сатиры обратить на разоблачение, как это сделано в «Ревизоре», где развиваться уже нечему, — все дано на пределе развития.

Будем предъявлять к каждому произведению те требования, какие к нему могут быть предъявлены. Причем не нужно преувеличивать значение произведений, лучше выбирать определения поскромнее и вместе с тем не позволять, чтобы драматургам ломали ноги за комедии, в которых — сатиричны они или не сатиричны — все-таки высмеиваются и изобличаются действительные пороки. Нельзя допускать, чтобы отдельные упреки критики писателю служили основанием для того, чтобы сразу же зачислять писателя в разряд халтурщиков, как это сделал «Брянский рабочий» с С. Михалковым. Или еще пример: подверглась справедливой критике повесть Э. Казакевича «Сердце друга», и вот в «Вечерней Москве» появилась рецензия С. Иванова, где к этой повести уже подверстана и повесть «Звезда». В «Звезде» есть свои недостатки, которые можно критиковать, но эта вещь заслуженно вошла в фонд хороших произведений о Великой Отечественной войне. А тут — бац! — и нате: все зло, мол, началось еще со «Звезды».

С подобными вредными для развития литературы перегибами в критике нужно решительно бороться.

О РАБОТЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ

НАС ВОСПИТЫВАЕТ ПАРТИЯ

XIV пленум Правления Союза советских писателей СССР собрался в дни, когда советское общество переходит на новую, еще более высокую ступень в строительстве социалистического хозяйства и культуры.

Важнейшие политические мероприятия Центрального Комитета партии и советского правительства, нашедшие свое выражение в работе сентябрьского Пленума Центрального Комитета партии, в выступлениях руководящих деятелей партии и правительства, встретили единодушное одобрение со стороны советского народа.

С каждым днем все более ощутимыми для народа становятся все те гигантского значения мероприятия, которые Центральный Комитет и советское правительство предпринимают для дальнейшего повышения материального и культурного уровня народной жизни.

С глубоким удовлетворением и подъемом встретил советский народ решения Центрального Комитета партии и Совета Министров СССР о всестороннем развитии нашего сельского хозяйства. Эти решения, являющиеся результатом глубокого и конкретного изучения всех сторон жизни наших колхозов и опирающиеся на подлинно научное знание законов развития социалистического общества, показывают не только работникам социалистического хозяйства, а и всем нам, деятелям социалисти-

ческой культуры, какие неисчерпаемые резервы и возможности заложены в недрах нашего советского общества. Эти замечательные решения показывают, какие перспективы подъема не только нашего хозяйства, а и культуры — и притом в относительно короткие сроки — открываются перед всеми нами, когда мы с пониманием наших возросших сил и с доверием к этим силам и в то же время с правдивым критическим отношением к нашим недостаткам проверяем всю нашу работу.

Мы, писатели, как и вся советская интеллигенция, принимаем эти решения Центрального Комитета партии и советского правительства как одну из важнейших сторон величественной программы дальнейшего экономического и культурного преобразования нашей родины и призываем всех наших писателей ответить на эти решения своим художественным словом. Мы обещаем в свете этих решений критически проверить свою деятельность и раскрыть все возможности расцвета советского искусства и литературы.

Мы приветствуем мирную политику нашего правительства, являющуюся главнейшим фактором современной международной жизни и высоко поднявшую авторитет нашего государства. Как и вся советская интеллигенция, мы гордимся тем, что нам, выразителям идей социалистического гуманизма, выпало на долю, вместе со всеми прогрессивными силами мира, идти в первых рядах великого международного движения в защиту мира.

Мы, писатели всего многонационального Советского Союза, гордимся тем, что силой, сплотившей нас под великим и непобедимым знаменем Маркса — Энгельса — Ленина, одухотворяющей наше творчество, является наша славная Коммунистическая партия Советского Союза, и заверяем Центральный Комитет партии и советское правительство в том, что весь свой труд писателей, источником которого является народная жизнь, мы отдадим делу коммунистического воспитания народа и приумножению его духовных богатств.

Собравшись в эти дни на XIV пленум Правления Союза писателей, мы можем полностью оценить всю громадную работу по политическому и идейно-художественному воспитанию писателей, которую наша партия проделала за послевоенные годы.

Эта многосторонняя воспитательная работа нашей партии была направлена, главным образом, на то, чтобы мы, советские писатели, учились видеть новую, социалистическую жизнь в ее развитии, чтобы мы вникали в жизнь народа так глубоко и так любовно, как это может и должно быть свойственно художникам нового мира, чтобы мы учились упорно и неустанно в идейном и художественном отношении, учились на великих образцах русской и мировой классической литературы и литературы народов СССР, учились и на лучших образцах того, что было создано советской литературой за тридцать шесть лет ее развития, повышали уровень нашего художественного мастерства.

Партия поставила в центре внимания литературы советского человека, строящего социалистическое общество. Она учила и учит нас понимать и правдиво изображать руководящую и направляющую роль партии как передовой силы общества во всех областях жизни и борьбы советского народа. Партия учила и учит нас распознавать идейных противников на пути развития советской литературы, все те враждебные силы вне нашей страны, которые еще могут находить более или менее замаскированную поддержку среди отщепенцев советского общества, используют пережитки капитализма в сознании советских людей и пытаются увести нашу литературу в сторону от ее великих всемирно-исторических задач.

Партия воспитала и воспитывает художественную интеллигенцию в духе советского патриотизма и интернационализма. Под руководством партии мы провели и проводим борьбу со всеми и всякими проявлениями буржуазного национализма, космополитизма и низкопоклонства перед современной буржуазной лжекультурой, с чуждыми духу советской литературы формалистическими влияниями.

Иногда мы сами недооцениваем, как эта многогранная работа по идейно-художественному воспитанию писателей обогатила наше мировоззрение, сколь многие предрассудки, пережитки буржуазных взглядов были поняты и отброшены нами, насколько яснее стали перспективы нашего литературного развития. Именно этой работе партии по идейно-художественному воспитанию писателей в большой мере обязана советская литература всем лучшим, что создано ею. Мы должны всегда помнить это, чтобы не повторять старых ошибок в новом виде.

Вся эта работа по политическому и идейно-художественному воспитанию творческой интеллигенции привела к тому, что мы имеем сейчас широкий круг писателей, пишущих на всех языках народов СССР, создающих высокие идейно-художественные ценности, способных на решение больших идейно-художественных задач.

О ХАРАКТЕРЕ СОВЕТСКОЙ КРИТИКИ

К XIV пленуму Правления Союза писателей мы подошли с немалыми достижениями во всех областях нашего литературного труда. Я не буду называть хорошие романы и пьесы, повести и рассказы, поэмы и стихотворения, созданные за последние годы писателями народов СССР. Эти произведения всем известны, о них писалось и говорилось немало.

За последние годы работа нашей организации — Союза писателей — неоднократно подвергалась общественной критике. Мы должны сделать все необходимые выводы из этой критики. Нельзя пройти мимо того обстоятельства, что серьезные недостатки в работе Союза писателей могут служить и служат известным тормозом в развитии самой литературы.

Какой самый главный, самый крупный недостаток в работе Союза писателей как творческой организации, недостаток, от которого, как говорят, «все качества»?

Многие наши лучшие писатели, наш широкий, многонациональный творческий актив, призванные по праву занимать руководящее положение в Союзе писателей, принимают еще далеко не достаточное участие в направлении и руководстве всей общественной и идейно-художественной жизнью Союза писателей.

Всем известно, что советскую художественную литературу создают в тесном творческом содружестве писатели — партийные и беспартийные. Партия руководит развитием литературы, опираясь в своей работе по идейно-художественному воспитанию писателей на выборные органы Союза писателей и на широкий творческий актив писателей. В наши дни нашел свое высшее выражение ленинский принцип партийности литературы, когда вся советская художественная литература, создаваемая как писателями партийными, так и беспартийными, стала частью нашего общего коммунистического дела.

Успешность работы всякой творческой организации определяется в значительной мере тем, насколько ей удалось вовлечь в свою руководящую деятельность — весь творческий актив писателей.

В состав правления Союза писателей СССР входят в настоящее время девяносто виднейших писателей — русских, украинских, белорусских, грузинских, узбекских, латышских и писателей других национальностей. А весь творческий актив Союза писателей СССР еще намного шире. С таким творческим активом можно было бы своротить горы. И, однако, в руководящих органах Союза писателей в Москве, в союзных и автономных республиках, в Ленинграде фактически работает более или менее узкий круг писателей.

Напомню о той дискуссии, которая на прошлом, XIII пленуме Союза писателей проходила по докладу о задачах литературной критики. В этом пленуме участвовали большинство членов Правления Союза писателей и широкий творческий актив. Нельзя не отметить, что в дискуссии, развернувшейся по докладу, среди сорока семи участников ее насчитывалось всего лишь семь членов Правления Союза писателей, в большинстве членов секретариата.

Одной из наиболее значительных и принесших большой положительный результат дискуссий, проходивших в последнее время, была дискуссия о книгах, посвященных творчеству В. Маяковского. В дискуссии этой участвовало пятьдесят шесть человек, из них членов правления — всего шесть человек, тоже в большинстве членов секретариата.

Но, может быть, если так обстоит дело с членами правления, мы можем похвалиться более широким участием творческого актива в обсуждении произведений, например, в секциях прозы, поэзии, драматургии? Нет. Там дело тоже обстоит неважно. Можно было бы проиллюстрировать это примерами работы московских секций, где в обсуждении произведений участвует узкий круг писателей, и часто одни и те же лица.

Если наши республиканские союзы проверят, как обстоит дело у них, они должны будут согласиться с тем, что положение у них в этом отношении не лучше.

Но может ли это говорить о недостаточной активности наших писателей?

Нет, наш XIV пленум показывает, как велика может быть активность писателей в решении важнейших вопросов литературы, какие замечательные силы выросли в наших республиках. Мы можем привести примеры исключительно плодотворной работы писателей и в различных органах Союза, и в редколлегиях журналов. Всем известно, какую большую работу наш творческий актив писателей провел на двух всесоюзных совещаниях молодых писателей, а также на всесоюзном совещании по детской литературе. Многие писатели несут большую общественную работу как деятели движения сторонников мира, как депутаты Верховного Совета СССР и Верховных Советов республик. Многие и многие писатели связаны с нашими заводами, стройками, колхозами, школами, научными учреждениями, активно сотрудничают в советской печати, в частности пишут статьи и рецензии, играющие большую роль в направлении всей нашей литературной жизни.

Таким образом, нет никаких оснований жаловаться на недостаточную активность писателей. Речь идет, следовательно, о крупном недостатке в работе Союза писателей как творческой организации, не сумевшей вовлечь широкие круги писателей во всю свою общественную жизнь и, в особенности, в руководящую деятельность органов Союза.

Чем можно объяснить этот крупный недостаток в работе Союза писателей? Его можно объяснить, в основном, тремя причинами.

Первая причина заключается в том, что в работе по идейно-художественному воспитанию писателей в ряде случаев, когда произведения тех или иных писателей бывали подвергнуты общественной критике, руководящие органы Союза писателей видели свое назначение только в том, чтобы более или менее круто осудить ошибки данного писателя, и не видели своего назначения в том, чтобы после осуждения ошибки — работать с данным писателем и радоваться его успехам, если он свои ошибки исправил. Нечего говорить о том, что такое отношение к писателю несправедливо и обижает его.

Вспомним, например, критику романа В. Катаева «За власть Советов», в котором неправильно была показана роль партийной организации в условиях немецко-фашистской оккупации, не была показана работа партийных

организаций в массах, а образы коммунистов-подпольщиков были нарисованы неверно.

Как известно, эти ошибки в романе В. Катаева находились в центре дискуссии на XIII пленуме правления Союза писателей. Автор переработал роман в нужном направлении, со свойственным ему мастерством. Однако Союз писателей как организация всенародно не высказал своего отношения к новому варианту романа и тем самым как бы уклонился от общественного признания творческого успеха В. Катаева.

В свое время президиум Союза писателей подверг критике некоторые ошибки идейного характера, содержащиеся в повести Э. Казакевича «Сердце друга». Как ни существенны ошибки повести Казакевича, они являются все же отдельными ошибками и не могут зачеркнуть достоинств повести в целом. Однако ни одно издательство пока что не взялось поработать с автором и издать его повесть.

Приведенные выше примеры, число которых можно было бы умножить, говорят о том, что в нашей литературной среде далеко не всегда существует правильное понимание цели и назначения советской критики.

Советская критика по самой своей научной жизненной основе — должна быть критикой правдивой, объективной. Нельзя, например, ставить в один ряд критику художественных недостатков того или иного произведения с критикой идейных недостатков другого произведения, критику более или менее случайных ошибок — с критикой ошибок серьезных и делать из всякой критики одни и те же выводы. Нельзя смешивать критику наших советских писателей, которая носит характер воспитательный и ставит своей целью исправление недостатков и ошибок, с критикой враждебных элементов в литературе, сознательных носителей чуждой и враждебной советскому обществу идеологии.

Критику первой книги романа Гроссмана «За правое дело», которая, как это сейчас видно, была чрезмерно резкой, но частью и справедливой, тоже надо рассматривать как критику, ставящую своей целью исправление серьезных идейных ошибок советского писателя, как критику воспитательную.

И Союз писателей должен помочь Гроссману в его дальнейшей работе над романом, с тем чтобы Гроссман

сделал правильные выводы из критики и добился успеха.

В процессе борьбы с проявлениями буржуазного национализма и космополитизма нам приходилось критиковать отдельные произведения таких известных писателей, как В. Сосюра, Л. Первомайский на Украине или М. Ауэзов, С. Муканов в Казахстане. Эта критика имела огромное положительное значение для развития всей литературы. Названные выше писатели, подвергшиеся критике, делают из нее необходимые выводы. Творчество их освобождается от прежних ошибок и развивается в правильном направлении. Это тем более следует сказать, что творческий путь этих писателей в основном и главным характеризуется не теми ошибками, которые они совершили, а теми художественными ценностями, которые они внесли в развитие советской литературы.

Критика и самокритика являются и должны являться главным средством идейно-художественного воспитания советских писателей. Но критика ошибок или недостатков — это только первый необходимый акт, за которым должна следовать товарищеская и вдумчивая работа с советским писателем, приводящая его к новым творческим победам.

Нельзя также забывать, — о чем немало говорилось и здесь на пленуме, — что в оценке явлений советской литературы и искусства основным должны быть признаны свободные творческие дискуссии, в результате которых только и может сложиться объективное общественное мнение.

ЛЮБОВЬ К ТАЛАНТУ И ВЗЫСКАТЕЛЬНОСТЬ

Второй серьезной причиной неудовлетворенности известного круга писателей своей организацией являются все еще неизжитые «обезличка», «уравниловка» в отношении к писателям. Писатель, как и человек любой профессии, должен быть мастером своего дела. Здесь справедливо говорилось о том, что писатель должен изучать жизнь и изображать ее правдиво. Напомню, однако, известное высказывание великого французского реалиста Гальзака в повести «Неведомый шедевр»: «Задача искусства не в том, чтобы копировать природу, но чтобы ее выражать. Ты не жалкий копиист, но поэт!.. попробуй

сними гипсовую форму с руки своей возлюбленной и положи ее перед собой, — ты не увидишь ни малейшего сходства, это будет рука трупа, и тебе придется обратиться к ваятелю, который, не давая точной копии, передаст движение и жизнь. Нам должно схватывать душу, смысл, характерный облик вещей и существ. Впечатления! Впечатления! Да ведь они — только случайности жизни, а не сама жизнь! Рука, раз я уж взял этот пример, рука не только составляет часть человеческого тела — она выражает и продолжает мысль, которую надо схватить и передать. Ни художник, ни поэт, ни скульптор не должны отделять впечатление от причины, так как они нераздельны — одно в другом. Вот в этом и заключается истинная цель борьбы. Многие художники одерживают победу инстинктивно, не зная о такой задаче искусства».

Я хочу сказать, что подлинное мастерство означает понимание именно этой задачи искусства. Мастерство — это освоение непокорного нового материала жизни и умение покорить его своими художественными средствами. Задача искусства — изображение человеческих характеров, их отношений и столкновений. Но нельзя противопоставлять характер тому, в чем он проявляется.

Вчера все мы видели фильм «Повесть о нефтяниках Каспия». Вспомните, как дрогнуло сердце у каждого из нас, когда, после невероятных усилий, исторгнув фонтан нефти из подводных недр, великолепные мастера, омочив руки свои в нефти и любовно и шутливо мазнув ею друг друга по лицу, слились в могучем дружеском объятии и поцелуе. Как можно показать характеры этих людей, не показав их уважения и любви к этой исторгнутой с таким трудом на благо народа прекрасной золотистой нефти! Сами мастера сделали нефть предметом поэзии. Какой же это писатель, который не сумеет, изображая характеры этих мастеров, сделать нефть таким же предметом поэзии, как это сделали сами мастера? В этом как раз и выразилось мастерство авторов фильма «Повесть о нефтяниках Каспия».

Показать правду характера нельзя без того, чтобы не превратить в искусство все то, в чем этот характер проявляется. Но достигнуть этого писатель не сможет, если не преломит многочисленные явления жизни через свою художественную индивидуальность, через свой разум, через свое сердце. Без этого нет и не может быть

никакого мастерства. Это свойство дается не легко и не сразу, и поэтому нужно ценить и беречь подлинных мастеров в искусстве.

В этой связи я не могу не ответить на некоторые замечания критика Е. Суркова по адресу Московского Художественного театра. Разумеется, Московский Художественный театр нуждается в критике, как и всякий другой театр. Но если критикуешь тот или иной спектакль, нужно адресовать критику его конкретным создателям и участникам, а не театру в целом. Московский Художественный театр в целом был и остается цитаделью реализма и мастерства в советском искусстве, любовью и гордостью советского народа.

Да, для развития дарований в искусстве необходимы образцы, по которым можно и должно учиться. Именно поэтому мы и придаем такое огромное значение русской классической литературе, классическому наследию народов СССР и лучшим творениям мировой литературы.

Надо сказать со всей прямоотой и серьезностью, что без глубокого, повседневного, длящегося всю жизнь изучения великих образцов искусства прошлого нельзя стать настоящим мастером в литературе. Можно занимать какие угодно высокие общественные должности в Союзе писателей, но без глубокого изучения и освоения классических образцов нельзя стать хоть мало-мальски серьезным писателем.

За тридцать шесть лет развития советской художественной литературы она создала и свои выдающиеся или просто хорошие образцы и авторитеты. Мы всегда подчеркиваем необходимость критического освоения классического наследия. Естественно, не могут быть свободными от критики и лучшие советские писатели. Но мы должны по-хозяйски и бережливо относиться к нашим художественным авторитетам. И надо чтить память тех, кого уже нет с нами, и воспитывать на их примере молодых писателей.

Горький, Маяковский, Алексей Толстой, Демьян Бедный, Серафимович, Тренев, Фурманов, Макаренко, Николай Островский, Малышкин, Афиногенов, Павленко, Вишневский, Багрицкий, Гайдар, Ильф и Петров, Тынянов, Шишков, Новиков-Прибой, Бажов, Лебедев-Кумач, Кочерга, Галан, Самуйленок, Янка Купала, Мамед-Кули-заде, Ахвердов, Ордубады, Нико Лордкипанидзе,

Давид Клдиашвили, Акоп Акопян, Ширван-заде, Джамбул, Хамза, Хамид Алимджан, Саломея Нерис, Гира, Цвирка, Такташ, Муса Джалиль, Гафури, Сулейман Стальский, Гамзат Цадаса, Токтогул, Осмонов, Сарыханов, Дурды Клыч — все это наше живое и прекрасное советское литературное наследство.

Во всей нашей воспитательной работе надо более широко использовать писателей старших и относительно старших поколений, мастеров своего дела, с большим, многолетним художественным опытом. Писатели старших поколений должны непосредственно работать со своими молодыми товарищами по перу, работать именно как писатели, по-горьковски, работать индивидуально, любовно, требовательно. Но это требует от них еще большей строгости по отношению к самим себе. Нельзя не пожалеть, что некоторые «старики», глядя на то, как легко похваляют у нас порой небрежную работу, за ее, так сказать, «полезную идею», тоже начинают работать торопливо, «с одышкой». Надо напомнить им, что это вредно для здоровья и что они не имеют права на это.

Большой заботы и внимания в наше время заслуживают поколения писателей, пришедшие в литературу в последние годы перед войной, в дни Великой Отечественной войны и в послевоенные годы. Их произведения занимают сейчас едва ли не самое большое место в литературно-художественных журналах и издательствах и все больше определяют лицо нашей литературы. Здесь невозможно было бы даже вместить их имена, так много даровитых людей выдвинула за эти годы русская литература и литература всех народов СССР. Многие из писателей этих поколений высоко талантливы, хорошо усвоили или усваивают лучшие традиции классической и советской литературы, учатся всерьез, взыскательно относятся к своему творчеству, работают над собой и прочно вошли в ряды современных мастеров художественного слова наряду с лучшими писателями старших поколений. Но немало среди них талантливых людей, серьезно нуждающихся в повышении общего культурного уровня и не выработавших в себе навыков труда и строгого отношения к своему мастерству. Писатели этих поколений должны помнить, что с каждым годом все больше будет ложиться на их плечи ответственность за идейно-художественный уровень всей советской литературы. Если они упустят

открытые им теперь возможности ученья и упорной работы над собой, они не смогут предстать во всеоружии художественного мастерства, как учителя, перед идущими им на смену новыми молодыми поколениями литераторов и будут нести ответственность за это перед народом и перед историей.

У нас не может иметь распространения такой взгляд на литературу, будто она создается только единицами выдающихся писателей. Нет, литература и в прошлом, а в наши дни тем более, создавалась и создается широким кругом профессиональных литераторов, в том числе так называемых «средних» и молодых. Но для этого они должны неустанно работать над собой и предъявлять к себе высокие требования.

Бывает так, что некоторые так называемые «ведущие» писатели, оторвавшись от жизни и не работая над собой, перестают играть заметную роль в литературе. А многие так называемые «средние» писатели, пристально изучая жизнь и работая над собой, превращаются в писателей, известных всему народу и любимых им. Писательница Галина Николаева в течение ряда лет была известна как автор хороших, полезных очерков, которые, однако, нельзя было назвать выдающимися очерками среди многих других. А в 1950 году Галина Николаева напечатала роман «Жатва», являющийся значительным произведением советской литературы, и стала известным советским писателем. Таким же был и путь Веры Пановой. То же можно сказать о литературном пути Степана Злобина или Константина Седых.

Молодежь вливается в нашу литературу широким потоком, и это один из самых прекрасных признаков нашего движения вперед. Не всякий, заслышав эти свежие, но еще не развившиеся голоса, различает среди них едва намечившиеся индивидуальности. Иные из «стариков», забыв, как они сами начинали, ворчат порой: «Как же вас много, какие вы все «похожие», нельзя ли вас как-нибудь... сократить!» Но нельзя «сократить» бесконечный живой поток литературы. Опытный учитель — а таким коллективным учителем молодежи могут и должны быть наши лучшие писатели — сразу различит в хоре молодых голосов неповторимое звучание индивидуальности и увидит то полное застенчивого вдохновения выражение лица, которое поэт пушкинской поры назвал «необщим».

Молодые писатели тоже требуют индивидуальной работы с ними, такой работы, в которой любовь к таланту сочеталась бы с неумолимой взыскательностью. А работа с писателями, независимо от того, стары они или молоды, без любви к индивидуальному таланту и в то же время без необходимой требовательности, работа по принципу «обезлички» и «уравниловки» может принести только вред.

СМЫСЛ РАБОТЫ НАШЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Третьей причиной известного охлаждения части писателей к своей организации является то, что руководящие органы Союза писателей в Москве и в республиках нередко подменяют методы широкого общественного решения творческих вопросов методами аппаратно-бюрократическими.

Всесоюзная организация — Союз писателей, разумеется, не может обойтись без того, чтобы в числе многих вопросов своей работы не заниматься вопросами организационного и даже административного характера, тем более не заниматься вопросами материально-бытовыми. Но нет никакого сомнения в том, что вопросы идейно-художественного воспитания, вопросы творчества, вопросы литературной работы писателей должны стоять в центре внимания всех органов Союза писателей.

Неправильно, когда мы нарушаем элементарные демократические основы жизни нашей организации, когда секретариат Союза писателей фактически подменяет собой более широкий и авторитетный выборный орган — президиум Союза писателей, когда мы в течение нескольких лет не собирали пленума правления Союза писателей. И давно уже пора поставить вопрос о созыве Всесоюзного съезда писателей.

Необходимо в нашей повседневной деятельности возродить такие оправдавшие себя формы творческой работы Союза писателей, как членство в клубах писателей, выборные правления в клубах, включающие в свой состав лучших представителей различных жанров литературы и проводящие в стенах клубов широкие творческие дискуссии. Особенное внимание в работе клубов нужно

уделить творческим связям писателей с деятелями всех других областей искусства. Необходимо, чтобы редакции наших литературно-художественных журналов возродили старую традицию и периодически, регулярно созывали активы своих авторов для обсуждения произведений, обсуждения вышедших номеров журнала, различных творческих вопросов.

Необходимо, чтобы руководящие органы Союза больше внимания уделяли творческим секциям и направляли их работу.

Нам нужны подлинно коллективное руководство в Союзе писателей, подлинная коллегиальность в работе всех печатных органов Союза, в его издательствах, в его творческих комиссиях и ликвидация каких бы то ни было признаков командования и администрирования. Только тогда самые широкие круги советских писателей будут чувствовать себя хозяевами в своем Союзе и работа Союза писателей и всех его органов может быть поднята на небывалую высоту.

Надо помнить, что смысл работы Союза писателей — не в заседательской «суете сует», а в том, чтобы способствовать созданию хороших художественных произведений. Даже творческие дискуссии и обсуждения имеют смысл не сами по себе, а только в той мере, в какой они отвечают этой главной цели — созданию хороших художественных произведений. Именно поэтому надо еще и еще раз подчеркнуть, что руководящие и иные органы Союза, и в первую очередь его печатные органы, должны уделять очень большое место индивидуальной работе с каждым писателем.

Надо, однако, беречь время писателя. Писателю, по самому смыслу этой профессии, необходимо писать. Ему необходимо также время на то, чтобы вооружать себя знанием жизненных фактов и всесторонне учиться. Кроме того, истинно поэтическое творчество, — а художественная литература есть поэзия, независимо от жанра, — требует времени на раздумье, на размышление.

Вместе с тем мы не можем и не должны поощрять барски пренебрежительное отношение к Союзу писателей со стороны отдельных литераторов, которые делают вид, будто их духовное и материальное благоденствие ни в какой мере не зависит от работы Союза писателей, и спокойно допускают, чтобы на их благоденствие работали

другие, не менее талантливые и столь же пугдающиеся и в свободном времени, и в бережливом отношении к себе.

Но как чудодейственно изменяется облик этих литераторов, когда с ними случается та или иная беда и волей-неволей им приходится прибегнуть к помощи Союза писателей! Этим литераторам давно пора понять, что в нашем организованном обществе многие беды писателей зависят от бед их организации и что им выгоднее отдать часть своей энергии Союзу писателей, чем тратить впоследствии большие душевные силы на «переживания».

Товарищи! Мы живем в замечательное время, когда народы Советского Союза под водительством Коммунистической партии готовят все необходимое для перехода на высшую ступень развития человеческого общества — к коммунизму, когда сотни миллионов людей в разных странах, сбросивших ярмо империалистического, капиталистического рабства, строят свою новую жизнь, когда идеи мира, демократии, социализма овладевают все более широкими массами народов земли, когда слово Человек, затоптанное рыцарями максимальной прибыли, высоко поднято нашей невиданной строительной работой и героической борьбой коммунистов всех стран и звучит так гордо, как никогда в истории.

Это замечательное, героическое время требует от нас большой литературы. Писатели Советского Союза имеют все необходимое, чтобы с честью ответить на это требование.

На великую любовь народа и заботу партии о нашей литературе мы ответим еще большим сплочением всех наших сил, — а они неисчерпаемы, — и дадим миру высокие творения, которые явятся новым, гигантского значения шагом вперед в художественном развитии человечества.

1953

НАШИ ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ

Дорогие товарищи и друзья!

Еще в условиях буржуазного общества Владимир Ильич Ленин мечтал о том, «...чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно свободную, *открыто* связанную с пролетариатом литературу». Ленин писал тогда: «Это будет свободная литература, потому что не корысть и не карьера, а идея социализма и сочувствие трудящимся будут вербовать новые и новые силы в ее ряды. Это будет свободная литература, потому что она будет служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность»¹.

Мы вправе сказать, что теперь в нашей стране социализма этот ленинский принцип действительно свободной, открыто связанной с народом литературы осуществляется в наиболее цельной и полной форме. Идеи коммунизма и глубокой преданности народу вербуют все новые и новые силы в ряды советской литературы. Она создается для миллионов и десятков миллионов людей, создается людьми, вышедшими из народа, и отражает жизнь народа в новых условиях его существования.

Мы не вправе еще сказать, что литература наша находится на уровне величия дел народных, но мы вправе

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 10, стр. 30—31.

сказать, что она беззаветно служит своему народу и уже создала и создаст непреходящие художественные ценности, которые можно считать новым шагом в художественном развитии человечества.

В приветствии Центрального Комитета Коммунистической партии нашему съезду, в этом замечательном документе, выдвинувшем перед нами новые большие задачи, сказано о том, что успехи советской литературы после Первого съезда значительны, «созданы художественные произведения, в которых правдиво отражены пафос строительства социализма, беспримерные подвиги советских патриотов в суровые годы Великой Отечественной войны, трудовой героизм нашего народа в борьбе за послевоенное восстановление хозяйства».

С другой стороны, в приветствии Центрального Комитета говорится: «Наша литература во многом еще отстает от бурно развивающейся жизни, от запросов читателя, выросшего политически и культурно».

Я нашел нужным процитировать эти строки приветствия и об успехах нашей литературы, и об ее отставании, потому что только такой взгляд на состояние нашей литературы является правдивым и объективным.

Наш съезд проходит под знаком глубокой и серьезной критики и самокритики. Вполне законна и естественна неудовлетворенность писателей результатами своего труда в условиях, когда страна вступила в период постепенного перехода от социализма к коммунизму и когда так возросло международное, всечеловеческое значение труда советских писателей.

В известной части своего выступления мне также хочется критически оглянуться на пройденный нами путь развития. С тем большим правом я позволю себе не согласиться с высказываниями отдельных литераторов, склонных рассматривать последние годы развития советской литературы чуть ли не как сплошное «отставание».

Я работаю в советской литературе свыше тридцати лет, и мне, как и многим писателям моего поколения, уже не раз приходилось выслушивать подобные сетования. Всякий раз, когда страна переходит на новый, более высокий этап развития, когда стремительный ход нашей жизни особенно подчеркивает, что большая жизнь народа недостаточно широко и полно отражается в произведениях литературы, раздаются отдельные голоса о том, что ли-

тература находится чуть ли не «в упадке». На самом же деле литература развивается, мужает, охватывает все новые области жизни, и число литераторов, способных решать сложные художественные задачи, все растет.

Вспомним годы первой пятилетки. Если судить по некоторым журнальным статьям того времени, можно и впрямь подумать, что развитие литературы остановилось. Однако именно годы первой пятилетки дали нам такие произведения, как «Поднятая целина» Шолохова, «Петр I» Толстого, «Соть» Леонова, «Время, вперед!» Катаева, «Бруски» Панферова, «Рассказ о великом плане» Ильина, «Гидроцентральный» Шагинян, «День второй» Эренбурга.

Стоит подумать о том, что только за последний год-полтора вышли в свет «Русский лес» Леонова, «Лихая година» Гладкова, «За правое дело» Гроссмана — романы, которые можно назвать значительными явлениями русской прозы. И вышли в свет такие хорошие книги, как «Балтийское небо» Н. Чуковского, «Искатели» Гранина, «Сердце друга» Казакевича, «Повесть об агрономе и директоре МТС» Николаевой и цикл очерков Овечкина. (Аплодисменты.)

В большинстве своем это книги новые, а роман «За правое дело» и повесть «Сердце друга» переработаны авторами в результате критики, которой подверглись эти произведения. Теперь эти книги по праву занимают свое место среди лучших книг истекшего года. (Аплодисменты.)

И назвал только девять книг самого последнего времени, и любой литератор с отзывчивым сердцем художника и возвышенным отношением к литературе не сможет отрицать, что названные мною произведения — при отдельных недостатках, свойственных им, — открывают новые области жизни и отношений людей и являются настоящими произведениями большой литературы. Нужно видеть живой процесс развития литературы, а не подменять его общими формулировками.

Литература отстает от жизни. Да, это верно, если применить ко всему созданному нами всю меру народного подвига. Но советская литература тем и сильна, что в ней всегда были, есть и будут писатели относительно старших поколений и писатели молодые, с живым чувством нового — число их растет, — открывающие перед нами все

новые стороны жизни, способные решать большие художественные задачи.

Писатели мало изучают жизнь. Да, это верно в применении ко многим из нас. Но как бы могли быть созданы десятки лучших наших книг, многие из которых составляют славу и гордость советской литературы, если бы их авторы не знали жизни, не изучали жизни?

Писатели недостаточно овладевают художественным мастерством. Как это верно в применении ко многим и многим из нас! Но никогда нельзя забывать, что советская литература выдвинула целую плеяду выдающихся мастеров прозы, поэзии, драматургии, пишущих не только на русском, а на разных языках наших народов.

Можно назвать имена писателей молодых с живым чувством прекрасного, серьезно относящихся к своей литературной работе. Прогрессивная литература в разных странах мира выдвинула своих великолепных мастеров, и не случайно Центральный Комитет партии советует нашим писателям использовать их ценный опыт. Но большинство наших иностранных друзей знает, что нет другой современной литературы ни в одной из стран, которая могла бы выдвинуть столь разнообразных мастеров и в таком числе, как литература советская.

Но наивно выглядит, когда многие наши литераторы пытаются объяснить и оправдать свои слабости «теорией бесконфликтности». Иной писатель ленится глубоко приобщиться к жизни советских людей, где во всех областях кипит борьба нового со старым, а во многих случаях он даже проявляет эти усилия, но по недостатку мировоззрения, позволяющего видеть подлинную правду жизни, не может разобраться в событиях, в людских отношениях, недостаточно ясно видит путь развития нового и передового в жизни, а поэтому робеет бичевать пережитки старого, собственнического мира в сознании людей, или, еще чаще, он видит это, но совершенно не владеет формой для выражения жизненных конфликтов. И тогда он выходит на трибуну и говорит: «Мне помешала писать пресловутая «теория бесконфликтности». (*Аплодисменты.*) Да полноте, существует ли такая «теория»?

Если нашлись писатели и критики, пытавшиеся утвердить эти слабости многих наших писателей формулой «так, мол, и надо», — это еще не «теория», до теории тоже еще нужно дорасти.

Если она, эта «теория», существовала, то ведь она разоблачена уже три года тому назад. Почему же, однако, сдвиги, происходящие в нашей драматургии, так еще незначительны? Нет, видно, дело не в «теории». Можете ли вы представить себе Леонида Леонова, чтобы он писал свои романы и драмы без конфликтов? Как вообще могли быть созданы лучшие произведения советской прозы, поэзии, драматургии, если бы лучшие наши писатели, поэты, драматурги не понимали, что конфликт лежит в основе большинства произведений различных жанров литературы, и не умели выражать его художественными средствами?

Нет, товарищи, не будем оправдывать наши слабости какой бы то ни было книжной «теорией». Если в наших издательствах и учреждениях, ведающих искусством и литературой, включая и Союз писателей, были люди — и, должно быть, еще есть они, — которые по отсталости и косности способствовали и способствуют тенденции к приукрашиванию действительности, к замалчиванию противоречий и трудностей роста, — это такое же проявление борьбы нового со старым в литературе, как и во всех областях жизни. Писатель, который своим пером не умеет бороться со старым в жизни, утверждая и возвышая новое, пасует перед теми же явлениями в литературе и искусстве. А те, кто представляют цвет литературы, ее силу, они тем и знамениты, что вторгаются в жизнь как борцы, где бы ни проявлялась борьба нового со старым. Именно таким писателям принадлежат произведения, любимые народом.

Товарищи! Важнейшей стороной нашего понимания свободной литературы является открытое признание нами, писателями, как партийными, так и беспартийными, руководящей роли Коммунистической партии во всех областях жизни и в делах литературы.

Буржуазные писатели находятся в зависимости от буржуазных партий, хозяевами которых являются воротилы финансово-промышленного мира, писатели находятся в зависимости от их издательств, от их прессы. Беспартийность буржуазного писателя — это мнимая беспартийность.

Наша Коммунистическая партия — это порождение самого народа, это его лучшая, наиболее передовая, сознательная, организованная часть. Советскую литературу

вдохновляют великие идеи партий. Партийность советской литературы — это не исключительное явление, свойственное только писателям — членам партии и вообще немногим. Это историческое свойство нашей советской литературы. У нас, конечно, есть враги, идейные противники. Бывает и так, что хорошие советские писатели ошибаются в своем творчестве, отступают от партийности. Но когда мы говорим о партийности советской литературы, мы имеем в виду тот исторический факт, что советские писатели, как партийные, так и беспартийные, признают правоту идей Коммунистической партии, и отстаивают их в своем творчестве, и поэтому, естественно, признают руководящую роль партии в делах литературы.

У нас сложился и все более складывается новый в историческом смысле тип писателя — сознательного борца за коммунизм.

Я сказал «складывается» — потому что жизнь идет вперед и требует от советского писателя все новых качеств.

В приветствии Центрального Комитета сильно сказано о том, какой тип писателя нужен нам: «Советский народ хочет видеть в лице своих писателей страстных борцов, активно вторгающихся в жизнь, помогающих народу строить новое общество, где все источники общественного богатства полются полным потоком, где вырастет новый человек, психология которого будет свободна от пережитков капитализма».

В приветствии с большой силой правды говорится о соревновании между социализмом и капитализмом на все более широкой международной арене, о попытках агрессивных и реакционных кругов насильственным путем помешать росту сил социализма.

В нас, советских писателях, партия видит борцов за великие идеи гуманизма, против империалистической идеологии, борцов за мир и дружбу народов. Партия говорит нам о том, какой духовной силой может стать наша литература в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей, напоминает нам о неизмеримо возросшей общественно преобразующей и воспитательной роли советской литературы, о том, что «наша литература призвана не только отражать новое, но и всемерно помогать его победе».

Многие недостатки нашей литературы действительно происходят оттого, что немало писателей плохо знают жизнь, оторваны от нее или изучают жизнь инертно, а мы должны видеть ее глазами страстных борцов за коммунизм.

В развернувшейся перед съездом дискуссии о лирике я лично больше склонен поддержать Ольгу Берггольд (*аплодисменты*), но именно с той позиции, о которой я только что сказал. Не только в области лирики — во всех областях художественного творчества писатель должен вкладывать в дело познания и отображения жизни всего себя, весь свой разум и сердце, всю свою любовь к нашим советским людям и ненависть к нашим врагам, ко всему косному и отсталому, что мешает нашему движению вперед. О чем бы писатель ни говорил, какие бы стороны жизни он ни отражал, он во все это должен вложить свою собственную биографию. (*Аплодисменты.*)

Такое понимание литературы не только не противоречит марксистско-ленинскому пониманию ее, как отражения объективной действительности, а, наоборот, только с этой позиции и можно правильно понять жизнь и вызвать настоящее чувство в человеке. (*Аплодисменты.*)

Я приветствую прозвучавший с трибуны съезда призыв писателя Овечкина: «Ближе к жизни!» Я согласен с ним даже и в том, что многим писателям полезно было бы пожить и поработать в различных районах нашей необъятной страны, где писателей так ждут и где их так любят. Но все-таки дело не в том, кто где живет. Писатель, влюбленный в жизнь, с темпераментом борца всегда и везде найдет новое в жизни, движимый велением своего сердца. (*Аплодисменты.*)

Мы знаем, как тесно связан Овечкин с колхозной деревней, и уважаем его за это. Но мне хотелось бы по-дружески сказать Валентину Овечкину, чтобы он не кокетничал своим знанием жизни по сравнению с другими своими братьями по перу. (*Аплодисменты.*)

Возвращаясь к спорам о лирике, я посоветовал бы Ольге Берггольд отказаться от слова «самовыражение»; по-русски оно звучит бессмысленно, и, должно быть, именно поэтому оно использовалось в свое время декадентами всех мастей.

Говорят, что Ольга Берггольд в полемике использовала не те цитаты из Белинского. Ну что же! Пусть

грамотные люди подберут для выражения правильных мыслей О. Берггольд более удачные цитаты. Разве дело в цитатах? (*Аплодисменты.*)

Нельзя говорить о прекрасных советских людях, о нашей социалистической жизни и о том, что мешает ее движению вперед, безлично. Советский писатель — это человек, проникнутый горячей, страстной любовью к нашим людям, ко всей нашей жизни. На одном из собраний писатель Катаев очень правильно сказал о том, что наша литература не может делиться на «колхозную», «производственную» или «литературу об интеллигенции». Катаев сказал тогда, что классическая литература тем и замечательна, что она говорила о современном ей обществе. Наша литература также должна быть литературой о советском обществе.

Это не значит, что писатель не может отражать более известные ему стороны жизни и показывать людей более знакомых ему слоев общества и более любимых им профессий. Но истинная сила таланта и подлинное мастерство, прежде всего, в том, чтобы уметь полюбить все, решительно все новое, во всех областях нашей жизни, и уметь отразить все, с чем столкнулся писатель жизнь.

Эта любовь откроет писателю все двери, обнажит перед ним все жизненные конфликты, и навсегда отпадут схоластические споры о том, на каких весах взвешивают положительные и отрицательные стороны героев произведений.

Мы не можем не говорить о положительных и отрицательных образах в литературе, потому что и в жизни силы нового и старого мира не безличны, они воплощаются в живых людях, а мы, писатели, не просто описываем людей, а выносим им нравственный приговор.

В то же время прав Эренбург, когда говорит: «Борьба героизма, творческих порывов, любви к людям против эгоизма, равнодушия и косности теперь протекает в сознании, в сердцах многих людей. Именно там новое сражается с тенями прошлого, хорошее — с дурным».

Мы должны понимать, что люди не стоят на месте. Они растут, воспитываются и перевоспитываются нашим обществом.

Взгляд на жизнь и понимание ее с позиций писателя — сознательного борца за коммунизм — подскажет ему

па материале самой жизни, как, в каких формах проявляют себя новое и старое в людях.

С позиций писателя-борца также схоластически выглядит спор о том, сколько положительных героев должно быть в советской сатире и можно ли написать сатирическое произведение, в котором действуют одни отрицательные типы.

В сатирическом жанре, как и во всяком другом, существует еще один герой, — может быть, самый главный, — это сам автор. Наша сатира, как и сатира наших великих предшественников, прежде всего гуманистична. Писатель, страстно любящий нашу новую жизнь, во имя утверждения и развития которой он изобличает все враждебное и косное, противостоящее этой новой жизни, всегда найдет форму для выражения своей любви и ненависти, и нельзя забывать, что в разных жанрах сатиры эта сторона дела решается по-разному.

Приветствие Центрального Комитета партии напоминает нам о том, что советская литература и советские писатели идейно росли и закалялись в борьбе с чуждыми влияниями, с проявлениями буржуазной идеологии и пережитков капитализма. Да, мы росли и воспитывались в условиях борьбы, и было бы неправильно не видеть, что борьба эта продолжается, хотя формы ее изменились.

Конечно, не так уж сильны в нашей литературе буржуазные националисты, космополиты, сторонники «искусства для искусства», но их идеология отражает враждебную нам идеологию империализма. Агрессивные и реакционные круги, готовые насильственным путем помешать росту сил социализма и подавить стремление народов к освобождению от гнета капитала и колониального угнетения, пытаются и всячески поддерживают все и всякие проявления буржуазной идеологии в нашей стране. Необходимо, чтобы все мы помнили, что борьба с проявлениями национализма и космополитизма, с обывательской, безыдейностью, упадочничеством, которую мы вели на протяжении ряда лет, была справедливой борьбой, и если мы не проводили ее со всей решительностью, наши идейные противники могли бы принести большой вред развитию советской литературы.

Эти представители чуждой нам идеологии понесли большой урон, но наивно было бы думать, будто бы эта идеология перестала существовать. Нет, мы столкнулись

и будем сталкиваться с рецидивами этой враждебной идеологии.

Наиболее характерным примером ее проявления можно считать ошибки, допущенные редакцией журнала «Новый мир», служившие предметом дискуссии за несколько месяцев до нашего съезда и осужденные советской литературной общественностью. Мне хотелось бы еще раз вернуться к вопросу о так называемой «искренности в литературе», как она прокламировалась со страниц журнала «Новый мир».

Настоящая литература не может не быть искренней и честной, и нет надобности говорить об этом даже в ученических сочинениях, как нет надобности доказывать, что вода мокрая. Тем не менее в развитии нашей русской общественной жизни бывали периоды, когда этот вопрос вставал перед литературой. Известно, что Чернышевскому принадлежит замечательная статья «Об искренности в критике». Всякий, кто внимательно прочитает эту статью, сразу увидит, что она носит политический характер, хотя и касается всесторонне вопросов художественности. В этой статье революционный демократ Чернышевский, выступая как представитель народа, угнетенного в условиях царского строя, разоблачает фальшивые, антинародные идеи, находившие свое выражение в произведениях иногда даже очень известных авторов, и дает отповедь той буржуазно-помещичьей либеральной критике, которая поощряет, поддерживает, приукрашивает эти фальшивые, антинародные идеи, обманывая народ и приспосабливаясь к царскому строю.

Таким образом, потребность выступить по вопросам, казалось бы, всем ясным, была у Чернышевского политической.

В нашей литературе попадаются иной раз и халтурщики и приспособленцы — плесень нашего общества. Но гораздо больше в нашей литературе людей неопытных в художественном отношении, которые не всегда могут найти средства выражения для своих не только искренних, а порожденных всей их жизнью и проникнутых глубокой любовью к народу мыслей и чувств. Говорить же о неискренности советских писателей, которые вместе со всем народом боролись за победу социалистического строя в нашей стране, которые вместе с народом и партией прошли через самые трудные этапы строительства нового,

справедливого общества, которые проливали свою кровь на полях сражений, отстаивая социалистическое отечество от его врагов, для которых на всем, что создано в нашей стране, запечатлен труд их отцов, матерей, братьев, сестер и даже их детей, — говорить о неискренности нас с вами, кто отдал свою жизнь делу борьбы за коммунизм, может только обыватель. (*Аплодисменты.*)

Как видите, потребность высказаться в этом направлении у автора статьи в «Новом мире» была также политическая: желание, может быть, неосознанное, чтобы великая советская литература отказалась от вдохновляющих ее идей коммунизма и стала проводником чуждой идеологии.

На съезде можно было слышать много различных критических выступлений в адрес руководства Союза писателей. Большая часть этих критических выступлений была справедливой. Но я должен со всей силой убежденности сказать о том, что руководство Союза писателей сделало большое дело для советской литературы, вскрыв и объяснив литературной общественности серьезные идейные ошибки редакции журнала «Новый мир».

Некоторые товарищи — их не так много — забывают о том, что в литературе идейная борьба продолжается и что есть силы, действующие против нас, и нельзя же, рассматривая причины, мешающие более быстрому и полному развитию нашей литературы, обходить этот вопрос — вопрос о борьбе нашей идеологии гуманизма против чуждого, враждебного, неконструктивной империалистической идеологии, в то время как эта борьба происходит на всей нашей планете, внутри всех стран и континентов, и когда враждебные выступления против нас внутри нашей страны являются только отголосками этой борьбы всемирно-исторического значения.

Всякий честный советский писатель, преданный советскому строю, выступающий с критикой наших собственных недостатков и неполадок, должен, на мой взгляд, не только из любви к нашему общему делу, но просто из уважения к самому себе, определить перед лицом писателей и перед лицом народа свое отношение к идейным противникам советской литературы, к враждебным силам, действующим против нее, — особенно когда он, советский писатель, выступает с такой высокой трибуны, как трибуна Всесоюзного съезда писателей.

Ведь каждому советскому писателю дороги его советское первородство и честь, а когда он обходит вопрос об идейных противниках советской литературы и сосредоточивает весь огонь критики только на тех сторонах нашей жизни, которые зависят от нас самих, да еще перехлестывает в этой критике, — он сам не замечает, что оставляет лазейку для противника, который сможет примазаться к нему.

Я внимательно прослушал критические выступления Овечкина, Алигер, Берггольц, Каверина и нахожу в их критике немало справедливого, о чем я еще буду говорить. Но мне кажется, что выступления этих писателей много выиграли бы, если бы они одновременно подумали о том, что я только что сказал.

Я могу сказать это также и Михаилу Шолохову, со стенограммой выступления которого я внимательно ознакомился.

Писатель, сознательный и страстный борец за дело коммунизма, всегда должен видеть в первую очередь того противника, который является главным противником его идейных позиций; он должен прежде всего свести с ним счеты, и это только придаст силу его критике, направленной на то, что зависит от нас самих, что мы можем исправить. (*Аплодисменты.*) Это тем более справедливо в применении к Михаилу Шолохову, что он — крупнейший писатель нашей страны, любовь народа к нему безгранична, авторитет его велик, и он сам мог бы очень много сделать для исправления недостатков в развитии всего нашего литературного дела. (*Аплодисменты.*)

Всем названным товарищам, хорошим советским писателям, мне хочется сказать: «За критику спасибо, а над речами своими на съезде вы все-таки еще немножко подумайте, — может быть, вы в конце концов согласитесь со мной, что в этих речах имеются существенные изъяны».

В приветствии Центрального Комитета партии сказаны высокие слова о призвании советской литературы: «Советская литература призвана служить делу трудящихся, как самая передовая литература в мире, и быть на вершине мирового художественного творчества». Для того чтобы взойти на вершину мирового художественного творчества, нужно учиться, много учиться, учиться всесторонне. И мне еще и еще раз хочется сказать о том, что лучшей художественной школой для советского писателя

является наше классическое наследство — русская, наших братских народов и вся мировая литература.

Великий Ленин говорил о том, что мы должны критически освоить и переработать все лучшее, созданное человечеством за всю историю его развития.

Мне хочется предостеречь от вульгаризации в освоении старого классического наследства, получившей известное распространение. То и дело приходится сталкиваться с утверждением, будто советская литература наследует только реалистическое искусство прошлого.

Некоторые из литераторов так и считают, что было в прошлом реалистическое народное искусство, которое мы наследуем, и было антиреалистическое, антинародное искусство, которое принадлежит, так сказать, только эксплуататорским классам. Подобная точка зрения выражена, например, А. Соболевым в статье «Вопросы эстетики и советская литература», напечатанной в «Правде» 16 сентября этого года. Он пишет: «Реакционные классы всегда поддерживали и поддерживают антиреалистическое, антинародное искусство. Выйдя на арену исторической борьбы, рабочий класс выступил... активным борцом за подлинно реалистическое искусство».

Когда я был молодым человеком, я тоже придерживался этой точки зрения и даже выступил в свое время со статьей «Долой Шиллера!». (Смех.) И понадобилось некоторое время, чтобы я понял, что советская литература наследует решительно все передовое и прогрессивное, созданное человечеством в его прошлом развитии. Конечно, это передовое и прогрессивное действительно чаще выражало себя именно в реалистическом искусстве, но из нашего классического наследства было бы глупо выбрасывать Шиллера. Тем более это справедливо по отношению к такому писателю-романтику, как Виктор Гюго. В Книжной палате мне, как и К. А. Федину, дали сведения, что Гюго издан в нашей стране общим тиражом в восемь с половиной миллионов экземпляров, превысив больше чем на два с половиной миллиона экземпляров тираж произведений Бальзака, на три миллиона экземпляров тираж произведений Мопассана и больше чем вдвое тираж произведений Золя.

Почему сейчас важно сказать об этом? Потому что критическое освоение всего богатства форм классической

литературы способствует обогащению форм социалистического реализма, их многообразию. (*Аплодисменты.*)

Самед Вургун был прав в той части, где он сказал, что социалистический реализм призван не обеднить, а обогатить формы мировой литературы.

Великий Ленин, выдвинувший принцип партийности литературы, указал: «Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию»¹.

И приветствие Центрального Комитета нашему съезду тоже говорит: «Социалистический реализм дает возможность проявления широкой творческой инициативы, выбора разнообразных форм и стилей, в соответствии с индивидуальными склонностями и вкусами писателя».

С этой точки зрения мне хочется поддержать мысль, выраженную в докладах А. Суркова и К. Симонова, о том, что внутри нашего социалистического реализма фактически наличествуют и будут развиваться различные творческие течения в области формы и стиля. Было бы очень вредно, если бы писатели, принадлежащие к разным течениям, творчество которых будет развиваться на общей платформе социалистического реализма, пришли бы к выводу, что им нужно организационно оформиться. Это было бы вредно потому, что строгой грани между этими течениями провести нельзя и всякая попытка провести эту грань привела бы только к мелкой групповщине.

Необходимо помнить, что в области формы и стиля одно часто переходит в другое. Есть поэты, использующие в собственном творчестве все богатство форм, им открывшихся. И в тех случаях, когда это не подражание, тогда это является выражением мастерства поэта. Величайший пример тому в прошлом нашей поэзии дал великий Пушкин. И все мы хорошо знаем, каким богатством форм поэтического выражения обладал Владимир Маяковский.

Мне кажется, что достоинством доклада А. Суркова является выраженное им понимание всего многообразия форм и стилей советской литературы внутри социалистического реализма. В этом смысле было даже полезным, что Сурков назвал так много разных имен. Надо вспомнить, как часто мы забывали об этой стороне дела. Док-

---

¹ В. И. Л е н и н, Сочинения, т. 10, стр. 28.

лад был объективным, а в этом больше всего нуждается сейчас наша советская литература.

Из этой критики, которой подверглась на съезде работа Союза писателей и его выборных органов, совершенно ясно следует, чего ждут писатели от своего Союза и его нового руководства после съезда.

Центральный Комитет в своем приветствии высоко оценил роль, которую должен играть Союз писателей в решении задач, стоящих перед советской литературой. Союз писателей за двадцать лет, говорится в приветствии, превратился в мощную общественную организацию, построенную на принципах коллективного руководства, сплачивающую все творческие силы литераторов, партийных и беспартийных.

Правление Союза писателей отчитывалось за двадцать лет работы. За это время много сменилось людей, непосредственно работавших в президиуме правления, в секретариате правления. За эти двадцать лет в правление были кооптированы новые писательские силы.

Писатели хотят, чтобы Союз писателей в дальнейшем не нарушал принципов советской демократии, чтобы съезды писателей созывались в уставные сроки, чтобы так же регулярно работали правление Союза писателей, его президиум, его секретариат, чтобы не было больше кооптации, а была бы обеспечена выборность всех органов Союза писателей, сверху донизу. (*Аплодисменты.*)

Многие недостатки и ошибки в работе Союза писателей объяснялись тем, что в течение истекших двадцати лет коллективный принцип руководства Союзом писателей далеко не всегда соблюдался. Бывали периоды, когда в руках отдельных руководящих лиц Союза писателей сосредоточивалось слишком много власти. Писатели хотят, чтобы в Союзе было обеспечено действительно коллективное руководство, чтобы был относительно широкий президиум, обладающий всей полнотой прав в решении вопросов жизни Союза между пленумами правления, и чтобы секретариат Союза писателей тоже был органом, подотчетным правлению и президиуму.

Следует, однако, возразить против такого представления о секретариате, чуть-чуть прозвучавшего в речи Семена Кирсанова, когда функции секретариата сводятся чуть ли не к техническим функциям. Нет, секретариат

может и должен быть полномочным руководящим органом, но безусловно подотчетным правлению и президиуму.

Неправильно было бы также думать, что можно создать такой президиум и такой секретариат, которые бы угождали всем на свете. Нужно стремиться к тому, чтобы президиум и секретариат действительно выполняли свои обязанности перед писателями и в то же самое время осуществляли бы свои права как выборные органы, направляя всю идейно-художественную жизнь Союза, в борьбе с чуждыми влияниями, за высокий моральный облик советского писателя.

Писатели хотят, чтобы в их общественно-творческой организации были в почете критика и самокритика, идущие снизу. Писатели хотят, чтобы основной формой выяснения идейно-творческих вопросов была бы форма свободной творческой дискуссии. Нельзя, однако, согласиться с тем представлением о широкой творческой дискуссии, которое было выражено на съезде Маргаритой Алигер. Она сказала, что «дискуссия, если верить толковому словарю русского языка, означает обсуждение какого-нибудь спорного вопроса для выяснения разных точек зрения и не предусматривает ведомственного подведения итогов, заключительной статьи редакции, которая охотно нарекает ошибками эти разные точки зрения». С этим невозможно согласиться, потому что нет смысла в дискуссии, только выясняющей разные точки зрения. Разные точки зрения не могут быть все правильными. В старину говорили: «Уж если выбирать из двух зол, то лучше даже одна неправильная точка зрения, чем две правильных».

Ведь мы опираемся на марксистско-ленинскую науку об обществе, согласно которой существует объективная истина и она познаваема. Широкая, свободная творческая дискуссия для того именно и нужна, чтобы из столкновения разных точек зрения найти объективную истину, сделать ее достоянием по возможности всех писателей и, опираясь на открытую таким путем правду, двигаться вперед, к новым достижениям.

Справедливо, однако, то, что на свободной и широкой творческой дискуссии неправильно — с чьей бы стороны это ни исходило — диктовать и навязывать свою точку зрения, игнорировать коллективное мнение. Ведь главная функция нашего Союза писателей — это функция идейно-

художественного воспитания. Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы в коллективном обсуждении правда, истина, была до конца прояснена, была понятна всем. С этой точки зрения творческие дискуссии должны подготавливаться коллективно и проводиться коллективно. В этой связи мне хочется сказать несколько слов о роли и месте нашей большой советской печати в оценке явлений литературы.

Нужно ли говорить о том, какую огромную помощь развитию советской литературы оказывала и оказывает наша печать, правдиво оценивая явления советской литературы, помогая писателям разобраться в своих ошибках, намечая пути литературного развития. Тем более недопустима безапелляционность суждений и приговоров о явлениях литературы, которая проявляется иногда на страницах нашей печати. (*Аплодисменты.*)

Конечно, печать не выполняла бы своей роли, если бы она не помогала советским писателям и всей советской общественности своевременно вскрывать чуждое и враждебное и исправлять те или иные серьезные ошибки. Но ведь в подавляющем большинстве случаев советская печать имеет дело с явлениями советской литературы, создаваемыми советскими писателями с их неповторимым индивидуальным творческим лицом, с их особенностями. В большинстве случаев полезнее, чтобы печать предварительно знакомилась с общественным мнением, мнением писателей и читателей о произведении. Как ни хорош редакционный коллектив, он не должен брать на себя право решать судьбу произведения.

Надо учесть огромное доверие масс, советской общественности к нашей печати.

Известно, например, что перегибы в критике действительно серьезных ошибок писателя Гроссмана в его романе «За правое дело» были в первую очередь допущены нашей печатью. Это создало в части советской общественности и внутри Союза писателей такую атмосферу вокруг романа, при которой мы, люди, проглядевшие ошибки Гроссмана, вынуждены были принять на себя вину бóльшую, чем действительные ошибки писателя и наши ошибки. Разумеется, это ни в какой мере не может нас оправдать, и я до сих пор жалею, что проявил слабость, когда в своей статье о романе поддержал не только то, что было справедливым в критике в адрес этого романа, а и называл роман идеологически вредным. (*Аплодисменты.*)

В известной мере я исправил эту свою ошибку тем, что вместе с Военным издательством оказывал поддержку Гроссману в его работе над романом и довел дело до конца, то есть до выхода романа в свет, когда ошибки его в основном и главном были исправлены. (*Аплодисменты.*)

Писатели хотят, чтобы Союз писателей и его новое руководство излечили бы некоторых наших собратьев по перу от «детской болезни» — групповщины. Нельзя не сказать, что мы, люди, долгое время находившиеся у руководства делами Союза писателей, в известной мере сами виноваты в том, что эта «детская болезнь» групповщины не получала за последние годы достаточного отпора.

Слабости в работе по идейно-художественному воспитанию писателей, недостатки широкой творческой жизни в недрах Союза писателей способствуют развитию этой беспринципной групповщины. Следует, однако, сказать, что большинство членов Союза писателей, особенно ведущие кадры нашей литературы, в особенности писатели старших поколений и самые юные слои наших молодых писателей, не страдают этой болезнью.

Вред групповщины состоит в том, что она примешивает личные и групповые моменты к оценке явлений литературы, мешает объективной критике этих явлений, разрушает естественные товарищеские связи между писателями, которые при всей разности их творческого лица стоят на общих идейных позициях. А главным образом вред этот состоит в том, что писатели, увязшие в групповщине, склонны бывают навешивать политические ярлыки на своих так называемых «противников». (*Аплодисменты.*)

Здесь, на съезде, немало — и часто справедливо — критиковали работу Союза писателей. Но писатели должны знать, что в ряде ошибок и искажений в оценке произведений писателей сыграла дурную роль групповщина.

Надо, чтобы работники редакций наших газет и журналов помнили, что в нашей среде есть пока что писатели, страдающие этой «детской болезнью» групповщины, и учитывали бы, что выступления этих, не столь уж многих, представителей советской литературы с критическими статьями на страницах печати могут быть необъективными и нуждаются в тщательной проверке.

С другой стороны, мы хорошо знаем, что большая часть людей, страдающих этой болезнью, являются на

деле честными советскими писателями, подчас очень неплохими и даже хорошими, и мы должны сказать им со всей откровенностью, что они должны поскорей избавиться от своей «детской болезни», потому что она идет на пользу только врагам советской литературы. Их долг, долг советских писателей, сознательных борцов за дело коммунизма, хорошенько подумать над этим и сделать из этого честные и принципиальные выводы.

Дорогие товарищи и друзья! Нам выпало счастье творить в стране, где социальный и национальный гнет навсегда отошел в прошлое. Мы строим новый мир разумных человеческих отношений. Мы окружены любовью великого советского народа. Героем наших произведений стал человек, вся энергия которого направлена на преобразование и украшение родной земли во имя счастья всего человечества. Никогда еще с такой силой не звучали слова нашего Горького: «Человек — это звучит гордо».

Мы приняли из рук прошлых поколений эстафету гуманизма, и история возложила на нас священную обязанность донести ее до светлого коммунистического будущего. Время поставило перед нами всемирно-исторические задачи коммунистического воспитания и перевоспитания человека. Что может быть почетнее этой обязанности?

Мы действуем теперь не одни. У нас много союзников и друзей — собратьев по перу. С одними из них нас объединила общая идея защиты мира, возможности мирного сосуществования. С другими нас объединяет отстаивание демократических свобод, национального суверенитета. Третьи близки нам по родственному пути развития.

Мы можем с полным правом говорить о том, что все честное и живое, что есть и не может не быть в литературе каждой из наций, большой или малой, все выступает сейчас духовным выразителем прогрессивных сил своей нации. Мы можем говорить сейчас о большой прогрессивной литературе мира. Мы идем вместе с ней плечом к плечу.

Пусть Второй Всесоюзный съезд советских писателей останется в нашем сознании как большая историческая веха на пути нашего развития. Мы будем делать все, чтобы отстоять идеи гуманизма, мира и дружбы между народами. Но если агрессивные и реакционные силы решатся посягнуть на наш строй — надежду трудящихся и

угнетенных всего мира — мы, советские писатели, выполним до конца свой долг перед нашим народом и перед всем прогрессивным человечеством. (*Аплодисменты.*)

С сознанием стоящих перед нами всемирно-исторических задач, опираясь на помощь и руководство нашей любимой Коммунистической партии и ее Центрального Комитета, мы создадим литературу, достойную нашего великого народа и героического времени, в которое мы живем. (*Продолжительные аплодисменты.*)

1954

НЕ ДОПУСТИТЬ РАЗВЯЗЫВАНИЯ АТОМНОЙ ВОЙНЫ!

Совет Северо-атлантического блока (НАТО) принял решение о применении атомного оружия в новой войне, которую этот блок стремится развязать.

В принятии этого решения участвовали руководящие деятели стран, входящих в агрессивный блок, в первую очередь Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции, участвовали также военные, призванные осуществить на деле это решение, одновременно и авантюристическое и бесчеловечное.

О том, что государственные деятели стран, входящих в НАТО, взяли курс на развязывание атомной войны, свидетельствуют выступления Даллеса, Идена, Спаака и других идеологов и организаторов новой войны, последовавшие вскоре за принятием этого решения.

В целях пропаганды атомной войны не был пощажён генеральский престиж Грюнтера, Монтгомери, Рэдфорда, не говоря уже о таких мелких генералах, как Стивенсон, прикармливаемый в Англии далеко не в интересах будущего этой страны.

Генералы размахивают атомным оружием, грозятся сбросить бомбы то на Советский Союз, то на Китай, то на Корею.

Момент для принятия авантюристического и бесчеловечного решения был выбран советом НАТО в расчете,

что народы западноевропейских стран, борющиеся в настоящее время против ратификации парижских соглашений и против их осуществления, не поймут, что курс на развязывание атомной войны представляет из себя далеко идущее агрессивное мероприятие, одной из важнейших сторон которого является создание в центре Европы западно-германской армии, вооруженной атомным оружием.

Чтобы обмануть народы, организаторы атомной войны говорят, что применение атомного оружия в новой войне будет зависеть от политиков, а не от военных, как будто это не одно и то же.

Говорят, что решение НАТО относится только к «тактическому», а не к стратегическому атомному оружию, как будто в развязывании атомной войны можно остановиться на том или ином виде оружия и как будто «тактическое» применение этого чудовищного оружия является меньшим преступлением против человечества, чем «тактическое» применение бактериологического или химического оружия, запрещенных соответствующими международными конвенциями.

Руководители НАТО не только приняли это решение, они уже приступили к подготовке атомной войны, что уже выбалтывают нетерпеливые военные и представители прессы, связанные с агрессивными кругами.

Всем известно, что ряд промышленников, военных, а также ученых Западной Германии, отказавшихся от гуманистического назначения науки, уже допущен к некоторым источникам будущей атомной войны, и грязный бизнес этот будет расширяться. Всем известно также, что многие офицеры армий, вошедших в НАТО, обучаются на американских курсах применению атомного оружия. Об этом, не скрывая, пишут, например, некоторые норвежские газеты.

Вообще, та пресса западноевропейских стран, которая дала вовлечь себя в ту или иную форму рабства перед США, не говоря уже о собственно американской прессе, не щадит сил, чтобы приучить простого и среднего западного европейца и американца к мысли о неизбежности атомной войны, уверить его в победоносной силе атомного оружия в руках агрессоров, могущего будто бы обеспечить безопасность стран Запада.

Нельзя без глубокого сожаления к простым людям этих стран и брезгливости к некоторым печатным органам, утратившим последнюю связь с национальной почвой и всякое чувство чести, читать в ряде газет Западной Германии, или Англии, или даже таких малых стран, как, например, Дания, статьи, прославляющие атомное оружие и скрывающие от своего народа прежде всего то, что при развертывании атомной войны именно эти страны станут ее ареной и потерпят наибольшие разрушения и гибель миллионов своих граждан.

Все, что происходит в странах НАТО после авантюристического и бесчеловечного решения его совета, заставляет нас, друзей мира, сказать всем миролюбивым людям, населяющим землю: «Деятельность врагов мира перешла в новый, более опасный этап. Над народами нависла угроза атомной войны. Народы должны дать себе в этом ясный отчет. Они могут, они обязаны сорвать подготовку атомной войны, они имеют все силы для этого».

Время требует от нас суровой правды. Я прошу не посетовать на меня, если я, как советский писатель и гражданин, сделаю попытку откровенно осветить некоторые стороны современного положения.

Многие и многие миллионы людей на земле знают, что Советский Союз не потому выступает за мирное решение международных вопросов, что он слаб, а потому, что он хочет мирно развиваться и уберечь себя и другие страны от чудовищных и бессмысленных разрушений и людских жертв. Советский Союз может успешно проводить эту свою политику мира именно потому, что он силен. В наши дни он особенно силен тем, что является частью девятисотмиллионного лагеря мира, демократии и социализма. Советский Союз пользуется моральной поддержкой огромных, все растущих прогрессивных сил в странах капитализма. Он окружен любовью колониальных и зависимых народов, являясь для них образцом справедливого решения национального вопроса.

Наиболее злостные враги мира, среди которых есть и дальновидные люди, отлично знают, что Советский Союз силен. Но именно поэтому они время от времени распространяют мифы о слабости Советского Союза в той или иной области, чтобы обмануть народы и привлечь их на сторону своей авантюристической политики.

Этим мифам верит немало людей, близко стоящих к правящим агрессивным кругам, людей, привыкших ежедневно оглуплять себя манерой говорить и думать, как их хозяева. Но есть еще целые массы людей, хороших, честных, но неопытных, которые верят этим мифам — оттого, что их, этих людей, ежедневно обманывают.

Этим людям нужно сказать: «Выбросьте прежде всего из головы миф о том, что Советский Союз выступает за запрещение атомного оружия потому, что он будто бы чувствует себя слабее в этих видах вооружения, чем агрессивные Соединенные Штаты. Не верьте людям, которые говорят вам об этом. Они не видели, не считали, они не знают».

Советский Союз выступает против атомного оружия и водородного оружия прежде всего потому, что он считает это оружие самым преступным и бесчеловечным среди всех видов оружия массового уничтожения людей и стремится сберечь свой народ и другие народы от неисчислимых жертв, которые может принести им применение этого оружия.

У Советского Союза не было этого оружия, когда агрессивные круги США начали размахивать перед нами атомной бомбой. Мы вынуждены были вооружиться и этими видами оружия, чтобы предохранить нашу страну, надежду человечества, от авантюристических поступков людей, потерявших человеческий облик. Но неизменно, на всех этапах Советский Союз стоял и стоит за запрещение атомного оружия, за установление строгого международного контроля над этим запрещением, за использование атомной энергии в мирных целях. Советский Союз стоит также за запрещение испытаний атомных и водородных бомб и за уничтожение их запасов одновременно всеми державам.

Я не буду останавливаться на исчерпывающих предложениях Советского Союза по вопросу об атомном оружии на протяжении многих лет. На прошлой сессии Всемирного Совета Мира в Стокгольме эти этапы были хорошо прослежены нашими друзьями Александром Корнейчуком и де Шамбрэном. Хочу, однако, напомнить, что на последней сессии Генеральной Ассамблеи ООН Советский Союз в интересах успешного решения вопроса согласился принять за основу соглашения англо-французский проект, благодаря чему в ООН было достигнуто единогласие, так

же как и в вопросе об использовании атомной энергии в мирных целях.

На днях было опубликовано сообщение Совета Министров СССР о научно-технической и производственной помощи ряду государств в деле использования атомной энергии для мирных целей, а именно — Китаю, Польше, Чехословакии, Румынии, Германской Демократической Республике. Рассматривается вопрос о расширении круга стран, которым может быть предоставлена эта помощь.

На этих путях, путях переговоров и соглашений, которые должны привести к запрещению атомного оружия и к использованию атомной энергии в мирных целях, человечество может быть избавлено от бедствий атомной войны. И всякий думающий и беспристрастный человек может видеть, что решение совета НАТО о подготовке атомной войны идет вразрез с соглашениями, достигнутыми в ООН, несовместимо с этими соглашениями.

Советский Союз и впредь будет исходить из этих соглашений и добиваться запрещения атомного и водородного оружия. Но большую ошибку допустит тот, кто на этом основании примет на веру миф о «слабости» Советского Союза в области атомного вооружения, миф, с помощью которого агрессоры обманывают доверчивых и неопытных людей.

Кто же не помнит, что миф о превосходстве созданных им видов вооружения воодушевлял и Гитлера в походе против Советского Союза. Причем Гитлер использовал все ресурсы большинства стран Европы. Однако в ходе войны обнаружилось полное превосходство Советского Союза во всех видах современного вооружения. Об этом следовало бы подумать людям, убаюкивающим себя своим якобы преимуществом в области атомного вооружения. Эти люди вчерашнего дня истории не в силах понять особенностей нашей здоровой, не знающей кризисов плановой экономики, развивающейся на основе расширенного социалистического воспроизводства.

Плановая социалистическая экономика, естественно и бурно развивающаяся в условиях мирного времени, получает во время войны все преимущества перед империалистической милитаризованной экономикой, искусственно и односторонне раздутой, как флюс. Такая нездоровая, ненормальная экономика империализма рано или поздно не может не потерпеть крах.

« Те люди стран Запада, которые обмануты пропагандой врагов мира, должны отказаться от наивного представления, будто атомное оружие в руках агрессивных политиков и военных может служить гарантией безопасности. Наоборот, безрассудная авантюристическая политика этих правителей-временщиков может в любой день сделать их собственные народы жертвами истребительной атомной войны. Гарантия безопасности — в запрещении атомного оружия и всеобщем разоружении.

Миролюбивые народы всех стран решительно выступают против подготовки атомной войны и против ее пропаганды. Они сделают невозможным для любого правительства развязывание атомной войны.

Мы, советские люди, всеми своими силами поддержим всемирное движение народов против атомной опасности до его полной и окончательной победы.

1955

ЗАМЕТКИ О ЛИТЕРАТУРЕ

1. СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«Имеется полное основание надеяться, что, когда история культуры будет написана марксистами, — мы убедимся, что роль буржуазии в процессах культурного творчества сильно преувеличена, а в области литературы — особенно сильно...»

Эти слова Горького на Первом Всесоюзном съезде советских писателей нужно понимать не как отрицание буржуазного характера господствующей культуры при капитализме, а как подтверждение мысли Ленина о двух культурах в каждой нации, о том, что условия жизни трудящейся и эксплуатируемой массы при капитализме порождают элементы культуры демократической и социалистической. Настроения, идеология эксплуатируемой массы влияют не только на тех творцов культуры, которые вышли из этой же массы, а и на лучших представителей господствующих классов. Именно этим объясняется гуманистический (хотя бы и в старом, не пролетарском, не коммунистическом смысле) характер великой классической литературы и то, что она продолжает жить для нас.

Можно без преувеличения сказать, что после первой мировой войны, обнажившей гнилость основ капитализма,

а особенно после Великой Октябрьской революции, открывшей новую, социалистическую эру в развитии человечества, с капитализмом порвали самые крупные из живших тогда художников слова — последние могиканы гуманистической литературы XIX и начала XX столетий.

Анатоль Франс на закате своих дней пришел в коммунистическую партию, Бернард Шоу, острейший критик капиталистического мира, стал другом нашей страны. Томас Манн всю жизнь со всей силой своего мощного таланта изобличал пороки буржуазного общества, уродующего личность человека, и защищал человеческие ценности от мракобесов. Ромен Роллан с его неподкупным гуманизмом стал союзником коммунизма. К коммунизму пришли Теодор Драйзер, Анри Барбюс, Мартин Андерсен-Нексе. Творчество Рабиндраната Тагора было связано с национально-освободительными чаяниями индийского народа, а другой выдающийся писатель Индии — Прем Чанд — находился в первых рядах борцов за национальное освобождение. Светлый талант великого китайского писателя Лу Синя целиком и полностью был отдан делу народной революции в Китае.

Наиболее противоречивый по своим взглядам крупный английский писатель Герберт Уэллс, несмотря на все попытки империалистов сделать его «своим», не сошел с позиции гуманизма и остался в памяти людей как один из наиболее своеобразных критиков капитализма.

Что же сказать о нашем Горьком, с юных лет связавшем свою жизнь с рабочим классом, — о великом Горьком, чье гениальное творчество до последнего дыхания было отдано делу победы коммунизма и возвышению трудящегося человека!

История застала каждого из этих писателей, которые являлись высшим цветом литературы своего времени, на разных этапах пути от капитализма к социализму.

Далеко не все из них понимали, выражением какого исторического процесса является их творчество и общественное поведение. Далеко не все принимали новое, социалистическое общество. Были и такие, что не сочувствовали ему. Одни проходили первую половину пути, другие — вторую. Одни, как Герберт Уэллс, хотя и отталкивались от капитализма, придерживались за него. Другие, как Максим Горький, шли во главе борцов за социализм, во главе строителей социализма.

Но все они — по разному и по различным мотивам — отказались служить империализму, все они выступали как разоблачители мерзостей капитализма во имя лучшего будущего человечества. Живые носители лучших традиций классической литературы, они, можно сказать, лично вручили современным прогрессивным писателям всех стран эстафету гуманизма и завещали нести ее все вперед и выше. Таким образом, современная мировая прогрессивная литература является естественной, можно сказать — законной продолжательницей всего лучшего в прошлом развитии литературы и в то же время новым шагом вперед в художественном развитии человечества. Самый факт ее существования и роста является лучшим свидетельством того, что человечество в значительной своей части вступило, частью вступает, а в большей части неизбежно вступит завтра, на новую, более высокую историческую ступень, о которой мечтали, за которую боролись трудящиеся массы, лучшие умы человечества.

Когда мы говорим о современной прогрессивной литературе, мы, разумеется, включаем в нее и нашу советскую литературу, и литературу стран народной демократии, и всю передовую литературу больших и малых капиталистических стран, и все то лучшее, что дает литература больших и малых стран, только что вышедших или выходящих из колониальной или полуколониальной зависимости, и народов, борющихся за свою национальную свободу.

Среди зарубежных писателей есть люди, которые разделяют мировоззрение и творческий метод советских писателей и отстаивают его своими способами художественного выражения, — одни в условиях стран народной демократии, другие в условиях капитализма. Есть писатели, идущие путями, нам родственными или близкими; писатели, близкие нам политически и расходящиеся с нами в понимании вопросов творчества; писатели, политические взгляды которых далеки от нас, но творчество которых в своих главных чертах носит прогрессивный характер (приведу в пример умершего несколько лет назад видного американского писателя Синклера Льюиса, который никогда не был близок нашей стране, но который до конца жизни оставался писателем-реалистом, критиком язв и противоречий капитализма; многие его

произведения издавались у нас, и их следовало бы переиздать).

Есть писатели, далекие от нас и по своим политическим взглядам, и по характеру творчества, но стоящие за мирное сосуществование государств, отстаивающие дело мира во всем мире.

Наконец, многие писатели, не принадлежащие непосредственно к прогрессивному лагерю, очень хотят понять нас и честно разобраться в том, что происходит в мире. Они многого не понимают, совершают ошибки. В то же время они лично не связали себя с реакционными режимами, не запятнали себя неблагоприятными поступками по отношению к народу и ищут контакта с прогрессивными силами...

Справедливо говорят, что в современной прогрессивной литературе мира советской литературе принадлежит роль старшего товарища и друга. Это объясняется, конечно, не тем, что советские писатели только оттого, что они советские, или талантливые, или лучше владеют мастерством, чем прогрессивные писатели других стран. По старинному выражению, «талант, как истина или добро: где обретается, там и берется». А объясняется это тем, что советская литература в целом — литература великого народа, которому первому удалось освободиться от цепей капитала и построить социалистическое общество. Это дало советской литературе возможность и преимущество впервые в истории показать борьбу за новый, справедливый строй жизни и самую эту жизнь, характеры и отношения людей в условиях социализма и накопить тем самым известный художественный опыт, имеющий новаторское значение в мировом развитии литературы.

Это наше положение старшего товарища и друга ко многому обязывает.

Мы должны хорошо знать зарубежных писателей, разбираться в различных направлениях и течениях мировой литературы, видеть и поддерживать передовое, здоровое, полезное, способствуя тому, чтобы все честные писатели сплачивались в лагере прогрессивных, миролюбивых, демократических сил или приближались к нему. Это, разумеется, исключает всякое самодовольство и зазнайство с нашей стороны. Мы должны учиться опыту и мастерству у лучших художников слова на Западе и Востоке,

прислушиваться к их критике и правильно воспринимать ее, не лишая, конечно, и себя права критики, находя для нее нужные формы и борясь против реакционной идеологии.

Как неизмеримо возросли задачи советских литераторов в наши дни, когда мы должны быть великой духовной силой воспитания не только советских людей, а и миллионов наших читателей за рубежом!

«Советская литература призвана служить делу трудящихся как самая передовая литература в мире и быть на вершине мирового художественного творчества», — к этому призывал нас, советских литераторов, Центральный Комитет партии в своем приветствии Второму съезду писателей.

Всегда ли мы сознаем эти требования? И можем ли мы сказать, что наша литература развивается сегодня на уровне этих всемирно-исторических задач?

2. СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ

За время существования советского строя в нашей литературе созданы непреходящие художественные ценности, сохраняющие в известном смысле значение образцов. Они живут и будут жить в сердцах поколений читателей.

За последние два-три года создано немало новых талантливых произведений, оставивших большой след в читательском сознании, — я о них еще буду говорить. Но в наши дни, может быть, особенно чувствуется неудовлетворенность читателя уровнем нашей литературы.

В этом нужно разобраться.

После Великой Отечественной войны страна наша шагнула далеко вперед в области хозяйства, культуры, улучшения условий жизни и быта народа.

За последние два-три года Центральный Комитет партии разработал обширную, цельную, с глубоким взглядом в будущее систему мероприятий по подъему сельского хозяйства. Прошедший в июле этого года Пленум Центрального Комитета принял исключительной важности постановление о дальнейшем разви-

тии промышленности на основе мощного технического прогресса и коренного улучшения организации производства.

Можно сказать, что страна наша вступила в новый, более высокий этап развития, вооруженная программой новых великих работ.

Мы являемся участниками небывалого культурного строительства, конечная цель которого — сделать весь народ, всех рабочих и колхозников культурными, разносторонне образованными. Работа, которую партия проводит по искоренению канцелярско-бюрократических методов руководства и приближению руководящих учреждений и деятелей к живому делу, к массам, по внедрению принципов коллективного руководства, по развертыванию инициативы мест с предоставлением им больших прав, по развертыванию критики и самокритики, по обеспечению советской законности и прав граждан, — вся эта гигантская, кропотливая работа все глубже и шире раскрывает возможности и преимущества великой советской демократии.

Советский человек духовно вырос и стремится к полному расцвету своих творческих способностей.

Мы живем в эпоху исторического соревнования между социализмом и капитализмом и стремимся к тому, чтобы это соревнование было мирным соревнованием. Мы знаем, что наше правительство вместе со всеми миролюбивыми силами сделает все, чтобы в международных отношениях торжествовал дух переговоров и соглашений. Но мы помним о существовании агрессивных и реакционных кругов, способных на все, чтобы воспрепятствовать росту сил социализма, и помним о существовании реакционной идеологии, находящей тысячи форм, чтобы прикрыть свою враждебную сущность и вызвать отзвук среди наименее устойчивых элементов в лагере социализма.

Наше развитие сопряжено с преодолением немалых трудностей и противоречий. Социализм вошел в быт, и там идет острая и подчас скрытая борьба сил старого мира против социалистических отношений и норм. Силы старого мира не безличны, они персонифицируются в людях, раболепствующих перед капитализмом и его идеологией, в карьеристах, бюрократах, либералах за счет народа и государства, в расточителях и расхищателях обществен-

ной собственности; клевётниках и подхалимах; в людях, разложившихся морально, людях косных, равнодушных к народным нуждам, двурушниках и перестраховщиках, моральных и физических лентяях, хулиганах и в других разнообразных представителях мещанского индивидуализма и собственнического свинства. Эта борьба происходит и в сознании людей, когда названные свойства выступают как пережитки, как родимые пятна старого мира.

Горький называл литературу «человековедением». Как же отразились в литературе последних двух-трех лет советский человек, его труд, его жизнь, его борьба?

Несомненной положительной чертой литературы этих лет нужно считать все более широкое проникновение ее в самые различные области советской жизни. Это справедливо по отношению к прозе и поэзии, меньше — по отношению к драматургии и кинодраматургии, главным образом потому, что современных пьес и сценариев, заслуживших того, чтобы их напечатали или поставили, еще мало.

Среди авторов произведений литературы этих лет можно видеть много новых имен, людей не столичных, пришедших с разных сторон нашей большой земли. В произведениях действуют рабочие и работницы разных профессий и специальностей, партийные и советские работники, комсомольцы города и деревни, колхозники и колхозницы, ученые, инженеры, агрономы, директора промышленных предприятий и совхозов, военные, учителя, врачи, железнодорожники и водники, студенты, школьники и просто маленькие дети, воспитатели и воспитанники детских домов, учащиеся ремесленных училищ, работники леса, летчики, домашние хозяйки, охотники, работники газет. И действуют эти люди тоже в самых различных местах, краях, республиках нашей необъятной земли.

Положительной чертой литературы этих лет надо считать ее решительный поворот к темам современности.

Не входя пока что в оценку идейно-художественного качества произведений, я могу сказать, что за 1953—1955 годы было опубликовано только на русском языке 152 больших и малых произведения прозы из жизни колхозов и совхозов и 60 произведений прозы, посвященных

промышленному производству, жизни рабочих и инженеров (сюда входят произведения не только русских авторов, а и переводные с языков народов СССР).

Литература во всех ее видах шире, чем когда-либо в прошлом, вторгается в быт, много произведений, в которых быт людей, общественный, семейный, занимает даже главное место. Растет интерес к вопросам техники, новаторства в технике, борьбы за технический прогресс, а также к научной работе, открытиям в области науки, к жизни ученых.

В ряде произведений большое место отведено труду, отношению людей к труду, социалистическому соревнованию в труде, работе руководителей промышленных предприятий и колхозов, вопросам партийного руководства.

Можно считать закономерным и правильным, что главной темой большинства произведений, каких бы областей жизни они ни касались, является тема коммунистического воспитания и перевоспитания людей, борьбы с пережитками старого, собственнического мира в их сознании, изживания антиобщественных черт под влиянием общественного воздействия. Во многих произведениях затронуты вопросы воспитания молодежи, но книг собственно о молодежи, особенно о комсомоле, немного. Некоторые произведения посвящены вопросам воспитания детей: в семье, школе, детском доме.

Вопросы воспитания тесно связаны с вопросами коммунистической морали, понимаемой в широком смысле: выполнение своего долга перед народом и государством, отношение к труду, к общественной собственности, к воинскому долгу, отношения дружеские, любовные, семейные, поведение в быту. Все эти вопросы поднимает литература последних лет, в частности внимание ее особенно приковано сейчас к вопросам семейных отношений.

И, наконец, характерной чертой большинства произведений всех видов является их возросшая критическая направленность. Конечно, изображение положительных явлений нашей действительности по-прежнему стоит в центре внимания большинства наших писателей, но во многих произведениях все антиобщественное и обветшалое, мешающее росту хозяйства и культуры и самого

человека, подвергается более острой критике, чем это имело место в прошлом.

Критика эта выражается большей частью в формах, свойственных обычному реалистическому письму, а сатирических произведений с их особыми приемами заострения мало; здесь застрельщиками выступают, главным образом, поэты и авторы малых сатирических форм и немножко драматурги.

Чтобы завершить этот предварительный общий обзор, я должен сказать еще, что темы международного характера — нашей внешней политики, темы борьбы за мир, мирного сосуществования и дружбы между народами, разоблачения агрессивных сил за рубежом, темы национально-освободительной борьбы, жизни трудящихся в странах народной демократии и в странах капитализма — не заняли в литературе такого места, какое должны были бы занимать, хотя здесь и можно отметить некоторые успехи нашей поэзии.

Эта общая характеристика литературы по темам претерпит сильные изменения, если мы будем рассматривать не весь широкий круг произведений, созданных за эти два-три года, а возьмем действительно лучшие из них. Нельзя не отметить, что среди лучших произведений последних трех лет, если взять к примеру прозу, — больше книг, посвященных дореволюционному или довоенному (имею в виду последнюю войну) прошлому нашей родины и Великой Отечественной войне.

«Лихая година» Гладкова, «Открытие мира» Смирнова, «Верное сердце» Кононова, «Открытая книга» Каверина, «Допбасс» Горбатова, «Просвет в тучах» Упита, «Берег ветров» Хиита, «На Буинском тракте» Талвира, «Сердца молодых» Крустена, «Переяславская Рада» Рыбака — это книги биографические и исторические (я не говорю здесь о второй книге «Поднятой целины» Шолохова, посвященной, как и первая, коллективизации, поскольку книга еще не закончена).

«За власть Советов» Катаева, «Русский лес» Леонова, «Когда крепости не сдаются» Голубова, «За правое дело» Гроссмана, «Балтийское небо» Чуковского, «Зеленый луч» Соболева, «Сердце друга» Казакевича — это книги, связанные с Великой Отечественной войной, в которых авторы глубоко раскрывают характеры, дают события войны в их связи с прошлым развитием нашей родины,

ставят большие темы гуманизма. К этому ряду книг можно отнести также роман Симонова «Товарищи по оружию», написанный на материале военных событий под Халхин-Голом.

А среди книг, захватывающих послевоенную жизнь, можно, на мой взгляд, выделить по их идейно-художественным достоинствам «К новому берегу» Лациса, «Искатели» Граинна, «Дни нашей жизни» Кетлинской, «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» Николаевой, «В одном колхозе» и «Районные будни» Овечкина, повести и очерки Теодрякова, объединенные в книге «Среди лесов», некоторые повести и рассказы С. Антонова, Ю. Нагибина, повесть В. Герасимовой «Простая фамилия» и некоторые другие.

«Опять «списки» вместо анализа произведений! — уже слышу я голоса читателей, а главным образом, писателей. — Как они, эти списки, нам надоели!»

Что ж, это недовольство закононо. Но, во-первых, большинство перечисленных здесь книг уже широко обсуждалось в печати, среди читателей и писателей и — при различных критических замечаниях — получило более или менее общую положительную оценку. Во-вторых, я не хочу сказать, что *только* эти произведения прозы являются лучшими, а по ходу своих заметок добавлю к ним еще некоторые. И, наконец, — это просто мое мнение, как читателя и писателя, и я его никому не навязываю.

Следует сказать, что среди даже лучших произведений, посвященных темам современности, нет таких, которые выражали бы в человеческих характерах не то что всю глубину, но хотя бы главные черты тех величественных преобразований, к которым партия призвала народ в наши дни. Литература здесь еще на подступах.

Но и среди книг, написанных на более отстоявшемся материале жизни, я не могу назвать таких, которые оставляли бы столь же неизгладимый след в сердцах современников, как «Тихий Дон», «Хождение по мукам», «Поднятая целина», «Как закалялась сталь», «Петр I», «Любовь Яровая», «Первые радости» и «Необыкновенное лето», «Василий Теркин».

Как это всегда бывает, когда страна переходит на

новый, более высокий этап развития, сегодня перед писателями во весь рост и по-новому встают вопросы художественного творчества, включающие в себя и глубокое знание жизни, и понимание коренных процессов развития (что неотрывно от уровня мировоззрения и общего уровня знаний писателя), и вопросы художественного мастерства.

Глубокая связь с народной жизнью и ясное понимание путей нашего развития — это решающее в работе писателя, когда он действительно талантлив. И если я, вопреки принятому обыкновению, хочу рассмотреть нашу современную литературу вначале под углом зрения ее художественных достоинств и недостатков, а потом сосредоточить свое внимание на вопросах мировоззрения писателя, то это по следующим причинам.

Рассмотрение того, как автор художественно воплотил свой замысел, часто помогает лучше вскрыть, хорошо ли писатель знает жизнь и правильно ли ее понимает.

И, наконец, недостаток художественного мастерства в работе широкого круга молодых, и не только молодых, писателей стал одним из главных тормозов роста литературы.

Но эти вопросы так неотрывны от вопросов идейных, что об этом я тоже буду говорить.

3 СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ВОПРОСЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МАСТЕРСТВА

Прежде всего мне могут задать вопрос: «А на каком основании или по какому праву вы будете судить о мастерстве своих товарищей, уж не считаете ли вы себя мастером?» Нет, к сожалению, я не могу считать себя мастером.

Великие классические писатели, наследниками которых мы хотим быть, — это лучшие наши учителя. Но нельзя забывать, что мы учимся и друг у друга. Каждый из нас, оглядываясь на свой литературный путь, может вспомнить, кому из своих современников он больше всего обязан, не говоря уже о том, чем мы все обязаны таким великанам, как Горький, Маяковский.

Когда автор этих строк сдал начисто переписанную от руки на листах, вырванных из бухгалтерской книги, рукопись первой своей повести «Разлив» в редакцию журнала «Молодая гвардия», автор не знал, что она попадет в так называемый «самотек» или, как сейчас говорят иные, «мутный поток серой литературы». Повесть-то действительно была «серой» — от неопытности, от неумения писать, а поток и тогда и сейчас не был и не мог быть «мутным», потому что в него вовлекаются люди, которых рождала и рождает новая, советская жизнь. Но им, этим людям, надо учиться.

Добрые руки — тогда это были руки писателей Либединского и Сейфуллиной — извлекли рукопись молодого автора из «потока», в котором она влачилась в течение года. И с той поры и до наших дней я храню особенную благодарность к писателям, творчество которых и прямые критические высказывания о всей моей литературной работе оказали наибольшее влияние на мое развитие как художника, — к Либединскому, Сейфуллиной, Всеволоду Иванову, Леонову, Федину, Шолохову, В. Катаеву. Это не означает, что за жизнь свою я не получал и не получаю много полезного от других.

Учение писателей друг у друга — это не учение в школе, оно протекает в боре. Я до сих пор отлично помню и знаю, что именно в творчестве названных писателей и в их критических высказываниях принесло мне пользу и что я не принимал и от чего отталкивался, но это не мешает мне считать их в числе своих учителей.

Что же касается мастерства, то я приведу здесь высказывание на этот счет хорошего белорусского писателя Ф. С. Пестрака: «Кроме того или иного понимания, нужна еще «тренировка». Ее-то мало, очень мало».

Это очень верно сказано. Мне кажется, что в вопросах мастерства и у меня есть то или иное понимание некоторых важных вещей, но я слишком мало писал в своей жизни, о чем сейчас так сильно жалею, у меня тоже было мало «тренировки», и поэтому в собственной литературной работе я часто делаю те же ошибки (и не вижу их), что так хорошо видны порой в работе других.

Я глубочайшим образом убежден, что среди нас, деятелей литературы и искусства, очень много работников,

которые хорошо знают жизнь и понимают ее развитие и владеют достаточными средствами художественной работы, а выполняют ее ниже своих возможностей только от нашего взаимного послабления в требованиях друг к другу.

П Р О З А

Среди произведений, названных мной, некоторые написаны выдающимися нашими мастерами и могут служить в известном смысле образцами. Но и этим произведениям свойственны свои недостатки, только они, эти недостатки, несравненно меньше достоинств. Например, книге Гладкова, как и предыдущим его книгам этого же цикла, дающим широкую реалистическую картину дореволюционной жизни народа, присуща порой растянутость повествования, иногда натуралистические излишества, при всем том, что она написана с глубоким знанием жизни и людей и прекрасным литературным языком.

В большой степени грех растянутости повествования, излишества в подробностях свойствен книгам названных мной эстонских писателей Хинта и Крустена, хотя обе книги с глубоким экскурсом в прошлое Эстонии, особенно в революционную борьбу 1905 года, имеют большое познавательное и воспитательное значение. Эти же недостатки можно отметить и в книге чувашского писателя Талвира, и в колхозных повестях Тендрякова.

Такой замечательный мастер прозы, как Леонов, в отличие от большинства наших предшественников и современников, проделавших с возрастом путь от сложного к простому, в романе «Русский лес» пришел к более усложненному языку, чем это было свойственно произведениям его молодости. Леонов отличается умением гармонически строить свои произведения в том смысле, что в них нет лишних, «притянутых за уши» людей и событий, которые не нужны были бы для выражения главной мысли автора со всеми ее сторонами и оттенками. Но при этих достоинствах новому роману Леонова, как, впрочем, и «Дороге на Океан», присуща известная медлительность в развертывании сюжета, связанная с частыми и долгими оглядками в прошлое героев. Оба эти недостатка отяжеляют восприятие книги для широкого читателя.

«Товарищи по оружию» Симонова — первая книга большой эпопеи — хорошая книга, в известной мере даже недооцененная. Достоинство ее в том, что она талантлива и поднимает новый материал жизни, дает широкую картину военного и гражданского быта рядовых советских людей конца тридцатых годов. Автору удалось образ командующего, который действительно командует, образы советских командиров, особенно летчиков Козырева и Понынина, некоторые женские образы. Хорошо написаны сцены боев и сражений, жаль только, что нет развернутых образов рядовых бойцов, если не считать Кольцова, показанного эпизодически. В романе звучит тема интернационального братства — в сценах испанских и монгольских; хорошо дана природа Монголии. Но книга растянута, и это впечатление растянутости усиливается еще оттого, что Симонов пишет одинаково ровно и о больших событиях, и о маленьких. Высотные здания, как известно, вносят организацию в расположение, пейзаж, ансамбль города, иначе город выглядел бы плоским. В художественном произведении также должны быть свои высотные здания, являющиеся идейными и художественными вышками, организующими его.

Взять хоть бы такой большой роман, как «Жизнь Клима Самгина». Горький ведет повествование, преломляя огромный материал жизни через восприятие Клима Самгина, — фигуры по ее мещанскому индивидуалистическому содержанию довольно-таки скучной. Однако Горькому удалось показать в романе течение русской жизни за сорок лет, и там среди самых будничных явлений с их более или менее ровным течением выделяются наполненные глубоким идейным смыслом и написанные особенно густой кистью картины Ходынки, Нижегородской ярмарки, Кровавого воскресенья, декабрьского восстания и др.

В книге Симонова есть люди, сцены, заслуживающие того, чтобы их возвысить, выделить, — например, отлично написанная сцена обмена раненых нашей и японской сторонами, — но они несколько теряются среди людей и сцен менее важных. Нетрудно видеть, что это как раз тот случай, когда существенный вопрос художественного мастерства зависит от глубины взгляда автора на жизнь и широты охвата им явлений жизни.

Чем ближе к современности; чем меньше отстоялся материал жизни, тем труднее его художественно обобщить и выразить. Но передовое мировоззрение больших писателей прошлого позволяло им идти в ногу с временем. Это тем более должно быть свойственно писателям советского общества.

Наиболее близко к нашим дням подошли авторы очерков, рассказов и повестей на колхозные темы. При всех индивидуальных различиях в литературной работе Овечкина, Николаевой, Тендрякова — эти авторы умеют лепить цельные характеры и давать их в развитии, наполнять конфликты большим политическим содержанием, верно видеть противника и не преуменьшать его силу и значение, выступает ли он как живое лицо или как пережиток в сознании.

Я могу назвать некоторые произведения и других авторов, пишущих сегодня на колхозные темы, и тоже обсужденные уже нашей общественностью: «Под одной крышей» Михаила Жестева, «Весной 1954 года» Сергея Залыгина, «На среднем уровне» и «Лунные ночи» Анатолия Калинина, «В Снегирях» Григория Бакланова, «Разлив на Алатырь-реке» Ивана Антонова, рассказы Ефима Дороша, «Большой разговор» Семена Жураховича, «Наши девушки» и «Утренняя звезда» Исы Гусейнова, очерки об освоении целинных земель Сабита Муканова, «Из записок агронома» Гавриила Троицкого.

С моей точки зрения, эти очерки, рассказы и повести отличаются правдивым изображением колхозной жизни, не замалчивают трудностей развития нашей деревни, дают портреты хороших и плохих и находящихся в становлении председателей колхозов, партийных руководителей, а особенно рядовых колхозников и представителей сельской интеллигенции. Но я бы не сказал, что люди колхозной деревни подняты в этих произведениях до больших характеров.

Мне хочется напомнить, что подлинные характеры и их столкновения можно дать не только в рассказе, повести или романе, но и в очерке. «Записки охотника» Тургенева также были не чем иным, как очерками, в которых Тургенев вывел целую галерею образов крестьян и их угнетателей, — помещиков с их прислужниками — бурмистрами и старостами.

Сила обобщения этих образов заставила Л. Толстого записать в дневнике: «Читал «Записки охотника» Тургенева, и как-то трудно писать после него». В образах Касьяна с Красивой Мечи, Лукерьи в «Живых мощах», Герасима в «Муму» Тургенев предвосхитил и Поликушку и Платона Каратаева, всю толстовскую крестьянскую тему.

Не меньшей силой обобщения обладали очерки Глеба Успенского.

У нас есть мастера очерка. К ним принадлежит, например, Борис Галин. Можно рекомендовать сборник его очерков о шахтерах — «Чудесная сила» — с их богатством человеческих образов, умным и душевным подходом ко всем явлениям жизни, широтой взгляда, связывающего труд рядовых шахтеров с событиями, происходящими в мире. Жаль только, что Галин недостаточно экономен, повторяется, а порой ему не хватает темперамента в изображении цельных шахтерских натур.

В центре литературы и вообще искусства, как известно, стоит человек. Но человека нельзя оторвать от его деяний. Трудность изображения людей в производственной деятельности объясняется в числе прочего сложным характером современного производства, специфической терминологией, обозначающей предметы техники и объекты труда, тесной взаимной связанностью и соподчиненностью многих людей, работающих на производстве: вовлечение в роман одной фигуры (например, директора завода) требует почти с неизбежностью вовлечения и другой и третьей (парторга или секретаря партийной организации, главного инженера и т. д.), чтобы сохранить «типические обстоятельства». А ведь каждую из этих фигур нужно дать в характере.

Правдивый показ духовной жизни людей, связанных с производственной деятельностью, если автор не хочет нарушить правду жизни искусственной изоляцией своих героев (а к этому для облегчения часто прибегают), предполагает показ деятельности больших коллективов партийной, профсоюзной, комсомольской организаций, бригад, производственных совещаний, а это дело новое и нелегкое.

Чернышевский говорил, что природа в искусстве преломляется через «человеческое». Все трудности в художественном, поэтическом изображении людей на произ-

водстве могут быть преодолены, если все это будет также преломлено через «человеческое». Примером этому может служить роман Гранина «Искатели», где автор сумел сделать увлекательными не только борьбу вокруг изобретения главного героя, но и самый процесс поисков и открытия. Гранин добился этого благодаря тому, что правдиво показал характеры борющихся сторон и всю жизненную сложность переплетения различных интересов вокруг изобретения. Он избегал или почти избегал при этом излишних технических подробностей, которые были бы непонятны широкому читателю. Читатель с увлечением следит за тем, как судьба изобретения, поскольку она связана с уже полюбившимся героем, решается и на комсомольском и на партийном собрании, и на производственном совещании.

Задача Гранина в известной мере была облегчена тем, что борьба вокруг изобретения разворачивается в научном учреждении, и картины производства имеют в романе «подсобное» значение. Однако и эти картины Гранин дает весьма живописно тоже благодаря верному изображению характеров, сквозь которые эти картины преломляются.

Действующие лица в романе вылеплены выпукло и зримо. Главный герой романа Лобанов — с некоторыми поправками — удача автора. Очень тонкими штрихами выписана фигура главного инженера энергетического учреждения, а фигура лжеученого Тонкова сделана почти скульптурно. И все-таки чувствуется у автора недостаток художественного опыта. Именно потому, что произведение это одно из лучших, я останавлиюсь на некоторых его типических недостатках.

Если роман, или поэма, или пьеса классического писателя включает в себя несколько тем, это не значит, что автор включил их по произволу, потому, что так ему «понравилось», или потому, что «так бывает в жизни». Нет, он включает только то, что ему нужно для выражения главной идеи. Разные темы включаются только как разные стороны, или ответвления этой главной идеи, и все персонажи романа, даже третьего, четвертого плана или вовсе эпизодические, и коллизии между ними привлечены только для того, чтобы полнее выразить богатство главной мысли со всеми ее оттенками.

Так, например, в «Анне Карениной» размолвка Стивы Облонского с женой Долли, вызванная изменой с гувернанткой, является прелюдией к трагической истории Анны, ее мужа Каренина и Вронского. И не только прелюдией, а «обычным», «легким», «общеприпаятым» вариантом тех отношений, которые в истории с Анной кончаются ее гибелью.

И вся история взаимоотношений Левина с Кити столь же закономерна, как пример правильно решенных, с точки зрения Толстого, семейных отношений. Все, что в романе связано с занятиями Левина сельским хозяйством и с крестьянами, все это тоже нужно Толстому для того, чтобы противопоставить эти насущные вопросы жизни народа в пореформенной России чиновному Петербургу с его светской праздной жизнью.

Таким образом, тема семейная выражает себя у Толстого несколькими путями, и в то же время она тесно переплетена с темой общественной.

Я не ставлю своей целью проверять работу нас, грешных, сравнениями с такими гигантами, как Лев Толстой. Но дело в том, что это — своего рода «закон» создания художественного произведения. И, конечно же, он соблюдался и соблюдается мастерами нашей художественной прозы. Фурманов, Федин, Леонов, даже когда они были молодыми и неопытными, не внесли ничего, внутренне не согласуемого между собой, в «Чапаева», в «Города и годы», в «Барсуки». Личные темы в этих романах — это стороны или грани темы общественной.

А посмотрите у Гранина: вся история личных отношений — неудачная любовь Лобанова к замужней женщине, любовь к нему девушки-сослуживицы, которой он не может ответить взаимностью, и, наконец, его любовь к Марине, с которой он обретает личное счастье, — вся эта личная история не имеет никакого отношения к главной теме романа, она совершенно произвольна. Автор мог бы как угодно варьировать эту сторону дела.

И потом, кто же выводит главную героиню в самом конце романа! Нельзя требовать, чтобы автор «обвенчал» героя со своей героиней в самом начале, но элементарный художественный опыт подсказывает, что лучше было бы ввести героиню с самого начала романа с ее самостоятельной судьбой, чтобы эта судьба по-своему перекликалась или служила бы одной из сторон выражения главной

темы романа, темы искателей. И здесь тоже дело не только в недостатках технологических, а и в писательском видении мира.

Роман Кетлинской «Дни нашей жизни», который обладает относительно меньшей изобразительной силой, но который гораздо сложнее, потому что действие в нем разворачивается на крупном производстве, — в нем много действующих лиц и много сложных коллизий (общественных, производственных, семейных, личных), — лишен недостатков, отмеченных мною в романе Гравина, но имеет свои недостатки. Форма, избранная Кетлинской, очень точно выраженная в названии «Дни нашей жизни», позволяет автору ввести в роман много разных судеб для выражения главной мысли. Мысль эта в общих чертах сводится как раз к тому, насколько многообразны, различны, индивидуальны в своих стремлениях, радостях и горестях советские люди, как по-своему выражаются в людях пережитки старого, собственнического мира и как крупное производство организует, объединяет этих людей, перевоспитывает их в процессе коллективного труда, общественной деятельности, а также общественного воздействия на них, где главная роль принадлежит партии, партийному коллективу.

В правдивом и живом показе места, роли и деятельности партийного коллектива на крупном заводе — одна из главных заслуг Кетлинской в этом романе. Относительно многосторонне показана в нем деятельность директора завода Немирова, который, помимо всего прочего, дан живым человеком, что не часто встречается при изображении хозяйственных и партийных руководителей.

Верная идейная направленность и чувство действительности позволили Кетлинской показать серьезные трудности и противоречия в семейной и личной жизни людей. Обращает, в частности, на себя внимание фигура инженера Гаршина, хорошего инженера, честно относящегося к своей работе, человека живого и умного, но легкомысленного, без семейных устоев, легко вступающего в любовные связи. Он дан не трафаретно, без авторской дидактики, а осуждается всем ходом жизни в условиях советского общества.

Можно было бы еще многое сказать об удачах автора, но именно потому, что это произведение — одно из лучших

за последние годы, я хочу остановиться на некоторых его недостатках, типичных и для других современных произведений. Роман перенасыщен технологией производства, и она отяжеляет и оскучняет произведение. Когда автор, сам не работавший на производстве, слишком подробно влезает в технические детали, читатель относится к этому настороженно.

В частности, мне приходилось слышать, что в изображении Кетлинской производства деталей турбин имеются неточности, а обиднее всего, что они, эти детали, нужны в турбине, но совершенно не нужны в романе! Технологические процессы в романе Кетлинской не всегда преломляются через «человеческое». Нельзя, разумеется, совершенно обойти в таком романе производственные процессы, и Кетлинская добивается их занимательности как раз там, где даются человеческие характеры и где дух соревнования обретает поэтическую силу.

И еще мне хочется сказать об одном типичном недостатке, свойственном Кетлинской и в прежних, и в этом ее романе, недостатке, который чрезвычайно распространен в нашей прозе. Многие наши прозаики, особенно молодые, забывают, что диалог в прозе играет совершенно такую же роль, как и в драматургии: он, диалог, нужен для выражения характеров людей, их взаимоотношений и столкновений. Прозаику легче, чем драматургу, придать именно это значение диалогу, потому что прозаик может сопровождать его изображением жеста, предварительным или последующим анализом чувств. А во многих наших произведениях прозы, и не только у молодых авторов, всякого рода иллюстративный материал, изложение внешних обстоятельств дается через диалог. Это прежде всего нерационально, неэкономно: все это гораздо короче и проще можно сказать от автора. И это лишает диалог его остроты и силы, герои не выражают в нем себя, а выполняют черную авторскую работу. Такие диалоги просто скучны.

Такие скучные разговоры в романе Кетлинской ведутся порой по вопросам технологии или организации производства.

Я могу назвать немало талантливых произведений прозы, которые по их высокому идейному смыслу, вер-

ности основных характеров, выхваченных из жизни, могли бы занимать большое место в развитии советской литературы, если бы им не были присущи более или менее значительные художественные недостатки. К таким произведениям принадлежит, например, роман Всеволода Кочетова «Молодость с нами».

Это роман, насыщенный острой идейной борьбой, развертывающейся в научном учреждении. В нем много действующих лиц, в большинстве своем удавшихся автору, за исключением главного героя, в котором много живых черт, не связывающихся, однако, в цельный характер. В романе много молодежи, хороших советских девушек, впечатляет образ секретаря райкома партии, в прошлом секретаря заводской партийной организации, потомственного пролетария, тесно связанного с массами, человека живого, цельного. Точными штрихами обрисованы сотрудники института, — их немало, — выступающие каждый в своей неповторимой индивидуальности. Тонко и остро подает Кочетов косные силы в науке, окопавшиеся в этом институте. Среди них только представитель так называемой «чистой науки» профессор Красносельцев дан несколько упрощенно. А образ карьеристки Шуваловой, главного скрытого организатора этих сил в институте, дан с предельной выпуклостью, — все мы встречали таких дам, и не только в научной сфере.

Кочетов остро показывает, при каких ложных «методах» партийного руководства лжеученые и мещане от науки могли обрести такое влияние в институте и как живой партийный подход к делу, опирающийся на передовые силы в самом институте, помогает выправить положение.

Можно было бы остановиться на ряде сцен и эпизодов, написанных с большой изобразительной силой. Но при этих своих достоинствах роман художественно не завершен. И поскольку мы имеем дело с автором, обладающим известным художественным опытом, приходится признать, что он недостаточно поработал над своим произведением. В этом произведении соединены вместе три романа: один — о борьбе в институте; другой — посвященный вопросам семьи, в частности некоторым важнейшим вопросам формирования семьи у нашей молодежи; третий — о жизни пограничников. Надо сказать, что все три романа могли бы быть идейно, а стало быть, и сюжетно

связаны между собой, поскольку во всех трех поставлена тема борьбы с силами старого мира. В семейном романе они выступают как пережитки; в романе, насыщенном идейной борьбой в науке, они персонифицированы и выступают как косные и злые мещанские силы внутри советского общества, а в романе о пограничниках — как агенты капитализма, шпионы и диверсанты.

Автору нужно было много поработать, чтобы все эти разнообразные формы борьбы связать в одно художественное целое. Но он этого не сделал, должно быть, потому, что эта связь вставала в его сознании более или менее стихийно. Если бы автор до конца осознал идейную сущность своего романа, опыт подсказал бы ему немало способов и приемов для того, чтобы связать весь материал в единый сюжет.

Можно назвать еще ряд произведений прозы, которые по их достоинствам относятся к положительным явлениям советской литературы, законно пользуются читательским спросом, но которым присущи недостатки, рассмотренные мной на примере романов Симонова, Гранина, Кетлинской, Кочетова. Таковы, на мой взгляд, «Путь открыт» Юрия Лаптева, «Сирота» Николая Дубова, «Екатерина Воронина» Анатолия Рыбакова, «Утро» Мехти Гусейна, «Караганда» Габиден Мустафина.

Справедливо говорят, что слабостью многих произведений советской литературы является их непродуманная, рыхлая сюжетная основа. Я очень рекомендую вниманию молодых — и не только молодых — писателей очень хорошую статью Е. Добина в третьей книге «Нового мира» за этот год; она называется «Заострение в сюжете».

Критик приводит эпиграф из Л. Толстого: «Надо заострить художественное произведение, чтобы оно проникло. Заострить и значит сделать его совершенным художественно». Добин берет различные произведения классической литературы — «Пиковая дама», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Странная история», «Муму», «Затишье», «Злоумышленник», «Попрыгунья», «Мороз» — и рассматривает, опираясь на различного рода воспоминания, какие прототипы в жизни, какие реальные жизненные конфликты дали толчок авторскому воображению.

Критик показывает, как это происходило в жизни и как получилось в произведении, то есть в каком направлении преобразует каждый писатель материал, данный ему жизнью. Так, например, глухонемой крестьянин, послуживший Тургеневу прототипом в рассказе «Муму», после того как он, по приказу помещицы, утопил собачку — единственного друга в его зависимой крепостной жизни, не только не ушел от помещицы, а продолжал ей служить и благодарно целовать ручку.

Тургенев же самую глухоту и немоту Герасима превратил в символ его крепостного существования, и, как известно, Герасим в рассказе «Муму» покидает свою барыню.

Еще более сложен путь создания «Попрыгуньи». В реальной жизни только отдельные стороны всей этой истории и людских характеров, в ней участвующих, соответствовали их воплощению в рассказе Чехова. Больше других соответствовал жизненный облик героини, но в жизни она была не такой пустой женщиной, какой выведена в рассказе. Только внешнее поведение ее мужа — врача, каким он был в реальной жизни, соответствовало облику Дымова в рассказе, но в жизни этот человек был лишен той глубины характера и тех больших жизненных целей, которые отличают Дымова. А прототипом художника в рассказе, как известно, являлся Левитан, друг Чехова, глубокий, большой талант, лишенный каких-либо черт богемы и праздности, свойственных художнику в рассказе «Попрыгунья».

Е. Добин показывает, что классики брали свои сюжеты из жизни, но преобразовывали их в соответствии со своими взглядами на жизнь. Для того чтобы под случайными чертами частного жизненного эпизода вскрыть его общественное и моральное содержание, надо уметь увидеть это содержание, а это определяется характером мировоззрения художника. И критик приходит к правильному выводу, что законы сюжетного строения нельзя свести к сумме формальных приемов, — сюжеты диктуются жизнью каждый раз по-разному и в зависимости от мировоззрения писателя.

«Сюжет, — убедительно доказывает Добин, — это *концепция* действительности. Как и в художественном произведении в целом, в сюжете слиты и объективное отражение закономерностей реальной жизни, и взгляд ху-

дожинка на действительность». Короче говоря, найти сюжет в жизни можно только в том случае, если ты знаешь, чего ты хочешь, чего ищешь. Заострить произведение художественно — и в сюжете и в характерах — это значит прежде всего освободить материал жизни от случайного и вскрыть его глубокую социальную и моральную правду.

Но это не значит, что для художественного воплощения правды жизни не существует приемов мастерства, открытых и разработанных за века литературного развития, открываемых и разрабатываемых и сегодня. Всем этим богатством надо владеть для того, чтобы не чувствовать себя беспомощным в решении художественных задач. Должна быть гармония видения жизни и умения ее воплощать с помощью художественных приемов.

В романе белорусского писателя М. Последовича «Свет над Липском» есть замечательные жизненные характеры и нет сюжета. Последович окружил главных героев чрезмерно большим числом персонажей, среди которых одни и вовсе не нужны, а другие нужны, но не раскрыты. И автор не сумел построить, организовать роман вокруг главных героев: произведение развивается слишком «ровно» по отношению ко всем, даже десятистепенным персонажам (кроме председателя колхоза Сыча, который дан крупным планом, — образ очень интересный, своеобразный, цельный). А ведь именно за главными героями и их отношениями чаще всего кроются главные идейные и моральные основы романа. Когда читаешь «Свет над Липском», кажется, будто задача автора состояла в том, чтобы дать просто течение жизни, а не борение характеров и страстей, бушующих в людях, так, чтобы читатель был втянут в эту кипень и уже не мог из нее выбраться, пока автор не отпустит.

У Последовича это не от незнания жизни, — наоборот, жизненный материал вовлечен широкий и интересный, — а больше от отсутствия художественного опыта, что связано с недостаточно глубоким и последовательным продумыванием некоторых верно подмеченных событий и фактов. Например, в самом начале романа Последович нашел правильное сопоставление двух типов колхозных руководителей — Сыча и Зеленки (Зеленка дан прекрасно!), но после того, как автор заинтересовал читателей их

борьбой-соревнованием, он стал все больше забывать про Зеленку, а потом и вовсе его покинул. В отместку за это пропадает интерес и у читателя.

Автор правильно нащупал сложную линию отношений Сыча и Марины Михайловны, но все время прерывает эту линию десятками менее важных эпизодов, надолго упускает из поля внимания главную героиню.

Таким образом, Последович не дал своему главному герою Сычу для борения или морального соревнования сквозных, — также много места занимающих, — других персонажей, несущих, если можно так выразиться, свою нагрузку идей, чувств. Образ Сыча раскрывается во взаимоотношениях буквально с десятками людей, но разве можно заинтересовать читателя, через каждые десять — двадцать страниц преподнося ему очередную встречу или столкновение героя со все новыми и новыми лицами.

Исторический роман Ф. Пестрака «Встретимся на баррикадах» имеет много достоинств. Это в основе своей ясное и чистое художественное произведение о прошлой борьбе белорусских крестьян в западных областях Белоруссии против шляхетского господства. Он имеет большое воспитательное и познавательное значение, в нем немало впечатляющих образов людей из народа, борющихся за народную свободу и счастье. По форме своей это, с одной стороны, «роман-хроника», поскольку исторические события излагаются в нем в последовательности того, как они происходили (это не исключает, разумеется, художественного вымысла). С другой стороны, это «роман-биография», поскольку в центре его находится, так сказать, сквозной «лирический» герой: его мы не должны отождествлять с автором, но все же через этого героя высказано немало пережитого самим автором. Эта форма имеет то преимущество перед многими другими, что она как бы дает автору свободу выбора и отбора событий и людей. Однако в ней таятся и свои опасности: при кажущейся свободе формы она не позволяет «растекаться мыслию по древу», — она не терпит, как и всякая другая, излишних подробностей. Здесь, как и в любом романе, нельзя надолго выпускать из поля зрения не только «лирического» героя, но и других главных действующих лиц. А кроме того, если автор уже выбрал эту форму, он должен ее придерживаться, а не вступать на путь искусственной

«беллетризации». Но вот эту форму «романа-хроники» и одновременно «романа-биографии» автор, должно быть, не сразу определил и сам для себя.

Первый том писатель начинает развивать так, как развивается обычный роман. Читатель ждет, что дальше фабула будет развиваться на основе взаимоотношений, сопоставлений и столкновений уже выведенных действующих лиц, но нет: автор вдруг оставляет всю эту среду и переносит главного героя совсем в новую среду. Появляются новые и новые персонажи. Мы все ждем, когда же развернется сюжет, ищем фабульные нити, наконец появляется героиня, но она вскоре тоже надолго исчезает.

И вот мы уже совсем готовы разочароваться, но потом роман начинает течь естественнее, свободнее — люди, совсем было затерявшиеся, наконец находятся, занимают свое место. Только во втором томе роман окончательно обретает свою форму «романа-хроники» и одновременно «романа-биографии» и уже катится, как река. Правда, во втором томе, как и в первом, чувствуется известная растянутасть повествования.

Кстати, очень полезно выяснить, что такое эта растянутасть, свойственная многим нашим произведениям. Во-первых, мы скупимся вычеркивать эпизоды, которые вошли в роман в процессе его писания, а потом оказались ненужными с точки зрения главной мысли или потому, что повторяют уже сказанное. Герои у нас обмениваются десятками реплик там, где совершенно достаточно, чтобы они обменялись одной-двумя. Такие диалоги — в ущерб характерности и развитию действия. Во-вторых, мы много времени затрачиваем на так называемые «переходы» от одной сцены к другой, от одного мотива к другому, а между тем такие переходы вовсе не нужны, это — мусор в художественной прозе. Приведу один из примеров ненужного «перехода» в повести В. Некрасова «В родном городе».

В главе 10-й разворачивается знакомство героя повести Николая с семейством Острогорских. Автор умелыми, тонкими штрихами дает портреты очень разных людей, населяющих квартиру, где живут Острогорские. В 11-й главе ему нужно, во-первых, свести Николая с его приятелем Сергеем для развития другой линии повести, а во-вторых, снова привести Николая в квартиру Остро-

горских и развить его отношения с девушкой Валей. Но автору почему-то кажется, что он не может прямо перейти в начале 11-й главы к встрече Николая с Сергеем, и он делает следующий «переход»:

«Острогорским должны были привезти дрова. Валин институтский завхоз был расторопен и загодя, еще до наступления первых осенних холодов, обеспечил всех сотрудников хорошими, дубовыми дровами. Договорено было, что Яшка привезет их на своей машине, а Николай с Петькой Ковровым распилят и наколют.

Дрова должны были привезти в четыре, но Николай задержался со своими процедурами и вышел из госпиталя в начале пятого.

На мосту, у входа, столкнулся с Сергеем».

Что же здесь лишнего?

Незачем привлекать институтского завхоза, который никогда больше в романе не появляется; совершенно не важно, в котором часу должны привезти дрова и в котором часу вышел Николай из госпиталя. Это часто имеет большое значение в жизни, но решительно никакого значения не имеет в романе. Не нужно предвосхищать, что Николай с Петькой Ковровым напилят и наколют дрова, потому что дальше *показано*, как они их пилят и колют.

А что здесь необходимо?

Нельзя обойтись без упоминания о том, что Острогорским привезли дрова, потому что развитие отношений Николая и Вали связано с тем, что они пилят дрова. И важно, как черта характера и как бытовой штрих, что эти дрова привез «на своей машине» Яшка, живущий в этой квартире. Но об этом тоже нет надобности говорить в начале главы, потому что через полторы страницы говорится:

«Придя к Острогорским, Николай застал всю квартиру толпящейся вокруг сваленных на полу здоровенных плах...»

Здесь достаточно только добавить «...дубовых плах, которые Яшка получил (или «раздобыл») в Валином институте и привез на своей машине». А главу можно, как мне кажется, начать одной фразой: «По дороге к Острогорским, на мосту, у входа, Николай столкнулся с Сергеем» — и непосредственно переходить к беседе Николая с Сергеем.

Справедливости ради следует сказать, что Некрасов меньше других злоупотребляет пенужными «переходами», но они являются бичом нашей прозы, нещадно замусоривая ее на стыках глав, сцен, эпизодов.

Эти и другие названные мной недостатки мастерства иногда просто губительно сказываются на талантливых произведениях нашей прозы. И это особенно обидно, когда в этих произведениях поднимаются новые жизненно важные темы. Например, в журнале «Октябрь» за этот год напечатан роман «Поток» А. Пантиелева — писателя, несомненно, одаренного. С точки зрения технического прогресса, в промышленности автор направил свое внимание на самые центральные вопросы современного периода развития — на создание поточного производства и борьбу за его внедрение. В самом деле, мы войдем в коммунизм с автоматизированными, построенными на потоке, специализированными и кооперированными в производственном отношении заводами и фабриками. Чувствуется, однако, что автор не полностью сознавал всю глубину новой темы, которую он поднял. Роману присущи почти все виды художественных недостатков, разобранных мною выше, и, с моей точки зрения, этот интересный роман не сможет играть той роли, которую заслуживает, если автор не отнесется к нему как к произведению еще сырому и не поработает над ним.

ДРАМАТУРГИЯ

Нетрудно понять, почему же так отстает наша драматургия, в которой все построено на характерах и конфликтах и где недостатки мастерства выступают поэтому наиболее обнаженно.

Конечно, в области драматургии создаются и в наши дни хорошие литературные произведения большого содержания и своеобразной формы, на темы современные и исторические.

Мне кажется, например, недооцененной в нашей критике трагедия в стихах Ильи Сельвинского «От Полтавы до Гангута».

Известны ошибки некоторых писателей, подымавших в своих произведениях те или иные события Петровской

эпохи, ошибки, сводившиеся, главным образом, либо к недооценке прогрессивного характера преобразований Петра, либо к неправильному освещению народных крестьянских движений этой эпохи. Некоторым авторам казалось, что признание прогрессивного характера преобразований Петра не позволяет им сочувствовать народным восстаниям против Петра и, наоборот: нельзя сочувствовать деятельности Петра, поскольку она была направлена на укрепление государства помещиков и купцов и вела ко все большему закрепощению крестьян.

Мне кажется, что Сельвинский исторически верно осветил обе эти стороны дела, показав, что народ поддерживал Петра в его общенациональной задаче по укреплению единства государства против врагов этого единства (опиравшихся на пережитки феодализма и использовавшихся сильными иностранными державами). Народ поддерживал Петра в защите русского государства от иноземных завоевателей и восстановлении его исторически справедливых границ, и народ восставал против петровских реформ, направленных на усиление и расширение власти помещиков и утеснение народных «вольностей» там, где они еще существовали.

Автору удалось, с моей точки зрения, воплотить эти большие и сложные исторические события в сильных и цельных характерах, среди которых выделяются Петр и крестьянский вожак Чохов, и выразить это в стихах, в которых, по сравнению со многими прежними его стихами, Сельвинский пришел к большей простоте.

Сельвинского упрекали в том, что он допускает порой исторические смещения событий, — перенес, например, шута Балакирева в петровское время. Но мне кажется, драматург имеет на это право: народная легенда превратила исторический образ Балакирева в нарицательный образ шута, высказывающего правду царю от лица народа. Сельвинскому, по его замыслу, нужен был именно такой образ.

Не согласен я также с той кислой оценкой, которая дана была критикой еще двум историческим пьесам — «Ломоносову» Всеволода Иванова и «Лермонтову» Бориса Лавренева. Мне кажется вообще неправильным, когда драматические произведения оцениваются походя, только в связи с их сценическим воплощением, как они получались на сцене, без прочтения пьес.

Сколь ни различны их авторы, обе пьесы написаны отличным литературным языком, речь каждого действующего лица в них индивидуализирована, и пьесы построены на характерах.

Пьеса Иванова — романтическая по форме, о чем я еще буду говорить в другой связи. Постановщик пьесы в Московском Художественном театре, он же исполнитель роли Ломоносова, должно быть, видел, что спектакль нельзя поставить в реалистически-бытовом плане. Но он не создал романтического спектакля, а вступил во внешнем оформлении на путь стилизации, а в актерском воплощении характеров, особенно Ломоносова, на путь, если так можно выразиться, ложной «монументализации». И при большой затрате труда и таланта внешнее заслонило внутреннее. Кажется, что Ломоносов только что сошел с пьедестала и гуляет перед современной публикой. Исчез так хорошо написанный драматургом, такой земной и крылатый Ломоносов, с бесстрашным полетом мысли, морально чистый до наивности, по-мужицки сильный, неуклюжий и драчливый.

Образ Лермонтова, как он дан в пьесе Лавренева, подвергся в известной мере справедливой критике. Автору действительно не удалось с достаточной полнотой выразить глубокое общественно-историческое содержание образа русского поэта, которому выпало на долю после разгрома декабристов и после смерти Пушкина, без ясного понимания того, что будущее еще придет, пронести в условиях мрачного и подлого режима, сквозь невольное очерствение и индивидуализм души сильной и непокорной, огонь гражданской поэзии, возжженный впоследствии Некрасовым в пору нового общественного подъема.

Но было бы неверным утверждать, что драматургу вовсе не удалось передать существенные черты этого сложного характера, противоречивого, своеправного и обаятельного. Необыкновенное обилие действующих лиц, характеризующих эпоху и многообразную среду, в которой суждено было вращаться Лермонтову, делает пьесу Лавренева трудной для постановки. Но точная жизненная характеристика каждого из персонажей, данная только через диалог и действие на столь ограниченном по естественному объему пьесы плацдарме, свидетельствует о высоком мастерстве драматурга.

По глубине исторической эта вспашка не так глубока, как нам хотелось бы, но пласт, поднятый драматургом, обработан со всем искусством.

Среди пьес современных выделяется по напряжению мысли и чувства и по своеобразию формы новая пьеса Леонида Леонова «Золотая карета». Она уже вызывает острые споры. Желая внести свой вклад в эту дискуссию, я более подробно останавлиюсь на пьесе дальше, в связи с вопросом о многообразии форм социалистического реализма. «В добрый час!» В. Розова уже получила признание зрителей и критики, и мне только хочется присоединиться к хорошей оценке этого ясного и чистого произведения, воспитательное значение которого для молодежи возрастает именно от того, что автор нигде не говорит: «Вот я сейчас буду вас воспитывать».

Мне кажется недооцененной пьеса А. Крона «Кандидат партии». Это настоящее литературное произведение, персонажи ее даны каждый в своей индивидуальности, жизненно, а по мысли своей пьеса нужна, полезна: она бьет по проявлениям карьеризма и пережиткам индивидуализма, сказывающимся в такой важной области новых человеческих отношений, как социалистическое соревнование в труде, на производстве. Не все, однако, продумано автором в развитии основного конфликта в пьесе, иногда чувствуется авторская преднамеренность.

Успехом у зрителей пользуется пьеса В. Пистоленко «Любовь Ани Березко» благодаря ее чистой моральной направленности, отвечающей чувствам нашего зрителя, и относительно удачному образу главной героини. Пьесе присущи, однако, серьезные художественные слабости в решении характеров и в развитии конфликта, где не все от жизни, а и от авторской схемы. Этот недостаток можно считать одним из крупнейших недостатков многих произведений современной драматургии.

В пьесе А. Корнейчука «Крылья» основной конфликт разворачивается вокруг одной из наиболее актуальных тем современной колхозной жизни — темы руководства колхозами. Она заострена против бюрократических методов руководства. И не только в колхозах.

Как и в других своих колхозных пьесах, Корнейчук показывает передовые и отсталые элементы внутри

колхозов, но в центре его внимания на этот раз — областные руководители. Ряд интересных характеров вывел автор, особенно комедийных; наиболее выпуклы некоторые персонажи второго и даже третьего плана. Но в расстановке действующих лиц даже у такого талантливого и опытного драматурга, как Корнейчук, многое выглядит не как данное жизнью, а как заданное от автора, хотя пьеса написана с драматической живостью, в ней много народного юмора.

Основной конфликт осложнен введением второго, добавочного конфликта, связанного с семейной жизнью секретаря обкома Ромодана, но этот второй конфликт органически не связан с первым, — он не является одной из сторон выражения главной идеи, а только сопутствует ей, а это в произведении драматическом нужно считать еще бóльшим художественным недостатком, чем в произведении прозаическом.

«Сердце не прощает» А. Софронова — пьеса бытовая, в которой основной семейный конфликт наполнен большим социальным смыслом. Софронову удалось женские характеры. Если говорить собственно о семейном конфликте, то пьеса Софронова могла бы быть построена вполне гармонично. И разлад в семье главной героини Топилиной, и семейное неустройство колхозницы Новохижиной, потерявшей мужа на войне, и полные юмора столкновения секретаря парторганизации со своей женой Домной Ивановой, хорошо выписанной автором, — все это разные стороны одной и той же семейной темы, в известном смысле характерной для послевоенного времени. Конфликт Топилиной с мужем является в то же время не только ее личным конфликтом, а борьбой передовой колхозницы за общественное хозяйство, за свое колхозное первородство и духовный рост, против собственничества и стяжательства, воплощением которых является ее муж — враг колхозной жизни, тоже хорошо выписанный автором.

Но не все характеры удалась Софронову. Лишены индивидуальности директор совхоза Ажинов, занимающий такое большое место в жизни Топилиной, и председатель колхоза, и шофер Ажинова. Пьеса несколько подпорчена попыткой натянуть («для современности») добавочный конфликт с отсталым председателем, на что в пьесе нет ни места, ни времени, и, наконец, искусственным концом,

который органически из пьесы не вытекает и который автор мог бы легко исправить.

Интересно вскрыть причины, по которым пьеса А. Штейна «Персональное дело» производит более сильное впечатление, чем пьеса К. Симонова «Доброе имя», хотя сюжеты родственны. Обе пьесы написаны вполне литературно, и оба автора подняли важные вопросы коммунистической морали. И там и здесь борьба разворачивается за восстановление доброго имени честного советского человека-деятели, несправедливо обвиненного недостойными людьми ради их корыстных, карьеристских целей, при попустительстве людей равнодушных или доверчивых.

Но Штейн вторгся на главное поле борьбы, где главными действующими лицами являются: сам человек, несправедливо обвиненный и осужденный, те силы, которые это совершили, и те, которые выступили на его защиту. А Симонов облегчил свою задачу тем, что показал этого человека только в конце пьесы. Мы не видим борьбы в институте, где этот человек работает, не видим тех, кто исключает его из института под влиянием несправедливой оценки его деятельности в газете. Действие пьесы разворачивается только в редакции газеты, где передовые работники ее борются за восстановление доброго имени пострадавшего, а элементы косные, равнодушные, бюрократические, прикрываясь желанием сохранить «доброе имя» газеты, препятствуют им в этом.

В конце пьесы зритель узнает, что несправедливо осужденный доцент даже не боролся за себя и не особенно это переживал, а выполнял в это время полезную работу в другом месте, веря в добрые силы, которые ему «помогут». Уйдя как автор с главного поля борьбы своих персонажей и снизив тем самым остроту конфликта, Симонов снизил и гуманистический пафос своей пьесы.

Неудача ряда сатирических пьес объясняется, с моей точки зрения, тем, что их обличения также лишены подлинного гуманистического пафоса, то есть того, что это — обличения от имени народа, во имя народа и для его блага. Сатира должна быть смешной, но смех ее — особенный смех: чтобы изобличать зло смехом, нужно взглянуть на это зло глазами народа, который много претерпевает от зла, но в силах расправиться с ним.

В пьесе С. Михалкова «Раки» зазнавшийся, самодовольный руководитель-бюрократ изобличается не через показ того вреда, тех бед и несчастий, которые он несет людям, народу, и не через показ тех народных сил, которые в конце концов с ним расправляются, а через втершегося в доверие к его семье проходимца, который является в пьесе одной из главных сил, несущих на себе конфликт. Это написано талантливо и смешно, но мелко, бьет мимо цели, лишено большого гуманистического содержания.

Я вовсе не хочу этим сказать, что во всех сатирических пьесах для изобличения зла должны обязательно присутствовать положительные персонажи. Покарать силы зла может от лица народа и сам автор — и вовсе не путем авторского морализирования, а всем отношением к изображаемому. Мне могут сказать: «А как это сделать? Попробуйте-ка!» Но рецептов здесь нет, это вопрос мировоззрения и мастерства. В пьесе В. Милко «Не называя фамилий» выведены и положительные персонажи, а зло все-таки изобличается не в главном его корне, а по частным, боковым признакам. И это опять-таки вопрос мировоззрения и мастерства.

ПОЭЗИЯ

За эти годы наши журналы напечатали ряд поэм, много стихотворений, издательства выпустили немало поэтических сборников. Появились новые имена. Иногда приходится слышать: «Зачем так много печатается стихов? Среди них так много незапоминающихся!» Это верно в том смысле, что редакции журналов и издательств должны повысить требования к поэзии, строже отбирать для печати из того, что им предлагают, и больше работать с молодыми поэтами. Но это справедливо и по отношению к прозе.

Читатель, любящий поэзию, найдет в ней и примечательные явления, и общие радующие признаки роста.

В развитии поэзии, наряду со старшими поколениями, теперь все большую роль начинают играть поколения средние — не столько по возрасту, сколько по времени вступления в большую поэтическую жизнь. Меня опять могут осудить за «список», но я хочу показать, о каких же

поколениях идет речь. Твардовский, Симонов, Михалков, Ишнин, Алигер, Берггольд, Грибачев, Сергей Смирнов, Малышко, Воронько, Олейник, Аркадий Кулешов, Танк, Г. Абашидзе, И. Нонешвили, Шираз, Сильва Капутикян, Геворг Эмин, Межелайтис, Смуул, Вааранди, Имерманис, Турсун-заде, Миршакар, Ергалиев, Мирмухсин, Ахмед Джамиль, Кара Сейтлиев, Сибгат Хаким, Мустай Карим, Расул Гамзатов, Миклай Казаков, — они и их талантливые сверстники во многом определяют состояние поэзии в наши дни. Тем большие требования мы должны к ним предъявлять. За ними идут молодые и все более молодые, среди которых тоже выделяются наиболее талантливые, но многие находятся только в становлении, дают наряду с запоминающимися стихами и невызревшие, бездумные, просто неряшливые (чему, впрочем, отдают дань поэты разных поколений).

Наибольшие достижения современной поэзии — в области лирики и лирико-эпических форм и отчасти сатиры. С другой стороны, мы почти не имеем большой эпической формы — романа в стихах — и мало драматической поэзии.

Снова оговорюсь, что рассматриваю далеко не все лучшее, заслуживающее внимания. Оценки мои поневоле носят характер аннотаций, но, сказать правду, ряд явлений поэзии, которые я затрону, не имеет до сих пор даже аннотаций.

Мне хотелось бы в первую очередь выделить новые детские стихи С. Маршака «Мастерская в кармане», «Сказка об умном мышонке», «Случай в дороге», его новые лирические стихи и цикл его стихотворений или отрывков под общим названием «Времена и люди». В поэзии Маршака гармонично сливаются ясность мысли, пластичность рисунка и необыкновенная простота формы; в последнем его цикле живо встают перед современным читателем портреты Владимира Стасова, молодого Горького, Шаляпина, хороши фрагменты «Начало века», «Ялта».

Сборник новых стихотворений Н. Асеева показывает, что поэт пришел к большей простоте формы, не лишив ее своеобразия, и можно только пожелать поэту большей связи с современностью. Обращает на себя внимание цикл стихов о Гоголе. В наших литературных спорах были голоса, упрекавшие Асеева в том, что он, вопреки известной версии, по которой Гоголь в болезненном состоянии

сжег второй том «Мертвых душ», выдвинул, как возможную, версию, что в этом томе Гоголь протянул руку революционно-демократической России и том уничтожили реакционные силы, воспользовавшись болезнью Гоголя. У Асеева эта версия выражена не как научная догадка, а как поэтический символ — символ того, каким Гоголь вошел в будущее, то есть каким пришел к нам, наследникам Белинского и Чернышевского. Я думаю, что поэзия — не литературоведение и имеет на это право.

Плодотворно работает Максим Рыльский, выпустивший недавно сборник новых стихотворений «Сад над морем». Не все стихотворения сборника равноценны. Некоторые стихи непосредственно политического содержания не оригинальны и риторичны, например «Радянському народові», «Геть паліїв війни!». Но лучшие стихотворения из этого цикла, с их внутренним пафосом и ковеной строфой, примыкают к прежним лучшим политическим стихам Рыльского.

Автору и в прошлом свойственны бывали стихотворения, похожие на дневниковые записи, в которых он не всегда экономен. «Миргородські записи» были бы хороши, если бы не этот их грех местами, тем более чувствующийся в нерифмованных стихах, совершенно не терпящих дряблых строк, а требующих, как известно, совершенной мускулатуры. В стихотворении «Розмова з другом» Рыльский сам показывает, какой краткости, ясности, прозрачности можно достичь в нерифмованном стихе. В сборнике немало стихотворений свойственного Рыльскому строгого классического сложения, с ясной мыслью и лирическим подтекстом. Хочется отметить стихотворения «Ясна Поляна», «Визначення поезії», «Гвоздики Коцюбинського», «Художник», некоторые стихи из цикла «Подорож на Закарпаття» и жанровое — «Кінолюб».

С интересным циклом стихотворений «Тебе, Украина!» выступил В. Луговской. Историческая русская тема выдвинула Луговского, когда он был еще молодым поэтом; в новых стихах, навеянных историей России и Украины, стихах с протяженным ритмом, напоминающим украинские «думы», и весомым словом-образом поэт точно вновь обрел себя. Лучшие из этих стихотворений — «Думы», «Золотые Врата», «Иван Федоров» и современное — «Свадьбы» раскрывают новые стороны поэзии Луговского. Все-таки поэт порою многословен.

Сборник «Новые стихи» Симона Чиковани радует чувством современности, разнообразием явлений жизни, на которые поэт откликается, в особенности выходом его на простор больших интернациональных тем (циклы «На польской дороге», «Цветы за Одером») и высоким уровнем поэтической работы. Мы привыкли к некоторым особенностям нашей поэзии, как к чему-то обычному, а с точки зрения исторической нельзя не подчеркнуть, каким естественным, живым, подлинно поэтическим чувством дружбы народов проникнуты разобранные мной стихотворения Рыльского, Луговского, Чиковани. Надо, однако, сказать, что не всегда Чиковани удается избежать декламации. Это особенно чувствуется в стихотворениях «Весна родины», «Обновленная земля», «Эстафета мира».

Нашел новые слова в своей лирике любви и природы, неотъемлемой от чувства родины, поэт А. Прокофьев в новых стихах «У нас по Заречью» — однако далеко не во всех. Часто он перепевает себя. Он стал построже в области формы, в которую заключена его песенная стихия, но едва переходит к большой форме, стихия перехлестывает автора. «Юность» его глубоко эмоциональна, читаешь ее, будто поешь, не задумываясь над тем, есть ли в поэме художественная логика. А начнешь разбираться, видишь, что она, — неизвестно даже как назвать, поэма или песенная сюита, — связана не столько осмысленной образной системой, сколько преходящей эмоцией. С моей точки зрения, это для большой формы все-таки недостаток, недостаток мысления. В поэме, однако, с большим чувством передана преемственность героических поколений юношей и девушек времен Октябрьской революции, гражданской войны и войны Отечественной.

Очень жаль, что редко выступает теперь со своими стихами М. Исаковский. Его стихотворения «Новый Свет» и «Лен», современные, глубокие по мысли, сложившиеся, кажется, так естественно, в ясную простую форму — не большую, не маленькую, а такую, как нужно, — свидетельствуют о высоком мастерстве поэта.

Мне хочется упомянуть о новых лирических стихах Н. Брауна из цикла «Лесная тетрадь», напечатанных в этом году в журнале «Нева». Казалось бы, уже все сказано о русской природе нашей классической поэзией, но Браун сумел преломить природу через свое «человеческое», достигнув необыкновенной точности, зримости

рисунка, проникнутого не созерцательным отпопением наблюдателя, а мыслью и чувством современного человека.

Много и плодотворно работает эти годы М. Алигер. Ее творчество многосторонне. Она вторгается в современность: поэма «Красивая Меча», цикл стихотворений «Ленинские горы», в котором ряд стихотворений, пронизанных мыслью, освещенных изнутри авторским чувством, хороши и запоминаются. Но есть в этом цикле и стихи внешние, умозрительные. Поэма «Красивая Меча» с ее ритмическим богатством, свидетельствующим о возросшем мастерстве поэта, в целом не совершенна. Алигер пока что наиболее сильна в лирике, и притом драматической лирике. «Зоя» гармонична потому, что образ героини лирически преломился в авторе. «Красивая Меча», написанная на новые для Алигер темы колхозной жизни, — поэма лирико-эпическая, в ней тоже сильны лирические мотивы и образы, в частности образ героини, особенно в детстве. Но совсем не получился герой, и это лишило поэму сюжетного развития. Надо сказать, что автору удалось и некоторые «объективные» образы: женщины — председателя колхоза, учителя. И это говорит о том, что Алигер могла бы работать в области эпической.

В собственно лирических стихах Алигер сильна, когда выражаемые ею личные чувства общезначимы; иногда же они ограничены кругом узколичных мотивов. Крымские стихи ее — то жизнерадостные и жизнелюбивые, то раздумчивые или грустные — отличаются совершенством формы.

Следовало бы заняться более внимательным разбором поэзии выдвинувшегося за последние годы и полюбившегося читателю Расула Гамзатова, поэта ясного, свежего, молодого и по чувству и по видению мира. Успех Гамзатова объясняется тем, что он, отказавшись от некоторых обветшалых канонов восточной поэзии, идет по пути освоения богатств реалистической поэзии, — пока что тоже больше в сфере лирики, — естественно сохраняя в своем творчестве черты национального характера, лучшие стороны народной поэзии и свою индивидуальность. Это придало голосу дагестанского поэта и оригинальность и силу звучания не только для своей республики, а далеко за ее пределами.

Мне хочется обратить внимание на творчество поэта С. Наровчатова. Он начал свою поэтическую жизнь со стихов о войне и стихов политических, посвященных таким большим темам, как, например, столетие «Коммунистического манифеста», решая эти темы не внешне, а глубоко. Стихотворения его, появляющиеся время от времени, свидетельствуют, что у него богатые поэтические возможности. Об этом говорят стихотворение «Из фронтовой тетради» и цикл «Разговор с дочкой». Но Наровчатов работает не систематически, от случая к случаю, и это может пагубно отразиться на его мастерстве, ибо оно требует ежедневной тренировки.

Одним из наиболее интересных поэтических явлений этих лет можно считать «Стихи 1954 года» Симонова. Большой цикл стихотворений в этом сборнике — то остро полемических, то дружеских — посвящен темам международным. Лучшие из них — «Хлеб», «В гостях у Шоу», «Переправа через Янцзы», «В Гуйлине», «Любовь». Говорят, что стихотворения этого цикла написаны в традиции поэта Маяковского. Это верно, но нуждается в известной поправке. Маяковскому свойственно исключительное ритмическое разнообразие, неожиданные повороты ритма, с внезапным переносом ударений, где их, казалось бы, трудно ждать, но где они нужны не по формальному признаку, а по смыслу стиха, то разящего, то полного юмора, то пафосного, то лирического. Симонов использует только то, что является каноническим в ритмике Маяковского, и придерживается этого. Стихи сильны там, где есть своя авторская интонация, эмоциональный подтекст. И стихи однообразно покачивают читателя там, где нет этого подтекста, где они умозрительны или описательны.

В сборнике три лирических стихотворения, посвященных памяти Б. Горбатова, — они пронизаны чувством сильным и мужественным.

Лучшие произведения Симонова и в прошлом и сегодня естественно и органически отражают современный советский быт со многими его уже привычными, но по существу глубоко новыми чертами человеческих отношений. К таким хорошим произведениям в сборнике относится «Дом друзей». А в стихотворении «Сын» произошло неточное или нечеткое размещение света и теней. Читатель сочувствует автору, когда он подымает голос за

женщину, полюбившую на фронте военного человека, женого и семейного, прошедшую с ним самые тяжкие испытания, родившую сына и оставшуюся одинокой со своей любовью и сыном после гибели этого человека в бою. Но автор не замечает, что им походя брошена тень непонятого осуждения на жену этого человека, пожилую спутницу его жизни, которая, как и большинство жен военных людей, не могла разделить с мужем тяготы военной жизни, но, надо полагать, трудилась, переносила немалые испытания в тылу. Выходит даже, что она как бы в чем-то виновата.

Получает жена полковника
Свою пенсию за покойника;
Старший сын работает сам уже,
Даже дочь уже год как замужем...

Но живет еще где-то женщина,
Что звалась фронтовой женой.
Не обещано, не завещано
Ничего только ей одной.

Поэтическая мысль Симонова не обняла здесь всех сторон этой глубоко человеческой истории, и он решил ее односторонне.

В поэме «Иван да Марья» взята хорошая тема о верном друге — жене советского командира, прошедшей с ним жизненный путь, героический и будничный, сквозь годы гражданской войны, ученья, службы на границе, через Великую Отечественную войну. Но это благородная тема, в решении которой автору удалось лишь отдельные места, испорчена тем, что поэма написана торопливо. Поэма не только растянута, она изобилует стилистическими неряшливостями. Стих в ней порой «жестяной», — если не влезает, автор с небольшими усилиями, вопреки поэтическому вкусу, а иногда и русской грамматике, чуть его погнет и поставит на место:

Так, с похода, с солдатской каши,
С пули в лоб бандиту — *не струся*,
Началось замужество ваше...

...Начиналась жизнь *прямо* с бури...

Даже вы, бывало, *раз нужно*,
Прикусив язык, не дыша...

...То, что, как умирать ни больно,
Но, идя в атаку, чтоб жить...

Сын служил в парашютнодесантных,
Был сегодня здесь,
завтра — там...

Последняя строчка хотя и «лестничкой», но выпадает из любого ритма, и ее в таком виде нельзя вложить ни в классический стих, ни в стих «по Маяковскому». Недостаток поэмы вообще в том, что она в значительной своей части написана прозой, хотя и в ритме и с рифмами. А жаль: поэма была бы хорошей, если бы над ней потрудиться.

Большая удача Симонова — сатирические стихи против пережитков в сознании: «Под зонтиком», «Чужая душа», «Друг-приятель», «Жил да был человек осторожный...» и другие. Они все хороши, все бьют в цель, юмор в них свой, симоновский. В этих стихах также использован поэтический опыт Маяковского.

В области сатиры поэзия идет сегодня впереди. Поэма Грибачева «У наших знакомых» — острая сатирическая поэма, в которой автор избрал мишенью горе-руководителя, переставшего расти и учиться, оторвавшегося от народа, равнодушного к народным нуждам и погрязшего в мещанском быте. Поэма достигает своей цели, несмотря на отсутствие в ней положительных персонажей, — в поэме незримо присутствует автор с его гневом, иронией, и она кажется мне достижением Грибачева и нашей сатирической поэзии. Возможно, Грибачев и не ставил целью написать сатирическую вещь, ибо в поэме наличествуют «приметы» и обычной реалистической поэмы. Однако приемы заострения в характеристике главного персонажа поэмы таковы, что заставляют воспринимать ее как сатирическую. При всех условиях это по-настоящему талантливое произведение.

Книгу сатиры выпустил Безыменский. В ней, кроме известных его сатирических произведений прошлых лет, напечатана острая и вполне современная драматическая сцена «Однажды ночью, или Рассудите вы», изобличающая бюрократизм, бездушие. При всех неоспоримых достоинствах сатирической работы Безыменского, ему порой недостает вкуса в использовании прозаизмов, в отборе эпитетов и в отдельных словообразованиях.

«Взирая на лица» Сергея Васильева — книга литературных пародий. При наличии ряда талантливых авторов в этой области Васильев пока что не имеет равных; его книга — хороший подарок современному литератору и читателю.

Из произведений большой поэтической формы я должен выделить повесть в стихах чувашского поэта Якова Ухсая «Дед Кельбук», как одно из наиболее интересных и значительных явлений последних лет. Она нуждается в специальном обстоятельном разборе. «Грозная пуща» Кулешова — вторая часть его хроники, объединенной названием «Граница», тоже принадлежит, на мой взгляд, к незаурядным явлениям современной поэзии. Необходимо, однако, обратить внимание Кулешова на то, что поэма, как, впрочем, и другие его вещи последнего времени, — растянута. В ней много «пустого» текста, лишних строк, возникающих оттого, что автор не затрачивает труда на экономное решение поэтических задач, а пишет иногда как пишется.

Я должен сказать это и в отношении поэмы такого талантливого и опытного поэта, как Л. Первомайский («На крутых берегах»). Произведение это, при многих его достоинствах, мало внутренне организовано, его материальная фактура местами лишена выпуклости, конкретности; эмоциональное звучание — эта неуловимая, как бы подводная влекущая сила чувства — слишком часто перестает быть ощутимым, и тогда выступает на первый план внешнее, умозрительное. В целом это создает ощущение растянутости, и внимание читателя то и дело ослабевает.

О поэме Кирсанова «Вершина», значительном, как мне кажется, явлении современной поэзии, а также о трагедиях Берггольц «Верность» и Сельвинского «Читая Фауста» я скажу позднее, в связи с вопросом о многообразии форм социалистического реализма. О начатой с большим запевом новой талантливой поэме Твардовского «За далью — даль» рано говорить, поскольку напечатаны только первые ее главы.

Нельзя не обратить внимания на то, что жизнь рабочего класса все еще мало отражается в нашей поэзии. А в развитии колхозных тем нет таких сильных произведений, как в прошлом «Страна Муравия» Твардовского, «Слово о колхознице Басти» Самеда Вургуна, «Флаг над сельсоветом» Недогонова, «Колхоз «Большевик» и «Весна

в «Победе» Грибачева, «Алена Фомина» Яшина. Хочется отметить колхозную «Братскую поэму» литовского поэта Эдуардаса Межелайтиса и большой цикл стихов об освоении целинных земель грузинского поэта Иосифа Нонешвили — поэтические явления с печатью индивидуальности.

О целинных землях написано немало стихов. Среди них некоторые запоминаются, — например, цикл стихотворений А. Яшина, свежие голоса молодых поэтов Евгения Евтушенко, Р. Рождественского, Алексея Крючкова. Но как далеко отстоят стихи на эту тему у большинства поэтов от масштаба воспеваемых событий и людей! И уже совершенно недопустимо, что некоторые из этих стихов написаны небрежно, — например, стихи И. Сельвинского, лишенные души и смысла, справедливо подвергнутые критике в нашей печати.

Чувствуется, что отдельные писатели облегчают свою задачу, обходя трудности и недостатки в жизни людей, осваивающих целинные земли, а у других они, эти трудности и недостатки, «заслоняют» картину в целом. Но не было бы никакого героизма в освоении целинных земель, если бы это дело не было сопряжено с преодолением трудностей. И позволительно задать вопрос: а разве меньше трудностей преодолевали наши люди на фронтах Отечественной войны, которая с такой силой патриотизма, глубоким душевным волнением, пафосом и лирическим проникновением была воспета нашей поэзией? А разве «легче» давалась советским людям первая пятилетка, создание Магнитогорска, Комсомольска-на-Амуре, о которых тогда же написаны были хорошие книги «Время, вперед!» Катаева, «Мужество» Кетлинской? Нет, дело, видимо, не в трудностях освоения целинных земель, а во взгляде писателя на жизнь и в умении художественно выразить то, что он увидел.

Этот, далеко не полный разбор некоторых лучших (и таких, которые могли бы стать лучшими и не стали ими в силу своих художественных недостатков) произведений прозы, драматургии, поэзии за последние два-три года позволяет сделать некоторые выводы.

Для удобства рассмотрения мы делили эти произведения, во-первых, по периодам, то есть по тому, какие исторические этапы жизни народа в них освещены — до Октябрьской революции, до Великой Отечественной войны,

Отечественная война, послевоенная жизнь; а во-вторых, тематически: какие области жизни они, эти произведения; стремятся охватить. Конечно, такое рассмотрение нельзя считать «научным». Невозможно, например, новую повесть В. Герасимовой «Простая фамилия» отнести к «колхозным», хотя действие повести в известной части разворачивается в колхозе, и нельзя ее назвать повестью об интеллигенции, хотя некоторые ее действующие лица принадлежат к интеллигенции и даже к интеллигенции из сферы искусства. Как и прежние повести и рассказы В. Герасимовой, повесть «Простая фамилия» пронизана оригинальной и глубокой мыслью. Читатель, начав повесть, не сможет предугадать, как дальше развернется сюжет, и самая мысль повести станет ему ясна, только когда он закончит все произведение. Это, несомненно, является достоинством произведения и свидетельствует о мастерстве автора. Многие произведения литературы, особенно больших эпических форм, захватывают разные исторические периоды. И во всяком подлинном произведении искусства, дает ли оно широкую картину жизни общества или охватывает ее отдельные области, выведены характеры, поставлены вопросы, которые живут во времени и имеют значение не только для описываемой среды.

В области прозы к крупным явлениям литературы последних лет, к таким явлениям, которым суждена долгая жизнь, относятся, на мой взгляд, «Первые радости» и «Необыкновенное лето» Федина, «Повесть о детстве», «Вольница», «Лихая година» Гладкова, «Счастье» Павленко, «Повесть о настоящем человеке» Полевого, романы Упита «Земля зеленая» и «Просвет в тучах», «Буря» и «Девятый вал» Эренбурга, «Русский лес» Леонова, «За правое дело» Гроссмана, трилогия «Песнь над водами» Василевской, «Алитет уходит в горы» Семушкина, «Абай» и «Путь Абая» Ауэзова, «Буря» и «К новому берегу» Лациса, «За власть Советов» Катаева, «Жатва» Николаевой, «Белая береза» Бубеннова, «Далеко от Москвы» Ажаева, «Спутники» Пановой, «Звезда» Казакевича, «Балтийское небо» Н. Чуковского, «Два капитана» и «Открытая книга» Каверина, «Товарищи по оружию» Симонова, «Журбины» Кочетова, «Искатели» Граина, «Дни нашей жизни» Кетлинской и некоторые другие. Это само по себе свидетельствует о том, что советская литература — большая литература, она растет и полна сил.

Но мы не можем пройти мимо того, что жизнь нашего народа, величественный труд рабочих и колхозников именно в наши дни, когда в преодолении послевоенных трудностей и трудностей роста, в борьбе со старым миром, отживающим, но все еще сильным своим многовековым опытом, так наглядно выявляются преимущества социалистического образа жизни, когда сотни миллионов людей в других странах идут вслед за нами по социалистическому пути развития, — эта жизнь и этот труд еще не находят достаточно полного отражения в литературе, призванной быть провозвестником коммунистических идей и новых человеческих отношений.

Этот обзор относительно лучших произведений последних лет свидетельствует о том, что наши наиболее зрелые и опытные писатели — не все, но многие — еще недооценивают, насколько выросло бы сегодня в глазах народа, а стало быть, и исторически, значение их творческого труда, если бы он был направлен на живую современность.

Этот обзор показывает одновременно, что наша советская жизнь рождает все новые и новые силы литературы, для которых современная жизнь является родной почвой, — они пишут о ней с открытыми глазами. Это целые поколения литературы, ими создано уже много нового, свежего, талантливого. Но многим из них не хватает знаний, опыта, мастерства.

На примере ряда явлений литературы видно, что некоторым авторам не хватает именно только опыта, мастерства, подчас трудолюбия. У других недостатки связаны с неглубоким изучением жизни. У третьих недостатки свидетельствуют о том, что не разработаны взгляды на жизнь, невысок уровень мировоззрения; иные пишут бездумно, как трава растет. Есть и такие писатели, у которых все это сочетается.

Понятие «мировоззрение» не покрывает понятия «художественный метод». Это не одно и то же. Но художественный метод находится в прямой зависимости от мировоззрения. Здесь мы рассматривали произведения литературы, которые при всех их достоинствах и недостатках относятся к явлениям социалистического реализма. Однако недостатки мировоззрения порождают и отклонения от этого художественного метода советской литературы, на которых следует остановиться.

Несмотря на то, что есть у нас целый ряд больших явлений большой литературы, мы можем понять чувство неудовлетворенности, которое испытывают читатели по отношению к современной литературе, меряя ее полной мерой народного подвига.

Приходится, к сожалению, признать, что некоторые литераторы еще неполно понимают существо метода социалистического реализма, особенно теперь, на новом, более высоком этапе развития нашей страны, недостаточно ясно сознают перспективы развития, создают произведения без цельных, больших, по-настоящему народных характеров.

Возьмем к примеру повесть Виктора Некрасова «В родном городе». Это — талантливое произведение, но и недостатки его серьезны. Герои произведения, возвратившиеся с войны в свой родной город, почти изолированы от общественной жизни. Действительность рассматривается автором сквозь призму их личных неурядиц — бытовых и семейных. Герои Некрасова как будто бы хорошие люди, наверное, даже хорошие, добрые люди, они преодолевают трудности, помогают друг другу, но большая сфера их трудовой и общественной жизни затронута автором вскользь; в повести нет могучего дыхания времени, жизнь течет, но не преобразуется ради великих целей. Мы вовсе не против показа наших будней, но мы за показ того, как формируется и побеждает в них человек нового общества. Труд советского литератора только тогда имеет смысл, когда он освещен великими, всечеловеческими идеалами нашего века.

Нельзя сказать, что в повести В. Некрасова совсем нет правды жизни, — много бытовых сторон и черт подмечено верно. И все же нет в этой книге, так же как у людей, населяющих ее, больших целей и перспектив. А ведь мы же преобразователи мира. Партия видит в нас, советских писателях, страстных борцов за будущее, за коммунизм.

Те же слабости свойственны и пьесе талантливого драматурга А. Арбузова «Годы странствий», которая широко идет на нашей сцене. Автор выбрал для эпиграфа такие слова: «Куда уходят все дни? (Из вопросов детей)».

И весь художественный строй пьесы наталкивает на вывод: дни героев проходят, не оставляя следа.

В пьесе показан длительный отрезок жизни советских людей. Большая часть действия происходит в дни Отечественной войны. Но ни война, ни работа научного учреждения, с которыми связаны герои, в пьесе, в сущности, не показаны. Все решается в свете проблем личного душеустройства, хотя опять-таки есть и верные черты советского быта.

В центре находится образ научного работника Ведерникова, индивидуалиста, характер которого к концу пьесы меняется в лучшую сторону. Но остались необъясненными ни опасность этого пережитка, ни даже целесообразность избавления от него, — так все приглушено, не заострено. Автор эмоционален, в пьесе есть лирический подтекст, много приятного и много грустного, люди любят друг друга, сходятся, расходятся и опять сходятся, но невольно возникает вопрос: что же хотел сказать автор, во имя чего написана пьеса?

Есть произведения, которым присущ много рода недостаток. Мы не можем упрекнуть их авторов в неопределенности замысла. Но в критике действительных пороков они не достигают идейной и художественной глубины. Можно пожалеть, например, что такой писатель, как В. Ажаев, автор романа «Далеко от Москвы», напечатал в журнале «Нева» повесть «Творческая личность». Цель как будто ясна: автор хочет разоблачить современного донжуана, потребителя жизни, эгоиста и обманщика, прикрывающего свой эгоизм красивой фразой, а пошлость — фальшивыми чувствами.

Герой повести — артист, он читает по радио стихи о любви, и люди, которые его слушают, думают, что это человек больших чувств и чистой души.

Услышав его голос по радио, в него влюбляется девушка, которую он впоследствии обманывает. Ситуация не нова: не раз об этом уже писали фельетонисты. Такой прием закономерен в юмористическом рассказе. Но для повести, выдвигающей серьезную проблему, это примитивно. Автор всячески рекомендует нам героиню, расхваливая прекрасные черты ее характера. Но хороша героиня, которая влюбляется в незнакомого ей человека, даже не видя его. Да и вообще поступки героев повести

по-настоящему не мотивированы, развязка носит характер скандала, а не общественного осуждения пошляка.

Возвращаясь к повести В. Некрасова и пьесе А. Арбузова, произведениям, привлекающим внимание читателей и зрителей, хочу не согласиться с тем, что в некоторых литературных дискуссиях эти вещи связывают с чеховской традицией. Это, на мой взгляд, неверно. Чехов изображал жизнь обыкновенных людей, чтобы поднять их на высоту подлинно человеческой большой жизни. В произведениях Чехова всегда присутствует он сам, человек с великим сердцем. И не стоит связывать с чеховской традицией книги, авторы которых не поднимаются над буднями.

Конечно, мы должны в наших произведениях изображать жизнь самых рядовых людей и их будни, но задача состоит в том, чтобы показать развитие, движение нашей жизни и рост людей. Как прекрасно в свое время написал о таких маленьких людях А. Малышкин! Книга так и названа «Люди из захолустья». Эта необыкновенно поэтичная вещь об исчезновении захолустья продолжает жить и до сих пор. Очень точно определил существо книги А. Малышкина М. И. Калинин: «Здесь удивительно конкретно, в соответствии с жизненной правдой, показан рост людей из маленьких городов захолустья на больших стройках».

В романе «Люди из захолустья» без прикрас показаны самая рядовая, будничная жизнь и в то же время рост людей, идейная борьба своего времени. Герои книги живут интересами народа, большой интеллектуальной жизнью. Тут есть прекрасные образы большевиков, преобразователей жизни. Таких образов нет в тех произведениях, которые я сейчас критиковал.

В связи с теми спорами, которые происходят вокруг произведений В. Некрасова и А. Арбузова, напомним, что писал В. Ермилов о романе Малышкина еще до войны, потому что это выражает и мою мысль:

«В последнее время все чаще стали раздаваться голоса о том, что «частная жизнь советского человека почти не затронута в нашей литературе...» Имя Чехова было упомянуто в связи с вопросом о приемах точного и правдивого изображения действительности. Некоторые из наших писателей сосредоточили внимание на так называемой «будничной стороне» жизни советских людей, исходя из того, что в любых «буднях» выражаются героизм и

романтика нашего времени. В кое-каких произведениях эти поиски привели к плохому итогу: вместо возвышения будней до героического получилось снижение героического... до буднично-серого. Боязнь патетики, неумение ощущать патетическое — большой порок для советского писателя. Существует и обратная тенденция, когда героика и романтика отрываются от реальной, повседневной советской жизни и вырабатывается нечто вроде ложно-классического, лжегероического штампа...

«Люди из захолустья» дают точную, строго реалистическую картину повседневной жизни рядовых советских людей; герои романа: столяр, скромный сотрудник газеты, уборщица, профуполномоченный, шофер и т. д. Автору романа свойственна упорнейшая, настойчивейшая забота о том, чтобы показать их жизнь в точных бытовых, в том числе наиболее будничных деталях. И вместе с тем вся эта доподлинная повседневность погружена в лирическую стихию, бытовая деталь романтична, и все произведение в целом наполнено возвышенным, патетическим ощущением современности».

Эти слова мне кажутся справедливыми и сегодня.

В своем приветствии Второму Всесоюзному съезду советских писателей Центральный Комитет Коммунистической партии говорит о новом типе писателя — страстного борца за дело коммунизма, глубоко понимающего задачи перехода от социализма к коммунизму. Этому художнику пужны знание жизни и передовое мировоззрение. Без марксистско-ленинского понимания действительности он не может успешно работать.

Неумение правильно осмыслить процессы, происходящие в действительности, приводит к серьезнейшим неудачам. В качестве примера такой огорчительной неудачи можно привести рассказ эстонского писателя И. Сикемяэ «Пыль». Его герой — рабочий, выведенный как этакий брюзга, возмущен тем, что на улицах много пыли и что улицы не поливают. На этом строится весь рассказ: описываются безрезультатные хождения человека по управдомам и различным советским учреждениям. Долго он не может ничего добиться и в итоге приходит к выводу, что работники всех советских учреждений отравлены пылью равнодушия и бюрократизма.

Такова «критика» отрицательных явлений нашей жизни!

В своем приветствии ЦК КПСС развил и углубил понимание социалистического реализма:

«Продолжая лучшие традиции русской и мировой классической литературы, советские писатели творчески развивают метод социалистического реализма, основоположником которого был великий пролетарский писатель Максим Горький, следуют традициям боевой поэзии Владимира Маяковского. Социалистический реализм требует от художника правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии. Быть на высоте задач социалистического реализма — значит обладать глубокими знаниями подлинной жизни людей, их чувств и мыслей, проявить проникновенную чуткость к их переживаниям и умение изобразить это в увлекательно-доходчивой художественной форме, достойной действительных образцов реалистической литературы, — и все это дать с должным пониманием великой борьбы рабочего класса и всего советского народа за дальнейшее укрепление созданного в нашей стране социалистического общества, за победу коммунизма. В современных условиях метод социалистического реализма требует от писателя понимания задач завершения строительства социализма в нашей стране и постепенного перехода ее от социализма к коммунизму».

Такого глубокого понимания метода социалистического реализма на современном этапе, к сожалению, недостает и нашим писателям, и нашим критикам, и литературоведам.

Конечно, в нашей критике и литературоведческой науке имеются бесспорные достижения. Не замечать их было бы неверно и несправедливо. Но многие боевые вопросы развития литературы ставятся от случая к случаю, нерешительно и непоследовательно. А они, эти вопросы, требуют того, чтобы мы углубились в проблемы, связанные с характером и спецификой, с теорией искусства.

Мы должны разобраться, почему произведения, созданные в определенную эпоху, переживают ее, остаются жить в веках. Нетленность, живая сила — свойства, особенно присущие именно искусству. Некоторые научные истины, научные основы также сохраняются для будущего, но каждый новый этап научного развития отбрасывает очень многие представления. А созданное в искусстве продолжает жить... Многие не выдерживают проверки временем, а что-то остается, как ценность, на века.

Неразработанность этого вопроса порождает две опасности: с одной стороны, противоречащее нашему марксистско-ленинскому научному мировоззрению желание вывести искусство за пределы надстройки и, с другой стороны, — примитивную, вульгарно-социологическую трактовку искусства, без учета его образной природы.

Видимо, этого вопроса не решить без серьезной дискуссии, но она будет полезной только в том случае, если будет опираться на конкретный материал — произведения классиков и современных писателей.

Сейчас совершенно скомпрометировало себя абстрактное теоретизирование о литературе. Такой метод абсолютно неприемлем. Стоит напомнить, что последние критиков — революционных демократов, гениальные статьи В. И. Ленина о Льве Толстом — все это пример того, как теоретические обобщения строятся на анализе конкретных произведений. Эти уроки поучительны для нас. Если темы теоретического порядка ставить абстрактно, дискуссия никакой пользы не принесет. Зато при конкретной постановке вопроса о специфике искусства мы должны, опираясь, в частности, на высказывания Маркса о древнегреческом искусстве, выяснить, почему искусство продолжает жить для последующих поколений.

Правы те, кто утверждает, что в искусстве остается жить то, что было прогрессивным, из чего вырастает новое.

Мысль эта верна, но одна она еще не может дать ответа на поставленный вопрос. Ведь прогрессивное продолжает жить и в науке. Надо глубоко уяснить, в чем же особенность искусства, выделяющая его среди других надстроек как такую силу, которая способна воздействовать через века на все новые и новые поколения людей. Я не чувствую себя вправе ответить на этот вопрос, но вижу, что его необходимо поставить и решить в коллективном обсуждении.

Хотелось бы сказать и еще об одном вопросе теории, в котором у нас существует путаница, — о противоречиях в творчестве художника. И это не «академический» вопрос: такие противоречия в творчестве бывают не только у классиков, но и у современных писателей. Их нужно объяснить. Многие, ссылаясь на высказывание Энгельса о Бальзаке, толкуют слова Энгельса упрощенно и считают, что речь идет о противоречиях *между* мировоззрением и

творчеством. Получается, что у писателя мировоззрение — одно, а творчество, вопреки его мировоззрению, — другое. Но если вчитаться в высказывание Энгельса о Бальзаке, станет ясно, что там нет противопоставления мировоззрения Бальзака его творчеству. Энгельс говорит о противоречии между политическими взглядами Бальзака и тем, что великий французский реалист видел в действительности. Но ведь умение видеть мир — это тоже одна из сторон, к тому же важнейших, мировоззрения. Речь идет, конечно, о противоречиях в мировоззрении Бальзака.

Ленин говорил о кричащих противоречиях у Толстого. Но ведь это тоже противоречия самого мировоззрения Толстого.

Противопоставление метода мировоззрению, которое было исходной позицией эстетов, на деле означает отрицание воздействия мировоззрения писателя на его творчество. Позиция эта не соответствует реальным фактам историко-литературного процесса прошлого и настоящего. Те исследователи литературы, которые объективно и глубоко изучали творчество великих художников слова разных эпох, тех художников, чье творчество было сложным и противоречивым, неизменно приходили к одному и тому же выводу: не существует противоречий между методом и мировоззрением, есть противоречия в самом мировоззрении. В качестве примера можно сослаться на книгу Б. Реизова «Творчество Бальзака».

В ней верно рассматривается мировоззрение Бальзака. Как показывает автор, противоречия мировоззрения великого писателя объясняются тем, что Бальзак, разделявший политические взгляды аристократов, был, однако, порожден французской революцией и не миновал школу французских просветителей. Если человек способен видеть в действительности то, что даже противоречит его политическим симпатиям, это тоже сторона его мировоззрения.

«Правду человеческую и социальную, — пишет Б. Реизов, — нельзя увидеть простым «физическим» взором. Быт — еще не вся правда, и не в бытописи заключается главная заслуга Бальзака. Правду нужно постигнуть, а это предполагает трудный и сложный акт познания. Бальзак *«видел»* неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи... он *видел* настоящих людей буду-

щего там, где в это время их только можно было найти». Но это не было актом биологического зрения, бессознательным, или, вернее, неразумным постижением действительности. Чтобы «видеть», нужно понимать...

Нельзя ни отделять миросозерцание Бальзака от его «метода», ни противопоставлять их. Творчество Бальзака уходит своими корнями глубоко в его «философию». Но это не значит, что творчество Бальзака является художественным воплощением его легитимизма. Слова Энгельса не оставляют никаких сомнений: «То, что Бальзак был принужден идти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков... это я считаю одной из величайших побед реализма, одной из величайших особенностей старика Бальзака».

Здесь речь идет только о классовых симпатиях и политических предрассудках; они, несомненно, отразились в произведении Бальзака, которое является «непрестанной элегией по поводу непоправимого развала высшего общества» (Энгельс). Но легитимизм в бальзаковском творчестве был побежден другой, более сильной стороной его миросозерцания, той философской его «основой», которая находится в прямой связи с революционной философией французского просвещения XVIII столетия.

Вот почему, даже усваивая политическую философию Бональда и мистические учения Сведенборга, Бальзак остается подлинным преемником французских философов просвещения — что бы ни говорил он сам в своих политических декларациях».

Все сказанное здесь Репзовым безусловно правильно.

Но к этому нужно прибавить еще следующее важное соображение. Мировоззрение писателя, как и всякого человека, не определяется только философскими учениями, коим он привержен, и вообще не только книгами, которые он прочел, а и всем опытом его жизни и деятельности. Здесь очень применимо старинное простое выражение: «Жизнь учит». Если бы было иначе, мы должны были бы отказать в мировоззрении миллионам рабочих и крестьян, особенно в условиях старого общества, а считать, что мировоззрение — это привилегия относительно неширокого круга начитанных людей. Между тем даже в условиях старого общества у рабочих и крестьян, у разных групп и слоев и отдельных лиц, принадлежащих к трудящимся классам, вырабатывается свое отношение к

барину-помещику, хозяину-капиталисту, к труду, к товарищам по труду, к богу, царю, чиновнику, священнику, к природе (в смысле ее утилитарного использования и в смысле ее эстетического восприятия), к семье, любви, войне, игре и вообще ко всем явлениям жизни. Это мировоззрение простых людей в отношении к основным факторам жизни обладает такой силой устойчивости и воздействия, что оказывает даже влияние на писателей, выходцев из эксплуататорских классов. Влияние простых мужиков на духовное развитие Льва Толстого было, вероятно, не менее сильным, чем то, что он читал Шопенгауэра или восточных философов; и не случайно Ленин раскрыл противоречия мировоззрения Толстого прежде всего через раскрытие тех противоречий, которые свойственны были движению крестьян в пореформенной России.

Бальзак видел многое правдиво, вопреки своим легитимистским взглядам, не только потому, что сложился под влиянием французских просветителей, а и потому, что этому «учила его жизнь» — борьба классов в современном ему обществе.

Это соображение всегда нужно иметь в виду и при анализе творчества писателей — наших современников. Надо, однако, помнить, что, при прочих равных условиях, овладение марксистско-ленинским мировоззрением не только повышает идейно-художественный уровень произведений советского писателя, оно необходимо писателю, чтобы правильно разбираться в сложных явлениях нашей бурно развивающейся действительности. И когда мы справедливо выдвигаем требование глубокого знания жизни, это требование всегда должно идти рядом с требованием не менее глубокого изучения марксистско-ленинской науки об обществе и, как мы уже много говорили в статье, рядом с требованием глубокого овладения художественным мастерством. Это три необходимых условия развития всякого серьезного писателя в наше время.

Опыт классиков дорог нам во многих отношениях. Разве не должны мы учиться у нашей классики, критически ее осваивая, изображению положительных героев?

Я не случайно ставлю этот вопрос, потому что в период существования РАППа я сам в ряду других рапповцев немало напутал здесь в смысле теоретическом. Взяв оценку Плехановым творчества Флобера, Золя и других,

кто исходил из естественнонаучного материализма и поэтому не видел движения общества вперед, не видел новых, передовых людей, которые выдвигаются обществом, — мы, тогдашние рапповцы, эту совершенно конкретную оценку реалиста Флобера перенесли вообще на весь прошлый реализм. Мы говорили: критический реализм способен видеть свой идеал, но то новое, что реально рождается в истории, он не видит; только социалистический реализм и способен это видеть. Такого рода неточные, неверные формулировки, как пережитки прежних книжных представлений, я обнаружил и в некоторых своих высказываниях более позднего времени.

Во многих работах наших литературоведов о Пушкине, Гоголе, Некрасове, Тургеневе убедительно показано, что подобная точка зрения неверна.

И теперь мы прекрасно понимаем неправильность взгляда, будто классики не видели реального героя, рождаемого жизнью. Мы понимаем, что Пушкин — величайший выразитель самого передового общественного сознания своего времени, связанного, в частности с движением декабристов. И идеология декабризма раскрывается перед нами в творчестве Пушкина, хотя оно, творчество это, охватывающее гораздо более широкие стороны русской жизни, разумеется, не может быть сведено только к «декабризму».

А в шестидесятые годы XIX века вся литература наша на пожах дерется вокруг положительного героя. Герои революционных демократов — Саша у Некрасова, Рахметов у Чернышевского и, с другой стороны, Базаров, Инсаров и герои романа «Новь» у Тургенева, Марк Волохов у Гончарова — это все отражение борьбы революционно-демократических, либеральных и реакционных сил за или против передовых людей своего времени. Гончаров, например, вопреки правде жизни, очернил героя своего времени. Если бы Гончаров взял Марка Волохова на уровне Чернышевского и Добролюбова, то Вера, конечно, ушла бы с ним. Гончарову ничего не оставалось, как прилизить Волохова. Конечно, надо помнить, что взгляд на исторических героев был у классиков в большей или меньшей степени ограничен их мировоззрением и что революционно-демократические писатели в полный голос не могли сказать правду о своем герое также из-за цензурных соображений.

Верно говоря о новаторской сущности нашей литературы, о том, что она берет героев из живой действительности сегодняшнего дня, мы не должны забывать, что у классиков можно и нужно учиться не только критической стороне их могучего таланта, но и умению изображать новое, положительное.

Нужно покончить с вульгаризаторским пониманием этого вопроса, с недооценкой достижений и завоеваний классиков в изображении нового, передового. Это тем более необходимо сделать потому, что вульгаризаторские и нигилистические теории пагубно отражаются на литературной молодежи. Молодежь всегда живо откликается на все современное, в этом ее колоссальная сила. Но в ее среде существует и непонимание того значения, которое имеет классическая литература сегодня, и даже иной раз пренебрежение к ней. Многие молодые люди не читают классическую литературу, и многие молодые литераторы не опираются на ее опыт. А этот опыт помогает нам двигаться к вершинам мировой литературы, куда зовет нас Коммунистическая партия. Социалистический реализм вырастает на базе критического освоения этого замечательного опыта, наследниками которого по праву стали советские писатели.

Основные положения теории социалистического реализма были сформулированы в период, когда наша страна еще находилась в первой пятилетке. А сейчас мы вступили в период завершения строительства социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму. И закономерно, что в приветствии ЦК КПСС съезду писателей говорится о том, как нужно рассматривать вопрос о социалистическом реализме сегодня, в новых условиях.

К сожалению, многие критические статьи, статьи в общем неплохие, неглубоко ставят вопрос о современных задачах литературы в связи с общими задачами сегодняшнего дня.

В книгах нужно искать и находить то, что является действительно приметой времени. Необходимо в первую очередь анализировать произведения, в которых рассказывается о строительстве коммунизма, посмотреть, что нового они дают. Пора глубоко проанализировать крупные производственные романы, написанные за послевоенные годы, книги, где люди даны в сфере трудовой деятельности, где показываются научно-инженерные силы, новато-

ры производства в их борьбе за передовое, за создание материальных ценностей, произведения, в которых изображается формирование нового типа человека в его новом отношении к труду. Нужно собрать все то, что в этих книгах уже есть хорошего, и обобщить, а с другой стороны — раскрыть наиболее общие недостатки. Выяснить, что является наиболее сильным, но хвалить не за тематическое решение, как у нас еще очень часто делается, а за решение на высоком уровне мастерства.

В сфере общественной, трудовой жизни заключены главные конфликты современности, здесь отчетливее всего встают вопросы воспитания нового человека. Важно подчеркнуть вопросы коммунистического воспитания, формирования нового строя мыслей и чувств советского человека; борьба с пережитками собственничества, героика социалистического труда — эти темы сейчас выдвигаются как основные в нашей литературе. Стало появляться все больше книг, ставящих проблемы воспитания, и это не случайно, так как проблемы воспитания и перевоспитания народа в коммунистическом духе писатели связывают с тем, что есть нового в действительности.

Все, относящееся к вопросам воспитания, приобретает сегодня большое значение. Хотелось бы, чтобы эти вопросы острее и глубже ставились и в детской литературе. Писателям нора пристальнее заинтересоваться темами этического и эстетического воспитания школьников, тем более что здесь огромная роль принадлежит как раз литературе и преподавателям литературы.

Среди талантливых людей, которые воспитаны нашим обществом, действительно немало встречается людей, плохо воспитанных эстетически, и в этом виноваты и наша школа, и наша литература.

5. О МНОГООБРАЗИИ В ИСКУССТВЕ

Мы сейчас много говорим о разворачивании дискуссий в науке, о разнообразии творческих течений в литературе и искусстве. И это, безусловно, верно и очень полезно. Групповщина, стремление уничтожить или дискредитировать всех тех, кто ищет свое, оригинальное решение научной проблемы или темы в художественном произведении, — страшный бич науки и искусства. Но, выступая

против аракчеевщины в науке и искусстве, поддерживая дерзание и риск, мы должны твердо помнить и ясно отдавать себе отчет, что приемлемы и хороши те творческие течения, — как бы ни отличались они друг от друга манерой художественного выражения или способами решения научной задачи, — которые исходят из марксистско-ленинского мировоззрения. Мы против «всеядности». Пока существует враждебная идеология за рубежом, она будет проникать и к нам. Необходима беспощадная борьба со всякими проявлениями чуждой нам идеологии: нельзя врагу открывать лазейки.

К сожалению, далеко не все это до конца понимают. Надо острее ставить вопрос о борьбе с идеализмом в науке, о борьбе со лжеучеными. Ведь все это есть в жизни. Из жизни взяты и Грацианский из «Русского леса» Леонова, и Крамов из «Открытой книги» Каверина, и Топков из «Искателей» Гранина.

Огорчение вызывает и то, что в некоторых сегодняшних статьях, справедливо направленных против зазнайского квасного «патриотизма», против пошлого и чванливого стиля «а-ля рюс», обходится вопрос о борьбе против антипатриотических тенденций в искусстве, против космополитизма. Обнажая многие слабости биографических фильмов, некоторые критики напрасно зачеркивают их, игнорируют то, что в них было ценного, — борьбу с низкопоклонством, патриотическую направленность, забывают, что такие фильмы, как «Павлов», «Мичурин», «Мусоргский», принадлежат к лучшим достижениям нашей кинематографии. Неужели для того, чтобы сказать правильную мысль о необходимости учиться всему передовому и лучшему на Западе, надо начать ругать все свое?

Только охраняя и защищая идейную чистоту нашего искусства от воздействия буржуазной идеологии, можно по-настоящему широко и обоснованно ставить вопрос о свободе поиска, о соревновании творческих течений.

Классическая литература отличалась большим многообразием форм, и мы наследуем не только то, что давали прежде реалистические направления, но и развиваем новые формы.

Мы, с одной стороны, порой не отделяем многообразия от идейной «всеядности», а с другой стороны, часто не учитываем творческого своеобразия разбираемого произведения, творческой индивидуальности писателя. В этой

связи я хочу остановиться на опубликованной в «Литературной газете» статье З. Кедринной «Поэзия трудного восхождения», посвященной поэме «Вершина» С. Кирсанова. В этой поэме речь идет о том, какие требования наше время предъявляет человеку, идущему к вершинам коммунизма. З. Кедрина правильно уловила, что главная мысль Кирсанова в том, что этих вершин советский человек достигает тогда, когда не стоит в стороне, когда становится борцом за дело коммунизма, вкладывает всего себя в труд, в жизнь, любовь, во все, что мы создаем, чем живем. Но поэму в целом автор статьи в известной мере недооценил, потому что не учел, что большая гуманистическая тема решается здесь романтическим способом.

З. Кедрина говорит, будто в поэме нет живых людей, что рассказ геолога в «Вершине» не передает характера рассказчика, ибо этот рассказ есть, по сути дела, продолжение авторской речи, со всеми мыслями, присущими лирическому герою, со свойственными Кирсанову стилевыми приемами.

История литературы знает случаи, когда образы конкретных людей как будто не стоят в центре произведения. Так, в «Демоне» Лермонтова человеческие чувства и страсти запечатлены в романтическом образе Демона. Почему же Кирсанов не имеет права вложить в уста геолога лирические монологи?

«Вершина» — романтическая, лирико-философская поэма. В этой романтической, лирической поэме свойственными ей художественными средствами решается большая гуманистическая тема. Зачем же предлагать автору другие решения? Я воспитывался на Некрасове, на Пупкине, но я не могу обойтись без «Демона», без поэзии Гюго, без Александра Блока, без Маяковского.

Если всерьез думать о развитии творческих течений, нужно при критике произведений учитывать, что обязательных решений в искусстве не бывает, нужно проникать в своеобразие формы, к которой прибегает сам писатель.

Как можно разобраться, к примеру, в творчестве И. Сельвинского, не проникая в своеобразие формы его произведений? В трагедии «Читая «Фауста» дано несколько условных фигур, действующих в условной обстановке. Однако, — это особенность формы, свойство или манера обобщения. На самом деле обстановка в пьесе исторически конкретна (вторая половина Отчечественной войны,

ближе к концу ее), тема современна и значительна (гуманистическое назначение науки в связи с вопросом использования атомной энергии).

Поэтическая условность образов вовсе не грех и не недостаток. Основная слабость трагедии не в этой условности образов, а в том, что художественным образам не хватает подлинно философской глубины, что многие проблемы поставлены поверхностно. Образы иногда теряют философский подтекст. В отдельных местах сказывается свойственная подчас Сельвинскому стилистическая безвкусица, «разностилье». Поэтому поэма не получилась совершенной. Но это — философская вещь, попытка решить большую тему, и к работе поэта надо отнестись с уважением: присмотреться, исходя из нового решения, которое нашел поэт, что и почему у него не вышло, а что следует оценить положительно.

Оперируя аксессуарами наиболее распространенной и привычной поэтики, писателю порой отказывают в праве на поэтическую условность. Оппоненты Сельвинского считают, что в поэзии невозможны такие аксессуары, как яд в перстне. Вряд ли это может кого-либо убедить. Если обратиться к классической литературе, посмотреть, например, «Гамлета» в театре имени Маяковского, можно увидеть там вещи пострашнее: бородатые дяди выходят с того света и гуляют. И никто не скажет, что Шекспир не реалист. Почему же не использовать все богатство художественных возможностей, которое нам досталось по наследству, в то же время не копируя рабски классиков?

В поэзии возможны и иронический разговор с богом, как у И. Сельвинского, и сказочные мотивы, как у Н. Хикмета. Такие художественные решения вполне возможны. Все должно быть по существу жизненно, но не обязательно все должно быть жизнеподобно. Среди многих форм может быть и форма условная. Ее, конечно, можно использовать и чисто формалистически, ибо формалисты любят цепляться как раз за такие «необычные» формы. Но это сразу можно видеть. Ибо формализм — это подмена формой правды жизни. А мы говорим о содержательной форме, какой бы она ни была, то есть о форме, выражающей правду жизни. Сущность вопроса в том, что правду жизни можно выразить с помощью самых различных форм.

К символическому выражению своей идеи прибегает, например, в талаптливой пьесе «Золотая карета» Леонид

Леонов. Прежде всего, символично само название. В прошлом образ «золотой кареты» олицетворял силу денег, власть чистогана. Въехать в наши дни в «золотой карете» — в старом ее понимании — невозможно. В нашем понимании «золотая карета» — счастье, успех, немыслимые без истинной человечности, высокой гуманности, самоотверженного служения народу, внимания к нуждам «маленького человека». Конечно, эту мысль можно было выразить и средствами бытовой драмы. Но Л. Леонов избрал другой путь, более близкий его художнической манере. Он создал вполне реалистические образы и в то же время образы-символы: полковника Березкина, слесня Тимоши, факира Рахумы.

Для своей трагедии «Верность» Ольга Берггольц избрала условную форму. Эта форма сама по себе не противоречит социалистическому реализму, обогащая его выразительные средства. Такие поиски своеобразных поэтических приемов заслуживает одобрения и поддержки. И если критиковать трагедию О. Берггольц, то не за условность формы, а за неточность выражения авторской мысли. Предательство опасно только там, где нет доверия к людям, — говорит поэтесса. На мой взгляд, неточна, неполна сама эта мысль, а не форма ее выражения.

Верно все это оценить можно только в том случае, если иметь полную ясность, что социалистический реализм позволяет разными путями выявлять правду.

Конечно, течения не нужно искусственно создавать, изобретать их. Речь идет о течениях в области формы, здесь одно переходит в другое. Многие писатели по мере своего творческого развития используют самые различные формы, поворачиваясь все новыми сторонами. И, наконец, все мы хотели бы достичь пушкинского совершенства в овладении всем многообразием формы. Мы не должны оставлять без внимания ни одно оригинальное явление литературы, ни одно явление, мало-мальски выходящее за пределы заурядного. Нельзя уклоняться от решения «нес-ясных», сложных творческих вопросов, следует разъяснять, что мы берем в свое хозяйство, а что не берем и почему. Только тогда мы откроем простор для развития многообразия всей нашей литературы.

Однако для того чтобы внести ясность в вопрос о многообразии искусства, необходимо сделать еще одно

уточнение. Да, правду можно выразить разными способами. Но встает вопрос: все ли они будут равноценны?

Следует, например, поощрять то новое, что родилось и рождается на театре, но, с другой стороны, нужно хорошо разбираться, всегда ли это уж так «ново». И мы не должны выплескивать то, что уже является несомненным завоеванием нашего драматического искусства. Между тем за последнее время у нас уделяется очень мало внимания спектаклям, поставленным театрами, наиболее плодотворно развивающими традиции Щепкина, Островского, Станиславского, традиции классического русского реализма.

Очень хорошо, что встретили поддержку такие явления в искусстве, как «Баня» и «Клоп» в Театре сатиры, «Гроза» и «Гамлет» в театре имени Маяковского. Но неправильно, что не получили достаточно глубокого критического осмысления достижения театров, работавших в другой творческой манере, такие хотя бы великолепные реалистические спектакли, как «Васса Железнова» в Малом театре и «Плоды просвещения» в МХАТ, в театрах, которые свои творческие задания тоже решали многообразными формами.

Неправилён и не критический тон в оценке некоторых спектаклей, вообще говоря, достойных наилучшего к себе отношения. Такой тон проявился в некоторых статьях о «Гамлете». А ведь в постановке этой пьесы у Н. Охлопкова немало внешнего, есть элементы натурализма.

Вопрос о многообразии искусства, как видим, требует постоянного внимания, всякое поверхностное и одностороннее его решение может принести только вред. Столь же вредно уходить от решения теоретических проблем, связанных с особенностями и закономерностями нашего творческого метода.

Справедливо критиковали в свое время представление, по которому революционная романтика рассматривается не как предвосхищение завтрашнего дня на основе объективного развития, а как «приподымание», «идеализация» самой жизни. Сегодня особенно видно, какой вред такое представление приносило и еще может принести нашему искусству, мешая ему правдиво вскрывать противоречия и трудности нашего развития, отрицательные явления и недостатки в нашей жизни.

Но путаница в вопросах содержания и формы усилилась в связи с тем, что борьба против «приподымания»,

«идеализации» была понята некоторыми как призыв к описательному «реализму», отказ от типизации, связанной со сгущением, обобщением, заострением, смелым революционным взглядом в будущее, отказ от своеобразного поэтического выражения.

Некоторые до сих пор считают, например, что социалистический реализм вовсе отрицает символику, условность, сказочность. Революционная романтика, как существенная сторона социалистического реализма, и романтическая форма, как *одна* из разновидностей в многообразии форм социалистического реализма, — это вещи разные, хотя и связанные между собой. Не надо приукрашивать действительность. Надо видеть ее завтрашний день. Это одна из самых существенных сторон социалистического реализма. Но жизнь нашу и завтрашний день наш можно изображать и в форме, родственной классическим реалистическим романам, то есть на бытовой основе, и в форме, родственной «Фаусту» или «Демону», то есть в форме романтической или сказочной, или условной, — в общем, в любой форме, позволяющей видеть правду.

Сказанное выше ставит своей целью дать отпор проявлениям догматизма в этих вопросах. Вместе с тем я глубоко убежден — и опыт развития советской литературы доказывает это, — что в прошлом наибольшей полноты выражения жизненной правды достиг классический реализм XIX и XX веков во всем многообразии своих форм и он был и остается пока что лучшей, наиболее плодотворной и совершенной школой для советских писателей.

В связи с разговором о многообразии искусства необходимо высказать еще одно соображение, так сказать, организационного характера. Оно касается взаимосвязи и взаимовлияния различных областей искусства. У нас слишком разобщены творческие организации, работающие в различных областях искусства и литературы. Искусство очень оторвано от литературы, а литература — от различных сфер искусства: театра, музыки, живописи и т. д. Это противоречит классическим традициям, рождает цеховой подход к делу. Нужно находить формы совместной деятельности творческих союзов. В работе творческих секций должны принимать активное участие представители разных жанров. Без взаимного творческого общения дело успешно не пойдет. Если бы расширились и укрепились творческие связи, то лучше развивались бы и опера и

живопись, да и литература лучше сознавала бы свою ответственность за театр, за оперу, за все виды искусства.

Нужен пафос искусства в целом, нужно избегать мелкотравчатости, цеховщины, найти формы общения деятелей разных областей искусства, нужно видеть искусство в целом для того, чтобы работники разных его областей взаимно обогащали друг друга.

* * *

В своих «Заметках» я не ставил целью дать не только полный обзор, а даже обзор лучших произведений последних лет. Многое хорошее или, во всяком случае, заслуживающее внимания не было мною рассмотрено. Это — не обзор, а скорее отдельные мысли о литературе, которыми мне хотелось поделиться.

Мне хотелось особенно подчеркнуть главное: чем глубже писатель будет изучать процессы, происходящие в нашей действительности, чем смелее будет вторгаться в жизнь, чем упорнее будет работать над повышением своего мастерства, тем более успешным будет его творческий рост. Пора положить конец всяческой инерции, самоуспокоенности и зазнайству в нашей среде. В создающемся искусстве нового мира мы все еще ученики. Я пишу для того, чтобы все мы больше учились, ибо «ученье — свет, а неученье — тьма». А расти и совершенствоваться всем нам надо неустанно, без этого не выполнить высокой миссии, возложенной на нас историей, — быть подлинной могучей духовной силой в строительстве коммунистического общества.

1955—1956

РЕЦЕНЗИИ И ЗАМЕТКИ

О РЕЦЕНЗИИ НА ПЬЕСУ А. КОРНЕЙЧУКА «БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ»

Рецензент Корзинкин пишет: «Конечно, в пьесе есть и недостатки. Следовало бы дать актерам больше материала для углубления характеров...» Типичная манера многих современных рецензентов. Сначала расхвалить вещь, потом сказать в одной фразе про нее *такое*, что снимает все предыдущее... Пьеса должна давать самые характеры, а не больше или меньше «материала для углубления». Актер может с большей или меньшей глубиной воплощать характеры, данные пьесой. Если, по ваш взгляд, в пьесе нет характеров, мало даже «материала» для характеров, за что же вы ее хвалите? Может быть, за то, что это — пьеса хороших, занимательных, интересных положений? Тогда зачем вы требуете какого-то «материала для углубления характеров»?

1938

Е. УСИЕВИЧ, СБОРНИК КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ

Е. Усиевич — автор, имеющий свое лицо и литературный опыт и не нуждающийся в рекомендации. Другое дело, что невозможно согласиться со всеми ее статьями. Так, например, преждевременно писать большую статью (с выводами для всей литературы) о первой, еще совсем незрелой книге молодого писателя Ноздрина. Не согласен я также с слишком высокой оценкой книги Кетлинской «Мужество». И уж совсем несправедлива разносная,

запальчивая статья Усиевич о книге В. Герасимовой «Хитрые глаза». Герасимова — талантливый советский писатель. Книга ее имеет свои недостатки, но и достоинства, и вряд ли целесообразно стирать эту книгу с лица земли. Усиевич пишет о Герасимовой так, точно она имеет дело со своим личным врагом. Это не солидно. Но пусть это останется на совести автора. Найдутся люди, которые сумеют ей возразить.

(1939)

К. СИМОНОВ, «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»

Поэма написана рукой вполне квалифицированной. Есть очень неплохие строфы и целые главы — там, где поэту удастся воскресить бытовую обстановку недавних лет, и там, где он изображает интимную сторону любви (очень целомудренно и в то же время с живою кровью). Но в целом поэма меня, как читателя, не удовлетворяет. Любовные переживания юноши, показанные на таком длинном полотне, точно вынуты из окружающей жизни, из всего многообразия дум и чувствований героя. Основной замысел не нов, все это было уже не раз в классической поэзии. Только включение нашей, очень своеобразной, неповторимой эпохи во все клеточки поэмы заставило бы ее ожить, как новое и свое. А так — это общо, для всех и — ни для кого.

К тому же поэма чрезмерно растяпута.

1940

Б. ИВАНТЕР, СБОРНИК РАССКАЗОВ

Рассказы Ивантера написаны хорошо и правдиво. Одна часть рассказов трактует некоторые стороны жизни советской семьи: «Моя знакомая», «Витька». Взгляд автора на советскую семью совершенно правилен. Автор рассматривает ее глазами умного и чуткого воспитателя и друга детей. Отрицательные стороны семейных отношений, до сих пор имеющие место в нашем быту, даны не предвзято, без всякого нажима и с совершенно правильных позиций. Эти рассказы служат делу укрепления

советской семьи, исходя из интересов детей и естественных и чистых отношений между родителями.

Повесть из времен гражданской войны интересно и правдиво показывает путь революционного и боевого формирования юноши.

Недоработан рассказ «Корова». Поднял автор тему социально более острую и значительную, чем он это сам осознал. В рассказе нет необходимого политического вывода. Тем не менее рассказ этот интересен по теме. К сожалению, он сделан стилистически неряшливо.

1940

ВЯЧ. АФАНАСЬЕВ, СТИХОТВОРЕНИЯ

Чувствуется, что автор одаренный человек. Отдельные стихи печатались в журналах и могут быть напечатаны. Но книги не получается. У автора мало культуры и в то же время многие стихи его, по мотивам своим, — реминисценции классиков. Много неряшливых строчек. И — абсолютное отсутствие современности в стихах. Их режет эдакий провинциальный индивидуализм, от которого автору давно пора было бы избавиться.

С автором следовало бы издательству больше работать. В частности, привлечь его к «Московскому альманаху».

(1940)

М. НИКИТИН, «ЕНИСЕЙСКАЯ КНИГА»

Книга распадается на повесть под названием «Енисейская книга» и рассказы «Дом с деревянной башней» и «История похода».

Повесть «Енисейская книга» своеобразна по жанру, очень интересна по замыслу и поэтична. Но она, несмотря на большую работу автора над ней, еще изрядно замусорена ненужными эпизодами и мотивами, и язык ее, особенно в главе «Песня», недостаточно отработан. Насколько мне известно, книга уже в наборе. Это неправильно. В таком виде книга еще сырая, и выход ее в свет доставит автору одни неприятности. Книгу надо довести до поэтического совершенства: еще и еще сократить и

очень тщательно выправить стилистически. Первую повесть следовало бы назвать «Землепроходцы». Это прояснило бы ее замысел.

Рассказы тоже очень интересны и своеобразны. Но они совершенно напрасно объединены общим заглавием «Рассказы Марка». Марк (один из героев первой повести) тут абсолютно ни при чем. И рассказы тоже нуждаются в тщательной стилистической правке. Автор должен книгу доработать. А в таком виде книга еще сырая.

1941

О ДВУХ РУКОПИСЯХ В. ШКЛОВСКОГО

«ТЕМЫ И ОБРАЗЫ ПУШКИНСКОЙ ПРОЗЫ»

Книга очень интересна по многим умным и тонким наблюдениям и догадкам. Основная мысль о характере пушкинского реализма, на мой взгляд, верна. К сожалению, характер изложения таков, что некоторые места буквально приходится расшифровывать, как ребусы. И это очень жаль: книга поневоле может рассчитывать на менее широкий круг читателей, чем она того заслуживает. Но издать бы ее нужно — она полезна для литераторов и для учащихся литературных вузов.

Возражение встречает посвящение: оно претенциозное, манерное, кокетливое, комнатно-домашнее и непонятное.

1941

«ДЕСЯТЬ РАССКАЗОВ»

Эта книжка включает в себе несколько повелл об очень разных людях, живущих на нашей земле в дни войны.

Написаны они, повеллы эти, в обычной для Шкловского манере, которая — особенно в маленьких рассказах — затруднительна, на мой взгляд, для обычного, так называемого «среднего» читателя: уж очень трудно человеку «неискушенному» так быстро скакать от одной ассоциации к другой и только через две-три странички

понять, о чем же здесь (в рассказе) все-таки говорится в основном и главном.

Но для читателя «искушенного» книга эта будет любопытна; а читателю, знающему Шкловского, эта книга просто понравится. Несмотря на свою кажущуюся дробность, она и по содержанию своему, и по эмоциональной подпочве представляет единое целое. Шкловский как бы говорит: смотрите, какие разные люди, с разной историей, связями, надеждами, живут, работают, борются в нашей стране в дни войны, какими разными путями война вторглась в их жизнь, разбросав, разлучив людей, каждого повернув по-своему, но все они — от старого акына до Гайдара — дети нашей страны и даже нашего времени. Книга нуждается в мелких стилистических поправках.

1943

С. ГЕХТ, «ВМЕСТЕ»

Эта повесть — продукт исключительно небрежной, торопливой работы человека талантливого, но глядящего на мир, мир довольно суровый, глазами сентиментального гимназиста.

Повесть сделана из лоскутьев — «обо всем понемногу!» — лоскутьев, кое-как слепленных, без всякой — но только композиционной, но хотя бы эмоциональной — логики. Поэтому она кажется безмерно растянутой и скучной. Стиль повести — ужасен. Чья-то добрая рука подчеркнула сотни перьяшливых фраз и выражений, но это — одна десятая того, что следовало бы подчеркнуть.

Действие повести разворачивается в искусственно созданном автором мире благостных стариков интеллигентов и дореволюционных гимназистов, выдаваемых почему-то за советских школьников. Чему же удивляться, что некоторые события и обстоятельства, действительно имевшие место в советской действительности, — вроде деятельности врагов народа в прокуратуре, незаслуженной травли хорошего профессора, неудачной дочери ответственного партийного работника Богдана и многое другое, — выглядят в фальшивой и сентиментальной ткани повести как *поклеп* на советскую действительность.

Повесть кажется мне негодной к печатанию.

1941

Л. Лавров — поэт, несомненно, одаренный, со своим индивидуальным видением мира. Книгу его следует издать. Не все в ней, однако, достойно издания, кое-что надо выбросить. Прежде всего, следует убрать претенциозный эпиграф ко всей книге. Ни в коем случае — в интересах и автора и читателя — не стоит печатать поэму «Вступление». Она слишком физиологична, автор видит только вещи и физиологические проявления жизни. И, несмотря на претензии автора связать все это в общее и цельное представление о *нашей стране* и о *нашем времени* получается обратное: такое восприятие могло иметь место в любое время и в любой стране, и восприятие это ограниченное.

Не надо издавать прозаической поэмы «Лето». Это тоже слишком рафинированно, дробно (не обобщено) и производит в сборнике странное впечатление. (С другой стороны, я сохранил бы в сборнике прозаический отрывок «Зимней почтой». Это очень поэтично, прозрачно, целомудренно и насквозь пронизано чувством.)

Есть у Лаврова несколько юродских стихов, сделанных под влиянием Заболоцкого и, как всякие юродские стихи, заставляющих предполагать издевку и двусмысленность. Это «Пейзаж», «Природа» и особенно «Хитрость» и «Куда глаза глядят». Эти стихи надо безусловно выбросить. Надо изъять бессмысленное, претенциозное, плохо написанное стихотворение «Воздух каждую из гланд сковал». Безусловно портит сборник отрывок из пьесы «Станция счастья». В нем нет цельности, и он назойливо сделан «под Сельвинского».

Наконец, некоторые стихи нуждаются в частичной правке (отдельных строф или выражений), — все это отмечено мною в тексте.

При всем том, после этих изъятий и исправлений, останется цельный сборник стихов, разнообразных по теме, очень индивидуальных и в то же время общезначимых. Снова повторяю: сборник заслуживает издания, — это талантливый поэт.

Прекрасные очерки — жизненные, правдивые, душевные. По неопытности авторы сказали кое-что лишнее. Есть стилистические погрешности. Но очерки настолько интересны, что я их с удовольствием отредактировал — выбросил ненужное и выправил стилистически.

Рекомендую эту небольшую книжку к изданию, а меня прошу считать ее редактором.

1941

Б. ЖИТКОВ, «ВИКТОР ВАВИЧ»

Эта книга, написанная очень талантливым человеком, изобилующая рядом прекрасных психологических наблюдений и картин предреволюционного быта, страдает двумя крупнейшими недостатками, которые мешают ей увидеть свет, особенно в наши дни:

1. Ее основной персонаж Виктор Вавич, жизнеописание которого сильно окрашивает всю книгу, — глупый карьерист и жалкая и страшная душонка, а это, в соединении с описаниями полицейских управлений, охранки, предательства, делает всю книгу по тону очень не импонирующей переживаемым нами событиям. Такая книга просто не полезна в наши дни.

2. У автора нет ясной позиции в отношении к партиям дореволюционного подполья. Социал-демократии он не понимает. Эсерствующим и анархистствующим — идеализирует.

1941

МАРГАРИТА АЛИГЕР, «ПИСЬМА НА ФРОНТ»

Сборник в целом патриотичен в хорошем смысле слова, индивидуален и вполне заслуживает издания.

Слабое стихотворение «Тыла нет». Но по композиции сборника его, пожалуй, надо сохранить.

Во всем разделе «Двадцать второе июня» следовало бы убрать, исправить некоторые дидактические, рассудочные, прозаические строки в хороших в общем стихах.

Из этих стихов наиболее удачное «Кровь».

В разделе «Из казанской тетради» следует убрать третье стихотворение — «Настанет день...», оно упадочное и плохо написано. «Дорога на запад» — прекрасная вещь. Строфа:

Какое счастье?
Даже в лучший час,
От счастья все забыв,
Его ты не увидел.
Быть может, в покорившемся Мадриде
Оно осталось дожидаться нас —

очень туманна, а политическая пагрузка этой строфы большая. Надо исправить, чтобы не было двусмысленности.

1941

В. КОЧЕТКОВ, «ОТРОЧЕСТВО»

Автор стремится показать в поэме становление юноши, сына бедных родителей, маленького человека с утопченной и очень индивидуальной психикой — становление характера его в условиях дореволюционной жизни, которая жестокостью своею, социальной несправедливостью обрекает его на мир замкнутый — одиночества и страданий. И только революция выводит его на правильную дорогу, показывает ему, где его враги и каков путь освобождения и для него, и для всех людей.

Стилистически поэма несколько однообразна. К тому же она растянута — главным образом по причине того, что автор недостаточно резко и выпукло дает главные, этапные моменты в развитии героя и слишком подробно анализирует многие сравнительно более мелкие его переживания, иногда даже мимолетные, чисто биологические эмоции его и ощущения. Это приводит к тому, что в поэме не хватает внешнего мира и воздуха, она камерная. И даже самый важный в жизни героя перелом — выход героя в революцию — остается недостаточно мотивированным. Все это говорит о том, что в таком виде поэма остается пока что узкоавтобиографическим и слишком индивидуальным явлением, не имеющим общественной значимости (я выступаю, конечно, не против индивидуаль-

ности вообще, а против камерности и узости в показе данной индивидуальности).

Тем не менее Кочетков — человек одаренный. То, что он пишет, он это, несомненно, пережил, многие наблюдения топки и неожиданны, старый мир ему противен, герой его не похож на десятки и сотни детей и юношей в подобных автобиографических поэмах, что доказывает наличие в авторе поэтического лица, еще не вполне проясненного. Это говорит также о том, что поэму можно переработать и сделать ее общественно ценной. Для этого необходимо, на мой взгляд, следующее:

1. Усилить главные, этапные социальные моменты в развитии героя и сократить более второстепенные, «общие», биологические.

2. Довести его биографию не только до того момента, когда он «вообще» вливается в ряды восставшего народа, а до той поры (по крайней мере), когда он обретает себя как повую, действенную индивидуальность с совершенно конкретными целями, лицом, данными. Тогда будет понятно, для чего поэма написана.

1941

А. БОНДАРЕВСКИЙ, «ДВА КУРГАНА»

Считаю эту поэму большим достижением Бондаревского и талантливой вещью.

Ее необходимо издать. Товарищ Бондаревский находится в настоящее время на фронте.

1942

О. КУРГАНОВ, «ЛИНИЯ КРАСНЫХ ГОР»

Эта повесть не похожа на большинство современных повестей о войне, — главным образом, пристальным вниманием автора к внутреннему миру героев. По тону своему она, пожалуй, ближе всего к повести «Народ бессмертен» Гроссмана, но абсолютно неподражательна. Повесть правдива, лирична, проста по языку.

Необходимо, чтобы автор немного еще поработал над ней:

1. Убрал некоторые (не слишком частые) неряшливости стиля и некоторые трафаретные выражения.

2. Пересмотрел мысли одного из героев повести (Комарова), являющиеся, очевидно, авторскими мыслями о военной культуре.

Нельзя забывать, что подлинными преемниками русской военной культуры, обогащенной западноевропейской, в годы гражданской войны были прежде всего большевики — Ленин, Сталин, Фрунзе, Киров, Орджоникидзе, Ворошилов и поднявшиеся под их руководством, на основе русской солдатской традиции, на опыте империалистической и гражданской войны — Буденный, Чапаев, Лазо, Щорс, Котовский, Пархоменко и многие другие. Лучших полководцев в ту пору в мире не было. Недаром мы победили в гражданской войне.

Мы терпим многие неудачи в Великой Отечественной войне не по недостатку «военной культуры», а по ряду причин, и среди них — по недостатку опыта на первых порах, опыта современной войны. Как и во всяком деле, оказались люди, которые мало учились после гражданской войны, и их опыт устарел. А и те, что хорошо учились, должны были многое усвоенное по книгам пройти на практике. Немцы опередили нас в практическом опыте, а когда опыт сравнялся, мы их стали бить, — бить прежде всего потому, что наша военная культура, военная культура большевиков, советских людей, гораздо выше немецко-империалистической и вообще выше чьей бы то ни было в мире. Ведь мы самая передовая сила в истории. В области военной мы подняли, усвоили, развили, двинули вперед все самое передовое, как и во всех остальных областях человеческой деятельности, как и во всех областях культуры.

1942

В. КОЗИН, «ПЕСНЬ ЭСКАДРОНА»,

Новеллы и рассказы

В сборнике самой крупной вещью является сценарий «Приключения Артема Арбелова», неправильно названный автором повестью. Это — сценарий, в подавляющей своей части написанный рваным «сценарным» языком, а

к тому же — сценарий, построенный в основном на внешних событиях, на приключениях, лишенных большей частью глубокого идейного содержания и даже эмоциональной основы. Талантливо начатый образ Артема Арбелова, армянина из нагорного Карабаха, военного моряка морской пехоты, с его жизнелюбием и с его чудесными мулами, мог бы перерасти в очень интересный и новый для русской литературы образ полуреального, полусказочного героя, в котором причудливо переплетены черты советского человека, героя восточных сказок и героя западноевропейского романа похождения. Но автор поленился додумать, доработать этот образ. После очень немногих поэтических и содержательных первых страниц, живой жизни, он, этот образ, абсолютно теряется в мельтешении внешних событий. Чудесный мотив — старики, защищающие свой аул, своеобразный «Союз стариков» — мотив, который опять-таки мог бы окрасить всю вещь в тона сказочные, легендарные, патриотические, — этот мотив тоже тонет в «приключениях» невыносимо однообразных и скучных.

Этот сценарий печатать не стоит, на мой взгляд.

Другой крупной вещью в сборнике является рассказ «Дуганские сады». Это вещь поэтическая. Но конец ее — начало войны — приклеен. К тому же рассказ безмерно растянут, растянут настолько, что основная поэтическая, «мудрая» линия то и дело тонет в рассуждениях, ненужных разговорах и лишние описаниях. Этот рассказ можно сделать по-настоящему хорошо, если

а) сократить его — сократить по строчкам, по абзацам, внутренне, выбрасывая все лишнее, сократить минимум вдвое в первых двух третях,

б) доработать, поднять окончание — там, где начало войны. Если автор пойдет на это, рассказ можно и должно напечатать, поставив его первым в сборнике. Он должен стоять вначале по соображениям хронологического порядка, имеющим в военное время немаловажное значение — и политическое и эмоциональное (с точки зрения непосредственного читательского восприятия).

Вслед за ним органически должна пойти «Песнь эскадрона», рассказ душевный, эмоциональный, дающий тон сборнику (и его, сборника, наименование), затем «Горы и почь», затем новеллы — в том порядке, как они даны, с рассказом «Все дальше» в самом конце.

Самое название «Новеллы» и выделение их в отдельный раздел советую отбросить — печатать все подряд как *рассказы*. Советую *выбросить* следующие новеллы: «Земляки», рассказ бессодержательный до непонятности, «Рассказ коновода», лишенный каких-то двух или трех необходимых точек, которые бы сделали его понятным для автора и для читателя (или пусть автор найдет эти точки и доработает рассказ), и выбросить рассказ «Два солдата», который доказывает ложную идею, будто во время войны не может быть поэзии, а мимоходом рисует образ командира Красной Армии, автора этой ложной идеи, как абсолютного кретина. Нужно доработать рассказ «Донской казак» (довести сюжетно образ ветеринара Сладкопевцева до самого конца, так же, как и основного героя, иначе рассказ сюжетно не завершен, у него кривой бок). В целом может получиться интересный сборник. Лучшим — по своему умному содержанию, по краткости и точности — считаю рассказ «В сарае».

1943

В. КОЗИН, «СЕМЬ СТАРИКОВ»

Рассказ этот можно было бы добавить к сборнику рассказов Козина, если сделать следующие *обязательные* исправления:

1. Ввести краткую мотивировку в самом начале, куда едет Артем-моряк, почему он один, как и зачем он попал в этот аул: иначе его появление в ауле ничем не оправдано.

2. Выбросить абсолютно неправдоподобную историю с самолетом, на котором — три немца летчика — летят перелетевшие немцами советские аульские старики, которые потом сбрасываются на парашюте.

3. Сделать некоторые купюры и выправить стилистические неряшливости, подмеченные мною в тексте.

С этими поправками рассказ, по-моему, своеобразен и хорош, хотя и растянут несколько.

1943

Это — хорошая книга. Ее достоинство в том, что она показывает повседневный, «будничный» героизм рядовых ленинградцев времен блокады. Трудности блокады показаны правдиво, без всякого нажима, и в свете этих трудностей героизм рядовых ленинградцев перерастает «местные» рамки, — это черты подлинно массового советского человека, преодолевающего самые тяжкие невзгоды трудом своим. Очень хорошо, что в этом варианте сборника автор убрал неудачный рассказ «Сердечная слабость», который отяжелял сборник. Я предлагаю не включать в сборник и рассказ «Начало этой книги»: он, в отличие от других, плохо написан, и в нем есть какая-то искусственность и сентиментальность.

Сборник надо бы закончить на рассказе «Я видел Ленинград».

В сборнике попадаются отдельные неудачные выражения — их легко исправит опытный редактор.

1943

АЛЕКСЕЙ ЮГОВ, «БЕССМЕРТИЕ»

Как мне сообщили, роман этот безоговорочно забракован издательством. Думаю, что этого не следует делать. Роман нужно *доработать, выправить* местами, и это будет незаурядное художественное произведение. Автор вполне может это сделать.

Автор, несомненно, человек незаурядного таланта. Роман читается с огромным интересом. Жизнь, быт приискателей в красноярской тайге показан так (и с такой стороны), как никто его не показывал. Впервые в советской литературе героем романа является рядовой и в то же время незаурядно талантливый советский врач, работающий в невыносимо трудных условиях, — честный, прекрасный советский труженик. В этом неоспоримые достоинства романа.

Тем не менее в нем есть *такие* недостатки, без выправления которых роман этот уведет не в ту сторону, в какую

намеревается вести читателя талантливый автор. Что это за недостатки?

Первый, очень легко исправимый: надо уже в самом начале романа сказать, в *какое* время, в *каком* году все это происходит. Например, после первого же абзаца начать второй абзац так: «Был (или «стоял») апрель 1929 года. Желтое и маслянистое солнце...» и т. д.

В том месте, где Костров впервые встречается с Савельевым и иронически разговаривает о «врастании Никифора Хаюзина в социализм», дать авторское отступление (возможно, через мысли Савельева), из которого явственно следовало бы для читателя, что близится пора сплошной коллективизации (ведь в это время уже шли чрезвычайные хлебозаготовки, сильно жали на кулака и шел рост колхозов, а к осени появилась статья Сталина «Год великого перелома», с которой началась сплошная коллективизация), — это с одной стороны, и с другой — что уже началось и развивается необычайное напряжение первой пятилетки индустриализации. Это надо сделать обязательно, — иначе сейчас, в 1943 году, в период Отечественной войны, многое в романе будет непонятно.

Второй и главный недостаток: в романе недоработаны, педодуманы, не получают должного развития и завершения *наши советские люди — большевики* (я говорю именно о большевиках), а между тем в романе есть все, чтобы их развить и доработать. Без этого лагерь врагов выглядит более выпукло, чем лагерь большевиков, — этого нельзя допускать. Что надо сделать, чтобы поправить это?

1. Наиболее удачная и развернутая фигура большевика — это Костров. Надо, чтобы он был секретарем местной партийной организации, а не приискома (это — типичнее для того времени. Профсоюзники ни тогда, ни после — такой роли не играли). Масштабы романа таковы, что они не позволяют развернуть картину вредительства настолько, чтобы захватить и область. Поэтому не нужно замешивать во вредительство Полудова (пред. облисполкома, которого, кстати сказать, мы ни разу не видим, а знаем только по фамилии) и вообще областные организации (в жизни это было, но в данном романе этого не нужно). Не нужно, чтобы в области отняли у Кострова партбилет, не нужно награждать его параличом, да еще инфекционным, и не нужно, чтобы его убивали. Нужно вот что: Костров уезжает в Красноярск, там назначают чрезвычай-

чайную тройку, Костров возвращается вместе с ней и вместе с ней разоблачает вредителей до конца.

2. Директор предприятия Николенко должен быть *доработан*. Либо это шляпа, виновный в том, что вредители его облапошили. Либо это хороший, сильный, рукастый хозяйственник, но трагически обманутый сначала, а потом вместе с Костровым добившийся истины. В обоих случаях его надо развить — или в ту, или в другую сторону, — показать эти его черты в работе, на деле. Роман требует две-три главы, специально посвященные ему.

3. Идеология «роботов», которую развивает Степанов, — это *вредительская* идеология. Если ее сохранять, то надо разоблачать и Степанова в конце романа как вредителя. Если же его показывать как честного специалиста, тогда *нельзя* придавать ему эту идеологию, ее надо *убрать*.

4. В Степановой (жене его) много отталкивающего. Поэтому с первого же момента надо показать, что у врача Савельева не безоговорочная любовь к ней, а двойственное чувство. Что-то влечет, и что-то отталкивает. Когда они сходятся, это отталкивание как бы пропадает, но оно окончательно торжествует после ее нежелания выйти за него замуж и родить ребенка. Это необходимо для того, чтобы в расстановке своих и чужих сил в романе — Степанова имела свое место и не была бы идеализирована.

5. Надо развить образ Коновалова (несколькими штрихами) в смысле его политического лица (опять-таки для усиления лагеря честных *советских* людей в романе). Например, дать Савельеву и Коновалову серьезный *политический* разговор, из которого бы явствовало, что они оба *советские* интеллигенты, политические единомышленники.

6. На совещаниях, посвященных злополучной застрявшей драге, не делать *всех* инженеров какими-то бездушными, сволочными чиновниками. *Обязательно* надо, чтобы кто-нибудь из этих инженеров, обаятельно симпатичный человек, безоговорочно поддержал проект Паши Симаранова.

Третий недостаток, очень легко исправимый, — главным образом путем сокращений: обаятельной фигуре врача Савельева, главного героя, придаю слишком много рефлексий, а главное — черт такой исключительности и такого «умственного» своеобразия, которые его делают

уж очень нетипичным. А падо, чтобы он был более типичным, чтобы его читатель любил, учился у него. Что нужно для этого?

1. Целиком убрать главу о его увлечении «йогами» и везде вымарать «йогов». (Оставить образ Муция Сцевола.)

2. Убрать нажим на его увлечение фрейдизмом. Фрейд — лжеученый.

3. Убрать все о гипнотизме, кроме случая с рукой старого приискателя. Этого вполне достаточно. Иначе роман уходит в сторону.

4. Кое-где просто «поджаты» излишнее рефлексирование. Андрей Савельев — более цельный человек, чем получается у автора.

Кроме этих главных недостатков, надо выправить кое-какие мелочи, отмеченные мною в тексте.

Уверен, что после такой доработки это будет своеобразное произведение.

1943

К. КЛОСС, «СИЛА НАРОДА»

Из этого хорошего материала, увиденного талантливым автором, но очень небрежно и торопливо превращенного в «роман», можно было бы действительно сделать настоящий роман или повесть, если хорошенько поработать над материалом. Чувствуется, что автор писал как писалось и в таком виде предложил свой «труд» издательству.

Очень много прекрасных бытовых сцен, картин стройки, даны многие реальные трудности стройки, прозрачно и чисто даны отношения Павла и Кати, но язык небрежен (автор — профессионально-опытный литератор, и чувствуется, что писал вещь небрежно не от неумения, а от недопустимой торопливости), много мусора, ненужных сцен, разговоров, — вещь растянута, но крайней мере, вдвое против необходимости, а главное — люди в подавляющем большинстве не показаны, не раскрыты в их внешнем облике и душевном мире, а только схематически намечены или даже просто названы по фамилиям.

Весь конфликт с директором старого завода Буренко

абсолютно нежизнен, надуман. Ежели на месте старого завода строится новый, об этом заранее предупреждаются областная и местная парторганизации и все старое хозяйственное руководство. И все силы бывают обращены на новую стройку. Особенно если дело происходит во время войны. Конечно, и сейчас могут быть сознательные и бессознательные саботажники. Но делается это не так и не в такой форме (не так глупо, прямолинейно и наивно), как это показано автором.

Если автор хочет, чтобы его вещь увидела свет, — а вещь того заслуживает, — он должен терпеливо и кропотливо поработать над ней, по крайней мере, месяца три-четыре. Поработать над характерами, над языком, выбросить все лишнее, переписать все, по крайней мере, два-три раза.

1943

ЯНКА КУПАЛА, ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Давно не читал более чистой книги. Все, что относится к дореволюционному времени, не имеет себе равного по кровной близости к мужику, возведенной на уровень самой подлинной поэзии.

Впервые ознакомился с поэмами Купалы, — они исключительно своеобразны по какому-то соединению приемов символизма с правдой жизни и кровной близостью к белорусскому мужику. («Извечная песня» — тяжкая и грустная до слез.) «Она и я» — поэма исключительного своеобразия, земная, языческая и в то же время по-белорусски тихая, акварельная и опять и опять мужицкая.

«Сват» — поэма-шутка, полная народного юмора, тоже очень своеобразная.

1943

Е. ТАРАХОВСКАЯ, «ДВЕНАДЦАТЬ ТОПОЛЕЙ»

Автор, несомненно, талантливый человек. Но книги стихов, как цельного явления, не получилось. Весь средний (второй) раздел книги, составленный из довоенных

стихов 1939—1941 годов, просто хорош — стихи тонкие, умные, с лирическим подтекстом. Третий раздел—детские стихи, — за некоторыми исключениями, тоже не плох, но он никак не монтируется с содержанием двух предыдущих разделов: это специфические детские стихи, то есть стихи для детей, со своим словарем, наивным подходом к явлениям, — это уже совсем другой сборник. И, наконец, первый и самый важный раздел — военные стихи — неудачен: стихи очень старомодны по манере и в большинстве умозрительные, то есть лишенные подлинной поэзии, за исключением двух, более или менее удачных: «Дорога из дому» и отчасти «Отражение в зрачке».

1943

К. ОСИПОВ, «ЕКАТЕРИНИНСКИЕ НОВЕЛЛЫ»

Сборник включает четыре рассказа, относящиеся к предъекатерининскому и екатерининскому царствованиям. Рассказы — при некоторых стилистических погрешностях, легко устранимых, — написаны хорошо (особенно «Безымянный колодник»), свидетельствуют о том, что автор свободно владеет историческим материалом, — читаются они с увлечением.

Но, при всем их познавательном значении, они показывают, главным образом, самые мрачные, уродливые стороны российского абсолютизма (единственный светлый образ Суворова дан в период его кончанской ссылки), в то время как сейчас, в дни войны, мы более заинтересованы в показе наиболее передового и прогрессивного в истории русского народа и русской государственности. Правда, этот показ должен быть не квазипатристическим, он должен быть правдивым, лишенным сусальности и вовсе не должен скрывать те стороны старой русской действительности, которые так талантливо показаны Осиповым. Но у Осипова даны *только* (или *главным образом*) эти мрачные, уродливые стороны, а хотелось бы, чтобы сборник был исторически правдивым, объективным.

1943

Талантливая повесть, благородная по манере и по вложенному в нее глубокому содержанию. По материалу своему это вещь очень пужная сейчас: работа врача-хирурга в дни Отечественной войны. По теме это крылатая вещь, поднимающаяся над материалом до большого обобщения гуманистического характера: наши люди от бойца до хирурга борются за жизнь и человечность, против смерти и уродства фашизма.

В нашей литературе еще не было такого точного, со знанием дела, с таким глубоким подтекстом, подлинно реалистического изображения работы хирурга. Автору прекрасно удалось не только главные, но и второстепенные персонажи.

Немного мешает (как всякое излишество) излишне подробное (скрупулезное) изложение вещей, не только главных, а и второстепенных, некоторая замедленность переходов от мотива к мотиву или от ситуации к ситуации, но это — местами и не портит общего прозрачного стиля этой прекрасной повести.

1943

ДМИТРИЙ ОСИН, «НОВЫЕ СУДЬБЫ»

Книга обнимает две повести. Первая повесть — «Добромино», вторая — «Белый омут». Обе повести обладают примерно одинаковыми достоинствами и недостатками. Они написаны, несомненно, человеком одаренным, с лирическим правдивым голосом, но человеком, который не знает, не видел (или не понял, если видел) события войны и как, в реальной жизни, они преломляются в народной душе.

В повести «Добромино» правдиво намечены два характера — людей, по разным причинам репрессированных и досрочно освобожденных по случаю войны, вернувшихся в родное село, как раз когда оно уже занято немцами. До этой поры все развивается естественно и художественно правдиво. Но с момента их возвращения в село чувствуется, что автор не знает ни немцев, ни того, как вели себя мужики, ни того, как организовались и

действовали отряды — все делается поверхностным, условным, малозначительным, и повесть теряет художественную силу.

В повести «Белый омут» тоже все разворачивается хотя и несколько растянуто, но правдиво и естественно до наступления событий собственно войны. Как только приходит война, чувствуется, что автор ее не знает, обходит стороной, и повесть разменивается на второстепенные (с точки зрения происходящих событий) любовные судьбы, случайные эпизоды, — сюжетная и идейная основа повести затеривается в песке, как река в пустыне. Как и в первой повести, читатель ждет другого и испытывает разочарование.

В обеих повестях есть немало тонкого в наблюдениях автора над людьми, есть намечки характеров, удачные эпизоды, лирические места, но обе повести не завершены, расплываются, даже трудно сказать, как их можно было бы поправить.

1943

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ, «ВОЙНА И КУЛЬТУРА»

Это вполне квалифицированный сборник статей, написанных поэтом, кровно связанным с борьбой нашего народа, и помимо всего прочего — отличающихся от многих статей собственной точкой зрения на художественные явления и большой любовью к поэзии.

Советовал бы автору найти более скромное название книги, точнее отвечающее ее содержанию, и соответственно изменить название первой статьи.

Оговариваю также свое несогласие со статьей о Пастернаке, который заслуживает, по-моему, более суровой критики. Тем не менее это первая за дни войны критика произведений Пастернака.

1944

А. ЧАКОВСКИЙ, «ПЕРЕД РАССВЕТОМ»

Рекомендую к изданию повесть Чаковского. Это вещь очень лиричная, душевная, правдивая. Через будни войны, будни ленинградской блокады автору удалось передать

живые, теплые, благородные человеческие чувства и дела. В повести проходят самые обыкновенные, так называемые рядовые люди, но все они освещены этим большим светом настоящих правдивых чувств и дел.

Повесть нуждается кое-где в стилистической правке, которая, однако, не должна разрушить авторскую своеобразную манеру изложения. В этой манере — особенно вначале — чувствуется влияние современных писателей-американцев, потом его уже не замечаешь.

Следовало бы также изменить название повести, это слишком претенциозное.

1944

ЛЕВ УСПЕНСКИЙ, «1916 ГОД»

Это большая и незаурядная работа — эпопея, еще не законченная, но уже сейчас представляющая огромный интерес для читателя, особенно в наши дни.

В романе даны с подлинным талантом и великолепным знанием материала картины жизни России в год накануне Февраля и Октября, жизнь и быт буржуазно-дворянского общества, крестьянства, рабочего класса, фронт и тыл, работа партии большевиков, иностранная разведка в России, происки иностранного капитала, солдаты и офицеры. В романе даны царский двор, дума, первые русские авиаторы, знаменитый Ютландский морской бой, намечены контуры брусилловской эпопеи, которая, очевидно, должна занять большое место в дальнейшем течении романа. Все это объединено сложным, многоплановым сюжетом, который в представленных частях еще далеко не завершен.

Надо было бы предоставить возможность автору роман доработать, и в цельном виде роман следовало бы издать.

Роман писался задолго до этой войны, но многие темы, поднятые автором, очень актуальны. Тем не менее ряд вещей нуждается в исправлении и переработке.

1. Нельзя в нынешних условиях давать Ютландский бой под тем углом зрения, под каким его дает автор.

2. Автор слишком прямолинейно показывает некоторые сексуальные моменты. В интересах читателя все это нужно сделать скромнее, а в иных случаях и вовсе обойти.

3. В изображении Вырубовой и ее окружения автор незаметно для себя впадает в бульварщину, — надо найти другой тон и другие слова.

4. Автор, стремясь возможно натуральнее передать речь его героев и персонажей, злоупотребляет натуралистическим изображением картавости, грассирования, национальных акцентов. Автор не замечает, что таких людей у него немало и что искаженную речь, как бы умело и тонко это ни было сделано, трудно читать.

5. Роман местами растянут и стилистически не везде отработан, — его во многих частях можно сократить и вообще надо построже отредактировать.

Все эти недостатки ни в коей мере не играют решающей роли в этом выдающемся произведении, легко поддаются исправлению; важно обеспечить автору возможность работы.

1944

А. ЧЕРНЕНКО, «МУЖЕСТВО»

Рассказы принадлежат к тому типу рассказов, что были широко распространены в первый период войны. Они полны доброго, благородного намерения и действительно говорят о мужестве простых советских людей в войне. Но самих людей в рассказе нет — это абстрактные, общие носители мужественных поступков, лишённые характера, индивидуальности. Рассказы написаны крайне однообразным, штампованным языком. Даже удивительно, что они принадлежат Черненко — автору самобытному, с оригинальной биографией и уже немалым литературным опытом.

1944

А. АВДЕЕНКО, «ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО МЫ ЛЮБИМ»

Автор поставил целью дать обобщенный, символический образ русского человека в современной Отечественной войне, образ русского советского солдата — Хлебушкина. Несомненно, отдельные обаятельные черты этого образа автор чувствует сердцем своим, но найти художе-

ственные средства для полнокровного, живого, правдивого воплощения этого образа ему не удалось. Образ задуман и намечен как условно-символический, а манера изображения — реалистически-бытовая, натуралистическая: художественного единства, гармонии нет. Символ не вырастает из естественного развития самого характера, а навязывается: то это живой человек, некоторыми чертами своими напоминающий Платона Каратаева (а иногда Василия Теркина), то — вдруг — неоправданная аллегория. Для живого человека он слишком сусален, для символа слишком натуралистичен. Образы товарищей Хлебушкина, давшие в такой же манере, и вовсе не развернуты, — все действуют, говорят не по естественной логике событий и естественному развитию характеров, а по авторскому произволу, он расставляет их так, как ему хочется, как он считает в данной ситуации наиболее удобным для выражения своего частного или общего замысла. А в результате, при отдельных художественных удачах, нет доверия автору, замысел остается художественно неоправданным, насильно навязывается.

При такой манере изображения наиболее удачны те места, где автор сам эмоционально взволнован. Субъективная окраска людей и явлений внушает доверие, когда она по-настоящему лирична, эмоционально приподнята. Поэтому автору много прощаешь в первых, наиболее удачных главах: «На перекрестке» «Триумфальная арка», «Ночь перед штурмом», «У костра», — прощаешь и сусальность Хлебушкина, и отдельные стилистические перышки, потому что ждешь еще большего эмоционального подъема в связи с назревающими событиями. Но дальше эмоционально-лирическая струя пропадает, — изредка только нет-нет да и выглянет на поверхность, — начинается нагромождение внешне-описательных моментов, таких подробностей боя, которые знакомы нам по многим и многим газетным очеркам, и среди них совсем уже фальшиво, аллегорично выглядят все моменты условно-символические.

Повесть расплзается, делается скучной, она не имеет — в смысле эмоциональном — кульминационного пункта и не имеет конца. По тому, как она начата, она не может и не должна здесь кончаться, но продолжать ее тоже неизвестно зачем — повесть распалась.

Язык повести тоже не выдержан: иногда он очень прост, душевно окрашен (автор находит вдруг

замечательные подробности в изображении наружности, в жесте, в диалоге), а иногда этот язык ложнопатетичен, банален или вдруг спускается до натуралистической грубости, до физиологизма, или бесцветен, как в любом газетном очерке.

Чувствуется, что писал талантливый человек, который сам не осознал (художественно не осознал) до конца свой замысел, не выносил его. И я бы советовал Авдеевко в таком виде повесть свою не издавать.

1944

А. КОПТЯЕВА, «ТОВАРИЩ АННА»

А. Коптяева, автор романа «Фарт», изданного перед войной издательством «Советский писатель», написала новый роман — «Товарищ Анна», — свидетельствующий о росте ее писательского дарования.

Место действия романа — золотые прииски в далекой сибирской тайге. События разворачиваются перед войной. Основная тема романа — личное и общественное в жизни советского человека. Коптяева убедительно показывает, насколько в нашей жизни и работе первое неотрывно от второго. Личное счастье возможно на основе труда на благо людей, оно возможно между людьми, для которых семья — трудовой союз, скрепленный общими интересами и цельной любовью без лжи и скидок и эгоистического самолюбования, — союз, в котором рождение детей, их воспитание — есть одновременно и естественное выражение, и продолжение любви, дело глубоко общественное.

В романе гармонически — я говорю сейчас о чисто художественной стороне дела — переплетена жизнь семейная, личная, любовная с жизнью и работой людей на производстве, в обществе, — одна входит в другую. Заслуга автора в том, что у него эта вторая жизнь — на производстве, в обществе — не является только фоном для первой, а органически сливаясь с первой, является главным содержанием жизни людей. Особенно удался автору образ главной героини — Анны, руководительницы крупного золотодобывающего предприятия, образ цельный, гармоничный и сильный, в котором многие современные женщины найдут свои черты.

Коптяева хорошо видит и чувствует природу и умеет ее изображать.

Роман местами несколько растянут. Следовало бы убрать некоторые — немногочисленные — резкие и претенциозные выражения, отмеченные мною в тексте.

История первого замужества Валентины, одной из героинь романа, вряд ли уместна в конце романа, она должна быть рассказана где-то в начале или в середине: здесь онаотяжеляет роман композиционно и как-то неуместна по эмоциональному восприятию. В этой истории тоже следовало бы убрать некоторые художественно неоправданные резкие выражения.

1944

П. ЗАМОЙСКИЙ, «МОЛОДОСТЬ»

(Первый вариант)

Это — правдивая, хорошая книга, автобиографический роман, действие которого разворачивается в последние месяцы империалистической войны 1914—1918 годов и кончается Октябрем.

Герой романа — крестьянин из бедной семьи, молодой парень, участник войны — из-за ранения, превратившего его в полуинвалида, возвращается к себе домой, в деревню, когда война еще в самом разгаре, но во всей атмосфере жизни деревни уже чувствуется назревающая революционная гроза. От его лица ведется повествование, и его глазами дана жизнь деревни, кристаллизация ее революционных элементов, борьба за народные права в первые месяцы после Февраля, всевозможные личные дела и судьбы. При некоторой растянутости романа и отдельных, не столь многочисленных, стилистических неряшливостях, роман написан хорошо, просто, душевно. Духовный мир крестьянина, и передового, и отсталого, и ищущего правды, и уже очерстневшего от корысти, духовный мир женщины-крестьянки — все это дано с большой внутренней правдивостью и подлинной лирической силой. Я не знаю другого произведения, где бы с такой чистотой, отсутствием всякой грубой физиологии, которой так любят злоупотреблять многие авторы в изображении деревни,

были даны любовь и любовные отношения в старой русской деревне. Все люди в изображении Замайского встают такими очеловеченными, что это не может не волновать. Замайский, как никто из современных авторов, видит эту сторону жизни деревни, которая была за семью печатями, скажем, даже для Бунина. И в этом большая заслуга Замайского.

Но роман его был написан задолго до этой войны. В нем подняты и заострены те вопросы и проблемы, которые волновали автора в 1917—1918 годах, без всякого учета, какие стороны жизни России того времени, какие вопросы и проблемы того времени нужно было бы предусмотреть, поднять и развить в условиях современной Отечественной войны.

Роман целиком и полностью заострен против всех мрачных, страшных, звериных сторон старого царского строя, и весь его, романа, внутренний пафос обрушивается на бессмысленность империалистической бойни, на ужас ее для народа; роман показывает страшную бесперспективность жизни для сотен тысяч калек, которых породила война, и справедливо видит выход для народа в революции, которая может родиться (и родилась) из поражения России в той войне. В силу этого в романе нет никакого заострения против немецких империалистов, которые ведь и тогда выступали тоже как злейшие империалисты.

Нельзя не видеть, что в наши дни без учета многих других сторон и вопросов жизни России того времени, без показа того, что и в той войне старый строй в корыстных целях помещиков и капиталистов эксплуатировал *подлинные* патриотические чувства нашего народа, благодаря которым и в той войне наш народ зачастую проявлял *подлинные* чудеса героизма, без очень развернутого и ясного объяснения (не публицистического, а исходя из народной жизни) всей огромной разницы между той войной и этой, — без учета и показа всех этих и многих других вопросов и обстоятельств роман будет звучать в наши дни очень странно и, вопреки воле автора, будет путать мозги молодому читателю неверными параллелями, основанными на чисто внешнем сходстве ряда обстоятельств, присущих войнам.

П. ЗАМОЙСКИЙ, «МОЛОДОСТЬ»

(Второй вариант)

Замойский проделал большую работу над романом, убрав все, что было бы не ко времени в наши дни.

В целом роман — явление незаурядное.

1945

В. АВДЕЕВ, «ПЕРЕД ГРОЗОЙ»

Я — против издания книги В. Авдеева «Перед грозой». Этот талантливый человек после первой вещи никак не найдет своей темы.

Повесть «Плюшевый мишка» и рассказ «Бригадирша» — где-то *возле* жизни. Грустно видеть, что еще молодой и способный человек видит только грубые, пошлые, даже скабрёзные стороны жизни. Даже жизнь хороших людей у автора так засорена всякой жизненной гадостью, что даже читать-то неприятно.

А рассказы «Перед грозой» и «Возвращение» просто надуманны, за ними настоящей жизни нет.

1945

Б. ЛЕОНИДОВ, «ТРЕТЬЯ ПАЛАТА»

Горячо рекомендую к изданию прекрасную повесть Бориса Леонидова.

Это повесть о людях, ослепших на фронте вследствие рабления, и об их судьбах в условиях нашей советской действительности. Люди даны выпукло, живо, тонко, не слащаво. Судьбы их правдивы. По своему искреннему тону, по характеру человеческих судеб такое литературное произведение могло появиться только у нас в стране.

Повесть читается с интересом, она увлекательна. А для людей, перенесших такие же несчастья, как герои повести, — это вещь вдохновляющая. Ее следует издать как можно скорее.

1945

В. ОВЕЧКИН, «С ФРОНТОВЫМ ПРИВЕТОМ!»

Прекрасная повесть, написанная человеком, прекрасно знающим колхозную жизнь, болеющим душой за судьбу родной земли и верящим в ее прекрасную судьбу.

1945

Ф. ПАНФЕРОВ, «БОРЬБА ЗА МИР»

(Книга первая)

У нас слишком мало произведений о жизни советского тыла в дни войны. Первая книга романа Панферова неровна. Наиболее удачны главы о строительстве промышленности на востоке в дни войны. Хороши образы уральских рабочих и образы двух старых московских рабочих. Неудачны главы, где автор стремится показать немецкую оккупацию в деревне. С моей точки зрения, там нехорошо даны не только немцы, но и наши колхозники, — я говорю о нехудожественном их изображении.

Редактору книги совместно с автором следовало бы хорошенько поработать над языком книги.

(1945)

В. ПАНОВА, «СПУТНИКИ»

Прекрасная, чистая и суровая, правдивая и поэтичная повесть.

За последние три года вышло в свет немало хорошей прозы: «Два капитана» Каверина, «Первые радости» Федина, «Сын полка» Катаева, «С фронтовым приветом!» Овечкина, «Это было в Ленинграде» Чаковского, «Бессмертие» Югова, «Хирург» Емельяновой. Среди них «Спутники» Пановой принадлежит к лучшим.

1946

В. ЕРМИЛОВ, «ЧЕХОВ»

Талантливая, умная книга. Духовный портрет Чехова, истоки его творчества, основные мотивы его творчества, истинный подтекст его произведений, его место

во времени — все это впервые (в обильной литературе о Чехове) дано осмысленно Ермиловым. Для молодежи нашей книга будет иметь огромное воспитательное значение.

Книга несколько апологетична, в чем Чехов не нуждается. Автор недодумал или не решился сказать в полный голос, в чем Чехов был ограничен. Я имею в виду ограниченность в понимании русской действительности своего времени, ограниченность *политическую* в глубоком смысле этого слова. Разумеется, оценивать *творчество* Чехова так, как я его оцениваю, автор (Ермилов) не обязан (тем более что с *большинством* его оценок нельзя не согласиться). Та сторона чеховского творчества — отсутствие положительных образов людей из народа, — которую я не могу не критиковать с позиций гораздо более илебейски-демократических, чем те, какие автор приписывает Чехову, не снижает величия духовного — в том числе и писательского — облика Чехова.

1946

М. ЕФЕТОВ, «ДВА ПИСЬМА»

Ефетов пишет о простых, рядовых советских людях. Его тема — рождение человека-работника, рождение новых человеческих отношений в обществе, семье, труде, войне.

Ефетов стремится работать в хорошей литературной манере — Чехова и отчасти тех из писателей США, которые в общем идут за Чеховым.

Но, работая в этой школе, Ефетов не преодолел некоторых грехов ученичества. Часто, найдя правильное решение темы, хороший, верный сюжетный рисунок, автор не дает необходимой психологической мотивировки поступкам героев (рассказ «На путях»), или внезапным сюжетным трюком снижает поднятую им большую тему («Диспетчер»), или не доводит до конца, до психологической ясности, раскрытый им процесс становления личности и человеческих отношений («У самого синего моря»). Эти недостатки автором могут быть (и должны быть) исправлены, если он еще хорошенько поработает над своими рассказами.

У него есть подлинные удачи — рассказы «Папоротник», «Галя». Однако и в этих рассказах есть погрешности стиля, характерные для всего сборника, — погрешности легко исправимые, но все же довольно частые. Следовательно, автору необходимо поработать и над языком своих рассказов.

Тема, поднятая им, — нужная и большая тема. В манере автора есть простота, мягкость, а главное — чувствуется любовь автора к своим героям. Он вполне в силах довести свои рассказы до необходимого совершенства.

1946

А. ГИДАШ, «ГОСПОДИН ФИЦЕК»

Роман написан был до войны, но вышел в малом тираже и мало известен нашему читателю. А между тем — по объему и глубине поднятого материала — роман представляет из себя целую энциклопедию жизни трудовых низов Венгрии в период до первой империалистической войны. Несмотря на то, что в романе взят период, от нас уже значительно отдаленный, это произведение имеет актуальное значение. В нем с убедительной силой показаны: быт трудовых и средних слоев Венгрии, корни влияния социал-демократии, положение крестьян; страшная сила мещанства в маленькой и зависимой стране, истоки реакционного национализма и в то же время пробуждение революционного сознания в рабочем классе и в крестьянстве. Роман помогает многое понять в венгерской революции 1919 года и в поражении этой революции, в дальнейшей судьбе Венгрии вплоть до участия страпы в кровавом гитлеровском походе и, наконец, — в том, что происходит в Венгрии сейчас.

Мое мнение таково, что роман следовало бы переиздать. Разумеется, я не настолько информирован в конкретной ситуации современной Венгрии, чтобы ответить, насколько все, изложенное в романе, уместно именно сейчас. Это надо проверить через Наркоминдел или другую инстанцию, ведающую такими вопросами. Но роман безусловно интересен.

Он излишне подробен в деталях, которые имеют свое звучание для венгерского читателя, но не всегда необходимы и могут только замедлять действие для нас,

читателей русских. Текст вполне поддается сокращению, если автор проделает это с помощью опытного редактора.

Роман переведен не писателем, поэтому в иных местах, особенно в первой трети романа, попадаются стилистические ляпсусы, иногда фраза излишне тяжеловесна. Перевод нуждается во внимательной редакторской правке. Но эти легко исправимые недостатки не могут заслонить богатство содержания.

1946

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ, «БАТАШ И БАТАЙ»

Роман представляет из себя значительно переработанный и дополненный новыми частями вариант книги, которая вышла до войны. Если довоенное издание встретило повсеместные одобрительные отзывы критики, то новый вариант — еще интересней и значительней. Фактически это — новое произведение, в котором дана целая полоса развития России, увиденная через призму или, вернее, отраженная и преломленная в призме развития и судьбы малых горских народов Кавказа.

Все, что касается горских народов и их взаимоотношений с различными слоями русского общества (т. е. — по количеству материала — три четверти книги), написано умно, ярко и увлекательно, нуждается, может быть, в некоторой стилистической правке и в отдельных сокращениях. Все же, что касается большевистского подполья на Северном Кавказе (т. е. ряд глав в V и VII частях), написано перяшливо, местами газетно и элементарно и нуждается в переработке. Более конкретные замечания сделаны мной на полях.

Эту переработку отдельных глав автор вполне в силах осуществить. Поэтому я рекомендовал бы заключить с ним договор.

1946

В. ЛИДИН, «ИЗГНАНИЕ»

Роман охватывает большой период Отечественной войны — от начала ее до полного изгнания немцев с нашей земли. Роман охватывает многообразные судьбы простых

советских людей — рабочих Донбасса и Криворожья, украинских крестьян и донских казаков, различных представителей интеллигенции, бойцов и командиров Красной Армии, партизан и партизанок. Эти многообразные судьбы разворачиваются на фоне грандиозных событий войны.

Роман был написан, когда война еще не кончилась. В нем есть известная дробность: слишком много действующих лиц, одни судьбы, не успев развернуться, сменяются другими, большие события войны даны только как фон. Но в романе много и хорошо обрисованных характеров советских людей, особенно женщин, удачны многие лирические места, интересен весь замысел романа — показать всенародность советского патриотического чувства в эти грозные годы. Несмотря на известную неровность изображения как характеров, так и событий, в романе правдиво показана жизнь советских людей в условиях немецкой оккупации, многие эпизоды войны, картины русской природы, искалеченной войной, но все же прекрасной и необъятной.

Мною сделаны были автору некоторые критические замечания. Автор с ними согласился и в настоящее время вносит в роман отдельные исправления. Я считаю, что роман этот следует издать. Учитывая тяжелое материальное положение автора, с ним хорошо было бы заключить договор.

1946

Н. ТОЛПЕГИН, «В СОПКАХ ПРИМОРЬЯ»

(Повесть в стихах)

Несомненно, автор вложил в эту поэму немалый труд. Но поэтически она сработана вяло, безиндивидуально, — не чувствуется подлинного поэтического мастерства. По существу, она ничего не несет нового. Все факты из жизни Суханова и Лазо, эпизоды борьбы за советский Дальний Восток давно уже известны. Некоторые из них (смерть Суханова, смерть Лазо) изложены автором неточно. А главное — нет в поэме подводного поэтического хода, того «второго плана», который превращал бы поэму в произведение искусства.

1946

Достоинство этого романа в том, что он, в сущности, впервые открывает русскому — и, конечно, не только русскому — читателю малоизвестный и такой примечательный период русской истории, отмеченный двумя выдающимися полководцами и государственными деятелями — Даниилом Галицким и Александром Невским. Югов впервые открывает эту страницу истории перед многомиллионным читателем, открывает ее во всеоружии знания и с присущим ему своеобразным талантом.

Отдельные главы этого романа написаны с подлинным блеском: разгром венгров, Золотая Орда и особенно столица Золотой Орды, встреча Даниила с Невским, спор Даниила с Карпини — папским представителем.

Тем не менее роману присущи две особенности, которые поневоле ограничивают круг его читателей, во всяком случае, затрудняют восприятие романа для читателя непосредственного и не столь разносторонне образованного.

Первая особенность. Язык романа стилизован, и хотя мне трудно было бы сказать, что он стилизован исторически неверно (я вправе предполагать, что он стилизован безупречно), тем не менее для непосредственного, неискушенного сознания язык романа перегружен архаизмами (особенно в первой части) и труден для восприятия.

Вторая особенность. Автору дороги многие страницы истории малоизвестные, и поэтому он охотно восстанавливает и воспроизводит их в памяти. Сами по себе эти страницы истории важны, и примечательны, и прекрасно написаны, но зачастую они не включены в непосредственный сюжет романа или занимают в нем, в сюжете, слишком большое место. Поэтому историко-описательная часть занимает в романе непропорционально большое место, в ущерб живому, непосредственному сюжетному развитию, которое в художественном произведении, а особенно историческом, играет исключительную роль. И даже такие интересные сами по себе главы, как встреча и спор Даниила с Карпини, покажутся массовому читателю скучными и лишними, поскольку они не на место поставлены, кажутся лишеными всякой связи с предыдущим и, неизвестно по какой связи и причине, завершают роман, оставляя читателя в недоумении.

При всей серьезности этих замечаний, роман Югова представляет собой своеобразное историко-литературное и художественное явление и заслуживает высокой оценки.

1947

САБИТ МУКАНОВ, «СЫР-ДАРЬЯ»

Материал романа обнимает период, непосредственно предшествовавший Отечественной войне, и период Отечественной войны: постройка оросительного канала в районе Сыр-Дарьи и работа колхозников-казахов в дни Отечественной войны. Но тема романа значительнее и шире. Сабит Муканов показывает новых людей — казахов старшего и младшего поколений, воспитанных советским строем.

Особенно удались автору фигуры старого колхозника Сырбая, инженера Анатолия Владимировича и образы молодежи — Айбарши и Даулета.

Роман можно считать большой удачей Муканова и всей казахской советской литературы. Роман — свидетельство перехода лучших писателей Казахстана к современной теме.

Роман написан в свободной манере, оригинален по форме. Есть отдельные длинноты. Иногда автор, безбоязненно оперирующий публицистическими отступлениями, несколько злоупотребляет цифрами.

Есть некоторая неправдоподобность в том, что Айбарша остается ночевать у Калакая после душевной беседы с ним; все-таки она должна чувствовать презрение к нему. Калакай перед беседой с Айбаршой показан слишком подлым человеком для того, чтобы его можно было так быстро простить. Эти мелкие недостатки легко исправить.

Роман — незаурядное явление казахской литературы.

1947

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ, СТИХОТВОРЕНИЯ

Книга состоит из двух частей, внутренне связанных единством творческого отношения к миру. Первая часть объединяет стихи, уже отмеченные нашей печатью, пе-

редающие большой пафос созидания нового мира, — они тематически связаны со строительством новой пятилетки. Вторая часть может быть условно названа «философией природы», но своим деятельным отношением к природе она, как сказано, перекликается с первой и философски и эмоционально.

Наконец, в книгу входит поэтический перевод «Слова о полку Игореве», высокое поэтическое мастерство которого (перевьса) общепризнанно.

1947

В. К. ТРЕНЕВ, «НЕВЕЛЬСКОЙ»

Книга воскрешает для советского читателя замечательный образ Геннадия Ивановича Невельского — дальневосточного исследователя, военного моряка, прославившего свое имя крупнейшим географическим открытием, имевшим огромное значение для России: Невельской доказал, что Сахалин не полуостров, а остров, отделенный от материка проливом (Татарским), в который впадает река Амур. Он разрушил этим вековое заблуждение, основывавшееся на неудачных экспедициях в прошлом — русских и иностранных моряков. Он сделал это из патристических соображений, вопреки прямому запрещению царя, и этим своим открытием положил начало новой эре в освоении Тихого океана и дальневосточного края Россией.

Имя это, очень популярное на Дальнем Востоке, мало известно русскому читателю и читателю других народов СССР. Книга Тренева в этом смысле как бы открывает вновь прекрасный образ Невельского.

Книга написана в жанре научно-художественной беллетристики, получившей теперь такое широкое распространение. Отличаясь научной, биографической точностью (в этом смысле она открывает много нового о Невельском, в частности в его личной жизни), она занимательна, написана простым языком и в самом лучшем смысле — благородна.

1948

Подавляющее большинство рассказов сборника написаны с присущим Ардову мастерством в этом жанре. Они действительно смешны, язык рассказов простой, ясный, точный, фабула неожиданна. В сборнике гармонично соединены вещи с глубоким содержанием, такие, как «Дурной обряд», или «Колхозная гостя», или «Среди животных», с вещами сатирическими («Редкий экземпляр», «Ее права», «Мнимый незаменимый», «Утренняя стенограмма» и многие другие), и просто развлекательные, веселые рассказы («Лунатик», «Грандиозная комбинация» и др.), но и последние в большинстве своем имеют общественную «изюминку».

Мне кажется, не следовало бы включать в сборник следующие вещи: «Разведка с угощением», «Красивая пара», «Футбол», «На посту», «Любовное приключение», — как вещи неудачные, плохо написанные, где автор не соблюл чувства меры и впал в пошлость.

Скетч «Хорошая соседка» мог бы быть и оставлен, но он не украшает сборника.

Что же касается водевиля «Нижегородское сватовство», то я советовал бы автору исключить его из сборника как вещь, абсолютно не гармонирующую со всем сборником, хотя сама по себе она вполне литературна.

Кое-где рассказы нуждаются в легкой стилистической правке. Более тщательно следовало бы поработать над рассказом «Изнурительный способ».

1950

Ф. А. БЕРЕЗОВСКИЙ, «БАБЬИ ТРОПЫ»

Я перечитал книгу Ф. А. Березовского «Бабы тропы» и пахожу несправедливым, что она в течение многих лет не переиздавалась. Книга эта, как и многие из написанных нами в 20-х годах, нуждается в авторской переработке. Автор должен ее переписать с тем, чтобы, во-первых, убрать излишества в местных речениях, которыми он злоупотребляет и когда выступает как автор, и когда предоставляет слово своим героям, во-вторых, устранить

натуралистические подражания народному говору, народному пепю и, в-третьих, местами убрать, а местами исправить излишние натуралистические описания монастырей, скитов. С этими поправками, на которые, конечно, потребуется известное время, книга сохраняет свое значение и до сих пор.

Эта книга — эпопея сибирского крестьянского рода, вернее, нескольких родов, начиная с 70-х годов прошлого века и кончая Советской властью, после гражданской войны в Сибири. В смысле знания материала и широты охвата явлений эта книга несколько не уступает таким, как «Даурия» Седых, «Строговы» Маркова, «Семейщина» Чернева. Но исключительным достоинством этой книги является изображение женщины из народа, их мучительного и трудного пути из двойного рабства в условиях старого строя к подлинному человеческому достоинству, которое им смог обеспечить только советский строй.

Ф. А. Березовский поделился со мной замыслом еще более коренной переработки романа, чем я рекомендовал ему. Я думаю, что эту работу он должен проделать. Но так как на эту коренную переработку потребуются, может быть, годы, я рекомендую издательству «Советский писатель» выпустить эту книгу, не дожидаясь коренной переработки, а лишь с этой необходимой стилистической правкой и правкой по существу, которую я рекомендовал автору в начале этого письма.

Прошу Секретариат зафиксировать в постановлении о необходимости переиздания издательством «Советский писатель» романа Березовского «Бабы тропы» после авторской правки, которую Ф. А. Березовский мог бы сделать под наблюдением специально выделенного редактора.

(1951)

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

(1924—1950)

1924 год

29 июня. Ведмидовка.

Позавчера ночью приехал в станицу. На вокзале попался исполкомский казначей — маленький, черный как жук, в полотняных штанах навыпуск, в каком-то странном (смесь венгерского с краскомским) не то френче, не то пиджаке. Говорит немного в нос. С ним тонная и томная барынька с провинциальными буклями, в соломенной шляпке, с мышинными зубками, глупенькой физиономией и претензиями на даму из бомонда. Говоря с мужем о предисполкома, она называет последнего, разумеется, не товарищ такой-то, а, как полагается — «Яков Павлыч». Закатывает очи горе и с усмешкой, которая должна считаться лукавой:

— О-о... Наш Яков Павлыч страшный допжуан...

А на квартире у них в углу на подушке проживает какая-то помесь болонки с волкодавом — обученное комнатное существо собачьей породы, чисто вымытое, с красным бабтиком на шее. Оно виляет и юлит перед своей хозяйкой, как сам исполкомский казначей, пробует несколько раз полаять и на меня, но я совершенно

недвусмысленным пинком ноги показываю, что недолюбливаю комнатных собачек всех видов и родов, не исключая человеческого.

Барынька оказалась преподавательницей французского языка в местной школе 2-й ступени (зачем ведмидовцам французский язык?). Оказывается, г-н казначей несколько месяцев тому назад подал заявление в партию, но его до сих пор еще не рассмотрели. Раньше служил в Красной Армии, а теперь купает болонку своей жены (бантик, оказывается, приобрел он же при ревизии церковного имущества) и самым возмутительным образом обращается со своей прислугой, которую, по моему мнению, и вовсе ему нечего держать.

Быт?! Но только не советский. А впрочем, черт с ними.

Конференция прошла довольно вяло. Впрочем, все вопросы были уже предрешены. «Яков Павлыч» (рослый мужчина, красивый, занимается французской борьбой и действительно донжуан) обижен присылкой нового предисполкома. А последний, еще не будучи избран, уже носится по станице — заглянул на сгоревшую мельницу, в исполкомские конюшни, пощупал пожарный обоз, забежал в угрозыск, — планирует и распределяет. Толковый, видно, мужик — хорошей рабочей закваски.

Самое прекрасное впечатление оставили комсомольцы. На их конференции не заскучаешь. И лучше всех секретарь волкома — Васильева. Небольшого роста, стриженная (кончики волос двумя пушистыми скобочками из-под разноцветного цыганского платочка), на вид лет 17—18. Но сколько в ней уверенности, достоинства и деловитости во время заседания! Обрезает так ловко, не моргнув глазом, что просто прелесть. Я сидел в углу и искренне восхищался.

А под вечер я узнал, что ее зовут Катей. У нее серо-коричневые глаза, чудная девичья улыбка и быстрые, немного нервные пальцы. Она только что провела конференцию, как видно, немножко устала, но все-таки пришла на заседание райпарткома.

Я захотел посмотреть их клуб. Она не возражала, по видно было по глазам, что наметила себе что-то другое.

Улыбалась слегка застенчиво, а глаза стреляли с почти женским любопытством по всей моей фигуре. Эх, Васильева, — милый ты человек, ей-богу!

Я сказал:

— Ладно, потом сходим.

Она покачалась на одной ноге, держась за колонку крыльца, и, смеясь уже совсем лукаво, сказала, что пойдет купаться. Договорились, что во вторник вместе поедем в Краснодар.

Сейчас сижу на крыльце и жду завтрака. Передо мною кусок станицы в кленово-акациевых зеленях. Небо широкое и тихое, хотя в воздухе ветрено. Пахнет степями и рожью. Изредка только потянет кухонным дымком и пылью. Где-то за речкой орут территориальники...

...Эх, Ведми-идовка!..

13 августа. Краснодар.

В окрисполкоме, как оказалось, существует «стол смертей». На похороны какого-то партийного станичника получили разрешение — маленькую бумажку с мрачной подписью: «Делопроизводитель стола смертей».

19 сентября

Среди кубанских медичек познакомился я с Соней Божко. Урожденная кубанка (казачка-«черноморка»), она сразу обратила на себя мое внимание своей исключительной любовью к казачеству, его традициям, к кубанской природе — степям, «туполям», рыжей Кубани-реке и т. д. Ее внешность импонирует всему вышесказанному. Она — среднего роста, очень здорова (полна) на вид, смугла, с густыми черными косами и такими же черными, смотрящими немного исподлобья глазами. Обычно она — флегматична и молчалива. Но мне удавалось несколько раз наводить ее на разговоры о Кубани, — тогда она оживлялась, глаза начинали сверкать, — смех ее чистый, как серебро, — белые неровные зубы моментально оживляли лицо. Всеми своими корнями она была связана со старой кубанской станицей. Жалела, что переводятся джигиты и сильные красивые лошади.

— Вы знаете, Саша, какие у нас парубки?.. Гибкие, стройные — как сядет на лошадь, проедет мимо и не взглянет на тебя, а у тебя так сердце и падает!..

Политикой Соня совсем не интересовалась.

И вот после поездки в родную станицу этим летом она странно переменилась. Прежде всего я был страшно поражен, когда в газете прочел корреспонденцию о станице Березанской за подписью «Соня Божко». Там писалось о избе-читальне, о комсомоле, о работе среди женщин — о всем том новом, что мы имеем в станице и что совсем не интересовало Соню раньше. Когда я встретился с ней, она рассказала мне, как много общественной работы пришлось сделать ей в станице, как она целыми днями пропадала в избе-читальне, что брат ее — комсомолец, что дед ее (старый многоопытный кубанский дед!) выписывает две газеты — «одну-де про хлиборобов пишут, а другую-де чуть про войну».

И когда она рассказывала мне про все это, я ее не узнавал. Она болела душой за все недостатки, но *новое*, что пришлось заметить ей в станице, захватило ее и если не переродило окончательно, то, во всяком случае, поставило на *нашу новую, советскую дорогу*.

— Наши хлиборобы, Саша, — говорила она с увлечением, — выписывают из Германии пять фордзонов. Пять фордзонов, Саша!.. Через десять лет нельзя будет узнать нашей Кубани!...

Я спрашивал ее о коммюнике.

— Там много плохих людей, Саша, но все-таки большинство хороших, — сказала она с неожиданной ласковостью, — и все молодые! Как жаль, что вам не пришлось поработать в станице!..

И вот, слушая Соню, — она была необычно разговорчива, — я подумал: «Да! Как изменилась Расея!» Пильняк пишет целые романы о том, как в российских болотах кричат русалки и ухают сычи, как 300 лет тому назад. Но Соня — скромная, молчаливая, типичная «старая» казачка Соня — почувствовала, как меняют расейский лик все эти комсомолы, фордзоны, дедовы газеты «про войну и про хлиборобов», и сказала мне:

— Саша! Через десять лет нашей Кубани не узнаешь.

И сказала она мне это не с сожалением, а с радостью. «Изменилась Расея!»...

21 сентября.

Осматривали с Кириченкой табачную фабрику. Какой неквалифицированный труд!.. Ну что может дать уму и сердцу какое-нибудь восьмичасовое наклеивание бандеролей?.. И больше, чем когда-либо, я понял, как скверно все же мы работаем, когда для этих действительно своих людей — а там все больше девушки, молодежь — не сумели до сих пор устроить разумных развлечений после работы. Нет ни клуба, ни хора, ни драмкружка (теперь ведь и эти «пустяки» — в советском государстве — не должны нами третироваться). А им, вероятно, после работы хочется чего-нибудь незаурядного; естественно, их забирает улица.

Подошла ко мне член окружкома — Близнякова (она работает в сортировочном отделении). Стала жаловаться, что ей мало дают работы в окружкоме.

— Я не хочу только числиться... работы никакой.

У Близняковой светло-русые золотистые волосы под всегда чистеньким чепчиком, глубокие, синие, как море, глаза, сдобные щеки, и вся она внешне производит впечатление той приятной круглости, которая покорила тодстовского Пьера в Платоне Каратаеве. Разумеется, внутренне это совсем другой человек.

Я мало встречал таких выдержанных и работающих коммунисток, как эта (она работает женорганизатором ячейки). Но внешне так и кажется, что она совсем не активная работница, а просто немного перегулявшая годами деревенская девка, которую всего несколько месяцев тому назад оторвали от ржи, от васильков, от коромысла и от вечорок. Глядя на Близнякову, я частенько вспоминаю слова Н. К. Крупской о том, что наш пролетарий «с одной стороны — крестьянин, с другой — рабочий».

30 сентября.

Вчера Землячка рассказывала: около Кисловодска (или Ессентуков) рабочий высек в камнях бюст Ильича (неудачный, впрочем). Она пошла его посмотреть. Ее обогнали две девочки в грязных, оборванных платьях — синеглазые и белокурые; старшей лет семь, младшей —

пять, а то и того меньше. Они о чем-то оживленно и озабоченно толковали. Она слышала обрывки фраз.

— ...А ты знаешь — там Ленин...

— А кто такой Ленин, вы знаете? — спросила Землячка.

Обе остановились и посмотрели на нее.

— Ленин — царь, — уверенно сказала старшая.

— Не царь, а вождь, — шутливо поправила Землячка.

Обе вытаращили на нее большие, глубокие и синие глазенки, долго смотрели удивленным, строгим и любопытным взглядом, и дрогнувшим от обиды голосом старшая сказала:

— Нет... Ленин — царь... Это вам, буржуям, не хочется, чтобы он был царем!..

И обе, сорвавшись с места, как спуганные козочки, побежали под гору, сверкая загорелыми ножонками и часто оглядываясь — нет ли преследования.

14 октября. По Юго-Востоку.

Майкоп.

Решил записать кой-какие впечатления, а то все забудется из этой поездки.

В Новороссийске, когда шагал на «Судосталь» (дул сильный норд-ост, свистел в трубах и пароводных снастях; море, мутное и холодное, бежало желтогривой рябью, глаза слепили мелкий щебень и пыль), думал о том, вспомнит ли меня секретарь ячейки.

Я обследовал их в бытность инструктором. Корандин тогда только что демобилизовался, промайданил несколько недель столяром, а тут его втянули секретарем. Он очень охотно стал работать, но чувствовал себя неуверенно. Теперь я не застал его. Серое, с обтертыми стенами помещение ячейки гудело от «комсомолии» — был обеденный перерыв. «Силачи» подымали гири, деревянный стол облепила засаленная, черная от копоти братва и о чем-то спорила на политическую тему. Я не расслышал, о чем именно. Корандин пришел твердой, быстрой походкой делового человека. Он зарос черноватой щетиной и даже физически как-то окреп. Я вспомнил, что в отзыве о работе в свое время писал: «Секретарь ячейки опыта не имеет, но работает с любовью и, очевидно, вскоре научится».

Уверенный взгляд его желтовато-серых глаз показал мне, что «секретарь ячейки» *уже научился*. Он не узнал меня, а когда я назвал себя — нельзя сказать, чтоб внешне обрадовался (деловой человек — какие тут радости!). Но выложил мне всю подноготную. «Судосталь» вновь вставал передо мной во весь рост. Отсутствие заказов, тяжелое материальное положение рабочих, но — по-прежнему колоссальный ленинский набор, небывалый авторитет ячейки, новые методы работы — величайшая сознательность людей железа, стали и копоты.

В Туансе. Не забыть Деревяшку. Сухой и длинный, с бородой Мефистофеля секретарь сельячейки. Редкие с сединой волосы, ржавые глаза, изъеденное оспой лицо и тонкий орлиный нос с какими-то бугорками неизвестного происхождения у оконечности.

Раньше всех отозвался на «призыв» Ябл. воспитывать молодежь; страшно ополчался на жен коммунистов: «Живут, в... их мать, как куфарочки у своего мужа».

Выступал всегда невпопад, но в каждом выступлении чувствовалось истинно крестьянское соединение преданности общему делу с личным, своим, хозяйским: нет-нет да и вставит то о сыне, которого надо бы в рабфак, то о том, что совещание затянулось, а дома хозяйство ждет и т. д.

А вот — Майкон. Сижу над обрывом — внизу мутно пенится Белая, справа облегает ее осенне-желтеющий лесок, а слева — прямо передо мной — в сачочках и без сачочков, белеют и сереют избы. Так не похоже на город — станица, и только. Но сзади, в желто-голубых просветах деревьев, стынут кирпичные корпуса и мощные трубы дубильного завода. Так и вспоминается дордонское: «На берегу гурливой речки, в кустах динамо расцвела».

Был сегодня в редакции «Красного пахаря». Еланкин — славный человек. Пленяет его широкая, открытая улыбка. Его косоворотка из-под расстегнутого негородского пиджака, штаны «не галифе», вправленные в сапоги, а главное — снурок с кисточками — напоминают деревенского парня. Но — бородка буланже, но в глазах живет организатор (он недавно ушел с партийной работы),

по — на устах слова о лепинском наборе, о том, что Киршон неправильно отозвался о понутчиках, и о многом другом — уж какой тут деревенский парень!

Впрочем, он — как всё в этом Майкопе. Фабричные ребята тут в красных рубахах, и сапоги мажут «або дегтем, або смальцем», а работницы-девчата с семечками в носовом платочке узелком, только без хусток на голове.

Но лучше всех мой бесподобный Сепя Хватов: живые черные глаза, смуглое лицо, непослушные, как смоль, волосы, резкие, угловатые жесты, звучная походка, высокая ширококостная фигура. Развелся с женой, женился на другой.

— А у меня, брат, пертрубация!.. Потом расскажу подробней... Разошлись очень выдержанно, по-коммунистически и без слез. Все-таки неприятно... как ты смотришь? Насчет партийной этики, так сказать?..

Насовал мне всяких книжек — Ллойд Джорджа, «Смену», Коллонтаихину «Любовь пчел трудовых», над которой все время добродушно посмеивался.

Говорят, он находился под сильным влиянием своей первой жены, — парень действительно, несмотря на живой ум, инициативу и быстроту в работе, очень мягкий, часто меняются настроения от пессимизма к бьющей ключом жизнерадостности. Я застал его в период подъема.

Вспоминаю, как любили его в Сочи комсомольцы-лодочники (греки), как комсомолки приходили поверять ему свои девичьи тайны, как славно мы провожали его на лужайке с балалайками, с горскими танцами (и сейчас стоит перед глазами гибкий, с жгучим и страстным взглядом Ираклий в «Молитве Шампиля»), как — большухий, тонконогий, нескладный, как гадкий утенок, но бойкий и жизнерадостный, как молодой бог, — парнишка (он все спрашивал: «Хватов! когда ты организуешь у нас юных пионеров?») рассказывал анекдот об индейцах, обжегшихся горчицей, а Хватов в белой рубахе, с блестящим и звонким черкесским поясом, в восточной тюбетейке на вороных с коричневым отливом (после солнечных ванн) волосах, лазил то там, то здесь среди ребят, и всюду слышался его всегда будто чем-то удивленный, излишне громкий и слегка «в нос», но — живой и радостный голос.

Годится в герои какого-нибудь романа. Так и запишем.

15 октября. Майкоп.

Дополнение к характеристике майкопского пролетариата.

Мещанский Майкоп справлял покров да еще по старому стилю (кстати: кажется, на покров девки молятся: «Прикрой, господи, землю снежком, а меня женишком»). Пошли мы с Сенькой на базар. Там оказалась масса фабричных. Шум, гам, столпотворение вавилонское! Девчата — в пестрых одеждах, в ярких шалях и — разумеется! — с семечками. Парни — в сапогах бутылками, в новеньких рубашках со «спинжаками». И помимо всего — карусель с шарманкой и вздыбленными кониками, качели в виде расписных лодочек, с визжащими представительницами прекрасного пола.

Увидели кукольный театр. Балаганчик с брезентовой крышей, огороженный деревянным заборчиком. Написано: «Миханический театр».

— Зайдем?

— Зайдем...

Зашли. Седоволосый человечек в аршин с четвертью — морщинистый, мешкоглазый и гнилозубый, — стоя на табуретке, декламировал очень уныло что-то насчет пьяницы и городского. Потом ярко раскрашенный парень в клоунском колпаке пытался острить под восхищенный хохот мальчишек. На задних скамьях угрюмо сидели отцы семейства, лузгая семечки. Потом игрушечный Петрушка, пища что-то непонятное, дрался с цыганом и с городовым, катался верхом, выделявая необыкновенные антраша.

И от всей этой обстановки, от «миханического театра», от карусели с шарманкой, от пискливого Петрушки веяло старой-старой Россией. Новая наша живет в Майконе где-то на дубильном заводе, в ячейках, в повышении производительности труда, в юных пионерах, — живет и здесь на базаре в ЕПО, в книжном ларьке «Буревестника», в Хватове, путешествующем со мной по базарной грязи, — живет, должно быть, и во мне.

16 октября. Армавир.

В кают-компании «Ленина», во втором классе, какой-то солидный, чистый, полный и бритый мужчина — в манжетах и с воротничком — спорил с комсомолкой на по-

литическую тему. Когда она вышла, он сказал своему соседу:

— Вот ведь умная девушка, а вбила себе в голову — классы да классы, никак не своротишь. Я ей говорю: «А личность человеческую вы забыли?..» Печально, что нет свободной прессы, а то бы многих можно было отвлекать. Одностороннее воспитание — ничего не попишешь...

Правильно, дорогой дядя в манжетах! «Ничего не попишешь»... Вот именно!

Кстати, он мне напомнил сцену в трамвае. Кругленький лысеющий мужчина (дело было летом — он сидел без головного убора) читал от скуки правила для трамвайных пассажиров. Прочитав, зевнул, сказал соседке, — видно, жене своей, — остроносой даме в шляпке:

— Мельчает стиль...

Он меланхолически вздохнул. Я посмотрел на правила, внимательно прочел их и вдруг понял. Как сильно опростел наш официальный язык! Несмотря на все эти — «ГОЭЛРО», «Вукоспилка» и «Петрораспредхладбаза» и т. д. и т. д., — все наши инструкции, правила, положения утеряли околоточно-выспренный характер и носят печать того «хама», который пришел с полей и фабрик, не спрашиваясь разрешения у чистеньких господ!

1925 год

11 февраля. Рудник Пармонова.

— Шахты... — сказал Пруцков.

Поезд замедлял ход. Я выглянул в окно, и первое, что бросилось в глаза и что останется надолго, — в полутумане дождливого дня, по лилким косогорам балок — целые вереницы грязно-белых домишек. Поломанные заборы, покосившиеся сарайчики и нужники, одинаковые серые люди.

Это особенность Шахт. Тут нет ростовского разнообразия профессий, социальных положений, «родов оружия». Тут на все кладет свой нивелирующий отпечаток, стирающий границы, подавляющий остальных своей многочисленностью — *шахтер*.

Он чувствует себя в исполкоме, в парткоме, на совещании секретарей *сельячеек* (даже *сельячеек!*), в столовой раб-

коопа, в редакции газеты — везде. Тоже — на Парамоновском руднике. Только тут люди черны от угля.

На Парамоновском остановился в «Доме приезжего». Необычайная чистота: чисто вымытые полы, ванная, общая столовая (стол накрыт скатертью), портреты Ильича и рабоче-крестьянского правительства. На видном месте большое зеркало. В комнатах крашенные кровати (без клопов), с чистым бельем.

Запомнить Чернокозова.

Сутулый, зеленое лицо, рыжевато-белые усы. Говорит тихим, задушевым голосом. Необыкновенная простота в обращении, подход к массе с полуслова. Любимец округа. Умница.

18 марта. Ростов-Дон.

Совещание секретарей сельчеек.

Слова Гадзиева: «Местные секретари работали годы, босые и раздетые, их воспитывали в определенном духе — командовать, а теперь поворот — их долой».

Терский казак на эту же тему: «Мы воспитывались в борьбе с бандитизмом — головы рубить! — а теперь хотят нас выкидывать. Возьмите нас и *поучите*».

(«Деревня требует разных вопросов — ширше, объемней»).

«Шеф ищет слабого Вапьку, *нагнаться* самогону до зеленых чертиков».

Лизины глаза вечно смотрели с таким выражением, точно провожали поезд с незнакомыми людьми («Провинция»).

1927 год

18 января.

...В «Провинции» проблему мещанства поставить со всей силой. Особенно — в рабочем классе.

1) Лиду, кишащую в «прекрасных» *надстройках* ме-

щанского бытия, — *непременно* в итоге повенчать в *церкви*. Не знаю только с кем: *либо* с хулиганом Мишкой Степуренко — тогда надо показать, как Мишка от хулиганства эволюционирует *просто* к мещанству (*породившему* хулиганство; особенно о влиянии родителей его в этом деле). Но это жаль, хотелось бы поставить его на «правильный путь», уж больно удал парень. (Он и покоряет Лиду вначале своей *удалостью* — это естественно.) *Либо* с мещанином, умным и *добрым*, покерившим ее *именно* добротой, «простившим» ей ее «мятущуюся душу» и «понявшим» ее по-своему. Тогда особенно подчеркнуть влияние его родителей. Но в обоих случаях показать их (Лиды и мужа ее) *неверие*, с одной стороны, и «постизирование» церковного брака, с другой. Доброго героя Лида покоряет своей «*необыкновенностью*» (якобы). Мишку — образованностью, манерами (претензия на аристократизм), начитанностью, умением играть на пианино. Надо испробовать оба варианта.

Чтобы понять, *почему* Лида такая, продумать особенности ее воспитания (уездный романтизм, влияние школы. В отрочестве какой-нибудь «философствующий» друг). Возможно, что *венчание* в итоге *не выйдет* — тенденциозно, — но надо попробовать.

Мишка Степуренко — обязательно *рабочий*, а «*добрый*» — *интеллигент*. Кстати, он должен *принимать* советскую власть, он может даже учиться в какой-нибудь школе повышенного типа имени Карла Маркса и готовиться в университет, например.

(Подумать над тем, кто его родители и о родителях Мишки.)

2. На обрисовке табачной фабрики показать беспробудность труда на ней, слабость *нашего* воздействия — отсюда влияние *мещанства* и *улицы*. (Учесть замечания Серегиной о замыкании работниц в семью в связи с улучшением материального положения.) Близнякова — член окружкома ВКП(б), *от станка*, дома вышивающая под какую-нибудь «простую строчку».

3. *Хулиганство*. Процент безработных среди хулиганов (выборочное обследование мосгубсуда) — 14,5%, 16,6%, т. е. *источник хулиганства* — *не непосредственно нищета и безработица*.

«Среда и индивидуум — это элементы некоторой постоянной динамической игры сил, находящихся в соотношении прилива и отлива. Для психиатра индивидуальное бытие является функцией социального бытия» (проф. Е. Краснушкин).

Хулиган Гвоздь (он же Зуй) — личность умственно отсталая. Его неспособность к учению, отсутствие способности обобщать и вообще *обдумывать*, немотивированное повседневное юродство (*глупое* юродство, бессвязные фразы, сопровождаемые гримасничаньем: «Наших восемь братишек заняли Ростов — в чем дело! — сидим, газуем»), бессмысленные улыбки одним ртом, совершенно наивные, первобытные, но живые, неосмысленные глаза, забывчивость. Вместе с тем — пронырливость и хитрость, соединенные бесстрашием и трусостью, чувство товарищества. Терпеливо, с юродством переносит боль, не любит одиночества, а наоборот — как можно больше компанию; с девицами держится либо подражая кавалерам-ухаживателям, употребляя полuosмысленно набор стереотипных фраз, тогда довольно галантен и ловок, либо с беззлобным, но сопровождаемым недвусмысленными и смелыми прибаутками и действиями, насилием, — в таком виде может, вероятно, как-либо надругаться и даже изнасиловать. Большой лгуни и плут. Работать не любит. Сам — рабочий неквалифицированный и отсталый (с мельницы), но служил в Красной Армии и в ГПУ... Отец его — бывший городской. Живет обычно вне дома, приходит домой в безвыходные времена. Правая рука «покровского бога» Луны. Любит (*Прочсть*. Проф. Е. Краснушкин: Что такое преступник?) петь блатные песни, которые плохо запоминает и глупо перевирает по-своему. Очень подвижен и болтлив, всегда как на шарнирах. Вообще типичный «безвольный психопат с неустойчивыми чувствами и чрезвычайной податливостью ко всякого рода хорошим и дурным влияниям окружающей их среды». В романе мечется между жизнерадостным комсомольцем Вихорем и Луной (последний — «психопат с тупыми душевными чувствами и мощными влечениями низшего порядка, господствующими над всей остальной психической жизнью»). Маленькое тщеславие: любит, чтобы его приняли за агента

ГПУ, когда уже там не работает, и т. п. Фрагменты. Любит носить револьвер и военную форму, вообще пристрастен к кантам, значкам, ремешкам и т. п.

6 февраля.

О Ченьювае. (Кстати, имя нужно переменить, но на какое?) Старик не знал, сколько ему лет, но век его был долог. И на протяжении всего своего века он видел, как вымирало его племя (тазы), теснимое китайцами, потом русскими. В нем было много фатализма, потому что племя вымирало неуклонно и потому что постоянны и неотвратимы были циклы природы — смена покровов и температур. Осень суха, зима холодна и суха, так что земля промерзает на два аршина, лето туманно. В долины по ночам стекает холодный воздух и лежит слоем, так что, если поднять руку, чувствуется, как лежит и дышит над ним слой теплого. Зимой дуют северо-западные холодные и малоснежные муссоны, а летом — южные или юго-западные, несущие в конце весны и в первой половине лета туман и пасмурь, а во второй половине лета — ливни и наводнения. *Весной жаркие дни и холодные ночи.* Ченьювай заметил даже, что за долгий его век берег моря поднялся на целую четверть и береговые котлы, в которых он мальчишкой полоскал гальку, теперь стали недоступны для волн.

3 марта.

Катя («Провинция»), решив писать дневник, ставила своей целью как можно честней и правдивей записывать в нем свои мысли, поступки, желания — для себя самой. Но как-то невольно получалось так, что она писала как бы с расчетом на то, что дневник будет читаться кем-то другим. Поэтому, описывая будто бы себя, на самом деле она имела перед собой образ какой-то *другой*, воображаемой Кати, — т. е. все поступки, мысли, желания *Кати действительной* она невольно старалась окрасить в какие-то *новые*, более совершенные и глубокие цвета, какими окрашены были в ее сознании поступки, мысли, желания *Кати воображаемой* и какие (цвета) должны были бы для тех *других* людей, для которых (по существу) писался дневник, показать настоящую Катю с более интересной стороны. Получалось иногда так: сделав более или менее

фотографическую правдивую запись, она оставалась ею неудовлетворенной и начинала править и перечеркивать записанное применительно к тем преобразенным мыслям и образам, которые смутно начинали роиться в ней.

Большей частью, особенно в первое время, из этой правки ничего не выходило, то есть эти новые образы не находили своего словесного выражения, и она, перечеркнув все и испытывая чувство раздражения и неудовлетворенности, надолго забрасывала дневник. Порой же, особенно впоследствии, ей удавалось в той или иной степени передать на бумаге эти смутные образы, причем дурные ее поступки, мысли и желания, воплощенные в этих образах, как-то особенно глубоко дурно выглядели на бумаге — а хорошие — тоже как-то усугублялись в еще более лучшую сторону. В первом случае, перечитав написанное и испытывая чувство некоторого удовлетворения оттого, что удалось выразить именно то (или почти то), что роилось в ее сознании, она вдруг начинала думать: «Но как же я тут скверно выгляжу!.. «Он» (под этим безличным «он» подразумевался тот *другой*, который будет читать дневник), — «он» прочтет и скажет: «Ах, какая она дрянь!..» И она тщательно вымарывала все написанное (чтобы тот «другой» не мог бы ничего разобрать), несмотря на то, что она никому не собиралась показывать своего дневника и вообще начала его вести для самой себя. Во втором же случае к чувству удовлетворения примешивалось еще приятное сознание того, что тот «другой» увидит, какая она, Катя, хорошая и интересная, и в этом случае она не уничтожала написанного.

Но в обоих случаях она, пытаясь выразить *самое* себя, выражала на самом деле уже *нечто преобразенное*, более конденсированное, и дневник ее был вовсе не похож на дневник, а на что-то другое. После такой удачной записи она долго не бралась за него снова, пока не чувствовала нового прилива тех смутных мыслей и образов, которые возникали из ее *действительных* поступков и желаний, но чем-то сильно *отличались* от них в то же время («Людям, которые смотрят на вещи с целью записывать, вещи представляются в превратном виде», — Л. Толстой). (Просмотреть: *Рудольф Тёнфер*, «Библиотека моего дяди», «Отечественные записки», 1848, т. 61.)

Здоровым, нормальным детям все вопросы кажутся простыми, имеют одну сторону. Например, они не представляют себе, что одна и та же вещь может быть приятной и в то же время вредной (например, что вредно есть много сахара). Происходит это от недостатка умственного развития, просвещенности и опыта. Противоречия рождаются с увеличением того, другого и третьего (например, наесться сахару до того, чтобы тошнило: после такого *опыта* сахар уже *не только* приятная вещь). Отчасти *здесь* ключ к пониманию большей «цельности» и «гармоничности» Ченьювая, находящегося по своему интеллектуальному уровню в детской поре человечества (родовой коммунизм, хотя уже *и* распадающийся). Вместе с тем это и *ключ* к его творческому изображению (основываясь даже на *собственных детских* переживаниях, можно лучше показать его — Ченьювая — *изнутри*).

Очевидно, сочетание этой более примитивной, не разработанной (благодаря недостаточной образованности) психики с *определенной классовой принадлежностью* — особенно к рабочему классу (ибо внутренняя противоречивость выходца *из мелкой буржуазии* как раз задана его социальным происхождением), — есть первая причина, почему мой центральный *рабочий* герой из «Провинции» прост, непосредствен, естествен в обращении с другими людьми. Но тогда его интеллектуальный рост, умственное развитие, а это одно из *основных* в романе, что нужно показать, — неизбежно должно вести за собой утопчение психики, более всестороннюю работу сознания, т. е. *уменьшение простоты и непосредственности и увеличение внутренней противоречивости*, обусловленной противоречиями жизни.

Чем же, однако, объяснить тогда необычайную простоту и непосредственность многих передовых и развитых *пожилых* рабочих или даже некоторых интеллигентов (например, вождей партии, Ленина)? Или это только кажущееся? Можно ли назвать *непосредственным* Ленина при его необыкновенно развитом интеллекте и связанности, подчиненности всей его богатой психики *одной идее*? Но тогда откуда, если не от непосредственности восприятий, такая веселость, простота поведения, любовь к котяткам и детям и даже к детским радостям (елка,

охота, катанье на велосипеде, примитивный юмор французского песельника, которого он любил слушать)? Очевидно, и мой рабочий-герой в какой-то пропорции *должен* сохранить эти свои первоначальные качества. Один из путей к объяснению — *почему* связанность с молодым революционным классом, принадлежность и преданность ему (и чувством и сознанием) максимально сливают собственную личность героя с делом класса, — т. е. утончающиеся благодаря интеллектуальному развитию всякие любовные эмоции, понимание сложности и разнохарактерности людей и то или иное отношение к ним и тому подобные вещи, коренящиеся в значительной степени в родовом, в биологическом — но утончающиеся и разнообразящиеся через рост классового сознания, — естественно связываются, попадают в зависимость еще в зародыше и в процессе роста от дела класса, наиболее полно выражаются и наиболее полно удовлетворяют личность, преломляясь именно сквозь призму этого классового дела, которое благодаря своему величию и устремленности не дает ходу «личничеству» в узком смысле, — отсюда естественность и простота. Это пока очень общо и мало говорит, но это, вероятно, один из путей к объяснению и пониманию психики передового большевика-рабочего (и не только рабочего) *в чистом, хотя бы абстрактном виде.*

Над этим особенно подумать, т. е. идя по этому пути (хотя сотни конкретных примеров опровергают этот путь).

Примеры: 1. Икс — рабочий от станка — жизнерадостен, прост, непосредствен, жизнь очень любопытна ему и сулит будто бы много радости. Он растет, развивается, выдвигается по общественной линии. Попадает в сложную обстановку: видит много завистничества, людской мелочности, сплетни, многие «руководители», старшие товарищи не кажутся ему такими уж простыми, хорошими и преданными беззаветно, как раньше, он должен уже многое прятать в себе от остальных, более следить за своими поступками, ряд условностей не дает ему радоваться, когда хочется, и печалиться, когда печально; у него появляется связанность движений и поступков, их анализ (после того, как он несколько раз попадает впро�ак), недоверие к людям, сомнение в своей правоте и силах. Допустим, он еще влюблен *без взаимности* (любовь — это для него теперь очень развитое, большое, многообразное и глубокое чувство, поэтому он ужасно

страдает от этого); допустим, у него большие трудности в общественной работе, связанные с какими-либо общественными кризисами, для преодоления которых он должен расходовать все силы, отказываясь от многого. *В итоге — бездна внутренних противоречий. В самом законченном виде — это один из путей перерождения. В большинстве же случаев — это кончается осознанием причин противоречий, их неизбежности и необходимости жить и работать дальше хотя бы и в таких условиях (если уж они неизбежны), делая в конечном счете и прежде всего основой своей жизни свое общественно-революционное дело.*

В подобном случае X может быть хорошим большевиком: он достаточно целеустремлен, предан своему делу, он может быть даже вождем, если он вообще крупных сил человек. Но простоты, естественности, непосредственности он все-таки навсегда лишается. Таких, по-моему, большинство (со всем многообразием их индивидуальных вариаций).

2. Игрек — рабочий от станка — те же предварительные данные... но — нет — не те же!.. И здесь, пожалуй, основной корень различия: у меня была не совсем верная *основная* посылка; а именно: он (Игрек) прост, непосредствен и естествен *не потому, что примитивен*, а потому, что «воспитан» в такой *социальной среде и так*, что собственная личность не представляется ему «средоточием всего мира», вообще он как-то не «носит» с собой. Вместе с тем этот первоначальный его период вовсе не лишен противоречий, — он попадает в них чуть ли не с пеленок, ибо он родился в обществе, разделенном на классы. Но он трезв и деятелен. По мере своего физического и духовного роста он чувствует, что круг противоречий даже еще шире, чем ему казалось. Он ищет их причины и способы их преодоления и очень скоро находит первые — в социальном строении общества, а вторые — в революционном изменении этого общества. Ему тем легче уйти в последнее, чем меньше он «носился» со своей личностью. Дальше он все больше и больше осознает себя как личность, но уже в процессе самого революционного дела, то есть как неотъемлемая часть его, как личность *социально устремленная*. Те же «превратности», что и у Икса, появляются перед ним как препятствия и противоречия не *его личные*, а препятствия его социальному делу. Он старается преодолеть их, не

интересуясь тем, как это на него влияет и «что об нем подумают», а в интересах *к л а с с а*, что получается у него совершенно естественно, так же, как есть и пить. Таким образом, он сохраняет свои первоначальные черты. *Почему же, однако, Иксов все-таки больше, чем Игреков?* Потому что рабочий класс живет в мелкобуржуазном окружении и в своем развитии должен преодолевать мещанский индивидуализм и все прочее. Игреки — это лучшие из лучших своего класса. Но именно поэтому Игреки и есть *лицо* класса, его *тип*. Но тогда Иксы — это тоже разновидность *Игреков*, но с бóльшим индивидуалистическим грузом за плечами. Это вместе с тем — ключ к пониманию того, как лучшие из крестьян и интеллигенции преобразуются *через Иксов* в Игреки.

14 марта.

Катя с детства ищет идеальной дружбы. Первые плохие последствия дружеской чрезмерной откровенности. Отсюда — скрытность в дальнейшем и одиночество. (Продумать, насколько раскрывается она перед Сергеем.)

Деревянные домики с занавесками и цветами на окнах, большие мусорные дворы с парой старых акаций, лавочки у ворот, гнилые солнечные тротуары. Лида выросла среди всего этого и примиряет эту убогость со своими романтическими мечтаниями о прекрасном и героическом (например, с мечтами о «нем»). «Он» и вообще все прекрасное и героическое представляются ей *не* как нечто противоположное окружающему, а, наоборот, — *вне* этого именно окружающего (как фона) они вообще не существуют как прекрасное и героическое. Отсюда *на деле* розовая идеализация мещанской убогости и пошлости и бездна кишений.

20 марта.

Решено!.. «Добрый» героем Лиды будет сын *зубного врача*. Обстановку его квартиры списать с зубного врача Никитина (его же портрет, как портрет отца). Семейная столовая. Сонмище толстых и глуповатых дочерей. Приемная с картинами в красках — какой-нибудь олень,

пьющий из ручья, пара голых баб, засиженных мухами, этажерка с толстыми в черных потертых переплетах изданиями Художественного театра и приложениями к «Ниве». Семья большая. Квартира в несколько комнат с коридором. Огромный гардероб в коридоре. Возле него вход в комнату к каким-то двум пергаментным, никому не нужным и всеми обижаемым старушкам (их даже к столу не пускают), происхождение которых и степень родства с хозяевами никто не в состоянии запомнить. На мягких рваных креслах в приемной вечно несколько посетителей, «страдающих» зубами. Таков — увы — итог романтических мечтаний Лиды!

22 марта.

У зубного врача легавый пес, зовут «Дарвин».

Ярмарка в Ярославле.

Мужики и игрушки. Люди в ватных пиджаках неизвестной социальной породы. Карусель, «Марionеточный театр» с «мировым аттракционом» — «Спиритический обман — И. Сироткин». Качели с лодочками, расписанными драконами и попугаями. Китайские игры. Обрусевшие китайцы. Рулетка и «Альпийский тир». В последнем — хозяин в собачьем малахае, сам похожий на проишшегося рыжебородого сатану с голубыми глазами и красным лицом, возглашает хриплым голосом: «Расчет произведен, игра сделана, ставки принимаются и оплачиваются в 20 раз более!.. Желающие могут принять участие!..» Граждане ставят пятаки. Мальчик с синяками под глазами стреляет из воздушного пистолета в вертящийся круг (стрелой).

«После выстрела желающие добавить, — кричит, безразлично хрипя, рыжебородый сатана. — *Никто* не желает? Игра закончена!.. Выигрывает *козел*! Третья группа — звери!.. Нечет!.. Свободный номер» (или: «ваших 80 копеек») и опять сначала. Рядом такой же тир, но там хозяин молодой, нового образования — в черном пальто с барашком, гладко выбритый, с «культурным» акцентом в голосе. У рулетки все время выигрывает рябой паренек в валенках. Из-под шапки у него жалко торчат потеющие, как в бане, волосики. Руки трясутся.

Мужички покупают погрешки детям. По улочке, напротив друг друга — кондитерская ЦРК и какого-то Воденеева. У ЦРК народу больше. Вся ярмарка возле старинной церковки, смахивающей на Василия Блаженного. В ней — местный «музей».

24 марта.

Концерт в Ярославле.

Перед выступлением Тамары Церетели играет скрипка. Лысенский, в визитке, старичок с сияющим молячком на затылке (там, где находится мозжечок) хлопает, чтобы все подумали, что он *очень культурный*... Крупнотелый, но с худыми руками в коротких рукавах пиджака, широко- и мягколицый человек с чуть намечающимся вторым подбородком хлопает ужасно громко (и скрипачке и Церетели) и умильно улыбается, точно они поют и играют лично ему и смотрят на него лично. Некрасивая жена, рядом, ненавидит его за белые, маленькие, чисто промытые руки с отвратительными складочками на суставах пальцев и синими, нетрудовыми жилочками. Все это она замечает потому, что Тамара Церетели поет о великих страстях, катастрофической любви и изменах, о цыганской воле. И некрасивой жене кажется, что она достойна именно такой любви и вообще таких незаурядных участвий. На самом деле лицо у нее в веснушках.

Вообще все притворяются. На самом деле никто ни черта не слушает и не понимает и все «хотят казаться». Среди всех слушают только три цыгана на галерке. Один из них болезненный парнишечка с острыми глазами.

25 марта.

Последний из тазов (материалы)

Животные — тотемы. Героические образцы прошлого, которым подражают дети. Развитость всех органов чувств и памяти. Последнее подчеркнуть в Актане (так временно назову Ченьювая). Актан маленький жил в кожаном, расшитом окрашенной шерстью мешке, в котором его всюду таскала его мать. Вообще тазы расшивали одежду, обувь, ремни и т. п. Полевая работа — женское дело. Мужчины — охотники. Мать — первая воспитательница. Природа заменяет книгу. Ребенок вставал и ложился

спать вместе с птицами. С детства развивались выдержка и снукоствие. Частые передвижения племени. *Появление китайцев и борьба с ними.* Борьба с другими племенами своего народа. Переправа на долбленых лодках. Зима. Снежные запасы. Актан не чувствует себя несчастным. Трудности ранней весны. Большая снайка племени. Физическое здоровье людей. Беспечность. *Отец Актана.* Ростом около сажени, широкоплечий и стройный. Он был очень сдержан, правдив и храбр и неоднократно избирался вождем. Жизнь в шатрах, крытых корой. Воспитание отца. Закалка. Умеренность в еде — утром и вечером. Физические упражнения. Привилегии женщины и детей. Актан воспринял от отца верность своим принципам. Вера в таинственную силу, влияющую на природу и людей. *Пост и молитва в одиночестве.* Мать хотела сделать Актана знахарем. Что за человек была бабушка Актана? (Вообще о положении женщины.) Подвиги женщин. Женщины средних лет неповоротливы и малоподвижны. Вдовы легко могут выйти замуж снова. Пленные орочки тоже часто шли замуж за тазов. Суеверие. Летние празднества, игры. Запрещение ссор. В колыбельных песнях, которые пели девочкам, их называли будущими матерями благородного, честного поколения. *Идеал человека, мужчины — идеал героя.* Доброта и милосердие, уважение к религии. Роспращение курения до определенных лет.

Игры детей — подражание занятиям взрослых. Соревнование. Невеста Актана. Ее детство. Мягкосердечие. «Ведь зверю так же дорога жизнь, как и нам?» — говорила она. Она была большая выдумщица. Она говорила про осокорь, что это ее муж — только он заколдован, и она разговаривала с ним. Уже взрослой, она участвовала с Актаном в охоте на изюбров. Утренний рев, иней. Одинокий изюбр. «Мне жаль его, он очень одинок», — сказала невеста. Актан не убил изюбра, и они скрыли это от всех (это было самое интимное их переживание). Тут же описать рев.

31 марта.

Едва ли не самый интересный уголок Ярославля — это весь клин между Волгой и Которослью, где затон для пароходов. Надо пойти от ночлежного дома с его облущ-

ленными желтыми стенами, приземистыми окнами, в которые глядит безглазая темь, сирость и нищета и слышатся хриплые — не этой жизни — голоса, пойти через *«масляный пролом»*. Тут полуразрушенные дома, грязные и нищие, в них несколько одиноких ремесленников, потом трактир, а возле него постоялый двор: противоположный выход пролома — к базару. Весь двор заставлен розвальнями: мужики кормят тощих лошадей. Почему же пусты постоянные Дома крестьянина?

Разгадай (в смысле раскрытия психологического) этих мужиков! Вот они — краснолицые, в тертых полушубках, бородатые, со своими разговорами и заботами, — а рядом базар, где на деле смыкается город с деревней. Как? Где те индивидуальные пути, по которым идет эта смычка? Они приехали сюда в город не как труженики, а как купцы. Приехали они в советский город, но этот *постоялый двор*, и *трактир*, и *хозяин трактира*, — все это, вероятно, такое же, как 30 и 50 лет тому назад? Столько старых и новых влияний! Как предомляются они вот в этом конкретном — с мягкой, нечистой, русой бородой, с лицом обветренным, сухим и мужественным, — крестьянине, засыпающем своей сирой лошади овса? Или вот в этой конкретной — в валенках, в платке и толстом полушубке — безликой бабе, пожевывающей хлеб? Что это за старик среднего роста, но кажущийся огромным, — такие у него широкие плечи и грудь и все мешковатое, когда-то могучее тело, — идущий мимо этих подвод, равнодушно посматривая узкими, ничего не выражающими, глубоко спрятанными глазами с кирпичного, мясистого, белобородого лица? Кто он? Каков его *быт*? Чем соприкасается он с современностью? (Кстати, тут рядом торгует крестница Галкина. А отец его был старым моряком, кондуктором, «шкурой» и расстрелян революционными матросами. Сам же Галкин был коммунист и дрался за революцию, а теперь исключен за неисправимое пьянство.)

Но вот еще несколько шагов от базара, от «масляного пролома» к Которосли — и тут целое стадо *церквей*, изъеденных снарядами и пулями; одна без куполов, с высокой, идущей вверх, к входу — меж белых екатерининских колонн — лестницей, другие — еще древней, разрушенной, запущенной, в решетках, на замках, и ветер свистит под колокольнями. Там только вороны живут.

Они летят оттуда на базар за пищей, на постоянный двор, дерутся из-за кусков всякой дряни, хохлят свои зимние, теплые серые ошейники. У одной я заметил яркие серебряные отметины на крыле. Церкви эти — отчаянное запустение, огрызки камня и кирпича, воистину тлен и прах! Но тут же вслед за ними по всему побережью чья-то продолжающаяся жизнь. Здесь белые каменные дома, и можно видеть в окнах занавеси, цветы, кусок какой-нибудь пальмы, картины на стенах, даже книги, — какой-то уют по понешнему времени! Но он почему-то жалок, этот уют: ведь дома облуплены и изрешечены пулями. Кто в них раньше жил, в этих домах? Рыболовники? Лесоторговцы? Владельцы пароходов? Их служащие? Ясно одно: здесь жили люди с устоявшимся, плотно осевшим, стародавним бытом. Однако они учили своих детей? Дети их знакомились, например, с русской литературой? Переживали, может быть, любовь над Волгой, в романтических городских парках? Раньше мне всегда глупо казалось, что в окнах таких домов можно увидеть задумчивых девушек с черными или русыми косами, склонившихся над книгами и грустящих вообще. Они в моем воображении ходили почему-то на пушкинских Татьян или даже на грустных царевен, хотя я никогда не наткнулся ни на тех, ни на других, а всегда на очень пошлых румяных дур. Но если были такие «славные» одиночки, то им, видно, плохо жилось, потому что нет ничего более жестокого и косного и вместе с тем столь трудно преодолимое (так как он с детства пропитывает *все существо*, и поэтому не только ненавидим, но и любим), чем устоявшийся быт. (Татьяна, например, писала Онегину: «Вообрази: я здесь одна, никто меня не понимает», а в то же время не могла забыть и свой дом, и «дикий сад», и какое-нибудь кладбище, «где нынче крест и тень ветвей над бедной нянею моею» — то есть все то, в чем выросла, хотя там ее и «не понимали».)

Под этими домами внизу — деревянные скоростройки, леса, вмерзшие в лед баржи и пароходы, деревянные дворы. Кто *теперь* живет в этих домах? Те же, кто и жил? А может, те, кто раньше жил в тех холодных скоростройках и в баржах? Если так, то у кого переняли они — новые хозяева — все эти занавески, и пальмы, и картины на стенах, и весь этот «уют»? Если же не так, если живут в них старые охвостья, чем они занимаются? Учат ли

своих детей? А если и сейчас сохранились в этих домах немного думающие, может быть, даже с творческой жилкой, с какими-нибудь такими «подлинными порывами» — одиночки? Худо им, худо! Все в них, должно быть, переломано, ведь нет им ходу. Может быть, они ходят летом в тот монастырек, где мы были с Вале́й, — погрузить с книжкой в руках среди чахлых русских березок? Или такие уж совсем повывелись, а остался в этих домах только один голый, подлый, приспособляющийся обыватель: он служит теперь при *тех* (и рвет где только можно!), на чьих *спинах* и чьим *потом* когда-то построил свои белые каменные домики. Домики отошли к комхозу, а обыватели платят установленную государством квартплату. Дети их носят ботинки с узкими носками и ухаживают за дочерьми лавочников с того базара, что расположился сразу за церквями. Хоть бы одним глазком посмотреть, *кто же и как же* живет в этих домах, на самом деле! (Но только — нет, нет — не сохранилось в них никаких грустящих девочек (если и были они?). Да и невозможно теперь грустить среди березок, потому что в стенах древнего монастыря наделали дымных кузниц — они гудят и скворчат; в одной из них веселая девчонка раздувает меха, показывая из-под платья полное грязное колено, — приезжий парень заигрывает с ней. Угрюмые черные могучие люди куют мужикам лошадей.)

«Последний из тазов».

Весенняя и осенняя охота. Утренний общий костер, к которому являются охотники и сообщают о вчерашней добыче (перед отправкой на охоту). Маленький Актан, вынужденный лежать пластом в шалаше, тогда как племя дерется с врагом, — испытывал бешеную злобу. Горе по погибшим переживается *сообща*: женщины восхваляют мужество и добродетели погибших и плачут вместе с матерями и женами; девушки уединяются плакать в одиночестве, мужчины стараются скрыть чувства под маской спокойствия, сидят по шалашам и курят. Потом все переодеваются в «траурные одежды».

Организованность на охоте.

Первое появление водки. Появление пьяных. Их связывали и запирали, чтобы они не буянили.

Осень — время сближения девушек и парней. Места для сближения: роща, где собирались дрова, ключ, где бралась вода, и т. п. Явное и тайное ухаживание. Уловки, чтобы повидаться. Отсутствие внешней, показной вежливости.

Четыре рода песен: религиозные, военные, охотничьи и любовные. (Пятый род: колыбельные.)

Женитьба Актана. Как Актан мстил китайцам. (Месть на поле битвы как высшая добродетель.) Сила Актана: он пронзал стрелой изюбра навывлет.

Ирсление тазов: 1) выборный Совет, в который могли входить также мудрые старики и прославленные воины, 2) вождь, 3) исполнитель приговоров, выбираемый на срок, 4) стражники.

Суд. Либо отдельные мудрейшие старики, либо Совет, либо собрание племени.

Стражником мог быть человек, имеющий воинские отличия. Они же наблюдали за охотой и следили, чтобы было равномерное распределение добычи. *Запрещение индивидуальной охоты на крупного зверя, если она может вредно отозваться на других.* Организованное дробление племени по различным местам для облегчения вопросов питания. Периодические скопления всех в одно. Ни одна семья не имела права жить самостоятельно без разрешения Совета. Совет содержался на общественный счет (очередные наряды для добывания пищи старейшинам).

1 апреля.

Шкотово основано в 1864 г. Стекло как меновая ценность.

Пищуха — зверек? птица с пронзительным криком. *Желна* — с трещотной музыкой (птица). *Даба* — крепкая синяя материя.

Медвежья желчь — лекарство от трахомы. Оленьи выпоротки — для надорвавшихся.

Примеры того, как Актан разбирался в следах.

Поползень — суетливая, посвистывающая птица. *Кедровка*. *Зимородок* — с ярко-синим оперением и большой головкой.

Дзуб-Гын: гольдское название Сихотэ-Алиня.

Перемещение звезд ночью. Созвездие Ориона.

Воспоминания Сережи об Актане (сцена на огороде канутом).

Совка «Лп-у», уводящая искателей женышени от корня.

5 апреля.

Черный заяц — редкостный зверек Уссурийского края. Даурская береза. Кумирня, украшенная красной тряпичей с надписью: «Сап-лин-чжи-чжу» («Владыке гор и лесов»). Пурпуровые горы вечером.

Гольдский род Юкамика. Стойбище было на Амуре возле Хабаровска, потом на Уссури, теперь на реке Улахэ. В 1907 г. 12 человек: трое мужчин, пять женщин и четверо детей. Влияние китайцев (стр. 70 — Арсеньев).

Сухая мгла — предвестник непогоды. Обилие клещей весной.

Заход солнца в лесу после дождя — «нежная улыбка». Соболиные ловушки. Паноротниковые вайи. Конец мая, начало июня — цветут рододендроны (пурпурно-фиолетовые цветы на скалах).

Новая мысль. Пусть у Актана будет сын (или племянник) — «националист» и преобразователь. Тогда все улучшения быта (например, мельница) будут принадлежать ему, его инициативе. Он самолюбив и принципиален. *Продумать и его и всю ситуацию*. Варка пантов. В частности, возможный вариант.

Дружба Мартынова, как гонимого и прячущегося в лесах с Актаном. Потом Мартынов уводит его сына (или племянника) вместе работать на рудник. (Можно начало так: Актан находит Мартынова израненным и оказывает ему помощь.) Мартынов не очень умен, немного тщеславен, но прост и честен, бывает вспыльчив, любит учить. Он мог очень сойтись с ипородцами. Его колоссальная авторитетность среди населения. У него синеватые, простодушные, добрые глаза с нестрижкой, бороду неаккуратно бреет — всегда неопрятная щетина, прокуренные жесткие рыжеватые усы.

Китайская иволга — оранжевая птица величиной с голубя. *Нехитрый сибирский соловей* — серяк с золотым горлом. В сумерки (вернее, перед ними) все птицы более оживленны.

Да-цзы (тазы) — инородец, то есть не русский, не кореец и не китаец. Наиболее окитаившиеся из удэге живут в южной части страны. Находятся у китайцев чуть ли не на положении рабов (продажа жен и детей); вырождающееся, трахомное, забитое, изъеденное паршами племя. Китайские скупщики и «хозяева долин». Их союз с хунхузами. Мартынов, зная про союз, горячится на заседании ревкома, когда решается вопрос о перемирии с хунхузами.

Особое внимание — переговорам предревкома с инородцами, прибывшими на съезд.

Хозяйственные запасы бурундука. Просунка их.

6 апреля.

Экспедиция Будицева и Максимовича в 60-х годах.

Тис — с красноватой корой и древесиной.

Бабочки: *махаоны* (темно-синие, большие) могут садиться на воду. *Крапивницы* — кирпичного цвета с радугой. Голубоглазые стрекозы.

Маленькая птичка — *гаичка* (крохотный клюв, короткий хвостик).

Оспенная эпидемия 1881 г. Первые поселенцы, высаженные в Ольге в 1859 г. и поселившиеся на реке Вай-Фудине.

Ши-мынь — китайский поселок на восточном берегу залива Ольги, когда-то центральный торговый пункт.

Каменная полынь, — растет на осынях.

Заросли белокопытника (любимая пища медведей весной).

Чуть заметные зарницы ночью, при звездном небе. Ясница — растение, выделяющее эфирные масла.

1857 г. Путешествие Венюкова на Тадушу. Его прогнали китайцы.

...Амба — тигр (буквально — черт).

Счастливый человек тот, который никогда не видал тигра (гольдское поверье).

Отношение к покойникам (стр. 171 — Арсеньев).

Поведение Актана в местности, где умерли его родные.

7 апреля.

Золотистоголовый дятел (сам зеленый, дятлик).

Крик кедровки — кто-то идет.

Долина серебряной скалы (Инзы-лази-гоу).

Восход солнца, наблюдаемый Актаном. Рассуждение Актана о солнце, земле, огне и воде. Птичка — уссурийский зюк. Красноногие травники (кулички).

Елена Пак — руководительница корейцев.

Бацуй (женщина).

Белогрудый медведь (бывают белые лапы и брюхо).

Изюбр — отшельник.

Длиннохвостая неясыть (птица).

Романтические мечтания Сережи об удэгейцах: «Буду жить как они...»

Китайская дружина под командой Чжан Бао, заступника за обиженных.

Занятия манз (стр. 223).

Приветствия тазов, когда Актан проходил мимо (поведение женщин и детей).

Каньгу — бог бури, пурги.

Лудевы для ловли зверей.

Оморочка — лодка.

Одежда удэгейки (245 стр.) и удэгейца (246 стр.).

Цай-тун — хозяин долины.

Вагунбе — удэгейский поселок. *Имена удэгейцев*: Масседа, Салю, Гулунга (род Гялондина), Сарл, Кимунка.

Золотисто-розовый дым ранним морозным утром.

Вначале зажигается Венера, потом Юпитер.
Бунт удэгейцев против Цай-туна.

10 апреля.

Наказание за бунт — погребение заживо в землю. Де-леж удэгейских жепицин между китайцами.

Ханяла — тень, душа умершего. Умилостивление души (стр. 293).

Когда в тихую погоду туман подымается кверху и сильное эхо — к большому дождю.

12 апреля.

Онку джусдыни — чертово жилище.

1887 г. — год перехода тигров с запада на восток.

Красный волк — темнее на спине, светлее на брюхе.

Чан-лин — имя таза.

Описание выдры (стр. 337).

Синий опаловый оттенок воды.

Рев изюбра опенать уже после того, как изюбры стабунились, — он остался отшельником.

Описать восстание удэгейцев, их безрезультатное обращение к правительству, затем жестокую расправу и гибель жены Актана.

За фитильное ружье Актан заплатил 20 соболей.

Актан сидит у костра — игра месяца: красная половина тела переходит в голубую.

Растение *багульник*.

Сале — имя удэгейца.

Одежда удэгейца (рис. 365 стр.).

Жертвоприношение у водопада (стр. 369).

Любовь Актана ко всему живущему. Ничто не должно быть загублено зря: если не использует человек, пусть использует зверь.

11 апреля.

Мафа — медведь.

Даурская калина.

Люрл — имя удэгейца.

Женские костюмы отличаются нестротой вышивок (стр. 383 обязательно).

Выражение удэгейца: «Раньше нас было столько, что лебеди, пока летели от реки Кусуны до Ольги, делались черными от дыма наших юрт».

Шаман (стр. 383).

Солоны — племя, живущее на Севере.

Год белок — нашествие белок на долины ввиду неурожая кедровых орехов.

Гроза со снегом, принесенная русскими. Три — за все время.

Эндули — божество.

Эндули посылает гром Агды, чтобы прогнать черта.

Янсели — имя удэгейца.

Монгули — тоже.

Одежда удэгейцев (стр. 401—402).

Пугуй — имя удэгейца.

Тему — повеситель морей.

Сеедзасу-Мамаси-ни — утесы человекоподобной формы.

Синие фазаны — название манз, бродящих по тайге.

Логода — имя удэгейца.

Его нечувствительность к холоду.

Сунцай — имя удэгейца.

Байта — штраф за нарушение каких-либо правил.

Буй — сохатый.

Маньчжур — Чи-ши-у.

Китенбу — имя таза.

14 апреля, 2 ч. дня.

Отец Сони («Провинция») — типа Верещака, со всеми его удачами и несчастьями.

Украинцы-переселенцы называют Южно-Уссурийский край «Зеленым клином».

Вымирание народов — чем дальше, тем быстрее (причины, стр. 154, Пржевальский).

16 апреля.

Муравьевские казачьи сплавы на Амуре и Уссури + штрафные солдаты из линейных батальонов (1855—1862).

Больше всего ассимилируются с русскими *корейцы*. «Садить сёла па сыром кореню» — летописное выражение.

19 апреля.

Возделывание растений. Ручные животные.

Дети родных братьев — братья и сестры между собою так же, как и дети родных сестер. Дети же родных сестры и брата — двоюродные братья и сестры между собой.

Обоюдно легко расторгжимое супружество. (Вероятно, у удэге современных это замесилось более прочным единобрачием.) Но женщина должна соблюдать верность до расторжения. Дети остаются при матери.

Похищение и купля жен.

Актан похитил жену из другого рода.

Женщина несет обременительную работу, но пользуется всеобщим уважением.

Пленный или убивался, или причислялся к роду.

Удэгейцы, очевидно, находились в той стадии, когда жена переходит в род мужа, а не наоборот (?). Может быть такой вариант: Актан родился в *переломную* эпоху.

Брат матери — по родству ближе, чем муж.

У гольдов возможна более укрепившаяся форма единобрачия. В связи с этим грубое обращение с женщиной.

Кровная месть. Вначале всякие пути примирения. Если примирения не выходило, — совершалась месть, и на этом дело кончалось.

Актан вспоминает, как во время восстания в последний раз собралось все племя (весь народ?). Гибель (поголовная) многих племен.

Очеловечение природы, однако без овеществления богов.

23 апреля.

Удэге не задумывается над вопросом, право или обязанность — участие его в общественных делах, кровной мести и т. п.

Такой вопрос показался бы ему столь же смешным, как если бы его спросили, по праву или по обязанности он идет, ест, спит, охотится.

К образу Лены (ее мысли или слова).

«Внутреннего пути у меня нет... Я надеюсь, что кто-нибудь меня натолкнет на этот путь... Но смогу ли я идти по нему, крылья мои слабы».

Чувство особенного, прекрасного, живого во всем — в звуках голосов, в природе, — жажда познать все это и слиться с этим, пока молода. Она жадно бросается на все новое — и не только как наблюдатель, а с желанием поделиться своим внутренним теплом — особенно с человеком, но вместе с тем большое недоверие к человеку и отсюда — «он сам по себе», а «я сама по себе» (характерное для нее чувство с людьми).

24 апреля.

«Провинцию», может быть, закончить письмом Кати о ее любви к Сергею, получении им тотчас после съезда Советов. (Можно использовать маленькое письмо из «архива».) Подробно описать, как накануне съезда Сергей провожал Катю на вокзал перед ее отъездом в Москву. Отходит поезд, он стоит на перроне. Ей стало жаль. Слезы.

30 апреля.

Использование Толстым приема смещения плоскостей без предварения в «Хаджи-Мурате». I—II главы.

Стожары — созвездие, в половину неба много позже полупочи. Предраассветный ветерок.

7 мая.

Сережа чувствует большие перемены в настроении мужиков оттого, что они выбирают на съезд ранее прези-
раемого, нищего мужика по прозвищу «Боярин».

8 мая.

Масенда советует отправить разведчиков наблюдать за хунхузами; для него это *естественная необходимость*.

27 июня.

У Петра Суркова глаза с холодным финским разрезом.
(Напыщенно!)

Когда Лена полюбила Суркова, она поняла, что беда ее не в том, что она мало хочет жить, а в том, что она отчаянно жадна к жизни и не успела еще ощутить ее непосредственных радостей.

(При разработке этой темы вспомнить о письмах.)

— Но в больнице, — говорит она Суркову, — я без особого сочувствия наблюдала людей, от которых шел уже трупный запах, но которые ужасно старались продолжить свое право лежать, дышать и получать больничный суп.

Ее жизнь у Гиммеров («за ширмой», как она выражается) напоминает ей больницу. И когда она мысленно склоняется к возможности вернуться к Гиммерам, где она будет укрыта ширмами и сочувствием, она расценивает это как свое постыдное поражение в жизни, «велика еще работа по разоблачению многих приятных вещей, с испуга перед жизненной жестокостью натащенных людьми».

(В разговоре Лены и Сережи «письма» совершенно необходимы.)

В другом месте:

— Я поняла, что не обязательно «человек создан для счастья, как птица для полета», а может быть безвозмездно и непоправимо несчастлив, и я могу быть этим человеком...

Лена слышит деревенскую вечерку. Лена и Ницше.

21 июля.

Сережа — упрямый мальчик, — упомянуть об упрямой складке его лица, когда он думает о своей новой жизни, глядя на Ольгу.

Влияние различных книг на Сережу, — особенно мелкобуржуазных героев. Либо — типа революционеров вроде *Овода* и народовольцев, либо — «идеал пехитрой мужественности» типа *Джека Лондона*. *Второе* более поверхностное, внешнее. *Первое* лежит где-то в основе его существа (влияние отца).

30 июля.

Сурков проучился пять классов. Ему было тогда 16 лет, — он был один из самых «великовозрастных» и самых «бедных». И наступил период, когда — неосознанно для него — ему нужно было *выбирать*: либо путь *приспособления* (не в вульгарном, а в глубоком, внутреннем смысле), либо осознания себя и *противопоставления* себя (вместе со своим классом) тому, что было враждебно ему в школе. *Первое* (путь приспособления) реально было, предстало перед ним. Но тут умер его отец, пришлось зарабатывать свой хлеб, и жизнь Суркова решительно переломилась по *второй линии*. И тем решительнее и «злее» пошел он по этому *второму* пути, когда изведal все-таки обманчивость, постыдность (униженность) и — в сущности — *безвыходность* первого пути.

Начало 2-й части возможно построить так: 1) Приезд Лены и ее настроения, 2) Большой и глубокий экскурс в прошлое ее семьи, 3) Гиммеровский период и все непосредственно предшествующее ее приезду в деревню.

1 августа.

Одиночество Суркова в школе. Сурков — коновод, но никого не любит. Его эгоизм. (Это и делает его вожаком.) Он все время чувствует, что он плебей. Товарищи, сами того не замечая, показывают ему это.

— Ты хам! — плача от боли и унижения, крикнул ему один одноклассник — сын крупного владивостокского домовладельца, — которого он жестоко избил. «Да, я хам», — со злобой и с торжеством думал Сурков, крепче стискивая зубы, не только не чувствуя никакой жалости, но готовый бить еще и еще.

Он был честолюбив и скрытен. Школьная премудрость не давалась ему, — он даже казался тупицей в школьных науках. Читал, однако, много. Какие-то мягкие, понимающие его, нежные женские образы вставали из книг, носились перед ним. Он чувствовал себя их героем. Он чувствовал свои какие-то преимущества над теми «лишними людьми», которые в книгах хотели быть героями прекрасных девушек и в конце концов *не могли* ими быть. Утром, идя в училище, полный еще с ночи своих дум и чувствований, не разрозненных впечатлениями дня, он смотрел, как бегут по улицам наивными стайками «зеленые» и «коричневые» гимназистки в чистых воротничках и с тонкими ножками в черных чулочках, с черными, белокуроыми, каштановыми головками, веселыми, суетливыми, задумчивыми, кокетливыми, спокойными, невинными, ждущими и обещающими лицами, — он смотрел на них и думал, не здесь ли зреет для него эта «она» — прекрасное, чистое, вдумчивое создание, нежный девичий образ с большими, ясными, задумчивыми глазами. Но он не умел к ним подойти. Слишком самолюбив, зол, угловат он был. Да и мешал ему трезвый склад ума. «Да где я ищу ее?» — думал он через некоторое время, когда проходило очарование одиночества под впечатлениями дня. «Кто они, эти нежные барышни? Да сестры тех самых чистеньких, плаксивых мальчиков, что ежедневно противостоят ему в школе, среди которых он так одинок, потому что все эти маленькие господа чисты, пошлы, лживы или торопятся стать такими. Но разве не таковы же и их сестры?»

3 августа.

О Масенде можно сказать, что он был составной частью единого могучего и неосмысленного плодотворения.

8 августа.

Можно сказать о некоем советском человеке, когда он рекомендуется: «Я — такой-то и такой-то (страшно длинное название его должности)», — сказал он, стараясь соблюсти достоинство в этом длинном перечне!

26 августа.

Дать несколько больших и сильных картин портового города, говоря о детстве Суркова (например, утром, когда Сурков идет в школу). Капля молока на асфальте.

Обдумать вопрос, возникший после прочтения «Сафо» — о сильных чувствах, страстях или способности ярких ощущений, характеризующих более или менее яркую индивидуальность. Возможно, для Суркова таким основным чувством является чувство *ненависти, злобы*. В противоположность ему трагедия Лены, возможно, состоит и в том, что у нее *нет* какой-либо ярко выраженной *основной доминанты*. Можно даже сделать так, что она сама это сознает.

12 ноября.

Масенда в детстве подсмотрел, как козуля кормила козленка. У него были тонкие лиловатые ноздри и черпепькие глазки.

Лена обвиняет Суркова, что он не настоящий рабочий, т. к. в детстве «обременялся кантами».

Мысли Суркова по этому поводу против интеллигентского восхваления примитивизма отсталого рабочего. Противоречивость более сложной психики. Ленин о мечтаниях.

14 ноября.

Песню «А мы просо сеяли» придумали дети зубных врачей, чтобы петь на елках (Валя)!

6 февраля.

Пастух, пожилой, придурковатый, с большим животом, все зовут Кирюшкой. Женился на дурочке Марфушке, очень любил, ходил с ней гулять. Жили бедно. Когда она умерла, он по вечерам скликал кур — единственную свою живность, — разговаривал с ними о Марфушке и плакал. Однажды, когда он гулял с Марфушкой, выскочил барсук, которого он принял за волка. Он очень испугался за Марфушку и страшно закричал: «Марфутка, Марфутка! Тикай, волк! Рязбой, рязбой (разбой)!..» Потом, разобрав, в чем дело: «Не бойся, Марфутитка, то бартук» (он картавил на «с», выговаривая его, как английское th).

Парень гулял с девушкой. В драке зарезал человека, его посадили на три года. Она ждала, не выходила замуж, хотя сватались «хорошие женихи». Ходила украдкой навещать. Он просил подождать его. Родители ее угнетали и били за это. Выйдя из тюрьмы, он стал сватать другую. Она плакала целую неделю. Жаловалась подругам: «Засушил девчоночку с 18-ти годков». Сама она средней миловидности, хороши только брови, черные и тонкие, как снурки (при светлых волосах). Когда рассказывает о своем несчастье, глазки страстно посверкивают. В разговоре подражает женщинам, побывавшим в городе в прислугах, то есть немного жеманничает под «интеллигентную». Поплакав с неделю, назначила парню свидание и так ударила его пятифунтовой гирькой, что он умер.

Женщина 25 лет, вышла замуж 17, теперь трое детей. Руки огрубели, лицо постарело, на губе лихорадка, но глаза чудесные, добрые, синие. Муж работает на заводе (сахарном), а к ней приставил своего отца («чтобы не гуляла»). Муж ее не любит, часто ругает, иногда бьет. А она любит его, но рада была бы разойтись, если бы не дети. Однажды посмотрела, как вдову-соседку ее (вдовы) любовник гладил по голове. Она так расстрои-

лась при виде чужой ласки, что несколько часов проплакала на сундуке. Ходит на собрания женщин-делегаток, потому что больше некуда пойти. То, о чем говорят там, ей не нравится, т. к. ей хочется просто маленького личного «счастья». Детей она не любит и рада была бы, если бы они померли, освободив ее от мужа.

27 октября.

В Сережином отце — то душевный упадок, то энергическая деятельность.

28 октября.

Лена в поезде. Дама, удивляющаяся — неужели партизаны будут стрелять по вагонам, где едут мирные люди. Офицер, сорвавший погоны и влезший под сиденье.

17 ноября.

Характерный штрих. Отряд Гладких, останавливаясь на почлег, собирает всякий хворост, в том числе и дающий большие искры. Масенда не садится к такому костру, оберегая одежду, разводит свой.

Сарл на скрещении хребтов видит бродящий туман — тени умерших.

1929 год

25 января.

Почти полная луна, необыкновенно чистые звезды. Мороз. От елей — четкие почти до каждой иголки тени. Снег белый, искристый, как сахар, и в Малеевке воет собака.

В XII главе «Последнего из удэге» не нужно вводных рассуждений. Дальше: шаман как символ слепоты.

Потом, после рассказа Мартемьянова, Сережа, перед сознанием которого проходят примеры «бедности», вспоминает про шамана, как символ всего этого. «Ах, Сережа, бедно́ живут люди!» — вспоминает он слова Мартемьянова. Здесь «порассуждать» немного от себя. У костра в профиль к Сереже сидит Молгули с ружьем и непомерно длинными руками. Игра света...

14 февраля.

Масенда, когда идет по следу изюбра, видит кунающегося лося (см. у Арсеньева, стр. 24). Божества проходят по горам в образе людей.

Сарл водит Сережу по поселку и все показывает ему, — это дает возможность дать ряд этнографических сведений. Сережа опрокидывает берестяной ковш с водой в юрте старика с барсучьими ушами, и Сарл вместо него платит байтú — расшитую рубашку.

Душа, переходя из одной стадии жизни в другую, становится все меньше и меньше. Масенда с особым интересом рассматривает тлю — она мала, ничтожна, то есть находится накануне полного исчезновения. Где-то есть другой мир, где тля была огромным живогным.

26 марта.

В ревкоме — две женщины. Одна, Клавдия Ивановна, — кривляка в саногaх, работающая «нод мужчину», — ее Сережа не любит и дразнит; другая — наивная, полуребенок, — Сережа ей покровительствует и обращается с ней дидактически («с людьми нужна четкость: «да, да» — «нет, нет»... «всякое дело учитесь доделывать до конца»).

11 ноября.

Любовь к людям за то, что они — люди (Масенда).

Сережа думал, что стоит *внушить* себе, что он такой-то и такой-то, что все старое отошло и как бы отрезано

навсегда, чтобы действительно так все и случилось, —
оказалось, нет.

7 декабря.

Член партии с 1904 года заметил, что в то время, как сын рабочего Орлова все время мастерит аэропланы, его сын, двенадцатилетний пионер, все еще бредит индейцами и строит вигвамы. Умом это было неприятно ему, он очень много сказал по этому поводу умных и правильных слов. Но в глубине души ему было почему-то жалко сына, и от охватившей его жалости, любви к сыну и воспоминаний собственной молодости он прослезился.

Елена Пак (простившись с Сурковым) на шаланде. Расстилающийся перед ней океан, ясное звездное небо, ощущение неразделенной — и навсегда — любви, убожество корейца, ведущего шаланду, милое ей убожество и бедность всего, родные запахи.

12 декабря.

Сережа застаёт сцену, когда старик хозяин загоняет в стакан пятак, а Гладких расшибает лбом доску стола. Сереже стало смешно и жалко их и грустно чего-то. Смешно оттого, что смешными были их позы взрослых людей, жалко их темноты, грустно оттого, что рушился окончательно образ Гладких — образ совершенной мужественности и цельности.

1930 год

9 октября.

Сережа в разговоре с Леной ругает Казанку уже не столько из чувства зависти к нему, сколько из-за того, что Казацок издевался над Бусырей и т. п. Лена же обвиняет Сережу в зависти к Казанку.

Когда Лена и Алеша Маленький едут в поезде после обстрела, Алеша Маленький слезает в Шкотово. После того, как они снова встречаются в Хмельницкой, дать оглядом назад путь Алеши от Шкотово до Хмельницкой, его знакомство с Шевченко, его наблюдения над атаманщиной и децентралистскими тенденциями.

1934 год

2 октября.

В главе, где Сурков рассказывает Алеше историю (начала партизанской борьбы), обязательно вставить о «декларации консульскому корпусу» из книги Ильюхова и Титова.

8 октября.

Замечательно об эклектизме — у Чернышевского в примечании к «рассказу о Крымской войне Кинглена» (характеристика Виктора Гюго до 1848 г.). Плеханов цитирует в статье «Карл Маркс и Лев Толстой». «Оргия сентиментальности» (Плеханов), — замечательное выражение! (в той же статье).

Маркс в предисловии к 1-му изданию «Капитала» говорит, что он менее, чем кто-либо другой, склонен обвинять отдельного человека в том, что существуют такие-то общественные отношения, продуктом которых он сам является, *даже тогда, когда восстает против них.*

«Мы любим не менее кого другого, чтобы в повестях изображалась общественная жизнь; но ведь надо же понимать, что не всякая поэтическая идея допускает внесение общественных вопросов в произведение: не должно забывать, что первый закон художественности — единство произведения, и что поэтому, изображая «Детство», надобно изображать именно детство, а не что-либо другое, не общественные вопросы, не военные сцены, не Пет-

ра Великого и не Фауста, не Индиану, не Рудина, а дитя с его чувствами и понятиями...»

«В каждом из них (произведений Л. Толстого. — А. Ф.) очень полно осуществляется именно та идея, которую он хотел осуществить в этом произведении. Никогда не говорит он ничего лишнего, потому что это было бы противно условиям художественности, никогда не обезобразил он свои произведения примесью сцен и фигур, чуждых идее произведения. Именно в этом и состоит одно из главных требований художественности» (Чернышевский — о Л. Толстом).

9 октября.

На совещании по хлебозакупкам Александровского, Свободненского, Завиринского и прочих районов.

Гусевский. Монголоватый парень, бронзовый, глаза косые, волосы черно-бурые, медвежьи, на затылке стоят черным клоком, говорит с пафосом, тип речи — «очэнь», «товарыцы», «сорэвнование», товарры». (Помесь Ивана Макарова с ординарцем Размехинным.)

Председатель сельно говорит: «Товары могу перечислить персонально»; подумав, поясняет: «сортимент» (речь идет об ассортименте). «Шапки хотя и плохие, но есть»... «эхваилент» (эквивалент).

15 октября.

Тип предоблисполкома-сановника. Приехал с чемоданами из Москвы, привез жену. Она взглянула на Благовещенск и через две недели уехала. «Ну, значит, и он ненадолго», — решили аборигены. И правда, уже жалуется на «дикую скуку». Для того, чтобы не вести черновой, будничной работы, все свалил на заместителя, а сам разъезжает по районам под видом конкретно-оперативного руководства, но, конечно, ничего по существу не видит, не изучает и никому не помогает (ездит для «смены впечатлений»). Это — обладатель солидных усов и холеной бороды, голос — сановнический бас с «демократической» якобы прямоотой и радушием. «Демократизм» и в одежде — сапоги, гимнастерка. По приезде до

подозрительности упорно говорил всем, что ни капли не пьет (с ноткой укори́зны даже — «вот вы, дескать, пьете, а я нет»). Но уже через несколько дней ночью пришел пьяный к заместителю своему и, обнимая, говорил: «Мы с тобой, конечно, сработаемся, Полетаич»...

Спичечная фабрика в Благовещенске — на окраине, на пустыре, весной непролазная грязь. Фабрика — по последнему слову техники: конвейерная система, коробки, «соломка» — делаются механически. Замечательна машина, которая намакивает спички — необычайной точности. В помещении влажно, душиновато (печи, сквозь которые сушатся коробки, соломка), запахи древесины. Работают в большинстве женщины. Качество спичек плохое, т. к. работают *плохо*, а также потому, что вместо осины работают на тополе и не лучшего качества, с красной сердцевинкой (гниловатой, с большим количеством влаги). Отсюда соломка — разноцветная. Вообще большой процент брака.

16 октября.

Пограничник в Кумаре читал «Последний из удэге» и «Разгром». Стараются показать себя понимающим. По поводу Вари — «изгибы женской души».

Рота пришла в баню (г. Свободный). Кассирша — миловидная простая девушка. Красноармейцы столпились вокруг кассы, — появился ротный весельчак, — все давай заигрывать с ней (очень весело, без всякого цинизма), — она, довольная, что столько мужчин любит ее, вся расцвела, порозовела, отшучивается, — все очень молодые, хохочут. Ротный весельчак пошел чечеткой.

По дороге из Кумары по первому снежку на закате солнца вылетело из травы не менее полутора ста косачей. Расселись по деревьям, жирные, черно-фиолетовые с лирообразными хвостами.

Вагон в железнодорожном тупике, — неподалеку в депо идет электросварка, — в окнах вспыхивает голубое пламя.

19 октября.

В период самых острых трудностей в селе настолько оголодали, ослабили лошади, что в колхозе «Красный орден» не могли выйти на поле. Обком в Благовещенске мобилизовал всех извозчиков, чтобы завезти семена на поле!

В тот же период секретарь обкома, проезжая на машине по шоссе, подымал по дороге легших от слабости лошадей. Подымут, а она снова падает от слабости. А иная едва ползет и даже не сторонится машины — приходится объезжать. Секретарь обкома сказал спутнику: «Вот когда лошади начнут машины пугаться, значит, мы выходим из трудностей»...

На заседание бюро райкома зашел китаец в галошах, одетых прямо на чулки, в рваном полушубке поверх ватной национальной одежды. У него были детские глаза, тронутые трахомой, лицо рябовато. Это был знаменитый на всю область председатель рисового колхоза. Он скромно подошел к столу и сел, и все почтительно оглянулись на него.

Он плохо разговаривал по-русски, но мог читать по складам. Увидев на столе газету из центра, он пододвинул ее к себе и, оперев голову на руку, начал читать, шевеля губами.

Впервые за четыре года в колхозе появилось три жеребенка.

Секретарь обкома. Как, ребята за ними бегают?

Предколхоза. Не только ребята. Мы первое время всем селом за ними бегали, давно жеребят не видали.

Во время бескормицы лошади до того ослабели, что их приходилось подвешивать в стойлах, чтобы они не падали.

21 октября.

«Что дети не знают, что им надо, в этом сходятся все высокоученые школьные учителя и гувернеры, но что и взрослые, подобно детям, бродят, снытаясь, по белу свету и, как они, не знают, откуда они пришли и куда идут, и столь же мало соображаются с истинными целями в своих действиях, что ими точно так же правят пирожное, бисквиты и розги, — этому никто не хочет верить, а мне сдается, что это ясно, как божий день» (Гете, «Страдания молодого Вертера»).

Тот же мотив в «Бродягах» и в других пореволюционных вещах Гамсуна и в романах Дос Пассоса, но уже на основе капиталистического распада.

«На свете весьма редко приходится иметь дело с *«или — или»*. Чувства и образы действий имеют столь же многообразные оттенки, как и носы, начиная от орлиного и кончая вздернутым» (Гете, там же).

И все-таки *«или — или»* существует; без этого невозможно была бы никакая правда. Справедливо, однако, что люди частенько стремятся проскользнуть *между*, ибо выбор часто сопряжен с лишениями и страданиями.

22 октября.

...«взгляни и пройди мимо»... — слова Virgilия Данте у преддверия ада, где обретаются граждане, не примыкавшие в борьбе к той или иной стороне. Они даже ада недостойны!..

2 ноября.

Колхознику после распределения доходов по трудодням привезли его долю — 800 пудов на квартиру. Он бежал от грузовика к воротам — то звал жену, то, не веря в совершившееся, жалко сцеплял ладошки и спрашивал: «Это мне? Это мне?»

Комдив живет в казарме, живет очень культурно. Уборная во дворе. Предупредительно спрашивает у гостей: «Не надо ли вам на 77-ю высоту?»

Комдив и начзаставы (пограничной) сцепились, — чей катер повезет командующего до города. Оба весело выхваляют товар, у обоих дрянные катеришки. У начзаставы бровки — два реденьких рыжих кустика, вздернутых кверху, глазки хитрые, подпухшие, всегда он точно выпивши, а комдив — приземистый, толстогубый, солидный и похож на Собакевича. Оба замечательные, оба дружат.

15 ноября.

Начало 3-й части (Алеша Маленький) переделать: сейчас официально-казенно, газетно, — надо глубже показать, в чем *существо* спора и как он выглядит для обеих сторон. Спорят о «централизации», о «мелких или крупных отрядах», но каждая сторона пытается вскрыть истинную причину и существо спора. Отсюда обком обвиняет партизан в желании немедленного *захвата власти*, а партизанское командование обвиняет обком в *оппортунизме, в неверии в победу революции*. Мне постепенно вскрыть, *почему* каждая сторона пришла к такому взгляду и *кто* (при различных жизненных поправках обеим сторонам) *прав в основном*.

3-ю часть кончить на ранении Суркова (его привозят в госпиталь тем же обозом, в котором привозят старшего убитого сына Борисова). Тогда четвертую часть начать с туземных дел, которыми занимается Алеша (поездка в Хмыловку, хунхузы, обрисовать роль хунхузов). Приезд Марии Цой — вся корейская линия. Сражение в Николаевке, в котором участвуют и Мария Цой и Алеша. В этой части все разговоры Суркова и Лены (когда он в госпитале). Возможно отступление к Бредюку (через Хрисанфа Бледного можно связать это, — Бледный приезжает, докладывает Суркову). А кончить часть на приезде Мартемьянова и Сережи с упоминанием об удэгсйцах (особенно о Масеяде). Здесь — конец второго тома.

3-й том начинается с Масенды (продумать встречу Масенды и Боярина в Ольге), — линия Масенды, — потом непосредственно переход к Сереже в Снобсеевке.

Темы рассказов:

1. «Дружба» — с описанием перехода через мертвую тайгу в 20-м, потом встречи в леспромхозе в 1933. Гоголев — осетин и старый товарищ, участвовавший в переходе.

2. Тигролов — и прокладка Сучанской ветки, взрывы на Сихотэ-Алине.

Возможно соединение первого и второго в один рассказ, взяв концовку второго для первого и выбросив леспромхоз.

3. «Оксун непобедимая» — на материале Биробиджана (Яслы, еврей, влюбленный в кореянку Оксун).

4. «Муха» — о жене командира, пограничная застава, описать заставу в Кумаре. Муха — тип женщины при мужчине... Непосредственность, жизненная цепкость (приспособленчество) в соединении с товариществом, способностью пожертвовать собой за мужчину. Постоянные измены и привязанность к основному «до гроба».

23 ноября.

Сережа после ранения. Мысли о «великом содружестве», которому — отдать жизнь.

29 ноября.

Праздник выпуска старшин. Ужин с вином, танцы. Участвуют представители других дивизий. Кавалеристы сидят, не пьют, не танцуют. Командующий: «Разве не умеете?» — «Нет, у нас горе, комдив на машине разбился. Не будем мы пить и танцевать».

По границе — невероятных размеров фазаньи табуны. Самец — весь в золоте — вылетает из травы прямо вверх, как свеча. Маньчжурские сопки по той стороне границы, безлесные, в голубом мареве, много столовых гор.

1 декабря.

Селин. «Путешествие на край ночи».

«Я никогда больше не смогу верить тому, что люди говорят, думают. Надо бояться только людей, одних только их, всегда».

2 декабря.

«Замолкла в нас музыка, под которую плясала жизнь, вот и все. Вся молодость умерла где-то там, в конце света, в тишине истины. И куда идти, — спрашиваю я вас, — когда нет уже при себе необходимой дозы безумия? Истина — это бесконечная, предсмертная агония. Истина этого мира — смерть. Нужно выбирать: умереть или врать...» (Селин, там же).

Предельное вырождение. Цинизм до конца. Будто нарочно придумано, — для иллюстрации духовного и морального кризиса на Западе.

Колхозник вышек хлеб белый весом в свой трудодень — 10 килограмм, а сверху черный с соломой припек в четверть килограмма — трудодень прошлого года и преподнес начполитотдела.

1935 год

2 января.

Отец — крестьянин (колхозник) — пишет дочери, обучающейся в вузе: «Маты до работы вже не способна, а аппетит хороший».

17 января.

«...но борьба, какая бы она ни была, редко носит имя того дела, за которое она возникла, и это имя, равно как и значение этого дела, почти всегда узнаются уже тогда, когда борьба кончится» (Безинский, «Сочинения князя Одоевского»).

Это было справедливо до тех пор, пока не выступил пролетариат со своим научным мировоззрением.

Белинский. «Александринский театр». Замечательно сопоставление актеров Каратыгина и Мочалова. Первый — мастерство, скульптурная точность, техника, работа. Второй — вдохновение, чувство, подъем. Поиски синтеза (элементы синтеза в Щепкине). Блестящая критика драматургов. Во введении Шекспир как образец. А современные — пошлость, отсутствие всякой глубины, ума, торопливость в писании, заимствования. Можно вполне применить к большинству наших.

23 января.

Белинский порицает актеров, которые *смешат* (напросто), ибо смешной человек *в жизни* не знает, что он смешон, и тем смешнее. Так же должен поступать комедийный актер.

24 января.

Командир все время ни к селу ни к городу говорит: «объективщина получается», или «объективщина какая-то», или «такая-то супординация».

26 января.

Ленин называл Алексева, Мышкина, Халтурина, Желябова кружком *корифеев*, которому доступны политические задачи. Рабочий класс вырастил Желябовых в *массовом* масштабе. Димитров *крупнее* Желябова, а Димитровых у нас много.

Современные комедии — «Чужой ребенок», «Чудесный сплав», «Дорога цветов» — более похожи на водевили. Нечего и говорить, что они лишены единства стиля и саморазвивающихся образов. Отсюда разноречивость в актерском исполнении, отсутствие целостности. Если хороший,

старый, опытный театр (МХАТ), он еще способен изощряться и дать нечто относительно единое; но это тоже не внутреннее единство.

Шевырев издевается по поводу строк Лермонтова из «Демона»

...И хищный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали...

Белинский: «Г-н Шевырев... ужасно рад грамматической неловкости, вследствие которой безграмотному читателю — но только безграмотному, — может показаться, что *хищный зверь кружится вместе с птицею в лазурной высоте...* С грамматическою указкою не мудрено доказать ничтожество стихов не только Державина, но и Жуковского и Пушкина, что и делывали, бывало, педанты доброго старого времени».

5 февраля.

Маленький мальчик, сын коменданта дома, заметил: если мать и отец сами покупают ему новое (из одежды, скажем), они дома много раз рассматривают, заставляют снова примерять, бережно хранят; а если это подарок «со стороны» — никакого внимания и интереса.

12 февраля.

«Это такой парень — клинком врагов бьет, а плашмя своих».

Летчица, инструктор летного дела, комсомолка. Отец ее рабочий-металлист, имел семь любовниц (кроме жены) и от всех имел детей. Должно быть, было в нем что-то, кроме подлости, потому что все любили его бескорыстно, в том числе и жена-прачка, имевшая пятерых от него. Когда его осудили и выслали, она очень горевала, хотя и не видела от него решительно никакой заботы. Дочь ненавидит отца. Сама очень холодной крови, мужа не

любит, но живет с ним хорошо, к мужчинам относится спокойно-дружески и удивляется, как муж может ревновать ее.

23 февраля.

В 9-й образцовой школе имени Сибирцевой:

— Почему вам не нравится «Дневник Кости Рябцева»?

— Мне кажется, неправдоподобно.

— А вам почему нравится?

— Потому что правдоподобно.

Мало читают стихи как русских, так и иностранных поэтов, как старых, так и новых.

2 марта.

Сижу у заводном отдыха завода имени Ворошилова. Обедаем. Входят с улицы, говорят:

— Приехали директор и секретарь парткома, идут сюда...

Мальчик Левка, сын зава:

— Прячьтесь скорей, прячьтесь!.. (указывает на графин с водкой).

Жена зава, зав багровеют...

3 марта.

Арестовали замаскированного кулака, ведущего контр-революционную агитацию в колхозе. Спросили, на что он, собственно, надеялся, одиночка? Он ответил: «Ежели в куле с зерном проколупать дырку, чтобы хоть по зернышку высыпалось, все зерно из мешка уйдет».

13 апреля.

Темы рассказов:

1. «Любовь». Муж и жена. Молодые — каждый на самостоятельной работе. Несколько лет работают в разных местах и никак не могут встретиться. Муж рабо-

тает на постройке дороги в тайге. Жена, получившая новое задание, пролетает над ним на аэроплане.

2. «Дезертиры».

Крупный работник, намеревающийся сбежать с Дальнего Востока в Россию, и сын его (пионер или комсомолец), бегущий из центра на Дальний Восток.

3. «Романтика бедности» («Бедность и богатство»).

4. «О Билле Хейвуде».

5. Метеорологическая станция над Гаграми. Газетная заметка: снежным обвалом убило заведующего.

14 апреля.

Один из возможных вариантов начала 3-й части: упомянуть о разногласии. О провале областного комитета зимой. Нет связи с тюрьмой. Разногласия или совсем не расшифровывать, или так, как в заметке от 15/XI 1934. И сразу — встреча Алеши с партизанским патрулем.

Поставить своей целью — изучить за время пребывания на Дальнем Востоке:

1. Парусные, моторные, паровые суда. Рыболовные спаси.

2. Вожделение автомашины, ее устройство, системы.

3. Авиацию.

4. Колхозное устройство и с.-х. технику.

5. Рубку леса и лесосплав.

6. Езду на собаках и все, что связано с этим, — устройство парт, дорожное снаряжение, питание и т. п.

21 апреля.

Прочел «Повести Белкина».

Исключительно хорошо по языку — просто, экономно, прозрачно. Но мало мысли. Именно — не ума, а мысли. Родственно Мериме...

29 апреля.

Движение весны в Приморье. После цветения вербы, подснежников раньше всех выпустила почки, начавшие несколько дней назад разворачиваться в листья, черемуха.

На сонках у багульника появились синие завязи цветов. Растения южного происхождения — орех, виноград — еще совершенно голы, нет даже почечных завязей. На березе уже обозначились зелененькие почечки, но еще не набухшие...

3 мая.

Командир Тихоокеанского флота В. рассказывает, как в 17-м году, когда во флоте на судах топили офицеров, матросы его миноносца прятали его. «Уйдите от греха», — говорили они. Он оказался одним из первых офицеров, перешедших затем на нашу сторону.

В классе в школе деление на «феодалов» и «крестьян»...

12 мая.

С большим запозданием — о весне в Приморье... После черемухи, багульника первые зазеленели *тополевые*: осока выпустили молодые листочки, осина — сережки. И почти вслед за ними ожили дикие *фруктовые*: дикая яблоня, боярка, шиповник. Только несколько дней назад набухли почки у волошского (грецкого) ореха.

27 июля.

У Алеши — некоторое недоверие к мужику, идущее от рабочего аристократизма, — человека, привыкшего носить пиджак с галстуком, читать книги, быть «организованным». (Еще продумать.)

В вопросах разногласий — прав Сурков в *основной* оценке движения, в оценке роли крестьянства, в деле организации советской власти. Но при всем том, идя на волне подъема, он недооценивает силы врага, особенно силы интервенции — отсюда неверная *тактика* вооруженной борьбы. Неправильная оценка сущности, силы и перспективы движения крестьян областным комитетом соче-

тается с более реальной оценкой и лучшим знанием международной обстановки и интервенции — отсюда, с одной стороны, половинчатая неверная тактика в деле политической организации масс и — правильная тактика вооруженной борьбы. Такое противоречие возможно, и объясняется оно недостатком политического осмысления происходящего обеими сторонами. Только вмешательство «тюрьмы» приводит все на свои места.

Разъяснение всего вышеизложенного надо начинать в начале 4-й части, когда Алеша разъезжает по селам (жизнь все время вносит поправки по вопросу о мужике и подтверждает правильность тактики мелких отрядов).

16 ноября.

Одиночество — это пустота; а природа духовная не терпит ее, как и природа физическая. В одиночестве может жить лишь человек гениальный, наполняющий его своими мыслями... Бальзак. «Блеск и нищета куртизанок».

Маркс и Энгельс были первыми — в цивилизованном обществе — гениями «не уродами» и первыми гениями, «одиночество» которых уменьшалось по мере их жизни для миллионов людей.

Социализм делает гения достоянием миллионов, освобождает его от «уродства» и все больше и шире подымает «обыкновенных» людей до гениальности.

Абхазская сказка о Ходже-Шарадыне: он выдумал, что на берегу моря раздают плов, а когда люди бросились туда сломя голову, он сам помчался за ними: «А вдруг и правда раздают?»

17 ноября.

Абхазская пословица: «У осла резали ухо. «Что это такое?» — спрашивал он».

29 декабря.

Ницше с огромной силой влиял на западноевропейскую, русскую и даже американскую (Джек Лондон) литературу перед революцией. Характерно рассуждение

Нагеля («Мистерии») о нескольких «сверхгениях», совпадающее с аналогичным рассуждением Ницше в его раннем произведении «Мы — филологи» («Народ представляет собой обход, который делает природа, чтобы создать шесть-семь великих людей...»). Такое же совпадение в вопросе об истине и иллюзии («Это только нравственный предрассудок, будто истина имеет более цены, чем иллюзия»). То же в вопросе о причинности и закономерности («Никакой закон *не* управляет. Мы *одни* только выдумали причины, последовательность, соотношения, относительность, принуждение, число, закон, свободу, основания, цель. И когда мы этот мир знаков применяем как нечто существующее «в себе» к вещам, то мы тут... опираемся на *мифологию*» (§§ 21—22. «Jenseits von Gut und Böse»).

Отсюда же, из этих корней («воля к вымыслу») Оскар Уайльд *художественному вымыслу приписывает большую достоверность, чем реальным фактам*: «К искусству нельзя подходить с меркой того, насколько оно похоже на действительность. Оно скорее покрывало, чем зеркало»... Писатель Олеша, конечно, отродясь не читал Ницше. Но он воспитался на предреволюционной литературе, на эпиграмах Ницше, и в творчестве его отражались и отражаются эти же умонастроения (хотя и не только эти).

«Часто прямо смешно, как слово *communio* (коммуна, общество) вызывает совершенно такую же ругань, как теперь коммунизм. Так, например, поп Гильбер из Нойона шипит: «Коммуна — новое и очень скверное слово!» (Маркс — Энгельсу, 27. VII. 1854 г.).

К нашим спорам о языке. Наверно, многие слова, привитые нашему языку революцией, расцениваются кое-кем как «новые и очень скверные слова»!

Северный летчик Вася Махоткин и его жена «Барабулька». Вася говорит — бу-бу-бу. «Кругом все хищники».

«Все больные небритые мужчины похожи на Иисуса Христа».

2 января.

«Романтика бедности» — два типа в основе: нечто вроде Бисо и нечто вроде Антона Горового. Пригодятся рассуждения лефовцев о патефонах.

Все мои отношения с Чарпиным — его систематические бегства из лагерей и моя возня с ним — очень пригодились бы для комедии. Такого рода мальчик неизменно появляется (очередное бегство) в самую неподходящую «трагическую минуту» и разряжает атмосферу.

5 января.

«Есть что-то необычайно прекрасное в обхождении смелых людей друг с другом во время опасности и несчастья» (Капитан Конрингтон).

Прекрасное, замечательное наблюдение! Это как раз то, что я хотел и что мне *не удалось* выразить в изображении поведения Суркова и Алеши в бою под рудником (в 3-й части «Удэге»).

(«Удэге», 4 часть). Не забыть два сюжетно важных момента:

1. Алеша, разъезжая по деревням, улавливает слух, пущенный Казанком о «причинах» ухода американцев. Хорошо, если бы удалось *показать* (например, через Спирьку), *откуда* эти слухи идут.

2. Сережа и Кудрявый на руднике. Рабочие говорят о том, что Ланговой *живет* с женой контрразведчика Маркевича.

Маркс о сектантстве в рабочем движении:

«Он (Лассаль) впал в ошибку Прудона, состоявшую в том, что он не искал реальной основы для своей агитации в действительных элементах классового движения, но хотел направить ход этого последнего по известному, определенному доктринерскому рецепту».

«Секта ищет смысла своего существования ...не в том, что у нее есть *общего* с классовым движением, а в том *особом талисмানে*, который ее от этого движения *отличает*» (Маркс — Швейцеру, 13 октября 1868 г.)

В этом ошибки РАПП!

24 января.

Арестованный Ланговой возвращается мысленно к разговору с Леной в 18 году: «А чем вы можете проверить, что проливали свою кровь не зря?» — «Я хотела бы, чтобы вы были совсем, совсем свободным волком».

2 февраля.

«...утопизм, предшествовавший материалистически-критическому социализму, носил в себе последний в зародыше (*in nuce*), всплывая же на поверхность *post festum* (слишком поздно), он может быть только нелепым, скучным и в самом основании своем реакционным» (Маркс — Зорге, 19/X—77 г.).

Не в бровь, а в глаз нашим «романтикам», пытающимся оправдаться «мечтой» классиков-утопистов!..

Разговор Суркова и Лены.

Л е н а. О призрачности жизни буржуазного общества. Пример Гиммера, как лучшего среди других. Живет не видя, не понимая чего-то самого главного и основного в жизни.

С у р к о в. Призраки опираются на реальные сплывы и ценности.

Л е н а. Могла бы быть полезна, как «соглядатай», знающий то общество, в котором жила!

С у р к о в. Соглядатай полезен только тогда, когда он соглядатай от кого-нибудь.

Л е н а. О праве дышать, лежать, есть больничный суп.

С у р к о в. Пример с калекой (учесть Островского).

С у р к о в. По поводу призрачных отношений. Что Лена считает главным и основным?

Л е н а. То, что является *подлинным* содержанием слов, которыми обозначают отношения между людьми, — слов, ставших ложью.

3 февраля.

Алеша и Игнат Васильевич выезжают на океан. Ощущение простора, вызывающее у Алеши усиленную работу мысли.

История Владивостока: «Первыми женщинами здесь были три ссыльнокаторжных, из них одна девушка попала сюда за умерщвление своего новорожденного ребенка, другая — черкешенка, из ревности заколовшая мужа, и третья — посадская молодуха, тоже кого-то и за что-то пырнувшая. При полном отсутствии женского элемента их участь не была здесь печальною...»

23 февраля.

Письмо из тюрьмы. Читают Петр, Алеша, Мартемьянов.

11 марта.

Мысли Марии Цой о смерти. Исчезнуть бесследно. «Пусть ветер разгонит прах мой...»

20 марта.

Сережа рассказывает отцу об удэгейцах — не то, что он видел на самом деле, а то, что он хотел бы видеть. Он и не догадывается, что его рассказ более соответствует *действительному* содержанию их жизни. Отец искренне увлечен. Не потому, что понимает, в чем дело, а потому, что он всегда верит тому, что люди говорят ему.

Мария Цой, полюбив Суркова как революционера, все время примеряет его к своей, корейской, обстановке. Наконец, она любит его настолько, что его недостатки — короткие ноги, хромота, — кажутся ей качествами, обязательно присущими настоящему революционеру. (Это утрировано, — но я хочу подчеркнуть, что внешность в отношениях людей «одной думы и страсти» — вовсе не главное.)

Отношения Мартемьянова и Владимира Григорьевича. (Очень существенно!)

21 марта.

Письмо областного комитета кончается словами: «А в общем, все вы работаете хорошо, и мы гордимся вами и завидуем вам».

— Мы работаем хорошо, а? — сказал Мартемьянов, и слезы вдруг брызнули у него из глаз.

Все обнимаются, целуются.

— Ну вас к черту, — говорит Петр размягченно, — как бы за этими радостями основного не потерять...

Люди, сидевшие в тюрьме, обладали силой, большей, чем сила закона, — силой ума и правды...

Из письма: «...Японские политики всегда были несколько глуповаты. По глупости их превосходил только русский царь. Но теперь, когда русского царя мы с божьей помощью ликвидировали, глупее японских политиков уже нет. Вы это объясните мужикам. Они люди с головой, они поймут, и это придаст им бодрости».

21 апреля.

Сухум.

Не видные из-за деревьев аспирант и аспирантка «ВИРа» обрезают ветви мапдаринов, повышенными весенними голосами разговаривают о чем-то профессиональном. Слышны только щелканье ножниц и эти возбужденные голоса. Потом — пауза и страстные поцелуи.

23 мая.

Возле колоссального Краматорского завода на лужку пастушонок, пасущий коров, разводит костерок.

16 июня.

Белинский о народности искусства.

Первая сторона народности — «верность изображения картин русской жизни». Вторая сторона заключается в «образе мыслей и чувствований, свойственных тому или другому искусству».

Но — между прочим... «разгадать тайну народной психики, — для поэта значит уметь равно быть верным действительности при изображении и низших, и средних, и высших сословий» (1845 г. «Восьмая статья о Пушкине»).

22 июня.

Рабочие редко говорят: «Я с нетерпением ждал», а говорят: «Я не с терпением ждал». Вместо «величие» — «величество».

25 июня.

Рабочий при обсуждении конституции: «У нас до революции только у одного токаря был сын-гимназист, так он им так козырял — весь завод знал».

13 июля.

Ответственные работники лечатся в Барвихе под Москвой — санаторий с очень строгим режимом. Тайно вызывают из Москвы секретарей, стенографисток, которые на машинах приезжают в условленное место в лесу, — там занимаются делами своих наркоматов и учреждений.

22 июля.

Ликвидирован Профинтерн. Общежитие его работников. Почему-то именно иностранные работники (во всяком случае, многие из них), уже много-много лет живущие в СССР, сохраняют во внешних условиях своего быта черты военного коммунизма. Скучная, в ограниченном количестве, простая, грубая мебель, не очень чисто в комнатах, квартиры из одной комнаты, часто с перегородкой, на стенах ничего, кроме портретов вождей, этажерки с несистематически подобранными, случайными (в зависимости от пестрых потребностей работы) книгами. Кажется, совсем недавно стояла здесь железная печурка с трубой, отведенной в форточку.

13 августа.

В санатории Барвиха лечится Землячка.

Всякие лекарства, какие ей дают, выбрасывает под стол в корзинку.

Сестры. Что это у вас?

Землячка. Нечаянно рассыпала.

14 августа.

Письмо Лангового к Вениамину, содержащее примеры распродажи природных богатств и промышленности страны японцам. Возможно, это не письмо, а — Ланговой читает газеты и размышляет об этом. (Лучше всего на угольных конях Гиммера, перед арестом его и Гиммера партизанами.)

Ланговой, арестованный, в сарае, перебирает в уме весь свой путь и находит его ошибочным, бесплодным и ужасным. Он начинает понимать, что прожил «не на той улице». Мысли его о Гиммерах как о выскочках, людях без корней, для которых ничто не дорого, кроме наживы (старик Гиммер), карьеры (Вениамин), наслаждений (Дюдя). У них нет идеалов, родины — ничего.

В 4-й части привести приказ Розанова и комментарии к нему Лангового.

16 декабря.

Замечания в связи с Конституцией.

Кроме основного своего политического смысла, она выражает, закрепляет *моральный* облик нового человека и новых человеческих отношений.

Формируется новый характер, тип Человека с большой буквы на основе общественной социалистической собственности.

Его черты:

1. *Жизнь есть труд.* Слава, честолюбие, гордость, уважение — все удовлетворяется и достигается через труд. Почему? Это труд и на себя, и на всех, на себя, *потому что* на всех, и наоборот.

2. Отмирают, отмерли — почет из-за денежного мешка, богатства. Отмирают стимулы *стяжательства*. Волчий закон капитализма теряет свою силу. *Подтянуть, поднять* отсталых и слабых. Человек — коллективист.

3. Право на отдых. Человек получает досуг, формируется как физически здоровый и как человек, могущий удовлетворить своим склонностям.

4. Человек культурный, образованный.

5. Отпадают национальные... ограничения и ущемления.

6. Широкое участие в общественной жизни страны и управления государством.

7. Воспитание человека-борца, защитника родины, ненависть к врагам, воинская доблесть. «Не надо никого бояться».

8. Рост чувства достоинства на основе *всех* прав и обязанностей.

9. Впервые формируется *личность* — не как исключение, а миллионы *личностей*. Отмирание *индивидуализма* — противопоставления себя другим, вознесения себя *над* другими. Человек — коллективист.

10. Миром перестают управлять анархические законы, есть план, есть *перспектива* развития. Отсюда — *оптимизм* как одна из самых определятельных черт характера.

11. Растущая мощь техники. Человек — *покоритель природы, преобразователь природы*.

1937 год

16 февраля.

Могучий парень с большими красными руками и красным от мороза сильным лицом едет, стоя на санях, натянув обеими руками вожжи, сдерживая силача и красавца битюга. Шуба, накинутая на плечи, как епанча, волочится по снегу за санями. И битюг и парень точно одно целое — красивы и страшны в силе своей.

1 мая.

Ялта. Окраина. Молодая женщина несет ребенка, за ней двое рослых парней, веселые, ухаживают. Один:

— Раз мне не можешь ребенка дать, дай матросу, пусть он понесет.

Другой (матрос):

— Давай ребенка, я понесу.

Женщина, слегка взволнованная, но счастливая, краснеет, улыбается.

2 мая.

Старые работницы:

— Ну, бабочки, давайте встряхнемся! (выпьем).

О плане. Писатель пишет жизнью своей.

Разделение литературы — на «колхозную», «индустриальную», «транспортную», «молодежную» и т. п. — тоже неправильно. Человек — основа творчества художника. А при таком делении и выпадает мнение художника...

Эстетический критерий оценки неотривен от художника. Только это может дать ясность...

Ответственный работник, старый рабочий, смотрит свою фотографию детских лет (2—3 года), — оказывается, он в платице. Говорит матери: «Как тебе не стыдно, мама, неужто не могла мне хоть каких штанишек справиться?»

Ялта, возле домика Чехова. Вечер. Две загорелых усталых старухи — одна могучая, толстая, с грубым голосом, другая худощавая, иконописная — гонят стадо коз.

Испания. Начало июля 1937 г.

Второй антифашистский конгресс писателей не похож на обычные съезды этого рода. Он происходит в обстановке ожесточенной гражданской войны. Героический Мадрид под обстрелом. Писатели, книги которых читает весь мир, заседают вместе с бойцами, не успевшими отряхнуть пыль окопов со своих одежд.

Испанские дети и женщины — постоянные участники конгресса. Не успели отгреметь пламенные слова Леона Муссинака, как на трибуне возникают радостные, полные решимости лица испанской молодежи. Конгресс провожает их бурной овацией. На трибуне английский писатель Бейтс. Он сражается в рядах республиканской армии.

Еще гремят аплодисменты, но председатель объявляет, что слово имеет тов. Вишневский, автор «Мы из Кронштадта». Конгресс встает. Долго не смолкают овации в честь Советского Союза. Итальянский писатель Потенца заверяет испанский народ, что фашистская Италия не представляет трудящихся этой страны, стонущей под фашистским сапогом. Народ Италии — вместе с непобедимым испанским народом. Китайский писатель Сяо говорит: борьба за свободную Испанию — это борьба за свободный Китай, хотя эти страны разделены тысячами километров.

Один за другим выступают писатели Южной Америки, для которых испанский язык — родной язык.

От Перу — Сесар Вальехо.

От Чили — Роберто Ромеро. Писатели Мексики, Кубы, Коста-Рики выражают свою солидарность с борющимися испанцами.

Зал стоя аплодирует. Аплодисменты перерастают в овацию, когда на трибуне появляется командир интернациональной бригады немецкий писатель товарищ Ганс. Он зовет делегатов конгресса навестить бойцов на фронте Гвадалахары.

Седьмого июля — весь конгресс на фронтах. Делегаты беседуют с бойцами в окопах Карабанчеля, Гвадалахары, Брюнетты.

...Поэт Болгарии — страны Георгия Димитрова — Крстю Бёлев — он заверяет испанских товарищей, что лучшие писатели мира останутся вместе с Испанией до полной победы.

И в этот момент раздаются звуки гимна республиканской Испании, и в зал входят герои Брюнетты, неся над головами знамена, отнятые у фашистов.

Мартин Андерсен-Нексе, Алексей Толстой, Андре Мальро, Нурдаль Григ окружены со всех сторон мужественными загорелыми лицами рабочих и крестьян-героев.

ческой Испании. Не смолкают возгласы в честь Единого Народного фронта, в честь Советского Союза, в честь мужественного испанского народа, борющегося за счастье человечества. На митинге 71-й бригады выступил с приветственной речью немецкий поэт Эрих Вайнерт и мексиканская писательница.

8 июля.

Получена приветственная телеграмма от Ромена Роллана. Конгресс стоя приветствует.

Барто — не о мертвых детях, за которых фашисты ответят перед всем миром, а о живых испанских детях и о детях всех стран, за счастье которых борется испанский народ.

Бергамин: Выражает чувства писателей всей Испании и латиноамериканских стран.

Говорит о второй книге Андре Жида как о незначительной, но полной значения. «Я прочел эту книгу только что в Мадриде в безмолвии, которое подчеркивалось канонадой. Мы — американцы и испанцы — дали ответ на эту книгу. Отсутствует всякое достоинство и честность мысли. Книга полна мелкой злобы. Противоречия.

Раньше — одиночество. Теперь — солидарность. Особенно с советскими писателями. И вот поэтому мы не можем принять книгу, которая враждебна Советскому Союзу и советским писателям.

К нашему безмолвию присоединяется безмолвие крови убитых. Кровь убитых в Мадриде вопиет к автору книги.

Слушая канонаду фашистов, я видел, какую радость может вызвать эта книга в фашистских траншеях» (Овация).

Конгресс принимает решение — последнее заседание конгресса провести в Париже. Принимается обращение ко всему передовому человечеству.

3 октября.

Саше, или Шуше, или Дюдику девять с половиной месяцев. Он очень большой. Ручки и ножки у него силь-

ные, как у мужичка. Головка крупная и несимметричная, как у человека незаурядного. Глазки — большие, черные. Бровки не по возрасту густые, он их часто хмурит. Носик ширококонький, разрез ротика очень волевой. У Дюдика только что начали прорезаться зубки. Это очень больно. Но он парень не очень капризный, ведет себя как мужчина. Он плачет, если ему не дают есть вовремя или не сменяют пеленку, которую он обмочил.

Дюдик вышел уже из того возраста, когда движения младенца еще напоминают движения морских водорослей или простейших морских животных в воде. Дюдик полон пружинистой энергии. Когда он тянется к предметам, глазки его горят. Выражение глазок особенно осмысленно, когда он смеется. Разыгравшись, он энергично машет ручками. Пружинит всем телом, издает радостные звериные крики, полные необыкновенного жизненного торжества. Ощущение себя существующим в этом возрасте всегда очень сильное и в радости своего проявления иногда доходит почти до иступленности.

Дюдик хватает все предметы, особенно яркие или блестящие, своими цепкими большими руками, но никогда не отдает их. Это не жадность, а просто непонимание назначения вещей и людских взаимоотношений. Как раз там, где у младенца его возраста может быть наибольшее «понимание» этих взаимоотношений, возникает и жадность. Он жаден тогда, когда его кормят. Здесь он лучше всего знает, что это такое и что ему надо делать, бывает страшно недоволен заминками во время еды, знает, что из еды ему нравится, а что нет. Но его можно обманывать. Дюдик не любит смешанную кашку из картофеля и моркови. Но очень любит очищенный виноград. Когда он не в силах преодолеть отвращение к кашке и выплевывает ее, можно чередовать ложечку с кашкой и ложечку с виноградом: на личике у него появляется выражение некоторого недоумения, но он все-таки не плачет и глотает и то и другое.

У него уже есть чувство обиды. Он играл цветным шариком. Я, желая, чтобы он проявил самостоятельность в игре, несколько насильственно вынул у него шарик из ручки и, стоя перед ним вплотную — так, чтобы он мог достать ручкой, положил шарик между отворотами своего пиджака. До него не сразу дошло, что произошло. Инстинктивно он потянулся к шарiku и взял его, но в этот

момент до него дошло то, что над ним совершенно насилие, он сморщился и стал плакать. Я начал «подлизываться» к нему, но вид моего лица только сильнее напомнил ему об обиде, он плакал так, что из глаз у него выкатились слезинки. Я ушел в другую комнату и через несколько секунд снова вышел к нему. При виде меня он снова стал плакать.

Когда Дюдика везут в колясочке по улицам, он следит глазками за бегущими машинами, трамваями, иногда даже пытается приподняться. Но все эти страшные ревущие машины нисколько его не пугают.

Этот период первого проявления сознательности у ребенка один из самых интересных и самых загадочных.

27 октября.

Драма «Маленький человек».

Варианты биографии, взятые из разных биографий, для героя старшего поколения.

1. 1920 г. — в кожанке с бархатным воротником и в кожаной кепке. Под мышкой портфель. Волевой склад губ, очень серьезное лицо.

2. Период армии — в военной гимнастерке и военной фуражке со звездой. Очень юное лицо. Чернявый паренек, с густыми черными бровями. Лицо несколько романтическое, красивое. (Здесь многое можно взять из биографии Куйбышева.)

3. Период 20 годов. В той же кожанке и кепке. Кожанка расстегнута, расстегнут ворот гимнастерки. Лицо худощавое, бледное, усмешка в глазах и губах.

28 октября.

Варианты к «Маленькому человеку»... Но героиня — не старше 27, из работниц.

1. На рыбной ловле.

— А знаешь, Михал Семеныч, мне уже теперь скучно рыбу ловить.

— Это от образования...

2. Она.

— А помнишь, Вася, как ты повел меня в театр, — мы сидели на галерке в самом заднем ряду... И какие же мы были молодые! А бедные, бедные... Ты помнишь?

— Еще бы не помнить! Я был в тебя так влюблен... Нет, безумно, ей-богу...

— Ты казался мне таким образованным, ты все говорил: это же *Григ*, послушай. Это же «Марш горного короля»... И я просто с благоговением — ту-ту-ту, ту-ту-ту... а сердце у меня так билось, я думала, какое счастье! Какой он хороший...

3. Он.

— Ну, что ваши маленькие дела! Побывала бы ты в моей шкуре. Любой вопрос проводить — всех задевает, все надо предусмотреть. Столько противников! Надо маневрировать... (Это говорит Вася, когда он уже начинает подличать.)

4. Она.

— Я надеялась у вас найти правду, а вы... И вы такой самодовольный! Кто бы мог подумать? (Она у «ответственного» работника. Разоблачить этот характер, противопоставив ему моего героя старшего поколения.)

5. Старик.

— У нас голова правильная, а навыку головой работать нету — работаем-то мы, как известно, руками... Мысль наша дает опережение словам, а без слова никуда, — рука, она все не скажет... Понимаешь? Я прихожу к нему жаловаться, а только руками шевелю. А он думает: врет старик, злой, видать, а правды в нем нету...

6. Она.

— Петя? Ну да, Петя? Я даже не думала, что ты вырастешь, и вот...

— А я не думал, что ты состаришься...

— Ой, как обидно, ведь мне только двадцать семь...

— А мне не обидно?

7. В отношении «самодовольного» важно подчеркнуть, что это не дурак и не чужой человек и — большой человек, но облеплен чужими людьми. Навыки работы вроде

и «большевистские» — проверить исполнение, прислушаться к голосу низов, проявить непоколебимую волю в решающий момент, и даже подо всем этим — действительный пафос освобождения миллионов людей, но... слишком уверен в себе, в своем разуме, в своих «большевистских» качествах, поэтому *лесть* падает на благоприятную почву, и — по существу — слишком многое передоверяет «близким», то есть чужим, и все идет на пользу врагу, а он не замечает. Короче: хороший, большой, сильный человек в плену мелкой, но страшной по существу интриги.

8. Последняя, заключительная сцена: Таню выдвигают в Верховный Совет. Это надо оправдать не только *по существу ее жизненного пути*, но надо показать и самый момент выдвижения не трафаретно, а тепло, как это и происходит сейчас.

29 октября.

Еще о герое старшего поколения.

Витебский период, 1917 г. перед Октябрьской революцией, рабочий артиллерийских мастерских. Организатор. Редко выступает. Говорит очень просто...

Секретарь Семипалатинской организации (или Оренбургской?).

Завкадрами в орготделе обкома (или крайкома).

Учился на курсах марксизма и был секретарем парт-организации (там же?).

Делал доклад по теории стоимости Маркса, — все исчерпывает до дна, любой вопрос доводит до конца. Блестящий доклад.

В Казахстане ездил по киплакам, по аулам (или по казачьим поселениям, если — в Оренбургской?).

Сочетание теории и практики. Работает день и ночь. Слово не расходится с делом.

Исключительная выдержка, неторопливость, вдумчивость, все взвесит. Сочетается с лирическим складом характера — музыкальностью, любовью к стихам, эмоциональностью. Любил попеть, поплясать.

Отзывчивый товарищ. Человек потрясающей скромности. Купил толстовку в 26 году, синюю, — ему казалось,

что слишком нарядился. Исключительная простота в домашней обстановке. Всю жизнь прожил на биваке. Получил квартиру. Его застали, как он прибивал гвоздики в ванной комнате для полочки. Он смутился, говорит: «Буржуазная квартира». Не любит заниматься дома в кабинете, а сядет где-нибудь в столовой в уголок и работает.

Прекрасно разбирается в хозяйстве, в технике. Большой практический ум.

7 ноября.

Демонстрация наглядно отражает, что происходит в стране.

Сильно отражена тема конституции, выборов в Верховный Совет.

Тема бдительности.

Интернациональный момент. Испанские события. Портреты Ибаррури, Тельмана, Димитрова.

8 ноября.

Разговор на пляже:

— Знаете, до первого октября здесь была такая комфортабельная публика.

1938 год

11 февраля.

По белому полю в ванне бежал паук. Показали Шупке. Он таращит глазенки от изумления, восторга, страха и — тоненько, тоненько — у-у-у?.. у-у-у?..

Темы рассказов:

1. *Выкуп* (о Пьянкове).

2. *Невысказанные чувства* (приезд Нички; ранение и — брат ночью, после боя; бойцы на носилках несут; любовь в лазарете).

11 апреля.

В драме «Маленький человек» у главной героини подруга комедийная, под Андровскую. Соотношение примерно Катерины и Варвары в «Грозе».

15 апреля.

Вчера — на заседании «Литературного критика». Зря потерянное время. С уходом Юдина вскрылось их убожество. Отсутствие любви к искусству прежде всего. Полная оторванность от живой жизни. Книжные люди, полные цитат и мелочного самолюбия. Русского языка не знают. О литературных вопросах судят по литературной «кухне». Злобные и мелкие буквоеды.

Строят новые дома на улице Горького. Уходящий ввысь ажурный кран. Чудесная машина — работает легко, точно. В небесном пространстве в стеклянной кабине один человек. На кирпичных стенах, ярких от солнца, — строители — бесстрашные, ловкие, веселые люди. Бесшумно и быстро проплывают над ними, пружиня на тросах, железные коробки с кирпичом, кажется, вот-вот придавят: так стремительно спускаются на канатах прямо на людей, но люди доверяют машине и спокойно и весело принимают груз на руки. Замечательно в этой машине сочетание движений: движения всего этого стройного, уходящего ввысь сооружения по рельсам и движения вращательного, дающего благодаря масштабу крана ощущение большого размаха.

Эта техника создает новый городской пейзаж строгих и точных линий, пейзаж большой силы и изящества.

В таком пейзаже есть что-то марспанское, но все очень очеловечено осмысленными простыми русскими лицами строителей, деревенскими платочками женщин, солеными шутками, улыбками.

Нелепое здание библиотеки имени Ленина в Москве. Какое-то неисповедимое сочетание св. Марка в Венеции с автомобильным гаражом, — это со стороны Моховой.

А со стороны переулка (позади) высоченный и скучный прямоугольник.

Двое долго стоят, смотрят на прямоугольник. Потом один говорит:

— Смотри не смотри, запомнить нечего, все одно и то же — раз взглянул и — на всю жизнь.

Англиканскую церковь на Чернышевском переулке переделывают под общежитие рабочих Наркоминдела. Особняк пастора добротной кирпичной кладки. Деревья смотрят в окна. Под церковью остатки старинной кареты с широким сиденьем для кучера и лакея одновременно. Церковь пуста. Снятые витражи с просвечивающими в полумраке святыми прислонены к стенам. Прочные и легкие, хорошего дерева перекрытия под крышей. Пыльный орган. Облупившиеся надписи из Евангелия на английском языке.

22 апреля.

На перилах сосновой скамейки выступила смола. Маленькая девочка потрогала пальцем, сказала: «Тяпучее молоко».

26 апреля.

Рентген прожил 78 лет, напечатал 58 трудов. Его незаконченные работы по завещанию были сожжены: он терпеть не мог так называемых «предварительных сообщений», то есть незаконченных научных работ. «Опыт — высший судья. Только опыт решает судьбу гипотезы, только опыт дает нам возможность узнать, следует ли сохранять гипотезу или нужно ее отвергнуть... И если опыт не подтвердит догадку, значит, она неверна, как бы она ни была заманчива и остроумна».

Он недоверчиво относился ко всяким новым теориям до тех пор, пока они не доказаны экспериментально. Например, он долгое время не признавал существование электрона.

Необыкновенная точность и аккуратность Рентгена. Точность многих его измерений не превзойдена

5 мая.

«Маленький человек».

Одна из картин — комната в квартире рабочего в новом доме. Большое окно раскрыто, видна большая русская река и фабрика на берегу. Мои подруги — текстильщицы. Мать героини — старая ткачиха. Старухи ткачихи сидят, поют: «Ты колечко мое позлащенное»... Потом — «Бабоньки, встряхнемся». Если действие в Москве, тогда за окном только освещенные окна работающей фабрики. Чуть доносится шум.

Возможный вариант: у героини отец уже умер, одна мать, а у ее комедийной подруги умерла мать, один отец, тот самый старик, который говорит: «Мысля дает опережение словам».

Чудесные, умные, смешные отношения отца и дочери. И вдруг поженить старика на старухе, тогда подруги делают как бы сестрами, это их очень смешит, веселит. Усиливается комедийный момент, что очень важно.

17 мая.

«Маленький человек».

Обязательно отметить ряд бытовых трудностей: очереди за галошами, нет масла, ширпотреба. Героиня приходит усталая после стояния в очереди и трамвайной давки.

Секретарь парткома на заводе приделал возле стола штепсель, завел электрический чайничек, чашку, — все время пьет чаек и проходящих угощает. Даже полотенце повесил.

19 мая.

Выступление парторга на райконференции. Говорит о задержке в приеме в партию по вине райкома:

— Эти два человека полгода *пролежали* в райкоме партии... (Речь идет об анкетах.)

Выступающий в прениях назвал завкультпропом — почтенную еврейку — *леопардом*.

20 мая.

«Маленький человек».

Двое поругались из-за кадров. Один: «Низкий уровень, серость и т. п.» Другой: «Да ты знаешь ли, что это за люди?» Высоко подымает рабочие кадры, молодежь. В конце переругались. Второй обзывает первого «сволочью». (Возможно, спорят он и она.)

Ткачиха на двенадцати станках — работник искусства, пианистка. «Ткачихи — кремнистый народ».

Противоречие между ткачихой и подмастером.

Первая — «искусство». Второй — грубая материя (в их ведении — оборудование).

«Спор» между старшим поколением (20—30 лет у станка) с окончившими ФЗУ и техникумы.

«Пойдем, я тебя на карусели проверчу» (ткачиха).

Две героини-подружки в самый тяжелый период гонения садятся вдвоем за стол: «Давай обсудим», — и вышивают.

Или, наоборот, — в счастливый момент дружбы. Очень душевный, интимный, сбивчивый разговор двух подруг.

«Сидим, как в Метрополе».

21 мая.

Конференция учителей с выступлением Кирова. Еще все бедно одеты. Он — в серой, мятой, грубой толстовке (фото).

24 мая.

Замечательные соображения Герцена о будущности Сибири в «Былое и думы» (т. I, стр. 206—207): «Тихий океан — Средиземное море будущего» и пр.

20 июня.

Дорога на Карлштейн. Холмы, хвоя, ароматное сено. Вьется Влтава. Карлштейн — могучий памятник средневековья и Возрождения, последнее — в иконах. Одна из прекраснейших мадонн. Колодец, подобный тому, что в Сен-Мишеле. Семьдесят метров глубины, колесо, которое вращали шагавшие внутри колеса заключенные. При помощи двух маленьких зеркальцев можно нащупать воду в глубине. Непрístupная крепость, которую не могли взять ни Жижка, ни шведы. Изумительный вид с вершины башни — все внизу в зелени, гряды холмов, красные маки цветут на горизонте.

Австрийцы реставрировали все очень аккуратно, очень дешево и очень все испортили. Сейчас чехи реставрируют иконы тоже очень тщательно и отвратительно по краскам.

Вечером на квартире Конта разговор с архитектором Фирлинером об архитектуре. Убежденный и убедительный для собеседника конструктивист.

Прибежал сын Конта (12 лет) с сокольского парада школ. Удивительно возбужденный, развихрившийся, что для чешского ребенка означает все же забвение приличий (у отца — гость! Русский «списователь»!). Несмотря на то, что ребенок поднялся в 5¹/₂ ч. утра и вернулся в 8 ч. вечера, исходив всю Прагу, еще играл в футбол во дворе, пока мы беседовали. Но *очень* «приличные» дети. Пришли прощаться с гостями, идя ко сну, подавали руки. Папа с мамой тоже *очень* «приличные» люди.

22 июня.

Нищие спят в траве, на острове среди «златой» Праги.

Новые улицы в районе Винограды. Продавец ягод развозит их на лотке, кричит. Разговор с хозяином пивной, бывшим легионером. Парикмахер — легионер. Жизнь — сплошная бережливость.

Старик — шофер, белогвардеец.

Нищий гармонист в крахмальном воротничке.

23 июня.

Безработные на паперти старого костела в Старой Праге. Рынок цветов. Старухи с выбивающимися из-под платка седыми волосами. Тут же надгробные венки. Напротив ряд торговки грибами, главным образом лисичками. Овощной рынок. Длинные огурцы, спаржа, сельдерей. Полутемные прохладные пивные в старинных романских подвалах с низкими потолками-сводами. Аппараты для разлива пива, блестящие никелированные двусторонние трубы.

В старой еврейской синагоге. Еврейское кладбище. Камни многих столетий, повитые плющом. Стили эпох — романский, готика, Возрождение — оставили свои следы и на синагоге, и на могильных памятниках еврейства. Сейчас вокруг этой старины еврейская часть города...

3 июля.

Соревнование «Спарты» и «Геновы».

Грубость «Геновы», но очень высокий класс. Прекрасная пасовка. Исключительно хорошо принимают и дают мяч. Напор форвардов и прекрасные комбинации.

Грандиозное зрелище вольных движений. Девушки с красными и белыми мячами.

Вольные движения мужчин (30 000 чел.).

Трудно сказать, что больше впечатляет: самые движения или исключительная организованность, четкость, продуманность предварительного построения и потом — ухода с поля.

Беседа с журналистом:

«Восстановите, — говорит, — «Сокол» у себя» (?!).

Вывод: надо и у нас. поставить массовые. вольные движения — на полсотни тысяч, не меньше.

6 июля.

В ночь с 5 на 6 в деревнях жгут костры в память сожжения Яна Гуса по решению Собора в Констанце.

Во всех окнах — по два огонька. Ночная манифестация крестьян с бумажными фонариками.

Деталь: фонарики раздает общество по украшению местности, — свечи свои. После манифестации фонарики возвращаются...

Костры на горах, темная река, отражающая огни. Взрывы ракет, фонарики, дети, батраки в рваных штанах.

Сокольская манифестация в Праге. Сильное зрелище. Красивые костюмы, особенно национальные и местные костюмы женщин. В качестве «русских соколов» участвовала горстка белогвардейцев с трехцветным знаменем.

Праздничная толпа, много мужчин, женщин в национальных и местных костюмах. Черногорцы с пистолетами. Далматинцы в фесках турецкого типа и в шальварах ярких красных цветов. Голубая расшивка у словацких женщин. Исключительно цветастый костюм женщин из Моравии, на головах сложный убор из искусственных цветов в форме, подобной кокошнику, вздутые рукава, широкие короткие юбки, много золотой вышивки. У мужчин — темные шляпы с белыми перьями.

28 ноября.

К сценарию о Фрунзе:

Из анкеты: «Какие знает специальности?» — «Столярное дело и военное».

К сценарию о Фрунзе.

Лева дал чудесный сюжет.

1) Кто он? Как найти в 1920 году очень простого крестьянина или рабочего парня с гамсуновским интеллектом?

2) Как сделать кинематографически, что без нее нет у него судьбы, то есть чтобы зритель понимал и чувствовал, что от нее — от ее поведения — зависит их судьба?

3) То есть линия, не разработанная Левой, — линия ее судьбы. Эту линию Лева не понимает. В чем она? Кто она? Если она только для сюжета, то картины не будет.

4) Она — в трагичности *непреодолимой*, трагичности ее судьбы. *Непреодолимость* надо сделать так, чтобы зритель плакал, вопил, возмущался и страдал.

5) И — тогда их соединить. Или нет?

1939 год

21 января.

К сценарию о Фрунзе.

«У нас, товарищи, один только путь — путь борьбы, а не примирения».

«По всей необъятной России рабочий распрямляет согнутую спину и громко говорит: «Я тоже человек. И я требую всего того, что нужно человеку. Не дадите? Тогда мы возьмем это силой».

«И надо кликнуть клич по всей Руси великой...»

«Пусть нас бьют, пусть нас пытаются огнем, а мы будем делать свое дело...»

Не забыть о шахматах. Может, с Ворошиловым?

«Скучное занятие, товарищ пачштаба. Сидим, рядим, войско разводим. Казаки в тылу у нас, мы в тылу у них. Шляемся по степям без толку, без плапа, пропал полк, где он — не знаем».

«Конница? Так ребята гоняют коней в почное».

«Грязно у вас здесь, товарищ Сидоркин».

— Нас пащупали, товарищ командующий. Здесь уже небезопасно.

— А где в бою безопасно?

— Каково все-таки положение на фронте, товарищ Фрунзе?

— Вы читаете газеты? Читаете. В них все сказано. Я ничего прибавить не могу.

Подписывая бумаги:

— Откуда вы их берете, эти бумаги? Много еще?

— Э-эх, командующий, лезешь не в свое дело... (ординарец).

Врангель: «Слушайте, русские люди, за что мы боремся. За поруганную церковь и веру. За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников, разоривших святую Русь. Помогите мне, русские люди, спасти родину».

Каховка.

Надо *показать*, что Ястребов сознательно пропустил белых, опоздал.

— Вы меня простите, товарищ командующий!

— За что?

— А я вас тогда обругал маленечко.

24 мая.

Василий Иванович Матюшкин, председатель Ново-Егорлыкского сельсовета, каждое утро совершает объезд колхозных полей на мотоцикле. Колхозники называют мотоцикл своего председателя «будильником».

11 сентября.

Из трубы паровоза шел палевый дым.

8 ноября.

Из армянских впечатлений:

Озеро Севан, очель синее и очень прозрачное. Скупые, каменистые, выжженные берега. Скалистый остров, монастырь IX века. И над монастырем—белые, белые, очень завитые и мощные облака.

Поездка в колхоз Арташат. Пыль, пыль... Глиняные

домики. Виноградники, хлопковые поля. Развалины древнего города Двина. Турецкая граница, Арарат — большая и малая вершины в снегу.

Виноградные лозы с ягодами величиной в сливу. Огромные яблоки, помидоры. Ослики, узенькие мутноватые днем и прозрачные утром арычки. Колхозы — богачи, миллионеры. Старинные ворота и прохладные дворы больших общественных построек. Чудное арташатское вино.

1940 год

14 января.

Британская драматургическая лига реорганизовала журнал «Драма» в журнал «Драма военного времени». «Министерство информации высказало желание, чтобы Британская драматическая лига продолжала свою деятельность не только в интересах своих членов, но — что с точки зрения министерства еще важнее — и с точки зрения *потенциального благотворного влияния на всю страну в целом*» (?)

Короче, «братья писатели» — на службу «своему» империализму!

3 мая.

В работе с молодыми писателями — и в смысле конкретных примеров, и в отношении обобщения писательского опыта — можно бесконечно много почерпнуть из 35—36 тома «Литературного наследства».

О характере *влияний* на раннего молодого Толстого см., в частности, статью П. Попова.

Пожалуй, я сделал ошибку в беседе с начинающими [в] 32 году («Литература и жизнь» — последняя статья сборника), что не показал *на примерах*, в чем состояло влияние, и вовсе не упомянул Стерна.

Сила мечтаний и надежд детства, отрочества и юности как укор и как идеал чистоты в момент потрясения при совершении дурного поступка или в ужасных обстоятельствах жизни.

30 мая.

Из осетинских легенд и сказаний: на том свете на зеленом бугорке стоит вол и жует бороду своего хозяина за то, что тот при жизни не кормил его досыта (см. сборник о Коста Хетагурове).

Аул Нар. Высоко-высоко в горах альпийские луга, снежные вершины, сбегаящая к горной речушке сосновая роща.

2 июня.

Слабый отсвет далекого-далекого вечернего зарева на туче (Переделкино).

11 июня.

Красавец Ленинград. Красноармеец в пилотке, в огромных сапогах, со смуглым впалым мужественным лицом, стремительно шел по бульвару Профсоюзов со свертком под мышкой — в баню. Краны Балтийского завода стоят вдали, как в марсианском пейзаже. Тучи, полные дождя, волочатся, раздирая брюхо о краны. Набережная реки Пряжки. Великий рабочий класс города Ленина. Улица Декабристов. Улица Писарева. Обнаженные зады гигантов-домов, без окон, ржавые и облупленные от времени. Вздущаяся черная Нева. Свинцового цвета башни линкоров вдали, в порту. Неистребимая яркая зелень раннего ленинградского июня. Девушки и матросы с развевающимися лентами бескозырок. Бедные дети с черными цынками на ножках. Девушки рабочего класса стали грамотны и одеваются, как барышни. Мальчик с суровым выражением лица плыл в зеленой лодке вверх по реке Пряжке.

10 июля.

Захватила гроза в поле. Спрятался в кусте молодого дубка, смотрел на мокрую балку, кусок поля, на блещущие молнии и как разбиваются о листья грозовые капли, и думал что-то самое веселое о себе и о людях.

22 июля.

«Я уже знаю твой вкус — ты любишь образованных брюнетов» (к любимой девушке).

31 июля.

— Эх ты себе бритвой морду раскромсал!

— Аристократическая кожа! Не выносит советской бритвы...

— Не знал, что ты из аристократов!

— Как же, поколений двадцать тверских мужиков за моими плечами...

— Рюрикович, значит?

— Рюрикович.

1 августа.

Обозначился перелом на осень. Травы скошены. Копны. Вozy с сеном. Начали озимую рожь. Неяркое солнце. Вода холодная.

12 августа.

«Толстею, знаете ли, и ничего не могу поделать со своим аппетитом. Всякая пища кажется мне безумно вкусной, и, всякий раз глядя в тарелку, я чувствую, точно ем это вкусное блюдо в последний раз».

23 августа.

На горе, на ветру, на фоне неба жепщица с ведрами на коромысле — как стремительная, летящая птица.

3 сентября.

Калмыцкий рогатый скот — голова без надлобных костей, так что комолую корову хоть за хвост привяжи. Рога растут прямо кверху и часто сходятся остриями. У маленьких телят головки круглые, «чудак теленок» (слова художника Фаворского).

А. С. Яковлев говорит: «смотри, чернозем какой, на нем грача не видно» (это, когда проезжали Тамбовскую губернию).

Из-под холодных осенних туч чуть выглянуло солнце перед тем, как закатиться. Среди осин и ольх с блекнувшей листвой вишневые ели.

5 сентября. По Калмыкии.

Необыкновенная просторность неба в степи ночью. Только в степи, где нет гор, лесов, зданий, можно видеть все пространство неба, темно-синий правильный купол его и обилие звезд: все небо в звездах и звездной пыли, сверкающей.

Нигде — ни в лесу, ни в горах, ни на море — как в степи, — ощущение древности человечества, его истории. Курганы. Орлы, не боящиеся человека. Всадник-калмык, мигающий в степи, как свеча. Верблюды, медленные, величественные, с благородным изгибом шеи и горбами, поросшими шерстью. Суслики. Солончаки. Сайгаки (антилопы). Стада мериносовых овец. Конские табуны.

Степь и Каспий. Камыши с кабанами и соболями.

По преданию, царь Михаил Федорович спросил у калмыков: «Просите, чего хотите». Князь, возглавлявший делегацию, попросил колесницу золоченую, в то время как калмык-пастух делал ему такой знак: он проводил указательным и средним пальцами от глаз по обеим сторонам поса книзу. Когда они вышли, выяснилось, что калмык подсказывал просить все пространство между Доном и Волгой (между двумя потоками слез).

Калмыцкая лошадка: вислозадая, копыта ставит врозь, не сильная, но бесконечно выносливая и требующая мало ухода. Родственна той ветви монгольских лошадок, которые не помешались с лошадкой Пржевальского (мохнатым пони).

Верблюды пьют очень много и долго, маленькими глотками, важно оглядываясь по сторонам. По преданию, он

боится, чтобы в поздри ему не влезла мышь, с которой он в вековой вражде.

Степные барсуки убивают верблюдов. Зная любопытство верблюда, барсук подкрадывается и лежит недвижимым комочком. Верблюд подойдет, понюхает, а барсук по голове и шее вскочит между горбов и начинает кусать горбы и загоняет верблюда до смерти.

Овец пасут всегда задом к солнцу, так что за день они совершают путь по кругу (солнце, бьющее в глаза, лишает овцу аппетита).

А зимой пасут против ветра, чтобы разгребаемый мордой снег не попадал в глаза.

Охота на орлов воспрещена: они истребляют грызунов.

Кумысная лечебница в степи — «Лола». Так названа прежним владельцем поместья дворянином-калмыком в честь красавицы дочери. Калмык после революции эмигрировал в Болгарию и там умер.

Парк с тополями — пирамидальными и раскидистыми. Черный виноград — длинной беседкой. Яблочный и грушевый сад.

7 сентября.

Мальчик-калмык с лицом ученого читает книгу в саду, лежа в тени на животе, уткнув подбородок в кулак.

Две подружки лет восьми — беленькая русская и черпенькая калмычка — идут, щебеча, по улице.

Верблюжья телега: высокие колеса, между передними и задними длинные две перекладины, на которых широкая,

выступающая шире колес дощатая квадратная поперечина — для кладки.

Верблюда погоняют: готь! готь!..

1941 год

29 марта.

Мысли Петра о Лепе: «Не может она не понять, если я ее так люблю... Не может быть, чтобы у меня не было силы на все, чтобы она не стала такой, какой бы я хотел знать, видеть, любить ее...»

30 марта.

Натоплена одна комната. Пахнет печами. Шумят сосны за окном. Джек Лондон — друг юности.

«Но мои подвиги должны быть непременно материального, даже физического свойства. Для меня гораздо интереснее побить рекорд в плавании или удержаться в седле, когда лошадь хочет меня сбросить, чем написать прекрасную повесть... Впрочем, я должен сознаться, что небольшую аудиторию я все-таки люблю. Только она должна быть совсем-совсем небольшая и состоять из людей, которые любят меня и которых я тоже люблю. Если мне удастся совершить перед ними что-нибудь выдающееся, я чувствую, что оправдываю этим их любовь ко мне. Но это все-таки нечто совсем другое, чем удовольствие от самого свершения» (Дж. Лондон).

В юности я совпадал с автором этих строк по обоим липиям. Теперь я все больше и больше утрачиваю первое из этих свойств. Не есть ли это признак лет?

2 апреля.

Так хорошо свистеть мог только мальчишка.

Поезд «Гомель — Москва». Как чудесно, что есть такой поезд на свете.

Мартовские сумерки. Я стою на склоне горы, на заснеженной опушке елового леса. Внизу, в черных прутьях ольховника, журчит речушка подо льдом, за ней на горе — деревня в огоньках, женщина, гремя ведрами и поскрипывая валенками, спускается за водой. Далеко кричит паровоз.

Человек может исправиться. Ничто так не сбрасывает его обратно, в яму, как недоверие. Недоверие унижает человека.

Свеженькие, зелененькие кончики вербы вдоль по ключу.

26 августа.

Организованный выход из окружения. Недостача хлеба и соли. Во избежание цинги — сбор ягод и распределение среди слабейших.

Политика в отношении населения со стороны немцев.

Первая неделя — задабривание: конфеты. Снять тапчующую молодежь. Обещание впоследствии ликвидировать колхоз. «Но пока, мол, сохраняйте» (им это выгоднее для реквизиций).

Через неделю — истинное лицо.

Слова колхозника: «Били мотоциклистов, как куропаток».

Сначала немцы были беспечны в занятом ими тылу. Потом в итоге партизанской борьбы сильно подтянулись. История о том, как красноармеец заколол трех офицеров во время их завтрака в нижних рубашках.

Наше превосходство в воздухе. Слова красноармейцев: «Когда есть наш «миг», можно жить спокойно».

В 107-й танковой дивизии 30-й армии следует побывать.

Немцы открывают в селах церкви.

Питание частей в бою. Утром и вечером. Основано на том, что ночами операции значительно затихают. Выдается завтрак натуральный — мяса кусок и хлеба. Питаем хорошо,

---

Немецкий солдат восемь дней не вылезал из окопов из-за сильного огня нашей артиллерии. Все лицо у него в земле. Одни глаза и зубы. Попал в плен.

Картины войны.

Маленькая деревенская девочка нянчит грудного. Вечер. Сумерки. Деревня полна красноармейцев. Летают самолеты.

Старуха с материнским выражением в глазах стоит одна в сумерках, худая, смотрит на проезжающих в грузовиках красноармейцев.

Осеннее небо, закат, громоздятся облака на горизонте, как невиданные города.

Конь, подвязанный уздой за стреху деревенской избы.

Деревенские мальчишки, дружащие с красноармейцами и «стреляющие» у них махорку и папиросы.

Женщины, трудолюбиво убирающие хлеб с полей.

Мальчик, посланный немцами из занятого ими русского района в качестве разведчика, под угрозой, что будут расстреляны дед и бабка — единственная оставшаяся родня.

Штаб армии в густейшей лиственной роще, как в джунглях. Глубокие землянки. Ходы в кустах. Проволока, натянутая по кустам, держась за которую можно ориентироваться в лагере ночью.

Тропинки, усыпанные гнилушками, чтобы светились ночью. Замаскированные ветвями машины в кустах.

Огромное мощное шоссе. Войска, зарывшиеся в землю.

27 августа.

Санинструктор Ломаченко Петр Борисович, комсомолец, во время контратаки противника и просочения группы автоматчиков во фланг, видя замешательство части бойцов, взял оставленный пулеметчиком станковый пулемет и слозунгом «За Родину!..» бросился на уничтожение немецких автоматчиков. Увлеч за собой остальных бойцов и уничтожил автоматчиков, сам был убит.

Чуйкин во время контратаки противника допустил на пять метров вражеский танк и броском бутылки «КС» зажег танк. Броском гранаты уничтожил выскочивший экипаж танка.

Увидев, что приближается следующий танк, замаскировался в кювете и снова с успехом повторил первый и второй маневр.

Взвод младшего лейтенанта Штукаря несколько раз ходил в атаку и сближался с противником на штыки. Противник бежал. Атаковали блиндаж, в котором закололи четырех.

Комсомолец пулеметчик Байдых пять раз ходил в атаку. Будучи ранен, сам перевязал себе рану и продолжал бой. Был ранен вторично и снова продолжал бой. Когда ему приказали уйти на медпункт, с большой горечью заявил политруку: «Товарищ политрук, хотя мне тяжело, но я хочу драться до последней капли крови, чтобы быстрее уничтожить этих людоедов».

Комсомолец красноармеец Юденичев несколько раз ходил в атаку, проявляя необыкновенную отвагу. В разгар боя был ранен, никому не сказав, продолжал идти вперед, был ранен вторично, присел за куст, перевязал обе раны и продолжал идти в атаку. Когда командир роты приказал идти на медпункт, отказывался, потом сказал, что «вернется через десять минут». Действительно, через десять минут снова появился среди бойцов и воодушевлял их.

Тов. Токмашев, политбоец, великолепно ведет политработу. В бою показывает решительность и отвагу. С группой бойцов первым ринулся в атаку, первым вскочил в землянку, где находились фашисты, и захватил ротную канцелярию.

Начальник инженерной службы младший лейтенант Парфенов делал переправу через реку для прохода танков, пехоты и кавалерии. Дважды переправа была взорвана артогнем. Но саперы по пояс в воде, не страшась снарядов и мин, задачу выполнили с честью.

Копыровщина.

«Живой человек обживется». (Слова колхозницы из разбитого немцами, разбитого и сожженного дотла селения Копыровщины.)

28 августа

Селение, недавно отбитое у немцев. Полуразрушено. Фронт не более чем в пяти километрах, население возвращается. Очень старый, в рваных ветошках, много перестрадавший мужик стоит при дороге и с вопросительным выражением смотрит на мчащихся на грузовиках, в пыли красноармейцев.

Женщина на вопрос: «Как же вы не боитесь? Фронт рядом».

— Рожь убирать надо.

Страшные развалины Копыровщины. Руины церквей. Природа неистребима: тучные огороды, великолепная, в рост человека рожь, буйные лопухи у полусожженных изб.

Вздымая веера пыли, бесконечно машины, машины.

Прорубленные (на шалаши, на маскировку танков и машин) чащобы лесов. То мелькнет штык, то шлем, то туловище танка из-под зелени, то дула орудий.

Военные леса — в землянках, шалашах, палатках. День и ночь бьют орудия.

Никогда не было столько женщин в войне. В политотделах, связистки, в военных столовых, сестры, врачи, газетчицы. Женщины Отечественной войны. В пилотках, шинелях, сапогах, но очень складно, чисто одетые — все пригнуто.

Наблюдательный пункт Борейко на высоком холме в землянке под спелой рожью.

Мощные ноги, сиплый голос, усталые глаза, умен, храбр.

Посещение англичанином-корреспондентом. Англичанин вышел на первую линию. Потом в землянке ели курицу и пили коньяк.

Шалаш редакции армейской газеты. Шум двигателя (называют «движок»).

Бусыгин в каске. Встреча на холме во ржи, под обстрелом минометов. Очень волнующая встреча — и где!

...Комсомолка, заведующая столовой командующего. «Скушайте еще». — «Выпейте еще». — «Разве на войне замуж выходят?»

Начальник танковых войск армии — Сирота. Очень худой, донкихотского склада полковник в длинной шипели с бесцветными глазами. Огромная любовь к танкистам. Любовь к машине, как к человеку.

1942 год

13 мая. Ленинград.

В полку, состоящем в значительной части из бывших ополченцев, четыре человека из пяти в партбюро — кировцы.

Завод проводит мобилизацию ресурсов для переднего края...

Снаряд вчера убил группу электросварщиков в шесть человек.

Румянцева, девушка, бригадир формовки. «Вы только скорей гоните немца, а за нами дело не станет...»

Мужейник с 1914 года работал в турбинном цехе, потом — по производству моторов: «Будем эвакуировать еще детей, женщин, стариков; придет время — вернутся».

Исключительная привязанность к заводу. Страстная жажда у всех людей пустить завод снова.

Женщины работают, как подвижницы.

Записал эту песенку на слова Рождественского на квартире у Николая Тихонова в дни блокады.

Пели мы ее почти ежедневно. Оля, племянница Марии Константиновны, аккомпанировала. Пели — она, Мария Константиновна, ее сестра, Коля Тихонов и я.

Необыкновенно хорошо было.

Ничего не люблю, только ветер один
Да ночлег под телегою в поле,
Только ветер один с черноморских равнин
Да широкую вольную волю.

Да в далекой степи одинокий костер,
Да высокие звездные очи,
Да на шали твоей молдаванский узор,
Да любовь летней ночи короче.

Комсомольский простреленный билет.

Никогда не забыть мне этого леса.

21 мая.

Распустились тополя.

В самые трудные времена ухаживать за сквериками
и садами — это ленинградцы.

Девчонки после «Сильвы» дожидаются у Александрин-
ки своих любимцев. (В Александринке — музкомедия.)

27 мая.

Ленинградец — самый экономный хозяин.

В военных госпиталях предоставили 17 000 мест граж-
данским. Значит, больных и раненых среди военных не-
много!

6 июня.

Раннее пасмурное утро, сосны, щебет птиц. Кричит
кукушка, и бахают пушки.

7 июля.

На тротуаре сидит девочка, сложив тонкие ножки на
мостовую, склонив головку, как раненая голубка. Она
ослабела от голода. Подружки молча стоят вокруг. Это
было еще в мае.

...Кроник. Уроженец Виленской губернии. Черная голова редькой. Длинный нос, черные усики. Волосы на затылке торчат. Брови срослись. Живые черные глазки. Свое дело знает. Очень умело, спокойно все разъясняет командирам, все проверяет. Трудолюбив, как пчела. Во время операции орет до хрипоты и грозит, на чем свет стоит.

Белов. Воронежский. Русский, скуластый. Хохотун. Веселые сплюсненные глазки. Приземистый, крепкий.

Плешивцев. Командир гражданской авиации, полковник, два ордена Красного Знамени, орден Ленина. С 29-го года в авиации. Был инструктором. Участник испанской и финской войн. Добродушный. Широкая улыбка. Редкие рыжеватые волосы. Высокий лоб (от залысин). Немного лысеет с затылка. Не любит выпить...

Засовский. Худой, высокий, чернявый, медлительный. Любит длинно рассказывать. Прекрасный артиллерист.

Командиры полков.

Корниенко. Нет знаков различия. Свитер вылезает из-под ворота. В ватных штанах. Молодой. Окончил нормальную военную школу. Говорит тихо. Скромный. Безумной отваги. Очень спокойный.

Курташов. Толстый. Решительный хриплый голос. О всех своих делах этим решительным хриплым голосом может убедительно наврать. Старый солдат, 1897 года рождения. Малокультурный. Окончил школу «Выстрел». Во время операций провалился, был переведен на батальон. И с батальоном тоже плохо справился.

Хейфиц. Рыжий, в крупных веснушках еврей. Был начальником связи полка. Командовал батальоном. Потом полком. В нем есть что-то штатское. В операции провалился и был переведен на батальон...

13 декабря.

...Командир артиллерийского полка Удалов. Тихим волнующимся голосом с теноровыми интонациями просил подкинуть артиллерии человек сорок — пятьдесят, чтобы ворваться в город.

Около 16 часов пехота 1190-го полка с приданной пехотой ворвалась на западную окраину города. Соседи — дивизия Дьяконова — слева тоже. К ночи вышли к мосту через Ловать. Ночью расширялись по всей западной части. Другие полки тоже. Остались отдельные кварталы и дома в руках немцев.

14 декабря.

...Город Великие Луки с высоты бывшего КП дивизии. Пасмурно. Сыро. Грязь. Город виден. Дымы пожаров. Работа тяжелой артиллерии. Работа РС — Катюш и Марьи Ивановны (она же «Иван Долбай»). Днем налет «илов». Красные шарики зенитных снарядов. Взрывы бомб и РС с самолетов. Исключительное зрелище.

В течение дня осваивали западную часть. Немцы еще сидят в подвалах, дзотах и на некоторых высотках по окраинам. Из-за сильного огня не могли продвинуться на восточную часть Ловати. Потеряли за все время операции немало людей. Жители плакали, обнимали колени наших бойцов.

Разговор с завхозом школы. Тощий от страха и голода, рыжий старик, подхалим. Пошел работать из-за жратвы, подхалимничает перед нами, как подхалимничал перед немцами. И молодой паренек. Работает в частной сапожной мастерской.

Ночь с 14-го на 15-е. В блиндаже комдива, 1½ километра от города.

Все время стоит пасмурная теплая погода. Снег почти растаял. Грязь. Дождь чередуется со снегом. Блиндаж набит спящими и работающими и приходящими людьми. Кроник не спит, все время висит на телефонах. Васильев, начальник оперативного отдела, тоже.

К утру — еще темно — вызвали командиров полков. День и ночь оценены как неудача. Поставлены новые

задачи. Новые командиры полков Осадчий и Любавин, капитаны. Корниенко по-прежнему на высоте. Устал, почти спит стоя, пока комдив занимается с другими.

Командир учебного батальона. Был контужен на самом подходе к городу. Абсолютно оглох. Двое суток воевал, отказываясь уйти, скрывая глухоту от начальства. Наконец узнали — был насильно выведен из боя и отправлен в госпиталь. Сидит у комдива худой, землистый, мутные глаза. Комдив разговаривает с ним карандашом по бумаге. Беложиллов все понимает, отвечает толково.

Эстонцы некоторыми подразделениями ночью форсировали Ловать, заняли ближние два квартала восточной части города, но не закрепились и были вышиблены. Всю ночь идет собирание и организация частей, разбредшихся по западной части города по условиям ночного боя и просто прикорнувших по домам от усталости. Двенадцать очагов пожаров в городе.

— Занимайте помещение и выбрасывайте красный флаг. Только немного погодите, пока весь город займем, а не то весь огонь немцев будет направлен на вас, — шутит полковник Кроник.

Уполномоченный советской власти тов. Сметанников.

Блиндаж набит людьми. Направляется первый советский комендант в западную часть Великих Лук — капитан Прилюстенко и первые уполномоченные советской власти — военные политработники. Их резиденция КП 1188-го полка — Садовая, 29.

15 декабря.

В 9.30 слова артподготовка и в 12 — атака. Противник сильно бьет из пулеметов и минометов. Кроник на танке подъехал к 1188. Танк подвергся сильному лобовому и фланкирующему огню. Танкист, нервничая, что везет командира, потерял управление, танк застопорил.

— Не волнуйся, ничего, ничего...

Так Кроник успокаивал его минут пять, танк пошел.

«Председатель горсовета» Сметанинков звонит из Великих Лук, что он голоден. Несмотря на все трудности, в блиндаже гомерический хохот.

Артиллерист жалуется, что трофейные лошади не понимают по-русски: «Ни тпру, ни но».

По телефону: «Мама»... «Мама»... Дай «Персик»...

16 декабря.

За ночь погода разъяснилась, ударил мороз. Каша из снега и глины смерзла и застыла. С утра ослепительный солнечный день. Бесперывные бои в воздухе между «мессерами» и нашими «лагами» и «яками». Ослепительные дымки в воздухе. «Юнкерсы» бомбят наши передки в западной части города. «Илы» бомбят восточную. Подсчитать и те и другие невозможно. Они уже сбили три наших самолета, мы у них — ни одного...

Немцы на парашютах сбрасывают в восточную часть города грузы с боеприпасами и продовольствием.

17 декабря.

Опять туман. Привели редактора газеты «Великолукские известия».... Иуда. Дочку, восемнадцати лет, послал работать в штаб немецкого полка. Рысьи глаза, острые уши, седоватая щетина, спокоен. 53 года.

20 декабря.

Раненый танкист подобрал в Великих Луках завернутую в тряпье девочку. В тряпье записка «Галя» и больше ничего. Девочку усыновил корреспондент Информбюро Евнович.

23 декабря.

Заметки о бойце и младшем командире.

Приобретение опыта. Поведение раненых. Стойкость и воспитание ее. Опыт и мастерство. Превращение бойца в командира. Отвага. Неопытный боец совершенно не пользуется трехлинейной винтовкой. Боец, владеющий автоматическим оружием. Боец, владеющий самыми различными видами оружия. Любовь к оружию.

24 декабря.

Оля Басова. В прошлом беспризорница. Училась в средней школе до 10 класса. Мечтала поступить в геологический институт. Была медсестрой, когда мобилизовали в армию. Два раза ранена, один раз контужена. Все время работает медсестрой, потом военфельдшером в БПМ (батальонный пункт медицинской помощи).

Тридцать шесть дней была с полком в окружении. Рассказывает, что в госпитале в Торопце в коридоре под охраной лежат раненый немец и русский полицейский — их охраняют, чтобы раненые их не растерзали. Она — крепкая русская девушка, двадцати лет, с высокой грудью, стройная, со стриженными светло-русыми прямыми волосами, лицом похожа на Лялю Осипову. Не хочет идти в медсанбат, в батальон ее не пускают, хочет попасть в полк (ППМ).

Бойцы.

Украинец Кузьменко Роман Мартынович, автоматчик, сорок два года, бывший председатель колхоза. Уничтожил в бою западнее Ржева тринадцать немцев из автомата. Кончились патроны. Из немецкой винтовки — двоих. Шла драка. Прикладом уничтожил еще одного.

Узбек Юлдаш Музахмедов. В первом своем бою подкрался с тыла к дзоту, фланкирующему нас огнем. Открыл огонь из автомата и бросил гранату. Убил семерых, взял трех в плен.

Казах Бабаев. В расчете ПТР. Двоих из расчета убило. Он сидел в щели. Дважды стрелял в танк и не пробил. Когда танк прошел рядом, он выстрелил в бок. Танк загорелся. Он стал бить из автомата по пехоте и уничтожил восемнадцать.

Опария Серафим Григорьевич, коми. Снайпер. Убил 432 немца. Четыре раза ранен.

28 декабря.

Великие Луки. Северная часть города...

Старший сержант Винатовский Генрих Александрович.

Первый ворвался в оборону 13/XII. На дзоте водрузил знамя — разорванный кисет. Улица навсегда останется Советской...

Красноармеец Осипов Иван Григорьевич командовал взводом (был судим раньше — политрук — за сдачу населенного пункта). С взводом отнял пушку у немцев ночью. Артиллерист повернул ее прямой наводкой против немцев. Около был блиндаж, Осипов ворвался в блиндаж, уничтожил немцев.

Губерник, красноармеец, связист. Тянул линию, не хватило кабеля. Проходил наш танк, он вскочил и поехал как десантник: «Терять время некогда». Танк прорвал проволочное заграждение, подошел к дзоту. Губерник сбоку вытащил пулемет за ствол к себе. Из Западной Украины. Был контужен, пробыл два дня на ППМ и вернулся. Молодой, здоровый парень, вторично ранен.

Старший лейтенант батальона Смирнов Иван Васильевич. В процессе боя принял командование батальоном (командир 13-го был отстранен, как несправившийся). Отлично руководил. Его рота первая (штурмовая) ворвалась в город... Гражданская специальность — прокурор, прибыл из запаса. Ранен.

Старший лейтенант Гребнев Александр Алексеевич. Командовал ротой противотанковых ружей. До штурма назначен замкомандира второго батальона. Вел 5-ю штурмовую роту на штурм Великих Лук. При взятии жилых зданий был контужен, потерял речь и язык. Не пошел в

ППМ, мог разговаривать только записками. Не мог двое суток разговаривать. Потом заговорил, стал всех обнимать и целовать. Теперь тяжело ранен. Пуля в правый бок. Вчера пошел в бой со штурмовой ротой и ночью был ранен. Лет двадцать семь. Средний рост, очень упорный, разговорчивый.

Бой за Рыкалово и военный городок. Разбили дзоты, здания. Вечером в 5 часов немцы пошли в контратаку. Стала бить шрапнель, а не картечь.

Командир взвода младший лейтенант Давыдов. Командир орудия сержант Масковкин. Весь расчет выбыл, остался один Давыдов, продолжал бой. Замкомандира дивизиона Новоселов подоспел к нему, вели огонь вдвоем. Выпустили 50 снарядов, человек 40—50 побили, остальные отступили. Новоселов собрал растерявшуюся ранее пехоту и организовал оборону.

Полина Яцуценко, сапинструктор, украинка. Родители на оккупированной территории. Бесстрашная в боях. Во весь рост в сражениях, была ранена. Работает и сейчас.

12-го утром зачитан приказ Дьяконова. Превратилось в патриотический митинг.

29 декабря.

Исключительно ясный солнечный день. Небывалые по масштабу действия авиации над Великими Луками. Воздух дрожит от бомбежек.

Коротков Платон Иванович: «Помните, был такой греческий философ? Так вот, я тоже Платон, хотя к философии не имею никакого отношения».

Из беспризорников, воспитывался в детдоме. Был в колонии малолетних преступников (в драке порезал мальчишку).

Народ о прямой наводке:

«Немец пробовал. Да для него неученье — тьма, а ученье — могила».

Чесноков Василий Константинович. Похож на Петра Суркова внешностью. Уроженец Балашова, окончил военную школу в Тбилиси. Очень русский человек.

Павел Степанович Ничков — стройный, среднего роста, немного даже девичьего сложения, спокойный милый командир с трубочкой.

Врач медсанбата Окулов Александр Алексеевич. Около пятидесяти. Врач заводской и районный, был врачом в финскую. Сейчас один сын летчик, другой ранен и тоже на войне. Свыше трех тысяч раненых прошло с 13 декабря.

30 декабря.

...Штурмовали школу. Школа с замурованными окнами. Подбежали, с верхних этажей стали сбрасывать гранаты и мины. Один боец гранатой пробил окно и сам погиб. Автоматный огонь не давал ворваться в окно. Потом пять человек ворвались и стали расчищать, за ними другие. Всадили три ящика гранат по окнам, по амбразурам.

Типичный русский мастеровой из маленьких, нездорового цвета лица. Темные лохматые волосы, утиный нос, большие карие глаза, стрелки ресниц сильно загнуты, широкие темные брови удивленно приподняты, утиный нос с несколькими рябинами. Лицо отважное, детское, смелое, умное. Короткие ноги, очень ловкие (он ранен в ступню), большие руки мастерового.

1943 год

14 января.

Над фронтовыми дорогами шефствуют колхозы. Каждый колхоз имеет свой участок, который чистит и поправляет.

Девушки, закончив работу, учат друг друга танцевать падеcнань прямо на фронтовой дороге, в валенках.

3 февраля, Ленинградский фронт.

...Залегли. Осталось человек двадцать. Пошли вперед. На опушке леса немецкая группа. Залегли, разбили группу, оторвались от своего батальона, соединились еще с какой-то своей группой, с капитаном чужого полка. Подошел штаб своего батальона. Разведка. Батарея. Автомашины, землянки врага. Атаковать мало силы. Но атаковали. Особенно тяжело со второй пушкой. Взяли с помощью танков. На торфяном поле. Поймали пленного, выбили ему очки. Колонна немцев.

«Тут я уложил человек тридцать пять».

Встреча с волховчанами. Друг друга качали. Пили водку.

17 февраля.

Бои за Никольское. В батальоне Васильева. Гвардии капитан, совсем молоденький паренек. В пулеметной роте. Орденоносцы Данилов и Сорокин. Татарин, сорок восемь лет, участник империалистической, гражданской, финской и Отечественной войн. Поговорки бойцов. Пишут письма домой: «Жду ответа, как соловей лета», «Родила мама, не взяла сырая яма».

Исключительной силы огонь артиллерии противника. Живем в мрачайшем подвале. Топить нельзя, капает. Погода февральская изменчивая, то метель, то ростепель. Луна плывет в туманном небе. Условия местности, тягчайшие для боев. Болото, то морозно, то слякотно, пропизывает до костей. Некоторые вещи может вынести только русский человек, привыкший ко всяческим невзгодам.

18 февраля.

За два дня боев почти не продвинулись к Никольскому, не заняли даже Мишкино и Поркури. Причина: немцы подтянули 24 стрелковых дивизии (показал пленный). Сегодня метель и пронизывающий ветер. По-прежнему исключительной силы артиллерийский и минометный огонь противника, а также ружейный и пулеметный.

16 мая.

Никто не умеет так просто, на том же уровне детского понимания, разговаривать с детьми, как бабушки.

— Скоро предстоят решающие сражения. Ты уже приготовился? — серьезно говорит бабушка Шуньке.

18 мая.

Прекрасный балкарский поэт Кайсын Кулиев. Подлинный горец и подлинная поэзия...

17 августа.

«Лайф энд леттерс тудей» (февраль 1943).

Статья: Шиманский, «Долг молодых писателей». С невероятным апломбом прокламируют вещи глубоко провинциальные (со ссылкой на Малларме, на Белого и Блока) о «декадентстве» как «новаторстве», приводящем якобы «в ужас» «столпов» литературы. Все это для того, чтобы оправдать уход ряда молодых поэтов Англии от жизни, от политики, от «злобы дня». О, разумеется, «искусству нельзя диктовать, оно может существовать только в атмосфере свободы». С гелертерской развязностью (почти как в Одессе!) повторяет зады о Пастернаке как о «герое борьбы индивидуализма с коллективизмом, романтизма с реализмом, духа с техникой, искусства с пропагандой». Противопоставляет его как истинную поэзию Эренбургу и Шолохову, которых осуждает за то, что они «стали фронтовыми корреспондентами».

Художник — индивидуалист, которому «нельзя предъявлять требования извне». Свободное воображение приведет его или к «передовой линии», или, «что бывает чаще, к изоляции». Отсюда вывод: «...Позиция, занятая молодыми писателями, полна мужества и надежды... потому что они стоят над всеми партиями, над всеми политическими вопросами, над национальными разногласиями. Среди бури они молча (?) создают конструктивное начало (?), ячейку индивидуализма, которая в конечном итоге восторжествует над элементами разрушения».

Самое смешное во всем этом, что люди, подобные Шиманскому, повторяя то, что могло казаться «новым» или, во всяком случае, «экстравагантным» лет пятнадцать — двадцать тому назад где-нибудь в Одессе или

Ростове-на-Дону, воображают себя на Олимпе и думают, что сверху вниз смотрят на СССР. Типичный «западно-европейский» провинциализм.

Пример такого же прошлого провинциализма в научной сфере «Спектейтор» (22/1—43) помещает рецензию Джона Бекера на вышедшую в Англии книгу «Наука в Советской России».

«Книга... полезна главным образом как короткое сообщение о том, что делается в СССР по применению научных знаний к материальным человеческим нуждам. Название «Применение науки в Советской России» было бы более подходящим, ибо, — как говорится в предисловии к книге, — было бы бесполезно искать в СССР спокойного стремления достигнуть совершенства и глубокой проницательной эрудиции в науке».

Так пишет этот пошляк, свидетельствуя о своем провинциальном невежестве, ибо для него связь науки с практикой кажется не обогащением, а «принижением» науки, и паки свидетельствуя о своем невежестве в отношении нашей страны, где наука опирается на самую передовую, основанную на самой «глубокой проницательной эрудиции», теорию.

«Советский режим создал десятки тысяч новых молодых научных работников, — цитирует далее этот пошляк некоего м-ра Дж. Ч. Кроусера (тоже пошляка, из «Нечур»), — многие из которых несколько незрелы и недостаточно взрослые, чтобы иметь высокоразвитую научную интуицию и критические суждения, но они являются прекрасным материалом для того, чтобы стать офицерами воздушного флота, артиллерии или управлять заводами».

Тупица не знает ни аза о молодых советских ученых и, чванливо раздувшись, вообще не считает возможным «сравнивать советскую науку с британской или американской наукой», паки и паки расписываясь в своем невежестве (или в сознательном извращении истины).

В начале статьи этот же Бекер по поводу книги «Наука и мировой порядок» (резюмирующей научную конференцию в Лондоне) обрушивается на идею «централизованного планирования».

«Что помешает централизованному планированию превратиться в тоталитаризм?»

Любезнейшему невежде невдомек, что либо в его стране вовсе не будет централизованного планирования, то есть будет господствовать капитализм, либо оно будет и никак не сможет превратиться в тоталитаризм вследствие крушения капитализма (крушения вместе с Джоном Бекером и «Спектейтором»).

1944 год

Поездка на 3-й Украинский [фронт].

17 мая, Одесса.

Взорваны заводы, гавань. Центр сохранился — Дерибасовская, Пушкинская, театр, — кажется, что прежняя Одесса. Чистильщики сапог. Частные лавчонки — мыло, галантерея, ситро, винные погребки. Гостиница «Красная». Чистые номера. Стекла выбиты в фойе третьего этажа. Швейцар с огромной черной бородой, пузатый. Пережил советскую власть, потом румын, теперь опять при советской власти. Тихий вежливый портье.

Каштаны цветут. Сирень цветет. Девушки хорошо одеты, но скромно. Довольно много народа в городе. Еще рвут мины на окраинах. Клеймо на углах улиц: «Квартал проверен, мин нет».

Румынское иго все же «легче», чем немецкое...

Неистребима жизнь в Одессе.

Путь на виллице.

Села большей частью украинские, но есть молдаванские, болгарские, даже чешское. Были немецкие.

Украинская хата — мазанка. Без потолка. Хата длинная, две горенки, отапливаемые русской печью с лежанкой, дальше (в ряд) службы. Крыша невысокая, двускатная, черепичная (у иных — глиняная). Вдоль вершины (крыши) бревно, от него стропила, они, как и стены, чисто выбелены. Пол глиняный, двери, окна, подоконники — деревянные, синеенькие. Загородка сложена из плиточного камня. Отдельно огорожен камнем скотный дворик — внутри такой же длинный, как хата, из нескольких отделений сарай для скота. Отдельная мазанка-кухонька, в ней украинская печка, какие у нас на Дальнем Востоке ставят прямо на улице под навесом.

Голуби разных пород гуляют по черепичной крыше.

Отапливают стеблями кукурузы, которые в копнах можно видеть в каждом дворе или на задах. Садики перед хатой или позади.

Колхозники — старики, старухи лущат во дворе кукурузу для посева. Зерна высохшие, желтые, а самые початки темные.

Иногда высевают травку на глиняной крыше, а потом косят ее для скота.

Украшение хатки: две иконы богоматери — большая и маленькая. На стенах фотографии родни...

На кровати огромные взбитые подушки — три, положенные углом поперек кровати.

На гардеробе — по углам — фарфоровые киска и заяц. Слева на стене целующиеся голубок и голубка (под стеклом), а справа японка с зонтиком тоже под стеклом.

На окнах в горшках герань, роза.

Степь холмистая, с холмов видны воды лимана (много рукавов). Лесочки и кустарники, саженные (вспомнил рощу под Краснодаром!) — ровные прямоугольники вдоль дорог. Очень типично для южных степных районов.

Много незасеянных полей. Вообще сеют кукурузу, пшеницу, ячмень, овес. Виноградники. Самодельное вино. Много скота в селах — рогатого, коз, овец.

19 мая.

Дорога в Тирасполь. Степь в крупных холмах. Возвышенность как стол. Пирамидальные тополя. Красивые черные молдаванки. Немецкие пушки, транспортеры. Гроза в степи. Шофер-узбек.

В украинском селе под Тирасполем. Живут богато. Сады, сады. Население временно выселено на 25 км. (идут бои на Днестре, все время ухают пушки). Хаты с толстыми стенами, тип постройки тот же, но покрупнее, поаккуратнее, с потолком. Стены настолько толсты, что окна точно в нишах. Хаты крыты черепицей или соломой. Иногда сама хата — черепицей, а ее продолжение — амбар или сарай для коровы — соломой.

Сады в цвету, в белом цвету. Сирень цветет, слива, вишня, абрикос, груша, яблоня.

Тутовое дерево.

Совещание офицеров дивизии в саду под огромным старым ореховым деревом.

Мутный Днестр среди старых дубов, тисов и ветел. Плавни (вот откуда тростник на хатах!).

Монастырь возле селения Клукани. Монахи, седобородые старики, похожие на Николая-чудотворца. Черные клобуки. Служба по-молдавански. Настоятель — родственник патриарха в Бухаресте. Дипломат. Глаза умные, холеная борода. Бывший офицер царской армии времен русско-японской войны. Был ранен. Имел награды. В монастыре сорок лет. Лицо человека, ведущего здоровый и воздержанный образ жизни.

В стереотрубу с колокольни, построенной в 1913 году, вид на Бендеры и на так называемую «Могила Суворова». Старинная крепость Бендеры.

Штурм нашими войсками Бендер ночью. Беспрерывно висящие в небе ракеты, видно, как днем. Слышны крики «ура». Мощный огонь артиллерии и работа авиации. Ад!

Вид сверху на старичка монаха. Маленькими ручками, оттягивая стальной канат с подвязанной к нему деревянной поперечной палкой, методически повторяя это движение, он приводит в движение язык колокола. Ударит и отпустит ручками, опять оттянет на себя, ударит и отпустит.

Ключарь с темной с рыжеватиной русской бородой, в клобуке, с тяжелой походкой, немного подавая туловище вперед и покачиваясь в бока, в правой руке ключи на связке. Во всей его повадке и в том, как он бродит по монастырю, — что-то кулацкое, волчье (хищник в клетке). Всегда угрюмо пьян.

Большая церковь, малая. Здания, где кельи братии, — по квадрату.

Караульный начальник — сержант, мальчишка лет девятнадцати. Отвечает умно, смело, совершенно еще мальчишка, нечего брить, глаза очень смелые, чистые...

На обратном пути вечером чудные запахи над Днестром, от леса. Соловьи поют.

22 мая.

Поездка в молдаванское село Клукани.

Богатое село, хаты, крытые черепицей, иногда цинком, иногда гонтом, часть очеретом. По углам, и по низу, и под крышами синенькие полосы. Виноградники на взгорье.

Совещание бывалых воинов в лесу.

Носильник. О новом пополнении. «Они помнят немца 1941 года, бритого, чистого, грозного, на машинах. А по видели его, когда он от нас бежит, грязный, вшивый, заросший».

Концерт в лесу. Орленева с перевязанным глазом (потеряла на фронте). Хорошо поет. Вечернее небо в тучах, ветер, с деревьев — крупные капли после дождя. Артиллерия погромыхивает.

15 августа.

«Какой из этих стервятников принимал участие в полете на мой дом? Я вас спрашиваю?» (Мальчишка в компании с другими, обращаясь к самолетам — на выставке трофейного вооружения.)

1 октября.

Полная (или без одних суток) луна вылезла из-за леса на востоке в 6 ч. 45 м.

Туман лег пластами в долинке над рекой (накануне целые сутки был дождь), — небо безоблачное, чуть подернутое туманной дымкой без звезд. Луна начала всходить, когда еще не совсем стемнело.

---

8 ч. 35 м. вечера луна высоко на юго-востоке. Она заливает все своим светом, сквозит меж елей. Туман распространился по долинке, закрыл холмы и лес по ту сторону ее, беловатый, прозрачный, небо очистилось; кое-где, как речные косы, бледные полосы облаков, звездочки, маленькие, неяркие, видны в небе.

---

10 ч. 35 м. Луна почти на юге и забирается пока все выше — выше, чем солнце в это время года.

Полосы на небе исчезли. Туман, точно заревом, окрашен лунным светом.

15 октября.

6 ч. утра. Ущербный серпик на востоке при чуть брезжащем утре, на фоне морозной зари. Месяц сильно выгнутый, косоватый, спинкой книзу.

Работницы едут на работу в город, рассказывают о судебном деле: «Тут он списал ей всю конию, подавай, говорит, в суд».

25 ноября.

П. А. Вяземский, стихи (из серии «Писатели-патриоты»).

Поразительное понимание Петра Великого, как выразителя русского национального характера, и сущности его преобразований.

...Природы русской тип и чадю
Наирусейший из русак!..

...Нам скажут: «Русь он онемечил!»
Нет, извините, господа!
Россию он очеловечил
Во имя мысли и труда.

Петр был не пошлый подражатель
Одних обычаев и мод;
Нет, с бою взял завоеватель
То, в чем нуждался наш народ.

Это же понимание было присуще Тургеневу (см. «Хорь и Калиныч»).

Использование иностранного, того, что там есть передового, в интересах *своего* государства *своего* народа, не поступаясь, не пренебрегая своим, — такова линия истинно прогрессивных преобразователей...

1945 год

22 января, в 4 ч. дня.

Солнце уже близко к закату, совершенно ясное, бледно-бледно-голубое небо, на снегу ослепительный красноватый от ветра свет, и высоко в небе на востоко-северо-востоке, почти на востоке, половинка месяца, очень ясно видная.

21 февраля.

Необыкновенно месячные ночи. Ярко, все блестит. Волшебное. Месяц высоко ходит по небу, — около двенадцати часов ночи он в зените на юге.

20 апреля.

Виталий Иванович Эдельштейн, профессор Тимирязевской с.-х. академии...

Он говорит: «Надо уважать гражданство каждого растения». Есть что-то обаятельное во всех работниках опытных с.-х. станций, или питомников, или садов, — в деле их есть что-то чистое и благородное.

Старик Эдельштейн небрежен к внешней стороне жизни. Как характерен его покривившийся с лопнувшими стенами и потолком пыльный домик, с железной крохотной печечкой, смещением книг, рукописей и семян и образцов лука! Он скромн, ласков со своими практикантами, служащими, ему под стать в поле и в теплице в его солдатских сапогах. Его застенчивый взгляд очень привлекателен, пожатие руки твердо и простодушно.

21 апреля.

16 апреля Шура пошел в школу. Очень хотелось и робел. Все казалось ему, опоздает! Среди ребят у школы чувствовал себя несколько смущенно, но очень любопытствовал. Однако, когда я отходил, он плелся за мной, сзади. От застенчивости, громко, небрежно, без всякой нужды и дела окликал знакомых ему ребятешек по дому:

— Эрка!

И т. п.

Но они, занятые игрой, не обращали на него внимания.

Домой вернулся возбужденный, не мог есть. Очень понравилось. Сразу убежал играть на улицу.

9 мая.

Война кончилась. Толпы на улице. Салют — 1000 орудий. Небо в прожекторах. Актеры и актрисы в антракте «Женитьбы Фигаро» в кринолинах, в шляпах с перьями, к изумлению публики корпуса «Б», высыпали во двор — смотреть. Качают военных посреди улицы Горького. Хороводы молодежи. Маленькая старушка ткачиха, навеселе, танцует русскую под гармонику. Невиданное душевное раскрепощение, — у каждого точно огромный камень свалился с души. Зашел к маме, думал, она одна и не может

не вспомнить по погибшем Борисе, но так же, как горе ее разделено с миллионами матерей, так же разделена и радость, — она бодра, приподнята. Где-то, я думаю, в ее сердце есть печальное и гордое сознание того, что кровь ее сына тоже лежит в основании победы.

27 мая.

Девчонка на улице:

«Брось огород городить дубовыми листьями!»...

10 июня.

...Очень верно сказано, что Наполеон при всем объективном значении всего, что он сделал, человек заурядный. Можно развить эту мысль. Полководческий гений Наполеона имел слишком личное, временное, недолговечное, эфемерное значение, — он был разбит на протяжении одного пятнадцатилетия, из которого на протяжении последних трех лет его преимущественно били. Единственное долговечное, что он создал, это отразившийся на конституциях всех стран мира Кодекс Наполеона, то есть кодекс для заурядного управления людьми заурядными...

Снова о Наполеоне: приказы его все построены на помеси позы и здравого смысла. Его вкусы и симпатии в сфере искусства были на редкость банальны. После двух томов Лависса и Рамбо, посвященных Наполеону и написанных *французами*, становится понятной и очень верной эта мысль Честертона о заурядности Наполеона, которая не имеет ничего общего с толстовским «развенчанием» Наполеона.

15 июня.

...Свежие ночи. Была поздняя весна, теплые дни начались лишь в июне, а все еще свежо по утрам и по вечерам. При холодной весне мало было дождей. Только на этих днях прошло два ночных несильных ливня. И еще не было ни одной грозы.

12 июля.

Из подслушанного разговора двух старых часовщиков под лестницей.

— Потому что все идет ненормально...

— Ничто не может быть нормальным само собой. Человек сам должен нормализовать жизнь. Это и называется — борьбой...

5 сентября.

Темная мутная почь, за мутной дымкой неба чудятся звезды, чуть-чуть, деревья влажные, и небо влажное, купы деревьев проступают огромными мутными пятнами, края которых сливаются с небом.

В такую ночь пехорошо одинокому путнику и в лесу, и в поле.

21 сентября.

Сегодня летели первые журавли на юг, много, большие, кричали сильно и очень печально.

И первые синички запрыгали по стволу сосны.

19¹/₄ ч. Полная луна, большая, необыкновенно красивая, медная и чужая, странная в осеннем холодном мире, вылезла на глазах, — даже страшно было смотреть.

16 октября.

Второй уже раз выпадает мокрый снежок. Полежит, подтаивая, и сойдет.

Еще вчера собрал корзинку грибов — опят, слегка почерневших, и абсолютно свежих, крепких козлят и моховиков.

19 ноября.

Необыкновенная волшебная полная луна!

13 декабря.

Сегодня в 8 ч. вечера закончил «Молодую гвардию».

13 января.

Одиннадцатого вылетел из Москвы в Чкалов. Отсутствие летной погоды заставило в Куйбышеве пересесть на поезд.

Жаворонков, куйбышевский секретарь, прославившийся своей обороной Тулы в 1941 году, рассказывал: эвакуировали заводы, старые туляки-рабочие, из тех, что имеют за плечами несколько поколений, работавших на тульском оружейном, плакали. После того как отбили немцев, начали восстанавливать завод, наскребли остатки оборудования, пришли старики, лет по пятьдесят производственного стажа, учить молодых. Чертежи винтовки были увезены. Старики, что делали разные детали ее на протяжении десятков лет, собрались, восстановили размеры всех деталей до единой — по памяти.

Начальник поезда — женщина в валенках и белом вязаном платке, в форменной железнодорожной шипели с погонами.

Бегут над степью низкие тучи, зимние, неопределенных очертаний. Иногда прорвется солнце, и золотистый овал его на снегу движется по степи. Иногда в пределы его попадают обозы с сеном. Воображаю, как радостно в эти минуты и возчикам и лошадям.

Женщины везут ветки осокоря на санях, запряженных коровами, — наверно, на топливо.

Чкалов, в прошлом Оренбург, старинный город, выросший из крепости и военно-дворянского, помещичьего центра края, что наложило свою печать на архитектуру зданий с колоннами и красит город. По улицам метет буран так, что глаза режет, а в конце главной улицы, Советской, крутой откос к Урал-реке, за ней темнеют в мутном вихре голые стволы и ветви большой «зауральной» рощи, а за рощей крутит так, что уж и не видно ничего. Ветер дудит, и свистит, и сбивает с ног. Вспомнилось в «Капитанской дочке»: «Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным».

Из истории Оренбурга. Дважды переносилось место крепости. Современный Чкалов, там, где он стоит, заложен начальником оборонительной линии Неплюсовым 19 апреля 1743 года на реке Урал у слияния с Сакмарой (линия крепостей против джунгаров, живших по Иртышу и на Алтае, поскольку казахи Малой Орды по почину хана Абулхаира в 1731 году приняли русское подданство, ища защиты от джунгаров. Меновой двор за рекой Уралом для торговли с Хивой, Бухарой и Хорезмом). Пожары и холеры.

Скучный город скучной степи,
Самовласть гнусный стан,
У ворот — острог да цепи,
А внутри — иль хам, иль хан, —

так писал Аполлон Григорьев, живший здесь в 1861—1862 гг.

Главные железнодорожные мастерские — база революционного движения. В 1903 году первый марксистский кружок. Рабочие участвовали во всероссийской октябрьской стачке в 1905 году.

Большевик Кобозев (появился в 1915—1916 году). Сыграл огромную роль как командир краспогвардейского отряда, сколоченного им из разных отрядов и групп в Бузулуке и выгнавшего белогвардейцев Дутова из Оренбурга в январе 1918 года.

Записка Лепина: «Податели — товарищи железнодорожники из Оренбурга. Требуется *экстренная* военная помощь против Дутова. Прошу обсудить и решить *практически* поскорее. А мне черкнуть, как решите. Л е н и н».

Сношения Кобозева со Сталиным.

«...Негодные элементы распускайте, годные сплавляйте в революционные ряды. Пусть будет меньше людей, но зато будут верные. Этот путь верный, и можно идти по нему смело. С т а л и н» (по телеграфу).

«...Я удивляюсь вашему бессилию. Неужели вы из банка не можете взять нужную сумму, неужели вы будете считаться с бумажными уставами? Деньги вышлем сегодня же, но, не дожидаясь получения этих денег, доставайте на месте хотя бы в банке... Раз навсегда запомните нашу просьбу: когда отряды нуждаются в деньгах, они должны добыть деньги всеми средствами, не останавливаясь ни перед чем. С т а л и н»,

(«Город Чкалов». Областное издательство, 1939 г.)

4 апреля рабочие геройски отбили натиск дутовцев. 2 июля 1918 года вынуждены были город сдать. Героический рейд Джангильдина: с отрядом и боеприпасами из Москвы в Астрахань, на шхунах — к Красноводску, высадился на полуострове Бузачи, и безводными степями доставили боеприпасы в Актюбинск.

22 января 1919 года Оренбург снова был взят частями Туркестанской армии из Актюбинска и частями 1-й армии с севера.

Телеграмма Ленина Фрунзе 12 мая 1919 года:

«Знаете ли вы о тяжелом положении Оренбурга? Сегодня мне передали от говоривших по прямому проводу железнодорожников отчаянную просьбу оренбуржцев прислать два полка пехоты и два кавалерии или хотя бы на первое время тысячу пехоты и несколько эскадронов. Сообщите немедленно, что предприняли и каковы ваши планы. Разумеется, не рассматривайте моей телеграммы, как нарушающей военные приказания. № 167/с. Л е н и н».

15 января.

Лиственный поемный лес по рекам зовут в Чкаловской области *уремой*. Степная акация — чилига. Степная стелющаяся вишня.

Ближайшие родоначальники оренбургских казаков — самарские и алексеевские казаки, наделенные землей в XVII веке, а в 1735 году получившие особое знамя. Они были переведены на службу в старый Оренбург, теперь Орск, и стали ядром нового войска.

Плуг — сабан, запряженный быками. И. С. Хохлов в книге, изданной в 1891 году, еще пишет о бортевом пчеловодстве среди башкир.

Башкирская лошадь некрасива на вид, низкоросла, с большой головой, грубой шерстью, мускулиста, крепка и вынослива. Казахская лошадь по виду похожа на башкирскую, но не так мускулиста, легка на бегу и дика, трудно приучается к упряжи.

Овцы *казахской породы с курдюками*. Овцы русские без курдюков. Овцы черкасской породы с мягкой шерстью.

Козий пух, подшерсток, идет на знаменитые оренбургские пуховые платки и шали.

19 января.

Первый раз вылетели из Чкалова в Пономаревку — дальний район на границе с Башкирией — шестнадцатого. Вернулись из-за тумана. Семнадцатого долетели. Зимой вид па степь унылый. Редкие некрупные поселения с их белыми снежными крышами едва различимы по байкам. Кое-где редкие кустарники и лески. Следы комбайнов на полях.

В колхоз имени Горкина — на пароконных санях — гусем. Ямщик с светлой бородой: «Прямо!.. Эй... Побью!..» Очень ловко работает справа длинным бичом, чтобы достать до передовой. Коренник, как обычно в оглоблях, с дугой. Вожжи, ременные, закинута за спину под мышку ямщика — он задерживает копя, откинувшись назад. Передовая в хомуте, гужи продеты в кольца, свисающие с оглобель коренника у дуги, и прикреплены к оглоблям позади, а изредка прямо к саням. Веребочные вожжи в руках у ямщика. Передовая часто бунтует, рвется в сторону, бьет коренника. Впрочем, он тоже, когда она чуть отстанет, засскает ей задние ноги. Один раз очень лихо опрокинулись посреди деревни.

Колхозники во главе с тремя стариками, двое совсем древних, встретили с хлебом-солью.

Угощали бараниной и поросятиной и «христовыми анучками» (свернутые блинчики с сладкой начинкой). Дочь хозяйки — необыкновенная красавица с черными бровями и яркими губами. Вообще в оренбургских деревнях много красивых, статных женщин.

Избы обмазаны глиной, большей частью крыты соломой. Иногда основой избы является все же деревянный сруб, иногда они сложены из толстого кирпича из глины и соломы — «самана». Сарайчики, пристройки большей частью саманные. Коровы часто в укрытии — плетушке, закиданной соломой, с открытым входом, — такие у нас на Дальнем Востоке зовут «пунькой».

Большие сугробы, поземка, здесь говорят — «буранчик».

28 января.

О. Г. — председатель районного исполкома. Маленькая, пузатенькая, скуластая, с умными черными глазами и властными руками. Даже трубку телефона берет как хозяйка.

Директор совхоза и его жена. Помещики. И очень типичные именно *для помещиков*. Он — зубр.

А она — работает под столичную даму, светскую даму. Но он в своем деле — настоящий хозяин. И совхоз — настоящее предприятие. Работники в совхозе прекрасные. Судя по всему, «помещик» был работником покрупнее, попал «пониже» оттого, что проштрафился, и тут ему понравилось. Все у него есть, работать здесь ему, по его хозяйственной сноровке и по размаху — нетрудно. Но чувствуется, что *для себя* он тоже не щадит государственного добра.

29 января.

Овсень — бог, покровитель свиней, песни о нем под Новый год. От мордовского — Таунсяй, потом Таусень, потом Овсень.

Песельница Фекла Федоровна Гуляева: «Как запоешь скоморошину, так вся изба плясать пошла».

Веснянки — песни на красную горку.

Переволоцкий район, с. Донецкое, невицы: Кудрина Анна Федоровна и Шилова Ганя Павловна.

Свадебные песни их жизнерадостны, без «чужедальной сторонushки» и жених — не «чужой чужакин». Наоборот — невеста тоскует по жениху:

Без тебя, милый, постеля холодна,
Одеялице заиндевело,
Подушечка потонула во слезах.

И только одна песня у них с мрачной перспективой:

И всю я ноченьку продумала,
Всю я темну прогадала,
И как мне, горькой, в чужих людях жить?
И как мне, горькой, на них угодить?
Пойдешь шибко — скажут: босомыка,
Пойдешь тихо — скажут: недодвига.

В г. Сорочинске старушка живет одна с дочкой. Плачет о погибшем сыне-танкисте. «Муж мой уж девятнадцать лет как помер. Через год я сына женила, насильно женила, он меня послушал, женила, чтобы дом укрепить. Да жили они хорошо».

30 января.

Сказочница Агафья Киреевна Душкина (ст. Александровка, Бузулукского района). «Солдат Хват и королева Чикса», «Нужда», «Поп и работник», «Дед-Мороз и девочка». Герои ее сказок всегда — бедные, умные, честные, храбрые люди. Агафья Киреевна исходила всю Россию, была в Москве, в Киеве, она была даже в Палестине, ходила ко гробу господню. Она сейчас умерла. К сожалению, учитель Наливкин, записавший около пятидесяти ее сказок, допускал их стилистическую обработку и подпортил. Она — сказочница-моралист. Начала и концы ее сказок — прямые и простые, без традиционных зачинов и концовок.

Сказочница Февронья Мартыновна Елисеева (с. Покровское). «Мужицкий царь» — о Пугачеве. Она слышала это предание от двадцатилетней «старенькой бабки своей» еще девочкой:

«Залезем все на печку, за окном выюга воет, словно пес цепной, ветер страшно свищет. А мы сидим на печке-то, и нам тепло, хорошо. Бабка поглядит на нас, засмеется этак, мил мой, тихохонько и пачнет нам сказывать разные сказки. Про чего только не рассказывала: и про змиев, и про лешиев, и про русалок, и про царевичей, и про волков, и про многое другое. А мы сидим и слушаем. Нам страшно, страшно... за окном-то метелица метет, ветер вост, как в котле громадном кипит, на улице страшно, жутко нам от этого, а в сказках еще страшней. А бабка прижмет нас к себе, засмеется и скажет ласково: «А вы, дурнушки, не бойтесь. Ведь это — сказка, а в сказке-то не все правда». Ну, у нас страх-то немного пройдет».

Это у Февроньи Мартыновны зачин. А потом идет сказка.

Горбачева Евдокия Дементьевна (с. Державино) рассказывает предание о Гавриле Романовиче Державине,

о якобы выданной им «жалованной грамоте» своим мужикам на пользование землей.

Предание: «Встреча с Толстым Львом Николаевичем», «Он здоровался с нами, спрашивал про наше житье-бытье, сколько платим налогов и так далее. Помню, как он брал у мужиков косы и косил».

20 апреля.

Идет женщина с черно-бурой лисой, в красных сапогах, курит и отплевывается. Попробуй написать, скажут — утрировано.

22 мая.

Рассказ «Ляля».

Эпиграф из Виктора Гюго: «Ураган на суше не уступал в силе морской буре. Разнузданная ярость окружала покинутого мальчика... Вдруг ему почудился какой-то неясный звук... Это был стон скорее человеческий, чем звериный, скорее фантастический, чем реальный... Было что-то бесконечно трогательное, душераздирающее и жалобное в этом голосе, ибо это был голос: это кричал человек... Мальчик быстро раскидал сугроб и увидел крохотное худое тело ребенка... Малютка лежала совершенно голая... Посиневшая от холода, она еще дышала. Это была девочка».

Это была девочка. Но это было еще страшнее...

29 мая.

...Потерял я Эвридику,
Нежный цвет души моей,
Рок суровый, беспощадный,
Скорби сердца нет сильней...

Музыка Глюка в этой опере необыкновенно ясного рисунка и той пластичности, какую можно наблюдать на фресках Возрождения. Благородная музыка, она просветляет душу.

10 июня.

«Большевик», № 7—8...

После смены руководства «Большевик» стал интересней, серьезней. Все меньше легких журналистических статей, и все больше внимания к теории, особенно к проблемам политической экономии, к особенностям нашей экономики, то есть к самому главному, отличающему наш новый строй от окружающего капиталистического мира. И это особенно важно потому, что нет другой такой области, в которой наша интеллигенция в массе своей была бы так малообразованна, как область политической экономии.

Пропаганда знаний в этой области — это решающее.

13 июня.

Завтра полнолуние. Солнце заходит после 9 часов, день долог. Еще светло, а месяц, глядишь, уже на юго-юго-востоке. Но сейчас самое выгодное освещение, чтобы видеть рельеф лунной поверхности.

19 июня.

Статья *Т. Мотылевой* о Горьком в «Комсомольской правде» от 18 июня.

1. О разрыве между реальным и «идеальным» в западноевропейской литературе, начиная с Флобера, Золя. У этих правдивое изображение зла и утеря «возвышенного». У других «идеал» в уходе от действительности, в фантастике, мистике, символе. Обязательный выбор между «некрасивой реальностью» и «переальной красотой».

2. Русская литература XIX века, начиная с Пушкина, не знала такого резкого разграничения реализма и романтизма, ибо оплодотворялась освободительным движением масс с его поисками справедливости.

3. Особенность русской литературы — видеть, находить элементы красоты в самой действительности; отсюда — привлекательные, светлые, сильные, «положительные» образы русской литературы.

4. Ограниченность — в самых различных проявлениях — «положительных» образов русской литературы до Горького.

5. Положительный герой Горького выдвигает его как поватора «не только по отношению к западному реализму, но и по отношению к русскому».

Все это очень правильно и очень важно именно сейчас.

22 июля.

Теплое дуновение ветра, как прикосновение щеки.

29 июля.

24-го — с Линой самолетом на Киев...

31 июля.

София. Сравнение фресок Софийского и Михайловского соборов (XI в.). Первые — более византийские, вторые — более русские. Во вторых — апостолы-мужики, каждый с характером и не так принижен перед Христом, как в первых. Да и Христос на вторых попроще, не так выделяется среди апостолов.

1 августа — 18 августа.

Путь из Киева до Одессы на машине через области — Киевскую, Полтавскую, Днепропетровскую, Запорожскую, Херсонскую, Одесскую. Через степные реки — Псел, Голтва, Ворскла, Сула, Хорол, Орел, Буг. Ночевки в клунях, в садочках, просто на берегу Днепра. Стени, стени... Засуха. Села после войны. Старая женщина: «Дивлюсь, люди на машине, — уж не мой ли из Германии. Он без вести пропал. Да что там на машине — хоть бы с сумой пришел...» У Пащенко в Великой Попивке.

Можно не записывать — всю жизнь не забуду.

1947 год

8 января.

9½ веч. Ослепительная ночь. Луна высоко на востоке, синий искрящийся снег.

8 февраля.

Луна, близкая к полной, безраздельно господствует при тридцатиградусном морозе. Часов в пять она была почти белая и уже довольно высоко стояла на востоке. Сейчас, в семь часов, она еще на востоко-юго-востоке; красавица, все залила своим волшебным светом. Окна в неосвещенном доме покрыты морозным узором, фантастические, зеленые, синевато-зеленые, таинственно поблескивают.

Вышел в лес. Возвышенность за полем, вся в морозном молоке, едва видна. Луна всю сияет на небе, она уже на юго-востоке.

12 марта.

Разрушенный, поверженный Берлин. Остатки каких-то чудовищных зданий вроде имперской канцелярии среди груд разрушенного скрученного железобетона. Безвкусовые статуи дрянных князей и королей в выщербленном и обглоданном саду — все это чудовищно бездарное, мещански претенциозное особенно жалко выглядит в эту затянувшуюся зиму с ее мокро-ледяными метелями и гололедицей...

Сколько глухих, пошлых, чванливых слов выслушали за эти тридцать лет мы, советские люди! Но можно разве кого-нибудь приравнять к нам, к нашему организаторскому гению, преодолевшему подряд столько войн, проделавшему столько революций за последнее столетие! Ни голод, ни чудовищные по своим размерам разрушения, ни всеобщая — всех капиталистов мира — вражда — ничто не сломило и не погнуло нас. И теперь даже из окна поезда, ползущего с позорным для Европы опозданием в Кале, видно, что уж ничему и никогда не сломить нас!

14 апреля.

Очень хорошие тезисы в «Культуре и жизни» о большевистской партийности в литературе. В особенности они хороши тем, что в добавление к мыслям, в общем уже

не раз изложенным, они впервые так четко формулируют вопрос о реализме и романтизме в пределах социалистического реализма и дополняют в этом важнейшем вопросе Энгельса. Важно также впервые так четко поставленное требование высоких эстетических критериев.

Сегодня солнце почти добило снег на полях, и он заметно убывает в лесу, обнажились полянки, возвышенности, обочины тропок. Светло-зеленая, почти желтая осока, свернувшись петелькой, лезет из земли среди сухих травинок болота.

24 апреля.

Похолодание и опять потепление. Снег остался только в наиболее затененных, скрытых от солнца местах. Мой пруд и большой пруд подплыли, и вот-вот лед растает. Деревья и кусты населились птицами, и каждые сумерки и на самом раннем рассвете я слышу их необыкновенно чистые голоса. Сегодня лопнули почки у черемухи. Орешник и ольха, которые, как известно, раньше цветут, а потом дают листву, — уже с неделю в пушистых, полных семени желтовато-пепельных сережках. Почки бузины набухли до предела, и кое-где, особенно на верхних ветках, двоешки, то есть будущие ветки, уже раскрылись. Только почки березы и липы еще тверды, а на дубе они даже еще темны и неразличимы на ветках. На лужайках проросли среди прошлогодней травки и опавшей хвои первые листочки земляники. Бабочки — большей частью желтенькие, или с красно-черными (коричневыми?) разводами, или — реже — с черной мантилькой — летают на пригреве по опушкам.

Уже прекратилось журчание ручейков по дворам, огородам. Уже только из лесных таинственных низинок, где еще лежат почернелые, подтаивающие бугры снега, сочатся ручьи. Овражные потоки тоже уже начали мелесть. В сумерки на опушках леса за клубились комариные рои. Комары еще не кусаются, они точно еще не вполне протрезвились после зимней спячки.

Днем из-за дачи Щипачева крадучись вышел крупный красно-серый, с более темной окраской ног, спины и головы хорек, вернее — хорь, просто хорище, приподнял

свою хищную головку, осмотрелся и, скачками, выгнув спину, проследовал куда-то за развалины сгоревшего дома Литфонда. Вначале я даже не понял, кто это, — подумал: барсук или енот, да не похожи! И откуда им быть в нашем обжитом лесу, тем более что енот в Московской области — искусственный и водится только в За-видовс.

Молодой месяц, очень чистый, на еще светлом небе в 8 ч. вечера на западе.

25 апреля.

О птицах.

Только в этом году поставили три скворешни — поставили поздно. Однако вчера в скворешне на липе завелся скворец.

Какой-то дед ловил сеткой птиц на полянке, где наш приток Сетунн впадает в реку. Чпжи, щеглы, реполовы, лесные кенари. Сетка-накрывалка. Для приманки — прошлогодние репы, воткнутые в землю, и птички, привязанные за ногу.

В ольховнике у притоки, педалеко от дачи Сейфуллиной, поселились два черных дрозда. Они такие молодые, новенькие, даже лоснятся. Прилетели они, конечно, не сегодня — впервые я увидел их 14 апреля, но так мельком, что не рассмотрел и не решился зафиксировать. Со вчерашнего дня в колхозе пахут вовсю. Мальчишки палили кучи сухой прошлогодней ботвы — было очень весело.

26 апреля.

Эти дни была ветреная погода, ветер съел лед на большом пруду. На моем, маленьком, остался дошный лед, этот растает не враз.

Когда идешь по полю, кажется, что сухой травы больше, а зелененькая вылезла чуть-чуть, а посмотришь вдаль, поле кажется уже светло-зеленым. Сегодня колхоз впервые выгнал стадо в поле.

27 апреля.

Сегодня с ребяташками палили костер в лесу, — даже Миша собирал хворост, — все пропахлись дымом. Пасмурно, ветрено, прохладно. Явственно обозначились почки на липах. Сегодня и наша «Цыганка» пошла в стадо. Черт знает, что она вытворяла — брыкалась, прыгала, удрала от В. И. в болото, чуть не увязла по брюхо.

28 апреля.

Продолжаю про свое Переделкино. Раскрылись почки рябины. Очень яркая крапива лезет из земли. Только сегодня на моем пруду частично всплыл лед со дна. Впрочем, второй день довольно прохладно, сегодня только 8°. На приточке мелкая рыбешка клюет вовсю. А скворец, кажется, надул: повертелся денька два, да что-то не видать его.

Ужасно много дроздов в липовом парке детского санатория. Все-таки это большое убожество и свинство, что в Западной Европе их едят.

4 мая.

Первого был прохладный, ясный день и особенно ясный вечер, а потом похолодало, пасмурно, ветрено, подмораживает. Сегодня был утренник — 3°. Все замедлилось в росте. Почки липы еще не надулись, почки березы скоро лопнут, на дубе не заметно никакого движения. В моем пруду, куда солнце попадает — если оно есть — только утром и вечером, еще не весь лед стаял, еще плавает какая-то каша. Лина с ребяташками нарвали первых желтеньких цветочков. Колхоз наш уже все вспахал. Но вообще говоря, дожди задерживают пахоту в области.

Первого и второго на тяге. Кукушка каждый вечер кукнет два раза и — молчок. Это описано у Льва Николаевича, когда Левин и Облонский на тяге: сказано, что она прокричала два раза и спуталась. Там, в Бронницком районе, уже соловьи поют, а у нас еще не слышать. Ястреб над лесом — дикий клекот у него, похоже на крик горца. Сова кричит без клеканья и — жалобней.

7 мая.

Солнце второй день. Березы все усыпались сережками, и почки раскрылись. Смородина усыпалась ярким мелким листком.

9 мая.

На тяге. Нашли первую фиалку. Валовая тяга кончилась, тянут местные вальдшнепы.

11 мая.

Почки липы набухли листом, наверно, завтра раскроются. Сирень дала листок. Яблоневые почки (осенние саженцы) надулись — вот-вот откроются, а кое-где уже открылись. Вишня — старая — в такой же стадии, а посаженная в прошлом году осенью еще не доспела, но вот-вот брызнет. Рябина на солнце вся в молодых листочках.

17 мая.

Дуб дал листок. Теперь только грецкий орех, посаженный, еще не дал листвы.

20 мая.

Как бы в подтверждение народной приметы в эти дни, когда распускается дуб, стоит холодная погода, по утрам доходит всего до 2°.

Сегодня зацвела черемуха.

25 мая.

Все эти дни с елей сыплется золотистая пыль. Все усыпано ею — земля, зелень, крыши, зеркала прудов. При порывах ветра воздух так насыщен ею, что трудно дышать.

27 июня.

На замечания критики по поводу Олега Кошевого (будто он менее удался, чем другие образы романа) могу — в третьем лице — ответить словами Салтыкова-Щед-

рина: «Он (это я) забрался в такую сферу, которая... не изобилуя внешними признаками, поддается только самому тонкому наблюдению и, во всяком случае, требует, чтобы наблюдатель стоял на одном уровне с наблюдаемым». Но это же справедливо и по отношению к критике («наблюдатель»), оценивающему, *как я показал Кошевого, то есть образ Кошевого, в романе («наблюдаемый»)*.

22 августа.

8 часов вечера. Месяц нескольких дней рождения идет к закату солнца.

23 августа.

«...И большую часть ночи одиноко бродил среди полей ячменя, так ясно чувствуя присутствие Катрионы, точно нес ее на руках...» (Р.-Л. Стивенсон).

25 августа.

Стивенсон. Похищенный. Катриона.

Еще и еще раз, какая чудесная книга, боже мой!

30 августа.

Подобрать все материалы о Ермоловой М. Н.

Как художник и человек она воплощает в себе многое из того самого главного, в чем так нуждается современное искусство — и не только театра.

6 сентября.

Пятая часть «Удэге».

Первое появление пьяных.

Совка «Ли-у».

Китайская иволга — оранжевая птица величиной с голубя.

Черный заяц.

Даурская береза.

Бурундук сушит запасы.

Экспедиция Максимовича и Будищева в 60-х годах.

Оспенная эпидемия 1881 года.

Поселенцы 1859 года на Вай-фудине (Гладких).

Каменная полып на осыпях. Заросли белокопытник
(любимая весенняя пища медведей).

Зарница при ясном ночном небе...

Золотистоголовый дятел.

Уссурийский зук (птичка).

Красноногие кулики — травники.

Неясыть длиннохвостая.

Старые лудевы для ловли зверей.

Ханяла — тень, душа умершего. Умилоствление души.

Если в тихую погоду туман подымается кверху и силь-
ное эхо — к большому дождю.

Красный волк — вроде «динго», темнее на спине, свет-
лее на брюхе.

Восстание. Обращение к правительству. Безрезультатно. Месть хунхузов. Гибель семьи Масенды.

«Русские принесли грозу со снегом».

Буй — сохатый.

В великом восстании в последний раз собрались все
племена. И многие племена погибли целиком.

На съезде: финны из деревни Або (из устья реки Ам-
ба-Бира). Они приплыли на парусной шхуне из г. Або
вокруг мыса Доброй Надежды.

Вятичи из Владимиро-Александровского, бывшие
ссыльнокаторжные.

Масенда у костра, дающего искры.

Цой в шаланде. Найти старую запись.

Масенда и Боярин.

Сережа после ранения. Сеня. Мысли о «великом со-
дружестве».

Перед съездом слух о том, что американцы ушли, а
японцы пришли якобы по вине партизанского командо-
вания (Казапок).

Ланговой, плененный партизанами. Мысли о Лене. «Я хотела бы, чтобы вы были совсем, совсем свободным волком».

Мысли Цой. Исчезнуть бесследно. «Пусть ветер разгонит прах мой».

Мысли Лангового о Гиммерах как о выскочках, людях без корней. Для старика — нажива, Вениамипа — карьера, для «Дюди» — наслаждение. Нет идеала родины, вообще никакого идеала.

Ланговой в плену...

Постараться найти варианты «Последнего из удэге» 1924 г. Тогда роман назывался «Последний из тазов». Начинался со встречи партизан с хунхузами. Рукопись либо утеряна, либо в архиве ранних вещей, либо вложена в черновики «Последнего из удэге» более поздних времен. Отрывок этот (встреча с хунхузами) был напечатан в северо-кавказской краевой комсомольской газете в Ростове н/Дону в 1925 или 1926 году.

7 сентября.

На съезде Алеша встречается с майхинским председателем.

Найти место конфликта, *окончательно*, между Сурковым и Леной. Нужна ли здесь Цой? Кудрявый? Кудрявый — не после конфликта, а в связи с попыткой Лены освободить Лангового.

Итак — *пятая*:

Масенда.

Масенда — Боярин.

Боярин — старый Казанок.

Сурков — Лена — младший Казанок.

Съезд.

Хунхузы.

Гибель Боярина. Бегство обоих Казанков.

Поход отряда на хунхузов.

Масенда. Сережа. Кудрявый. Гладких.

Сурков — Цой.

Японцы.

Шестая:

Город. Алеша. Гибель Хлопушкиной. Японцы.

Ланговой — Гиммер.

Перемена тактики. Вызов отряда.

Перемирие с хунхузами.

Пленение партизанами Гиммера и Лангового.

Лена — Ланговой.

Лена — Кудрявый.

Суд над Ланговым.

Ланговой и вор.

Освобождение Гиммера.

Казнь Лангового и вора.

Японцы. Хунхузы. Удэге. Гибель Сарла.

Отряд Гладких в бою с японцами. Сережа — Кирпичев.

Гибель Масенды и Мартемьянова.

Лена — младший Казанок — Вапда — Сережа — Сеня.

Отход. Назначение Сережи.

Эпилог,

Победа. Лена — Кудрявый.

Над могилой Мартемьянова и Масенды.

1948 год

5 апреля.

Борьба за единство Германии. Теперь-то трудящиеся люди — немцы будут все больше понимать нас. Это уже происходит.

14 апреля.

Сетон-Томпсон «Моя жизнь».

В биографии его юности и в его юношеских склонностях так много общего с моими, что я не мог без волнения читать эту книгу.

Дальний Восток. «Маленькие дикари» — настольная книга. Мои книжечки с зарисовками следов, листьев, зверей. Увлечение гербариями. Походы с ночевкой в самодельных шалашах. Охота с Антоном Горовым. Ловля кеты. Лесные пожары. Наводнения. Тайфуны. Хунхузы. Гольды и удэге. Огромный чудесный раскрытый солнечный мир.

15 апреля.

Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае.
Замечания к первой главе. Путь от Сретенска до слияния Шилки и Аргуни я проделал на пароходе в 1920 году, в октябре, почти перед самым ледоставом. У слияния пароход был взят под войска (начиналась кампания против атамана Семенова), и до поселка Джалинда, куда выходила железнодорожная ветка, от станции Рухлово Амурской железной дороги я с двумя красноармейцами проделал [путь] на лодке. Далее — до Рухлово — на дрезине и от Рухлово до Благовещенска товарным порожняком, который шел под войска. На другой же день я выехал из Благовещенска со своей частью на фронт в Забайкалье.

Поражает необычайная точность описания местности и картин природы у Пржевальского. В 1920 году там было все так же или почти так же сурово и нелюдимо — во всяком случае — по Шилке.

В устье Кумары на наш пограничный пост в деревне того же названия по Амуру я приезжал на «газике» уже в 1934 году, тоже в начале октября. Впечатление осталось очень сильное.

И в том же 1920 году, несколько раньше, в августе, я проделал часть пути Пржевальского в обратном направлении — от устья Сунгари (куда я приплыл на китайском пароходе из Харбина) вверх по Амуру до китайского города Сахаляна против Благовещенска. Я помню, как стиснут Амур в ущелье Малого Хингана и как медленно полз пароход вверх по реке. Опять-таки местность и пейзаж переданы Пржевальским удивительно точно, хотя между моим и его плаванием — пятьдесят лет и три года.

17 апреля.

«Последний из удэге»

Часть VI

В походе Масенда объясняет Сереже разницу между свободными родами племени на реке Сыдагоу и теми родами, которые попали в кабалу к цайдунам — на реках Хор, Бикин, Имап. Последние не вылезают из этой ростовщической кабалы, пьют водку — сули, утратили воинственный дух, несут в языке много китайских слов. Роды, объединившиеся вокруг рода Масенды, — последние воинственные и свободолюбивые роды.

Сарл в беседе с женой объясняет ей, что в случае опасности для племени она должна беречь сына.

В нем живет неиссякаемая вера в то, что восставшие русские, подобные Мартемьянову, одержат победу и удэге станут свободными, а значит, его сын увидит счастливую жизнь.

Когда хунхузы истребляют последние свободолюбивые роды и Сарл гибнет в бою, жена его, притворившись мертвой и прикрыв сына своим телом, остается в живых и спасает сына. День и ночь несет она его в руках на север, к родичам по Бикину и Хору — несет последнего воина из племени удэге.

В эпилоге: падение колчаковщины. Партизаны входят в город. Судьба всех героев. Заключительная сцена: жена Сарла у родичей на Бикине. Спасенный сын в колыске. В нем черты Сарла. Он будет расти под счастливой звездой. Мало того: он будет преобразователем жизни своего народа под сенью свободы. Конец.

18 апреля.

Стоит поразительная весна. Очень ясные прохладные ночи. Теплые дни. Сажаем яблони. Лед набух и всплыл на моем пруду (он в затененной части усадьбы), снег

кое-где еще лежит в лесу и в овражках, но уже только в очень затененных местах.

Каждый вечер на западе, как раз над дорогой, вскоре после захода солнца необыкновенно яркая, до боли в глазах, стоит звезда — «вечерняя звезда» Венера — стоит там же, где она стояла восемь лет, и шестнадцать лет, и двадцать четыре года назад.

Усталый, никак не могу проснуться до рассвета, чтобы снова встретить ее на востоке — милую зорянку, звезду моего детства.

Пржевальский.

Замечания к 3-й главе.

К стыду своему, никогда не был на Сунгаче и на Ханке, хотя не раз бывал совсем, совсем рядом.

Уже к дням моей юности такая рыба, как калуга (белуга), осетр, стерлядь, вывелась на Ханке и Уссури.

Замечательно говорили Пржевальскому наши мужики-дальневосточники, перебравшиеся сюда из России через Сибирь без железной дороги, когда путешествие длилось два-три года:

«Правда, сначала, особенно дорогой, было немного грустно, а теперь бог с нею, с родиной (здесь — в смысле места рождения, а не в смысле отечества, государства. — А. Ф.).

Что там? Земли мало, теснота, а здесь видишь, какой простор, живи, где хочешь, паши, где знаешь, лесу тоже вдоволь, рыбы и всякого зверья множество, чего же еще надо? *А даст бог, пообживемся, поправимся, всего будет вдоволь, так мы и здесь Россию сделаем...*»

Так говорили, по словам Пржевальского, даже «благочестивые хозяйки»...

Я воспринимаю это не в корыстном мещанском смысле: «где хорошо, там и отечество», а в очень русском благородном смысле, в каком Лев Толстой говорил о русском народе как о «силе завладевательной», то есть способной распространяться в необозримую ширь, с полным уважением к другим нациям, с необычайной верой в возможность преодоления любых невзгод и лишений и верой в мощь свою, своего труда, когда везде, где бы ни появился русский человек, можно сделать Россию, ту

родину, которую русский человек всюду приносит с собой.

«Мы и здесь Россию сделаем», то есть распространим сюда ту большую, настоящую Россию, которая везде с нами, которую мы имели в своей душе и там, на родине, хотя там «земли мало, теснота». Оттуда мы ушли; отсутствие земли, теснота *заставили* нас уйти, но большую настоящую Россию мы унесли с собой и верим в то, что здесь ее «сделаем». И сделали! Сделали везде, куда только ни проник русский человек с его революционным размахом.

На реке Суйфун бывал дважды.

В детстве, когда экскурсия коммерческого училища рассматривала древние городища в районе г. Никольска (во времена Пржевальского — село) и в самом городе (Городища эти относятся к временам «Золотой империи»). Их много в крае, одно из них — обок села Чугуевки на Улахэ (или — по Пржевальскому — на Сандагоу, поскольку он считает начало Улахэ от слияния с Лифудзином). В Улахинской долине, по склонам сопок, тянувшихся справа, сохранились остатки дороги тех времен, иногда тянувшиеся на много километров.)

И уже более основательно я познакомился с Суйфунской долиной осенью 1934 года. Но я никогда не был в ее устье на Амурском заливе, хотя Амурский залив, кроме самой его вершины, мне хорошо известен. Я ходил и ездил по обоим его берегам, бывал на его островах, не раз плавал по нему на катерах, шаландах и весельных лодках и купался — во времена детства и позже в 1935 году, когда жил на 19-й версте от Владивостока. Это все необыкновенные места.

Пржевальский. Глава четвертая.

Поразительно, что Пржевальский совершенно не понял удэгейцев. Здесь сказался недостаток его социально-экономического и исторического образования — он, конечно, не мог и подозревать, что имеет дело с первобытными коммунистами. Судя по всему, он и мало с ними соприкасался. Во всяком случае, у гольдов он эмпирически правильно подметил черты родового строя — *неко-*

торые черты, а об удэго написал: «Он забывает всякие человеческие стремления и, как животное, заботится только о насыщении своего желудка». Какая жестокая неправда!

4 мая.

Барвиха. Теплый ветер. С утра все в дымке, а теперь то солнце, то облака. Все кустарники в мелкой, яркой, только что распутившейся зелени. Запахло сосной. Чудное время! Красят лодки; трактор трудится далеко в поле день и ночь...

По болезни пропустил всю тягу...

8 мая.

Вчера под вечер начали лопаться почки липы. Сегодня деревья липы — сначала их вершины, более доступные солнцу — осыпались листочками; почки раскрываются почти на глазах, листочки возникают на все более и более нижних ветках, а те, что сильно затенены, — вот-вот раскроются. Характерно, что на кустах липы в лесу листочки распускаются снизу вверх: очевидно, из двух факторов — солнце и «соки земли» — здесь действует больше второй; нижние, более сильные и более близкие к источнику влаги (к земле) ветки скорее дают листву.

Но что примечательно... Сегодня наступило внезапное похолодание при ясной погоде. По примете я пошел поглядеть на дубы, и действительно, они дали сегодня первые листочки. По примете погода должна быть прохладной, пока дуб не распустится.

9 мая.

Сегодня спрашиваю у няни Паши: «Отчего похолодало?» — «Дубы распускаются...»

Точно сговаривались!

Удивительный человек эта няня Паша. Ей уже лет под пятьдесят, она сутула, невысока ростом, полновата и на первый взгляд неуклюжа, но необыкновенно ловка и вынослива. С детьми всех возрастов управляется ловко, точно играет, все так и укладывается в ее руках, движения мягкие, точные, круглые и смелые.

Лицом нехороша, складке рта педобное что-то, а глаза умные, и лоб необыкновенно высокий, красивый.

Мужа у нее на родине в Тамбовской губернии убило молнией, когда она была еще молода. Своих детей не имела, жизнь не задалась, пошла в люди.

Поражает в ней эта любовь к детям и умение обращаться с ними не только физически, а и духовно, — не скучать с ними, разговаривать, как с равными, не уставать — с безверием в людей вообще, в возможность добра с их стороны. Она болезненно самолюбива, неуживчива, любит рассказать о людях дурное. Неграмотная, она по-народному остроумна и талантлива — работала когда-то в мичуринских садах, все запомнила; великолепная, с естественным усвоением нового, садовница, огородница, коровница, стряпуха, птичница — и любит все эти дела. А жизнь все-таки не задалась, и оттого в ней много противоречивого и недоброго вплоть до коварства. И все же в ней что-то исключительно русское.

В войну разлучили ее с сыном бывшего хозяина, эвакуировали из Москвы за Урал. А она взяла посошок, да пешком к себе в тамбовскую деревню. Ведь и денег не было, и плохо принимали в такое-то время таких безвестных прохожих, и кормиться было трудно, а ничего, дошла.

Такова у нашего трехлетки Миши няня Паша. А оп-то ее любит и вслед за ней говорит «энтот» и верит, что на чердаке живут две старухи — Фекла, добрая, и Василиса, злая, — и что в переделкинском лесу живут людоеды. Но зато знает уже все кустарники, деревья, и птичек, и грибы, и ягоды, и овощи, и когда телку Милку впервые повели на случку, а она стала играть и брыкаться, вполне удовлетворился словами няни, что Милку ведут в деревню на елку: дело было в новогодние праздники.

10 мая.

В большом пруду в Барвихе, в осоке под ветлами, перестится плотва, аж вода кипит. До того осатанела, не слышит, когда подъезжаешь на лодке.

Погода стоит холодная, ветреная, то солнце, то облака. К вечеру небо ясно, закат суровый. А Венера все горит, горит...

12 мая.

Месяц родился в солнечном закате; Венера справа от него, близко.

Маленькая птичка гналась за кукушкой. Кукушка закуковала на лету.

13 мая.

Почки дуба везде распустились. Вчера уже потеплело, а сегодня было бы жарко, если бы не ветер.

Есенин писал:

Тиха паша родина кроткая
В древесную цветень и сочь...

Такое впечатление бывает в районах полей с перелесками, рощицами.

Леса Руси московской необыкновенно дремучи, разнообразны. Даже в Подмоскovie, там, где они полусохранены, даже в районе Барвихи они производят мощное впечатление: густые, полные тайны, несмотря на просеки.

Сосны — гигантские, дубы — раскидистые; неожиданные лужайки, поросшие муравою и облитые солнцем; болота-озерцы, поросшие осокой, цветами; заросли кустарника, черемухи, цветущей, заполняющей лес своим ароматом; затененные овраги — только для разбойников. Есть что-то задумчивое в лесных уголках, особенно с преобладанием березы или дубов при лужайке, и что-то величественное в больших пространствах лесной пущи, даже грозное, когда гуляет по ним ветер. Лес шумит... это полно очарования, тревожного предчувствия днем и страшно ночью.

...Недаром всегда было немножко страшновато иностранцу в России.

Когда весна войдет в свою пору, есть что-то буйное, раздольное в этом мощном потоке и развороте зелени.

17 мая.

Итоги по Белинскому за две недели...

«Разделение поэзии на роды и виды». Откинув идеалистическую оболочку, можно принять целиком. Очень

плодотворно для анализа современной литературы, особенно в вопросах взаимоотношения содержания и формы...

24 июня.

Первый раз — не проездом, не в гостях — живу на рижском взморье. Рыбаки... Чудная Балтика!

28 июня.

С рыбаками в море — всего 45 км. Вчера был шторм — самый сильный за весну. Сегодня ветер стих, мертвая зыбь, баллов на шесть. Моторный бот пять тонн водоизмещения. Сильно качало. Рыбаки в резиновых сапогах, очень крепкий народ, цепки, как кошки! Большинство морезж сбило в кучу, нашли одну целую далеко от берега, вытащили с трудом. Сезон салаки уже кончился, салаки было немного, но зато увидел весь ассортимент: салака, треска, камбала, угорь, выюн, сиг, бычок, окунь. Лосось только-только должен появиться, главный улов в августе. Шурка держался молодцом, потом уснул. Местность — Скулте.

Потом были на реке Га́уя. Река перегорожена на лосося. Тоже — пока безрезультатно. В морде одна вимба (по-русски — сырт) — «балтийский рыбец».

Дорогой подняли голубя, зайца, косулю.

Все дни до этого катались на моторке по реке Лиелупе, видели диких уток, но этот день — на всю жизнь: Шурка горд — «старый морской волк».

22 июля.

К материалам о нашем подполье при немцах.

Уходят в подполье, пока мы еще не ушли, иногда за полгода до прихода немцев, во всяком случае, за два-три месяца.

Партизаны и подполье.

Связь самолетами с родиной. Связь по радио.

Районные штабы партизан.

Областной штаб.

Связь с центральным штабом в Москве. В условиях Краснодона — связь с украинским штабом.

15 октября.

Партизанские аэродромы. Встречи командиров разных отрядов. Использование своих людей на должностях старост, полицаев, даже бургомистров. Очень много дает для понимания этих сторон партизанства при немцах книга *Линькова*.

Следует сказать также о работе по политическому воспитанию бойцов и населения.

16 октября.

Дать картину — самолет с Большой земли на партизанский аэродром. В самолете — мешки с автоматами, ящики с взрывчаткой и патронами. У пилотской рубки — два добавочных бака с бензином. Кресла сняты, голые дюралевые стены. Остатки шторок на окнах.

«Армия без интендантства — что завоевали, тем и живем» (Ковпак).

12 ноября.

Об изменениях в романе «Молодая гвардия».

Развить линию Проценко и его жены.

Иначе обосновать провал Валько.

Изменить образ Лютикова и сохранить его до дней гибели «Молодой гвардии» как руководителя.

Сочетание партизанской борьбы с подпольной работой.

Развить сцену: жена Проценко — Земнухов.

Показать всю организаторскую роль партии в период эвакуации.

«Колобка» или выбросить, или развить.

Командиром дивизии, куда вышел Тюлений, сделать того самого майора, который сопровождал Ване и Жоре в эвакуации (?).

Дать картину прихода Красной Армии в Краснодар.

По-новому трактовать сцену Шульги — Валько в тюрьме.

Сделать купюры в сценах паники.

Выбросить главу беседы Проценко с Шульгой, заменив ее одновременной сценой (или двумя отдельными), — Проценко организует эвакуацию, Проценко дает указания *Шульге и Лютикову*. Здесь же, возможно, военные люди — командиры отступающих частей, — так сказать, в интермедии.

2 декабря.

В связи с школьными программами для 8 класса — лучше заменить «Чайльд Гарольда» «Шильонским узником».

1949 год

15 июня.

Закончил «Собор Парижской богородицы».

В этой книге есть все-таки что-то болезненное, она порождена фантазией мощной, но ущемленной.

21 июня.

«Последнее слово стиля «ренессанс» сказано было при Людовике XV, и с тех пор наступила реакция. Благородство стиля доведено было до приторности, а чистота его — до скуки... После ослепительных оргий форм и красок восемнадцатого века искусство как бы наложилось на себя пост и не отступало от прямых линий. Такого рода прогресс ведет в конце концов к безобразию, и произведение искусства превращается в скелет. Избыток трезвости и сдержанности тоже имеет свои неудобства: стиль делается до того скромным, что дурнеет» (Гюго, «93-й год»).

Как в воду глядел! Нынешний «конструктивизм».

Там же:

«...Самый отъявленный революционер сознает существование под ним подпочвы, и самые смелые из них останавливаются, замечая колебание почвы у себя под ногами. Ум и проницательность великих революционеров в том именно и заключаются, чтобы уметь отличить движение, являющееся результатом принципов, от движений,

являющихся результатом личных вожделений; чтобы содействовать первому и бороться против последних».

В идеалистической форме — верная мысль.

26 июня.

Барвиха.

Цапли каждый вечер — часов в 10 — прилетают на пруд. Прежде чем спуститься, они долго кружат. Если их что-нибудь тревожит, садятся на деревья, не видные от пруда, а на одной из сосен, — излюбленной, на самом берегу, — на самой макушке выставляют сторожевого. Когда все успокоится, по его сигналу слетают на пруд. Ночуют, а на самой ранней заре охотятся на лягушек. Когда становится светло, — улетают.

Ранним утром на пруду можно видеть мелких куличков.

Днем держатся чайки, которых Овечкин называет «мартынами». Передняя часть головки («лицо») черное, тело ослепительной белизны, крылья снаружи светло-серые, с внутренней стороны переходят в цвета от белого (возле тулова), светло-серого к темно-серому к краям, а концы самых крайних перьев — черненькие, поэтому, когда «мартын» складывает крылья, кажется, что у него черный хвостик.

Большие темно-серые с прозеленью ястреба ловят рыбу в пруду.

В лесу — рябчики, тетерева. Много лисиц. Вечером на аллее, в дождь, одна долго слушала мои шаги, повернув голову на звук и поджав под брюхо правило, чтобы не намочило дождем.

24 июля.

В «Теглихе рундшау» от 11/V. 49 статья Вольфганга Хариха «Фальсификация классического наследства» — полемика с Альфредом Кемпфом («Бунт инстинктов»).

У Кемпфа справедливые представления о реакционных тенденциях немецкой литературы и философии со времен средневековья доведены до абсурда: Лютер, Клейст, Кант, Гегель — все, оказывается, предшественники фашизма. Шиллер и Гете, по Кемпфу, — «индивидуалисты-анархи-

сты». Полное неумение различить прогрессивные и реакционные явления в собственной истории. Гитлеровцы, как и все реакционеры, охотно фальсифицировали классиков на свою потребу, но Кемпф напрасно отдает немецкую классику фашистам и реакционерам.

В ответе Хариха напрасно не рассмотрены отдельно классики литературы и классики философии. Художественная литература Германии более прогрессивна, чем философия. При слитном рассмотрении *всего* духовного наследства Харих замалчивает реакционные стороны немецкого «классического» идеализма.

27 июля.

О ворошиловградском подполье.

Роль политотдела Южного фронта (8-й отдел) в формировании партизанских отрядов.

Глава красnodонского большевистского подполья — Лютиков Филипп Петрович, член ВКП(б) с 1924 г.

Проценко базировался в партизанском отряде Боково-Антрацитовского района.

Явочная квартира в с. Орехово (Успенского района) в сельском медпункте. Врач Кротова Валентина Дмитриевна, комсомолка, — «хозяйка» (сестра Кротовой Ксении Дмитриевны, член ВКП(б), связной подпольного обкома).

Бой в балке Широкая между селами Орехово — Дьяково и Нижним Нагольчиком.

28 июля.

О ворошиловградском подполье.

Переход линии фронта с разведывательными данными. Жена Проценко 24 декабря 1942 года перешла линию

фронта и связалась с разведывательным отделом 3-го Гвардейского танкового корпуса. По его заданию вновь перешла линию фронта для получения разведывательных данных об оборонительных сооружениях (и др.) Ворошиловграда и, собрав данные, вернулась в 3-й танковый корпус, где работала потом в особом отделе, держа связь с партизанской группой Жаринова.

Проценко разворачивает *целую сеть явочных квартир у шахтеров. И создает подпольный обком.*

29 июля.

Подпольная комсомольская группа в Кадиевке. Комсомолец Николай Калинчик переходил линию фронта и передавал разведывательные данные штабу 12-й армии.

Филипп Петрович Лютиков.

Родился в 1891 году. Вошел в партию после смерти Ленина в так называемый «ленинский призыв». Участник гражданской войны. В 1925 году награжден орденом Трудового Красного Знамени, Герой труда. Награжден золотыми часами за пуск рудоремонтного завода в 1931 году.

В прошлом — шахтер. Он был начальником механического цеха ЦЭММ — центральных электромеханических мастерских треста «Краснодонуголь» (перед оккупацией).

Бараков Николай Петрович.

Инженер-механик. До оккупации главный механик на шахте имени Энгельса треста «Краснодонуголь».

1905 года рождения, член партии с 1926 года. Участник войны с белофиннами и Отечественной войны. Вернулся — по ранению — на свою шахту с 1 мая 1942 года. Был в спецгруппе по взрывным работам в Краснодонец перед приходом немцев (по заданию ГКО и Наркомугля).

Беспартийная *Соколова Наина Георгиевна* — активистка по работе среди женщин.

Дымченко Мария Георгиевна — кандидат ВКП(б). До оккупации инспектор охраны материнства и младенчества при Краснодонском райздраве.

Выставки Даниил Сергеевич, член ВКП(б), работник Краснодарского горсовета.

Винокуров Герасим Тихонович. Заведующий военным отделом РК ВКП(б).

Евгений Мошков. Шахтер. Член ВКП(б), рождения 1920 года. Бежал из немецкого плена или просто из окружения 8 августа 1942 года, попал в Краснодар. Устроился в механическом цехе ЦЭММ. Связался с «Молодой гвардией» по заданию Лютикова. Там же в мастерских работали Румянцев, Соловьев, Телуев и Ельшин — офицеры Советской Армии, попавшие в окружение. Всех их организовал и сплотил Лютиков.

ЦЭММ — центр большевистского подполья Краснодона.

Очень «выгодное» предприятие, так как на мастерские немцами возлагались главные мероприятия по восстановлению шахтного оборудования.

Диверсия Лютикова. «Восстановление» водокачки. Медленно, но восстановили. Пустили воду в трубы. Дальше рассказывает мастер А. М. Михайличенко: «... это было уже в холодное время. Дело шло к вечеру. Я спрашиваю у Лютикова: «Воду будем спускать?» Он мне и говорит: «Не надо». На другой день ударил мороз, порвал все трубы, пришлось заново все переделывать. Тут он и говорит мне: «Нехорошо, что срываем водокачку? А все-таки нужно это делать. Мы делаем то, что намлагается».

Вывели из строя мотор, засыпав его песком. А потом вывели и двигатель, перегрев цилиндр и пустив холодную воду: цилиндр лопнул.

Большевистские листовки появились в городе раньше, чем листовки «Молодой гвардии».

Когда Бараков (до поступления в мастерские) еще работал слесарем на шахте Энгельса, к нему приходила Тося Елисеенко.

Связь Лютикова с «Молодой гвардией» через Налину Соколову: «Обо мне не говорите, а связаться — свяжемся».

Налина Соколова приносит Кошевому книгу листовок,

сброшенных нашим самолетом, для распространения в Поповке, Суходоле и Шевыревке.

Связь Баракова с «Молодой гвардией» через Ульяну Громову.

Связь Лютикова с «Молодой гвардией» через Володю Осьмухина. Наконец он сам появляется на квартире Кошевых. Соколова вместе с Бараковым не раз заходили к Кошевым. «После таких посещений и длительных разговоров Олег всегда был очень занят, к нему приходило много молодежи, и он сам мало бывал дома».

Лютиков жил на квартире Александры Лукиничны Колтуновой.

30 июля.

Партизанский отряд Жаринова в с. Городище Беловодского района (80 человек). Взаимодействовал с 67-й танковой бригадой в освобождении Беловодского района: разведка, совместные боевые действия, диверсии.

17 августа.

Костнотуберкулезный санаторий для ребят в Переделкине. В дни, когда летом бывает линейка и костер, приходят пионеры из лагеря. Трубач санаторных ребят, приподнявшись в постели, призывает гостей, ему отвечает трубач отряда, пришедшего в гости. И каждый раз летчик соседнего военного аэродрома делает шестнадцать кругов над местом сбора, почти задевая деревья, — приветствует ребят. Он проделывает это уже пятый год. Четыре года назад из этого санатория выписалась, поправившись, его девочка, которая пробыла в санатории девять лет, и летчик дал обещание участвовать в костре санаторных ребят всю жизнь, пока он будет летать.

6 сентября.

Охотились в верховьях Днепра на Смоленщине (Издешковский район).

Учитель в селе Сумарокове, страдающий астмой, быв-

ший партизан. Его отец, старый сельский врач, расстрелян белыми за помощь партизанам.

Привольные открытые места. Овражины. Маленький Днестр, холодный, полный рыбы. Кустарники, березняк, можжевельник, ежевика, брусника, луговая осока (и лесная с метелками), большие некошеные травы. Раздолье для тетеревов. Озерцы и болота полны уток.

1950 год

21 января.

«Но правда есть необходимое условие, а еще не достоинство произведения. О достоинстве мы судим по широте взгляда автора, верности понимания и живости изображения тех явлений, которых он коснулся» (Добролюбов, «Луч света в темном царстве»).

«Так как предмет поэзии истина, то величайшая красота заключается именно в истине и простоте, а правдивость и естественность составляют необходимое условие истинно художественного творчества. Поэт должен изображать жизнь, как она есть, не прикрашивая ее и не искажая».

Вот именно этот взгляд Белинского, с точки зрения социалистического реализма, надо считать недостаточным и устаревшим. Дело не в «прикрашивании», а в том, что жизнь никогда не бывает только такой, как она есть, а одновременно и такой, «какой она будет». «Истина» включает в себя «идеал».

Чернышевский в работе «Эстетическое отношение искусства к действительности» материалистически развил этот взгляд Белинского, но, не будучи материалистом-диалектиком, он дал столь же недостаточную формулу отношения искусства к действительности с точки зрения социалистического реализма.

20 апреля.

Обратить внимание на том III готовящегося к печати архива Горького. Раздел публицистики: неопубликованные статьи, заметки, отрывки.

Гениальный взгляд на развитие литературы последних полутора столетий (особенно отрывок из статьи «Разрушение личности»).

Много существенного по вопросам социалистического реализма.

21 апреля.

Начал читать «Сагу о Форсайтах», мучился часа три и бросил: уже невыносимо читать такие толстые-толстые книги о плохих людях, — собственно говоря, уже о «не-людях».

7 июня.

О краснодонском подполье при немцах.

Расклейка старых газет «Правда» по городу. Газеты скопились за 20 лет у Лютикова. Старались расклеивать, особенно на видном месте, газеты с портретами Ленина и Сталина.

Мошков. Но это же старые газеты?

Лютиков. Наша большевистская «Правда» никогда не стареет.

Связная Наина Соколова. Приходила к Лютикову с бидоном с молоком, а уносила листовки.

Инженер Бараков, знающий немецкий язык, комму-
нист.

Соколова — связная между Лютиковым и «Молодой гвардией».

Необходимо ввести новый мотив поездки Л. Шевцовой в Ворошиловград: поручение от Лютикова. Соответственно изменить ее разговор с Проценко и заседание штаба «Молодой гвардии».

Лютиков о бдительности:

«Не забывайте: и стены имеют уши. Враг хитер. Помните: бдительность — мать подполья. Помните, как погиб Василий Иванович Чапаев. Он погиб потому, что его дозоры уснули и близко подпустили неприятеля. Будьте начеку ночью и днем. Оплошность будет стоить крови».

Гордость за большевистские традиции Донбасса: Ворошилов, Артем, Пархоменко.

План вооруженного восстания в Краснодоне разрабатывается в большевистском комитете и передается Туркеничу.

Вместе с ~~молодогвардейцами~~ казнят и взрослых подпольщиков.

Создание клуба смущает молодогвардейцев. Лютиков «~~управляет~~ управляет мозги».

Разногласия между Кошевым и Стаховичем:

Стахович за «самостоятельность» молодежной организации, а Кошевой за подчинение большевистскому обкому, строжайшую дисциплину.

Жена Лютикова Евдокия Федотовна вспоминает: «Я сказала мужу: «Ты хилый, старый, больной. Пойди в райком. Тебя ведь отпустят. Уедем в Кузбасс». Он сердито мне ответил: «Не говори мне больше об этом... Все решено. Вам надо немедленно покинуть город. Поживите на хуторе. Семья мне будет здесь мешать»...

9 июня.

Перед немецкой оккупацией более полугода Ворошиловградская область была прифронтовой. Роль Украинского штаба партизан, командования Южного фронта и местных органов НКВД в воспитании будущих партизан, подпольщиков, диверсантов.

«Молодая гвардия».

Прощаясь, Проценко благодарит за помощь: 1) Украинский штаб (через него центральный штаб и т. Сталина). 2) Политотдел Южного фронта. 3) «Ребятки» из НКВД.

Будущий «Колобок» в 3-й главе разговаривает с Каяткиным. А вернее всего, здесь автоматчиков не пужло, а генерал (будущий) подъезжает к роты автоматчиков там, где Уля, и узнает Улю.

Смена «атмосферы», когда генерал из обкома попадает на шоссе (генерал на виллисе).

Лютиков по типу своему, по характеру — воспитатель, он говорит, всегда пемножко поучая. Но это — воспитатель не болтун, а организатор.

Лютиков и Шульга уходят через дворы, а Проценко, выйдя на улицу, видит, как целуются Валя Земнухов и Клава Ковалева. Это он говорит: «От бисовы дети». Он обращается к Кате: «Дай мени газу», — и та неожиданно — сильной рукой — заводит мотор.

Далее — два пути: путь Лютикова и путь Шульги.

Лютиков и Швейде. Лютиков берется «организовать» механический цех. (Бараков?)

Лютиков и Колтунова (фамилию ее употреблять не пужло). Он приносит сундучок с комплектами газеты «Правда» за несколько лет.

Очень важно «подать» Лютикова сильно, выпукло еще во время его беседы с Проценко. Лютиков — свой план действий. Потом он исчезает.

Проценко предупреждает насчет лявок и советует присматриваться к людям, находить новых.

Лютиков и Осьмухин. *Здесь* начало организации «Молодой гвардии».

Где найти место для наиболее показательной, наглядной и увлекательной для читателя деятельности *собственно* большевистского подполья, то есть *вне* сюжетной связи с деятельностью «Молодой гвардии»?

14 июля.

Развить Олега в главе первой встречи с Ниной, показать его совсем мальчишкой, когда они вместе с Ниной приходят к Ольге.

Может быть, показать мальчишески отважные черты Олега *в одной из операций*, после чего Туркенич и вносит предложение — запретить ему участвовать в подобных операциях.

Показать еще одну боевую операцию «Молодой гвардии». Может быть, нападение на машины? *Мошков*.

20 июля.

Краснодонское подполье.

Мария Георгиевна Дымченко, подпольщица, мать комсомольца Евгения. Муж погиб в 1940 году на производстве. Убита немцами.

Взрослое подполье оформилось в декабре в отряд. Комиссар Лютиков, командир — Бараков.

Стихи Олега, посвященные Нине Иванцовой:

Пой, подруга, песню боевую,
Не унывай и не грусти.
Скоро наши дорогие
Краснокрылые орлы
Прилетят, раскроют двери
Всех подвалов и темниц,

Слезы высохнут на солнце
На концах твоих ресниц.
Станешь снова ты свободна,
Весела, как первый май,
Мстить пойдешь, моя подруга,
За любимый милый край...

Оля Иванцова о Мошкове.

Как дубок, плотный, в сапогах и галошах, белый, очень серьезный, кажется сердитый, а на самом деле добрый. Отчаянный. Шея обмотана теплым шарфом.

В. Осьмухин маме: «Ничего, мама! Накормим мы их и медом, и вишнями, и варениками нашими — всем до отвала».

Главан Борис Григорьевич.

Родом из Сорокского уезда (г. Сороки).

Деревня Царь-град.

Швейде. Пожилой, седоватый, в военной форме. Жадный, недоверчивый к русским. Лично проверял, дают ли русским лошадям овес (лошади дирекциона). Занимал особняк. Хозяйство, служанки, повар, прачка, портниха. Птичник, свиньи, коровы. Вечеринки. «Готовьте много, чтобы русские ффрау наелись».

5 августа.

Яковенко Иван Михайлович создал в Ворошиловграде четыре подпольных райкома ВКП(б).

Сочетание подполья с партизанской борьбой. Три формы партизанских отрядов: 1) диверсионные группы, 2) отряды в районах, 3) два больших отряда, где базировались Яковенко и Проценко. Большие отряды не оправдали себя в условиях Донбасса. Годными оказались диверсионные группы и мелкие отряды.

Поскольку у меня не исторический очерк, а роман, я имею полное право — в интересах сюжета — писать об одном Проценко и базировать его в Митякинских лесах,

7 августа.

Найти раннюю (первую!) повесть «Разлив» в издании «Федерации» (где-то в конце двадцатых годов, кажется, в 28 или в 29 гг.). Это — последнее, к счастью, издание. Но для него я проделал некоторую работу, и очень интересно посмотреть, в каком направлении она шла.

8 августа.

«Молодая гвардия».

Крупные отряды, которые или вскоре распались, или были разгромлены: Боково-Антрацитовский, Кадиевский. Малые отряды — Папаснянский, Кременский, Рубежанский, Ивановский и другие — действовали хорошо. Ивановский прекратил свое существование через три месяца — в силу неблагоприятно сложившейся ситуации в бою (он потерял двадцать человек, осталось семь).

12 августа.

Развить мысли Лютикова о партии — не в разговоре с Осьмухиным, а в разговоре с Олегом. Лютиков излагает ленинские мысли из «Что делать?», об организации профессионалов-революционеров. Вся жизнь — партии, без остатка, до последней капли крови...

13 августа.

«Молодая гвардия».

Володя Осьмухин: «Я хочу быть инженером, а не политическим деятелем».

В соответственной главе надо сказать, что Бараков и Лютиков только *начинают готовить* кадры для боевых операций. Именно потому им не удастся освободить Валько и Шульгу. Здесь же сказать, что одним из резервов были коммунисты и вообще активные люди, не успевшие эвакуироваться. Но беда была в том, что это были люди известные, им трудно было спрятаться. И на них в первую очередь обрушилась волна арестов...

Сказать где-то, что Лютиков должен был работать главным образом в городе, а Шумьга — на селе.

14 августа.

«Молодая гвардия».

Проценко Иван Федорович — секретарь парторганизации крупного завода, заведующий агитмассовым отделом обкома, начальник областного управления легкой промышленности.

15 августа.

«Молодая гвардия».

Бараков и Лютиков говорят о молодежи. Лютиков объясняет, почему Олег так рано сформировался, например, по сравнению с Туркеничем:

— Есть, брат, такая штука — талант. У нас с тобой его нет, мы люди обыкновенные. А у этого хлопчика он есть. А потом — воспитание... Я часто замечал... и т. д.

21 августа.

«Молодая гвардия».

Минирование дороги на Ново-Шахтинск.

Взрыв моста через реку Крепепка возле деревни Бокково-Платово.

Взрыв железнодорожного моста возле Каменска.

22 августа.

«Молодая гвардия».

Водокачку сорвали так: пустили воду в котел и в водопроводную магистраль и оставили до мороза.

Мотор засыпали песком. Подставили двигатель для вращения трансмиссии. Перегрели цилиндр и пустили холодную воду.

Саботаж в ремонте станков и шахтного оборудования.

Ремонтировали пресс до тех пор, пока наши не пришли.

25 августа.

«Молодая гвардия».

В последних числах декабря (где-нибудь между 24 и 27) наши части пересекли границу Ворошиловградской области и вступили на территорию Украины.

Новые знаки различия, погоны — опубликовано в прессе 7 января (Указ Президиума Верховного Совета).

5 сентября.

«Молодая гвардия».

Хитрость и смелость Ивана Федоровича состояла в том, что он теперь отступал вместе с немецкими войсками и базировался в их расположении. Отступающим немецким войскам было уже не до партизан. А роль полицейских и местной жандармерии была уже ничтожна там, где происходили, своевольничали солдаты и офицеры, прошедшие сквозь огонь и смерть: они тоже «презирали» тех, кто сидел в тылу.

13 сентября.

«Большая Советская Энциклопедия», т. I.

Запомнить: неверные формулировки в конце статьи «Актер», о гротеске и т. п. Будто бы гротеск *вне* реализма и чуть ли не признак «буржуазного разложения».

Таким образом, вычеркнули карикатуру из социалистического реализма. Верно ли «о партийности»?

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ

(Высказывания о литературе и искусстве)

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О БЕЛИНСКОМ

«ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕЧТАНИЯ»

Демократизм и патриотизм Белинского пробивается здесь как лава, бурно, сквозь кору неверного философского воззрения.

Литература как выражение «общества» и как выражение *народа* — Белинский за последнюю. И пламенный гимн «двигателю человечества», поэту — апостолу истины и знания, бескорыстному труженику, изобличателю порока и невежества, который ест хлеб, «смоченный слезами», и терпит «гонение злых». И полное сарказма обличение «сильного земли», поэта, согнувшего рамена «под грузом незаслуженных почестей и титулов»: «...гни твой *хребет*, ползи змеею между тиграми, бросайся тигром между овцами, губи, угнетай, пей кровь и слезы, чело обрмени лавровыми венцами...»¹

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. I, Изд-во АН СССР, стр. 31.

Белинский поднял Новикова и унизил Сумарокова, признал народность басен Крылова и изобличил непародность басен Дмитриева.

Вполне современно звучат его слова:

«...Мы и в литературе высоко чтим *табель о рангах* и боимся говорить вслух правду о *высоких персонах*. Говоря о знаменитом писателе, мы всегда ограничиваемся одними пустыми возгласами и надутыми похвалами; сказать о нем резкую правду у нас святотатство»¹.

Очень интересно, что в примере с Ломоносовым — Белинский признает и такую поэзию (и не лишает ее печати гения), где ум господствует над чувством. «Это происходило от системы, а отнюдь не от недостатка поэтического гения».

«...Ум Державина был ум русский, положительный, чуждый мистицизма и таинственности...»² В сатирах и посланиях Державина «... видна практическая философия ума *русского*; посему главное отличительное их свойство есть *народность*, народность, состоящая не в подборе мужицких слов или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи»³.

Белинский неистово ратует против подражательности — настолько, что преувеличивает.

Белинский — во всяком случае, этого периода — не понимал, почему на национальной почве России конца XVIII и начала XIX века возникли явления, казалось, повторяющие французский классицизм (а с Жуковского — английский и немецкий романтизм), и, находясь в плену неверных взглядов на историю, а тем более не понимая общих законов в развитии наций, не в силах был раскрыть русскую национальную печать на всем, что казалось ему *только* подражательным.

Многое в его наивных и юношески претенциозных рассуждениях в этом раннем труде — даже раздражает.

Но по обезьянничанью у заграницы он уже тогда нанес сокрушительные удары. Эта тоска по великой самобытной русской литературе, окрашивая собой ранний труд

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. I, Изд-во АН СССР, стр. 42.

² Там же, стр. 49.

³ Там же, стр. 50.

Белинского, облагораживает самый труд и делает его живым и сейчас, несмотря на то, что в этом труде Белинский не прав в большинстве своих оценок, вернее, в их мотивации. Пожалуй, прав он только в отношении Державина, Крылова, Грибоедова, Пушкина. А в отношении Фонвизина — наполовину. При всей высокой оценке Ломоносова, Белинский был слишком узко (то есть только гуманитарно) образован, чтобы полностью оценить гений Ломоносова-ученого, предвосхитившего столько открытий, за которые пожали лавры другие. Но при неверной мотивации все довольно верно расставлено по своим местам.

«О РУССКОЙ ПОВЕСТИ И ПОВЕСТЯХ Г. ГОГОЛЯ»

Вдохновение как «энергия души» и вдохновение, «усиленное волею, желанием, целию, расчетом, как будто приемом опиуму. Плоды этого (то есть последнего. — А. Ф.) вдохновения иногда блестящи на вид, но их блеск есть блеск фольги...»¹ Это — верно и... неверно. Верно потому, что есть и то и другое вдохновение; неверно потому, что очень часто подлинная сила поэзии там и тогда, где и когда *слиты* и то и другое.

Вообще в этой работе Белинский-реалист все время заявляет о себе под идеалистическим покровом, вроде — «главный отличительный признак творчества состоит в таинственном ясновидении, в поэтическом сомнамбуле»². Это почти не мешает ему дать блестящий реалистический анализ повестей Гоголя; идеалистический налет отбрасывается почти сам собой, особенно для нашего современного глаза и уха. «...В том-то и состоит задача реальной поэзии, чтобы извлекать поэзию жизни из прозы жизни...»³ — здесь Белинский близок к нашему пониманию реализма.

«ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Уточняет во введении свой взгляд на литературу до Гоголя, уточняет мотивацию, односторонне развитую в «Литературных мечтаниях», почти приближаясь к истине.

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. I, Изд-во АН СССР, стр. 273.

² Там же, стр. 286.

³ Там же, стр. 291.

Подымает Кольцова и справедливо ставит на место Бенедиктова, как талант «внешний... ослепляющий глаза внешнею стороною искусства...»¹

Кольцов, паходзящийся «в магическом круге народной непосредственности», высказывает «глубокие вопросы в форме народной поэзии». В силу этих особенностей «он не переводим ни на какой язык и понятен только у себя дома, только своим соотечественникам»².

Многое, сказанное Белинским о Кольцове, применимо к нашему Исаковскому, исключительно народному таланту, также все еще недооцененному. Но справедливость требует сказать, что Исаковский и по мысли, и по форме выше Кольцова.

В рассуждении о «слове — мысли» и «слове — звуке пустом» — правильная мысль в идеалистической оболочке.

Гениальность Белинского в том, что там, где он самостоятелен, он большей частью прав; а то, где он не самостоятелен, отлетает, как шелуха.

Замечательно, что Белинский вскрывает общественное содержание образа Печорина через то, в чем этот образ более всего раскрывает себя в романе, — через отношения любовные.

«Для любви нужно разумное содержание, как масло для поддержки огня...»³

«Сильная потребность любви часто принимается за самую любовь, если представится предмет, на который она может устремиться; препятствия превращают ее в страсть, а удовлетворение уничтожает»⁴.

«Рефлексия», где человек распадается надвое, «из которых один живет, а другой наблюдает за ним и судит о нем. Тут нет полноты ни в каком чувстве, ни в какой мысли, ни в каком действии...»⁵ Казалось бы, вот осуждение рефлексии! Но тут же — оправдание рефлексии, ибо при одном чувстве «человек есть раб собственных ощущений», а «достоинство бессмертного духа человеческого... в его разумности, а последний, высший акт разумности есть — мысль. В мысли — независимость и свобода чело-

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. IV, Изд-во АН СССР, стр. 195.

² Там же, стр. 197.

³ Там же, стр. 216.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 253.

века от собственных страстей и темных ощущений... Но переход из непосредственности в разумное сознание необходимо совершается через рефлекссию...»¹

«Фауст», «Гамлет» — апофеоз рефлексии. Таков же и Печорин. «Это переходное состояние духа, в котором для человека *все старое разрушено, а нового еще нет* (подчеркнуто мной. — А. Ф.), и в котором человек есть только возможность чего-то действительного в будущем и совершенный призрак в настоящем»². Это гениально! (Как и блестящий анализ Печорина и сравнение его с Онегиным в конце статьи.) Это гениально, *если* Белинский сам создавал *социально-исторический* смысл того, о чем он догадался, то есть то, что декабризм уже разбит, а революционно-демократическое движение еще не развилось. В этом общественный смысл Печорина.

Заключение же Белинского о том, что Печорин может получить «искупление» через женщину, подобно тому как Татьяна воскресила Онегина «из смертного усыпления для прекрасной жизни, но не для того, чтобы дать ему счастье, а для того, чтобы наказать его за неверие в таинство любви и жизни и в достоинство женщины...»³ — это заключение раскрывает какую-то трогательно-прекрасную сторону души самого Белинского.

«СУБЪЕКТИВНОЕ И ОБЪЕКТИВНОЕ В ПОЭЗИИ»

Очень существенна в статье о стихотворениях Лермонтова критика Белинским Гете (которого он обычно ставит так высоко), критика за недостатки субъективного элемента. «Это и было причиной, почему менее гетевской *художественная*, но более *человечественная, гуманная* поэзия Шиллера нашла себе больше отклика в человечестве, чем поэзия Гете»⁴. Здесь Белинский паки и паки опрокидывает не раз прокламируемое им идеалистическое представление о бескорыстности эстетического чувства, показывая, что он на стороне поэзии, сознательно преобразующей мир.

---

¹ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. IV. Изд-во АН СССР, стр. 254.

² Там же, стр. 253.

³ Там же, стр. 270.

⁴ Там же, стр. 520.

Пушкин правильно понимал романтизм, вопреки распространённому *представлению* о романтизме. Стихи Ленского перед дуэлью Пушкин так комментирует: «Так он писал *темно и вяло*, что романтизмом *мы зовем*, *хоть романтизма тут нисколько не вижу я...*» (подчеркнуто мной. — А. Ф.).

Пушкин хорошо чувствовал движение, развитие общества. Горький писал: «Онегин, как тип, только что слагался в 20-х годах, но поэт тотчас же усмотрел эту психику, изучил ее, понял и написал первый русский реалистический роман, роман, который, помимо неувядаемой его красоты, имеет для нас цену исторического документа, более точно и правдиво рисующего эпоху, чем до сего дня воспроизводят десятки толстых книг».

В этом поистине самом реалистическом романе Пушкина так ясно звучит *должное, желаемое, мечтаемое*. В моральной области — это, прежде всего, образ Татьяны, в которой воплощены лучшие черты самого Пушкина, его неосуществленная жизненная мечта, и в то же время собирательный образ русской женщины. В живой жизни можно было видеть рассеянные черты такой Татьяны, — образ Татьяны, обобщенный, собранный из этих разрозненных черт в единый идеализованный образ русской девушки и женщины, есть величайшая победа реализма, который без мечты, без должного, то есть без *романтики*, не есть реализм. Пушкин сам говорит: «А та, с которой образован Татьяна *милый идеал...*» Немножко раньше он говорит о Татьяне: «мой верный идеал».

Вместе с тем Нечкина в своей интересной статье в «Литгазете» («Народ и искусство») сильно преувеличивает демократические элементы в творчестве Пушкина. Онегин, Ленский, Татьяна — это исключение в дворянском обществе, из этой исключительной среды вышли декабристы. Но как эти исключительные люди все же далеки от народа! В «Онегине» очень подчеркнута дворянская почва, на которой они произросли. Белинский хоро-

шо это понимал, когда говорил, что Пушкин «нападает в дворянстве на все, что противоречит гуманности, но принцип класса для него вечная истина».

1953

ПРОЗА ПУШКИНА

Она обаятельна своей простотой, краткостью, выразительностью мысли. Она умна. Но в ней нет *господствующей* мысли. Это особенно видно, когда знакомишься с отрывками неоконченных вещей, — слишком разбросанный интерес, «без царя в голове», при исключительной наблюдательности, искусстве деталей и блеске отдельных замечаний.

По характеру своему он боится заострять противоречия, предпочитает сглаженные и даже счастливые концы: в «Выстреле» стреляет в картину; дочь стационарного зрителя приезжает на могилу отца, богатая, с детьми; Лиза в «Пиковой даме» выходит замуж за состоятельного человека; Дубровский не совершает мести и сам спасается за границу; в «Барышне-крестянке» они женятся, потому что их отцы-помещики примирились, и т. п.

Тем не менее он — истинный родоначальник русской прозы.

«Шинель» немыслима без «Стационарного зрителя». В нем зародыши всего, что развилось в русской прозе XIX века. В «Гробовщике», в «Стационарном зрителе», «Пиковой даме» — Гоголь и Достоевский, а «История села Горюхина» — это Щедрин. И это Достоевский — по языку. Тургенев, Чехов — от Пушкина. Лесков — его побочный сын. Указывают на связь прозы Л. Толстого с лермонтовской. Но манера изображения светского общества у Лермонтова и Толстого — от Пушкина, особенно от его неоконченных светских вещей, — Пушкин уже видел в этом обществе все то, что было так ненавистно Лермонтову и Толстому. Пушкин наметил почти все, что разрабатывали в прозе после него, в силу гениальности своей. Возможно, он слишком рано умер для прозаика. Мировоззрение его, атеистическое, приемлющее жизнь, было все же слишком барским и поэтому не вполне бесстрашным, — мысль В. Кирпотина, что он был в начале пути на крестьянских позициях, — бездоказательна. Тем не менее, боясь Пугачева, Пушкин был достаточно бес-

страшен, чтобы показать его человеком незаурядным и обаятельным. Он первый подсмотрел в народных низах цельные, деятельные характеры, — правда, главным образом «разбойные» (Пугачев, мужики в «Дубровском», Кирджали).

1944—1953

О ТУРГЕНЕВЕ

«ТРИ ПОРТРЕТА», «ТРИ ВСТРЕЧИ»

Тургенев — писатель, недооцененный современной критикой и литературоведением и значительной частью писателей наших. По характеру своей прозы он непосредственный продолжатель Пушкина. В частности, два эти ранние его рассказа — пушкинские, даже и в том смысле, что они также «без царя в голове». Впрочем, это свойство только самых ранних рассказов Тургенева.

Тургенев в прозе эмоциональнее Пушкина, потому что менее объективен, больше вкладывает самого себя. Без Тургенева немыслимы Бунин и Алексей Толстой (наш). Выражение Льва Николаевича после прочтения «Записок охотника» — «Прочел и понял, что таланту у меня положительно нету», — надо понимать вовсе не как кокетство, а буквально. Рассказами «Касьян с Красивой Мечи» и «Живые мощи» Тургенев предвосхитил всю народно-крестьянскую тему Л. Толстого. «Муму» — рассказ во всех отношениях более высокий, чем «Поликушка».

Язык народа (то есть тот, на котором говорят мужики) в произведениях Тургенева не имеет себе равных во всей русской литературе, включая, разумеется, и современную, — Тургенев продолжает и развивает здесь линию Пушкина. У Гоголя этот народный язык, то есть язык его героев из народа, по-украински стилизован. Толстой слишком стремился воспроизвести говор народа и грешил «тае-тае». У всех остальных, даже у Чехова (при всем том должном, что необходимо отдать особенно Чехову, но и Лескову и Бунину), язык крестьян или грешит «натурализмами», или слишком «интеллигентен». У Тургенева язык народа — язык чисто русский, отборный, природно мудрый (без горьковского подчас «мудрствования»), есте-

ственный, меткий, выражающий естественно, без претенциозности и без прибеднения, все самые сложные понятия. Даже в «Трех встречах» Лукьяныч говорит на зависть выразительно. Судьба Лукьяныча неповторима и опять-таки предвосхищает многие и многие позднейшие образы.

Изумительна мысль Тургенева в рассказе «Хорь и Калиныч» о свойствах русского человека.

Тургенев рассказывает крестьянам о загранице. Калиныч: «А! Ах, господи, твоя воля!» Калиныч восхищен всем. А Хорь: «это у нас не шло бы, а вот это хорошо — это порядок». Из этого разговора Тургенев вынес «убеждение, что Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях... Что хорошо — то ему и правится, что разумно — того ему и подавай...»

Чрезмерное преклонение Тургенева перед женственностью, его женские и, главным образом, девичьи образы раздражали Толстого как реалиста более плотского и строгого. Но в этой тургеневской идеализации есть свое обаяние, необычайная прелесть, своя правда. И я бы сказал, в наше время такой способ изображения юности, женской красоты — это то, чего недостает нашей литературе, которая чрезмерно натуралистична, приземлена. Нашей молодежи нужно такое «идеальное» изображение именно *этой стороны* жизни, ибо она стремится к ней, — наша молодежь в этом смысле сама будет идеальной еще на глазах нашего поколения, эти черты в ней надо развивать. Нашим учителям в школах надо больше, как можно больше рекомендовать молодым людям читать Тургенева. Пушкин и Тургенев — это родоначальники нашей прозы. Все самое прекрасное, что присуще развитию русской прозы, все это в зачатке есть у Пушкина и у Тургенева. При всей гениальности Гоголя, он, Гоголь, слишком «особенный». А его линия, которая получила развитие в Достоевском, тоже имеет своим истоком Пушкина, — это кажется парадоксальным, ибо никто так не противопоставил друг другу, как Пушкин и Достоевский. Это два разных жизненных начала, если учесть каждого в основе, но Пушкин вместил в себя все, Достоевский тоже из него, через Гоголя и — непосредственно. А Тургенев — прямой наследник Пушкина (менее десятка лет разделяет конец деятельности Пушкина и начало — Тургенева) — он

в самой основной и в самой прекрасной линии развития русской прозы. Природа у него русская до конца, она кротка и таинственна в своей поэтичности, она точна до осязаемости и лирически одухотворена. Прекрасный писатель! Как жалко, что нельзя все это высказать ему лично! Его и при жизни всегда ставили после... Дружинина.

1944

О ДОСТОЕВСКОМ

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

В одной из редакций «Честного вора» Достоевский словно предваряет замысел «Преступления и наказания»:

«А как у порочного человека воля не может быть мужественной, да и обсуждение-то не всегда здоровое, так он и совершит это постыдное дело, и мысль его нечистая тотчас делом становится. А как совершит, да коли, несмотря на свою порочную жизнь, все еще не забудет в себе всего человека, коли осталось в нем сердца хоть несколько-нибудь, так оно сейчас ныть примется, кровью обливаться начнет, раскаяние как змея его грызет, и умрет человек не от постыдного дела, а с тоски, потому что все свое самое лучшее, что берег помимо всего, во имя чего человеком еще звался, за ничто загубил».

В «Эпilogе» романа говорится о сияющей в глазах Раскольникова и Сони заре «обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь». Исключительно плодотворно сопоставить «Воскресение» Толстого с «Преступлением и наказанием» Достоевского. Насколько критика Толстого более сознательна, потрясает самые основы помещичье-буржуазного, бюрократического государства, разоблачает всех носителей насилия над трудящимися сверху донизу. Соня Мармеладова — бледная немочь перед Катюшей Масловой. Но есть в «Преступлении и наказании» гениальные страницы. Роман точно вылит, так он строен. При ограниченном числе действующих лиц кажется, что в нем тысячи и тысячи судеб несчастных людей, — весь старый Петербург виден под этим неожиданным ракурсом.

Идеи столкнуты лбами, диалектика развития идей необыкновенная. Много нагнетено «ужасов», до неестественности, — сцена, где сошедшая с ума Катерина Ивановна вывела детей на улицу, бьет в сковородки и заставляет детей плясать, — фальшива, неестественна, затянута. Критика социализма шестидесятников поразительно мелка и пошла для такого большого художника. Но — силен, бес!

1952

О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

«ЧТО ДЕЛАТЬ?»

«...Мы не считаем сочинения Гоголя безусловно удовлетворяющими всем современным потребностям русской публики... даже в «Мертвых душах» мы находим стороны слабые или, по крайней мере, недостаточно развитые...» По мнению Чернышевского, от новых писателей нужно ждать «более полного и удовлетворительного развития идей, которые Гоголь обнимал только с одной стороны, не сознавая вполне их сцепления, их причин и следствий» («Очерки гоголевского периода») ¹; эта точка зрения Чернышевского вполне отвечает его мировоззрению, в частности его эстетическим воззрениям. Он видел главную заслугу Гоголя в том, что «он первый дал русской литературе решительное стремление к содержанию, и притом стремление в столь плодотворном направлении, как критическое» ². Но еще в работе «Эстетическое отношение искусства к действительности» Чернышевский утверждал: «произведения искусства имеют и другое значение — объяснение жизни; часто имеют они и значение приговора о явлениях жизни» ³. Однако, — добавим мы, — объяснение и приговор не полны, если нет лиц положительных, носителей идеала, порожденных самой жизнью. Отсюда —

---

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, Гослитиздат, стр. 9—10.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, т. II, стр. 92.

положительные герои «Что делать?»: «Каждый из них — человек отважный, не колеблющийся, не отступающий, умеющий взяться за дело, и если возьмется, то уже крепко хватаящийся за него, так, что оно не выскользнет из рук...»¹

«Я держу пари, — писал Чернышевский, — что Кирсанов, Лопухов казались большинству публики героями, лицами высшей натуры, пожалуй, даже лицами идеализированными, пожалуй, даже лицами невозможными в действительности по слишком высокому благородству. Нет, друзья мои... не они стоят слишком высоко, а вы стоите слишком низко»².

В Рахметове, Кирсанове, Лопухове, Вере Павловне — Чернышевский воплотил лучшие черты свои и друзей своих, переступив через случайное, мелочное, поверхностное. Они — люди своего времени и в то же время — воплощение их мечты о будущем.

В романе великая и благородная мысль Чернышевского более является героем, чем сама жизнь, но это не лишает роман художественного очарования. Это характерно и для художественных произведений Герцена, что было раскрыто Белицким через сопоставление романа «Кто виноват?» с «Обыкновенной историей» Гопчарова.

Формы реализма столь многообразны, что их нельзя объять никакой догмой.

Самое «удивительное», что по языку своему Чернышевский в «Что делать?» ближе всего к злейшему противнику своему — к Достоевскому. Манера выражаться и у того, и у другого, можно сказать, разночинская. Эта манера уже была у «петербургского» Гоголя, отдельные же признаки ее мы можем найти еще у Пушкина. Но никто не развил эту разночинскую манеру в такой степени, как именно Достоевский и Чернышевский, эти антиподы, выросшие из одного корня, но пошедшие противоположными путями.

1952—1956

---

¹ Н. Г. Чернышевский, «Что делать?», Гослитиздат, М. 1947, стр. 190.

² Там же, стр. 302.

О ЛЕСКОВЕ

«ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ АНГЕЛ». «ЧЕЛОВЕК НА ЧАСАХ».
«ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК»

Лесков полезен для писателей. Современный литературный язык изрядно попорчен. И чтобы очистить себя от мусора и вспомнить родные корни, все многообразие старого народного говора, иногда полезно почитать Лескова, так же как словарь Даля или романы Мельникова-Печерского.

А без этого стимула читать Лескова скучно. Мысли его примитивны и анекдотичны. Юмор его мелок. И язык его в целом неприемлем, ибо — стилизован. Те из современников-писателей, кто его рабски принял, далеко не ушли — это школа малоплодотворная. Замятина уже и вовсе читать нельзя. У нас есть писатели, идущие от Достоевского и имеющие вторую ипостась — лесковского стилизаторства. Сплав Достоевского и Лескова — трудно придумать что-нибудь другое, более губительное. Эти классики, если в них не разобраться, действительно могут заставить ходить на четвереньках и вывернуть шерстью наружу даже подлинно талантливое человека.

И все-таки Лескова можно и должно читать для профилактики.

1946

ОБ ЭРТЕЛЕ

«ГАРДЕНИНЫ»

Прекрасная книга. Почти вся пореформенная Россия дана в разрезе. Какой язык! У нас — не считают классиком, а так — писателем третьего, а может быть, четвертого ряда, — Мамин-Сибиряк считается повыше. И мало кто у нас знает Эртеля. А между тем такой книги, как «Гарденины», у Мамина-Сибиряка нет. Да что, — такой книги нет, например, у Золя. А сей уж куда как превознесен!

1952

«НЕВЕСТА». «СТЕПЬ». «СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ».
«ДУЭЛЬ». «МУЖИКИ»

Чехов, несомненно, один из самых чудесных писателей на земле. Но очень трудно прочесть много чеховской прозы подряд: все-таки, если его читать много подряд, делается скучновато. Почему? Он умен на редкость, хочет счастья людям, во всех его рассказах есть «второй план». Чехов необыкновенно чист, прозрачен, прост. Нельзя сказать, чтобы он был только аналитичен, он, несомненно, эмоционален; в большинстве рассказов нет ничего лишнего, юмор его обаятелен, рассказы его занимательны даже с точки зрения их сюжетного построения, если взять сюжет, так сказать, отвлеченно. Но много читать его подряд скучно. Потому что люди его однообразны и неинтересны. Их трудно любить. Все то великое, что всегда было в народе — и особенно в период творчества Чехова, что нашло свое отражение в миллионах незаурядных людей из простого народа и в титанических фигурах русских революционеров, русских ученых, гигантах литературы, живописи и театра, — все это решительно прошло мимо Чехова-писателя. Ни одного выдающегося мужика, или рабочего, или интеллигента! Стоит задуматься над тем, что в это время Толстой написал «Хаджи-Мурата», «Воскресение», «Отец Сергей» и все свои неповторимые народные рассказы-притчи. Что вскоре пришел Горький со своими народными низами, полными мощной крови.

Сила Толстого перед Чеховым не только в том, что Толстой вообще гигант и поэтому глубже чувствовал народную жизнь. Сила Толстого еще в том, что он — самый беспощадный русский реалист — глубоко героичен. По своему духовному объему, моральной силе герои Толстого — действительно *герои* — Андрей Болконский, его отец, Пьер Безухов, Наташа Ростова, Анна Каренина, отец Сергей, Катюша Маслова, Хаджи-Мурат. Да, Толстой — писатель героический. Вряд ли Горький, с чисто профессиональной точки зрения, писатель более крупный, чем Чехов. Но Горький — писатель героический и тоже мощнее Чехова.

Действительность Чехова скучна, потому что он не понимал что «действительность в искусстве надо выращать, как грушу Монтрейля», что подлинная мощь реализма — там, где идет борьба между героизмом и подлостью, добром и злом и где оба начала воплощены в борющихся людях, выраженных через борьбу людей.

Только в драме — особенно в «Дяде Ване» и в «Трех сестрах», Чехов отчасти понял это, и для меня — пусть это звучит парадоксально — Чехов-драматург неизмеримо выше Чехова-прозаика. Драмы Чехова я не могу читать, а особенно видеть на сцене без слез, проза же его, при всем восхищении перед мыслью, перед необычайной правдой и простотой изображения — часто оставляет меня холодным. Пожалуй, самая прекрасная, поэтическая, эмоциональная вещь — «Степь». Но, как это ни странно для Чехова, она неоправданно растянута и поэтому местами тоже скучновата. Очень эмоциональны, в самом глубоком смысле слова, чистые, правдивые и с большим социальным подтекстом такие рассказы, как «Дом с мезонином», «Дама с собачкой». Но как все же мелки все эти люди! Все рассказы Чехова о мужиках для меня просто неинтересны — потому что я с детства видел, знал и помню до сих пор, что мужики характернее, умнее, благороднее, поэтичнее и одновременно страшнее, то есть они более мощны и в человечности, и в звериности, чем сумел их изобразить Чехов; они гораздо разнообразней, чем он сумел их разглядеть, а в жизни и судьбе их много *подлинно героического*, что так чудно видели и Некрасов, и Тургенев, и Толстой, не говоря уже о Гоголе. Нужно же было барину Тургеневу «открыть», что мужик — это человек, и человек преинтереснейший, чтобы сорок лет спустя разночинец Чехов «открыл», что мужик — серый и убогий или зверь и урод. Действительность Чехова — только одна из сторон русской действительности его времени, данная в невероятном застое. Можно читать том за томом, и создается впечатление, что все время читаешь одно и то же. А драмы Чехова сильнее потому, что в них (даже в «Вишневом саде») есть перекличка с будущим — неопределенная, мечтательная, но все же глубоко жизненная. Все три сестры необыкновенно романтичны и прекрасны, несмотря на их беспомощность. И наши передовые интеллигентные молодые люди со всей их житейской

практичностью и энергией в формирующемся прекрасном эмоциональном и глубоко человеческом богатстве своей души — находят отзвук тех лучших струн, что звучат и в «Трех сестрах». Я вижу это по современному молодому зрительному залу на спектакле «Три сестры» в Художественном театре. Вообще это спектакль (как и пьеса) — глубоко патристичный, исключительной моральной силы воздействия на души людей в смысле их очищения. Для воспитания новых поколений он имеет большое значение.

Проза Чехова неповторима, по ней учились, учатся и будут учиться поколения. И все-таки я вижу, что интеллигенция, растущая у нас из рабочих и крестьян, но только все дальше и дальше уходит от интеллигенции, изображенной Чеховым-прозаиком, она просто растет по-своему, мимо, очень далеко от всего склада, образа жизни и мышления чеховской интеллигенции, а это значит, что в ее изображении Чехов не достиг высоты общечеловечности. Почему, в самом деле, современные дети рабочих и мужиков могут пойти в себе больше общности с Андреем Болконским, Пьером Безуховым, Наташей Ростовою, чем с чеховскими разночинцами? Интеллигенция Чехова нашим передовым, образованным молодым людям не может не казаться несколько непонятной, чуждой, скучной. В этом смысле князь Андрей, Пьер, Наташа более понятны и близки.

Надо же было барину Тургеневу «открыть» разночинца Базарова, в котором наша молодежь находит родственные себе черты, чтобы тридцать лет спустя разночинец Чехов показал своих разночинцев, с которыми у нашей молодежи нет никакого родства. Конечно, известная часть нашей молодежи еще только *дорастает* до некоторых сторон душевного склада тех лучших представителей интеллигенции, которых сумел увидеть и показать Чехов в своих драмах. Однако в жизни в то время были еще более интересные интеллигенты, чем в его драмах.

Достаточно сказать, что во времена Чехова разночинец Базаров уже не был одиноким, а мощно двигал вперед русскую и мировую науку в борьбе с рутинерами и мракобесами — двигал ее в лице Менделеева, Сечепова, Мечникова, Ковалевского, Тимирязева и их многочисленных учеников и последователей.

Мечников, например, — современник Чехова. И вот каким видел Мечникова его сподвижник Ру в день семидесятилетия ученого:

«До сих пор я так и вижу вас на будапештском конгрессе 1894 года, когда вы спорите с вашими противниками: лицо горит, глаза сверкают, волосы спутались. Вы были похожи на какого-то демона науки; ваши слова, ваши неопровержимые доказательства вызывали рукоплескания аудитории».

Да, Мечников был весь в борьбе и вовсе не походил на чеховского Дымова!

Он всегда ставил перед собой большие, трудные вопросы — о смысле и цели жизни, об основе нравственности, о смерти, — решая их с научных позиций, с подлинной смелостью и страстью новатора.

В драмах своих Чехов менее бытовистичен, локален и более общечеловечен, чем в прозе. Но в жизни были еще более интересные люди, чем в его драмах. То, что Чехов-прозаик, за исключением нескольких действительно скучных фигур, вроде Дымова в «Попрыгунье» или Кириллова во «Врагах», не показал или почти не показал ни одного яркого, преданного своему делу, любящего народ, отдающего ему все силы души — красивого, сильного характером народного учителя, фельдшера, агронома, врача, каких я немало знаю по своему детству, что он не показал ни одного незаурядного мужика с подлинно министерской головой и настоящим размахом, ни одного мужика большой оригинальности и индивидуальности, каких я даже в одном своем селе, закрыв глаза, могу назвать десятки, причем они, в силу своей шекспировской внешности и души стоят в моей памяти так рельефно, как если бы они были вырезаны из меди или отлиты из бронзы, — то, что Чехов не видал этого, это колоссальное поражение его как художника.

Не увидеть в русской действительности ни одного смелого, умного, думающего и ищущего рабочего, мастерового человека, ни одного мужика с характером, ни одного идейного, яркого, умного, сильного народного интеллигента — это значит все-таки остаться до конца дней своей жизни в стороне от главного русла борьбы и развития. Как я могу с интересом читать и любить скучного Дымова, когда я знаю, что моя мать, рядовая фельдшерица,

не раз жертвовавшая собой ради спасения жизни других, была человеком шекспировского характера, апостолом правды и одновременно деспотом вроде Марфы Посадницы! К ней за сотни верст ездили мужики советоваться не только о медицинских, а и о своих жизненных и общественных делах; даже старосверы, которые не признавали медицину и не лечились у матери, ездили к ней советоваться, когда она уже работала в городе, для чего им нужно было проехать сто двадцать верст на лошадях и двести верст поездом. Не могу я с интересом читать про чеховских интеллигентов, если я знаю такого врача, как чистопольский Авдеев Дмитрий Дмитриевич, который в невыносимых условиях лет сорок проработал среди чистопольских крестьян-татар, большой, красивый, сильный человек, который так же далек по незаурядной биографии своей, по могучей индивидуальности своей от чеховских «героев», как король Лир от Чебутыкина; если я знаю такого врача, как отец доктора Писарева, который (отец), поступив на участок в селе Ярославской губернии фельдшером, еще в условиях старого строя, путем самообразования, сдал экстерном на врача, стал врачом, проработал на одном участке пятьдесят пять лет, вылечил целые поколения крестьян и крестьянок и еще в юности своей уговорил мужиков посадить возле своего села, на землях, считавшихся неудобными, лес-сад, который превратился также на закате его жизни в гигантский парк — гордость ярославских колхозников. Надо сказать, что вся жизнь этого «Астрова» была отдана народу. Не увидеть этого в России — это невероятное поражение Чехова как художника. В народе были рядовые Мичурины, Менделеевы, Репины, Ермоловы, Чайковские, а главное, уже росли рядовые Ленины, и они, эти маленькие люди, были очень ярки, как и их высшие прообразы, — они совсем не походили на Дымова и на Кириллова, но Чехов не видел этого.

В ряду великой русской литературы — Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Тургенев, Некрасов, Толстой, Достоевский, Чехов, Горький — это обстоятельство заставляет считать Чехова все же наименьшим. Но, конечно, наименьшим *именно в этом великом ряду*.

О РАННЕМ ГОРЬКОМ

«МЕЩАНЕ». «ДАЧНИКИ». «ТЮРЬМА».
«РАССКАЗ ФИЛИППА ВАСИЛЬЕВИЧА»
«БУКОЕМОВ», «КАРП ИВАНОВИЧ»

Вопреки распространенному мнению, ранняя драматургия Горького значительно выше его ранней прозы. Характеры в его драмах — большего социального наполнения и как емко, экономно, выпукло даны! Есть персонажи, которым в пьесе едва ли десяток фраз отведен. Но так как каждую из них этот персонаж произносит в общении с людьми, совершенно разными, он поворачивается с десяти сторон и весь виден. Этому Горький научился у Чехова, но развил в соответствии со своей социальной задачей, ибо Горький пире выводит разные классы общества и в пьесах его несравненно больше действующих лиц.

1944—1956

О ЛЕОНИДЕ АНДРЕЕВЕ

«В ТУМАНЕ». «ТЬМА».
«РАССКАЗ О СЕМИ ПОВЕШЕННЫХ».
«БЕЗДНА»

Пишет он, надо сказать, отвратительно: многословен, эпитеты неточны, и все — неправда, все извращено, все безнравственно. «Тьма» — ренегатство прегнуснейшее.

Леонид Андреев, если даже брать его только как художника, — это пример того, как могут ошибаться современники в оценках явлений литературы. В начале нашего века его художественное значение преувеличивали почти все, даже Горький и Кирков. И все мое поколение увлекалось им в ранней юности.

1955—1956

«Находившийся под влиянием Шекспира и Гете кружок поэтов, к которым принадлежали Веневитинов, Бенедиктов, Хомяков, Тимофеев и Якубович, больше обещал, чем дал. Зато Алексей Кольцов, а после него Алипанов и Ульянов пропели песни, во всей своей свежести и самобытности вырвавшиеся из народной души и открывающие собой новую значительную полосу в русской литературе и лирике».

Вот пример исключительного смещения представлений у историка (правда, немца, пишущего о современных ему русских). Угадал только о Кольцове! Что же можно сказать о современниках? Когда сейчас говорят, — «раньше поэзия была лучше», забывают, что они имеют отборные имена, устоявшиеся за полтора столетия. А сколько и тогда было имен, ныне забытых, и сколько имен наших поэтов-современников назовут в будущем с благодарностью и уважением!

ЗАПАДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

О КНИГЕ Б. Г. РЕИЗОВА «ТВОРЧЕСТВО БАЛЬЗАКА»

(Изложение и комментарии)

Анализ «романтического» движения начала XIX века. При всех оттенках, которые к 1840 году окончательно выявились, как два направления — собственно «романтизм» (Гюго) и по существу реализм (Стендаль, Бальзак), — в двадцатых и тридцатых годах оно, это движение, обнимало и Байрона, и Гете, и Шиллера, и Гюго, и Бальзака, и Вальтера Скотта, и Стендаля, и Мюссе, и Мериме. Это подтверждает слова Барбюса: «Романтизм — реалистичен».

И действительно, одно незаметно пронизывает другое, одно переходит в другое. Бальзак стремился к синтезу реализма и романтизма, неправильно называя это «литературой эклектизма». По существу, он стремился к синтезу не только в смысле философских обобщений, а и к синтезу художественных средств. Вначале фантастика, сатанизм, байропизм, меланхолия и ирония и вообще «философские» и «символические» персонажи играли в его творчестве доминирующую роль («Шагреновая кожа», которая тесно связана с первой частью «Фауста»). Потом он переходит к «сценам нравов», то есть собственно к «Человеческой комедии», то есть к реализму в современном смысле. Сам он так формулирует его: «Люди всеобъемлющие, двуликие умы принимают все, и лиризм и действие, драму и оду, полагая, что совершенство требует целостного видения вещей. Эта школа, которую

можно назвать литературным эклектизмом, требует изображения мира, каков он есть: образы и идеи, идя в образе или образ в идее, движение и мечта»¹.

Очень плодотворная для развития нашей современной литературы мысль о том, что реализм Бальзака вбирал в себя «романтические» и «классические» моменты. Эту эстетику Бальзака Рейзов излагает так: «Искусство должно вмещать в себя грацию Рафаэля и средневековое уродство, расиновский стих вместе со стихом «Ориенталий» и гротеск наряду с Венерой»².

Общим для «романтического» движения, в противовес «классицизму», общим и *до* и *после* распада его на собственно романтиков и реалистов в нашем понимании — было то, что уродливое и безобразное считалось достойным пера художника наряду с красивым. Впоследствии Золя с его «натуралистической» школой, а особенно эпигоны Золя, сделали своим объектом только уродливое и безобразное. Бальзак не доходил до этого, он был выше на голову. Но он подверг уничтожающей критике «классицистическое» изображение красоты, даже древнегреческое, ибо оно тоже могло иметь «только одну форму» во множестве копий: «Илиада», греческие статуи и храмы. А «искусство в нашем понимании включает идеал наряду с фантазией... Можно поместить самую идеальную статую среди десяти тысяч статуй Миланского собора, расиновские строки в «Ориенталии», какую-нибудь английскую Венеру в «Клариссу», а в «Хиосской резне» восхитительную женскую фигуру у лошадиного хвоста»³. Реалисту Бальзаку нравился «Собор Парижской богородицы» и китайский гротеск.

Эта синтетичность бальзаковского реализма, которая по его мировоззрению и условиям социальным не могла быть столь совершенна в идейно-художественном отношении, как могли бы достигнуть мы, но все еще, — увы, — «не достигли», — эта синтетичность возвышает его над реалистами — его современниками — на голову. По сравнению с ним не только Золя, а и Флобер слишком приземлены и ползучи. При всех красотах стиля, Флобер настолько «объективен», лишен стремления к добру,

---

¹ Б. Г. Рейзов, Творчество Бальзака, Гослитиздат, Л. 1939, стр. 96.

² Там же, стр. 92.

³ Там же, стр. 87.

к «идеалу», что его, в известном смысле, можно считать родоначальником формалистической литературы — особенно после «Саламбо».

Исключительная самонадеянность невежества, впрочем, вполне простительная в юности, помешала мне в ранних статьях, группирующихся вокруг статьи «Долой Шиллера!» —

а) понять всю плодотворность «романтизма» в старом «синтетическом» и в нашем — социалистическом реализме;

б) выделить в этом смысле Бальзака, Стендаля среди таких, как Флобер, Золя.

Но я могу гордиться тем, что раньше всех «догадался», насколько старые обозначения школ и течений не соответствуют их действительному месту (в смысле художественного метода), и понял, что, например, и Свифт и Толстой, оба по-своему реалистичны. А. Дерман почитал, что я тем самым все «инвелирую»; наоборот, — я тем самым «догадался» об исключительном *разнообразии* художественных средств выражения в пределах реализма, а тем более — социалистического реализма.

(Примечание. Следует в этом смысле очень и очень продумать вторичное возвращение Бальзака, уже вполне реалиста, к Вальтеру Скотту и Куперу в то время, когда французская литература давно уже охладела к этим своим бывшим учителям.)

Синтетичность реализма Бальзака сказывается на форме его произведений. Роль *лирической эмоциональной окраски* в понятии формы и стиля. Разнообразие языковых средств.

Рейзов: «Бальзак постоянно упрекает своих современников в том, что фразы их недостаточно живы, гибки, недостаточно послушны идее, что одинаковым языком опишут произведения, совершенно различные по содержанию»¹.

Слияние, вернее, синтез реализма и романтизма подымают реализм на более высокую ступень. Что это значит? Правда жизни, обогащенная мечтой, то есть будущим, в условиях нашей жизни, которая развивается к совершенству, к добру, — это ли не величайшая степень

---

¹ Б. Г. Рейзов, Творчество Бальзака, Гослитиздат, Л. 1939, стр. 102.

реализма? Вот в чем формула социалистического реализма. Счастливы! Никогда и никому в истории не было дано таких героев, которые уже в настоящем столь воплощают черты будущего, как наши. Мы еще в очень малой степени отразили это в нашем искусстве, ибо не умеем смотреть и слишком копаемся в «мусоре».

Однако противопоставление нашего реализма, как «героического» — прошлому реализму, как «критическому», неточно, не совсем правильно, включает в себя только зерно верной мысли. Неправильно здесь то, что в отношении к прошлому наш реализм *еще более последователен в критике*, что я уже отмечал однажды. Ибо мы с еще более высоких позиций пересматриваем старое, да и в нашей жизни много еще «мусора» и вообще плохого.

Но еще более неправильна мысль, будто старый реализм ничего не утверждал, не возвышал, не героизировал. Какой вздор! Русская классика стоит на этом — Пушкин, Толстой, Тургенев, Горький (даже Гоголь в «Тарасе»). А Диккенс, Стивенсон? А Марк Твен в «Томе», и в «Гекке», и в «Жизни на Миссисипи»? А Ромен Роллан, а Ибсен, а Гамсун, а Вальтер Скотт, а «Тиль Уленшпигель»?

Сейчас важнее обратить внимание наших писателей на *эту* сторону старого реализма, потому что она наиболее плодотворна для нас. В нашей литературе мало любви к современному человеку как носителю будущего, как провозвестнику добра в жизни людей. А без этого нельзя правдиво показать и все дурное в человеке и в жизни.

Сознание того, что в настоящем заключено будущее, было присуще Бальзаку.

В рецензии на роман Поля Лакура «Les deux Fous» Бальзак говорит: «Недостаточно показать, что настоящее лучше прошедшего; нужно дать читателю почувствовать, что вслед за настоящим придет будущее и что это будущее совершеннее той эпохи, в которую мы живем»¹. И в «Человеческой комедии» Бальзак историчен в самом глубоком смысле. Видно *течение* жизни — по его героям, как посетителям прошедшего, настоящего (в самых различных оттенках) и будущего — так, как это будущее мог видеть и представлять себе Бальзак.

---

¹ Б. Г. Рензов, Творчество Бальзака, Гослитиздат, Л. 1939, стр. 136.

Примечание. Буржуа говорят, что социализм лишает человека индивидуальности. Но это же — и насколько с большим правом — говорили о капитализме даже в период его расцвета!

В статье на эту тему можно привести слова Шарля де Ванденесса, одного из героев «Тридцатилетней жепщины» (см. Рейзов, стр. 140).

Многообразие и движение жизни так привлекало Бальзака как художника, что это побуждало в нем, в его творчестве, легитимиста. Как это часто бывает у художников и ученых, мировоззрение его было глубже и шире его политических взглядов.

У Гете основная тема трагедии — борьба героя с Судьбой. У Бальзака: «Один против Необходимости, Необходимости, превращенной в квартирохозяина, квартирную плату, прачку и т. д.».

Бьяншон, доктор: «Деньги — религия нового мира». Бальзак хорошо понимал это. В то же время деньги не всегда *цель* для героев Бальзака, они скорее «необходимость». Героев Бальзака влечет мания, идея, благородная или безумная, честолюбие, страсть, творческий пыл. «Выгода может объяснить только низменные поступки» («Мысли Наполеона») ¹.

Бытовой колорит, данный щедро, но не сам по себе, а слит с высокой драмой, с трагедией шекспировской глубины. В этом сила Бальзака. Правда — это «страшное слияние пошлого и возвышенного, патетического и гротескного; словом, это жизнь такая, какова она есть...» (Феликс Давен) ².

Подлинная современность не только в инерции социального порядка, не только в косности нравов и страстей и наживе, она — в борьбе идеалов, в упорной работе мысли, в победе над низкими инстинктами, она в людях, пишущих книги, делающих открытия, умирающих на баррикадах. Так современность интересуется Бальзака во имя скрытого в ней будущего.

Несомненно, Бальзак в большой степени идет от Данте и Микеланджело. И он сам неоднократно ссылается на это.

---

¹ Б. Г. Рейзов, Творчество Бальзака, Гослитиздат, Л. 1939, стр. 156.

² Там же, стр. 159.

«Человеческая комедия подобна башне Вавилонской» и т. д. (см. рассуждение Золя, Реизов, стр. 3).

Бальзак эволюционировал от либерализма к легитимизму. Он не был легитимистом в точном, «карлистском» смысле, так как мечтал о новой аристократии, вырастающей из аристократии родовой, капиталистической и аристократии «духа», «таланта». Он признавал роль государства и, особенно, церкви и, особенно, католической, как системы подавления порочных, индивидуалистических склонностей, инстинктов человека.

Непонимание Бальзаком декларации прав человека с ее возвеличением личности человека, как глубоко прогрессивного, гуманистического явления, в противопоставлении кастовости, сословности, привилегиям абсолютизма. Он понимал декларацию прав как начало, как источник того разнузданного индивидуализма, конкуренции, борьбы всех против всех, которое, в сущности, легло в основу наполеоновского гражданского кодекса и стало основой «безнравственной» культурной жизни общества при Бальзаке.

На деле же католическая церковь видела в «легитимисте» Бальзаке существо аморальное, «чудовище» и внесла его книги в разряд безнравственных и запрещенных. Ибо в понимании католицизма Бальзаком нет ничего религиозного. По Бальзаку, в католицизме — столько же добра и зла, как и во всякой другой религии. Но поскольку католицизм господствует во Франции, значит, надо подчиняться ему, как правилам игры в карты или в шашки. Это наряду с Бальзаком проповедует в «Человеческой комедии» «гений зла» — каторжник Жак Колен.

Стремление отдельного человека к счастью, свобода его разума и даже страстей в *разумном* государстве лежали в основе просветительской философии. Бальзак же видел в этом, начало эгоистическое и разрушительное. (Впрочем, это же и у Руссо: «Мыслящий человек — извращенное животное».) По Бальзаку, чем меньше мысли и больше веры, тем человек «моральнее», устойчивее и нравственнее и физически. Из высказываний физиолога и мистика Физидора, героя Бальзака: Жизнь — это огонь, который нужно прикрывать золой. Мыслить — значит добавлять пламени к огню...». Мысль... — это... ан-

гел-губитель человечества...»¹. «Карл Моор (в «Разбойниках» Шиллера) — самое отвратительное создание, самое глубокое злодейство, которое когда-либо изобразил на сцене драматург» (предисловие к «Шагреневой коже»). Почему? Потому, что он при помощи нескольких идей убивает старика!

Страсть — это излишество, зло. Добродетель — лишена страсти. Камюзá, предающий правосудие, страстен. Добродетельный Попино лишен всяких страстей. «Героизм, который опирается на страсти, несколько не возвышает человека». И вот в чем проблема для Бальзака (по Рейзову): «Страсть — это все человечество. Без страсти религия, история, роман, искусство оказались бы не нужны...» Но «страсть — это излишество, это — зло», а поэтому — «спасительное противопоставление добра и зла в «Человеческой комедии» составляет предмет моих беспрестанных забот»². Бальзак сопровождает изображение страстей «великим поучением». Такова его «философия», «воззрение». Но в то же время Бальзак видит: «Человек без страсти, совершенный праведник, — чудовище, полуангел, еще не имеющий крыльев... Праведник на земле — это скучный Грандиссон, для которого даже уличная Венера оказалась бы бесполой»³.

Это — не религиозный католицизм, а такое отношение к религии, какое выражено в «Теории власти» Бональда и в «Гении христианства» Шатобриана. То есть без страсти нет жизни, и чем сильнее страсть, тем больше поборающая ее добродетель. Религия, подавляющая страсти, предполагает их наличие. Отсюда неприятие Бальзаком протестантского, пуританского изображения страсти, особенно к женщине, у Вальтера Скотта. У Бальзака г-жа де Морсоф («Лилия в долине») побеждает страсть смертью, издав последний «крик плоти».

Обратить внимание на роль господствующей страсти у Бальзака. Более прямолинейно в более ранних романах («Гобсек», «Горио», «Гранде» и т. п.) и психологически усложненно в дальнейшем («Кузина Бетта» и особенно «Беатриче», «Провинциальная муза», «Депутат от Арси»).

---

¹ Б. Г. Рейзов, Творчество Бальзака, Гослитиздат, Л. 1939, стр. 198.

² Там же, стр. 201—202.

³ Там же, стр. 204.

Католики, конечно, не могли признать Бальзака «своим». Ибо, в конечном счете, в изображении Бальзака величие самой страсти *выше* победы «духа» над нею. Так Бальзак-реалист торжествует над Бальзаком-католиком. «Великие страсти редки, как шедевры. За исключением такой любви, существуют лишь сделки, преходящие возбуждения, достойные презрения, как все ничтожное» (Феррагюс) ¹. Это гениально!

Но Бальзаку, мысль — явление материальное, и это одновременно и делает его материалистом и в силу вульгарного понимания сближает с мистиками, «ясновидцами», «вызывателями духов» и прочими кретинами оккультных «наук». Последнее — это у Бальзака-художника наносное. По существу, он обеими ногами стоит на почве материалистического сознания.

Подводя итоги мировоззрению Бальзака как художника, можно видеть, что, по существу, его пленяет революционная материалистическая философия XVIII века и в то же время он боится ее и, как католик-идеалист, весьма неубедительно в своих «поучениях» старается приспособить к легитимистско-католической реакции.

Бальзак стоит на той точке зрения, что, поняв закономерность событий, можно управлять ими. «Высший человек вступает в союз с событиями и обстоятельствами, чтобы руководить ими», — говорит Вотрен (каторжник Колен) ².

Слабые личности, бездарные правительства, рассеянные индивидуальные воли вновь превращают мир в хаос. Отсюда необходимость сильной политической власти. Отсюда преклонение Бальзака перед Наполеоном.

Тетка Вотрена говорит «со страшной гордостью»: «Вот уже сорок лет, как мы замещаем судьбу» ³.

Вотрен — «Наполеон каторги».

«Вскрыв жестокое беззаконие буржуазных законов, он (Бальзак. — А. Ф.) видит исход не в уничтожении буржуазного общества, а в монархическом произволе, стоящем превыше закона» (Реизов) ⁴. Умный, добрый монарх — вот что нужно. *Трагический* реализм! Необходи-

---

¹ Б. Г. Р е и з о в, Творчество Бальзака, Гослитиздат, Л. 1939, стр. 209.

² Там же, стр. 221.

³ Там же, стр. 225.

⁴ Там же, стр. 233.

мость «порядка», подавляющего естественные потребности человека. Общественное «спокойствие», покупаемое ценой отказа от личного счастья. Так Бальзак показывает противоречие, неразрешимое в пределах буржуазного общества, противоречие между государственным строем и личностью.

Материалистическая основа мировоззрения Бальзака, идущая от революционной философии XVIII века, *разрывает* внешние покровы благонамеренного католически-легитимистского морализирования и обуславливает *философскую глубину* изображений Бальзака.

В сущности, реализм Бальзака не так «стихиен», как это принято было считать.

Бальзак говорит: «...Это мы создаем настоящую действительность. Она подобна вот этой чудесной груше Монтрейля, которую с бесконечным трудом выращивают в течение ста лет. Та действительность, о которой говорите вы, подобна горькому плоду лесной груши, который ни на что не годен. Настоящую действительность, действительность в искусстве, нужно выращивать, как грушу Монтрейля»¹.

Писатель в случайном находит закономерное и «овладевает» событиями, как государственный муж, политический деятель.

Книга — по Бальзаку — более влиятельна, чем сражение. «Руссо больше совершил, больше повлиял на французские нравы, чем Наполеон. Сражение под Аустерлицем — случайность, торжество одного мгновения, события доказали это, между тем как «Павел и Виргиния», например, ежедневно одерживают победу Франции над Европой»².

Либертон рассматривает сюжетную интригу Бальзака с той же точки зрения, что Честертон — интригу Диккенса. Рейзов показывает, что интрига Бальзака лежит в основании современного общества, и это, конечно, верно. Следовало бы под этим углом зрения исследовать и сюжетную интригу Диккенса.

Вообще говоря, сближение Диккенса и Бальзака, как это ни парадоксально на первый взгляд, — очень

---

¹ Б. Г. Рейзов, Творчество Бальзака, Гослитиздат, Л. 1939, стр. 252.

² Там же, стр. 264.

плодотворно. И Жорж Санд, и Виктор Гюго, и, наконец, Энгельс отмечают в реализме Бальзака способность видеть и показывать передовое, человеческое, «доброе» там, где его в то время можно было найти. Бальзак выше Диккенса лишь в том, что он не впадал в идеализацию и в сентиментальность. Но в «Холодном доме», в «Давиде Копперфильде», несомненно, много «бальзаковского».

Бальзак — о развязке драмы в «форме катастрофы». В природе эти бурные отношения не заканчиваются, как в книгах, смертью или искусно построенными катастрофами; они кончаются менее поэтично: отвращением, гибелью лучшей части души, «пошлостью привычки». Отсюда пошел Флобер.

Бальзак говорит: «Наша юная литература пользуется методом картин, в которых сосредоточены все жанры, комедия и драма, описания, характеры, диалог, охваченные сверкающими узлами увлекательной интриги»¹.

Эта мысль Бальзака очень плодотворна для нас — в смысле необходимости большей художественной свободы в романе: роман позволяет сказать всё. И в то же время нельзя забывать о занимательности.

В целом можно сказать, что книга Б. Г. Рейзова — прекрасная, умная работа, совершенно недооцененная и не замеченная, опирающаяся на подлинное знание вопроса. Ее популярности мешает суховатый, книжный, избыливающий «терминами», ипостранными словами и кавычками, скучный язык, так характерный для многих литературоведов, особенно «ленинградской» школы. Однако это не может отнять (для серьезного читателя) глубокого познавательного значения этой книги.

1945

О СТЕНДАЛЕ

Характерно, что «романтизм» в представлении Стендаля тоже не означал какой-то литературной школки или течения. Для него «романтизм» — то общее направление литературы, противопоставившее себя «классицизму», —

---

¹ Б. Г. Рейзов, Творчество Бальзака, Гослитиздат, Л. 1939, стр. 346.

направление, характерным признаком которого является: 1) современность, 2) верное изображение страстей (то есть конфликты характеров). В «Жизни Россини» он утверждает: «...Искусство живет только страстями... Нужно почувствовать пожирающий огонь страстей, чтобы преуспевать в области искусства»¹. Все творчество Стендаля показывает, что его интересовали далеко не только страсти в области любви, а страсти общественные, — мало того, все любовные конфликты у Стендаля — это тоже конфликты социальные. В работе «Расин и Шекспир»: «Романтизм — это искусство давать народам такие литературные произведения, которые при современном состоянии их обычаев и верований могут доставить им наибольшее наслаждение.

Классицизм, наоборот, предлагает им литературу, которая доставляла наибольшее наслаждение их прадедам»².

Этот призыв Стендаля к *современности* был одновременно ударом по *реакционному* романтизму, который уходил в прошлое, идеализировал прошлое.

Бальзак о Стендале: «Я пишу фреску, а вы ваяете статуи». Но, в сущности, обоих объединяло то, что так прекрасно выражено Дидро: «Человек есть единственный пункт, от которого все должно исходить и к которому все должно возвращаться, если мы желаем поправиться, заинтересовать, растрогать, даже при изложении самых сухих размышлений и самых мелких подробностей».

В этом сила обоих, но Бальзака более интересовали «обстоятельства», формирующие человека, а Стендаля — собственно «диалектика души».

Противоречивость и одновременно цельность образов Стендаля объясняется тем, что взращен он был в героическую эпоху, а творить ему пришлось в эпоху торжества денег. Фабриций, Жюльен Сорель, Люсьен Левиен — при всем том, что они люди рефлектирующие, — преисполнены живых чувств и страстей, несут в себе подлинно героическое начало.

Именно этими своими сторонами творчество Стендаля так нравилось Л. Толстому.

1955—1956

---

¹ Стендаль, Собрание сочинений, т. X, ГИХЛ, 1936, стр. 249.

² Там же, т. IX, ГИХЛ, 1938, стр. 53.

В отличие от Бальзака и Стендаля — реализм Флобера ползучий, бескрылый — при всем мастерстве Флобера в области лепки характера, остроте зрения, позволяющей ему выхватывать из обилия жизненных деталей иногда самое неожиданное, при непревзойденном мастерстве в области стиля.

Флобер не только не понимал реализма Бальзака, он его не признавал. В «Сентиментальном воспитании» он скрытно полемизирует с Бальзаком, характеризуя Делорье, знавшего «свет» «сквозь лихорадку своих вождений...» «...Он верил в существование куртизанок, которые дают советы дипломатам, в выгодные браки, заключенные с помощью интриг, в гениальность каторжников, в случайность, покорную сильной руке». Это выпад против лучших романов Бальзака и, в особенности, против образа Жака Колена (Вотрена), — каторжника, одного из гениальных образов Бальзака, разоблачающих капитализм через его изнанку, через его страшное дно. Флобера смутило, что *такого* каторжника вряд ли можно было бы встретить среди «живых» каторжников. Но «выдумка» Бальзака раскрывает подлинное лицо капитализма, разоблачает капитализм больше и глубже, чем все произведения Флобера. Жак Колен больше «жизнь», чем все «Сентиментальное воспитание» с «Мадам Бовари» в придачу. (Подлинный реализм включает в себя «романтизм».) Бальзак *увидел* в республиканцах положительные моральные качества, где их действительно тогда только и можно было найти. Флобер же *оболгал* утопических социалистов, проявив в оценке социалистических учений обывательское невежество, и относился всю жизнь к простому народу как к «быдлу». И это реализм?!

Но у Флобера можно и должно учиться многому, и прежде всего его бескорыстному, самоотверженному, предельно чистому, преисполненному чувства долга отношению к своему искусству, к художественному труду. Его частные открытия неповторимы. Прекрасен образ госпожи Арну. А господин Арну точно вылеплен — так он ощутим весь и физически, и по внутреннему его облику. И только Флобер мог сказать такое: «Глубокие чувства похожи на порядочных женщин; они страшатся, как бы

их не обнаружили, и проходят через жизнь с опущенными глазами». Это замечательно и тем, что сказано в связи с единственно глубоким чувством Фредерика — его чувством к г-же Арну. Так, г-жа Арну с ее нравственным обликом охарактеризована через глубокое чувство и сама является как бы физическим, живым воплощением этого чувства — столь же единственным или, во всяком случае, редким в окружающем пошлом обществе, как редки в этом обществе глубокие чувства. И все же куда как далеко г-же Арну, скажем, до пушкинской Татьяны!

Флоберу невозможно простить изображение восстания 1848 года в Париже. Написанное пером злобствующего обывателя, изображение это лживо и гнусно.

Вывод. Реализм подлинный подразумевает изображение наиболее существенных сторон жизни, умение их увидеть. Этому способствует наиболее передовое для данного исторического времени мировоззрение. Противоречие между так называемыми «взглядами» и объективным художественным методом не есть противоречие между мировоззрением и художественным методом (это — бессмыслица), а есть противоречие в самом мировоззрении, сказывающемся на верности художественного изображения (как, например, у Бальзака и у Толстого, что вскрыто — у первого — Энгельсом, и — у второго — Лениным). Реализм без долженствования не может быть подлинным, как это и «случилось» с Флобером; подлинный реализм обязательно включает желаемое, должное, мечтаемое, то есть романтизм. Противоречие между реалистическим и романтическим методами полностью снято социалистическим реализмом.

1952

О ЗОЛЯ

«ЖАБА» ЗОЛЯ

Мужественная статья, пример нам.

«Статья глупая, статья ядовитая, статья сумасшедшая» — вот образцы современной ему критики.

Золя: «...Только подвергаясь атакам и может расти писатель. На самых больших больше всего и нападают,

а прекратятся эти атаки, — значит, писатель начал славать»¹.

Замечательный конец статьи: и как критики эти не боятся суда истории?!

Мопассан прекрасно разобрал стихи юного Золя: «По большей части, они заключают в себе пространные философские рассуждения: в них говорится о таких грандиозных вещах, которые обычно облачаются в стихотворную форму только потому, что для прозы они недостаточно ясны»². Очень хорошо!

Это справедливо для огромного большинства современной поэзии, даже раннего Маяковского, не говоря уже о Багрицком, Луговском, Сельвинском. Тем не менее поэзия — действительно наиболее удобная форма для выражения грандиозных идей, когда их нужно дать синтетически, как в симфонии.

Все ли ясно в Шестой симфонии Чайковского? Но это подлинная правда и реальность.

Мопассан забывает, что поэзия близка к музыке. К тому же все развитие литературы *после* Мопассана показало, что можно писать туманно и ложно значительно — *прозой*.

По словам Мопассана, Золя так определял «натурализм»: «Природа, увиденная сквозь темперамент художника».

«Романтизм — реалистичен». Это — мнение Барбюса, и оно глубоко верно, поскольку речь идет о литературном движении первой половины XIX века.

Барбюс верно говорит о стиле Золя, «в котором чувствуется не столько искание стиля, сколько воодушевление».

Все же непонятно предпочтение, оказываемое Барбюсом Золя перед Стендалем (см. его книгу «Золя»).

Книга хороша, но Барбюс совершает две крупные ошибки:

когда понятие интернационализма противопоставляет патриотизму «вообще» (у него интернационализм безнационален, что невозможно);

---

¹ Журнал «Интернациональная литература», 1940, № 3—4, стр. 177.

² Там же, стр. 179.

когда забывает, что многие стороны семьи и брака, носящие буржуазный характер при капитализме, приобретают совершенно иное значение в социалистическом обществе, так как спадает маска лицемерия и все наполняется благородным содержанием.

1940—1944.

О МОПАССАНЕ

«ИЗБРАННЫЕ НОВЕЛЛЫ»

Прекрасный, правдивый писатель. Несомненно, там, где он видел добро в людях, он его показывал. Это можно видеть по многим его новеллам. Это есть и в «Жизни», в образе Жанны. Но он, как и Флобер, не верил в то, что добро может восторжествовать, не видя той силы в народе, какая может осуществить добро в жизни. Отсюда многие его новеллы, как и роман «Милый друг», в самом глубоком смысле слова, безнравственны. Они безнравственны не прямым изображением грубых сторон жизни — в этом сила Мопассана, — они безнравственны своим неверием в возможность торжества добра.

Эстетизируется вся низость общества, читатель силою авторского таланта погружен в ароматное болото и не в силах вылезти из него. И все же в произведениях Мопассана больше, чем в произведениях Флобера, чувствуется стоящий за всем этим страдающий человек прекрасной души.

Такие вещи, как «Пышка», «Мисс Гарриет», «Возвращение», «Мадемуазель Перль», очпщают душу.

1946

ЧЕСТЕРТОН О ДИККЕНСЕ

(Изложение и комментарии)

Умно и верно, что на творчестве Диккенса — отсвет идей французской революции и чартистского движения. Величие Диккенса — величие этого поколения. Вера в величие и достоинство человека. Умно и верно, что если

литература есть «преувеличение» (обобщение), то почему принято считать «естественным» преувеличение (обобщение) в литературе всего злого, критического, скептического, иронического и осуждать в Диккенсе преувеличение (обобщение) всего доброго и оптимистического.

Замечательна мысль о том, что жизнерадостность и оптимизм Диккенса имеют народные корни. Глупо думать, что жизнь, полная лишений, порождает пессимизм. «Пессимисты — аристократы»¹. Народ, несущий бремя лишений и страданий, — оптимистичен и жизнерадостен.

«Мы... считаем, что все должно быть в меру, «хорошего понемножку», и эта наша робость является своего рода кощунством, способным смести в один миг все идеалы человечества. Великие богоборцы былых времен не боялись быть обреченными на вечные мучения, нас же страшит даже радость, если она вечна»².

«В отличие от современных романистов, выдвигающих на первый план алхимию своих экспериментов и распылчатые характеры своих героев, Диккенс продолжал иные литературные традиции. Он был призван создавать полубогов, как это во все времена делали люди из народа. Он был призван, повторяю, усилить мощь жизни. Прославленный им идеал — это, в сущности, задушевная беседа двух друзей за бутылкой вина всю ночь напролет. Но эти люди связаны дружбой вечной и неразрывной, их ночная беседа длится бесконечно, и они пьют вино из неисчерпаемого сосуда»³.

Наши современные романы, говорит Честертон, в большинстве случаев изображают людей из интеллигентных слоев общества и рисуют их такими, какими они являются на самом деле, тогда как народное творчество создает образы непомерной величины, описывает героев-полубогов. Создание подобного рода титанических фигур, очевидно, задача и слишком ответственная, и непосильная для представителей интеллигенции. Оно требует такого же мастерства, как ремесло каменщика или хлебопашца. «Эти гиганты созданы скромными тружениками земли, которые не имели права избирать своих королей, но которым это ничуть не мешало избрать себе богов»⁴.

---

¹ Г. Честертон, Диккенс, изд. «Прибой», Л. 1929, стр. 48.

² Там же, стр. 91.

³ Там же, стр. 92.

⁴ Там же, стр. 86.

«Живопись, выдержанная в блеклых и серых тонах или в полутонах, об отсутствии которых вы так сокрушаетесь в произведениях Диккенса, рисует не жизнь, а создавшееся в нашем уме представление о ней. Настоящая же живопись, борьба геройства и подлости, отражает истинную жизнь, жизнь действительно пережитую»¹.

«Когда сюжетом современного романа служит наивный клерк, который не в состоянии решить, на какой девушке ему остановить свой выбор, или какое вероучение спасет его душу, мы тем не менее награждаем этого жалкого кретина именем «героя», хотя более громкого названия не удалось бы придумать даже для Ахиллеса!»²

«Диккенс был не романист, а скорее творец мифов...» Его герои точно «взяты из мешка рождественского деда». Они «долговечны и живут в радостном сознании своего совершенства»³.

Герои Диккенса не развиваются в зависимости от обстоятельств, они существуют на протяжении всего романа такими, какими он их «вынул из мешка». Его разветвленный, увлекательный сюжет потому и необходим ему, чтобы дать калейдоскоп лиц и характеров без их развития.

«Диккенс служит блестящим примером того, что может получиться, если гениальный писатель обладает общими с широкой публикой литературными вкусами»⁴.

Дальше прекрасно о служении народу, о неразрывных нитях, связавших Диккенса с народом.

«Уметь вникать во все что угодно — единственное средство увидеть истинную сущность вещей. И таким людям вещи как будто приветливо кивают головой»⁵.

Честертон опрокидывает эстетскую точку зрения о якобы вульгарных вкусах, вульгарном понимании «толпы». «У Платона и у Данте был общий со всеми людьми разум; только потому их духовная жизнь и получила всеобщее признание»⁶.

Честертон обходит всю критическую сторону реализма Диккенса и с присущим ему блеском и остроумием

---

¹ Г. Честертон, Диккенс, изд. «Прибой», Л. 1929, стр. 187.

² Там же, стр. 87.

³ Там же, стр. 89.

⁴ Там же, стр. 105.

⁵ Там же, стр. 99.

⁶ Там же, стр. 106.

подымает все жизнерадостное и героическое в творчестве Диккенса. А между тем, если изъять у Диккенса всю критику английского капитализма, нельзя правильно понять и характер гуманизма Диккенса.

Диккенс Честертона — односторонний Диккенс, и это — не случайно.

1944

О ХАЛЛДОРЕ ЛАКСНЕССЕ

«САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ»

«Понять борьбу между двумя противоположными силами души — это еще не источник, из которого рождается песня. *Источник* прекраснейшей песни — *это сочувствие*» (подчеркнуто мной. — А. Ф.). Как это верно. Без любви к человеку не увидишь, не поймешь, не передашь конфликта!

Перед отъездом Иоуна, младшего сына Бьяртура, в Америку отец с сыном светлой ночью идут к болоту, где осталась овца — она должна вот-вот окотиться.

«...Болтливый кулик следовал за Бьяртом, рассказывая ему длинную чудесную сагу. А как слушаешь, то начинает казаться, что для такой длинной саги маловато содержания: все «хи-хи-хи» — и так без конца лет на тысячу.

Но когда-нибудь на дальней стороне вспомнится тебе эта сага, и ты вдруг откроешь, что она красивая, пленительнее многих других, может быть, даже самая красивая на свете. И ты надеешься, что услышишь ее еще раз после смерти; что тебе будет разрешено скитаться ночью на болотах в канун вознесения, после твоей смерти, и еще раз послушать эту полную чудес сагу, — именно эту, и никакую другую».

Лакснесс — один из самых сильных художников современности. Только необыкновенная любовь к своему народу могла породить столь поэтичную и глубоко человеческую книгу.

Бьяртур в его борении с жестокой судьбой — действительно «герой саги». Это подлинно «героическая сага» об исландском бедном мужике. Ауста Соуллия — образ,

преисполненный поэзии возвышенной и правдивой. Да, поистине источником этой прекраснейшей песни было сочувствие к судьбе народа своего, так угнетенного и униженного и такого сильного душой.

1955

О КЛАССИКАХ СЛОВАЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Создатель современного словацкого литературного языка — Штур.

Его ближайший друг и сподвижник — Янко Краль. Штур, преследуемый мадьярской властью в Словакии, жил в селе у брата, недалеко от Турчанского св. Мартина, где и умер в пятидесятых годах прошлого века. Краль присутствовал при его смерти. Можно себе представить, какая непомерная тяжесть лежала на сердце у Краля, когда он стоял у изголовья умирающего друга и учителя в эту мрачную пору после поражения революции 1848 года, — один из немногих интеллигентов словацкого народа, — без опоры в народе, без будущего! Но он принадлежал именно к тем деятелям этого народа, которые верили в будущее. Правда, жил он неприкаянно, даже многие из его произведений до нас не дошли.

Гвездослав вывел словацкую литературу за рамки национальной ограниченности, проделав для словацкой литературы примерно то же самое, что Врхлицкий для чешской. Гвездослав был, однако, более национален, а Врхлицкий более космополитичен. Гвездослав перевел многое из вещей Пушкина и Лермонтова.

Ваянский, сын Гурбана, — поэт старой генерации. «Ваянский» — это его псевдоним. Поэт и прозаик ярко выраженной русофильской ориентации. Исключительно современно звучит его стихотворение «Англии». Очень плодovit.

Иван Краско — прекрасный поэт. Очень популярен и сейчас, но мало написал. Есенский — продолжатель классических славянских традиций.

Сейчас на некоторых представителях «младшего» поколения словацкой литературы — печать дурных западных влияний.

Полезно в нападании напомнить им о их классической традиции с ее ярко выраженными —

- а) крестьянской народностью,
- б) национально-освободительными идеями,
- в) симпатиями к русской культуре.

Очень любопытно, что Штур в своем «упрощении», то есть по сути дела — раскрепощении языка, приближении его к народному говору, взял за основу язык центральной Словакии, подобно тому как Пушкин — язык московский.

Самобытный, славный народ. Чудные, неповторимые вышивки, кружева, народная керамика, национальные одежды. Словаки-ремесленники, замечательные «умельцы» из какого-нибудь Тренчина, разъезжались во все концы России и Западной Европы и Америки с ремесленными ящичками через плечо. Какой чудесный сюжет для поэмы или романа!

1946

К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ ВОСТОКА

Взять историю литератур народов Востока в свете нашей материалистической теории борьбы эстетических взглядов — «искусства для жизни» против «искусства для искусства». Этот признак очень поможет вскрыть борьбу двух культур (по Ленину) в культуре народов Востока в прошлом, ибо такие гиганты, как Фирдоуси, Низами, Навои, в сущности, конечно, шире их феодальной природы и притом — реалисты, несмотря на их условную форму.

Сказанное применимо и к великой литературе Китая и Индии.

Величие классиков азербайджанской литературы периода формирования народа как нации состоит в сознании нас, русских, — то есть тех русских, которые были предшественниками всечеловеческого освобождения, — как главной ведущей силы их свободы. И даже сейчас мы в этом смысле еще недостаточно оцениваем таких светочей, как Фатали-хан кубинский, Бакиханов, Мирза Фатали Ахундов, Зардаби, Молла Насреддин, духовно связанных с прогрессивными силами России. Чтобы понять это, им нужно было через многое переступить в самих себе и особенно в окружающей национальной среде, которая не могла не воспринимать Россию, прежде всего, через угнетательский царизм.

1947—1948—1956

О ЖИВОПИСИ

ХУДОЖНИКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Пиомбо (или Пьомбо?). «Саломея». В отличие от многих позднейших Саломей — изломанных, претенциозно-декадентских (жесточких, развратных и в то же время утонченно-загадочных, что есть ложь), Саломея Пиомбо — здоровая, толстая, тупая, животной красивой баба. Нервов у нее нет, одна тупая животность, и ей так же ничего не стоит преподнести на блюде отрубленную голову, как ничего не стоило ее немецко-фашистским подругам в годы войны носить сумочки, отделанные кожей советских военнопленных, и пользоваться мылом, вытопленным из их трупов.

Тициан. «Христос и Магдалина». Жест Христа так певинен и стыдлив перед павшей на колени Магдалиной! Если вспомнить, что он — мужчина, а она — женщина, все должно было бы быть наоборот! Но впечатление таково, что Христос немножко даже испугался этого павшего перед ним и протягивающего к нему руку «порока». Художник не может погрешить перед жизнью и точно говорит: «Вот какова на самом деле была первая встреча Иисуса с Магдалиной, если это действительно имело место и если Иисус был во человеческой плоти, а духом таков, как о нем говорят».

Тинторетто. Млечный Путь (или Происхождение Млечного Пути, или Начало Млечного Пути). Какая фантазия! Какое торжество жизненного начала!

Пьеро делла Франческа. «Рождение Иисуса». Это сочетание деревенских девушек, поющих, играющих на лютнях, славящих рождение Христа, и сидящего в стороне Иосифа, положившего босую ногу на другую, сцепившего руки и даже не глядящего на новорожденного. Чувствуется, что у него крайне неловкое положение!

Неловкость его положения понимали и другие художники итальянского Возрождения. Например, в картине Боттичелли того же названия подчеркнуто старый Иосиф, босой, согбенный, даже почесывает плешь, а ангелы на переднем плане картины просто сплетничают по этому поводу.

Корреджо. «Мадонна с младенцем и ангелом». Лукавая, маленькая, пухлая, нежная, курносенькая девчонка. Два малыша, тоже курносеньких. Изумительное тело.

Луис де Моралес. «Мадонна с младенцем» и «Скорбящая богоматерь». То же лицо, но какая перемена! А руки! Это пронзает.

Эль Греко (Доменико Теотокопули). Мастер света исключительный. Свет беспокойный, мерцающий, придающий зыбкость формам, при авторском сознательном аскетически-«византийском» нарушении пропорций, стремлении к удлинённости форм. Все это обеспечило ему любовь тех направлений живописи, которые склонны к формализму или просто не умеют владеть формой и композицией. Но такое представление только способно оскотить многогранного, гениального Эль Греко.

Исключительное впечатление от «Св. Франциска» Греко. Эти изумительные тонкие, чуткие руки слепого. «Иаков» Рибера кажется написанным нашим гениальным современником.

Должен сознаться, что, в известном смысле, испанцы мне даже больше импонируют, чем итальянцы, своим более «современным» реализмом: Веласкес (портрет Оливареса), Рибера, Сурбаран (Св. Лаврентий последнего, с этой приземистой фигурой, мощными кистями рук, широким, простонародным беззубым лицом, с непричесанными волосами, лицом грубоватым и полным вдохновения, — фигура реальная и даже юмористическая); наконец, Мурильо (эрмитажный «Мальчик с собакой»).

Что же касается нидерландской школы, то как-то трудно плениться рубенсовской телесностью, — может

быть, из-за ее мифической оболочки и барочности, с ее отсутствием строгости.

Насколько, однако, «Персей и Андромеда» Рубенса выше, чем Менгса. У второго все «правильно», академично и холодно.

У Рубенса — чувственно, наивно, народно. Если снять мифологические одежды — чудные парубок и дивчина, а Пегас из конного двора ломового извозу, могуч, добр и тоже очень наивен.

Барочный Ван-Дейк больше говорит сердцу при всем его аристократизме, — главным образом, благодаря изумительной характеристике людей.

Ближе всех — Рембрандт. Удивительна судьба его — с этим непризнанием и нищетой.

Картина «Возвращение блудного сына» в молодости мною недооценивалась. Надо стать взрослым, нет — пожилым человеком и отцом и много раз видеть эту картину, чтобы оценить все ее величие и мастерство. Старик справа — совершенно русский мужик, или монах, или пастух.

Вообще Рембрандт вкладывает в библейские мотивы необыкновенную силу реальности, все так значительно и в то же время «житейски» оправданно. Например, «Самсон угрожает своему тестю»: тоже будто сегодня написано (если бы только умели так писать сегодня!).

«Изгнание торгующих из храма». Хорошо, что всего пять фигур. В лицах изгоняемых нарочито подчеркнуты низменные страсти, — Рембрандт не боялся и этого.

Нехорош (по мысли) прославленный портрет ученого. Лицо лишено ума, характера. Изумительно выписаны стариковские, не знавшие физического труда мелкоморщинистые руки, но это руки все же не ученого.

«Святое семейство». Мадонна — совершенно милая мещанская крошка. Среди этого благополучия так и врежется в память наивно-напряженное и удивленное лицо ангелочка.

Голова старого и голова молодого еврея. Обе очень хороши. Молодой — похож на русского народного инокка, — что-то репинское (гаршинское) в лице. Но сделаны темновато оба, — это так характерно для Рембрандта, мне это непонятно и не импонирует. В «Святом семействе» Иосиф почти не виден и почти плоскостной.

Портрет брата. Лицо солдатское. Есть даже что-то от Максима Горького.

Портрет старушки (1654 год). Шедевр реализма. В лице старушки больше мысли, чувства, пережитого страдания, опыта, чем в лице так называемого ученого. Лицо очень демократичное, руки трудовые. Несмотря на подчеркнутую старость, где-то в складке губ, в глазах, едва-едва, но в то же время определенно показаны былая женственность и сила характера. Как и везде у Рембрандта, простая и прекрасная композиция.

«Даная» — хорошо то, что она обыкновенная женщина, не очень хороша собой. Все светлее, чем обычно.

Неповторимая фактура материала — туфли, занавеси, подушка, скатерть на столе, покрывало, а главное — тело.

«Портрет Бартье Мартенс». Шедевр портретной живописи и шедевр реализма. Худоцавая старушка с удивительными глазками, носом и губами. Выражение хитрости, ума и еще многого, не передаваемого словом. Как всегда у Рембрандта, изумительные руки.

1937—1938—1944—1952

ОБ ИМПРЕССИОНИСТАХ

Эрмитаж следовало бы кончать до импрессионистов, а импрессионистов (и позднейших) показывать в специальном музее, где они и были когда-то.

Дега, Сезанн, Моне, при всей их исключительной талантливости, уже «не тянут» рядом с такими силачами. И притом на силачах лежит свет истории, а этих все еще воспринимаешь как «своих». Споры вокруг них — это споры все еще современные.

В книге «Мастера искусства об искусстве» напечатана прекрасная беседа Клода Моне с Фельсом: «Тогда не говорили «Я не понимаю», но «Это идиотизм, это подлость» — это стимулировало нас, давало мужество, заставляло нас работать»¹. Очень хорошо!

Лучшие высказывания — Ренуара (скромность, достоинство, жизнелюбие, труд): «Наиболее искусная рука

---

¹ «Мастера искусства об искусстве», т. III, Изогиз, М. 1934, стр. 131.

всегда бывает лишь служанкой мысли» (письмо к Моттецу) ¹.

Та же мысль в высказываниях Эжена Будена: «Нужно, чтобы краска, рисунок, форма содействовали выражению идеи» («Из записной книжки») ².

Скучны и претенциозно-формалистические рассуждения Сезанна; позерство под видом неудовлетворенности. Сам не сознает. Не случайно к картинам его такой испытываешь всегда холодок. Рассудочность — вот грех!

Насколько больше подлинного чувства у Ван-Гога: «И в фигурах, и в пейзажах я хотел бы выразить не сентиментальную грусть, а серьезную горечь жизни» (из письма к брату) ³.

Да, это то самое, чего хотели бы и все — и не только живописцы, — но часто получается сентиментально. Нет мощи! Нужна подлинная *народность*.

Однако еще хуже, когда есть только внешнее. Прекрасное высказывание Золя о «Цветочной набережной» Фирмена Жерара:

«...что составляет колоссальный успех картины — это отделка каждой детали, отделка, доведенная до невозможности... И что же! Говорю хладнокровно. Это пропзведение — просто дурной поступок, потому что извращает вкус публики. Оно заставляет ее принимать за искусство то, что есть не что иное, как ловкость и терпение.

Это сухая, черствая, мертвая живопись, рисующая живую природу так, как живописец неодушевленных предметов рисует золотые украшения. Все в ней ярко и мелко: жалкий рисунок, резкие краски, мелочность ансамбля. «Когда все есть, нет ничего, — говаривал наш великий Коро, и он был прав...» ⁴

Примечательна, однако, и критика Золя, направленная на его друзей-импрессионистов. И особенно — их подражателей и продолжателей.

Золя — художник социальный — требовал, чтобы был человек и чтобы была мысль.

1935—1940—1944

¹ «Мастера искусства об искусстве», т. III, Изогиз, М. 1934, стр. 193.

² Там же, стр. 105.

³ Там же, стр. 252.

⁴ Цитируется по статье А. Тихомирова «Золя и импрессионисты» (журнал «Искусство», 1939, № 5).

Теодор Аман (1831—1891). Прекрасный художник, разносторонний, силен и в картине и в портрете. «Хора» (народный танец), «Тудор Владимиреску», «Правитель Молдавии Штефан чел Маре и его верный Пуриче», «Автопортрет». Изумительно хороша «Цыганка». Этим классиком своим народ Румынии вправе гордиться.

На многих художниках XIX века сильно отразилось влияние французского импрессионизма и, к сожалению, той его стороной, где цвет приобрел самодовлеющее значение и человек потерялся. Это тем более печально, что среди художников Румынии этого направления сильны и народные мотивы: Ион Андрееску (1850—1882) — «Ярмарка»; Николай Григореску (1838—1907) — «Возвращение с работы», «Прачки».

Как это было и у нас в двадцатых годах, в период АХХР, на современных художниках Румынии, идущих к реализму, вернее — на многих из них, все еще пагубно сказывается — еще не преодолены — буржуазные влияния последних десятилетий развития живописи в странах Западной Европы с утратой формы, неумением рисовать, незнанием анатомии, законов перспективы, цвета, композиции. Содержание новое, а форма нередко обедняет, искажает это новое, иногда просто уродует.

На этом фоне выделяется своей талантливостью, мастерством Изер — «За пряжей», «Писатель Гала Галактион».

XIX век выдвинул подлинного мастера скульптурного портрета Иона Джорджеску (1856—1898) — «Актер Паскали».

Хорош также портрет работы Дмитрия Пачурия (1873—1932) — «Художник Штефан Лукьян». (Немного под Родена, но Родена еще реалиста, — необыкновенно выразительно даны лицо и руки Лукьяна.) Можно отметить еще Оскара Шпете (1875—1944) — «Бюст писателя Караджале».

Надо думать, что внешний и внутренний облик Петра I лучше всего передают живописный портрет И. Никитина и скульптурный портрет К. Б. Растрелли (отца известного архитектора). Только Никитин больше передает «интимного», «домашнего», «простого» Петра (не умаляя насколько значительности его), а Растрелли — государственного деятеля, военного вождя и пр. Этим художникам можно доверять, как людям, придерживавшимся реалистического направления, близко знавшим Петра и хорошо — можно сказать, практически изучившим его внешность.

В музее художественных миниатюр (Виктории и Альберта) в Лондоне я обратил внимание на миниатюру, кажется, французскую, начала XVIII века: на переднем плане Петр, он положил руку на голову чудесно выпященного арапчонка (Ганнибала?). На заднем плане, надо полагать, Полтавская битва, — во всяком случае, видно, как на конях палят и рубят бородатые мужики. Этот — должно быть, заочный портрет Петра, написанный, однако, его современником-французом, отдавшим Петру почтительную дань и назвавшим его Великим, — этот портрет уступает двум вышеназванным, хотя и прекрасно сделан в цвете. Петр здесь приукрашен, манерен, нижняя губа характеризует человека скорее капризного, чем волевого.

Что касается бюста Растрелли, то, хотя он и был «одописец» в скульптуре, подобно Тредиаковскому в поэзии, он был правдив. Так, он не смог приукрасить лица Анны Иоанновны (в группе с арапчонком) — правда не позволила. И Петр его правдив в своем историческом величии, как правдива Анна в своей безобразии, несмотря на то, что скульптор ставил своей целью «прославить» Анну.

1952

СУРИКОВ

Поражает, что у этого могучего художника-монументалиста, в отличие от Репина, к примеру, так неинтересны эскизы к его большим картинам. У Репина они часто

интереснее самих картин. Очевидно, Суриков подходил к ним только как к чему-то технически вспомогательному, конструктивному.

Стоит взять эскизы к самым прекрасным его картинам — «Боярыня Морозова», «Меншиков в Березове», «Утро стрелецкой казни», чтобы заметить: те же детали в картинах *неизмеримо* сильнее. Безотносительно к картинам, взятые сами по себе, эскизы неинтересны. То же в отношении эскизов *целого*. Как часто у Репина — наоборот! Или даже у неизмеримо менее даровитого Васнецова. Эскиз к васнецовской картине «После битвы» (хранится в нестеровском собрании в Уфе), куда выразительнее, острее, чем сама картина, похожая на конец акта в дурной опере.

Однако как художник Суриков *крупнее* Репина в силу большей народности, по темпераменту, а главное — *столкновения характеров*. Всегда — две борющиеся силы. По тщательности подбора лиц, их выпуклости и выразительности, композиционному выдвиганию на первый план и даже по густоте цвета всегда можно увидеть, кому Суриков сочувствует. Сравни всю правую часть картины «Боярыня Морозова» с левой, казаков и туземцев в «Покорении Сибири». «Меншиков в Березове» — вторая сила не изображена, но подразумевается. В Суворове — тоже. Впрочем, мощь суворовского движения подчеркивается мощью природы, которую приходится преодолевать. Путь движения войска почти нереален, ибо в действительности этим путем пройти нельзя. Конь Суворова поставлен там, где стоять коню явно невозможно. Однако в этой «нереальности», в преувеличении, может быть, и заключена истинная сила этой картины. Несмотря на формальные погрешности, она производит незабываемое впечатление.

«Утро стрелецкой казни» была бы совершенно потрясающей картиной, *если бы Петр не был так внутренне и внешне незначителен*. Это грешит против исторической правды. И по силе столкновения характеров надо бы более монументального и умного Петра, — тогда конфликт был бы наполнен подлинным историческим содержанием и потрясал бы еще более.

В «Степане Разине» хороша только композиция — выход челна на необъятный волжский простор. Сам Сте-

пап — оперный. Расположение фигур в челне, выражения лиц не мотивированны. Люди между собой не связаны единством действия или настроения. В картине нет цели, — идейный разброд.

Не всегда удачны у Сурикова и отдельные, самостоятельные пейзажи. Рядом висят виды красноярской и крымской природы и безводной пустыни, и нет между ними глубокой, принципиальной разницы: пейзажи лишены мысли.

Суриков силен там, где *трагические коллизии*. Здесь равного ему по силе русского художника нет.

Прекрасен «Старик на огороде» — солнечная, удивительно светлая по сравнению со всеми суриковскими картинами (даже по сравнению с «Боярыней Морозовой»). Изумительны лицо старика, руки, ногти на больших пальцах ног, капуста на огороде, весь задний пейзаж. Но, пожалуй, в ней нет никакого принципиального отличия от Репина. Во всяком случае, под ней могла быть подпись и не Сурикова.

Трагизм в лучших картинах Сурикова есть трагизм народных движений прошлых эпох. При всем сочувствии к ним, этим движениям, исключительная сила правды исторической в показе их *обреченности*. По глубине исторического прозрения Суриков не имеет себе равных, пожалуй, во всей мировой живописи.

От безыдейной археологической реставрации старины, музейности его оберегла биография: уроженец Сибири, где еще живы были не только предания, а и характеры патриархальной древности, он почувствовал живой дух народных движений прошлого.

Несомненно также косвенное влияние народничества, очень своеобразно преломленное, характерное для первого периода его творчества — 1873—1887 («Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове», «Боярыня Морозова»).

Манера письма грубоватая, тяжелая, сильная. Многоцветность. Композиция, если учесть множество фигур в их сочетании с природой, — гениальная.

Суриков во время поездки за границу писал Чистякову о том, что Тинторетто совсем не гнался за отделкой, как Тициан, а он «только схватывал конструкцию лиц, просто одними линиями в палец толщиной... Ах, какие у

него в Венеции есть цвета его дожеских ряс, и с такою силою вспаханных и проборошенных кистью, что, пожалуй, по мощи выше «Поклонения волхвов» Веронеза. Простяк художник был»¹.

Пожалуй, это же можно сказать о Сурикове.

1937

---

¹ «Мастера искусства об искусстве», т. IV, Изогиз, М. 1937, стр. 427.

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

1

Недостаток многих произведений современности, особенно драм, объясняется тем, что авторы не являются подлинными господами, хозяевами своих идей.

Если «бунт» Ибсена не имел определенной цели, то и его «бунтующие» почитатели не признавали инстинктивного содержания своего «бунта», и Ибсен их удовлетворял. Современники же наши, не ставшие подлинными господами своих идей, не в состоянии удовлетворить пролетариат, особенно авангард его, ясно сознающий цели и содержание своего «бунта».

«Фогт. Великое воспоминание служит залогом роста вперед.

Бранд. *Да, если с жизнью есть связь живая.* Вы же курган воспоминаний славных превратили в убежище для дряблости душевной» (Ибсен, «Бранд»).

Таковы многие из наших так называемых «исторических» романов и поэм, где авторы не столько поднимают опыт прошлого во имя настоящего и будущего, а прячутся в прошлое от настоящего.

1935

2

КАЧАЛОВ В РОЛИ ИВАРА КАРЕНО

Гамсун дает Ивара Карено как фигуру трагическую, объективно положение Ивара Карено *трагикомическое*. Талант Качалова в том, что он дает последний, объективно верный вариант без всякого нажима на комическое и при большой субъективной убежденности Карено.

1935

В социологической литературной критике совершенно недостаточно вскрыть непоследовательность, неправильность, односторонность, слабость, незрелость и т. п. взглядов автора, а гораздо важнее определить их *конкретно-исторические* причины; слабостями какого класса или слоя (и на каком *этапе* борьбы *трудящихся* за свое освобождение) они являются; нет ли, несмотря на эти недостатки (в глазах авангарда), движения *вперед* с точки зрения предыдущих позиций этого класса; а отсюда — *что является сильным, действительным, убедительным, могущим быть использованным нами* — при всех недостатках — в произведениях данного автора.

В этом, в частности, глубокое отличие ленинских статей о Толстом от плехановских. Плеханов, в сущности, ограничился полемикой со *взглядами* Толстого, чтобы — упаси бог — их не приняли за социалистические. Это необходимо. Но это совсем, совсем мало. Ленин же разобрал Толстого глазами *хозяина* истории: что Толстой отражает в масштабе *всей* борьбы, чем велик и полезен, чем слаб и вреден и почему.

1935

4

ЧИТАЯ СТАНИСЛАВСКОГО...

Станиславский о собственном ощущении на сцене и о впечатлении зрителей: часто при прекрасном ощущении себя не доходишь до зрителя — и наоборот.

* * *

Актеры хотят играть то, чего им не хватает в жизни (некрасивый — красавца, пожилая актриса — первую любовницу и т. п.). Найти *свое* амплуа. «До какого абсурда доходит актер, когда он пользуется театром для самопоказывания!»

* * *

Красной нитью — борьба со штампом.

* * *

Искусство — порядок, стройность, цельность, единство (все компоненты подчинены общему замыслу).

* * *

Еще о штампе: внимание и чувство отдается не тому, что происходит сейчас на сцене, а тому что происходило когда-то на других сценах, откуда черпаются образцы. (То же и в литературе!)

* * *

Тренировка и дисциплина.

* * *

«Классические роли нужно отливать, точно бронзовые монументы».

* * *

Творческие муки. «Чувствуешь это *нечто*... оно в тебе... стоит его схватить... а оно куда-то исчезает. С пустой душой без духовного содержания подходишь к сильному месту роли». «Буфера» не дают приблизиться к сильному чувству.

* * *

«Комизм произведения, сатира — сами собой вскрываются, если отпестись ко всему происходящему с большой верой, серьезно» (см. Белинского).

* * *

Нарастание чувства. Обычно у актеров — от пиано сразу к фортиссимо, и на нем держатся. По Станиславскому — нужен долгий период нарастания и сдерживания и короткий *удар* фортиссимо.

* * *

При неокрепшем даровании — не браться за непосильные роли. Не давать непосильной работы чувству.

* * *

«Когда играешь злого, — ищи, где он добрый».

* * *

Характерные актеры и актеры, играющие себя. Любить *роль* в себе, а не себя в роли.

* * *

Пример подхода от внешнего к внутреннему: наклеенный выше другого ус помог раскрыть характер. (У Л. Толстого — роль стеаринового пятна в одной из работ художника Михайлова в «Анне Карениной».)

* * *

Еще о непосильных ролях. Они требуют насилия над собой, и испуганное чувство выставляет «буфера» в виде условности, актерских штампов.

* * *

«В репертуаре артиста, среди большого количества сыгранных им ролей, попадаетея несколько таких, которые... сами собой слагались в его человеческой природе. Стоит прикоснуться к такой роли, и она оживает без мук творчества, без исканий и почти без технической работы».

* * *

«Есть мужественный лиризм, мужественная нежность и мечтательность, мужественная любовь... Сентиментализм — это лишь плохой суррогат чувства».

* * *

Опыт роли Отелло. Подтверждение мысли о том, что нельзя браться за роли, которые «дай бог одолеть в конце своей сценической карьеры». И о том, что интуиция без техники, без умения не может решить дело.

Роль конструкций, скульптурных предметов на сцене, помогающих актеру. Живописные плоскостные декорации дают иллюзию для зрителя, но актеру они не помогают. Даже самый гениальный актер, если он стоит один перед рампой, в состоянии привлечь на себя внимание зрителя только очень короткий срок.

1935

5

ПЯТАЯ СИМФОНИЯ ШОСТАКОВИЧА

Изумительной силы. Прекрасна 3-я часть. Но конец звучит не как *выход* (и тем более не как торжество или победа), а как наказание или месть кому-то. Страшная сила эмоционального воздействия, но сила трагическая. Вызывает чувства тяжелые.

1938

6

К ПОЛЕМИКЕ С А. ДЕРМАНОМ

Он забывает проблему наследования. Литературное явление надо объяснять не только базисом, но и в ряду литературного развития: что от чего идет в смысле традиции, влияния, наследования. У меня не «сведение к сходству» с «забвением различий», а борьба с узостью, догматизмом, ограниченностью в понимании старого реализма *для* установления многообразия, различия, индивидуального разнообразия, многосторонности *форм* в социалистическом реализме: для этого надо по-новому рассмотреть наследство, чтобы понять — что от чего идет, что может обогатить.

1940

СТАТЬЯ ТЬЕРИ МОНЬЕ
(«АКСИОН ФРАНСЕЗ», 10/12-1942 г.)

О тяжелых материальных обстоятельствах жизни французских писателей и художников.

Поль Валери «вынужден был без конца греть коченеющие пальцы о сосуд с горячей водой».

Характерно повышение интереса к книгам и спроса на них среди читателей. Автор объясняет это исчезновением ряда возможностей занять свой досуг — нет «ночной жизни», нельзя путешествовать, передовая пресса сократилась и выродилась, кино обеднело. И появилась потребность «в более прочных и менее легковесных интеллектуальных ценностях». Но спрос нечем удовлетворить — нет бумаги. Бумага *распределяется* государством. Литература в руках «диктатуры официальной бюрократии». Решают они и полезность, и вред с точки зрения «политики и морали» и художественной ценности. (О, если бы наши любители буржуазных свобод, жалующиеся на диктатуру советскую в дни войны, знали бы, что их коллеги во Франции в лапах худшей из буржуазных диктатур!)

СТАТЬЯ ЖОЗЕФА ВУАЗЕНА В «ЭФФОР»
(КЛЕРМОН ФЕРРАН, 10/1—1943 г.)

Какова будет французская литература после войны?

«Мы прекрасно сознаем, что в настоящее время французам не хватает одного из главнейших условий для великих взлетов. Нам недостает идеала». Автор паки и паки находит «идеал» в пацифизме.

8

Ни на Западе, ни в Америке такой прозы, как наша, уже давным-давным нет. А поэзии у них и вообще нет, — ее нет у них уже более четверти века, так же как и музыки.

Чтобы иметь представление о советской прозе за двадцать восемь лет ее развития, достаточно составить следующую библиотеку, в которую *не войдут* замечательные исторические романы, созданные нашими писателями, а только произведения с советской темой:

«Хождение по мукам» А. Толстого, «Тихий Дон», «Поднятая целина» Шолохова, «Цемент» Гладкова, «Расстратчики», «Я сын трудового народа», «Сын полка», «Время, вперед!» Катаева, «Двенадцать стульев», «Золотой теленок» Ильфа и Петрова, «Барсуки», «Соть», «Последняя ночь» Леонова, избранные повести и рассказы В. Иванова, «Города и годы», «Братья» Федина, «Зависть» Олеси, «Дневник Кости Рябцева» Огнева, «Педагогическая поэма» Макаренко, «Два капитана» Каверина, «Спутники» Пановой, «Одиночество» Вирты, избранные рассказы Н. Тихонова, «Дикая собака Динго, или Первая любовь» Фраермана, «Народ бессмертен» В. Гроссмана, «Виринея» Сейфуллиной, «Белая гвардия» Булгакова, избранные повести и рассказы Пришвина, «Чапаев» Фурманова, «Железный поток» Серафимовича, «На Востоке» Павленко, «Буйные травы» Егорова, «Это было в Ленинграде» Чаковского, «Танкер «Дербент» Крымова, «Бессмертие» Югова, избранные рассказы Козина, «Хирург» Емельяновой, «Большой рейс» Клосс, «Севастополь» Малышкина, «Морская душа» (избранные рассказы) Соболева, «Дни и ночи» К. Симонова, избранные повести и рассказы А. Гайдара.

А если добавить исторические романы? Вот какой исторической библиотекой можно было бы это пополнить:

«Петр I» А. Толстого, «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара» Тынянова, «Одеты камнем» Форш, «Цусима» Новикова-Прибоя, «Капитальный ремонт» Соболева, «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского, «Белеет парус одинокий» Катаева, «Дмитрий Донской» Бородина, «Первые радости» Федина, «Емельян Пугачев» Шишкова, «1916 год» Льва Успенского, «Порт-Артур» Степанова, «Из Гоши гость» Давыдова, «Разин Степан» Чапыгина, «Иван Грозный» Костылева, «Иван III» Язвицкого и др.

Если добавить сюда такие фантастические, сказочные вещи, как «Три толстяка» Олеси, «Кладовая солнца» Пришвина, «Уральские сказы» Бажова, можно видеть, сколь многообразна современная русская проза.

Пусть-ка хоть одна из стран Западной Европы или Соединенные Штаты попробуют составить за этот же срок подобную библиотеку!

«По свойству моему, или, лучше сказать, по моей натуре, мне нужно для исправления моей должности по моей профессии совершенное спокойствие духа, без которого я не только с честью, но и с успехом упражняться не могу, а потому прошу, так как от должности моей зависит все благополучие наше и наших детей, оставлять меня, когда я в кабинете, в совершенном покое».

Старик был прав, — о, как он был прав!

1950

В поэзии я воспитан на Некрасове. Но если бы я всю жизнь читал только Некрасова, я чувствовал бы, что многие стороны моей души остаются неудовлетворенными. Я — по потребности души — наряду с Некрасовым читаю лермонтовского «Демона», и гетевского «Фауста», и байроновского «Чайльд Гарольда». В конце концов мне, в общем, наплевать, как это называлось в старину — или называется сейчас — «реализм» или «романтизм», важно, чтобы за этим стояла правда, и важно, чтобы все стороны и потребности моей души, все ее разнообразные поэтические струны были затронуты, проявили себя и нашли отклик.

Это не только свойство *моей* души, это свойства всякой мало-мальски развитой человеческой личности. И уж если говорить о личности современного советского человека, то потребности души его шире и разносторонней, чем у какого-либо человека в истории.

И если Н. Грибачев сегодня пристаёт к горлу с ножом и требует: читай только меня и Недогонова — это социалистический реализм, а все, что не похоже на это, это даже не романтизм, а просто *формализм*, и все это от лукавого, — то современный человек вправе ответить ему: «Идите вы к черту с таким социалистическим реализмом, тогда лучше давайте старый реализм и старый романтизм, там моей душе просторнее!»

Н. Грибачев и другие, столь же талантливые, но узкие

в своих взглядах на поэзию люди, не понимают, что социалистический реализм призван не сузить, а расширить возможности поэзии, возможности выражения себя в поэзии по сравнению со старым реализмом и романтизмом. Социалистический реализм в поэзии вполне допускает форму «романтическую» и даже «символическую» — лишь бы за этим стояла правда.

Все клянутся Маяковским, называя его первым социалистическим реалистом в поэзии, забывая, что в его поэзии форма «романтическая», условная была господствующей. Это не мешает ему, однако, быть первым социалистическим реалистом в поэзии.

Нельзя не любить чудесную поэзию Твардовского, Исаковского, но трудно в то же время лишиться себя потребности читать нечто современное, написанное в духе (форма неповторима, ибо суть другая, но в «духе») «Фауста», или «Демона», или «Чайльд-Гарольда».

Сила Маяковского в том, что он один был необыкновенно разносторонен в области формы. Пушкин был гений, ибо вмещал *все*.

Какие богатые возможности таятся в этом смысле в советской поэзии, показала она сама в дни Отечественной войны. Патриотический подъем народа привел в звучание ее многообразные струны: «Сын» Антокольского, «Василий Теркин» Твардовского, «Киров с нами» Тихонова и «Пулковский меридиан» Инбер, Исаковский и Щипачев, Сурков и Алигер, Симонов и Прокофьев, Маршак — таков был диапазон даже только русской советской поэзии. Она должна и дальше развиваться на столь разных путях, единая по духу.

1950

Часто обнаруживаемое противоречие между тем, что художник говорит в своих художественных произведениях, и тем, что он выражает в статьях и высказываниях и что принято называть его общественными, политическими, теоретическими взглядами, — не есть противоречие *между творчеством* и мировоззрением, как это принято думать, а есть противоречие *в мировоззрении*. Неверное представление об этом создано на основе неверного истолкования высказывания Энгельса о Бальзаке.

«То, что Бальзак был принужден идти против своих собственных классовых симпатий и политических предубеждений, то, что он *видел* неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи, и то, что он *видел* настоящих людей будущего там, где в это время их только можно было найти, это я считаю одной из величайших побед реализма, одной из особенностей старика Бальзака» (Письмо к Маргарет Гаркнесс).

Энгельс говорит в первом случае не о мировоззрении в целом, а о «политических предрассудках». Подчеркивая — Бальзак *«видел»*, — Энгельс тем самым не исключает творчество Бальзака из мировоззрения. Иначе пришлось бы трактовать творчество не материалистически, а идеалистически, как некое «подсознательное, интуитивное начало», противоположное разуму, — некую «интроекцию», «вчувствование» и пр.

Нельзя считать «мировоззрением» *только* философские, теоретические, политические взгляды и высказывания, минуя весь многообразный жизненный опыт человека. Это книжный взгляд на мировоззрение. Согласно такому взгляду миллиарды людей и вовсе «лишены» мировоззрения. А между тем жизнь учит не хуже книг, хотя без книг и нельзя выработать цельного и всеобъемлющего взгляда на мир.

Блестящий пример социального, классового анализа подобных противоречий, равно отражающихся и в творчестве и в теоретических, общественных высказываниях писателя, — статьи Ленина о Толстом, — Ленин прямо говорит о *кричащих противоречиях в мировоззрении Льва Толстого*. Вообще эти статьи — образец критического анализа. Человек, занимающийся критикой, не должен, однако, забывать, что Ленин не занимался *эстетическим анализом*, без которого статья собственно критическая, литературно-критическая не может считаться завершенной.

1950—1956

Говорит Домна Борисовна:

«Люди все время идут через нельзя. Давно ли нельзя было летать? Когда-то даже обогреться не умели и тоже,

наверно, думали, что нельзя. Нельзя, немислимо — это всего-навсего трудно, пока не умеем. А не нас ли Ленин учил, как одолевать трудности! Мало ли несбыточного сделали советские люди — все время шли через нельзя! В нашей стране уже завоевано бесконечное можно... Больше думайте о несбыточном — больше и сбудется». Молодец!

1950

13

Разработать тему о так называемой «романтической», то есть лжеромантической школке в наши дни, то есть о теории, которая революционную романтику рассматривает не как предвосхищение завтрашнего дня на основе *объективного развития*, а как «приподымание», «идеализацию» жизни. Это — проявление субъективизма в литературном творчестве и в литературной науке. «Теория бесконфликтности», затухания борьбы со всеми живыми носителями взглядов и психологии собственничества соседствует с лжеромантической школкой («лакировка» действительности).

С другой стороны, надо сказать, что путаница в вопросах содержания и формы усилилась в связи с тем, что борьба против так называемого «приподымания», «идеализации» была понята некоторыми как отказ от заострения, гиперболизации образа, отказ от типичности, связанной со сгущением, обобщением. И, уж конечно, эти вульгаризаторы посчитали, что социалистический реализм будто бы отрицает символизм, условность и сказочность.

Революционная романтика, как *существенная* сторона социалистического реализма, и «романтическая форма», как *одна* из разновидностей в многообразии форм социалистического реализма, — это вещи разные.

Не надо приукрашивать действительность, надо видеть ее завтрашний день. Это — одна из самых существенных сторон социалистического реализма. Изображать же это можно и в форме, близкой к классическим реалистическим романам (то есть на бытовой основе), и в форме, родственной «Фаусту» или «Демону», романтической, или просто сказочной, или условной, в общем, в любой форме, позволяющей выразить правду.

1955

В применении к поэзии — понятие «риторика» употребляется сегодня *только* как осуждение. Но, в числе прочего, многосторонне развитая человеческая душа нуждается порой и в риторической поэзии. Никто из гениальных поэтов не чуждался риторики. Осуждения заслуживает плохая, неумная риторика. Величественное иногда требует риторики. Она плоха, когда «подменяет», и хороша *на своем месте*.

1955

Высказывание Маркса о древнегреческом искусстве часто трактуется неверно. Как будто Маркс утверждает, что *только* произведения искусства (в данном случае греческого) сохраняют для нас свое значение. Как будто Маркс отрицает тот непреложный факт, что и положение Гераклита, например, *сохраняет* для нас свое значение. («Все течет, все изменяется!») В высказывании Маркса вовсе нет указания на *исключительность* искусства в этом смысле, а поставлен вопрос, вернее задача — объяснить, *почему*, на основании *каких* законов произведения искусства прошлых эпох могут служить для нас в известном смысле образцом.

Мысль Гераклита: «Все течет, все изменяется», — хотя и сохраняет свое значение, но не имеет значения «образца» сегодня, когда есть диалектический материализм, а Венера Милосская остается в известном смысле образцом.

Было бы, конечно, неправильно сказать, что все последующее в науке, даже вершина ее — диалектический материализм — полностью «снимает», отбрасывает, делает ненужным все предыдущее. Нет, такая мысль неверна; лучшее, передовое в науке прошлого продолжает учить и сегодня. Это лучше всего объяснено Лениным в его речи на III Съезде комсомола. Нельзя считать себя образованным, воспользовавшись только *выводами* самой передовой науки, не зная того, что ей предшествовало. Многие в науке прошлых времен, в известном смысле, тоже сохраняют значение образца. Например, учение Дарвина

еще дает и много будет давать человечеству в эпоху, когда диалектический материализм поднял естествознание на более высокую ступень по сравнению с Дарвином. В литературной науке мы и сегодня опираемся на то передовое, что предшествовало марксизму — на Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Но (с ленинской поправкой) нельзя не согласиться с мыслью, высказанной Герценом в письме к сыну по поводу науки в ее практическом значении:

«Из твоих писем я никак не вижу, чтоб ты, сверх занятий по части физиологии и пр., особенно читал что-нибудь дельное. *Or donс* [а между тем] без чтения нет настоящего образования, нет и не может быть ни вкуса, ни слога, ни многосторонней шири понимания; Гете и Шекспир равняются целому университету. Чтением человек переживает века, *не так как в науке, где он берет последний очищенный труд, а как попутчик, вместе шагая и сбиваясь с дороги.*

Чтение газет и журналов очень хорошо, но я говорю о книгах, о *нескольких книгах, без которых человек не есть полный человек*¹. (Подчеркнуто везде мной; эту мысль Герцена напомнил мне Я. Эльсберг. — А. Ф.)

Значит, в подлинном, большом искусстве *есть еще нечто отличное от науки*, что позволяет искусству прошлого жить для нас. Это «нечто» есть то специфическое, что отличает искусство от других надстроек, — *чувственная конкретность изображаемого*.

По Гегелю — художественное произведение занимает *середину* между непосредственной чувственностью и идеализованной мыслью. Оно еще не представляет собой чистой мысли, но оно, вопреки своему чувственному характеру, *уже* больше не представляет собой голого материального существования. Чувственное в искусстве *одухотворяется*, так как духовное выступает в нем, как получившее чувственную форму.

В отношении древнегреческого искусства, кстати сказать, явления изобразительного искусства не случайно сохраняют во времени большее эстетическое воздействие на нас, чем другие виды искусства: Венера Милосская больше сохраняет значение *образца*, чем даже Гомер, Ари-

---

¹ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений под ред. М. К. Лемке, т. X, стр. 45 (письмо сыну от 22 июня 1859 г.).

стофан, Эсхил. Но я бы не сказал, что Венера Милосская с ее гармонией, характерной для «детства человеческого общества», более впечатляет современного человека, чем творения Микеланджело, или Леонардо да Винчи, или Рембрандта — с переданными в этих творениях страстями, борением, конфликтами души, *конфликтами общественными*. Это еще более справедливо по отношению к более поздней литературе. *Здесь прав Герцен: созерцая эти творения или читая Гете и Шекспира, мы «вместе шагаем, сбиваясь с дороги» и — добавлю от себя — находя истину.* В этой борьбе, присущей классовым обществам, где передовое, прогрессивное, человеческое борется с отживающим, косным, реакционным, античеловеческим, — искусство и литература с их конкретной, чувственной изобразительной силой передают, так сказать, *самый путь, самую диалектику* борьбы, с переживаниями, страстями, и люди сегодняшнего дня находят черты, близкие, родственные, волнующие, затрагивающие струны их души. Но это не только не снимает, а, наоборот, предполагает социальную обусловленность и социальную функцию явлений литературы и искусства в их историческую эпоху. Развитие общества на основе классовой борьбы не перестает быть поступательным развитием человеческого общества в целом.

1955

Пустые диалоги и мусор в авторской речи, столь характерные для современной прозы, — это то же самое, что лишние жесты у актера. В. Пашенная рассказывает о том, как в театральной школе учил ее А. П. Ленский: «Я помню, как он держал мои руки, когда я бессмысленно их поднимала или опускала, и заставлял понять, чем вызывается то или иное движение. Все становилось ясным. Все ненужное, фальшивое исчезало, обнажалось внутреннее состояние, сценические действия ученика облекались в правильную внешнюю форму».

1955

ПРИМЕЧАНИЯ

СТАТЬИ И РЕЧИ

БЕЛИНСКИЙ И НАША СОВРЕМЕННОСТЬ

Доклад на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского, в Большом театре Союза ССР 7 июня 1948 года.

Напечатан в газете «Правда» (в сокращенном варианте) 8 июня 1948 года, в «Литературной газете» 9 июня 1948 года, а также в журнале «Октябрь», 1948, № 7.

При подготовке к изданию в сборнике «За тридцать лет» автор, рассмотрев текст статьи, опубликованной в «Правде», писал редактору-составителю сборника: «Нужен не этот вариант, а тот, что был напечатан в «Литературной газете». Но и в том варианте были поправки и сокращения вопреки моей воле. Поэтому надо, взяв его за основу, сверить с оригиналом (в моем архиве)».

Работа эта была проделана, после чего Фадеев вновь сделал некоторую правку в уже сверенном с оригиналом тексте, и в этой последней авторской редакции статья была напечатана в сборнике «За тридцать лет».

Стр. 13. *Они нашли свое отражение и в работах Г. В. Плеханова...* — Белинскому посвящены статьи Г. В. Плеханова «Белинский и разумная действительность», «Литературные взгляды В. Г. Белинского», «Столетие со дня рождения В. Г. Белинского», «Виссарион Белинский и Валериан Майков», «Литературные взгляды Н. Г. Чернышевского» и др.

Стр. 29. «...писал он в связи с представлением «Ревизора»...— Статья о премьере «Ревизора» в Малом театре, напечатанная в 1836 году в газете «Молва» за подписью «А. Б. В.», долгое время приписывалась В. Г. Белинскому. В действительности же автором ее был Н. С. Селивановский (см. «Литературное наследство», т. 56, стр. 226).

ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ ИСКУССТВО

Речь на торжественном заседании, посвященном 50-летию со дня основания МХАТ, 5 октября 1948 года.

Впервые напечатана в «Литературной газете» 30 октября 1948 года. Включена в сборник «За тридцать лет».

НАШ МОЛОДОЙ ЧИТАТЕЛЬ

Статья впервые напечатана в газете «Комсомольская правда» 31 октября 1948 года под названием «Наш читатель».

Написана в связи с 30-летием ВЛКСМ.

Включена в сборник «За тридцать лет» с небольшой авторской правкой, под названием «Наш молодой читатель».

ПОКАЗАТЬ ЧЕЛОВЕКА В ЕГО ТРУДЕ

Речь на Втором съезде писателей Украинской ССР в Киеве 6 декабря 1948 года.

Напечатана в газете «Правда Украины» 11 декабря 1948 года и в «Литературной газете» 15 декабря 1948 года.

В апреле 1956 года переработана автором и в этой последней редакции включена в сборник «За тридцать лет».

В своих выступлениях А. Фадеев всегда подчеркивал, что одна из главнейших новаторских задач советской литературы состоит в том, чтобы показать человека разносторонне, целостно и прежде всего в труде, в отношении к труду, через труд («хотя, разумеется, не только через труд»).

В письме к автору книги о романе «Разгром» А. Бушмину (11 октября 1948 г.) он писал: «Нельзя сказать, что психика человека является главным предметом литературы... Это Ваше выражение совершенно уводит в сторону от того нового, подлинного подхода к человеку, который, в сущности, и есть главное в социалистическом гуманизме нашей литературы. Это — показ человека прежде всего *через деяние*, то есть как раз через то, что определяет его место и назначение в обществе и в природе.

Старый гуманизм говорил: «Мне все равно, чем ты занимаешься, — мне важно, что ты человек». Социалистический гуманизм говорит: «Если ты ничем не занимался и ничего не делал, я не признаю в тебе человека, как бы ты ни был умен и добр».

«Поэтому в наше время, — продолжает Фадеев, — нельзя показать ученого без непосредственного вхождения в сферу его научной деятельности, стахановца — без его труда, полководца — без вхождения в сферу его стратегического и тактического разума и опыта, учителя — без методов его преподавания, школьника — без его учебы, матери — без ее всестороннего действенного отношения к своим детям».

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ОТСТАВАНИЯ ДРАМАТУРГИИ

Речь на XII пленуме правления Союза писателей СССР 20 декабря 1948 года.

Напечатана в «Литературной газете» 22 декабря 1948 года и в журнале «Октябрь», 1949, № 2, под названием «О некоторых причинах отставания советской драматургии». Включена автором в сборник «За тридцать лет» в сокращенном и исправленном виде под названием «О некоторых причинах отставания драматургии».

XII пленум правления Союза советских писателей СССР состоялся 15—20 декабря 1948 года. На пленуме были обсуждены доклады А. Софронова и В. Щербины о советской драматургии и киномдраматургии. А. Фадеев выступил с речью на заключительном заседании пленума.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА ФРАНЦУЗСКОГО ЖУРНАЛА «ЭСПРИ»

Впервые напечатаны (на русском языке) в сокращенном виде, после смерти автора, в газете «Комсомольская правда» 12 мая 1957 года и (полностью) в сборнике «За тридцать лет».

В феврале 1949 года корреспондент французского католического журнала «Эспри» обратился к А. А. Фадееву (находившемуся тогда в Париже) с просьбой ответить на следующие вопросы:

«1. Можете ли Вы охарактеризовать, в общих чертах, развитие советской литературы после войны? Появились ли в этой литературе новые черты?»

2. В каком смысле опыт войны повлиял на психологию советского человека, главным образом молодежи? Что придала война облику советского человека?»

3. Можете ли Вы дать сжатое определение социалистического реализма, о котором распространены на Западе разные противоречивые суждения?

4. Есть стороны советской литературной жизни, которые смущают многих людей Запада, — это вопрос о вмешательстве партии в процессы литературного творчества. Часто, из-за недостаточной информации, этот вопрос плохо у нас понимается. Но одно, кажется, бесспорно: партия ставит перед писателями определенные требования, вызванные политической необходимостью. Требования эти касаются не только содержания, но и формы произведений. Таким образом, писателям приходится творить, исходя не из глубокого внутреннего сознания, а из желания удовлетворить внешние требования. Из-за этого может страдать художественное качество произведения. Просьба разъяснить этот вопрос.

5. В «Молодой гвардии» Вы ярко показали богатство внутренней жизни советских людей. Естественно, что сейчас все мысли и чувства советской молодежи связаны, главным образом, с трудом и строительством. В связи с этим, конечно, возникают и важные вопросы морали, ибо строительство касается не только утилитарных сторон жизни, но и ее красоты. О чем думают советские люди, помимо практических задач? Какое место занимают в их жизни размышления над этическими вопросами, искусством, литературой?

6. В какой мере лирика сохранила свое место в советской поэзии? Продолжает ли молодежь увлекаться Блоком? Что привлекает ее в этом поэте?

7. На Западе еще до войны многие были поражены эволюцией взглядов советской молодежи, например, на вопросы любви, брака, семьи. Коммунистическое мировоззрение как будто отрицает существование «вечных моральных ценностей». Чем же объяснить возвращение в жизни советских людей к ряду традиционных моральных идеалов? Не есть ли это воссоздание «вечных ценностей»?

24 февраля 1949 года А. А. Фадеев ответил на эти вопросы. Ответы были опубликованы в газете «Эспри» в апреле 1949 года.

О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Речь на встрече с французскими читателями, созванной обществом «Франция — СССР» в зале Плейель в Париже в феврале 1949 года.

Впервые напечатана в «Литературной газете» 2 марта 1949 года. Включена в сборник «За тридцать лет»,

31 января 1949 года А. Фадеев во главе советской делегации выехал в Париж для участия в работе Международного Комитета связи деятелей культуры. 11 февраля он выступил на митинге, организованном Международным Комитетом в зале Мютюалито («Митинг в защиту мира в Париже», — «Правда», 13 февраля 1949 года). 24 февраля подписал (в числе других) обращение ко всем демократическим организациям и ко всем сторонникам мира с призывом созвать Всемирный Конгресс сторонников мира в апреле 1949 года.

Публикуемая речь была произнесена А. Фадеевым на многолюдной встрече. «Появление А. Фадеева на трибуне было встречено овацией всего зала в честь Советского Союза. Речь, выслушанная с большим вниманием, неоднократно прерывалась бурными аплодисментами» («Литературная газета»).

ЗА МИР ВО ВСЕМ МИРЕ!

Речь на Конгрессе деятелей науки и культуры США в защиту мира в Нью-Йорке 27 марта 1949 года.

Напечатана в газетах «Правда» и «Известия» 29 марта 1949 года и в «Литературной газете» 30 марта 1949 года.

Включена в сборник «За тридцать лет».

В марте 1949 года А. Фадеев во главе советской делегации выезжал в Нью-Йорк для участия в работе Конгресса деятелей науки и культуры США в защиту мира.

ЗА ДРУЖБУ МЕЖДУ НАРОДАМИ!

Речь на массовом митинге в Мэдисон сквер-гардене (Нью-Йорк) 28 марта 1949 года.

Впервые напечатана в газетах «Правда» и «Известия» 30 марта 1949 года. Включена в сборник «За тридцать лет».

Речь была произнесена на 20-тысячном митинге, организованном по случаю закрытия Конгресса деятелей науки и культуры США в защиту мира. Сообщая об этом митинге, газета «Правда» писала: «Самым торжественным моментом на митинге было представление Шепли руководителя советской делегации Фадеева. Участники митинга устроили в честь Фадеева долго не смолкавшую овацию и прерывали его речь аплодисментами, одобряя заявление Фадеева о верности советского народа делу мира и установления понимания между народами».

Испуганный успехом выступлений советских делегатов, госдепартамент США предложил им 30 марта покинуть страну.

РЕЧЬ НА ПЕРВОМ ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ СТОРОННИКОВ МИРА

Напечатана в газетах «Правда» и «Известия» 22 апреля 1949 года и в «Литературной газете» 23 апреля 1949 года. Включена в сборник «За тридцать лет».

В апреле 1949 года А. Фадсев возглавил советскую делегацию на Первом Всемирном конгрессе сторонников мира. Конгресс должен был состояться в Париже, но в связи с запрещением французским правительством въезда во Францию некоторым делегациям Конгресс был проведен одновременно в Париже и Праге 20—25 апреля 1949 года.

На конгрессе участвовало 2065 делегатов от 72-х стран. Конгресс проходил под лозунгом: «Защита мира — дело всех народов мира!»

От имени советских писателей на Конгрессе выступили А. Фадеев, И. Эренбург, К. Симонов и Мирзо Турсун-заде. Речь А. Фадеева была произнесена 21 апреля 1949 года на вечернем заседании Конгресса в зале Плейель (Париж).

В принятом Манифесте Всемирный конгресс сторонников мира призвал народы к бдительности, активности и единению в борьбе за мир против поджигателей новой войны. Конгресс принял решение об учреждении международных премий мира за лучшие фильмы, литературные и художественные произведения, способствующие укреплению мира между народами. Конгресс избрал свой Постоянный Комитет (140 человек). В состав Постоянного Комитета был избран А. Фадеев.

24 апреля А. Фадеев выступал с речью на массовом 500-тысячном митинге на стадионе Буффало (пригород Монруж), а 27 апреля — на митинге французских рабочих в Лиможе.

СВЕТЛЫЙ И ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ ГЕНИЙ

Вступительное слово на торжественном заседании, посвященном 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина, в Большом театре Союза ССР 6 июня 1949 года.

Напечатано в сокращенном виде в газетах «Правда» и «Известия» 7 июня 1949 года в общих отчетах о торжественном заседании и (полностью) в «Литературной газете» 8 июня 1949 года под названием «Светлый и всеобъемлющий гений». Включена в сборник «За тридцать лет».

О НЕДОСТАТКАХ ЛИТЕРАТУРЫ И О ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ

Напечатана в газете «Правда» 7 августа 1949 года и в журнале «Знамя», 1949, № 8, под названием «О литературе и литературной критике».

В основу статьи положен доклад А. Фадеева на собрании партийной организации московских писателей 3 августа 1949 года, опубликованный (в сокращенном виде) в «Литературной газете» 6 августа 1949 года под названием «За высокое идейно-художественное качество литературы и принципиальную критику».

Включена в сборник «За тридцать лет», с пометкой автора: «печатается в сокращенном виде», под названием «О недостатках литературы и о литературной критике».

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КРИТИКА

Впервые напечатана в газете «Правда» и в «Литературной газете» 24 сентября 1949 года под названием «О литературной критике».

В основу статьи положено выступление на собрании московских критиков и литературоведов, созванном правлением Союза советских писателей СССР 17 августа 1949 года.

Включена в сборник «За тридцать лет», с авторской правкой, под названием «Литературоведение и критика».

О СВЯЗЯХ РУССКОЙ И ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУР

Из речи на Второй сессии Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира в Риме 29 октября 1949 года.

Впервые напечатана (в изложении) в газетах: «Правда», «Известия» и «Комсомольская правда» 1 ноября 1949 года. Включена в сборник «За тридцать лет» в сокращенном виде, под названием «О связях русской и итальянской литератур».

В октябре 1949 года А. Фадеев возглавлял советскую делегацию на Второй сессии Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира в Риме. По окончании сессии Фадеев выступал в Риме с речами на многолюдных митингах.

ЗА КОЛЛЕГИАЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО ЛИТЕРАТУРОЙ!

Заключительная речь по докладу «О задачах литературной критики» на XIII пленуме правления Союза писателей СССР 2 февраля 1950 года.

Впервые напечатана в «Литературной газете» 11 февраля 1950 года. Включена в сборник «За тридцать лет» в сокращенном виде, с небольшой авторской правкой.

РЕЧЬ НА МАССОВОМ МИТИНГЕ В ЗАЩИТУ МИРА В СТОКГОЛЬМЕ

Впервые напечатана в газете «Правда» 20 марта 1950 года под названием «За мир во всем мире!».

В марте 1950 года А. Фадеев, возглавляя делегацию Советского Комитета защиты мира, принял участие в работе Третьей сессии Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира в Стокгольме (15—19 марта).

Стокгольмская сессия Постоянного Комитета обратилась с Воззванием к народам мира о безусловном запрещении атомного оружия и объявления военным преступником того правительства, которое первым применит это оружие. Кампания по сбору подписей под этим Воззванием приобрела широкий размах во всех странах мира. Ко Второму Всемирному конгрессу сторонников мира под Стокгольмским воззванием поставили свои подписи 500 миллионов граждан во всем мире.

На Стокгольмской сессии А. Фадеев выступил с докладом «За мир во всем мире!» («Правда», 19 марта 1950 г.).

Публикуемая речь была произнесена А. Фадеевым 18 марта 1950 года.

Включена в сборник «За тридцать лет» под названием «Речь на массовом митинге в защиту мира в Стокгольме».

РЕЧЬ НА ВТОРОМ ВСЕМИРНОМ КОНГРЕССЕ СТОРОННИКОВ МИРА

Впервые напечатана в газетах «Правда» и «Известия» 19 ноября 1950 года. Включена в сборник «За тридцать лет».

В ноябре 1950 года А. Фадеев возглавил советскую делегацию на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира.

Английское правительство сделало невозможным проведение Конгресса в Шеффилде, и он был перенесен в Варшаву, где проходил 16—22 ноября 1950 года.

На Конгрессе присутствовало 1756 делегатов, представляющих 81 страну. Конгресс обратился с Манифестом к народам мира, напоминая, что «Мира не ждут — мир завоевывают», и принял Обращение к Организации Объединенных Наций с предложением вернуться к соблюдению принципов своего Устава.

Конгресс учредил Всемирный Совет Мира, в состав которого вошел А. Фадеев. На первом заседании Всемирного Совета Мира (23 ноября) А. Фадеев был избран членом бюро и вице-президентом Всемирного Совета Мира. Президентом Совета был избран Фредерик Жолио-Кюри.

ЛИТЕРАТУРА И ЯЗЫК

Речь на собрании партийной организации московских писателей 18 января 1951 года.

Впервые напечатана в «Литературной газете» 20 января 1951 года. Включена в сборник «За тридцать лет».

ТРУД ПИСАТЕЛЯ

Беседа со студентами Литературного института имени А. М. Горького в феврале 1951 года.

Впервые напечатана в «Литературной газете» 22 февраля 1951 года.

Включалась в сборник «О писательском труде» («Советский писатель», М. 1953), а также в сборник «За тридцать лет».

НАШ ГОРЬКИЙ

Речь на торжественном митинге, посвященном открытию памятника А. М. Горькому на площади Белорусского вокзала в Москве 10 июня 1951 года.

Напечатана в газете «Правда» 11 июня 1951 года, в «Известиях» и «Литературной газете» 12 июня 1951 года — в отчетах об открытии памятника А. М. Горькому в Москве.

Включена в сборник «За тридцать лет» под названием «Наш Горький».

ПАМЯТИ ПЕТРА ПАВЛЕНКО

Речь на траурном митинге, посвященном памяти П. А. Павленко, в Центральном доме литераторов, 18 июня 1951 года.

Впервые напечатана в сокращенном виде в «Литературной газете» 19 июня 1951 года в отчете о траурном митинге. Включена в сборник «За тридцать лет».

ИДТИ ПРЯМО В ЖИЗНЬ — ЛЮБИТЬ ЖИЗНЬ!

Беседа с чехословацкими писателями в Праге в конце 1951 года.

Впервые напечатана (на русском языке) в сборнике «За тридцать лет».

В газете «Литературные новости» (Прага, 1952, № 1—2) был опубликован полный текст этого выступления А. Фадеева, с таким примечанием от редакции: «В конце прошлого года Чехословакию посетил генеральный секретарь Союза советских писателей Александр Фадеев. Наши писатели попросили Фадеева

ответить на дискуссионном вечере на несколько вопросов. Ответы Александра Фадеева показывают, как советские деятели культуры изучают наших классиков, как они знают современную чехословацкую литературу, как внимательно приглядываются к положению на нашем литературном фронте. Фадеев советует и указывает путь».

При подготовке сборника «За тридцать лет» А. Фадеев был ознакомлен с текстом этой статьи в переводе с чешского на русский язык. В связи с этим он писал редактору-составителю сборника: «Мне хотелось бы эту статью напечатать. У меня в архиве за 1952 или 1953 год имеется необработанная (на русском языке) стенограмма этого выступления. Обработанный мной экземпляр ушел в Чехословакию, и Вы прислали мне перевод обработанного. Но я советую Вам при правке пользоваться еще и русским необработанным текстом. Некоторые поправки и выброски по существу я сделаю сам после Вашей стилистической обработки».

Выправленная и стилистически обработанная редактором-составителем статья была авторизована А. Фадеевым и в этой последней редакции включена в сборник «За тридцать лет».

Стр. 171. *Мне рок сказал: воспой родимый край...* — из стихотворения Я. Неруды «Всему был рад» (Ян Неруда, Избранное, ГИХЛ, 1950, стр. 59).

Стр. 173. *Я, например, работаю сейчас над романом...* — Речь идет о романе «Черная металлургия», над которым А. Фадеев работал в 1951—1956 годах. Роман этот не был закончен (см. т. 4 наст. изд.).

МЫ — ПИСАТЕЛИ НОВОГО ТИПА

Речь на вечере, посвященном 50-летию со дня рождения А. Фадеева, в Центральном доме литераторов 23 декабря 1951 года.

Впервые напечатана (в сокращенном виде) в газетах «Правда», «Известия» и в «Литературной газете» 25 декабря 1951 года — в отчетах о проведении в Москве юбилейных вечеров в связи с 50-летием со дня рождения А. Фадеева.

Включена в сборник «За тридцать лет».

О ДРАМАТУРГИИ

Речь на совещании московских драматургов в 1952 году.

Впервые напечатана после смерти автора в журнале «Театр», 1958, № 7.

Речь была пропзнесена после доклада Н. Ф. Погодина «О состоянии и некоторых задачах советской драматургии».

В авторизованные сборники не включалась. В посмертном собрании сочинений печаталась по стенограмме.

Стр. 190. *Есть свои недостатки и в «Калиновой роще», и в «Макаре Дубраве», и в «Платоне Кречете»...* — Имеются в виду пьесы А. Корнейчука.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КУЛЬТУРЫ НАШЕЙ МОЛОДЕЖИ

Речь на слете молодых стахановцев Южного Урала в Челябинске в 1952 году.

Впервые напечатана в газете «Челябинский рабочий» 11 июня 1952 года.

В авторизованные сборники не включалась.

В посмертном Собрании сочинений текст напечатан по газете «Челябинский рабочий».

ЗА ВЫСОКУЮ ИДЕЙНОСТЬ И МАСТЕРСТВО В ЛИТЕРАТУРЕ!

Речь на X Московской областной конференции ВКП(б) 22 сентября 1952 года.

Впервые напечатана 23 сентября 1952 года в газетах «Московская правда» и «Вечерняя Москва».

Включена в сборник «За тридцать лет».

ЗА ВЕЛИКУЮ ЛИТЕРАТУРУ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА!

Речь на XIX съезде КПСС 6 октября 1952 года.

Впервые напечатана 8 октября 1952 года в газете «Правда» и других центральных газетах — в отчетах о заседаниях XIX съезда КПСС.

Включена в сборник «За тридцать лет», с пометкой автора: «печатается в сокращенном виде».

XIX съезд КПСС состоялся 5—14 октября 1952 года. А. Фадеев был избран на этом съезде членом ЦК КПСС.

<ЕЩЕ О ДРАМАТУРГИИ>

Речь на заседании президиума правления Союза советских писателей СССР совместно с активом московских писателей 8 апреля 1953 года.

Впервые напечатана в «Литературной газете» 11 апреля 1953 года в общем отчете о заседании президиума правления Союза советских писателей.

В авторизованные сборники не включалась.

В посмертном Собрании сочинений текст печатался по «Литературной газете».

Речь на XIV пленуме правления Союза писателей СССР 23 октября 1953 года.

XIV пленум правления Союза писателей СССР состоялся 21—24 октября 1953 года. На пленуме были обсуждены вопросы: «О состоянии и задачах современной драматургии» (К. Симонов и Б. Лавренев), «О реорганизации руководящих органов правления Союза советских писателей» (А. Сурков, «О созыве Второго Всесоюзного съезда писателей» и организационные вопросы.

В связи с принятым решением о реорганизации Секретариата правления Союза писателей СССР пленум избрал А. Фадеева председателем правления Союза писателей СССР.

Впервые напечатана в «Литературной газете» 29 октября 1953 года. Включена в сборник «За тридцать лет» с небольшой авторской правкой.

Стр. 222. *Одной из наиболее значительных и принесших большой положительный результат дискуссий...* — Речь идет о широком обсуждении вопросов изучения творчества В. В. Маяковского, которое состоялось в Союзе писателей СССР 19—26 января 1953 года.

В этой дискуссии приняла участие большая группа писателей, критиков и литературоведов (С. Кирсанов, П. Антокольский, Н. Асеев, В. Перцов, А. Сурков, Л. Тимофеев, В. Огневой, С. Трегуб, Е. Евтушенко, М. Луконин и др.). С речью, подводящей итоги дискуссии, выступил К. Симонов (см. его статью «Об основных проблемах изучения творчества В. Маяковского», опубликованную в «Литературной газете» 31 января и 3 февраля 1953 г.).

2 марта 1953 года в «Правде» была напечатана редакционная статья «За марксистское освещение творчества Маяковского!», в которой были подведены общие итоги прошедшей дискуссии, отмечены недостатки в изучении литературного наследия поэта и дана оценка неизданных книг о нем.

НАШИ ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ

Речь на Втором Всесоюзном съезде советских писателей 23 декабря 1954 года.

Второй Всесоюзный съезд советских писателей состоялся 15—26 декабря 1954 года в Москве. На съезде были заслушаны: доклад «О состоянии и задачах советской литературы» (А. Сурков); содоклады: «Советская художественная проза» (К. Симонов), «Советская поэзия» (С. Вургуи), «Советская драматургия»

(А. Корнейчук), «Советская кинодраматургия» (С. Герасимов), «Советская литература для детей и юношества» (Б. Полсвой), «Основные проблемы советской литературной критики» (Б. Рюриков), «Художественные переводы литератур народов СССР» (П. Антокольский, М. Ауэзов, М. Рыльский), доклад «Современная прогрессивная литература мира» (Н. Тихонов), «Об изменениях в Уставе Союза писателей СССР» (Л. Леонов) и доклад ревизионной комиссии Союза писателей СССР (Ю. Либединский). На съезде были избраны руководящие органы Союза писателей СССР.

На съезде присутствовало 609 делегатов с правом решающего и 111 делегатов с правом совещательного голоса. В работе съезда приняли также участие 69 зарубежных писателей, представляющих 34 страны.

Впервые напечатана в «Литературной газете» 27 декабря 1954 года. Опубликована в Стенографическом отчете Второго Всесоюзного съезда советских писателей («Советский писатель», М. 1956). Включена в сборник «За тридцать лет», с незначительной авторской правкой.

Стр. 239. *В развернувшейся перед съездом дискуссии о лирике...* — Имеется в виду дискуссия, которая была начата еще в апреле 1953 года О. Берггольц статьей в «Литературной газете» «Разговор о лирике». Речь в ней шла о безличности многих лирических стихов современных поэтов, об ответственности поэта за своего «лирического героя», вернее — за свою личность, за ее самовыражение, которое должно стать «самовыражением читателя».

Статья эта вызвала широкий отклик в писательской общественности. В Ленинградском Доме писателей имени В. Маяковского прошла дискуссия о лирической поэзии (вступительное слово — В. Саянов, доклад — А. Чивилихин). Широко обсуждались проблемы лирической поэзии на собрании Московской секции поэтов (доклад С. Щипачева). Накануне II Всесоюзного съезда советских писателей в «Литературной газете» появились статьи на эту тему В. Назаренко, Д. Максимова, И. Сельвинского, Н. Грибачева, С. Смирнова, О. Берггольц, Б. Рюрикова, К. Симонова и др.

НЕ ДОПУСТИТЬ РАЗВЯЗЫВАНИЯ АТОМНОЙ ВОЙНЫ!

Речь на расширенном заседании Бюро Всемирного Совета Мира в Вене 19 января 1955 года.

Впервые напечатана в «Литературной газете» 22 января 1955 года

В авторизованные сборники не включалась.

Впервые напечатаны в «Литературной газете» 20, 22, 24 и 29 сентября 1955 года.

В основу «Заметок о литературе» положен доклад А. А. Фадеева «О насущных задачах советской литературы», с которым он выступил 27 августа 1955 года на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами марксизма-ленинизма, политической экономики и философии в вузах СССР.

Рассказывая в одном из писем о подготовке к этому совещанию, А. А. Фадеев выражал неудовлетворенность своим докладом, сообщал, что он с трудом успел написать его к намеченному сроку и что поэтому без особого желания отдал этот доклад в печать, так как «в нем мало и невнятно сказано о книгах последних лет, а о многих не сказано совсем... пришлось проделать анафемскую работу: во-первых, выправить самый доклад... а во-вторых, писать, по существу, новую статью на основе доклада с присовокуплением все новых и новых материалов и книг».

Доклад, переработанный автором в статью «Заметки о литературе», был напечатан в «Литературной газете».

Но и статья не удовлетворила писателя. 10 апреля 1955 года, в письме к директору Чехословацко-Советского института товарищу Грозенчуку, А. А. Фадеев пишет: «Я рад, что Вас заинтересовали мои «Заметки о литературе». В свете многих новых вопросов, которые вносит наша бурно развивающаяся советская жизнь, мне эти «Заметки о литературе» представляются теперь недостаточными, но все же они сохраняют некоторое информационное значение, и я охотно развил бы некоторые вопросы, которые в них ставлю». В другом письме (писателю Мирмухсину), отмечая, что «жизнь так быстро идет вперед и так много выдвигает нового», А. Фадеев признает, «что сегодня можно было бы написать эту статью и глубже и интересней».

Готовя «Заметки о литературе» для публикации в сборнике «За тридцать лет», А. А. Фадеев вновь подвергает их переработке.

Помимо отдельных исправлений и уточнений, писатель делает для этой публикации ряд дополнений. Такие дополнения внесены, например, на стр. 299 — начиная со слов: «Возможно, Грибачев и не ставил целью...» — и кончая словами: «При всех условиях, это по-настоящему талантливое произведение». На стр. 302 — начиная со слов: «Невозможно, например, новую по-

весть В. Герасимовой «Простая фамилия» отнести...» — и кончая словами: «Это, несомненно, является достоинством произведения и свидетельствует о мастерстве автора». На стр. 311 — начиная со слов: «Но к этому нужно прибавить еще следующее важное соображение...» — и кончая словами: «Это три необходимых условия развития всякого серьезного писателя в наше время» (стр. 312).

Наибольшее количество дополнений и уточнений было внесено автором в пятую главку «Заметок» («О многообразии в искусстве»).

А. А. Фадеев уточняет и развивает свое понимание условной формы в литературе и искусстве. «Все должно быть по существу жизненно, но не обязательно все должно быть жизнеподобно, — дописывает он в старый текст статьи. — Среди многих форм может быть и форма условная. Ее, конечно, можно использовать и чисто формалистически, ибо формалисты любят цепляться как раз за такие «необычные» формы. Но это сразу можно видеть, ибо формализм — это подмена формой правды жизни. А мы говорим о содержательной форме, какой бы она ни была, то есть о форме, выражающей правду жизни. Сущность вопроса в том, что правду жизни можно выразить с помощью различных форм».

Критикуя ошибочное «представление, по которому революционная романтика рассматривалась не как предвосхищение завтрашнего дня на основе объективного развития, а как приподымание, идеализация самой жизни», А. А. Фадеев делает следующую «вставку» в старый текст статьи: «Сегодня особенно видно, какой вред такое представление приносило и еще может принести нашему искусству, мешая ему правдиво вскрывать противоречия и трудности нашего развития, отрицательные явления и недостатки в нашей жизни».

Обосновывая тезис о существующем многообразии форм литературного творчества в пределах социалистического реализма, А. А. Фадеев высказывает важную мысль, что «в прошлом наибольшей полноты выражения жизненной правды достиг классический реализм XIX и XX веков во всем многообразии своих форм, и он был и остается пока что лучшей, наиболее плодотворной и совершенной школой для советских писателей».

«Заметки о литературе», исправленные и дополненные автором в апреле 1956 года, были включены в сборник «За тридцать лет».

РЕЦЕНЗИИ И ЗАМЕТКИ

Публикуемые литературно-критические рецензии и заметки А. А. Фадеева написаны в 1938—1951 годах, главным образом для издательства «Советский писатель», и к печати не предназначались.

Как член редакционного Совета издательства «Советский писатель» (1938—1956), А. Фадеев активно участвовал в редакционной работе издательства — читал, рецензировал и редактировал рукописи, давал авторам и издательству советы по улучшению будущих книг.

Более сорока внутрииздательских рецензий А. Фадеева уже известны читателям по сборнику его литературно-критических статей «За тридцать лет» («Советский писатель», М. 1957), где они были опубликованы в разделе «По страницам изданных и неизданных рукописей». Писатель справедливо рассматривал эти рецензии и заметки как часть своей повседневной литературно-критической работы.

В настоящем собрании сочинений дополнительно публикуется ряд рецензий, написанных А. А. Фадеевым в разные годы, которые не вошли в сборник «За тридцать лет». Будучи обнаружены уже после смерти писателя, были опубликованы в журнале «Вопросы литературы», 1969, № 2 (публикация Л. Огановой). Устранены также некоторые ошибки в текстах рецензий и их датировках (см. Л. Оганова, «Внутрииздательские рецензии и их публикация». — «Издательское дело. Книговедение», 1969, № 1 (3).

О РЕЦЕНЗИИ НА ПЬЕСУ А. КОРНЕЙЧУКА «БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ»

Заметка из записной книжки А. А. Фадеева. Запись от 6 апреля 1938 года.

Е. УСИЕВИЧ, СБОРНИК КРИТИЧЕСКИХ СТАТЕЙ

Рецензия на рукопись сборника — для издательства «Советский писатель». Написана, по-видимому, в 1939 году.

Сборник был выпущен в 1941 году под названием «Черты героя нашей литературы».

К. СИМОНОВ, «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»

Рецензия на рукопись поэмы для «Московского альманаха», вышедшего в издательстве «Советский писатель». Датирована 17 декабря 1940 года.

Б. ИВАНТЕР, СБОРНИК РАССКАЗОВ

Рецензия на рукопись сборника повестей и рассказов — для издательства «Советский писатель». Написана в 1940 году.

Сборник издан в 1941 году под названием «Моя знакомая».

ВЯЧ. АФАНАСЬЕВ, СТИХОТВОРЕНИЯ

Рецепзия на рукопись сборника стихов — для издательства «Советский писатель». Дата написания рецензии указана предположительно.

Впервые опубликована в журнале «Вопросы литературы», 1969, № 2.

Сборник стихов поэта-дальневосточника В. Н. Афанасьева, получив в издательстве отрицательные отзывы рецензентов (Ф. Левин, С. Обрадович, А. Фадеев), опубликован не был.

Стр. 327. *...привлечь его к «Московскому альманаху»...* — В «Московском альманахе» («Советский писатель», М. 1939—1941) стихи В. Афанасьева не публиковались.

М. НИКИТИН, «ЕНИСЕЙСКАЯ КНИГА»

Рецензия на рукопись книги повестей и рассказов — для издательства «Советский писатель». Датирована 14 апреля 1941 года.

Сборник издан в 1944 году.

О ДВУХ РУКОПИСЯХ В. ШКЛОВСКОГО

Первая рецензия — на рукопись книги «Темы и образы пушкинской прозы». Датирована 17 апреля 1941 года. Вторая рецензия — на рукопись книги «Десять рассказов». Датирована 8 апреля 1943 года. Обе рецензии написаны для издательства «Советский писатель».

В архивах Фадеева сохранился еще один отзыв на рукопись «Десять рассказов» (записка не датирована). Приводим его полностью:

«Книга Шкловского (в том — расширенном виде, как Вы мне ее дали) нуждалась в серьезной доработке (на которую Шкловский согласился).

Направляю Вам книгу, переработанную им. В таком виде она и интересна и полезна, т. к. связывает вопросы нашего искусства с коренными вопросами нынешней войны и нашей истории.

К сожалению, особенность писательской манеры Шкловского сужает круг читателей, которым книга может быть доступна. Но книга заслуживает издания» (ЦГАЛИ).

Рукопись «Темы и образы пушкинской прозы» издавалась ранее под названием «Заметки о прозе Пушкина» (1937), а рукопись «Десять рассказов» — под названием «Встречи» (очерки) в 1944 году.

С. ГЕХТ, «ВМЕСТЕ»

Рецензия на рукопись повести — для издательства «Советский писатель». Датирована 7 мая 1941 года.

ЛЕОНИД ЛАВРОВ, «ЛЕТО»

Рецензия на рукопись стихов — для издательства «Советский писатель». Датирована 11 июня 1941 года.

А. МИХАЛЕВИЧ, В. ОВЕЧКИН, ТРИ ОЧЕРКА

Рецензия на рукопись очерков — для издательства «Советский писатель». Датирована 9 октября 1941 года.

Впервые напечатана в журнале «Вопросы литературы», 1969, № 2.

Рецензируемые очерки были опубликованы под названием «Степной дорогой» издательством «Советский писатель» в 1942 году в Казани, под редакцией А. Фадеева.

Б. ЖИТКОВ, «ВИКТОР ВАВИЧ»

Рецензия на роман, посвященный революции 1905 года, — для издательства «Советский писатель». Написана в ноябре 1941 года.

МАРГАРИТА АЛИГЕР, «ПИСЬМА НА ФРОНТ»

Рецензия на рукопись сборника стихов — для издательства «Советский писатель». Написана в 1941 году.

Сборник стихов был издан в 1942 году под названием «Памяти храбрых».

В. КОЧЕТКОВ, «ОТРОЧЕСТВО»

Рецензия на рукопись поэмы — для издательства «Советский писатель». Написана 13 марта 1941 года.

А. БОНДАРЕВСКИЙ, «ДВА КУРГАНА»

Рецензия на рукопись поэмы — для издательства «Советский писатель». Датирована 28 января 1942 года.

Впервые опубликована в журнале «Вопросы литературы», 1962, № 2. Рецензируемая поэма в те годы опубликована не была. В 1964 году в издательстве «Советский писатель» вышла книга стихов А. Я. Бондаревского «Весна в глазах». Первый сборник его стихов «Сосновый ветер» был издан в 1935 году ГИХЛом, под редакцией А. Жарова.

О. КУРГАНОВ, «ЛИНИЯ КРАСНЫХ ГОР»

Рецензия на рукопись повести — для издательства «Советский писатель». Датирована 12 марта 1942 года.

Повесть, имевшая первоначальное название «Линия Красных гор», была издана под названием «Оставшиеся в живых (страницы войны)».

В. КОЗИН, «ПЕСНЬ ЭСКАДРОНА»

Рецензия на рукопись сборника прозаических произведений — для издательства «Советский писатель». Датирована 4 мая 1943 года.

Впервые опубликована в журнале «Вопросы литературы», 1969, № 2.

После рассмотрения отзыва А. Фадеева (13 мая 1943 г.) на заседании редакционного совета издательства было решено сборник рассказов В. Козина включить в план издательства, а повесть «Дунгапские сады» — вернуть автору для переработки.

Сборник В. Козина был опубликован в 1944 году под названием «Горы и ночь».

В. КОЗИН, «СЕМЬ СТАРИКОВ»

Впервые опубликована в журнале «Вопросы литературы», 1969, № 2.

Рассказ, переработанный автором, был включен в сборник «Ловкий Артем». Сборник состоит из двух сюжетно связанных рассказов: «Ловкий Артем» и «Второй рассказ об Артеме» (Военмориздат, М. 1943).

АЛЕКСАНДР РОЗЕН, «ЗИМНЯЯ ПОВЕСТЬ»

Рецензия на рукопись сборника рассказов — для издательства «Советский писатель». Датирована 17 мая 1943 года.

АЛЕКСЕЙ ЮГОВ, «БЕССМЕРТИЕ»

Рецензия на рукопись романа — для издательства «Советский писатель». Датирована 17 мая 1943 года.

Роман опубликован в 1944 году.

К. КЛОСС, «СИЛА НАРОДА»

Рецензия на рукопись романа — для издательства «Советский писатель». Датирована 21 мая 1943 года.

ЯНКА КУПАЛА, ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Заметка из записной книжки А. А. Фадеева. Запись от 21 мая 1943 года.

Е. ТАРАХОВСКАЯ, «ДВЕНАДЦАТЬ ТОПОЛЕЙ»

Рецензия на рукопись книги стихов — для издательства «Советский писатель». Датирована 22 июля 1943 года.

К. ОСИПОВ, «ЕКАТЕРИНИНСКИЕ НОВЕЛЛЫ»

Рецензия на рукопись сборника рассказов — для издательства «Советский писатель». Датирована 23 июля 1943 года.

Н. ЕМЕЛЬЯПОВА, «ХИРУРГ»

Рецензия на рукопись повести — для издательства «Советский писатель». Написана в 1943 году.

Повесть опубликована в 1944 году.

ДМИТРИЙ ОСИН, «НОВЫЕ СУДЬБЫ»

Рецензия на рукопись двух повестей — для издательства «Советский писатель». Написана в 1943 году.

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ, «ВОЙНА И КУЛЬТУРА»

Рецензия на рукопись сборника литературно-критических статей — для издательства «Советский писатель». Датирована 10 февраля 1944 года.

Сборник был выпущен в 1945 году под названием «Испытание временем».

А. ЧАКОВСКИЙ, «ПЕРЕД РАССВЕТОМ»

Рецензия на рукопись повести — для издательства «Советский писатель». Датирована 5 марта 1944 года.

Впервые опубликована в журнале «Вопросы литературы», 1969, № 2.

Стр. 345. *Следовало бы также изменить название повести...* — Повесть А. Чаковского была опубликована в 1945 году под названием «Это было в Ленинграде».

ЛЕВ УСПЕНСКИЙ, «1916 ГОД»

Рецензия на рукопись романа — для издательства «Советский писатель». Датирована 13 ноября 1944 года.

А. ЧЕРНЕНКО, «МУЖЕСТВО»

Рецензия на рукопись сборника рассказов — для издательства «Советский писатель». Датирована 7 декабря 1944 года.

А. АВДЕЕНКО, «ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО МЫ ЛЮБИМ»

Рецензия на рукопись повести — для издательства «Советский писатель». Написана в 1944 году.

В журнале «Новый мир» была опубликована под названием «Большая семья» (1944, № 11, 12).

А. КОПТЯЕВА, «ТОВАРИЩ АННА»

Рецензия на рукопись романа — для издательства «Советский писатель». Написана в 1944 году.

В издательстве «Советский писатель» роман был опубликован в 1947 году.

П. ЗАМОЙСКИЙ, «МОЛОДОСТЬ»

Рецензия на рукописи двух вариантов романа — для издательства «Советский писатель»; на рукопись первого варианта написана в 1944 году, на рукопись второго варианта датирована 11 марта 1945 года.

Роман выпущен в 1946 году.

В. АВДЕЕВ, «ПЕРЕД ГРОЗОЙ»

Рецензия на рукопись сборника повестей и рассказов — для издательства «Советский писатель». Датирована 9 ноября 1945 года.

Б. ЛЕОНИДОВ, «ТРЕТЬЯ ПАЛАТА»

Рецензия на рукопись повести — для издательства «Советский писатель». Датирована 27 мая 1945 года.

Повесть была опубликована в 1946 году.

В. ОВЕЧКИН, «С ФРОНТОВЫМ ПРИВЕТОМ!»

Рецензия на рукопись повести — для издательства «Советский писатель». Написана в 1945 году.

Ф. ПАНФЕРОВ, «БОРЬБА ЗА МИР»

Рецензия на рукопись первой книги романа — для издательства «Советский писатель», написанная, по-видимому, в 1945 году.

В. ПАНОВА, «СПУТНИКИ»

Заметка из записной книжки А. А. Фадеева. Запись от 30 мая 1946 года.

В. ЕРМИЛОВ, «ЧЕХОВ»

Заметка из записной книжки А. Фадеева о книге: В. Е р м и л о в, А. П. Чехов, «Советский писатель», М. 1944. Запись от 6 июня 1946 года.

М. ЕФЕТОВ, «ДВА ПИСЬМА»

Рецензия на рукопись сборника рассказов — для издательства «Советский писатель». Датирована 20 июня 1946 года.

А. ГИДАШ, «ГОСПОДИН ФИЦЕК»

Рецензия на рукопись романа — для издательства «Советский писатель». Датирована 23 июня 1946 года.

Впервые опубликована в журнале «Вопросы литературы», 1969, № 2.

Роман был издан в 1947 году под тем же названием в переводе А. Красновой (псевдоним А. Кун).

Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ, «БАТАШ И БАТАЙ»

Рецензия на рукопись романа — для издательства «Советский писатель». Датирована 27 июня 1946 года.

Впервые опубликована в журнале «Вопросы литературы», 1969, № 2.

Роман был опубликован в 1947 году издательством «Советский писатель» под названием «Горы и люди».

В. ЛИДИН, «ИЗГНАНИЕ»

Рецензия на рукопись романа — для издательства «Советский писатель». Датирована 24 октября 1946 года.

Впервые опубликована в журнале «Вопросы литературы», 1969, № 2.

Роман В. Лидина (под тем же названием) был опубликован в 1947 году.

Н. ТОЛПЕГИН, «В СОПКАХ ПРИМОРЬЯ»

Рецензия на рукопись повести в стихах — для издательства «Советский писатель». Написана в 1946 году.

АЛЕКСЕЙ ЮГОВ, «ДАНИИЛ»

Рецензия на рукопись романа — для Государственного издательства детской литературы (Детгиз). Датирована 17 мая 1947 года.

САБИТ МУКАНОВ, «СЫР-ДАРЬЯ»

Рецензия на рукопись романа — для Казахского государственного издательства (Алма-Ата). Датирована 9 июля 1947 года.

Роман был издан в Алма-Ате в 1948 году.

Н. ЗАБОЛОЦКИЙ, «СТИХОТВОРЕНИЯ»

Рецензия на рукопись книги стихов и перевода «Слова о полку Игореве» — для издательства «Советский писатель». Датирована 26 октября 1947 года.

Книга была издана в 1948 году.

Рецензия на рукопись книги — для издательства «Советский писатель». Написана в 1948 году.

В. АРДОВ, «ОЗОРНИК»

Рецензия на рукопись сборника юмористических рассказов — для издательства «Советский писатель». Датирована 19 апреля 1950 года.

Ф. А. БЕРЕЗОВСКИЙ, «БАБЬИ ТРОПЫ»

Рецензия на роман для издательства «Советский писатель» в связи с подготовкой к переизданию.

Фадеев продиктовал рецензию стенографистке, и 5 января 1951 года текст был оглашен на заседании секретариата ССП.

Впервые опубликована в журнале «Вопросы литературы», 1969, № 2.

Переработка Березовским романа по замечаниям рецензентов (Л. Левин, Е. Книпович, А. Фадеев) была прервана смертью писателя.

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК

Впервые опубликованы в журнале «Вопросы литературы», 1959, № 6, 8 и 9 (публикация С. Н. Преображенского).

А. А. Фадеев вел записные книжки более тридцати лет. В его архиве хранится пятьдесят восемь записных книжек. Первая из них датирована 1924 годом, последние записи относятся к марту 1956 года. Общий объем этих записей — более пятидесяти авторских листов.

По содержанию — записи А. А. Фадеева чрезвычайно многообразны.

Это прежде всего заметки, содержащие описание общественно-политических событий, в свое время глубоко взволновавших писателя, или «зарисовки с натуры».

Таких заметок особенно много сделано за годы партийной

работы А. А. Фадеева на Кубани и в Ростове-на-Дону, а также во время поездок по Дальнему Востоку и Уралу. Записные книжки писателя заполнены впечатлениями о его многочисленных встречах с людьми труда, замечательными фактами того, как меняется страна, как растет и крепнет «величайшая сознательность людей железа, стали и копоты».

Записные книжки отражают географическую карту поездок писателя по Советской стране: Кубань и Дальний Восток, Ростов и Ярославль, Азербайджан и Абхазия, Москва и Подмосковье, Крым и Калмыкия, Северный Кавказ и Украина, Латвия и Одесса, Ленинград и Молдавия, Оренбург и Краснодар, Армения и Урал.

Большое место занимают в книжках записи мыслей писателя о литературе и искусстве, многочисленные выписки из прочитанных книг — иногда комментируемые.

Записи о литературе и искусстве — по воле автора выделены особо и включены в «Субъективные заметки» (см. ниже).

Значительная часть заметок относится непосредственно к творческим замыслам писателя — выполненным и невыполненным.

Заметки 1925—1927 годов позволяют судить о неосуществленном замысле романа «Провинция», возникшем у А. А. Фадеева в период его партийной работы на Северном Кавказе.

С весны 1927 года А. А. Фадеевым велись записи, относящиеся к работе над романом «Последний из удаге». В записной книжке за 1927 год этот роман имеет еще первоначальное название «Последний из тазов».

В записных книжках 1937—1938 годов мы находим записи, относящиеся к задуманной писателем драме «Маленький человек», так и оставшейся ненаписанной, по заготовки к которой писатель собирался впоследствии использовать для романа «Черная металлургия».

К этому же периоду относится и работа над киносценарием о М. В. Фрунзе («Перекоп»).

Важное значение имеют заметки 1947—1950 годов, подтверждающие стремление А. А. Фадеева практически реализовать высказанные по адресу первой редакции «Молодой гвардии» критические замечания и показывающие ход его работы над второй редакцией романа. В частности, запись от 12 ноября 1948 года содержит точный план изменений, которые писатель осуществил, подготавливая к печати вторую редакцию романа.

В 1951 году А. А. Фадеев собирает материал для рассказа о первых годах революции на Дальнем Востоке. Этот рассказ он хотел назвать — «Суровые времена». И одновременно в 1951—

1953 годах — особенно интенсивно — начинается работа над романом «Черная металлургия» (см. подробнее в примечаниях к третьему тому настоящего собрания сочинений).

Известный металлург, академик А. М. Самарин, ознакомившись со специальными («техническими» и «технико-экономическими») записями писателя к роману «Черная металлургия», писал:

«Ознакомление с содержанием дневников-записей покойного А. А. Фадеева показывает, что им выполнена огромная подготовительная работа. Во время пребывания на металлургических заводах писатель подробно изучает технологию производства и многогранную деятельность, жизнь огромных заводских коллективов. Большое внимание было уделено работе партийных организаций, методам работы отдельных инженеров и рабочих. Почти на каждом заводе А. А. Фадеев тщательно изучает жилищно-бытовые условия.

Но это не все. А. А. Фадеев, очевидно, еще до поездки на заводы, посвятил очень много времени изучению как практики, так и теории металлургического производства. Помимо обширных выписок из учебников общей металлургии, писатель *детально* изучает отдельные разделы физико-химических основ металлургического производства. Это изучение и позволило с должным знанием дела собрать необходимый материал о направлении и осуществлении технического прогресса в черной металлургии.

Можно только удивляться огромной предварительной подготовке к созданию художественного произведения таким крупным писателем, каким был А. А. Фадеев».

Некоторые дневниковые записи к роману «Черная металлургия», как неотъемлемая часть материалов, относящихся к этому произведению, опубликованы в третьем томе настоящего собрания сочинений А. А. Фадеева.

В посмертном Собрании сочинений записные книжки печатались по авторским рукописям.

Упомянутые в тексте записных книжек имена, прозвища и фамилии: Лиза, Лида, Мишка Степуненко, Гвоздь (он же Зуй), Вихорь, Луна, Соня, Катя, Сергей — принадлежат персонажам задуманной писателем повести «Провинция».

Ченьювай (он же Актан, Масенда), Сарл, Сережа (Костенецкий), Мартынов (он же Мартемьянов), Лена (Костенецкая), «Боярин» (Шпак), Алеша Маленький, Петр Сурков, Гиммеры, Гладких, Елена Пак, Казанок, Бусырь, Ланговой, Маркевич, Мария Цой, Дюдя, Венямин, Розанов, Кудрявый, Спирька — персонажи романа А. А. Фадеева «Последний из удаге».

На тетради, объединяющей записи с 29 июня по 18 марта 1924 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Кубань — Дон — Северный Кавказ».

Стр. 365. *Ведмидовка* — так называлась тогда станица Медведовская, Тимашевского района, Краснодарского края.

Стр. 366. *...лучше всех секретарь волкома — Васильева...* — Е. Я. Васильева (Черепкова) в 1923—1924 годах была на комсомольской работе в станице Медведовской, позднее работала на Краснодарской фабрике имени Д. П. Жлобы, активно сотрудничала в газете «Советский Юг».

Стр. 369. *Вчера Землячка рассказывала...* — Землячка Розалия Самойловна, видный деятель Коммунистической партии Советского государства, одна из старейших соратниц В. И. Ленина. В 1924—1925 годах была членом Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б), руководившего Краснодарской и Ростовской партийными организациями, в которых тогда работал А. А. Фадеев.

Стр. 370. *Я обследовал их в бытность инструктором...* — В апреле 1924 года А. А. Фадеев был назначен инструктором Кубано-Черноморского обкома РКП(б). В мае 1924 года он обследовал некоторые партийные ячейки Новороссийска, в том числе на заводе «Судосталь», где секретарем ячейки был упоминаемый в записях тов. Корандин.

Стр. 371. *...отозвался на «призыв» Ябл...* — Фамилия не установлена.

Стр. 372. *Киришон* Владимир Михайлович — советский писатель-драматург. В 1923—1925 годах был на партийной работе на Северном Кавказе.

Сеня Хватов — комсомольский работник, товарищ А. А. Фадеева.

«Любовь пчел трудовых» — так называется книга А. М. Коллонтай, посвященная вопросам любви, быта, морали.

Стр. 373. *ЕПО* — Единое потребительское общество.

1925 ГОД

Стр. 374. *Шахты* — город в Ростовской области, центр угольной промышленности.

Стр. 375. *«Провинция»* — название романа, задуманного А. А. Фадеевым в 1924—1925 годах. В этом романе писатель хотел рассказать о первых годах советского строительства, о том периоде, когда столкновение нового со старым происходило уже не на полях гражданской войны, а все больше переходило в область

экономики, быта и сознания людей. «Пишу роман «Провинция». Трудно сказать, как он оформится. Задачей себе ставлю изображение новой провинции и ее жизни, выросшей из старых уездных нравов, благодаря проснувшейся активности всех слоев населения. Постараюсь обрисовать также рост и вызревание большевистских кадров в послереволюционное время» (А. А. Фадеев, Писатели о себе. — Журнал «На литературном посту», 1927, № 3, стр. 72). Однако замысел этого романа не был осуществлен. Помимо замсток, встречающихся в публикуемых записных книжках писателя, в его личном архиве сохранились также особые «Авторские заметки к роману «Провинция».

1927 ГОД

Записная книжка за 1927 год была впервые опубликована во втором сборнике альманаха «Литературная Москва» за 1956 год.

На тетради, объединяющей записи с 18 января по 8 мая 1927 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Москва — Ярославль — Москва». Эти записи относятся к романам «Провинция» и «Последний из удэге».

Стр. 376. *Серегина* — работница из Ярославля, партийная активистка.

Стр. 378. *О Ченьювае*. — Позднее над этой записью рукой А. А. Фадеева написано карандашом — «Масенда». Запись «О Ченьювае» — первое упоминание в записных книжках А. А. Фадеева, свидетельствующее о работе писателя над романом «Последний из удэге». Этому роману предшествовала неоконченная повесть «Смерть Ченьювая» (1924).

Стр. 384. ...*в Ярославле*. — Вернувшись в конце 1926 года из Ростова-на-Дону, А. А. Фадеев некоторое время жил в Ярославле, где находилась его жена — писательница В. А. Герасимова, занимавшаяся в то время педагогической работой.

Стр. 385. *ЦРК* — Центральный рабочий кооператив.

Стр. 386. *Появление китайцев и борьба с ними*. — Здесь, так же как и в дальнейшем, А. А. Фадеев подразумевает тех китайских полукупцов-полуразбойников, которые с целью обогащения и грабежа проникали через границу в местности, населенные маленькими народностями.

Стр. 389. ...*где мы были с Валей...* — то есть с В. А. Герасимовой.

Стр. 391. *Гольдский род...* — Гольды — вышедшее из употребления название напайцев, проживающих в Приамурье и паходившихся примерно на том же уровне культурного развития, что и удэгейцы.

Арсеньев Владимир Клавдиевич — известный исследователь Дальнего Востока, этнограф, писатель, автор книги «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня». Далее — по тексту записей писателя — указаны (в скобках) страницы из книги В. К. Арсеньева «В добрях Уссурийского края», Владивосток, 1926.

Стр. 392. *Экспедиция Будищева и Максимовича...* — Экспедиция ученого-лесовода А. Ф. Будищева в Уссурийский край (конец 50-х — начало 60-х годов XIX в.) имела своей целью изучение географии южной части Сихотэ-Алиня. Академик К. И. Максимович изучал флору Уссурийского края в 1859 году.

Стр. 393. *Путешествие Венюкова на Тадушу...* — В 1857 году геолог М. М. Венюков перешел через Сихотэ-Алинь и вышел на реку Тадушу.

Стр. 396. *В связи с этим грубое обращение с женщиной.* — На этой записи рукой А. А. Фадсева помечено: «Неправильно».

Стр. 398. *27 июня.* — На тетради, объединяющей записи с 27 июня 1927 по 14 августа 1935 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Москва — Малеевка — Москва — Дальний Восток — Сухум — Москва».

Стр. 401. *...после прочтения «Сафо»...* — Речь идет о романе А. Доде «Сафо».

1934 ГОД

Стр. 406. *2 октября...* — На дополнительной тетради, объединяющей записи с 2 октября 1934 по 16 ноября 1935 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Дальний Восток — Абхазия».

...из книги Ильюхова и Титова. — Речь идет о книге Н. Ильюхова и М. Титова «Партизанское движение в Приморье. 1918—1920 гг.», «Прибой», Л. 1928.

Стр. 407. *...Ивана Макарова.* — Возможно, имеется в виду Иван Сергеевич Макарьев — писатель, один из товарищей А. А. Фадеева по работе в РАПП. *Размехнин* — ординарец комиссара 8-й бригады Народно-Революционной армии Дальневосточной республики. В 1921 году А. А. Фадеев был комиссаром этой бригады.

Стр. 408. *...в Кумаре...* — Кумара — город на советско-китайской государственной границе.

Стр. 412. *Возможно соединение первого и второго в один рассказ, взяв концовку второго для первого и выбросив леспромхоз.* — Позднее по тексту этой записи рукой А. А. Фадеева написано: «Землетрясение» (так был назван писателем рассказ, написанный им в 1934 г.).

Стр. 414. *Современные комедии...* — «Чужой ребенок» В. В. Шкваркина, «Чудесный сплав» В. М. Киршона, «Дорога цветов» В. П. Катаева.

Стр. 416. *...школе имени Сибирцевой...* — Сибирцева Мария Владимировна — активная общественная деятельница Владивостока, мать героев гражданской войны: Всеволода Михайловича Сибирцева, сожженного в 1920 году японскими интервентами (вместе с Сергеем Лазо) в паровозной топке, и Игоря Михайловича Сибирцева, погибшего смертью героя в бою с белогвардейцами в декабре 1921 года. Родная тетка А. А. Фадеева, в семье которой он прожил с 1910 по 1918 год. Семья Сибирцевых оказала огромное влияние на формирование политических взглядов молодого Фадеева (см. очерк «Семья Сибирцевых» в томе 4 наст. изд.).

«Дневник Кости Рябцева» — повесть советского писателя Н. Огнева.

Стр. 418. *У Алеши — некоторое недоверие к мужику...* — На тексте этой записи (сделанной в тетради записей с 27 июня 1927 по 14 августа 1936 г. «Москва — Малеевка — Москва — Дальний Восток — Сухум — Москва») рукой А. А. Фадеева позднее написано: «Это явно неправильно и не соответствует духу Алеши».

Стр. 419. *17 ноября...* — На дополнительной тетради, объединяющей записи с 17 ноября 1935 по 13 марта 1936 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Абхазия — Москва — Барвиха».

Стр. 420. «*Мистерии*» — роман Кнута Гамсуна.

«*Jenseits von Gut und Böse*». — Речь идет о работе Ф. Ницше «По ту сторону добра и зла».

1936 ГОД

Стр. 421. «*Романтика бедности*»... — В тексте этой записи рукой А. А. Фадеева написано: «О бедности и богатстве» (так был назван рассказ А. А. Фадеева, впервые опубликованный в газете «Правда» 30 декабря 1936 г.).

...вроде Антона Горового. — Горовой Антон Андреевич, колхозник из села Чугуевка Приморского края, односельчанин А. А. Фадеева.

Стр. 424. *ВИР* — Всесоюзный институт растениеводства.

Белинский о народности искусства. — В приводимых цитатах из «Восьмой статьи о Пушкине» В. Г. Белинского — курсив А. А. Фадеева.

Стр. 425. *Профинтерн* (Красный интернационал профсоюзов) — международное объединение революционных профсоюзов, существовавшее в 1921—1937 годах.

Стр. 426. *16 декабря.* — На тетради, объединяющей записи с 16 декабря 1936 по 2 мая 1937 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Москва — Малеевка — Ялта».

1937 ГОД

Стр. 427. *1 мая.* — На тетради, объединяющей записи с 1 мая по июль 1937 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Ялта — Испания — Франция».

Стр. 428. *Испания. Начало июля 1937 г.* — В начале июля 1937 года А. А. Фадеев в составе делегации советских писателей (руководитель делегации — М. Кольцов) выезжал в Испанию для участия в работе Второго Конгресса Международной ассоциации писателей, открывшегося 4 июля 1937 года в Валенсии. Заметки А. А. Фадеева представляют записи выступлений отдельных делегатов разных стран на этом конгрессе.

Конгресс закончил свою работу 19 июля 1937 года в Париже, избрав Бюро Международной ассоциации писателей для защиты культуры в составе ста человек. А. А. Фадеев был избран членом этого Бюро (от СССР).

Стр. 430. *3 октября.* — На тетради, объединяющей записи с 3 октября 1937 года по 11 февраля 1938 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Москва».

1938 ГОД

Стр. 435. *...о Пьянкове...* — Речь идет, вероятно, о дальневосточном фабриканте Пьянкове, владельце винокуренного завода в Приморье.

...приезд Нички... — Ничка — Сибирцева (Шушарина) Вероника Михайловна, двоюродная сестра А. А. Фадеева. В рассказе «Невысказанные чувства» писатель хотел рассказать о событиях в апреле 1920 года в Спасске, когда, сражаясь за этот город против внозапного вероломного нападения (во время перемирия) японских интервентов, он был ранен и вынесен с поля боя бойцами-партизанами. Накануне этих событий В. М. Сибирцева приехала из Владивостока в Спасск, чтобы провести находившихся там братьев — И. М. Сибирцева и А. А. Фадеева.

Стр. 436. *11 апреля.* — На тетради, объединяющей записи с 18 марта 1938 года по 8 ноября 1939 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Москва — Крым — Армения».

...под Андровскую... — Андровская Ольга Николаевна — народная артистка СССР, актриса МХАТ.

...на заседании «Литературного критика». — «Литературный критик» — журнал литературной теории, критики и истории литературы. Выходил в 1933—1940 годах. Сыграв на первых порах положительную роль в разработке некоторых проблем социалистического реализма, в дальнейшем оторвался от живого литературного процесса, допустил ряд ошибок. Постановлением ЦК ВКП(б) «О литературной критике и библиографии» (1940) выпуск журнала был прекращен.

С уходом Юдина... — Юдин Павел Федорович — советский философ, общественный и государственный деятель, академик. В 1933—1937 годах был редактором журнала «Литературный критик».

Стр. 440. 20 июня. — На тетради, объединяющей записи с 15 июня 1938 по 19 января 1939 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Чехословакия — Москва — Крым — Москва».

...на квартире Копта... — Иозеф Копта — чешский писатель.

Стр. 442. К сценарию о Фрунзе... — На тетради, объединяющей записи со слов «К сценарию о Фрунзе» и до конца 1938 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Конец 1938 г. Крым».

Лева дал чудесный сюжет. — Лева — Никулин Лев Веняминович, советский писатель, в содружестве с которым А. А. Фадеев написал в 1938—1939 годах киносценарий о М. В. Фрунзе под названием «Перекоп», впервые опубликованный в журнале «Молодая гвардия» (1940, № 7).

1940 ГОД

Стр. 445. 14 января. — На тетради, объединяющей записи с 13 декабря 1939 по 7 сентября 1940 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Москва — Передслкино — Ленинград — Калмыкия».

...статью П. Попова. — Речь идет о статье П. Попова «Стиль ранних повестей Толстого («Детство» и «Отрочество»», опубликованной в сборнике «Литературное наследство», М. 1939, № 35/36.

...в беседе с начинающими... — Имеется в виду доклад А. А. Фадеева «Мой литературный опыт — начинающему автору» на собрании литературных кружков Замоскворецкого района Москвы в 1932 году.

...не упомянул Стерна. — Стерн Лоренс — английский писатель, один из основоположников сентиментализма.

Стр. 448. По Калмыкии. — В сентябре 1940 года А. А. Фадеев выезжал в Калмыцкую АССР в связи с проведением в г. Элиста

VIII пленума правления Союза советских писателей СССР, посвященного 500-летию калмыцкого народного эпоса «Джангар». На этом пленуме писатель выступил с речью, опубликованной в журнале «Дружба народов» (1961, № 4).

1941 ГОД

Стр. 450. 29 марта. — На тетради, объединяющей записи с 15 февраля по 2 апреля 1941 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Орехово-Зуево — Переделкино».

Мысли Петра о Лене... — Запись относится к роману «Последний из удэге».

Стр. 451 26 августа. — На тетради, объединяющей записи с 26 по 28 августа 1941 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Западный фронт».

Стр. 455. *Бусыгин в каске.* — Бусыгин Александр Иванович — советский писатель, товарищ А. А. Фадеева по работе в Ростовской писательской организации. В 1926 году в Ростове-на-Дону была издана повесть А. Бусыгина «Поселок Кремневка» с малоизвестным предисловием А. А. Фадеева. Описанная встреча с А. И. Бусыгиным была последней. А. И. Бусыгин погиб в годы Отечественной войны. В письме к П. Х. Максиму (22 июня 1946 г.) А. А. Фадеев писал: «Мне всегда бывает больно при мысли о том, что такие друзья моей юности, как Бусыгин... уже никогда не вернутся...»

1942 ГОД

Стр. 456. 13 мая. Ленинград. — На тетради, объединяющей записи с 13 мая по 7 июля 1942 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Ленинградская блокада».

Мария Константиновна — жена писателя Н. С. Тихонова.

Стр. 458. 12—13 декабря. — На тетради, объединяющей записи за декабрь 1942 — январь 1943 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Калининский фронт. Великие Луки». Позднее добавлено: «Май 1944 года, 3-й Украинский фронт, под Бендерами».

1943 ГОД

На тетради, объединяющей записи за декабрь 1941 и январь — август 1943 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Калининский фронт (под Ржевом) — Ленинградский фронт (Колпино) — База тяжелых бомбардировщиков (под Москвой)».

Записи с 16 мая по 4 августа и с 17 августа по 15 ноября 1943 года сделаны А. А. Фадеевым в Москве и Переделкине.

1944 ГОД

Стр. 472 *Орленева* Екатерина Степановна — заслуженная артистка РСФСР, одна из активных участниц фронтовых артистических бригад в годы Отечественной войны.

1945 ГОД

Стр. 474. *...Шура пошел в школу.* — Шура — старший сын А. А. Фадеева.

Стр. 475. *...по погибшем Борисе...* — брате А. А. Фадеева (по матери) — Борисе Глебовиче Свитыче, погибшем в годы Отечественной войны.

1946 ГОД

Стр. 477. *... вылетел из Москвы в Чкалов...* — А. А. Фадеев был избран в 1946 году депутатом Верховного Совета СССР по Сорочинскому избирательному округу Чкаловской (ныне Оренбургской) области, в связи с чем выезжал в январе 1946 года в Чкалов (Оренбург) для встреч со своими избирателями.

Стр. 478. *Неплюев* Иван Ивaпович — русский государственный деятель XVIII века. Был начальником Оренбургского края, сторонник преобразований Петра I.

Григорьев Аполлон Александрович — русский поэт и критик.

Стр. 479. *Джангильдин А. Т.* — один из активных участников борьбы за установление Советской власти в Казахстане.

Стр. 483. *Рассказ «Ляля».* — Этот рассказ А. А. Фадеевым написан не был.

Музыка Глюка в этой опере... — то есть в опере композитора Х.-В. Глюка «Орфей» (1774).

Стр. 484. *Статья Т. Мотылевой о Горьком...* — Речь идет о статье Т. Мотылевой «Мировое значение Горького», опубликованной в газете «Комсомольская правда» 18 июня 1946 года.

Стр. 485. *...с Линой...* — Лина — Степапова Ангелина Осиповна, жена А. А. Фадеева, артистка МХАТ, народная артистка СССР. *София.* — Имеется в виду Софийский собор в Киеве.

1947 ГОД

Стр. 486. *Разрушенный, поверженный Берлин.* — В марте 1947 года А. А. Фадеев в составе делегации Верховного Совета СССР по приглашению палаты общин и палаты лордов Велико-

Британии вывозжал в Лондон. По пути в Великобританию он ненадолго останавливался в Берлине.

...тезисы в «Культуре и жизни»... — Имеется в виду редакционная статья, опубликованная в газете «Культура и жизнь» 11 марта 1947 года под названием «О большевистской партийности советской литературы».

Стр. 489. *...даже Миша...* — младший сын А. А. Фадеева.

В. И. — дачный сторож В. И. Лобанов.

Стр. 491. 6 сентября. — Запись за 6 сентября и следующая — за 7 сентября — относятся к работе писателя над пятой и шестой (заключительными) частями романа «Последний из удэге».

Стр. 493. *Отрывок этот (встреча с хунхузами) был напечатан...* — Отрывок «Хунхузы» был напечатан в ростовской комсомольской газете «Большевистская смена» в ноябре 1926 года (№ 42, 43 и 44).

1948 ГОД

Стр. 495. *«Маленькие дикари»* — книга Э. Сетон-Томпсона.

Н. М. Пржевальский. *Путешествие в Уссурийском крае.* — Речь идет о книге Н. М. Пржевальского. Путешествие в Уссурийский край было совершено Н. М. Пржевальским в 1867—1869 годах.

Стр. 496. 17 апреля. — На тетради, объединяющей записи с 17 апреля 1948 по 12 апреля 1951 года, рукой А. А. Фадеева помечено: «Барвиха — Переделкино — Латвия — Москва».

Последняя запись писателя, относящаяся к предполагаемому окончанию романа «Последний из удэге».

Стр. 501. *Есенин писал...* — Далее приводятся две строчки из поэмы С. Есенина «Анна Снегина». У Есенина эти строки читаются так:

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочье...

Итоги по Белинскому за две недели... — Далее в оригинале идет перечень прочитанных «за две недели» А. А. Фадеевым статей и книг В. Белинского, Н. Чернышевского, Н. Добролюбова, М. Горького, В. И. Лепина, И. Сталина, Г. Плеханова В. Воровского, С. Кирова и других (всего около пятидесяти названий).

Стр. 502. *К материалам о нашем подполье при немцах.* — Записи за октябрь—ноябрь 1948 года, а также большинство записей 1949—1950 годов относятся к работе А. А. Фадеева над второй редакцией романа «Молодая гвардия».

...книга Линькова. — Имеется в виду книга Г. М. Линькова «Война в тылу врага» (изд-во «Советский писатель», 1947).

Подробнее о работе писателя над второй редакцией романа — см. в примечаниях к роману «Молодая гвардия» (т. 3 наст. изд., стр. 669—678).

1949 ГОД

Стр. 506. *О ворошиловградском подполье.* — Эта и последующие записи относятся к роману «Молодая гвардия».

1950 ГОД

Стр. 511. *О краснодонском подполье при немцах.* — Эта и последующие записи относятся к роману «Молодая гвардия».

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ

(Высказывания о литературе и искусстве)

Впервые опубликованы в журнале «Новый мир», 1957, № 2 (публикация С. Н. Преображенского).

«Субъективные заметки» представляют собой извлечения из записных книжек писателя.

Высказывания А. А. Фадеева — острые, часто спорные, но всегда очень страстные и искренние, свидетельствуют о большом диапазоне эстетических взглядов и интересов писателя и, прежде всего, о постоянном его стремлении всеми силами способствовать развитию советской культуры.

История этих «Заметок» такова. В 1947 году по просьбе творческой секции московских писателей-прозаиков А. Фадеев выступил с докладом «О своей работе», в котором он впервые процитировал некоторые из своих записей ранних лет — о русских писателях-классиках. Доклад этот вызвал большой интерес писательской общественности, но, к сожалению, не был опубликован из-за плохой — неполной стенографической записи.

Идея создания «Субъективных заметок» родилась в процессе подготовки сборника «За тридцать лет».

Отказавшись от восстановления записи доклада «О своей работе», А. Фадеев в одном из писем к редактору-составителю сборника «За тридцать лет» писал: «Не горюйте о стенограмме «О своей работе». Ее «теоретическая» часть изложена в других статьях. Факты о написании «Молодой гвардии» изложены в двух выступлениях перед читателями. А то, что там есть о русской классике, — незавершенное цитирование моей записной книжки, —

это я все выберу из своих записных книжек, и мы это дадим под названием «Субъективные заметки» (о русской классике) — как завершающее к разделу о языке, о своей работе и пр.».

Замысел этот был реализован значительно полнее. В «Субъективные заметки» включены высказывания не только о русской классике, но и о творчестве ряда западноевропейских писателей, художников и композиторов, а также о многих творческих проблемах литературы и искусства, которые всегда горячо волновали А. Фадеева.

Фадеев хотел продолжить эти «Заметки», включив в них свои записи о киноискусстве и, в первую очередь, о творчестве тех деятелей советской кинематографии, с которыми он был связан многими годами дружбы и совместной творческой работы (С. М. Эйзенштейн, Э. И. Шуб, А. П. Довженко, В. И. Пудовкин, С. А. Герасимов и др.). Однако этот замысел остался невыполненным.

«Субъективные заметки» — самая последняя работа А. Фадеева. Над подготовкой их к изданию он работал до последнего дня своей жизни.

Все заметки разделов «Русская литература», «Западная литература» и «О живописи» публикуются в последовательности, определенной самим А. Фадеевым. В разделе «На разные темы» записи приводятся в хронологическом порядке (по времени написания).

Субъективные заметки были включены в сборник «За тридцать лет», где они печатались по машинописным копиям записных книжек, просмотренным и исправленным автором в 1956 году.

Русская литература

О БЕЛИНСКОМ

Записи от 5 и 9 мая 1948 года.

О ПУШКИНЕ

Записи от 3 марта 1953 года («Евгений Онегин») и 21 апреля 1944 года («Проза Пушкина»).

Стр. 524. ...*Нечкина в своей интересной статье...* — Речь идет о статье М. Нечкиной «Народ и культура», опубликованной в «Литературной газете» за 22 ноября 1952 года.

О ТУРГЕНЕВЕ

Запись от 30 мая и 28 июня 1944 года.

О ДОСТОЕВСКОМ

Запись от 8 августа 1952 года.

О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Запись от 28 августа 1952 года.

От слов: «В Рахметове, Кирсанове...» — и до конца — дописано в апреле 1956 года.

О ЛЕСКОВЕ

Запись от 9 сентября 1946 года.

ОБ ЭРТЕЛЕ

Запись от 8 сентября 1952 года.

Полное название романа А. И. Эртеля — «Гарденипы, их дворня, приверженцы и враги» (1889).

О ЧЕХОВЕ

Запись от 24 мая и 8 июня 1944 года.

О РАННЕМ ГОРЬКОМ

Запись от 17 июля 1944 года.

От слов: «Характеры в его драмах...» — и до конца — дописано в апреле 1956 года.

О ЛЕОНИДЕ АНДРЕЕВЕ

Запись от 22 января 1955 года.

От слов: «Леонид Андреев, если даже брать его только как художника...» — и до конца — дописано в апреле 1956 года.

ИЗ «ИСТОРИИ ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» ШЕРРА

Запись от 15 ноября 1943 года.

Западная литература

О КНИГЕ Б. Г. РЕИЗОВА «ТВОРЧЕСТВО БАЛЬЗАКА»

Записи от 20, 22, 23, 24 и 31 июля, 1, 2, 15, 25, 27 и 28 августа 1945 года.

О СТЕПДАЛЕ

Запись от 31 марта 1955 года.

От слов: «В этом сила обоих...» — и до конца — дописано в мае 1956 года.

О ФЛОБЕРЕ

Запись от 22 декабря 1952 года.

О ЗОЛЯ

Запись от 23 мая 1940 года, 14 июня и 14 июля 1944 года.

Стр. 551. *Мужественная статья...* — Статья Э. Золя «Жаба» была опубликована на русском языке в журнале «Интернациональная литература», № 3—4 за 1940 год.

Стр. 552. *...Мопассан прекрасно разобрал стихи юного Золя...* — Статья Ги де Мопассана «Эмиль Золя» опубликована там же.

О МОПАССАНЕ

Запись от 1 февраля 1946 года.

ЧЕСТЕРТОН О ДИККЕНСЕ

Записи от 10, 11, 12 и 14 июня 1944 года.

О ХАЛДОРЕ ЛАКСНЕССЕ

Записи от 4 и 7 марта 1955 года.

О КЛАССИКАХ СЛОВАЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Запись от 2 ноября 1946 года.

К ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУР НАРОДОВ ВОСТОКА

Запись от 22 сентября 1947 года и 9 ноября 1948 года.

От слов: «...духовно связанных с прогрессивными силами России...» — и до конца — дописано в мае 1956 года.

О живописи

ХУДОЖНИКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Записи от 13 февраля 1937 года, 16 ноября 1938 года, 29 сентября и 1 октября 1944 года, 12 декабря 1952 года. Сделаны после посещений Национальной галереи (Лондон) и Музея изобразительных искусств (Москва).

ОБ ИМПРЕССИОНИСТАХ

Записи от 4—9 января 1935 года, 23 марта 1940 года, 1 октября 1944 года.

Сделаны после посещений Государственного Эрмитажа в Ленинграде.

ХУДОЖНИКИ РУМЫНИИ

Запись от 20 декабря 1952 года.

РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ XVIII ВЕКА

Запись от 15 декабря 1952 года.

Заметка написана после прочтения книги Г. В. Жидкова «Русское искусство XVIII века», «Искусство», М. 1951.

СУРИКОВ

Запись от 1 марта 1937 года.

Сделана после посещения выставки картин В. И. Сурикова.

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

1

Недостаток многих произведений... — Запись от 27 января 1935 года.

2

Качалов в роли Ивара Карено. — Запись от 16 февраля 1935 года.

Речь идет об исполнении народным артистом СССР В. И. Качаловым роли Ивара Карено в пьесе Гамсуна «У врат царства» в постановке МХАТ.

В социологической литературной критике... — Запись от 3 марта 1935 года.

Читая Станиславского... — Записи от 3, 20, 21 марта и 22—28 апреля 1935 года. Сделаны в процессе чтения книги К. С. Станиславского «Моя жизнь в искусстве».

Пятая симфония Шостаковича. — Запись от 18 марта 1938 года.

К полемике с А. Дерманом. — Запись от 23 марта 1940 года.

Статья Тьерри Монье («Аксион Франсез», 10/12 1942 г.). Статья Жозефа Вуазена в «Эффор» (Клермон Ферран, 10/1 1943 г.). — Записи от 3 августа 1943 года.

Ни на Западе, ни в Америке... — Запись от 30 мая 1946 года.

Из письма архитектора В. П. Стасова (1769—1848) к жене. — Запись от 22 апреля 1950 года.

О многообразии форм внутри социалистического реализма. — Запись от 22 апреля 1950 года.

Часто обнаруживаемое противоречие... — Запись от 19 августа 1950 года.

Из книги Алексея Кожеевникова «Живая вода». — Запись от 8 сентября 1950 года.

Разработать тему о так называемой «романтической»... — Запись от 16 января 1955 года.

В применении к поэзии... — Запись от 2 марта 1955 года.

Высказывание Маркса о древнегреческом искусстве... — Записи от 3—17 марта и 10 апреля 1955 года.

Пустые диалоги и мусор... — Запись от 29 марта 1955 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи и речи

Белинский и наша современность	7
Величественное искусство	33
Наш молодой читатель	36
Показать человека в его труде	40
О некоторых причинах отставания драматургии . .	45
Ответы на вопросы корреспондента французского журнала «Эспри»	58
О советской литературе	65
За мир во всем мире!	73
За дружбу между народами!	81
Речь на Первом Всемирном конгрессе сторонников мира	85
Светлый и всеобъемлющий гений	95
О недостатках литературы и о литературной критике	99
Литературоведение и критика	116
О связях русской и итальянской литератур	122
За коллегиальное руководство литературой	125
Речь на массовом митинге в защиту мира в Сток- гольме	133
Речь на Втором Всемирном конгрессе сторонников мира	137
Литература и язык	146
Труд писателя	151
Наш Горький	162

Памяти Петра Павленко	165
Идти прямо в жизнь — любить жизнь!	168
Мы — писатели нового типа	186
О драматургии	189
О некоторых вопросах культуры нашей молодежи .	198
За высокую идейность и мастерство в литературе!	205
За великую литературу коммунистического общества!	208
(Еще о драматургии)	214
О работе Союза писателей	218
Наши очередные задачи	233
Не допустить развязывания атомной войны! . . .	253
Заметки о литературе	259

Рецензии и заметки

О рецензии на пьесу А. Корнейчука «Богдан Хмель- ницкий»	325
Е. Усиевич, Сборник критических статей	325
К. Симонов, «Первая любовь»	326
Б. Ивантер, Сборник рассказов	326
Вяч. Афанасьев, Стихотворения	327
М. Никитин, «Енисейская книга»	327
О двух рукописях В. Шкловского	328
С. Гехт, «Вместе»	329
Леонид Лавров, «Лето»	330
А. Михалевич, В. Овечкин, Три очерка	331
Б. Житков, «Виктор Вавич»	331
Маргарита Алигер, «Письма на фронт»	331
В. Кочетков, «Отрочество»	332
А. Бондаревский, «Два кургана»	333
О. Курганов, «Линия Красных гор»	333
В. Козин, «Песнь эскадрона».	334
В. Козин, «Семь стариков»	336
Александр Розен, «Зимняя повесть»	337
Алексей Югов, «Бессмертие»	337
К. Клосс, «Сила народа»	340
Янка Купала, Избранные произведения	341
Е. Тараховская, «Двенадцать тополей»	341
К. Осипов, «Екатерининские новеллы»	342
Н. Емельянова, «Хирург»	343
Дмитрий Осин, «Новые судьбы»	343
Павел Антокольский, «Война и культура»	344

А. Чаковский, «Перед рассветом»	344
Лев Успенский, «1916 год»	345
А. Черненко, «Мужество»	346
А. Авдеенко, «Человек, которого мы любим» . . .	346
А. Коптяева, «Товарищ Анна»	348
П. Замойский, «Молодость» (<i>Первый вариант</i>) . .	349
П. Замойский, «Молодость» (<i>Второй вариант</i>) . .	351
В. Авдеев, «Перед грозой»	351
Б. Леонидов, «Третья палата»	351
В. Овечкин, «С фронтовым приветом!»	352
Ф. Панферов, «Борьба за мир»	352
В. Панова, «Спутники»	352
В. Ермилов, «Чехов»	352
М. Ефетов, «Два письма»	353
А. Гидаш, «Господин Фицек»	354
Ю. Либединский, «Баташ и Батай»	355
В. Лидин, «Изгнание»	355
Н. Толпегин, «В сопках Приморья»	356
Алексей Югов, «Даниил»	357
Сабит Муканов, «Сыр-Дарья»	358
Н. Заболоцкий, Стихотворения	358
В. К. Тренев, «Невельской»	359
В. Ардов, «Озорник»	360
Ф. А. Березовский, «Бабли тропы»	360

З а п и с н ы е к н и ж к и

ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК	365
«СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ». <i>Высказывания</i> <i>о литературе и искусстве</i>	519

Р у с с к а я л и т е р а т у р а

О Белинском	519
О Пушкине	524
О Тургеневе	526
О Достоевском	528
О Чернышевском	529
О Лескове	531
Об Эртеле	531
О Чехове	532

О раннем Горьком	537
О Леониде Андрееве	537
Из «Истории всемирной литературы» Шерра . . .	538

Западная литература

О книге Б. Г. Рейзова «Творчество Бальзака» . , .	539
О Стендале	548
О Флобере	550
О Золя	551
О Мопассане	552
Честертон о Диккенсе	553
О Халдоре Лакснесе	556
О классиках словацкой литературы	557
К истории литератур народов Востока	558

О живописи

Художники Возрождения	559
Об импрессионистах	562
Художники Румынии	564
Русские исторические портреты XVIII века . . .	565
Суриков	565
На разные темы	569
ПРИМЕЧАНИЯ	585

Александр Александрович

Ф А Д Е Е В

Собрание сочинений, т. 6

Редактор Г. Колосова

Художественный редактор

С. Данилов

Технический редактор

Т. Таржанова

Корректоры Р. Пунга и А. Юрьева

Сдано в набор 26/III 1971 г. Под-
писано в печать 10/VIII 1971 г.
А-11726. Бумага 84×108¹/₃₂, печ.
л. 19,75 усл. печ. л. 33,18, уч.-изд.
л. 30,966. Тираж 100 000 экз.
Заказ 1035. Цена 1 р. 25 к.

Издательство

«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

**Ордена Трудового Красного Зна-
мени Ленинградская типография
№ 2 им. Евг. Соколовой Глав-
полиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР. Из-
майловский пр. 29**

10. 25K.